ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ЧИБИРОВ АЛЕКСЕЙ ЛЮДВИГОВИЧ

СКИФО-САРМАТО-АЛАНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX – НАЧАЛА XXI В.

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва

2026

Оглавление

Введение 6

Глава 1. Ираноязычные народы Юго-Восточной Европы. Историографические основы исследуемой темы 29

1.1. Иранские народы юга России. К истории вопроса 29

1.2. От поздней античности до конца XIX столетия. Становление алановедения и осетиноведения (конец XVIII – конец XIX вв.): от Г.Ф. Миллера до Ю.А. Кулаковского 56

1.3. Алано-осетинская проблематика в зарубежной историографии первой половины XX в. 73

Глава 2. Сармато-аланская проблематика: современное состояние вопроса (археология, языкознание, этнология) 89

2.1. А.С. Скрипкин. Всё о сарматах. Или почти всё 89

2.2. В.Ю. Малашев. История аланов в разрезе современной археологии 102

2.3. Д.С. Коробов. Археология в контексте комплексного подхода 112

2.4. С.А. Яценко. Искусство быть кочевником 118

2.5. С.В. Кулланда. Проблема скифского языка: аргументы *pro* и *contra* в разрезе исторических и лингвистических дискуссий 133

2.6. В.А. Шнирельман. «Аланы раздора» 148

Глава 3. Иранство как важная часть истории Восточной Европы. Вопросы скифологии в трудах М.И. Ростовцева 165

3.1. Русская античность М.И. Ростовцева 165

3.2. Аналитический обзор античных источников. Труды ученого по античности 183

3.3. Доскифский и догреческий юг России 208

3.4. М.И. Ростовцев об этногенезе киммерийцев и скифов 211

3.5. Археологические исследования М.И. Ростовцева по скифской проблематике 217

3.6. История, организация государства и социальное устройство Скифии по материалам работ М.И. Ростовцева 226

3.7. Северное Причерноморье в период скифской экспансии 239

3.8. Начало «иранизации» эллинов Боспорского царства. Сакрализация монархии 250

3.9. Религиозные верования скифов. Скифский пантеон. 255

3.10. Различные аспекты иранской степной культуры. Искусство скифо-сибирского звериного стиля 263

Глава 4. Происхождение сарматских культур, Сарматия, сарматы и Боспор в трудах М.И. Ростовцева 271

4.1. М.И. Ростовцев о письменных источниках по Степной Сарматии 271

4.2. М.И. Ростовцев об этногенезе иранских народов Восточной Европы 273

4.3. Изменения в Степи в эллинистическое время, кризис Скифии и сарматы 284

4.4. Роль М.И. Ростовцева в формировании сарматологии как отдельного направления науки о кочевниках 287

4.5. Сарматы и Боспор 299

4.6. Сарматская и аланская компоненты Боспорского царства 307

4.7. Различные аспекты степной культуры эллинистического и римского времени. Сарматское, греко-сарматское и центральноазиатское искусство . 318

Глава 5. Г.В. Вернадский: история иранских народов древности сквозь призму идеологии евразийства 325

5.1. «Медные трубы» профессора Г.В. Вернадского 325

5.2. История Степи в отражении идеологии евразийства..... 337

5.3. Иранские народы Степи: происхождение и раса..... 347

5.3.1. Киммерийцы..... 349

5.3.2. Скифы. Социальная история 353

5.3.3. Народы скифского мира. Саки, массагеты, юэчжи, тохары..... 358

5.4. Сарматские народы юга России 367

5.5. О степени соотношения антов со славянами 377

5.6. Этногенез, политическая и социальная история аланов по Г.В. Вернадскому 386

5.6.1. Асы, ясы и асуды 395

5.6.2. Аланы в I–IV вв. Участие групп аланов в походе на Запад 396

5.6.3. Аланы на Кавказе после V в. 404

5.6.4. Аланы в эпоху Киевской Руси..... 408

5.6.5. Аланы в период монгольской экспансии 416

5.7. Наследие «иранцев» в отражении истории России 422

Глава 6. Алано-осетинская проблематика в современной зарубежной русскоязычной историографии (конец xx – начало XXI вв.) 444

6.1. М.М. Казанский. Аланы в Европе: Археологические маркеры..... 444

6.1.1. «Аланы на западе в эпоху переселения народов: археологические данные» 449

6.1.2. «Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные» 464

6.1.3. «Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях»..... 469

6.1.4. «Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VII вв.» 477

6.1.5. «Об аланах на Западе в Эпоху Великих Миграций: костюм с золотыми бляшками» 490

6.2. А.М. Лубоцкий. Алано-осетинские параллели на основе лингвистических данных 496

6.2.1. «Авестийская *xvarənah* – этимология и концепт» 498

6.2.2. «Древнеперсидское название месяца viyax(a)na-, авестийское viiāx(a)na- ‘красноречивый, хвастливый’ и осетинские праздники» 507

6.2.3. «Аланские заметки на полях византийского манускрипта» 5177

6.2.4. «Теогонии» Иоанна Цеца 5300

Глава 7. Сармато-аланская проблематика в зарубежной русской – осетинской историографии 543

7.1. «Идеальная Осетия» Дзамболата Дзанти 543

7.2. Дзегка Зураев. История Алании: взгляд эмигранта 559

7.3. Борис Мысыккаты: Исторические и мифологические аспекты культурного наследия Алании-Осетии 569

Заключение … 585

Список сокращений 595

Список источников и литературы 597

Источники 597

Литература 604

Введение

Актуальность темы исследования. В условиях глобализации и быстрого изменения социальных и культурных реалий, заметной унификации, роста миграций, подчас причудливых комбинаций в отношениях между государствами и растущего влияния разных форм интернет-общения, вопросы *исторической идентичности* становятся ключевыми для формирования национального самосознания. Изучение наследия народов, населявших юг России, в первую очередь – таких, которые оказали заметное влияние на ход истории Восточной Европы, позволяет не только осмыслить прошлое, но и выявить многообразие культурных влияний, которые продолжают жить в современном обществе. История юга России – региона, выступившего в древности и Средние века активной этнокультурной контактной зоной, полна фиксируемыми археологией и нарративными источниками фактами разностороннего взаимодействия между различными этническими массивами и группами, обусловившими процессы культурного синтеза, возникновения новых социокультурных образований, этнокультурного многообразия. Это разнообразие наблюдается в широкой палитре языков, традиций, в декоративно-прикладном искусстве, в повседневном быту. Понимание происходивших исторических процессов, анализ исторической мысли, освещающей историю народов, проживавших в древности и Средние века на юге России, помогает не только в сохранении культурного наследия, но и в построении и упрочении диалога между разными народами нашей страны, что приобретает сегодня особую актуальность.

Иранский компонент, как и славянская, тюркская, финно-угорская, нахская, адыго-абхазская и другие этноязыковые составляющие, является важной основой российской идентичности, и именно поэтому наследие скифов, сарматов и аланов привлекало и привлекает внимание многочисленных исследователей и широкой общественности. Такие знаменитые этносы, как скифы, сарматы и аланы, сыграли важную роль в знаковых событиях

всемирной истории, а их история, культура и искусство сегодня привлекают внимание специалистов из многих стран. Несмотря на обострение во многих регионах мира проблем, связанных с крайними проявлениями национализма, научное сообщество сегодня, как правило, относится к проблеме этно- и культурогенеза древних иранцев безэмоционально, в первую очередь исходя из научной целесообразности. Этому способствует, прежде всего, подход, сопровождаемый выработанной за последние несколько десятилетий научными школами структурой и методикой работы с источниковой базой (в том числе и новое прочтение древних письменных памятников), а также с археологическими артефактами. Более того, появились различные новаторские методы (в частности, палеогенетические исследования, изучение археологических объектов посредством аэро- и космических снимков, уточняется радиоуглеродное датирование и т.д.), которые существенно обогатили исследовательские возможности.

Вопросы исторической, лингвистической и культурной преемственности этих этнических массивов как никогда актуализировались в последние десятилетия не только в научных трудах, но и в сфере интересов широкой аудитории. Наряду с этим, сегодня наблюдается и всплеск псевдонаучных работ, отличительной чертой которых является неприкрытая, порой агрессивная, политическая и идеологическая региональная / этническая ангажированность, что никак не отвечает требованиям науки и интересам устойчивого и безопасного развития общества. Диапазон подобных фальсификаций в зависимости от степени общественной востребованности может быть разным – от попыток национального самоутверждения регионального масштаба до необходимости использования исторической риторики как дополнительной аргументации в региональных и международных политических диспутах. Особенно ярко это проявилось в самом полиэтничном регионе России – на Северном Кавказе. Проблематика вопроса была представлена, в том числе и в актуальной и своевременной монографии «История в зеркале паранауки» (2006) М.С. Гаджиева, В.А.

Кузнецова и И.М. Чеченова[1]. Наглядной демонстрацией того, как историческая наука, вовлеченная в идеологические споры, может стать инструментом политики, служит история средневековой Алании – крупнейшего государства региона в X-XIII вв., которая в последние десятилетия стала объектом многочисленных и разнообразных форм «этнического присвоения» со стороны некоторой части региональных, этноцентристски ориентированных интеллектуалов, часто не обладающих при этом соответствующей компетенцией в исторических дисциплинах.

Искажение роли сарматов и аланов в исторических процессах в частности, в Западной Европе началось еще в раннем Средневековье, что отмечает и В.Б Ковалевская. Согласно ей, игнорирование политической роли аланов в истории Западной Европы «связано с франкской исторической традицией, начиная с Фредегара (VII в.), который имя Алан заменил на Франка»[2]; речь идет о франкском хронисте середины VII в. Это было обусловлено, прежде всего, с идеологическим вектором раннесредневековой Европы, нацеленным на интересы элит тогдашних крупных государств и этносов. Новым европейским элитам во Франции, Англии, Арагоне, Португалии и государствах Северной Италии аланы были ни к чему. Однако сегодня в таких странах, как Испания, Португалия, Великобритания, Норвегия, Венгрия отмечается определенный интерес к сармато-аланской тематике как части их древней истории. Такие исследователи, как М.М. Казанский (Париж, Франция), А.М. Лубоцкий (Лейден, Нидерланды) и Б. Мысыккаты (Малага, Испания), активизируют интерес западноевропейской общественности к сармато-аланской проблематике. Их научные труды по тематике подробно рассматриваются в диссертационной работе.

В последние десятилетия среди некоторых представителей народов Северного Кавказа наблюдается повышенный интерес к истории номадов, в

[1] Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. 292 с.

[2] Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. С. 74.

особенности аланов и гуннов, и если ранее этот интерес не выходил за рамки научного дискурса, то сегодня интеллектуальные элиты некоторых северокавказских народов в поисках своей идентичности обращают взоры в прошлое, при этом чрезмерно его идеализируя, с целью придать своему этносу бóльшую значимость в лице «престижных предков». К примеру, все чаще можно наблюдать стремление определенной части национальных элит соседних с Северной Осетией народов к политизации и, соответственно, к ревизии проблемы этногенеза осетин, что сопровождается произвольной интерпретацией и искажением исторических фактов[3], когда игнорируются исторические источники, не отвечающие сиюминутным политическим и социокультурным ожиданиям отдельных групп. Борьба за аланское историко-культурное наследие на Северном Кавказе, за право называться «прямыми» и «единственными» наследниками и потомками аланов, вовлекла в это этнополитическое и социокультурное противостояние интеллектуалов нескольких соседних народов. Алания, объединившая в X в. почти все этнически пестрое население большей части северокавказского региона, становится сегодня объектом притязаний со стороны далеких потомков этих групп. С одной стороны, предпринимаются попытки доказать тюркоязычность североиранских народов, населявших некогда южнорусские степи и Северный Кавказ, а с другой – убедить в том, что аланы были исключительно нахоязычными. Немало пишется и о присутствии / отсутствии групп аланов к югу от Кавказского хребта. В подобном взгляде на прошлое превалирует национальная, идеологическая, пропагандистская, но никак не научная составляющая вопроса. В целом изучение темы актуально с точки зрения часто меняющейся общественно-политической ситуации на Северном Кавказе и в

[3] См. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. 184 с.; Моллаев Т.А. Новый взгляд на историю осетинского народа. Нальчик: Ridero, 2010. 111 с.; Захаров В.А. История алан. Вчера и сегодня. М.: Вече, 2021. 320 с.; Джуртубаев М.Ч. Происхождение нартского эпоса. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. 802 с. Стоит отметить и осетинских авторов, которые слишком вольно обращаются с историческим материалом – см., в частности: Хамицаев В.Л. Балаев А.Ч. Давид Сослан, Фридрих Барбаросса. Алания от Палестины до Британии. Владикавказ: Изд-во журнала «Дарьял», 1992. 16 с; Козаев П. К. Аланы-арии. Происхождение и древнейший период истории. Владикавказ: Проект-Пресс, 2000. 348 с.: Козаев П.К. Кавказ – древняя родина осетин. Владикавказ: Ир, 2012. 152 с.

Закавказье. В силу определенной специфики региона особенно важен научный взгляд на вопросы, связанные с историческим прошлым народов, проживающих на Кавказе. Ненаучный подход может стать дополнительным катализатором дестабилизации общественно-политического процесса, как на Кавказе, так и в России в целом.

Вполне естественно, что сарматское, аланское, и отчасти скифское влияние на Северном Кавказе распространялось и на племена, с которыми они на протяжении многих веков соприкасались в его предгорьях и в походах через горные перевалы. Бесспорно также, что средневековые аланы прямо или косвенно являются частью истории, прошлого многих современных народов Кавказа. К примеру, миксация определенной части кавказцев, аланов и половцев в единую общность в средневековье заложила этническую основу карачаевцев и балкарцев. Х.Х. Малкондуев подчеркивает, что «симбиоз аланских и … тюркских племен еще в древности породил этническую основу карачаево-балкарской народности», и тут же добавляет: «Возможно, что в формировании карачаево-балкарского народа могли сыграть определенную роль и древние кавказские этносы, о которых мало что известно науке»[4]. Результатом этого смешения стал тот факт, что часть аланов, утеряв исконные язык и культуру, растворилась в тюркоязычной среде. Однако следует отметить, что, судя по современным лингвистическим, историческим, фольклорным и иным данным, наиболее значительный вклад аланы внесли в формирование осетинского народа, и здесь основными маркерами являются язык[5], ярко выраженные элементы культуры аланов, нашедшие свое отражение в религии и быте осетин, и осетинская Нартиада[6]. Автор придерживается

[4] Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. Нальчик: Принт Центр, 2017. 148 с. С.10-11.

[5] См: Памятники аланского языка и письма / Сост. Ю.А. Дзиццойты. М.: Наука, 2016. 192 с. Особого внимания заслуживает книга А.М. Лубоцкого: Lubotsky A. *Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript* (Veröffentlichungen zur Iranistik, 76 / Grammatica Iranica 2.) Wien: Verl. Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. 82 S.

[6] Общее количество сказаний осетинской Нартиады с вариациями насчитывает более чем восемьсот, что существенно больше всех остальных вариантов других кавказских сказаний о Нартах. К примеру, только сказание о Урузмаге и его безымянном сыне известно специалистам в двадцати трех вариантах. В то же время в фондах СОИГСИ ВНЦ РАН имеется большое количество сказаний, записанных специальными группами, так называемыми «бригадами» исследователей в горских обществах Осетии в первой половине XX в., которые до

академически обоснованной концепции о «двуприродности» этногенеза осетин как потомков древних номадов и древнего северокавказского горского населения.

В октябре 1966 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) состоялась специальная всесоюзная научная сессия по вопросу этногенеза осетинского народа, на которой было аргументировано положение о «двуприродности» происхождения осетин. В.И. Абаев озвучил эту концепцию следующим образом: в осетинском этногенезе участвовали, с одной стороны, кавказские элементы, которые выступили как субстрат, с другой – сармато-аланские, в качестве суперстрата определившие не только язык, но и многие черты материальной и духовной культуры: «Никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний»[7]. Долгое время вопросы субстрата оставались без соответствующего компетентного ответа; при этом часть общественности Северного Кавказа реагировала на подобные заключения немного болезненно. В последние десятилетия археология, прежде всего трудами М.П. Абрамовой[8] и В.Ю. Малашева[9], приоткрыла завесу, позволяющую внести некоторую ясность в этот вопрос, определив кавказский субстрат, на который «наложился» аланский (среднесарматский) суперстрат, как потомков носителей поздней кобанской культуры и населения северокавказских степей (комплекс археологических памятников III в. до н.э. – начала II в. н.э. типа Чегем-Манаскент). Памятники

сегодняшнего дня не полностью введены в научный оборот. Проблема заключается в том, что тексты были записаны так называемым «химическим карандашом», их невозможно разобрать без соответствующей специальной обработки. Также отмечено, что чем дальше от Осетии, тем скуднее вариации эпоса. Например, образ трикстера Сырдона – одного из ключевых персонажей сказаний, наиболее полно раскрыт именно в осетинской Нартиаде, где ему посвящен отдельный цикл сказаний, в то время как в остальных национальных версиях (в основном у непосредственных соседей осетин – чеченцев, ингушей, кабардинцев и балкарцев) он упоминается вскользь, лишен функций самостоятельного героя или отсутствует вообще (абхазы, черкесы).

[7] Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа / Под ред. Б.А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 18.

[8] Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М: ИА РАН.,1993. 242 с.

[9] Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н.э. М: ИА РАН, 2016. 208 с.; Малашев В.Ю., Маслов В.Е. Курганы-кладбища центральных и восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. (памятники типа Чегем-Манаскент) // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 2. С. 81-132.

этого типа являются ярким примером симбиоза пришлой, кочевнической и местной культур.

Политическая и социальная история разных групп скифов, сарматов и аланов (включая средневековых) в предыдущее столетие была освещена относительно подробно в работах таких ученых, как Б.Н. Граков, М.И. Артамонов, А.М. Хазанов, А.Ю. Алексеев, Д.С. Раевский, В.И. Гуляев, В.С. Ольховский, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, А.С. Скрипкин, А.И. Иванчик, В.А. Кузнецов, М.П. Абрамова, С.Н. Савенко и др. (наиболее актуальные и новейшие разработки характеризованы ниже). И все же, одним из заметных пробелов можно считать слабый охват зарубежной историографии, представленной рядом крупных исследователей, оказавшихся волею судеб в эмиграции двумя основными волнами – после Октябрьской революции и в 70-90-х гг. XX в. В советский период часть исследований зарубежных авторов становилась известной советским ученым практически сразу: на них ссылались, их критиковали, часто исходя из идеологических норм того периода, не забывая при этом обвинять коллег в «буржуазности»[10]. В любом случае, мнение западных коллег всегда представляло интерес для советских ученых. В идеологическом плане они были интересны в качестве объекта для критики, что никак не умаляло значения их работ для науки в целом.

В подобной ситуации представляется полезным сопоставить проблемы этно- и культурогенеза североиранских народов, алано-осетинской преемственности с позиций советских / постсоветских исследователей, и зарубежных ученых-эмигрантов, чьи исследования развивались параллельно, однако в силу идеологических противоречий политических систем сами исследователи не всегда имели доступ к результатам научных изысканий коллег. Можно попытаться выяснить, как в зависимости от общественно-политической ситуации и других факторов трансформировались взгляды

[10] Официально они публиковались редко, иногда бытуя в виде «рабочих» переводов. В частности, книга Т. Сулимирского «Сарматы: древний народ юга России», вышедшая впервые в 1970 г. в Лондоне, до ее официального представления была известна как минимум в двух «рабочих» переводах, которые были доступны единичным специалистам.

российских зарубежных ученых на проблематику, и как связь с Родиной или отсутствие её качественно способствовали этим изменениям.

Степень изученности проблемы. Задавшись таким вопросом, можно заметить, что интерес к ученым российского происхождения, занимавшихся (и занимающихся) древними ираноязычными народами Юго-Восточной Европы, выстроивших при этом за рубежом немалую часть своей научной карьеры, пока фрагментарен и распределен очень неравномерно. Это лишний раз обуславливает необходимость разработки данной темы. В советский период особой критике подвергались работы эмигрантов «первой волны» (М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский) которые, помимо прочего, воспринимались как «предатели интересов пролетариата» и носители «буржуазных» научных идей. В критике научных подходов и заключений М.И. Ростовцева, исходя из марксистско-ленинской методологии, представлений и глубины познаний археологов о реалиях кочевых обществ, вполне искренне сходились ведущие скифологи и сарматологи СССР. Однако в середине – второй половине XX в., со времен М.И. Артамонова, затем Ю.М. Десятчикова, и особенно в перестроечный и постперестроечный периоды, в публикациях Э.Д. Фролова, В.Ю. Зуева, И.В. Тункиной и ряда других исследователей негативные и настороженные оценки сменились искренним интересом и даже вполне оправданной апологией. К примеру, наиболее полно в контексте «иранства» труды М.И. Ростовцева рассмотрены В.Ю. Зуевым[11], который, наряду с И.В. Тункиной приложил немало усилий для мемориализации памяти М.И. Ростовцева. Особой заслугой В.Ю. Зуева можно считать введение в научный оборот ранее неопубликованных глав из предполагаемого второго тома «Скифии и Боспора»[12].

Куда более жестким и даже ироничным было отношение к зарубежному творчеству активного сторонника евразийства Г.В. Вернадского (С.П. Толстов, М.Н. Тихомиров и др.). В постсоветское время его исторические концепции (и

[11] Зуев В. Ю. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел / Отв. ред. Г.М. Бонград-Левин. М.: РОССПЭН, 2003. С. 580-604.
[12] Зуев В.Ю. О публикации новых глав труда акад. М.И. Ростовцева // ВДИ. 1989. № 1. С. 207.

отчасти – относительно роли иранских народов Степи) стали объектом серьезного внимания в монографиях Ч. Гальперина, А.Ю. Дворниченко, диссертациях А.Ю. Бондаря, Н.Е. Соничевой и др. Весь этот материал подробно рассматривается в соответствующих главах 3, 4 и 5 диссертационного труда. Вопрос систематизации и обобщения материала по истории аланов и Алании из основных работ Г.В. Вернадского, а также его взаимоотношения с Дз. Дзанти, который оказал влияние на его алано-осетинские исследования, ранее не рассматривался. Одна из первых подобных попыток была предпринята автором в монографии 2018 г.[13]. Также стоит отметить, что до сих пор нет серьезных очерков о научной и общественной деятельности эмигрантов-осетин того периода – Дз. Дзанти и Дз. Зураева.

Отношение к эмигрантам из позднего СССР и сразу после его распада было куда более спокойным. Между тем, анализ их работ может существенно дополнить картину научного творчества наших соотечественников, оказавшихся за рубежом. Это ныне действующие ученые – М.М Казанский, А.М. Лубоцкий и Б. Мысыккаты, которые поддерживают активные контакты с российскими коллегами. Возможно, именно поэтому комплексную характеристику их творчества по теме диссертационного труда никто пока не давал. В силу особенностей ситуации, их интересует не скифская, а сармато-алано-осетинская проблематика.

Для понимания актуальности трудов ученых-эмигрантов также важна оценка творчества ведущих *современных* российских специалистов по широкому спектру вопросов, связанных с историей и культурой древних иранцев Восточной Европы. Между тем, подробно она до сих пор никем не давалась. Именно поэтому в главе 2 рассмотрены работы отечественных исследователей по сарматам и аланам (скифская тематика для эмигрантов важна лишь в трудах акад. М.И. Ростовцева).

Для изучения истории древних иранцев Восточной Европы, безусловно, огромное значение имеет ряд античных и средневековых письменных

[13] Чибиров А.Л. Г.В. Вернадский: Славяно-Аланика (История одной истории). Владикавказ: Ир, 2018. 160 с.

источников[14], в которых приводятся различные факты их истории и культуры. Этой тематикой занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи[15], однако сармато-аланская проблематика, ее связь с современными осетинами никогда прежде, как уже отмечалось, не рассматривалась в контексте российской зарубежной историографии. Приходится констатировать, что на сегодня четкой истории скифологии, к сожалению, нет. Есть ее очень краткие и уже заметно устаревшие очерки[16], или же она подается своеобразно – как последовательность изучения единичных курганов аристократии и т.п.[17]. По истории сарматологии тоже имеются лишь весьма краткие очерки[18]. Именно этим и обусловлена характеристика работ основных современных ученых, охватывающих все аспекты проблематики – от сарматской и аланской истории и археологии до иранского языкознания и этнологии. Эти материалы представлены в главе 2. По истории алановедения в советский и постсоветский периоды также есть небольшие статьи А.Х. Хадиковой[19] и С.А. Айларовой[20], но эти публикации требуют серьезных дополнений.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является обзор и разносторонний анализ научного творчества по истории, археологии, языкознанию и религиоведению *известных представителей российского*

---

[14] См.: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1-2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1900-1906.; Вестник древней истории. 1946-1947; Доватур А.И. Каллистов Д.П. Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.; Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эльбрус, 1990. 136 с.; Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с.

[15] Миллер В.Ф. Осетинские этюды (Репринтное издание). Ч. I-III. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 707 с.; Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. СПБ.: Огни, 1918. 190 с.; Скифия и Боспор. СПб. ИИМК РАН, 2013. 632 с.; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь-Москва: ЛЕАН, 1996. 448 с.; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 304 с.; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 256 с.; Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.; Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвали: Ирыстон, 1989. 418 с.; Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1947. 199 с.

[16] См.: Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.: Наукова думка, 1983. 380 с. С. 8.

[17] Гуляев В.И. Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). 2-е изд. М.: ИА РАН. 2019. 656 с. С. 14-161.

[18] См.: Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2002. 441 с. С. 141-147.

[19] Хадикова А.Х. Алано-осетины в советской историографии // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 33. С. 168-184.

[20] Айларова С.А. Отечественное алановедение в постсоветский период // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 22. С. 5-17.

зарубежного научного сообщества XX-XXI вв., связанных с ключевой проблематикой *древних ираноязычных народов Юго-Восточной Европы* (этно- и культурогенез, история, общественный строй, основные культурные акценты, взаимоотношения с греко-римским миром, культурная преемственность и др.)[21]. Опорными для достижения данной цели являются труды М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, М.М. Казанского, А.М. Лубоцкого, Б. Мысыккаты. Для понимания культурной среды, в которой развивалась зарубежная алано-осетинская проблематика, показательны фигуры осетинских эмигрантов первой половины XX в. Дз. Дзанти и Дз. Зураева.

Для достижения цели диссертационного исследования выделен круг взаимосвязанных и взаимообусловленных задач:

– представить общий очерк достижений в скифологии, сарматологии, аланистики и осетиноведения в контексте темы диссертации;

– дать комплексный и сравнительный анализ трудов крупнейшего представителя российской зарубежной историографии по данной тематике – М.И. Ростовцева, как одного из первых крупных скифологов (на общественно-политическом фоне первой трети XX в.);

– представить комплексный анализ исследований М.И. Ростовцева, как основоположника сарматологии, по истории и культуре сарматов и, частично – ранних аланов;

– проанализировать совокупность идей Г.В. Вернадского о ранних кочевниках Восточной Европы, истории аланов, алано-осетинских параллелях, сармато-аланскому наследию и его роли в истории славян в контексте разделявшихся им идей евразийства и его связей с осетинскими эмигрантами;

– рассмотреть работы двух ведущих зарубежных исследователей российского происхождения второй волны эмиграции – М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого, посвященных соответственно археологическим памятникам

[21] Решению поставленных задач способствовали неоднократные консультации с М.М. Казанским, А.М. Лубоцким, Б. Мысыккаты, В.Ю. Малашевым, М.С. Гаджиевым, В.Б. Ковалевской, С.А. Яценко, И.О. Гавритухиным, Ю.А. Дзиццойты.

позднеантичных и раннесредневековых аланов и алано-осетинским лингвистическим параллелям;

– дать общий критический очерк трудов по скифо-алано-осетинской тематике ведущих представителей осетинской научной диаспоры обеих волн научной эмиграции (Дз. Дзанти, Дз. Зураева, Б. Мысыккаты).

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XX в. (время появления первых трудов М.И. Ростовцева, посвященных североиранским номадам) до современности, т.е. до начала XXI в. Фактически, мы рассматриваем деятельность ученых двух основных волн эмиграции – периода Гражданской войны (1918-1920 гг.) и 1970-1980-х гг., при этом эмиграция Б. Мысыккаты относится к 1990 гг. Тема раскрывается в целом в хронологической последовательности, хотя деятельность осетинских эмигрантов разных поколений из-за понятного сходства их научных предпочтений, рассматривается в комплексе в соответствующей главе.

Анализ в рамках двух разных поколений важен и потому, что он отражает разницу между исторической наукой более чем столетней давности, во многом с еще неустоявшейся методикой работы с рядом исторических источников, с археологическими артефактами и комплексами и с этнографическими параллелями и т.п. (М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский)[22], и историей на нынешнем этапе как более разнообразно оснащенной наукой (М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий, Б. Мысыккаты). В представляемой работе это было сделано на примере развития мысли российской зарубежной историографии в контексте сармато-аланской и отчасти скифской проблематики.

Территориальные рамки исследования охватывают территории исторического расселения ираноязычных народов Юго-Восточной Европы в

[22] В случае с М.И. Ростовцевым это было явной модернизацией социального строя скифского общества, не подтвержденное современной археологией, связанной с его стремлением поиска предтечи Руси-России по аналогии с Римом, а с Г.В. Вернадским – вольная интерпретация некоторых исторических фактов с акцентом на концепцию «евразийства», и «любительские» лингвистические построения. При этом Г.В. Вернадский вслед за М.И. Ростовцевым подчеркивал роль историко-культурного наследия североиранских скифо-сармато-аланских племен в жизни ранних славян и русского народа.

периоды античности и средневековья; прежде всего – это Северное Причерноморье и Северный Кавказ.

Объект исследования – научные концепции и связанная с ними деятельность ученых, представителей российского зарубежья XX – начала XXI в., занимавшихся проблематикой скифов, сарматов и аланов в основных ее аспектах.

Предмет исследования – этапы становления, эволюции и взаимовлияния во взглядах ведущих представителей двух основных поколений российских эмигрантов-ученых на вопросы истории, этно- и культурогенеза и культурных контактов скифов, сарматов и аланов в контексте общественно-политической обстановки, преобладавших научных концепций и условий их научного творчества.

Методологической основой диссертационного исследования являются принцип историзма; системный подход; историко-генетический сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-биографический и ретроспективно-аналитический методы. Дифференциация особенностей поколений ученых и анализ круга их интересов рассматривались с помощью историко-типологического метода и системного подхода. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы использовались для изучения сущности, оформления и видоизменения культурных особенностей и этногенеза скифов, сарматов и аланов, а также при выявлении их места в истории региона. Принцип историзма подразумевает исследование явлений в их развитии. Историко-биографический метод важен, т.к. значительную долю своих выводов мы получаем из анализа биографий конкретных ученых. Ретроспективно-аналитический метод дает возможность изучать предмет исследования в историческом контексте, что позволяет лучше понять взгляды отдельных ученых, их научных школ и групп.

Источниковая база исследования представлена широким спектром разнохарактерных источников, опубликованных в различных изданиях. Основой, первой группой их являются собственные труды значимых

представителей зарубежной русской историографии по древним иранцам Восточной Европы, которые впервые подвергаются обстоятельному системному и критическому обзору. Диссертант концентрируется на наиболее значимых, знаковых и комплексных публикациях конкретных ученых. Наибольший объем информации для рассматриваемой темы дали труды М.И. Ростовцева и Г.В Вернадского. Еще одной группой источников, связанной с изучаемыми исследователями, являются их личная переписка, дневники и т.п. Третья, не слишком многочисленная группа представленных источников – публикации с критическим анализом, «реабилитацией» или апологетикой авторов первой волны эмиграции.

Четвертая группа источников, напротив, обширна, и включает в себя исторические сочинения эпохи античности, Средневековья, а также ряда авторов XIX в. по скифо-сармато-аланской проблематике, которые изучены и введены в научный оборот исследователями разных поколений: Геродот, Арриан, Страбон, Иордан, Джуаншер Джуаншериани, Мухаммад ат-Табари, Гильом де Рубрук, Иосафат Барбаро, Констанций Лионский, Григорий Турский, Гальфрид Монмутский, Г.Ф. Миллер, Ю. Клапрот, Я. Потоцкий, А. Гакстгаузен, Л.В. де Сен-Мартен, В.Б. Пфаф, Ф. Нансен и др. Цитаты и ссылки на античные источники приведены по академическим изданиям, представленным в списке источников и литературы и даются в переводах их авторов и редакторов. Пятая группа связана с необходимостью привлечения данных по ведущим современным российским исследователям, их трудами и личными библиографическими справками, полученными диссертантом. Шестой комплекс источников, использованный при историко-сравнительном анализе результатов исследования по этногенезу осетинского народа в контексте устоявшейся теории о преемственности ираноязычных аланов и современных осетин, представлен трудами видных исследователей истории, археологии, языка и культуры аланов и сарматов, известных этнографов и фольклористов. Седьмую группу образуют различные источники справочного характера, эпизодически привлекаемые для заявленных целей.

Основные из названных групп источников освещены и охарактеризованы в отдельных главах диссертации, их разделах и подразделах в соответствии с хронологией и значимостью в освещении проблемы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Впервые представлена обобщающая работа, комплексно рассматривающая научные взгляды и общественную деятельность наиболее известных представителей российского научного зарубежья в связи с проблемами этно- и культурогенеза, культурных контактов скифов, сарматов и аланов в контексте историографии и источниковедения.

2. Систематизирован круг соответствующих источников.

3. Уточнены связанные с раскрытием темы детали интересов, позиций и личных историй исследователей, принадлежащих к двум волнам научной эмиграции.

4. Выявлен и обобщен «иранский» компонент работ М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского в сопоставлении с достижениями современной науки, рассмотрен ряд их научных достижений и заблуждений в этой и смежных областях, в т.ч. связанных со славяноведением.

5. Рассмотрена деятельность ряда современных ученых по анализу и популяризации научного наследия М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, как и их влияние на современные научные разработки и концепции.

6. Впервые системно проанализированы основные научные положения эмигрантов второй волны по затрагиваемым темам.

7. Разнопланово рассмотрены аланские и алано-осетинские темы в творчестве М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого.

8. Впервые комплексно изучены творчество и общественная позиция трех основных осетинских авторов из обеих волн эмиграции – Дз. Дзанти, Дз. Зураева и Б. Мысыккаты, в т.ч. критически проанализирована идеализация аланского наследия в их публикациях.

9. Дается системная характеристика научного творчества ведущих современных авторитетных отечественных сарматологов и алановедов. Она является ощутимым вкладом в историографию этих дисциплин.

Положения, выносимые на защиту:

1. В разностороннем восприятии историко-культурного наследия ираноязычных народов юга Восточной Европы, как в российском, так и общемировом контексте достойное место принадлежит трудам зарубежных исследователей российского происхождения. Недостаточное знакомство с ними является существенным упущением отечественной науки и общественно-политической мысли.

2. На основе сравнительного анализа достижений отечественных специалистов (историков, археологов, лингвистов) и представителей гуманитарной науки российского зарубежья XX – начала XXI вв., а также особенностей развития отечественной и российской зарубежной иранистики предложена современная оценка совокупного вклада историков-эмигрантов в изучение скифо-сармато-аланской проблематики.

3. В диссертационном исследовании впервые с позиций принципов аналитической истории выделены два периода в изучении скифо-сармато-аланской проблематики представителями российского зарубежья. Первый период (первая половина XX в.) характеризуется общим несовершенством методики исследования археологических памятников номадов, недостаточного понимания культуры и образа жизни кочевников, связанных с отрывом от изучаемого контекста, что приводило к искаженному восприятию их традиций или обстоятельств, а также использование современных для того времени представлений и понятий при интерпретации событий древности, способствующих неверному толкованию исторических фактов. Второй период (конец XX – начало XXI в.) в условиях изменившихся реалий (современный взгляд на этно- и политогенез кочевников, открытия в области археологии номадов, новое прочтение источников и т.д.), отличается академичностью и

фундаментальностью подходов к решению поставленных задач в рамках современной научной методологии.

4. В освещении скифо-сармато-аланской проблематики продуктивен комплексный подход, не ограниченный «цеховыми» рамками истории (по письменным источникам), археологии, языкознания, этнологии и т.д. При этом необходимо учесть источниковедческую и методическую специфику каждой из специальных дисциплин на уровне современных требований и разработок.

5. В контексте темы данного исследования иранистику следует рассматривать не только как научное направление, но, в том числе, и как пространство для пересечения трех разных наук – нарративные источники, археология, языкознание, которые очень часто сопровождаются расхождением во взглядах лингвистов, историков и археологов по ключевым позициям проблематики. Именно поэтому для всестороннего разбора и анализа заданной темы исследования в работе делается акцент на результатах научных исследований историков, археологов, лингвистов и этнологов, сведение их позиций в актуальных вопросах иранистики с целью представить решение вопроса во всех возможных ракурсах и «лицах», «связав» их, по сути, общей темой – всеми аспектами проблемы становления, этно- и культурогенеза иранских народов Восточной Европы, которая включает в себя вышеуказанные дисциплины. Научная деятельность М.И. Ростовцева, помимо прочего, служит иллюстрацией того, как в рамках одного исследования, в частности его труда «Скифия и Боспор», можно представить комплексную, многоаспектную картину формирования и развития номадизма на примере Скифии.

6. Среди того, что сделано российскими учеными, которые в XX в. по разным причинам оказались за рубежом, для понимания скифо-сармато-аланского наследия особенно важны наработки М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадского, М.М. Казанского, А.М. Лубоцкого и Б. Мысыккаты. Отдельного рассмотрения заслуживают осетинские эмигранты первой половины XX в. Дз. Дзанти и Дз. Зураев. Их труды и деятельность, а также заблуждения, связанные чрезмерной идеализацией истории номадов, охарактеризованы в диссертации.

Для полноты картины целесообразно привлечь и публикации других исследователей с российскими корнями, в т.ч. М.Ю. Трейстера, А.О. Наглера, А.В. Исаенко, К. Цукермана.

7. М.И. Ростовцева как специалиста-антиковеда «иранство» интересовало во взаимосвязи с античностью, давая возможность соединить историю России с античной древностью, историческими Скифией и Сарматией. Талант и прозорливость М.И. Ростовцева способствовали формированию ряда основных принципов изучения кочевых народов древности, сарматологии и отчасти – скифологии. Широкий кругозор, критическое отношение к историческим источникам и личный опыт раскопок позволили М.И. Ростовцеву продуктивно для того уровня развития истории и археологии интерпретировать многие исторические процессы, нередко опережая при этом советских коллег. Однако отсутствие в начале XX в. разработанной методики исследования археологических памятников кочевых народов древности, ограниченная база данных источников, неоправданно высокое доверие научного сообщества того времени к авторитетным письменным источникам (Геродот и др.), недостаточное знакомство с этнографией номадов, широко распространенная модернизация реалий древности и др. повлекли за собой серию ошибочных выводов.

8. Работы Г.В. Вернадского по славистике и по иранским народам Степи считаются классикой американской историографии. Постепенно они занимают достойное место и в разработках отечественных историографов. Однако неоправданное преувеличение роли иранцев, особенно аланов, в истории России, во многом основанное на непрофессиональных лингвистических построениях, влияние осетинского эмигранта редактора изданий «Осетия» (1933) и *“Oss-Alanes”* (1953) Дз. Дзанти и другие факторы, способствовали искаженному восприятию Г.В. Вернадским ряда аспектов проблемы алано-осетинской преемственности, преувеличению сарматского и аланского влияния на раннюю историю славян и российского государственности.

9. Проблематика сарматов и аланов рассматривается археологом М.М. Казанским, прежде всего, в контексте эпохи Великого переселения народов – перекроивших карту Европы массовых миграций многих этнокультурных общностей, в т.ч. некоторых группировок аланов, инспирированных гуннским нашествием. Плодотворно стремление найти баланс археологических, письменных и лингвистических источников для реконструкции этих событий и процессов. Важны и конкретные разработки по ряду категорий находок, в т.ч. соотносимых некоторыми исследователями с аланами. Характерный для М.М. Казанского взвешенный критицизм по отношению отождествлений подобного рода важен и методически.

10. Из работ А.М. Лубоцкого по алано-осетинской проблематике особое значение имеет его работа «Аланские маргиналии на полях ветхозаветного лекционария» (2016), в которой язык средневековых аланов определяется им как древнеосетинский. Этот вывод подтверждается Ясским глоссарием (1422) и приложением к «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.). Несомненный интерес для осетиноведения представляет его работа, посвященная Авестийской *хварене* или *фарну*, а также статья о параллелях между персидскими и осетинскими традиционными праздниками.

11. Представление о Родине как некоей «обетованной земле», куда не суждено вернуться, сказалось на деятельности осетинских эмигрантов Дз. Дзанти и Дз. Зураева. К идеализированной форме подачи истории осетин и их предков стоит относиться с пониманием, с должной оценкой их вклада, принимая при этом во внимание условия, в которых они оказались после эмиграции. Иллюзорность восприятия истории аланов-осетин у Дз. Дзанти сменяется более взвешенным подходом Дз. Зураева. Последний, однако, не смог дистанцироваться от исторических и лингвистических построений Дз. Дзанти. Работы младшего на их фоне – Б. Мысыккаты – можно считать образцом профессионального подхода к изучаемой теме, введения в научный оборот новых архивных источников. Пример трех осетинских исследователей-эмигрантов показывает трансформацию взглядов разных поколений ученых от

мифологизации древней истории к ее разноплановому и фундированному научному осмыслению.

12. Болезненная эмиграция и адаптация в ней, надежда на скорое возвращение способствовали публикации М.И. Ростовцевым цикла политических и публицистических статей в эмигрантской прессе начала 1920-х гг., но и М.И. Ростовцев, и Г.В. Вернадский никогда не использовали свой авторитет и знания в идеологическом противостоянии между СССР и Западом, оставаясь в своих трудах на позициях научной объективности. Работы представителей современной зарубежной российской историографии лишены идеологического окраса и тесно связаны с собственно российской наукой, что позволяет им анализировать исторические процессы, явления и факты строго в рамках требований науки.

13. Несмотря на признание в западном научном сообществе (М.И. Ростовцев – «звезда на небосклоне классической древности», Г.В. Вернадский – основатель американской русистики) не приходится говорить о «феномене изучения скифо-сармато-аланской проблематики в русском зарубежье», так как ни один из исследуемых ученых первой волны эмиграции не является основателем собственного научного направления, научной школы. Это всегда – серия ярких одиночек, но само их существование в нескольких поколениях можно рассматривать как тенденцию. Продолжателями этой традиции являются уже наши современники – исследователи, которые глубоко и органично интегрированы в российское научное пространство. При этом в случае с А.М. Лубоцким можно говорить о научной школе, одним из ярких представителей которой является известный иранист Джонни Чёнг (Johnny Cheung), автор таких фундаментальных работ, как «Очерки исторического развития осетинского вокализма» *(Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism)* (2002) и «Этимологический словарь иранского глагола» *(Etymological Dictionary of the Iranian Verb)* (2006), а также ряда значимых статей по иранистике.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обусловлена рассмотрением в нем на материале работ конкретных исследователей-эмигрантов процессов эволюции и адаптации их творчества в изменившихся условиях, когда исследования по различным вопросам истории восточноевропейских иранцев стали важным связующим звеном с тематикой родной российской истории. Системный анализ идей ученых разных поколений эмиграции на материале трех древних родственных ираноязычных этнических массивов позволяет лучше и полнее представить вклад последних в различные исторические и культурные процессы в масштабах Восточной Европы, Юга России и Северного Кавказа, наметить новые темы для научных разработок и дискуссий.

Междисциплинарный анализ одной из значимых проблем исторической науки, связанной с этногенезом, ранней этнической историей и культурными связями последовательно сменявших друг друга скифов, сарматов и аланов, непосредственной связи аланов с осетинами, на основе комплексного рассмотрения результатов исследований зарубежной историографии, будет способствовать формированию новых подходов в истории России, иранистике и кавказоведению.

Особенности реконструкции истории, культуры и традиционного мировоззрения ираноязычных народов Юго-Восточной Европы по материалам корпуса источников подтверждают их этноспецифичность, культурную преемственность и немалое влияние, которое оказали древние иранцы на дальнейший ход мировой истории.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы в трудах по истории России, Восточной Европы, иранского мира и кавказоведению, в подготовке учебных вузовских курсов по истории, археологии, этнографии, культурологии и другим гуманитарным дисциплинам, будут способствовать популяризации исторической науки в рамках различных проектов и общественных площадок.

Степень достоверности и апробация работы. Достоверность результатов данного диссертационного исследования обеспечивается использованием в нем представительной выборки значимых работ каждого из изучаемых ученых, разноплановых библиографических сведений и критическим анализом этих данных, широкого фона научной литературы и древних авторов, касающегося ряда смежных дисциплин, затрагиваемых этими авторами и диссертантом, теоретическим обоснованием выводов, полученных в ходе исследования, объективным подходом к анализу исторических фактов и явлений.

Различные аспекты и отдельные результаты диссертационной работы были представлены автором на 9 международных и региональных научных и научно-практических конференциях, конгрессах, семинарах и круглых столах:

1. IV Международная научно-практическая конференция «Образование и наука в современных условиях», Чебоксары, 24 июля 2015 г. Доклад: «Скифы и нарты: К вопросу о пребывании скифов на Кавказе. Научные исследования: от теории к практике».
2. Международная научная конференция «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации», 23-25 октября 2015. Доклад: «Аланы (ясы, асы) и Киевская Русь в трудах Г.В. Вернадского».
3. Всероссийские Миллеровские чтения, 20-22 октября 2016. Доклад: «Аланы-осетины. Возвращаясь к истории вопроса».
4. IV Международная научная конференция «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации», 16-17 ноября 2017 г. Доклад: «К вопросу об осетино-балкаро-карачаевских нартовских параллелях».
5. Международная научная конференция V Абаевские чтения, посвященная 90-летнему юбилею факультета осетинской филологии СОГУ, 11 мая 2018 г. Доклад: «Некоторые замечания по поводу монографии Т.А. Моллаева “Новый взгляд на историю осетинского народа”».
6. Всероссийские Миллеровские чтения, 15-17 ноября 2018 г. Доклад: «Некоторые подробности переписки Ж. Дюмезиля с В.И. Абаевым (К 120-летию со дня рождения Ж. Дюмезиля)».

7. Международная научная конференция «Пятые Пчелинские чтения: археология, этнография и языки Кавказа». 19 декабря 2023 г. Доклад: «Социокультурные маркеры аланских захоронений в Западной Европе по материалам статьи М.М. Казанского “Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные”».
8. XXIV Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие», посвященная 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха, 145-летию со дня рождения со дня рождения Е. И. Рерих, 120-летию со дня рождения Ю.Н. Рериха, Году семьи 19-21 ноября 2024 г. Доклад: «Дзамболат Дзанти, Ю.Н. Рерих, Г.В. Вернадский: переплетение судеб».
9. Международная научная конференция «Кавказ и иранский мир». Институт Востоковедения, Российско-армянский (Славянский) университет, Ереван, 12-13 декабря 2024 г. Доклад: «Социокультурные маркеры алано-сарматских захоронений: знаки/тамги в контексте Великого переселения народов в Западной Европе».

Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в 5 монографиях, 3 главах коллективных монографий и в 43 научных статьях, 16 из которых опубликованы в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Общий объем публикаций составил более 122 п.л.

Структура диссертации определена основной целью, задачами и предметом исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, семи глав, заключения и снабжено библиографией и списком сокращений. Эта структура соответствует последовательно сформулированным задачам.

Соответствие паспорту научной специальности. Исследование соответствует паспорту специальности 5.6.5. – историография, источниковедение, методы исторического исследования по направлению 4 – Использование достижений зарубежной науки в отечественной историографии; зарубежная отечественной истории.

Глава 1. Ираноязычные народы Юго-Восточной Европы. Историографические основы исследуемой темы

1.1. Иранские народы юга России. К истории вопроса

История народов неотделима от истории миграций. На протяжении тысячелетий в глубинах Азии формировались различные кочевые культуры, продвигались на Запад, и впоследствии растворялись в среде оседлых народов или новых степных мигрантов[23]. В этом потоке племен и народов Черное море, с прилегающими к нему уникальными пастбищами, с обилием гаваней, крупных рек и относительно мягким климатом, играло особую роль. Это была зона постоянных ареальных контактов, в которую входили области, примыкающие к Черному морю. В Северном Причерноморье, как одной из областей циркумпонтийской зоны Е.Н. Черных выявил распространение кавказских металлургических центров и связанных с ними степных групп в балкано-дунайский район, что стало следствием миграции древних индоевропейцев из каспийско-черноморских степей на запад и юго-запад. Далее произошло обособление конкретных индоевропейских групп [Chernych, 1973: 7]. По Н.Я. Мерперту, этому способствовали длительные и сложные интеграционные процессы, веками протекавшие в циркумпонтийской зоне [Мерперт, 1988: 32].

В 1988 г. Е.Н. Черных опубликовал в сборнике «Древний Восток: этнокультурные связи» статью под названием «Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы» [Черных, 1988: 37-57], посвятив ее той же проблеме. Принимая во внимание распространение «курганных культур», разбросанных на обширной территории между Северным Кавказом и дельтой Дуная (майкопская, ямная и другие культуры), а также положение И.М.

[23] Классический кочевой образ жизни в Великой Степи стал возможен после появления верховой езды на лошади. В то же время в последней монографии В.Б. Ковалевской «Генеогеография и археология Кавказа» (2022) автор, на примере хронологического распространения скифских мечей-акинаков – оружия исключительно статусного, которое использовалось военной аристократией только в ближнем бою, выстраивает совершенно иную картину формирования и распространения скифской культуры [Ковалевская, 2022: 44-52].

Дьяконова о понятии индоевропейского «праязыка»[24] и его привязке к археологическим материалам, Е.Н. Черных заявил о начале процесса индоевропеизации Юго-Восточной Европы с V тыс. до н.э. [Черных, 1988: 47-48; Дьяконов, 1984: 3-20].

Не вполне прояснена на сегодня и прародина выделившихся из индоевропейского массива индоиранцев: был ли это степной пояс Восточной Европы или все же Центральной Азии? В.И. Абаев и Э.А. Грантовский предполагали, что становление арийцев (индоиранцев) происходило в III тысячелетии до н.э. в степях Юго-Восточной Европы, и, возможно, Южного Урала и Казахстана. Вполне вероятно, что именно в этом ареале и находилась прародина индоиранцев. Здесь же, согласно им, в период с III по начало I тысячелетия до н.э. произошло разделение арийского единства на две составляющие – иранскую и индоарийскую. Иранская ветвь, в свою очередь разделилась на восточную и западную. Из Юго-Восточной Европы «индоарии двинулись на Индостанский субконтинент, а несколькими веками позднее, западные иранцы заселили Иранское плато» [Ставиский …, 2002; 23]. Блестящий анализ мифологического наследия, общего для древних иранцев и индоариев, осуществлённый Э.А. Грантовским и Г.М. Бонгард-Левиным, подтвердил вероятную локализацию общей прародины индоиранцев в Юго-Восточной Европе. Практически идентичные мифы о созвездии Большой Медведицы, Полярной звезде и полярной ночи явно указывают на то, что подобные знания индоарийцы могли получить лишь во время своего общего проживания на прародине в Восточной Европе [Ставиский …, 2002; 23].

В рамках исследуемого вопроса вполне уместно вспомнить интересное с точки зрения историографии научное мероприятие, непосредственно перекликающееся с темой исследования. В 1989 г. постоянный оргкомитет конференций по Древнему Востоку, возглавляемый академиком

[24] «Термин *«праязык»* … — это условность; его следует понимать лишь как более или менее очерченный континуум близких диалектов и говоров, а не как язык в собственном смысле этого слова. «Праязык» важен для нас только как система понятий, выражаемая реконструируемыми глоссами. Без введения понятия языкового перехода от протоязыка к праязыку в инкубационный период с последующей экспансией наблюдаемый феномен праязыка приходится воспринимать как условность, континуум или фантом» [Черных, 1988: 37–57].

Б.Б. Пиотровским, обратился к руководству СОАССР с просьбой о проведении конференции по теме «Кавказ и цивилизации Древнего Востока» в Северной Осетии. При этом ведущие ученые-востоковеды СССР пояснили причину такого выбора места данного форума учёных[25]. Еще одним аргументом в пользу Северной Осетии послужило пристальное внимание мировой науки к осетинскому языку, как наследнику языка иранских народов древности [Дьяконов, 1989: 3]. К этой территориальной локализации прародины северных иранцев принадлежат и современные осетины, язык которых И.М. Дьяконов, автор предисловия к сборнику материалов конференции, называет «уникальным остатком языка древних иранцев – скифов, сарматов, алан» [Дьяконов, 1989: 3]. В то же время не представлялось возможным игнорировать тот живой интерес, который образованное осетинское общество питало и питает к истории своего народа.

На конференции И.М. Дьяконов представил основной доклад на тему «Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке» [Дьяконов, 1989: 5-23], в котором выдвинул ряд фундаментальных идей, часть из которых не теряет актуальности и сегодня. Основные положения сводились к следующему:

1. Протогородская культура Чатал-Хююка VIII-VI тыс. до н.э. в Малой Азии «должна быть родиной пре-праиндоевропейцев» [Дьяконов, 1989: 11]. Аргументированных доказательств этому тезису нет и сегодня.

2. Первоначальные носители индоевропейских языков «обладали более жизнеспособной экономикой, обеспечивали понижение детской смертности в большей степени, чем у их соседей»[26]. Иными словами, возросшее население не обеспечивается своим производством сельхозпродукции, наступает острейший кризис данной популяции – так называемый «демографический взрыв»,

[25] «На территории Республики много памятников позднесарматской и аланской культур, свидетельствующих о широком расселении племен древних иранцев на Центральном Кавказе на рубеже нашей эры и позже; горы наполнены сотнями историко-архитектурных памятников-башен, замков, склепов, святилищ – застывших в камне, но живых для нас страниц истории» [Дьяконов, 1989: 3]; См.: Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Часть 2. 187 с. С. 5-60.

[26] Или же они обладали более плодородными черноземными угодьями.

приводящий к необходимости менять систему хозяйства или (что проще) мигрировать всему коллективу или его части.

3. Отождествление индоевропейской языковой группы с археологической культурой Восточной Европы. Наиболее обоснованной представляется связь этой группы со срубной культурой эпохи бронзы в степи и лесостепи Восточной Европы и Западного Казахстана второй половины II тыс. до н.э., а также соседней андроновской культуры степного Зауралья и Южной Сибири, с зоной миграций на север, где на местном субстрате сложились т.н. андроновские культуры, и юг, до границ Ирана и Афганистана. Как считает И.М. Дьяконов, эти археологические культуры необходимо рассматривать как индоиранские или, если быть точнее – северо-восточные иранские [Дьяконов, 1989: 11].

Стоит подчеркнуть всю важность вероятной восточноевропейской территориальной локализации прародины северных иранцев, к коим принадлежат и современные осетины. Эта тема была актуальной и для М.И. Ростовцева, который всегда начинал описательную часть «российских древностей» с VIII-VII вв. до н.э., т.е. со времени появления в ареале первых «иранских и греческих выходцев». При этом он не оставлял попыток «заглянуть в более отдаленное прошлое и связать его… со сведениями литературными» [Ростовцев, 1918: 8], что, конечно же, не всегда ему удавалось. Проблема заключалась в отсутствии в начале XX столетия соответствующего корпуса археологических источников, и, порой неверного толкования «литературных» сведений.

Вопросы становления уже собственно иранских народов древности, их прародины и этногенеза давно находятся в центре внимания ученых разных поколений, они рассматриваются в различных аспектах. В разное время ею занимались как зарубежные исследователи (М. Гимбутас, К. Ренфрю, Г. Чайлд, Д. Мэлори и др.), так и крупнейшие советские и российские ученые, такие как, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе, В.А. Сафронов, О.Н. Трубачёв, Л.С. Клейн, Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский и многие другие. Проблема эта сложная

и многовекторная. Нет необходимости в том, чтобы погружаться в нее основательно, поэтому в рамках диссертационной работы будет достаточным представить обзор нескольких отечественных итоговых исследований, в том числе, как демонстрацию научной прозорливости М.И. Ростовцева, ставшего одним из основателей иранистики как научного направления в России. Его труды по праву считаются важным активом российской исторической науки.

Одной из таких работ является монография Э.А. Грантовского под названием «Ранняя история иранских племен Передней Азии» [Грантовский, 1970]. В ней автор раскрывает некоторые аспекты истории древних иранцев Передней Азии до VI в. до н.э., то есть в доахеменидский период. Обширный фактологический материал позволил ему сформулировать ряд новых положений о роли иранских народов древности в истории Передней Азии в начале I тысячелетия до н.э., в том числе и теорию о массовой миграции этих народов из степей Северного Причерноморья, через кавказские перевалы на юг, в Переднюю Азию. Это предположение принималось не всеми, и, как альтернативу ей, ряд ученых предлагал иные варианты. К примеру, Эд. Мейер полагал, что область первоначального расселения иранцев-*ариев* надо искать в Средней Азии [Meyer, 1926: 896-902][27]. И, тем не менее, в пользу евразийских степей как прародины индоевропейцев свидетельствуют климатические условия, топонимика, индоиранские-финно-угорские изоглоссы и т.д. [Смирнов, Кузьмина, 1977: 52; Основы …, 1979: 34-38]. Изначально сторонником среднеазиатской прародины иранцев был и В.И. Абаев [Абаев, 1949: 31 и сл.], но в последующих своих работах он все же склонился к «причерноморской» версии.

Первым народом, населяющим эти территории, чье имя известно нам благодаря Геродоту, были киммерийцы [Hdt, IV, 11][28]. В письменных источниках (шесть писем из царских архивов) Gimirāia (аккад.) они впервые появляются в конце VIII в. до н.э. в правление ассирийского царя Саргона II

[27] На Среднюю Азию, как прародину ариев, указывают также Ригведа и Авеста [Грантовский, 1970: 23].
[28] Здесь и далее – пер. Г.А. Стратановского (Геродот, 1993).

[Иванчик, 1996: 21]. По Геродоту, киммерийцы изначально находились в Азии, которая в понимании античных географов находилась к востоку от Дона (Танаиса). Затем, потесненные скифами, они перебрались в район Боспора Киммерийского – Керченского пролива [Hdt, IV, 12]. В отечественной историографии киммерийцам посвящены монографии М.И. Артамонова [Артамонов, 1950], А.И. Тереножкина [Тереножкин, 1976], С.В. Махортых [Махортых, 1994], А.И. Иванчика [Ivantchik, 1996], С.Б. Вальчака [Вальчак, 2009] и ряд других работ.

Проблема происхождения киммерийцев остается нерешенной до сегодняшнего дня. М.И. Ростовцев ошибочно считал их фракийцами, а А.И. Иванчик, отмечая, что, возможно, они были иранцами, допускал, что «это предположение основывается лишь на культурной близости со скифами» [Иванчик, 1996: 159-162]. Такого же мнения придерживались И.М. Дьяконов (1994) и В.И. Гуляев (2005). В свою очередь, С.В. Махортых и С.Б. Вальчак предполагали, что этнический состав киммерийцев был неоднородным. Первый видел задачу археологии в том, чтобы расчленить т.н. предскифский раннекочевнический массив на составные части с дальнейшим выделением в нем собственно «киммерийского пласта древностей» [Махортых, 1994: 13-14]; второй считает киммерийцами только памятники «классического» новочеркасского типа конца VIII – середины VII вв. до н.э. [Вальчак, 2009: 94].

Хронологические рамки присутствия киммерийцев на исторической арене ограничены VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э., после чего они вытесняются или поглощаются скифами. В сцене гибели киммерийских царей, описанной Геродотом [Hdt, IV, 11], согласно которому они, не желая сдаваться скифам, и, разделившись на две равные группы, перебили друг друга, Ж. Дюмезиль видит скифскую легенду, отражающую «то же чувство собственного достоинства, что и сказание «гибель нартов» [Махортых, 1994: 8]. Археологическая культура киммерийцев, отраженная в курганах и отдельных находках была подробно описана в обобщающем обзоре А.И. Мелюковой [Археология СССР, 1989: 10-16]. Не касаясь археологической составляющей ее работ, тем не менее, стоит

обратить внимание на концепцию, представленную автором, в которой она также склонна видеть в киммерийцах древних иранцев. Вопреки мнению М.И. Ростовцева, культура киммерийцев разительно отличается от ранней фракийской, несмотря на схожесть отдельных элементов. В то же время в ней прослеживаются явные параллели со срубной археологической культурой, что может свидетельствовать о присутствии в эпоху бронзы в евразийских степях ираноязычных народов [Абаев, 1971: 10-11; Грантовский, 1970: 81; Трубачёв, 1976: 39-63].

Скифы присутствовали на исторической арене в период с VII в. до н.э. до III в. н.э., причем это наименование греки и римляне могли переносить и на другие народы Скифии, как культурно-географического понятия, сохранившегося и позднее, в Византии. Согласно Геродоту, посвятившему скифам знаменитый «Скифский логос» в главе IV своей Истории, скифы-сколоты являлись федерацией трех племен: «царских» скифов, скифов – «кочевников» и скифов – «земледельцев» (вероятных *gauvarga*). Он максимально подробно изложил всю доступную ему информацию о скифах, в том числе – три вариации их этногенетического мифа [Hdt, IV, 5-12]. Основы скифского общества, быт и социальная структура во главе с тремя царями в описании Геродота при корректном подходе сохраняют свою ценность. В экономике скифов преобладали полукочевое скотоводство и (на позднем этапе) земледелие, практиковалась обработка металлов, кожи, древесины и т.д. Развитие торговли предполагало взаимодействие с античными городами Северного Причерноморья, народами Кавказа и странами Ближнего Востока. К IV в. до н.э. в Северном Причерноморье на базе новой волны «классических» скифов, вероятно, образовалось известная для ряда групп кочевников государственность, которую сторонники неоэволюционизма подчас считают типичным «варварским государством» [Ковалев, 1998; ср. Крадин, 2020: 72-80]. Вряд ли это так. Скорее, напротив, поздняя степная Скифия с ядром между Днепром и Доном (с ее несколькими городами, множеством оседлых поселений самих скифов, постоянным контролем над соседними земледельческими

племенами, довольно развитым собственным ремеслом, великолепной «греко-скифской торевтикой» и т.п.) стала первой из известных т.н. «кочевых империй» второго типа в трактовке Н.Н. Крадина (когда при политической интеграции этносы кочевого и оседлого происхождения живут обособленно) [ср.: Крадин, 2020: 99-100, 105-106][29]. Недавними исследованиями Ю.П. Зайцева (2015) установлено, что в условиях крушения скифской власти над Северным Причерноморьем, первой столицей скифов в Крыму в IV в. до н.э. стала крепость Ак-Кая в Центральном Крыму. Финальным «аккордом» государственности скифов стала Крымская Скифия со столицей в городе Неаполь Скифский (III в. до н.э. – сер. III в. н.э.). Городищу «Неаполь Скифский» посвящен ряд работ, итог которым подвел Ю.П. Зайцев [Зайцев, 2003].

Великая греческая колонизация (VIII-VI вв. до н.э.) познакомила античный мир со скифами, которые и сами не скрывали интереса к эллинам. В ходе освоения греками побережья Малой Азии, Северного и Восточного Причерноморья по всей береговой линии стали появляться города, функционал которых включал выстраивание торговых отношений «варварами», прежде всего со скифами. Такие города, как Ольвия, Пантикапей и другие, способствовали непосредственным контактам греков со скифами, и имели существенное значение для последующего развития как скифской, так и греческой культур.

Греки получили возможность более близкого знакомства с культурой и бытом скифов. В частности, путешествие Геродота в Ольвию, его общение с гражданами северопонтийских городов, в том числе и со скифами[30] позволило ему относительно корректно изложить многие известные на тот момент сведения о Скифии и скифах [Петрухин, Раевский, 1998: 65]. Геродотова «История» и сегодня является основным, наиболее полным нарративным источником информации по скифам. Еще одним трудом, заслуживающим

[29] Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2020. 416 с.

[30] В своем рассказе о Скифии Геродот в том числе ссылается и на некоего Тимна, который был агентом скифского царя Ариапифа в Ольвии [Доватур …, 1982: 10].

внимания, является двухтомная антология рубежа XIX-XX вв. под общим названием «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе» (1893-1906)[31], подготовленная русским историком и филологом-классиком, академиком В.В. Латышевым. Ярким исследовательским проектом, в котором рассмотрены практически все известные на тот момент аспекты взаимоотношения скифов с греками, является труд М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925). Из более поздних работ по скифской тематике, прежде всего, стоит отметить монографии А.П. Смирнова [Смирнов, 1966], В.А. Ильинской [Ильинская, 1968, 1975], Б.Н. Гракова [Граков, 1971], М.И. Артамонова [Артамонов, 1974], А.М. Хазанова [Хазанов, 1975], Б.А. Рыбакова [Рыбаков, 1979], В.Ю. Мурзина [Мурзин, 1990], А.И. Иванчика [Иванчик, 2001], А.Ю. Алексеева [Алексеев, 2003], В.И. Гуляева [Гуляев, 2005] и др., не говоря уже о многочисленных статьях. Из зарубежных изданий – работы А.Н. Потраца [Potrats, 1963], Р. Ролле [Rolle, 1989] и Я. Лебединского [Lebedynsky, 2001]. Также достаточно подробно изучена материальная культура скифов на основе скифских курганов и городищ Скифии [Rolle, 1989][32].

Долгое время исследователи не включали в ареал распространения скифской культуры Предкавказье и Кавказ, за исключением Нижнего Прикубанья (Б.Н. Граков). Подобной постановке вопроса, со ссылкой на М.И. Ростовцева, отмечавшего смешанный характер археологических материалов периферии скифской культуры, возражал Е.И. Крупнов [Крупнов, 1960: 10-15]. Современные исследования подтверждают предположения М.И. Ростовцева, обозначая Центральное Предкавказье как политический центр ранних скифов [Петрухин, Раевский, 1998: 88] и исходный плацдарм для осуществления боевых походов-«балцев»[33] в Закавказье. Как пример можно сослаться на

[31] «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе» в 2-х тт., в 5 вып., СПб., 1893-1906, оригиналы и русский перевод. В 1947–1949 гг. в приложениях к журналу «Вестник древней истории» был представлен русский перевод текстов с комментариями.

[32] Только по европейской части Скифии см. также обзоры и библиографию в монографиях: Степи…, 1989; Ольховский, 1991; 2005; Скорый, 2003; Бруяко, 2005; Вальчак, 2009; и мн. другие.

[33] Весьма интересную трактовку осетинского *балца* – грабительских походов или военных экспедиций представил А.И. Иванчик. Согласно ему (со ссылкой на А.Р. Чочиева) *балц* был важной составляющей инициации мужчины как воина. «Мужчина считался достигшим полной зрелости, т.е. прошедшим все ступени

раскопки раннескифских курганов раннескифской эпохи, таких, как Новозаведенские курганы, Краснознаменский могильник (экспедиция под руководством В.Г. Петренко – ИА РАН) и др., обнаруженных в степных районах Ставрополья. По мнению специалистов, археологический материал, происходящий из курганов, способен существенно повлиять на ряд концептов и положений современной скифологии[34].

Отдельной, весьма важной темой является понятие «скифская триада» (оружие (акинак), конское снаряжение, звериный стиль), предложенное в 1954 г. А.И. Мелюковой. Здесь, прежде всего, интересны образцы скифской торевтики, которые безоговорочно считаются шедеврами художественного наследия скифской культуры[35]. До недавнего времени специалисты предполагали, что все образцы греко-скифского искусства IV в. до н.э. производились греками в самой Греции или в мастерских Причерноморья, в т.ч. Боспора. Но детальное изучение археологических артефактов из кургана «Толстая могила» позволило Б.Н. Мозолевскому прийти к выводу о местном, скифском производстве некоторых найденных украшений [Мозолевский, 1979: 238][36]. В основе своей эти изделия изготавливались с использованием техники литья. С.Р. Минасян считает, что модели будущего изделия, на основе которой создавалась литейная форма, как правило, делались из воска[37] и могли быть выполнены с помощью резьбы, либо способом лепки [Минасян, 2014: 155].

инициации, лишь после того, как совершал последовательно все три предусмотренных обычаем *балца* – годичный, трехлетний и семилетний» [Иванчик, 2005: 184]. Институт *балца* является отголоском античной традиции, согласно которой в Азию через Закавказье «вторгся не весь народ скифов, а одни мужчины, оставившие жен дома. Эта традиция, известная уже Геродоту (IV, 1), является свидетельством того, что действия скифских передвижных отрядов в Азии рассматривались как дело рук одиноких воинов, отделенных от своего народа и схожих со спартанскими криптами, кельтским *ffan* или *mairyö* Авесты. Подобные представления легко объясняются при сопоставлении с обычаями потомков древних скифо-сарматов, осетин» [Иванчик, 2005, 184].

[34] См. Петренко, 2006; Петренко, Маслов, Канторович, 1998; Петренко, Маслов, Канторович, 2000; Канторович, Петренко, Маслов, 2007; Petrenko, 1994.

[35] Обзор и библиографию см.: Канторович А.Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция) // М.: МГУ. 2022. Т. 1. 431 с.; Т. 2. 359 с.

[36] Знаменитая золотая пектораль, безусловно, была создана греческими мастерами по заказу представителей скифской элиты. В остальном речь может идти о зависимых от скифов племенах Лесостепи, и пленных мастерах на скифских поселениях. Классическое описание хорошо известной этнографам работы кочевых мастеров см.: Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 474 с. С. 49-70.

[37] Впрочем, применялось и дерево. Бытовала также версия, что в качестве формы народы древности применяли сало, так как множество сложных форм можно было получить с помощью пластичных материалов [Кисель, 2020: 137]

В.А. Кисель же полагает, что утрата кочевниками техники литья по восковым моделям способствовала постепенному исчезновению скифо-сибирского звериного стиля [Кисель, 2020: 136]. Согласно ему, несмотря на то, что древние мастера достигли значительных успехов в фигурном литье, европейские ираноязычные кочевники смогли освоить чеканку только в сарматский период (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.) вместе с созданием полихромного звериного стиля [Кисель, 2020: 139].

Хронологические рамки расселения древних иранцев в степях Центрального Предкавказья в свете последних открытий раннескифских курганов, найденных в ставропольских степях, могут быть сдвинуты на более ранний период. В то же время положение об отсутствии скифских поселений в горных ущельях Центрального Предкавказья все так же актуально; можно говорить лишь об их связях с мастерами горцев – носителей кобанской культуры.

Особенности ландшафтных зон, как правило, диктуют восприятие пространства, а состав кормовых трав – возможность привычного кочевания. Именно поэтому, кочевник, привыкший к степным просторам, чувствует себя неуютно в узких горных ущельях, так как любое замкнутое пространство он воспринимает как угрозу и опасность. Кочевник никогда не стремился стать горцем[38], и только чрезвычайные обстоятельства, такие как экономическая целесообразность, или серьезное внешнее воздействие, могли заставить его изменить свой обычный уклад жизни. В.А. Кузнецов пишет, что вероятной причиной значительной аккумуляции ираноязычных кочевников, в частности аланов в равнинном и предгорном районах Северного Кавказа к I в. н.э. является факт того, что в этот период сарматы и аланы смогли взять под

[38] Не случайно в ущельях Северной Осетии, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачае нет ни одного собственно скифского памятника. Можно говорить об отдельных предметах, в том числе и серии вещей, выполненных в скифском зверином стиле, но нет крупных комплексов, что указывает на соседские, ареальные связи с оседлыми племенами Кавказа и некий культурный обмен. См. Мошинский А.П. Кавказ и скифы в V-IV вв. до н.э. (по материалам Горной Дигории) // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С.82-94; Мошинский А.П., Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь-Керчь, 2004. С. 5-26.

контроль предкавказские равнины, благоприятные для кочевого скотоводства, и удерживать их до появления в регионе тюрок [Кузнецов, 1984: 9][39].

Открытие во второй половине XIX в. памятников кобанской культуры (XII-IV вв. до н.э.) способствовало всплеску международного интереса к кавказской археологии. Наряду с общепринятой периодизацией кобанской археологической культуры В.И. Козенкова сформировала современное представление о ней, и выделила протокобанскую культуру (XIV – первая половина XII в. до н.э.), как переходное звено от предшествующих культур[40]. Основой сложения кобанской культуры являлась предшествующая культура среднебронзового века предгорно-горной зоны Центрального Кавказа, а субстратные позднекобанские племена относились к кавказскому коренному населению. М.П. Абрамова отмечает, что в горах Центрального Кавказа обитали племена кобанской культуры, оставаясь там вплоть до раннего Средневековья, и отличавшиеся при этом большим консерватизмом [Абрамова, 1974: 3-28]. Кобанская культура в плане ремесленной специализации входила в состав крупной производственной общности – Кавказской металлургической провинции, носители которой владели высоким уровнем металлургии и металлообработки [Черных, 1966: 80-82, 90; Крупнов, 1960; Семиханов, 1972; Мошинский, Козенкова, 1996; Мошинский, 1998; Мошинский, Скаков, 2001; Мошинский, Скаков, 2008 и др.]. Потомки поздних «кобанцев» стали субстратом для аланского суперстрата. Отсутствие языкового материала не позволяет определить языковую принадлежность носителей кобанской культуры, которые, по всей видимости, не имели отношения к иранцам. Скифы Предкавказья находившиеся в непосредственной близости от мощного очага кобанской металлургии эпохи раннего железа, оказались в ареале влияния кобанской культуры, и здесь, безусловно, права В.Б. Ковалевская, высказавшая

[39] Привилегированное географическое расположение позволяло аланам контролировать кавказские перевалы. Тогда же появляются первые аланские земляные городища (Брут, Зильги и т.д.). Нашествие гуннов 70-х гг. IV в. окончательно «закрыло» аланов, не вовлеченных в Великое переселение народов в предгорьях Северного Кавказа, вынудив их отступить за р. Терек.

[40] См: Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. 164 с.

мысль о том, что кобанцы, возможно, производили оружие для скифов [Ковалевская, 2005: 62].

Б.В. Техов, представивший миру уникальный Тлийский могильник, со ссылкой на результаты своих изысканий, утверждал, что значительная часть артефактов, происходящих из более чем, 150 захоронений Тлийского могильника (Южная Осетия), насчитывающего свыше пятисот погребальных комплексов периода поздней бронзы и раннего железа, явно относится к скифскому периоду. По мнению Б.В. Техова, это является косвенным подтверждением научной гипотезы, согласно которой во время своих походов в Переднюю Азию и Закавказье скифы, помимо Дербентского прохода, использовали, в том числе и Рукский, Дзомагский, Зикарский и другие переходы Большого Кавказа, и в частности, Южной Осетии. Именно с этого времени в тлийских комплексах в возрастающем числе появляются предметы скифского периода: железные акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестием, когтевидным навершием, а еще большее число захоронений содержало железные секиры типично скифского облика [Техов, 1995: 3]. «Все это доказательства тому, что высоко в горах проживали племена ираноязычных скифов. … Они обитали не только в регионе Тли, но в Дзомагском и Рукском ущельях, откуда также происходят скифские наконечники ножен, украшенные в зверином стиле. Много скифских предметов есть и в кобанских материалах», – утверждает Баграт Виссарионович [Техов, 1995: 3]. В.А. Кузнецов же, напротив пишет, что нет никаких оснований говорить о присутствии скифов в горной зоне Центрального Кавказа [Кузнецов, 2013: 19]. А.П. Мошинский, около 40 лет исследовавший комплекс Сауар в Дигорском ущелье Северной Осетии, в одной из своих работ описывает захоронение знатного воина, найденное в погребении 19 могильника Гастон Уота (VII-IV вв. до н.э.). В нем, наряду с собственно кавказскими атрибутами (наконечник культового жезла, длинная бронзовая цепь и т.д.), находились и вещи, которые свидетельствовали о присутствии элементов скифской воинской культуры (акинаки с бронзовыми навершиями на рукояти в скифском зверином

стиле, колчан со стрелами скифского типа и т.д.). По А.П. Мошинскому, погребение воина в традиционном кобанском костюме, но с престижным скифским оружием и скифской уздой, является отражением сути взаимодействия горцев с населением Степи в тот исторический период. Это было опосредованное общение, возможно через население предгорий, как следствие – торговля, а также заимствование престижного комплекса вооружения и снаряжения воина-всадника. «Скифских же воинов как таковых мы в кобанских могильниках не видим» [Мошинский, 2014: 92].

Большой интерес для исследователей представляют парадно-боевые пояса из широкой листовой бронзы, извлеченные из могильников в Кобани и Тли. Датированные I тыс. до н.э., они подвергались уникальной гравировке, которая, возможно, отражала религиозные и идеологические воззрения представителей кобанской культуры. Подобные пояса встречаются и в Закавказье, прежде всего – на Армянском нагорье; исследователи связывают их также с культурами Урарту (Пиотровский, 1949; Есаян, 2020) и Манны. Одним из первых эти пояса описал В.Б. Фармаковский, предположив при этом влияние хеттов и позднемикенской культуры на сюжеты [Доклады …, 1914: 44]. В контексте вопроса о возможном эпизодическом пребывании скифов на Кавказе стоит обратить внимание на бронзовый пояс, извлеченный из могилы 76 в Тли. Отсеченная голова, изображенная на поясе всадника, вызывает ассоциации, описанные в различных письменных источниках, в том числе – у скифов. Обычай подвешивания головы побежденного врага к уздечке коня, дал повод Б.В. Техову провести соответствующие параллели [Техов, 1995: 3]. Известный скифолог В.А. Ильинская, рассмотрев комплекс этого кобанского захоронения, поддержала Б.В. Техова, отметив, что он был первым, кто сопоставил это изображение со скифами [Ильинская, 1982: 44][41].

А.М. Новичихин усмотрел в этом сюжете описанную Геродотом сцену избиения скифами своих рабов, в которой бородатый всадник держит в руке

[41] Действительно, такое изображение имеется у конного скифа на рельфе из Юбилейного на Тамани и у скифизированных меотов на «колпачке» из Курджипса.

кнут, а безбородая голова, привязанная к уздечке его лошади, символизирует победу старшего поколения над младшим. На то, что всадник одержал победу над своим противником без оружия, с помощью кнута, указывает то, что лук изображен тут же, но не извлечен из горита. Кнут в данном случае выступает как инсигния [Новичихин, 2014: 98-108]. В иранской мифологии Ахура Мазда вручает первоцарю Йиме золотой рог и золотой кнут, «что значило две власти, принадлежащие Йиме» [Авеста, 2008: 77].

Несомненно, что обычай вешать голову врага на шею лошади известен и у других индоевропейских (и не только) народов. Страбон, описывая галлов, отмечал их стремление к хвастовству, и страсть к украшениям, свойственную большинству северных народов, суть которой заключалась в том, чтобы «возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям, и, доставив эти трофеи домой, прибивать их гвоздями напоказ перед входом в дом» [Strabo, IV, IV, 5]. По сведениям Аммиана Марцеллина подобный обычай существовал и у аланов, которые гордились трофеями наподобие содранной с головы кожи [Amm. Marc. XXXI, 2, 22]. В осетинской Нартиаде Сослан убивает уаига Елтагана только лишь из-за того, что у того были золотистые волосы. Нарт Сослан просит швей скроить ему шубу из скальпов убитых им врагов. Скальп Елтагана Сослан пустил на воротник своей шубы. В скальпах швеи узнают головы своих близких (отца, брата, мужа) [Нарты, 1989: 108]. Конечно же, не стоит делать скоропалительных выводов на основании вышеизложенного, так как археология сегодня не подтверждает присутствие скифов в горных ущельях Центрального Кавказа. В любом случае, последнее слово в данном вопросе остается за ней.

В рамках темы диссертационного труда стоит добавить некоторые разъяснения и о языке скифов. Общепринятые сведения позволяют характеризовать скифский язык как объединение группы родственных наречий, относящихся к иранской группе индоевропейской языковой семьи второй половины I тыс. до н.э. Непосредственным продолжателем одного из скифо-

сарматских наречий является осетинский язык, в основу которого легло одно из скифских (сармато-аланских) наречий [Основы …, 1979: 275; СИЭ, 1982: 1229].

Осетины привлекли внимание европейских ученых еще в XVIII в., подметивших, что язык, на котором они говорят, имеет отношение к иранской, но не к кавказской языковой группе. Тогда же Ю. Клапрот вывел осетин от средневековых аланов [Klaproth, 1829: 328-340]. Далее были работы Я Потоцкого (1829), К.Ф. Мюлленгофа [Mullenhoff, 1866: 549-570] и др. Особый вклад в изучение вопроса принадлежит академику В.Ф. Миллеру, благодаря исследованиям которого впервые четко была сформулирована теория об ираноязычии скифов, сарматов и аланов [Миллер, 1881; Миллер, 1913: 80-95]. В.И. Абаев продолжил исследования В.Ф. Миллера, и, опираясь на реликтовые остатки скифского языка, подтвердил этноязыковую преемственность скифов, сарматов, аланов и осетин [Абаев, 1949: 147-247; Абаев, 1979: 272-365]. К такому же выводу пришел и Ж. Дюмезиль [Дюмезиль, 1990: 7]. Нельзя не упомянуть и о взглядах д’Оссона [d’Ohsson, 1828: 180] и К. Ганна [Hann, 1911: 178] об осетинах, как части готов, т.е. германцах, что является не чем иным, как историографическим казусом. Библиографию вопроса можно существенно расширить, к примеру, работами Я. Харматты [Harmatta, 1952], Г. Гумбаха [Humbach, 1969], Л. Згусты 1987 [Zgusta, 1987], А.И. Иванчика [Иванчик, 2009] и С.В. Кулланды [Кулланда, 2013: 122-129].

В 1979 г. В.И. Абаев опубликовал очерк «Скифо-сарматские наречия», центральное место в котором занимает «Словарь скифских слов», который содержит более двухсот лексем, воссозданных автором на базе сохранившегося «скифо-сарматского» лексического материала. По результатам этого исследования, осетинский язык объявлялся непосредственным преемником языка скифов [Абаев, 1949: 239]. Ниже, в соответствующей главе диссертационного труда представлена научная деятельность С.В. Кулланды и раскрываются детали полемики, развернувшейся вокруг истоков языка скифов между учениками В.И. Абаева С.В. Кулландой, Ю.А. Дзиццойты и А.И. Иванчиком.

Последний раз скифы в письменных источниках упоминаются в III в. до н.э., что обусловлено началом сарматского этапа истории Степи [Петрухин, Раевский, 1998: 100]. На большей части европейских степей скифов сменили ираноязычные сарматские народы, господствовавшие здесь в течение семи столетий (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Но еще до сарматов древний мир познакомился с савроматами – кочевыми племенами скотоводов, обитавшими восточнее скифов, в степях Поволжья в VI-IV вв. до н.э. К.Ф. Смирнов полагал, что савроматы – это группа кочевых племён, мигрировавших из Заволжья, Южного Приуралья, и сформировавшихся из потомков носителей степных культур эпохи бронзы [Смирнов, 1964: 3]. Продолжая эту линию, И.В. Пьянков считал преемственность ряда «савроматы-сирматы-сарматы» бесспорной, отмечая, при этом ряд характерных признаков, не свойственных собственно скифам, как то: «матриархат», специфические брачные и погребальные обычаи, своеобразный «звериный стиль»[42], истоки которого уходят в Сибирь или глубины Центральной Азии» [Пьянков, 2013; 548]. Скорее из-за фонетического созвучия этнонимов [Тохтасьев, 2005: 300], а также с учетом информации Геродота, писавшего, что савроматы говорят на искажённом скифском языке, некоторые исследователи склонны были считать, что крупные политические союзы сарматов вышли из племенных объединений савроматов, сформировавшись на их основе [Смирнов, 1964: 3]. Однако археологические исследования последнего времени показали, что савроматы, скорее, являются частью сако-сибирского мира, и не имеют прямой связи со скифами и носителями срубной и андроновской культуры позднего бронзового века [Скрипкин, 2017; 42]. М.И. Ростовцев также считал савроматов отдельным племенем Приазовья, которое кануло в Лету под нашествием сарматов [Ростовцев, 1918: 43, 164], и при этом никогда не связывал сарматов и савроматов генетическим родством. Он отрицал эту связь, считал савроматов отдельным племенем «скифской эпохи», которое было локализовано вблизи

[42] Изобразительность не свойственна искусству древнейшего иранского мира степей, о чем свидетельствует археология, и с чем согласуется зороастрийская традиция.

Азовского моря за Доном, и которое исчезло с исторической арены в результате военной экспансии сарматов [Очир-Горяева, 1989: 113]. Это же отмечает и М.Г. Мошкова. Согласно ей, М.И. Ростовцев категорически отрицал какую-либо генетическую связь между геродотовскими савроматами и сарматами периода эллинизма и римской эпохи, и приписывал все исследованные им памятники ранним сарматам, подчеркивая при этом пришлый «иранский» характер их культуры. Разновременность выделенных им групп он объяснял последовательными сарматскими волнами [Степи европейской части СССР, 1989: 158].

С конца XIX в. в языкознании приоритетной считается теория об ираноязычии скифов и сарматов [Абаев, 1949: 14; Камболов, 2006: 129-142]. Совмещение скудных данных языка сарматов, прежде всего ономастики, с археологическим материалом позволило установить неслучайность ряда таких совпадений. С первым в истории по этой теме трудом под названием «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма»[43] выступил М.И. Ростовцев, который на примере артефактов из курганных захоронений, найденных в Оренбуржье, показал их принадлежность к миру ираноязычных кочевников.

Во второй трети III в. до н.э. распространение скифской археологической культуры в Северном Причерноморье постепенно сходит на «нет», оставляя «островки» в Крыму, Нижнем Поднепровье, на юге Пруто-Днестровского междуречья и в Добрудже. С III в. до н.э. в южноуральских степях, с рубежа II-I вв. до н.э. – и в других частей Степи к западу от Дона исследователи обнаруживают памятники новых культурных групп ранних кочевников, связываемых с сарматами. В частности, это позволяет ставить вопрос о миграции носителей раннесарматской культуры из степей Южного Урала в Волго-Донье и Северное Причерноморье. Сообщение Диодора Сицилийского (90-21 г. до н.э.), в котором говорится о «нашествии на Скифию»,

[43] Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград, 1918.

воспринимается рядом специалистов как информация о начале сарматской экспансии [Смирнов, 1964: 5; Сулимирский, 2007: 11].

Итак, одной из главных причин гибели Скифии, помимо внутренней дезинтеграции, называются сарматы, при этом некоторые авторы ссылаются и на другие возможные причины, в частности, на изменение климатических условий, и как следствие – «усыхание степей, длительное вытаптывание травяного покрова многочисленными стадами скота, упадок экономических ресурсов населения» [Гуляев, 2005: 153]. Способствовали распаду Скифии и борьба центростремительных и центробежных сил, образовавшихся после смерти скифского царя Атея[44], который погиб в битве с Филиппом II Македонским [Гуляев, 2005: 153]. Преемницей Скифии становится несколько государственных образований, расположенных на окраинах ее некогда обширной территории, прежде всего Крымская Скифия и Малая Скифия в Добрудже. По свидетельству Страбона, в I в. н.э. «вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией. Однако из-за того, что множество людей из Малой Скифии переправлялось через Тирас и Истр и поселялось в той стране, значительная часть Фракии была также названа Малой Скифией» [Strabo, VII, IV, 5]. Центром Крымской Скифии стал город Неаполь Скифский. При этом последние исследования в этой области [Зайцев, 2015; 2017], как уже отмечалось, «смещают» столицу крымских скифов в городище Ак-Кая / Вишенное в Центральном Крыму, на правом берегу реки Биюк-Карасу, которая была основана на два столетия раньше Неаполя Скифского, лишь позднее приобретшего столичный статус. Отмечается и то, что варварское население Крыма позднескифского времени было неоднородным, а о вхождении его в единую политическую структуру можно говорить далеко не для всех периодов истории этого региона.

Благодаря успехам отечественной археологии (В.А. Городцов, Н.И. Веселовский, М.И. Ростовцев, П.С. Рыков, П.Д. Рау, Б.Н. Граков и

[44] Атей (*Atheas*; ок. 429 года до н. э. – 339 год до н. э.) – один из наиболее выдающихся царей Скифии. Погиб в битве с Филиппом II Македонским, по преданию, в 90-летнем возрасте.

многочисленные исследователи следующих поколений), сарматская проблема разработана удовлетворительно и ознаменована блестящими открытиями и фундаментальными трудами. Бесспорен и велик вклад в науку К.Ф. Смирнова, которого, без сомнения, можно считать лидером советского сарматоведения. Весьма значителен вклад в сарматоведение М.Г. Мошковой, И.П. Засецкой, М.П. Абрамовой, В.Б. Виноградова, А.С. Скрипкина, Д.А. Мачинского, М.Б. Щукина, В.И. Гросу, А.П. Медведева, В.Е. Максименко, И.В. Сергацкова, В.Ю. Малашева и др. В последние годы сложились научные коллективы из нового поколения сарматоведов в Подонье, Поволжье, Приуралье, Крыму, Краснодаре, Ставрополе и др. С российскими школами тесно связаны и казахстанские. Немного моложе российской является венгерская школа сарматологии, несколько позже сложились румынская и сербская. Сарматской проблематике продолжают уделять внимание также ряд исследователей из Польши Германии и других стран.

Античная письменная традиция не оставляет никаких сомнений в том, что греки использовали этноним *«сарматы»* как обобщенное, собирательное обозначение ряда крупных племенных объединений, в т.ч. языгов, роксоланов, сираков, аорсов и др. География их расселения в регионе описана античными авторами, прежде всего Страбоном и Птолемеем относительно подробно [Strabo, XI, V, 7-8; Ptol., III, 5-8]. Страбон отмечает их языковое единство, тогда как Птолемей, похоже, ограничивает Европейскую Сарматию зоной досягаемости их набегов и военных союзов. Политическую разобщенность крупных объединений при прямом вмешательстве Рима демонстрирует война 49 г. между аорсами и сираками. В середине I в. н.э., с выходом на авансцену истории аланов, ситуация очередной раз кардинально изменилась.

Впервые народ ***аланов*** был достоверно упомянут в трагедии Луция Аннея Сенеки «Фиест» в начале 60-х годов I в. н.э. в связи с их первоначальными набегами через пограничный римский Дунай[45]. К 70-м годам ранние аланы

[45] ВЕСТНИК: какой здесь край? Удел ли братьев праведных?
Лакедемон, Коринф ли попирающий?

обосновываются у устья Дона, и с рубежа I-II вв. – на территории центральных и восточных районов Северного Кавказа, где во II-IV вв. формируется своеобразная аланская археологическая культура с большим экономическим и людским потенциалом, претендующая на аналог раннего государства [Малашев, 2014; 2016]. С середины III в. н.э. очевидны заметное расширение территориальной экспансии кавказских аланов в Прикубанье и расселение их в низовьях Дона и Терско-Сулакском междуречье [Малашев, 2016; Малашев, Кривошеев, 2023: 267, 273-274]. Артефакты, найденные в аланском кургане недалеко от Азова, а именно: золотой фалар с бирюзовыми вставками, браслет и парадный кинжал в ножнах из красной кожи, датируемый I в. н.э., автор раскопок датирует временем первого появления аланов на Нижнем Дону. Очень эффектны даже сохранившиеся только в тайниках и тризнах при могилах художественные артефакты донских аланов рубежа I-II вв. Так, в тайнике размерами 60 × 90 см в кургане «Дачи» найдено более 14000 разных золотых артефактов и их нашивных деталей [Беспалый, 1992: 175-190, рис. 11-12]. Курган представляет собой могилу молодого воина, вероятно представителя элиты, для которой Д.С. Коробов дает определение «знатные воины» (в применении к VIII-X вв.) [Коробов, 2003: 276-279], а С.А. Яценко более конкретно относит к высшей категории аристократии (группа 1) [2015 б: 87-89]. В осетинском языке статус аристократа подчеркивался понятием *«ӕлдар».* О любви знатных аланов к красной коже пишет и Мовсес Хоренаци. «Красные» кожаные ножны кинжала, скорее всего, подчеркивают социальный статус погребенного. Здесь же можно сослаться на красный сафьяновый чувяк из погребения 4 скального могильника VIII-IX вв. «Мощевая Балка» в ущелье р. Большая Лаба [Иерусалимская, 2012: 229, 230, ил. 137]. В Византии, под влиянием которой долгое время находилась Алания, пурпурный цвет на дорогой одежде и обуви, как и червец, символизировал принадлежность к

Моря, иль Истр, по чьим водам уносятся
Аланов кони, иль земля Гирканская
Под вечным снегом иль кочевья скифские?
Что здесь за край, сообщник дел чудовищных? [Сенека, 1983: 220].

высшей аристократии вплоть до императора (ср. – Константин VII Багрянородный, или Порфирородный). Еще одна традиция уводит нас в более глубокую древность. Е.Е. Кузьмина считает, что издревле у индоиранских народов каждая цветовая символика соответствовала статусу, который человек занимал в индоевропейской социальной иерархии. Так, белый цвет одежды соответствовал брахманам, а красный был символом махараджей и кшатриев, т.е. правителей и воинов [Кузьмина, 1994: 162; Yatsenko, 2012: 176-179][46]. Значение пурпура как важного фактора принадлежности к элите персов широко известно [Яценко, 2006: 45]. Телохранитель царя Камбиса, будущий царь Дарий I, был настолько восхищен красным плащом эллина Силосонта, что просил его продать ему накидку. Силосонт не стал торговаться, а просто подарил его Дарию [Hdt, III. 139][47].

Конечно, вряд ли только лишь цвет обуви или ножен может служить доказательством высокого социального статуса погребенного воина, но и этот немаловажный маркер в совокупности с богатством прочего инвентаря, найденного в захоронении, и, прежде всего, парадный кинжал, маркирующий высокий прижизненный статус погребенного, дает право отождествить курган у г. Азова с военной аристократией самой ранней волны аланских переселенцев на Дон. К этому следует добавить захоронения кочевнической знати Нижнего Дона, датируемые второй пол. I – первой пол. II в. н.э. и которые большинством исследователей соотносятся с аланами [Раев, 1989: 117; Симоненко, 1989: 118; Засецкая, 1989: 46; Скрипкин, 1990: 215; Прохорова, 1994: 174].

Наряду со сменой кормовой базы для скота вдоль крупных рек (Дона, Северского Донца, Кубани, Кумы), центром притяжения для сарматских торговли и наемничества стали греческие города, расположенные в Северном Причерноморье; при этом сарматы, как известно, участвовали и в дальней

[46] См. более подробно: Yatsenko S.A. Colour Combinations in the Costume of Three Pre-Islamic Dynasties of Iran against the Background of the Synchronous Iranian World // 7 ICAANE. Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / Ed. by R. Matthews and J. Curtis. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 315-333.

[47] Специальное исследование, посвященное символике и значению пурпура в культуре древних, было выполнено американским ученым М. Рейнхольдом. См.: Reinhold M. History of purple as a status symbol in antiquity // Coll. Latomus. 1970. Vol. CXVI.

караванной торговле (более всего костей верблюда найдено в пограничном боспорском Танаисе). Много раньше экономическая целесообразность способствовала покорению греками «негостеприимного» (Понт Аксинский) Черного моря, и уже после основания в VII в. до н.э. ионийцами и дорийами колоний практически по всему черноморскому побережью, море постепенно стало называться Эвксинским, то есть «гостеприимным»[48].

Осознавая необходимость и важность торговой экспансии, которая зависела от выстраивания регулярных торговых отношений с народами Степи, греки все же шли на соответствующие риски, и старались основать на побережье как можно большее количество факторий [Иессен, 1947: 53]. М.И. Ростовцев считал, что основными товарами, которые скифы поставляли для греков, особенно в Меотиде, были рабы, меха, рыба и прочие ресурсы [Ростовцев, 1918: 136, 77, 78]. В конце VII в. до н.э. на Крымском берегу Боспора Киммерийского возник город Пантикапей, позднее – центр *Боспорского царства* (просуществовало до 530-х гг. н.э.). Оно объединило греческие города Феодосия, Фанагория, Горгиппия и др. под властью династии Археанактидов (480-438 гг. до н.э.), затем Спратокидов. С конца I в. до н.э. с перерывами Боспорское царство состояло в «союзных», практически вассальных отношениях с Римом [Ростовцев, 1900: 140-158], а окончательно было аннексировано ромеями лишь при Юстиниане Великом.

Боспорское царство, расположенное на рубеже двух континентов – Европы и Азии, разделенных рекой Танаис, был важен для Рима как стратегический плацдарм на границе с варварской ойкуменой, и как следствие – двух хозяйственно-культурных миров – оседло-земледельческого, и кочевнико-скотоводческого. Аккультурация эллинства, иранства и гуннского политического образования, оказала существенное влияние на культурный и

[48] Древнегреческое название моря – Понт Аксинский (др.-греч. *Πόντος Ἄξενος*, «Негостеприимное море»), встречается и название «Скифское». В «Географии» Страбона (7.3.6) предполагается, что такое название море получило из-за трудностей с навигацией, а также диких враждебных племён, населявших его берега. Однако скорее всего греки восприняли местное скифское название моря, представлявшее рефлекс др.-иран. **axšaina* – «тёмно-синий», «тёмный», соотносящееся с его нынешним названием, и переосмыслили его по созвучию с греческим словом «негостеприимный». Позднее, после удачного освоения берегов греческими колонистами, море стало называться Понтом Эвксинским (*Πόντος Εὔξενος*, «Гостеприимное море»).

этнический ландшафт региона во II – первой половине III в. н.э. Степень и глубину иранизации на понтийской и прикавказской территориях в этот период можно характеризовать следующими фактами: в начале III в. н.э. на Таманском полуострове (Азиатская часть Боспорского царства) появилась необходимость создания штата переводчиков с языка аланов. Так, в надписи на каменной плите, увенчанной знаком боспорского царя Савромата II (нач. III в.), говорится о некоем Ираке (Гераке), сыне Понтика, носившего титул *главный аланский переводчик* «в 505 году»[49] [Шкорпил, 1911: 112-114; Перевалов, 2011: 5].

Иранской антропонимике крупнейшего боспорского эмпория – Танаиса, которая количественно уступает только греческой, посвящен ряд работ видных советских и российских ученых [Абаев, 1979а: 277-308; Шелов, 1972: 249; Шелов, 1974а: 52; Шелов, 1974б: 80-93; 1978; Даньшин, 1990; Яценко, 1998: 54-55; Безуглов, 2001]. Эти материалы вместе с данными археологии ясно фиксируют поселение в городе и получение в нем гражданства выходцев из двух разных групп ираноязычного населения в 180-х годах и в начале III в., которые фактически образовали там военный гарнизон [Яценко, Вдовченков, 2015: 175-176; ср.: Мошкова, Малашев, Болелов, 2007].

Отдельной темой является вопрос, метко обозначенный В.А. Кузнецовым как *«археология фольклора»*. Яркой иллюстрацией этому является статья В.И. Абаева «Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний» [Абаев, 1958: 369-380]. Рассмотрев некоторые сюжеты осетинской Нартиады с точки зрения ценного исторического источника, В.И. Абаев убедительно проиллюстрировал в статье борьбу между собой нартовских родов, спроецировав ее на сюжеты из истории Боспорского царства. Героем одного из сказаний является алдар (князь) по имени *Kæfty-sær-Xujændonældar*, то есть «Глава-рыб-Владетель-пролива», он же «Черноморский алдар», который не является нартом, и прототипом которого В.И. Абаев убедительно считает царя Боспора. По его мнению, под нартами сказаний скрываются аланы, под проливом же, вполне естественно, подразумевается Керченский. Значимость

[49] «505 г. боспорской эры=208 г. н.э.» [Перевалов, 2011: 5].

этой статьи заключается во вполне достоверном преломлении действительной картины сармато-боспорских отношений глазами самих аланов сквозь призму Нартиады [Яценко, 1997], что представляется показательным примером отражения исторических событий в устном народном творчестве.

Во второй половине IV в. началось нашествие на юг Восточной Европы гуннского «племенного» объединения. Не позднее третьей четверти этого столетия гунны переправились через Волгу и напали на аланов-танаитов. Далее, покорив их в долгой борьбе, в 375 г. или чуть раньше гунны сокрушили объединение остготов (Готию у Оросия, или носителей черняховской культуры восточнее Днестра), которой тогда правил Германарих из рода Амалов[50]. Это и было началом эпохи Великих миграций, которая послужила неким водоразделом между эпохой длительного господства древних иранцев на юге Восточной Европы, и началом времени тотального превосходства тюрок и иных этнолингвистических групп[51]. Часть аланов-танаитов присоединилась к гуннам в их походе на запад. Г.В. Вернадский полагал, что аланы в гуннском нашествии играли роль авангарда [Vernadsky, 1944: 131]. Гуннам и их эпохе посвящены множество трудов. Среди фундаментальных исторических обзоров актуальной остается монография О. Менхен-Хельфена «История гуннов» (сокращенный и местами неудачный перевод на русский язык, опубликованный в 2022 г.). По археологии в связи с письменными источниками базовыми

[50] Ю.М. Десятчиков допускал, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, что аланы сдались не сразу, и что алано-гуннская война долгое время продолжалась на Северном Кавказе, после чего, кавказские аланы, потерпев поражение, отступили к Танаису, примкнув к аланам-танаитам. Гунны, изнуренные боями на Северном Кавказе, вынуждены были вступить в союз с аланами и Боспором, так как только в союзе с ними они могли сокрушить остготов Германариха. Боспорцы позволили гуннам через Крым выйти на Нижний Днепр, где находилась ставка Германариха, в то время, как аланы вместе с гуннами форсировали Дон [Десятчиков, 1987: 58-59]. Положение Ю.М. Десятчикова вписывается в сложившееся у многих исследователей понимание того, что волны кочевых завоеваний не приводили к уничтожению предшествующего населения. В некоторых случаях уничтожалась аристократия, родоплеменные связи, после чего рядовые кочевники были интегрированы в уже существующую военную структуру завоевателей. Иногда завоеватели интегрировали целые группы кочевий, например, как сяньбицы включили в свой состав огромный массив из северных хунну. Были и другие модели. Что же касается реконструкции Ю.М. Десятчиковым хода исторических событий, ее ключевые звенья (якобы «гунно-аланская война» на Северном Кавказе, раннее – до 390-х гг. – появление гуннов в Крыму, и не только эти) не имеют прямого подтверждения в письменных источниках и противоречат современным разработкам по крымской и кавказской археологии.

[51] Отметим, что язык гуннов не известен. Однако со второй половины V в. в восточноевропейской степи господствуют объединения, сопоставляемые специалистами с тюркским – огурскими (огузскими) народами. Появились они вместе с гуннами или сменили их – вопрос открытый.

остаются обзоры И. Вернера, А.К. Амброза, И. Боны, И.П. Засецкой, Б. Анке, М.М. Казанского и ряд других.

Общая картина будет неполной без краткой справки об археологических материалах, представляющих культуру того времени, когда «поздние сарматы» и «ранние аланы» стали играть заметную роль в Боспорском царстве. Наиболее активно интеграция сарматов в культуру Боспорского царства наблюдается в I–IV вв. н.э. Усиление влияния варварских элементов проявлялось в образе жизни жителей Боспора, формировании сарматских династий и даже в действиях и репрезентации монархов. Изменения коснулись и костюма боспорцев[52]. Широко распространяется сарматский язык, возможно возникновение билингвизма-двуязычия [Кругликова, 1966: 153]. Отталкиваясь от скудных данных сарматского языка, С.Р. Тохтасьев отмечает: «Сарматские диалекты объединяет, прежде всего, важная и яркая особенность, неизвестная ни в скифском, ни в других иранских языках, кроме современного осетинского, потомка сарматского: переход сочетаний **ri, *ry > *l, *riy > *li*» [Тохтасьев, 2005: 294]. Со II в. до н.э. по IV в. н.э. распространяются клановые знаки собственности и сопричастности (иран. nishan, тюрк. tamga) [Соломоник, 1959, рис. IV; Драчук, 1970, ч. 1 и 2; Драчук, 1975; Яценко, 2001]. Назначение этой знаковой системы у иранских и тюркских народов сегодня вполне выяснено на материалах археологии и этнологии, выделены 7 основных их функций [Яценко и др., 2019: 19-21]. Такого типа эмблемы, идущие от сарматов и аланов, до XX в. были ярко представлены в этнографии горцев Северного Кавказа XIX-XX вв. в качестве родовых, фамильных *тамг*.

Раннему периоду истории аланов (прежде всего, ранних донских, северокавказских, отчасти, аланов-танаитов и маскутов Прикаспийского Дагестана) посвящено немало публикаций с введением в научный оборот новых материалов. Не представляется возможным и необходимым

[52] Синтез «исконных» эллинских или римских традиций и культур т.н. варваров стал повсеместным, начиная, как минимум, с эпохи эллинизма, приобретая разные формы. Его отражение в литературе того времени – сетования о «падении нравов» и т.п. у молодежи, которые повторялись ревнителями старины одного за другим поколений.

анализировать весь массив информации, наработанный в разное время большим количеством ученых-археологов. Здесь большое значение имеют не только монографии, но нередко и отдельные статьи. Они могут дать общее представление о состоянии вопроса и дальнейшей перспективе в изучении проблемы иранизации – сарматизации Центрального Кавказа. Это, прежде всего монографии М.П. Абрамовой [Абрамова, 1993], А.А. Туаллагова [Туаллагов, 1997], Т.А. Габуева [Габуев, 1999], Ф.Х. Гутнова [Гутнов, 2001], В.Ю. Малашева [Малашев, 2009, 2016]. Важной остается монография М.П. Абрамовой «Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.)», написанная на анализе основного имеющегося к тому времени археологического материала. Взаимоотношение оседлых народов Кавказа и пришлых в регион аланов – основная канва работы М.П. Абрамовой. Выяснение характера этих взаимоотношений может послужить решением для многих вопросов, в частности внесения ясности в вопрос этногенеза осетин, таких, как определение субстрата, на который наложился аланский суперстрат [Абрамова, 1993: 5]. Б.В. Техов постарался ответить на вопрос, поставленный М.П. Абрамовой, подчеркнув при этом языковое родство пришлых и оседлых народов [Техов, 1995: 3][53].

Изыскания последних двадцати лет, прежде всего М.П. Абрамовой и В.Ю. Малашева выявили гетерогенный характер погребального обряда аланов Северного Кавказа, который складывался из местного субстрата (смешанного населения, возникшего при седентеризации кочевников северокавказских степей при участии местного оседлого населения – потомков носителей кобанской культуры – памятники типа Чегем-Манаскент) и части носителей среднесарматской археологической культуры, на которых вызревала уже собственно аланская культура. С территории центральных и восточных районов Северного Кавказа («метрополии» аланской культуры) в III в. идет экспансия алан на Нижний Сулак, Нижний Дон, предпринимаются походы на Кубань и

[53] Под этим населением в настоящее время подразумевается оседлое население Северного Кавказа, оставившие памятники типа Чегем-Манаскент.

соседние регионы, а в IV в. осваивается Кисловодская котловина, отдельные группы участвуют в сложении культуры, отраженной огромным могильником Паласа-Сырт на юге Дагестана.

Основные вопросы, связанные с тематикой истории древнего иранства Восточной Европы, которые представляют интерес в трудах российских эмигрантов в контексте темы диссертационного исследования, сформулированы следующим образом: хронология и территория расселения древнейших известных в письменных источниках иранцев – киммерийцев, скифов в т.н. «Великой» и Малой Скифии, на Северном Кавказе; причины гибели Скифии; Боспорское царство и его роль в судьбе скифов и сарматов; сарматизация и эллинизация соседствующих этносов на Боспоре; некоторые крупные группировки кочевников – роксоланы, сираки, аорсы, аланы и т.д. В последующих главах мы вновь будем возвращаться к истории вопроса, но уже в свете взглядов ученых, которые имели непосредственное отношение к изучению как общих, так и частных проблем древнего иранства Восточной Европы. Особый интерес они вызывали у М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, которые искали истоки российской государственности в оригинальном синтезе иранства и эллинства, зародившемся в южнорусских степях. Обзор и критический анализ работ видных русских ученых зарубежья были выделены в отдельные, соответствующие хронологии и их научной значимости главы диссертационного труда.

1.2. От поздней античности до конца XIX столетия. Становление алановедения и осетиноведения (конец XVIII – конец XIX вв.): от Г.Ф. Миллера до Ю.А. Кулаковского

Аланскому наследию в Западной Европе посвящена серия работ как российских, так и европейских ученых, которые, к тому же, определили ряд характерных маркеров кочевнических культур сарматского времени. Это,

прежде всего, топонимия, разбросанная в основном в западной части Европы, ономастика, имеющая иранское происхождение, некоторые элементы военной тактики и стратегии, описанные в римских хрониках, а также эпос, который, в частности, связывает истоки легенды о короле Артуре с сарматами, волею императора Марка Аврелия оказавшимися в Британии.

Уже после VII в., в период Средневековья аланы на Западе становятся мифом. Известия о них отражены в нарративных источниках, позже сведения дополняет археология, прежде всего кавказская. Совокупность данных позволяет свидетельствовать о той важной роли, которую играли раннесредневековые аланы в общекавказской и европейской истории. Ярким примером тому могут служить и генеалогические легенды о происхождении европейцев. Так, подчеркивая значимость аланского наследия в Западной Европе, и влияния аланов в целом на раннюю европейскую культуру эпохи Великого переселения народов, Б. Бахрах в своей работе «Аланы на Западе» ссылается на средневековую арморикaнскую (северо-западная Франция) легенду, согласно которой родоначальником Европы был Аланус [Бахрах, 1993: 97]. Продолжая тему, В.Б. Ковалевская отмечает, что отношения древних авторов к аланам «характеризует… тот факт, что автор составленной в IX в *Historia Brittonum – Ненний,* эпонимом Европы называет Алана (Аланус), вводя его в библейский генеалогический ряд» [Ковалевская, 1992: 74]. Согласно легенде, этот персонаж был сыном Яфета, внуком Ноя, и являлся предком бретонцев, бургундов, готов, франков, вандалов и т.д. Еще одно предание провозглашает Алануса предком бретонцев, возводя его согласно римской традиции к Энею из Трои и к Яфету – уже по традиции библейской [Лебединский, 2016: 172]. Но уже тогда политическая конъюнктура диктовала необходимость коррекции прошлого, что было обусловлено интересами вновь возникающей и утверждающейся западноевропейской элиты.

Политические реалии любого времени всегда требовали соответствующего идеологического и соответственно – мифологического и генеалогического сопровождения. К примеру, процесс искажения роли аланов в исторических

процессах в Европе начался в период, когда этноним *алан* был еще широко известен в Европе. И, тем не менее, западноевропейская историческая традиция достаточно быстро снивелировала роль аланов в истории Европы эпохи Великого переселения народов [Лебединский, 2016: 89]. Согласно В.Б. Ковалевской, «игнорирование роли Алан в истории Западной Европы связано с Франкской исторической традицией, начиная с Фредегара, который имя Алан заменил на Франка» [Ковалевская, 1992: 74]. В «Книге истории франков»[54] говорится, что франки получили свою независимость от Рима, или были освобождены от дани в награду за победу над аланами, обитавшими на Азовском море. Между тем в исторических хрониках не встречаются факты, которые бы свидетельствовали не только о войне между франками и аланами, но и о соприкосновении аланов с франками до начала V в. (406-407 гг.), то есть до момента, когда аланы форсировали замерзший Рейн и впервые столкнулись с франками [Лебединский, 2016: 171][55].

Причины для подобных искажений фактов в раннефранкских исторических сочинениях были разными. К примеру, в 406 г. аланы во главе с царем Респендиалом, вместе с союзными вандалами и свевами, прошлись по всей Галлии огнем и мечом, практически уничтожая все на своем пути. Вполне возможно, что у франков, позднее расселившихся в Галлии, могло возникнуть желание вытравить из своей памяти все, что было связано с аланами, принизить их значение в истории страны, дабы восхвалить себя. Отголоски мнимых побед над аланами полумифического короля франков Меровея можно обнаружить и в романе Оноре д'Юрфе «Астрея», опубликованном в начале XVII в. [Лебединский, 2016: 172].

---

[54] «Книга истории франков» (лат. *Liber historiae Francorum*) – анонимная хроника VIII века, известная также под названием «Деяния франкских королей» (лат. *Gesta rerum Francorum*).

[55] Можно предположить, что в данном случае исторические хроники приписывают франкам более ранние деяния готов в отношении догуннских групп аланов. Однако археологически фиксируется лишь влияние черняховской культуры, среди носителей которой были германцы, на алан-танаитов и другие более восточные культуры (трехслойные односторонние гребни, некоторые типы фибул позднего III – IV в.). В письменных же источниках данные о взаимоотношениях аланов и германцев в догуннское время отсутствуют.

Историография вопроса этногенеза осетин берет отсчет с конца XVIII в. Она изучена подробно и систематизирована. Впервые в научной литературе концепция о генетической связи осетин с аланами была предложена Герхардом Фридрихом Миллером, русским историком, профессором и членом Санкт-Петербургской Академии наук. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он высказал мнение о родстве осетин с раннесредневековым аланским племенем *ассы* [Миллер, 1773: 15-18].

Почетный член Российской академии наук, путешественник Я. Потоцкий интересовался древней историей народов России, в том числе и в контексте скифо-сарматской проблематики. В 1802 г. он издал в Санкт-Петербурге книгу на французском языке, под названием *«L'histoire Initiale des Peuples Russes avec une Exposition Complete de Toutes les Notions, Locales, Nationales et Traditionelles, Nesessaries a l'Intelligence du Quatrieme Livre d'Herodote»* [St. Petersbourg, 1802]. В ней автор, обозревая историю народов, населяющих Россию, касается и вопроса происхождения осетин. Согласно ему, осетины являются потомками аланов-асов-ясов, мигрироваших на Северный Кавказ из низовьев Дона, и потомками «осилов» Птолемея и «сарматов-мидийцев» Диодора Сицилийского и Плиния [Potocki, 1802: 186; Потоцкий, 2003: 72-73][56]. Интерес представляет небольшой словарь, приведенный в книге, в котором сравниваются французские, персидские, осетинские и русские слова [Potocki, 1802: 213-215]. В целом же несомненной научной заслугой Я. Потоцкого является актуализация им «огромной» аланской проблемы, как части истории древнего иранства на юге России [Потоцкий, 2003: 78]. Сведения об осетинах впоследствии вошли и в двухтомный труд Я. Потоцкого «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи», опубликованный в Париже в 1829 г. уже

[56] Этим вечером я сказал епископу Гайозу о том, что мне кажется очень правдоподобным то, что осетины, именуемые оссами, были оссианами Птолемея, жившими на Дону, тем более что в осетинском языке *«дон»* означает *«вода», «река».* Епископ мне ответил, что … у грузин давно известно, что оссы ранее жившие на севере гор, там, где они живут сегодня, пришли с Дона, вытесненные хазарами…. Здесь я также начал составлять осетинский словарь, в чем мне помог один представитель этой нации, говорящий по-русски и по-грузински, а также под руководством епископа, который говорит на этом языке… Осетинский язык отнюдь не представляется таким трудным, как черкесский; напротив, все звуки в нем четкие и их легко передать с помощью нашего алфавита [Потоцкий, 2003:72-73].

после смерти автора, по инициативе и под редакцией его ученика, немецкого востоковеда первой половины XIX в. Юлиуса Клапрота [Potocki, 1829] .

Ю. Клапрот не является пионером в установлении и изучении осетино-аланских взаимосвязей, однако, в исторической науке принято считать за точку отсчета именно его взгляд на проблему этногенеза осетинского народа. В 1812-1814 гг. он издает в Германии два тома «Путешествия на Кавказ и в Грузию, совершенных в 1807-1808 гг.», в которых впервые было сказано о генетической взаимосвязи ираноязычных осетин со скифами, сарматами и аланами. Позже, в 1822 г. в Париже отдельной брошюрой был издан доклад Ю. Клапрота *«Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossétes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen âge»* о соотношении осетин и средневековых аланов, зачитанный им 4 ноября 1822 г. на заседании Азиатского общества. Доклад был опубликован в издании *«Nouvelles Annales des Voyages, de la géographie et de 18 histoire»* [Paris, 1822]. В нем ученый в развернутой форме еще раз обосновал выдвинутые им доказательства идентичности аланов с осетинами. Статья Ю. Клапрота в последующем и будет считаться доказательством его приоритета в этой области. Согласно ему, в VII в. до н.э. скифы переселили колонии мидийцев «в Сарматскую страну, расположенную в северной части Кавказа... Современные осетины происходят от этой колонии...» [Klaprot, 1822: 243-356; Осетины …, 1967: 176].

До начала XIX в., то есть до работ Ю. Клапрота, вопрос этногенеза осетин все еще ставился на уровне интуитивных догадок, в основе которых лежали преимущественно фонетические ассоциации (асы, ясы, овсы, осы, осетины) и языковое отличие осетин от других народов Кавказа. Протопоп И. Болгарский в донесении архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию от 1780 г. писал: «Что касается до самих сих народов, которых мы называем осетинцами, откуда они или от кого именно начало свое приняли, о том ни прежде, ни ныне совершенно узнать невозможно...» [Русско-Осетинские …, 1984: 383, 384]. Практически ничего не говорится об осетинах и в первом сводном труде о народах России, автором которого был академик И.Г. Георги (1776), а в

«Историогеографических записках о странах между морями Черным и Каспийским», изданных в Санкт-Петербурге в 1810 г., в разделе «Оссы или осетинцы» лишь указанно, что «История их покрыта неизвестностью» [Историогеографическая …, 1810: 31].

Одной из причин столь большого интереса к осетинам среди исследователей следует считать резкое отличие осетинского языка от языков других народов Кавказа, что не могло не породить совершенно фантастические на первый взгляд версии о происхождении осетин. Так, немецкий ученый Иоганн Антон Гюльденштедт, который путешествовал по Кавказу в 1770 и 1773 гг., считал осетин остатками половцев, якобы бежавших, после поражения в битве с русскими войсками, возглавляемыми Владимиром Мономахом в 1111 г. у притока р. Дон в кавказские горы [Гюльденштедт, 1803: 89]. Версий этногенеза осетин было предостаточно (некоторые исследователи всерьез считали их потомками этрусков), однако они не получили развития ввиду отсутствия каких-либо серьезных аргументов и перспектив научного обоснования.

На этом фоне теория Ю. Клапрота оказалась наиболее привлекательной в силу своей ясности и четкости формулировок. К концепции Я. Потоцкого и Ю. Клапрота в основном примыкал и швейцарский археолог, этнограф и натуралист Фредерик Дюбуа де Монпере, посвятивший этнической истории осетин специальную главу в томе IV своего «Путешествия вокруг Кавказа». Монпере рассматривал «алан, асов и иронов-осов» как родственные между собой племена, тремя разновременными волнами переселившиеся на Кавказ» [Montpereux, 1840: 320, 363, 364, 406, 407]. Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1843 г., придерживался германской теории происхождения осетин. Он считал, что осетины происходят от готских и других германских племен, разбитых гуннами и укрывшихся в горах Кавказа. По его мнению, готы, укрывшиеся в горах Кавказа, подчинили себе «первоначальных кавказских жителей, осетинов и аланов», заимствовали их язык и образовали вместе с ними новый народ [Гакстгаузен, 1857: 93, 117, 118].

Еще одна теория принадлежит французскому ученому-географу Луи Вивьену де Сен-Мартену, автору атласа «История географии и географических открытий» (1873), который считал, что аланы появились на Северном Кавказе в результате миграции из Согдианы и Арала в I-III вв. н.э.[57]. Аланов и осетин он считал родственными, но все же разными народами. Сен-Мартен связывал появление предков осетин на Северном Кавказе со скифским вторжением в Закавказье в VII в. до н.э., видя отражение этого события в сообщении грузинских источников о нашествии «хазар». Согласно Сен-Мартену, предками осетин были *исседоны*[58], которые «еще во времена Митридатовых войн должны были находиться на Кавказе» [Saint-Martin, 1847: 168]. Считая осетин ираноязычным народом, Сен-Мартен рассматривал их как поселенцев, внедрившихся в среду древнего населения Кавказа, которое по отношению к осетинам «может рассматриваться как аборигенное». Вместе с тем, он утверждал, что аланы не являются тем же народом, что и кавказские асы, считая, что в определенную эпоху «аланы покорили страну асов, вследствие чего соседние народы стали обозначать покоренный народ именем победителей. Однако обе народности не перестали быть различными с этнографической точки зрения[59], потому что сила оружия постепенно сблизила их между собой» [Saint-Martin, 1847: 12, 14, 19]. Сен-Мартен придавал большое значение изучению «осетинского языка – вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы». Он весьма комплементарен по отношению к Ю. Клапроту, исследования которого, по его мнению, «привлекли внимание ученых Европы к одному из самых замечательных народов тамошних высокогорий, к жителям Осетии». Однако он не преминул подчеркнуть, что «этот ученый допустил большую ошибку, одновременно историческое и этнологическое смешение, идентифицируя кавказских ясов и алан, которые

[57] Часть современных сарматологов охотно согласилась бы с ним в отношении среднесарматской и позднесарматской культур.
[58] Исседоны (др. -греч. *Εσσηδονες*) – древний народ, обитавший в степной зоне Южного Приуралья, возможно Юго-Западной Сибири. Вероятно, были народом родственным сарматам.
[59] Ср. соседние страны Алания и Асия у Константина Богрянородного.

завладели Осетией в первые века нашей эры». В. де Сен-Мартен высказывался и против этнонима *осетины*, который ввел А. Шёгрен [Шёгрен, 1998: 14-15].

Теория аланского происхождения осетин все более утверждалась среди мировой научной общественности, находя среди них новых приверженцев, хотя сомнения по поводу ранних периодов их истории все же оставались. Так, в 1836 г был издан коллективный труд под названием «Обозрение Российских владений за Кавказом», в котором автор раздела «Осетины» А. Яновский с сожалением отмечал: «Нет никаких источников, из которых можно бы вынести заключение о населении Осетии в разные эпохи» [Обозрение ..., 1836: 185][60]. Здесь же отмечалось, что все осетины, и северные, и южные «одного происхождения, имеют собственный язык». Издатель книги В. Легкобытов в комментариях к ней привел идею Ю. Клапрота о «мидо-аланских» корнях осетин, и обратил внимание на то, что аланы арабских географов жили там же, где и аланы Птолемея и Иосифа Флавия, и «где ныне живут Оссетины». Следовательно, и в начале н.э., и в XIV в., и в XIX в. народ этот оставался «там же, и … поэтому не без основания Оссетины могут быть признаны Кавказскими Аланами средних веков» [Обозрение ..., 1836: 186, 187]. Примерно в это же время И. Бларамберг завершил работу над своим фундаментальным трудом о горских народах. Касаясь происхождения осетин, он вслед за Ю. Клапротом и В. Легкобытовым назвал их потомками «сармато-мидийцев» и «аланов». При этом И. Бларамберг использовал свидетельства Константина Багрянородного, И. Барбаро, древнерусские летописи, сочинения армянских авторов, арабских историков и географов, грузинские хроники в критическом ключе. В результате этой работы он также пришел к выводу о тождестве средневековых аланов с осетинами [Бларамберг, 1992: 133-139].

Значимыми для осетиноведения первой половины XIX в. явились работы словацкого и чешского слависта и поэта П.И. Шафарика, автора монографии

[60] В то время еще не совсем оформилась российская археология и, тем более, не были известны древние носители поздней кобанской культуры, ставшие местным субстратом. Также не было информации о времени появления группы аланов в Предкавказье (рубеж I-II вв. н.э. по В.Ю. Малашеву), мало было сведений о предыстории равнинной Осетии, Малой Кабарды и т.п.

«Славянские древности» (1847 г.), который также коснулся в ней вопроса происхождения осетин. Шафарик полностью отождествлял осетин с кавказскими аланами, рассматривая последних в тесной связи с сарматами – языгами и роксоланами. Называя аланов «сильным народом Сарматского племени», он писал об их происхождении: «Этот народ (аланы – А.Ч.) начинает показываться из Скифской и Савроматской тьмы в первый раз в конце I в. по Р. Хр., но в Азиатской истории память о нем идет далее в древность». В другом месте Шафарик высказался более определенно: «Главное местопребывание этого древнего народа было за Доном, в степях между Меотидой, Кавказом и Хвалынским (Каспийским – А.Ч.) морем, а колыбель его – Мидо-Персия, из коей долгое время выходили в Европу многочисленные полчища его, известные под именем Роксалан, Язигов и Алан...». Касаясь проблемы соотношения аланов с осетинами, П.И. Шафарик подчеркнул: «нынешние Аланы, обитающие в Северной части Кавказских гор, называют сами себя Ирон, а землю свою – Иронистон, напротив того Грузинцы именуют их Осами или Овсами, землю их – Осетией, русские же – Асами, Осетинцами (Осами, Осетинцами)» [Шафарик, 1847: 108]. В целом, к середине XIX в. сложилось довольно прочное мнение не только о происхождении осетин от аланов, но и о происхождении последних. О степени распространения этих знаний свидетельствует и митрополит Макарий, который в своей «Истории русской церкви» [Макарий, 1845] говорил о «многочисленных свидетельствах древности о наших аланах, об их родстве с царскими скифами Геродота, об их тождестве с массагетами, сарматами и проч. и проч.» [Шафарик, 1847: 109].

Во второй половине XIX в. на Кавказе появляются важные для исследователей Кавказа периодические издания, такие, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», газета «Терские ведомости» и др., которые подробно освещали жизнь горцев, разные стороны их истории и культуры. Здесь же публикуются статьи «Материалы для древней истории осетин», «Народное право осетин» Вольдемара Богдановича Пфафа. Несмотря

на неоднозначность выводов, его по праву можно назвать первым профессиональным этнографом-осетиноведом. В.Б. Пфаф был первым, предпринявшим попытку систематизированного написания истории аланов-осетин с древнейших времен до крестьянской реформы 1861 г. Конечно, обобщения, которые он представил по следам своих экспедиций в Осетию, не всегда можно было назвать научно аргументированными. Разнообразные предположения В.Б. Пфафа относительно прошлого осетин практически никогда не были подтверждены историческими фактами, что приводило к серьезным ошибкам в выводах. Суть его концепции заключалась в следующем: «осетины, по своему происхождению иранцы и принадлежат к той ветви мидо-персидского племени (ираноязычных народов – А.Ч.), которая в Европе известна под названием сарматов» [Сборник сведений …, 1870: 1]. Свой вывод он обосновывал не только этимологией названий крупнейших южнорусских рек, которые объясняются из осетинского языка, но и самоназванием осетин *«ирон»*, наличием в осетинском языке индоевропейских слов, некоторыми «арийскими», якобы, обычаями и, наконец, наружностью осетин [Сборник сведений …, 1870: 1].

Не осталась незамеченной эта непоследовательность и для редакции издания «Сборник сведений о кавказских горцах», где печатались материалы В.Б. Пфафа. Рецензенты отмечали, что в его работах «не видно полного основания для принятия тех выводов и предложений, к которым приходит автор» [Сборник сведений …, 1870: 2-8, 23, 119]. В целом же суть их претензий сводилась к следующему: В.Б. Пфаф подменил конкретный анализ этногенеза осетин общими рассуждениями об их ираноязычных предках (сарматах, аланах) и «совершенно фантастическим» утверждением о синтезе иранцев-осетин с семитами в XV в. до н.э. [Сборник сведений ..., 1870: 1]. Ю.С. Гаглойти подчеркивал, что утверждение В.Б. Пфафа о смешении осетин-иранцев с семитами около XV в. до н.э. не подтверждается абсолютно никакими историческими данными [Гаглойти, 1966: 16].

Рассматривая Нартиаду как ценный источник информации, В.Б. Пфаф в то же время был чересчур прямолинеен в трактовке фольклорных сюжетов, ошибочно считая нартов реально существовавшим народом[61]. Он отождествляет нартов осетинских сказаний с воинственным народом *мардов*, живших, по данным древних авторов, на южном берегу Каспийского моря и в горах Эльбурса. По его мнению, *марды* (нарты-осетины) «могли перенести название Эльбурс на высочайшую вершину Кавказа, около которой они, вероятно, впервые поселились» [Гаглойти, 1966: 16]. Но нарты все же являются фольклорным отражением предков осетин – сарматов и аланов, не более.

В.Б. Пфаф значительно расширил круг ираноязычных предков осетин и писал, что предки последних «принадлежали к великой семье народов, населявшей вместе с некоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогорье и, вероятно, называвшие себя общим именем или Ирон, или Ары (арии Геродота)». Он также не противопоставлял друг другу *аланов* и *осов* и верно отмечал наличие двух больших волн ираноязычных племен на Северном Кавказе. В.Б. Пфаф считал, что в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. приходят в движение кочевые народы, населявшие Туранскую низменность и часть среднеазиатского плоскогорья. «В числе первых в Европу пришли аланы – потомки той ветви древних массагетов, которые уже во время Кира обитали в степях, на восточном берегу Каспийского моря» [ППКОО, 2014: 100]. Аланы согласно ему вторглись на Северный Кавказ, где тогда уже обитала «другая ветвь громадного мидо-персидского племени, известная здесь под названием осов или нартов. Так как *осы* говорили на том же языке и, вероятно, придерживались, вследствие общего происхождения, тех же обычаев, как и аланы, то последние легко с ними могли смешаться и составить один народ» [Гаглойти, 1966: 16]. И все же, несмотря на явные перекосы в фактологии, ценность работ В.Б. Пфафа, который смог собрать и систематизировать значительный материал по Осетии и осетинам, заключалась в том, что его исследования способствовали привлечению внимания ученых к прошлому

[61] При этом с нартами в эпосе соседствуют и великаны, и жители подводного царства

осетинского народа. Он же впервые в этнографической литературе охарактеризовал социальную организацию осетин.

Работа еще одного исследователя – Д.Л. Лаврова – под названием «Исторические сведения об Осетии и осетинах» была опубликована в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» за 1883 г. В ней автор представил весьма интересные и порой неожиданные предположения относительно этногенеза осетин. В частности, со ссылкой на российского этнографа И.И. Шопена (1798-1870), который занимался сбором историко-филологических сведений, связанных с прошлым Осетии, он отмечал, что «названия «оссы, осси» как прототип этнонимов «осетины», и «ироны», как производное от «ир», представляют *слова-названия*, имеющие один исторический источник своего происхождения. И.И. Шопен писал, что «древнейшие китайские летописи упоминают о народе *«ир»* названном впоследствии (не ранее 2300 л. до Р. Хр.) на зендском и санскритском наречиях «и-ры; а-и-ры», по некоторым произношениям, «виры», откуда и латинское *vir*. Эти виры или иры поклонялись зодиакальному тельцу Оссу». В VII в. до Р. Хр. скифы во время вторжения в Азию захватили в плен целую колонию иров и поселили их на севере Кавказа, где обитали «поклонники коня»» [Сборник материалов …, 1883: 181]. Еще одна версия, приведенная Д.Л. Лавровым, указывает на тождество оссов-осетин с Геродотовыми исседонами [Сборник материалов …, 1883: 179]. Здесь же он ссылается на исторический факт, связанный с Гнеем Помпеем, который разбив войско Митридата Понтийского, преследовал его через земли осетин-аланов [Сборник материалов …, 1883: 194].

Уделяли внимание проблеме этногенеза осетин и представители грузинской интеллигенции, о чем можно судить по статье Ильи Чавчавадзе, опубликованной в основанной им в 1877 г. газете «Иверия» (№ 13), котрая была посвящена прошлому осетин. Разбирая все имеющиеся к тому времени теории, И. Чавчавадзе выступает сторонником их сарматского происхождения [Шамелашвили, 1963: 73-76].

Важным событием для отечественного кавказоведения стало издание трудов известного общественного деятеля, ученого, академика Санкт-Петербургской императорской академии наук М.М. Ковалевского, работы которого по истории горских народов еще при жизни снискали ему заслуженное признание современников. Помимо фундаментальных исследований в области древнерусской старины, Средневековья, феодализма и т.д., М.М. Ковалевский интересовался и прошлым кавказских народов, в частности осетин. Ярким свидетельством его интереса является монография «Современный обычай и древний закон», в которой он постарался не просто описать право осетинского общества, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права» [Ковалевский, 1886: 13]. В предисловии к основному тексту М.М. Ковалевский остановился на раннесредневековом периоде истории осетин. Здесь его мнение совпало с точкой зрения В.Ф. Миллера, благодаря дружбе с которым М.М. Ковалевский еще в рукописи смог ознакомиться с третьим томом его «Осетинских этюдов» и впоследствии использовать материалы издания в своей работе.

М.М. Ковалевский был убежден, что «Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских языков» [Ковалевский, 1886: 13]. Далее, согласно ему же, иранское происхождение осетин, «доказанное В. Миллером лингвистическими данными», нашло подтверждение в письменных источниках и археологических материалах. В давние времена на Северном Кавказе появились «кочевья Иранцев ... в их числе были Аланы, отождествляемые нередко средневековыми писателями с народом Асси или Яссы наших летописей, иначе говоря, с осетинами». Мысль о тождестве аланов и осетин показалась М.М. Ковалевскому настолько значимой, что он повторил ее еще раз: «показания грузинских летописцев о древности Осетин находят себе решительное подтверждение в однохарактерных свидетельствах древних писателей об Аланах». В осетинах середины XIX в. М.М. Ковалевский видел «уцелевший остаток многочисленных иранских поселений, какие расположены были

некогда в Южной России». После нашествия монголов и Тимура они отошли в горы, где нашли «одновременно благоприятные условия для сохранения своей независимости и препятствия своему численному размножению» [Ковалевский, 1886: 11-12, 15-21].

В рамках историографического обзора материалов XIX в. необходимо также выделить труды видного представителя русской гуманитарной науки конца XIX и начала XX вв., автора «Осетинских этюдов» В.Ф. Миллера. Его осетиноведческие штудии и сегодня являются образцом для исследователей языка, истории, права, этнографии и фольклора осетин. В период между 1879-1886 гг. будущий академик совершил шесть научных экспедиций в Осетию, в ходе которых изучил осетинский язык, записывал фольклорные памятники, изучал быт и верования осетин. В.Ф. Миллер широко использовал данные языкознания, топонимии, нумизматики, фольклора и тд., стремясь извлечь из них хотя бы «долю подлинной исторической истины». Нет необходимости в обзоре всех его работ по осетиноведеню, поэтому в контексте диссертационного труда стоит обратиться к третьему тому его «Осетинских этюдов», в котором рассмотрены вопросы древней и средневековой истории аланов. Именно здесь В.Ф. Миллер убедительно обосновал генетическую связь между кавказскими аланами и осетинами. Рассматривая древние и средневековые периоды жизни *«оссов»* (аланов), В.Ф. Миллер детально остановился на вопросе исторической этнонимии и доказал принадлежность этнонимов *ос*, *алан* и *яс* к одному и тому же народу. Опираясь на серьезную источниковую базу, он пришел к выводу о принадлежности языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи»; предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р. Хр. под именем сарматов и отчасти скифов...» [Миллер, 1887: 100-101]. Исходя из лингвистических и исторических данных о времени появления предков осетин на Северном Кавказе, В.Ф. Миллер считал, что они «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до н.э. под именем сарматов и отчасти скифов и занимали припонтийские и

приазовские степи на протяжении от нижнего Дуная до Волги и Урала». Время появления ираноязычных племен в причерноморских и приазовских степях В.Ф. Миллер относил, по меньшей мере, к X в. до н.э. Отмечая этногенетическую связь аланов с сарматами и скифами, он в то же время высказывал предположение о возможности сближения с ними массагетов. Это положение В.Ф. Миллера подтвердилось последующими исследованиями. Ученый также считал осетин остатком большого иранского племени, в классическую древность известного под именем понтийских скифов и сарматов, а в Средние века – под именем аланов [Miller, 1903: 4]. Разбирая возможные маршруты движения предков осетин на «их местожительства на северокавказской плоскости и в горах», В.Ф. Миллер писал, что «у нас нет ни одного прямого исторического указания» на эту тему, поэтому «остается прибегнуть к данным языка, к рассмотрению культурных слоев и спросить себя, не сохранилось ли в них каких-нибудь следов пути, которым шли предки осетин, прежде чем водворились на Северном Кавказе». Предпринятый анализ осетинских названий металлов убедил ученого в том, что аланы «должны были двигаться не с юга... а с севера, близ обильных металлами отрогов Урала...» [Миллер, 1887: 11, 12; Miller, 1904: 72, 73]. Большинство исследователей сегодня склонны придерживаться близкой точки зрения [Гаглойти, 1966: 18]. Проанализировав весь пласт античных, древнеармянских и древнегрузинских исторических памятников, В.Ф. Миллер по сути реконструировал историю и быт аланов I-IV вв. [Миллер, 1887: 45-48], а его «Осетинские этюды», бесспорно, являются достоянием мировой науки и до сих пор вызывают большой интерес [История …, 1987: 355, 356].

Достаточно интересной с историографической точки зрения является работа немецкого ученого Х. Хюбшмана «Этимология и фонетика осетинского языка» [Hübschmann, 1887]. Еще один ученый конца XIX в., Карл Мюлленхофф в третьем томе своего труда под названием «Исследования в области немецких древностей» *(«Deutsche Altertumskunde»*), изданной в 1892 г., рассматривал осетин как потомков древних сарматов и аланов, которые были ираноязычными

и находились в близком родстве. Он считал, что «остатки этого иранского населения, которое распространилось намного дальше на север, сохранились в осетинах на Центральном Кавказе, на Верхнем Тереке» [Müllenhoff, 1892: 103-105, 109, 111-112, 114, 118].

Бесспорным прорывом в алано-осетинских исследованиях наряду с трудами В.Ф. Миллера, надолго стала книга историка и филолога-классика Ю.А. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» (1899), в которой он проследил в общих чертах политическую историю аланов от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских походов, а также счел необходимым подчеркнуть актуальность исследования истории ираноязычных племен Кавказа, *«так как судьбы алан составляют часть до-русской, если можно так выразиться, истории нашей родины»* [Кулаковский, 1899: 167]. Касаясь проблемы этногенеза осетин, ученый ограничился лишь констатацией того, что осетины – «потомки и остаток древних алан». Все этапы политической истории аланов, за исключением почти полувекового (427-471) фактического правления Византией консула Флавия Ардавура и его сына Аспара, обозначены в вышеупомянутом труде ученого. С.В. Перевалов полагает, что причина, по которой автор проигнорировал Ардавуриев, заключалась в том, что вслед за Иорданом, он ошибочно считал их готами [Кулаковский, 2000: 40]. Помимо прочего, работе Ю. Кулаковского не хватает характеристики социальных отношений в аланском обществе, что подмечено и автором вступительной статьи к его книге «Избранные труды по истории аланов и Сарматии» С.М. Переваловым: «Событийная канва аланской истории изложена им великолепно, но вне связи с общественными структурами, этническими процессами, хозяйственным развитием: непосредственно в источниках эти факты не отражены и их, как бы, не было» [Кулаковский, 2000: 38]. Естественно, книга была бы еще более содержательной, если бы автор не ограничил себя источниками только классическими и византийскими (что отражено и в заглавии), а использовал бы и данные смежных наук (лингвистики, археологии, эпиграфики и др.). Однако есть понимание, что в

силу различных обстоятельств решить такую задачу в те времена было бы почти невозможно.

Второй по значимости труд Ю. Кулаковского по аланам – это история принятия ими христианства, изложенная в небольшой работе под названием «Христианство у алан» [Кулаковский, 1893]. Сквозь призму критики взглядов митрополита Московского преосвященного Макария (1482-1563), и анализ многочисленных писем патриарха Николая Мистика (852-925), Ю. Кулаковский исследует все подробности принятия аланами христовой веры, которая, безусловно, способствовала возвышению Алании, укреплению ее политического значения. Об этом свидетельствует и то, что кавказские династы (иверы, авазги, албанцы и еще семь народов) «получали от императора «приказ», и только властитель Алании был удостоен чести признания самостоятельным государем дружественной державы, которого император именует своим «духовным чадом» [Кулаковский, 2000: 177]. В X в. – начале XIII в., политическая обстановка способствовала распространению христианства, чего нельзя сказать о последующих смутных и судьбоносных двух столетиях, причиной чему являлось татаро-монгольское нашествие. В одном из писем к абхазскому царю Георгию II (923-957) Константинопольский патриарх Николай Мистик просит содействовать «пастырю соседнего народа», а затем хвалит его за «ревность» в просвещении князя Алании и благодарит за помощь. В общем итоге, как пишет Ю. Кулаковский, западные «аланы были христианским народом от начала X в. до второй половины XV века» [Кулаковский, 2000: 180].

Ю. Кулаковский также перевел на русский язык знаменитое «Аланское послание» епископа Феодора. Основное содержание послания заключается в следующем: объехав всю аланскую страну (первая пол. XIII в.), и выявив недостатки и факты отступления от веры, епископ направил патриарху и его синоду прискорбное послание, в котором называет алан христианами «лишь по имени», и просит помощи и наставления.

С сармато-аланской тематикой увязана и работа Ю. Кулаковского «Карта Европейской Сарматии по Птолемею», выход в свет которой он приурочил как приветствие XI всероссийскому археологическому съезду в г. Киеве в 1899 г. Вслед за первой главой, в которой дана общая оценка труда Птолемея, и указано его значение для новоевропейской науки, во второй главе автором предложен общий обзор данных Птоломея, относящихся к Европейской Сарматии, по группам: реки, горы, народы, города. Будучи уже к тому времени общепризнанным авторитетным антиковедом, он внес целый ряд существенных поправок карте Птолемея и по существу создал новую карту птолемеевой Европейской Сарматии. Этот факт является несомненной заслугой ученого. Наконец, органическая связь с аланской тематикой явилась причиной тому, что Ю. Кулаковский совместно с профессором А.И. Сони осуществил перевод на русский язык «Римской истории» Аммиана Марцеллина в трех выпусках (1906-1908) – главного и наиболее важного источника по истории аланов в позднеримский период[62].

1.3. Алано-осетинская проблематика в зарубежной историографии первой половины XX в.

Октябрьская революция 1917 года внесла свои коррективы в дальнейший ход мировой истории. Естественно, она не могла не отразиться на науке в целом и истории как науке в частности. Значительная часть интеллектуальной прослойки России, среди которых были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, И.И. Сикорский, М.И. Карпович и др., несогласные с произошедшими событиями, были вынуждены разными путями и по разным причинам покинуть Советскую Россию. Отныне наука, особенно гуманитарная, как и весь мир, на долгие годы вперед оказались по разные стороны политических баррикад, развиваясь при этом в значительной степени

[62] Конечно же, не стоит недооценивать и других авторов, в частности армянских – Мовсеса Хоренаци и Агатангелоса. К сожалению, более ранняя «Аланская история» Арриана не сохранилась.

автономно. Только самые стойкие ученые, не сломавшись под натиском судьбы, продолжали заниматься своими исследованиями, как правило, находя в них спасение от политических катаклизмов. Помимо перечисленных выше, это были в первую очередь, такие яркие представители исторической науки, как Михаил Иванович Ростовцев, и Георгий Владимирович Вернадский, труды которых будут представлены в последующих, отдельных главах исследования.

Интерес к алано-осетинской проблематике не ослабевал у европейских ученых и после Октябрьской революции. К примеру, шведский ученый Э. Шарпентье в своей статье «Этнографическое положение тохаров», опубликованной в 1917 г., определяет современных осетин не потомками, но «соплеменниками» средневековых аланов. Вместе с тем он отмечал, что «осетины, как самостоятельная часть большого аланского народа со своих насиженных мест в Трансоксиане и Согдиане попадают на Кавказ через юг Каспийского моря; в то время как собственно аланы шли из Киргизских степей и Поволжья в области на Кубани и Тереке» [Charpentier, 1917: 363]. Шарпентье был убежденным сторонником центральноазиатского происхождения осетин и аланов, и, фактически развил точку зрения В. Сен-Мартена, утверждающего, что аланы и осетины были близкородственными, но разными народами, поскольку, по его мнению, грузинские хроники различали этнотерриториальные понятия *Аланети* и *Осети.* Абу-Хасан аль-Масуди (943 г.), согласно ему, также отделял аланов севера от осетин Кавказа [Charpentier, 1917: 363, 364]. Ю.С. Гаглойти считал подобную аргументацию уязвимой, полагая, что грузинские тексты ставят знак равенства между асами (осами) и аланами, а византийские хроники подчеркивают статус «эксусиократора» Алании и «архонта Асии», который контролировал Дарьяльский проход, и в котором современные исследователи склонны видеть царя Алании [Гаглойти, 1966: 17]. Отношения эксусиократора Алании и архонта Асии сопоставимы, очевидно, с отношениями великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Что касается Абу-Хасана аль-Масуди, то в доступных нам переводах его трудов [Сведения ..., 1908: 53, 54; Минорский, 1963: 204, 205] обнаружить

противопоставление аланов и асов не удалось. Появление аланов в Юго-Восточной Европе Э. Шарпентье относил к I в. н.э.: «первыми классическими авторами, упоминавшими их (алан) имя, были Сенека и Лукан. К этому времени имя народа было уже довольно хорошо известно в Риме». Далее он цитирует рассказ Иосифа Флавия о том, как император Тиберий спровоцировал аланов к нападению на Парфию. Аланы, «перейдя Главный Кавказский хребет, разорили Армению и Мидию; с этим сообщением вполне оправданно сопоставимы заметки Тацита о сарматах». Уже тогда часть аланов находилась «в устье Волги и далее южнее на Тереке и Кубани, где в Средние века располагалось, собственно, аланское государство» [Гаглойти, 1966: 17]. Затем, обращаясь к свидетельству Плиния (IV, 12, 25) о связи аланов с роксоланами, Шарпентье трактовал последний этноним как «аланы на Волге», усматривая в первой части названия племени *Rox-alani* иранское название р. Волги [Charpentier, 1917: 360]. Помимо прочего интересны и маршруты, по которым, по утверждению Э. Шарпентье, ираноязычные племена мигрировали из Средней Азии. Согласно ему, в то время как аланы через каспийские степи двинулись в Европу, предки осетин («часть древнего аланского народа») «пошли южным путем и через Гирканию пробивались далее на Центральный Кавказ» [Charpentier, 1917: 364][63].

Австрийский исследователь Р. Блайхштайнер в своей работе *«Das Volk der Alanen»* («Народ Аланов») вышедшей в Вене в 1918 г., называет осетин потомками сакского (скифского) народа, жившего некогда на Понте, чей язык, «как выяснилось из собственных имен, был предшественником осетинского. Этот народ с I в. н.э. выступает под именем аланов, которое восходит к имени *аруа*, как называют себя восточные осетины». Вместе с тем он отметил, что нельзя полностью отождествлять аланов с саками, так как «в состав алан вошло некоторое количество иноязычных племен, в особенности кавказских». Тем самым Блайхштайнер объяснял наличие большого количества неиндоевропейских слов в осетинском языке [Bleichsteiner, 1918: 6-7, 10-11, 28].

[63] Сегодня среди сарматологов эта версия не популярна.

Концепцию В. Сент-Мартена – Э. Шарпентье об аланах и осетинах как родственных, но различных частях одного этнического массива, в разное время и разными путями переселившихся на Кавказ, Ю.С. Гаглойти справедливо объясняет стремлением исследователей согласовать взаимно исключающие, казалось бы, факты. Это – пребывание осетин (овсов грузинских летописей)[64] на Кавказе с древнейших времен, идентичность аланов и осетин и, вместе с тем, появление этнонима *алан* в античных источниках лишь в I в. н.э. Не найдя выверенного ответа на эти вопросы, вышеназванные ученые нашли выход в трактовке аланов и осетин как двух различных, хотя и родственных, частях одного народа [ср. Гаглойти, 1966: 18].

Наряду с историками, лингвистами и этнографами, на фоне открытия в середине XIX в., на Северном Кавказе образцов кобанской археологической культуры позднего бронзового и раннего железного веков, Осетией плотно заинтересовались и археологи. Помимо российских ученых (Г.Д. Филимонов, В.Б. Антонович, К.И. Ольшевский, А.С. Уваров, П.С. Уварова и др.), интерес к «кобанцам» начали проявлять и известные зарубежные исследователи, такие, как немецкий археолог и антрополог Рудольф Вирхов (Rudolf Virchow)[65] и заместитель директора Лионского музея (Франция), Эрнест Шантр (Ernest Chantre)[66]. Последний в четырехтомном труде 1887 г. под названием *“Recherches anthropologiques dans le Caucase”* «Антропологические исследования на Кавказе» (1887) впервые постарался скомпоновать и систематизировать кобанский материал, связав его с Кавказом и скифо-сарматским миром. В первых двух томах издания была представлена предыстория вопроса, в основном на кобанском материале, третий том включает в себя исторический («скифо-византийский») обзор, где основная доля материалов происходит из Осетии (Камунта, Лезгор, Чми и т.д. – в т.ч. для ряда находок это до сих пор остается единственной публикацией), а в

[64] Овсами Леонтий Мровели в своей хронике называл и скифов и сарматов и аланов.
[65] Virchov R. Das gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Berlin, 1883. 157 p.
[66] Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Tome 1-4. – Paris: Ch. Reinwald, Libraire; Lion: Henri Georg, Libraire, 1887.

четвертый, «историко-этнографический» том была включена специальная глава, посвященная осетинам. Помимо прочего Э. Шантр был известен своими фотопортретами представителей народов Кавказа, на одной из которых запечатлен и Х. Кануков – тагаурский алдар[67], в 1860-гг. обнаруживший после паводковых дождей на своем участке в с. Верхний Кобан многочисленные древние захоронения.

Венгерский археолог Бела Пошта (Béla Pósta) в работе *Régészeti tanulmányok az oroszföldön* «Археологические исследования в России» (1905) провел исследование, в котором многие находки из ряда губерний Российской империи (в т.ч. Кавказ, Причерноморье, степи) систематически сравниваются с фундаментальной публикацией и систематизацией археологом Й. Хампелем (József Hampel) огромного массива археологических материалов I тыс. н.э. (от сарматов до ранних мадьяров) из Среднего Подунавья.

Помимо ученых-исследователей кавказскими раритетами заинтересовались и торговцы древностями. Упомянутый выше Х. Кануков был первым, который начал активно монетизировать артефакты[68]. Этому способствовали и европейцы – прежде всего путешественники, затем инженеры, торговцы и т.п., которые будучи на Кавказе в немалом количестве скупали у местного населения древние предметы и увозили их на родину. Только часть этих древностей впоследствии попала в музеи, но даже этого было достаточно, чтобы стать основой обширных коллекций артефактов из Кавказа в ведущих музеях Европы (До- и ранней истории в Берлине, Естественно-историческом в Вене, Британском в Лондоне, Лувре в Париже) и многих не столь известных собраниях – особенно стоит отметить коллекцию графа Зичи в Музее искусства Восточной Азии им. Ференца Хоппа в Будапеште. В них, наряду с многочисленными кобанскими артефактами, видное место занимают аланские раннесредневековые древности. Многие европейские археологии о них знали,

[67] Алдары – высшее сословие в средневековой Осетии

[68] Первым покупателем накопившихся у Х. Канукова древностей выступил Р. Вирхов Согласно оценкам специалистов Х. Кануков, пользуясь своим правом частной собственности на землю, разграбил более 600 захоронений, соответственно перепродав артефакты за рубеж [Кузнецов, 1974: 22].

хотя опубликованы они очень отрывочно. К исключениям относится образцовая публикация Ангеликой Хайнрих (1995) находок из аланских катакомб в Чми и Кобани (Сев. Осетия), хранящихся в Вене в Природно-историческом музее (публикация и анализ этой коллекции стали и основой ее диссертации) [Хайнрих, 1995: 184-258]. Специальную статью «Нижний Архыз в Нью-Йорке», посвященную разграблению Мощевой Балки и балки Подорванной – аланских скальных могильников Нижне-Архызского городища VIII-IX в. в долине р. Большая Лаба написал В.А. Кузнецов [Кузнецов, 2018: 117-134]. Основной посыл статьи – каким образом текстиль из аланских скальных могильников VIII-IX в. в 1990-х гг. оказался в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (США).

При изучении историографии вопроса также стоит обратить внимание на небольшую работу известного норвежского ученого и полярника, лауреата Нобелевской премии мира Фритьофа Нансена. В начале 1920-х гг. известный путешественник дважды посетил Советскую Россию с гуманитарной миссией, связанной с военнопленными Первой мировой войны и помощи голодающим. По результатам своих поездок Ф. Нансен издал несколько книг на норвежском языке, в одной из которых, под названием «Через Кавказ в Поволжье»[69], содержится небольшой, но весьма содержательный очерк об истории, культуре и быте осетин. В 1931 г. книга была переведена на английский язык[70]. Конечно, сложно представить великого полярника еще и этнографом, но, тем не менее, его очерк представляет историографический интерес для исследователей, изучающих этногенез и этническую историю осетинского народа. Описывая осетинское общество, Ф. Нансен утверждает, что осетины (оссеты) являются потомками индоевропейских аланов и, возможно, даже сарматов и упомянутых Геродотом массагетов [Nansen, 1931: 59]. Он также подчеркивал языковую принадлежность осетин, относя его к иранской ветви индоевропейских языков,

[69] Fridtjof Nansen. *Gjennem Kaukasus til Volga* // Oslo: Jacob Dybwads Forlag, 1929. S. 162.
[70] Fridtjof Nansen. *Through the Caucasus to the Volga* // New York: W·W·Norton & Company, 1931. P. 255

исходя из того, что язык этот радикально отличается от языков других народов Кавказа.

Помимо прочего, Ф. Нансен впервые обратил внимание на единичные осетино-скандинавские этнокультурные параллели, которые, на его взгляд, оказались весьма существенными. Истоки этой взаимосвязи ученый видел в общем индоевропейском прошлом, полагая при этом, что осетины пришли на Кавказ с Севера в I в. н.э., и поселились в районе Нижнего Дона. Гидроним *«дон»* Ф. Нансен переводит с осетинского как *вода* и находит формант *«дон»* в названиях многих рек на Северном Кавказе (Ar-don). Возможно, полагает он, что и название Азовского моря, на восточном берегу которого когда-то жили осетины, получил свое название от них [Nansen, 1931: 60]. Вполне возможно, пишет Ф.Нансен, что аланы / осетины основали и город Яссы в Молдавии (pronounsed Yash) [Nansen, 1931: 60]. Излагая историю аланов с VII по XIV в. (взаимоотношения с хазарами и монголами, которые выдавили аланов из региона Дона на юг, в район рек Кубани и Терека), исследователь ошибочно предполагает, что разгрому «мощной нации кочевников» (a powerful nation of horsemen) способствовали кабардинцы, которые прибыв из Крыма (? – А.Ч.), загнали аланов \ осетин в горы[71]. При этом Ф.Нансен очень аккуратен в формулировках, часто используя при этом вводное слово «возможно». Возможно, пишет он, что первые буквы в осетинском слове *khoh* (гора) послужили названием для понятия Кавказ *(Καύκασος)* [Nansen, 1931: 61]. Здесь же представлено подробное описание внешности осетин. Они, согласно ему, по сравнению с соседними народами – длинноголовые, среднего роста, светловолосые, с голубыми или серыми глазами, большим прямым носом и тонкими губами. Все эти черты указывают на их «нордическое» происхождение, или является результатом их связи с иранскими народами [Nansen, 1931: 61].

Стремление Ф. Нансена разобраться в этнокультурной составляющей осетинского народа объясняется его стремлением поиска прародины

[71] Кабардинская знать действительно сыграла свою роль в последнем процессе, но гораздо позже, с XVI в.

скандинавов. Именно это позволило ему увидеть в культуре осетин черты, явно схожие со скандинавскими. «Для жителей Севера этот народ (осетины – А.Ч.) представляет некоторый интерес потому, что их название связывают с древненорвежским словом *ass,* которое является именем наших богов» – писал он. Это позволило ему, в том числе и со ссылкой на «Сагу об Инглингах»[72] Снорри Стурлусона[73], выдвинуть несколько скоропалительное предположение, согласно которому осетины, как и асы, возможно, были скандинавами. Стурлусон связывал этноним *Ass* с Азией, указывает, что земля к востоку от Азии называлась *Асаланд*, или *Асахейм* а столицей этой области был город *Асгард*. Правителем Асгарда был бог Один. Асаланд впоследствии становится землей осетин (Ossetes) [Nansen, 1931: 61]. Постепенная экспансия Римской империи в регионе заставила Одина уйти со своими людьми сначала в Россию, затем в Германию и оттуда дальше на север [Nansen, 1931: 62]. Осетино-скандинавские параллели Ф. Нансен переводил и в область функционала божеств, сравнивая при этом обычаи, связанные с покровителем грома и молнии у осетин *Saint Elias* (Уацилла) и германо-скандинавским богом Тором [Nansen, 1931: 61]. Согласно поверьям осетин, Уацилла, желая освободить народ от рожденного слепым дракона Руймона[74], заковывает его в цепи и тянет к небу, где небесные духи режут тело змея на куски, и смертные, съев их, становятся молодыми. Ф. Нансен сравнивал миф о Руймоне и Уацилла с древнескандинавским мифом о Торе, поймавшем в Йотунхейме на крючок Мирового змея, вытащив его на поверхность. Ученый отмечал связь с Тором и

[72] «Сага об Инглингах» (др.-исл. *Ynglinga saga*) – один из важнейших источников по ранней истории Скандинавии. Предположительно написана в 1220 -1230 гг.

[73] Снорри Стурлусон (исл. *Snorri Sturluson*; 1178, Хвамм – 23 сентября1241, Рейкхольт) – исландский скальд, прозаик, историограф и политик. Больше всего известен как автор Младшей Эдды.

[74] Руймон (осет. *Руймон*) – персонаж осетинской мифологии, змеевидное чудовище. Руймон рождается от оленихи слепым. Если он похож на мать, то она начинает его кормить. В противном случае, если детеныш начинает вырывать деревья и грызть камни, то мать, определяя по этим признакам новорождённое чудовище, убегает от него. Считается, что новорождённый Руймон может стать зрячим и тогда, увеличиваясь постепенно до неимоверных размеров, он может уничтожить всех людей. Чтобы этого не случилось, Уацилла (по другим вариантам – *Елия*) заковывает увеличивающегося Руймона в цепи и отправляет на небо, откуда тот уже не способен навредить живущим на земле людям. Небесные духи – зеды (*зæдтæ* – осет.) – отрубают от Руймона куски его тела и раздают их умершим, которые изготовив из этих кусков чудесное снадобье и приняв его, воскресают в том состоянии и возрасте, в котором умерли. По мнению В. Абаева, имя Руймон происходит от слова «римлянин» (ромей), и уходит своими корнями в ту эпоху, когда аланы вели борьбу с Римом. С течением времени образ римлян стал синонимом «чудовища».

Мидгард-змеем, который оцепил Землю и которого Тор поймал во время рыбалки [Nansen, 1931: 63].

Иллюстрируя Осетию, Ф. Нансен писал: «Мы были в Дарьяльском ущелье (что значит ворота аланов; персидский *dar-i-Alan*), также известны как ворота … сарматов» [Nansen, 1931: 82]. Там же, со ссылкой на Страбона, Плиния и других античных авторов, Ф. Нансен говорил о неверности отождествления Кавказского (Дарьяльского) ущелья с Каспийскими воротами (Дербентским проходом – А.Ч.). Вместе с тем, он подчеркивал военно-стратегическое значение теснины ущелья, отмечая со ссылкой на Якута аль-Хамави (XII в.), что в Кавказских воротах на пути к аланам (с юга) находится крепость Баб-Аллан (ворота Алан), место, где малое количество воинов могут преградить путь через горы [Nansen, 1931: 84].

В целом Ф. Нансен имеет общее представление об осетинском пантеоне, подчеркивая при этом, что у осетин *de facto* есть множество богов, покровительствующих различным видам деятельности. Отображая функционал богов он при этом не называет их, но по описаниям несложно догадаться, о ком идет речь: верховный бог, повелевающий всем, как добром, так и злом, которому всегда поклоняются люди *(Хуыцæутты Хуыцау)*, бог суда, рая и ада *(Барастыр)*, Сын Солнца *(Хурартхурон)*, бог полей, урожая *(Уацилла)*, бог воды и рыбы *(Донбеттыр)*, бог, защищающий от разбойников *(Сау-Барæг)*. В перечень попали и боги луны, игр, крупного рогатого скота, которые в пантеоне осетин не значатся. Что касается божества *Сау Барæг*, то здесь речь идет не о боге, защитнике от разбойников, а покровителе воров и любителей легкой наживы. Ф. Нансен подробно описывает празднование в честь патрона нечистых сил – *Кæйдæртæ*, который обычно справляли в канун вторника между Рождеством и Новым годом. Во время церемонии в молитве старшего ни в коем случае не упоминались имена всех главных божеств осетинского пантеона, а из приготовленных яств в честь патрона низших, нечистых духов не полагалось угощать нечленов семьи. «Это же, как наши соотечественники

говорили: если кто-нибудь ищет дружбы дьявола, имя бога нельзя произносить, иначе дьявол исчезнет сразу», – восклицает Ф. Нансен[75] [Nansen, 1931: 63].

Ряд особенностей религиозного и социального характера, таких, как складывание веток в кучу в священных рощах [76], огромные камни на могилах, осетинские лепешки, то, как осетины «на скандинавский манер» сплавляют лес вниз по реке и другие особенности быта осетин позволяют Ф. Нансену провести параллели с аналогичными традициями скандинавов. В поисках осетино-скандинавских этнокультурных параллелей, Ф. Нансен пытается раскрыть истоки этих связей: «Многие черты осетин, образ жизни и обычаи, и инструменты, показывают большое сходство с северогерманскими народами, может, в большей степени это связано с общим индоевропейским происхождением или же схожими условиями жизни» [Nansen, 1931: 69].

Вполне возможно, что все эти причины способствовали возникновению общих культурных и бытовых особенностей. Но в данном случае причины общности обычаев и обрядов представляются нам гораздо более глубокими. Ф. Нансен был убежден, что предки викингов всегда жили на Севере, и, логично было бы предположить, что если у кавказских асов и есть что-то общее с асами из северных сказаний, то это значит только то, что асы пришли на Кавказ с Севера, а не наоборот. Подобная точка зрения в то время была господствующей среди скандинавских ученых, но никак не была подтверждена ни соответствующими нарративными источниками, ни данными археологических раскопок. Современный взгляд на проблематику диктует совершенно иной

[75] This is as it is with us: if a man wants to get friends with the Devil, God’s name must not be uttered, for then he at once disappears [Nansen, 1931: 63].

[76] В священных рощах осетин характерны большие кучи веток под определенными деревьями: каждый проходящий эту рощу обязан положить ветку или кусок дерева в жертву богу рощи [Nansen, 1931: 65]. Весьма примечательно, что, задолго до Ф. Нансена (в середине XIX в.), этот обычай в том же регионе зафиксировал немецкий путешественник и энтомолог Рудольф Рангнов, описав свое путешествие, которое случилось не позднее 1913 г., в книге под названием «В стране чёрного ветра. Среди казаков и кавказцев». Проезжая по Дарьяльскому ущелью на речной долине напротив Казбека, он заметил березняк, куда и отправился. «В глаза мне сразу бросились несколько больших куч хвороста, которые никак не могли оказаться здесь случайно. Напротив, уже их размеры говорили о том, что хворост был собран и сложен в кучи совершенно осознанно. Это поразило меня, потому что основным топливом у горцев является не дерево, а высушенный навоз» [Rangnow, 1941: 216]. Вполне возможно, что все это является реликтом скифской эпохи, отголоском обрядности, по которой скифы в честь бога войны Ареса строили громадные помосты из хвороста, вершину которых венчал меч. Подобно скифам в Нартиаде Батрадз повелевает нартам сложить ему громадный стог хвороста (как варианты: колючки, выжженные древесные угли). Когда стальной герой взбирается на стог, нарты стали раздувать костер [Сказания …, 1981: 293 и сл.].

подход: кочевое племя асов пришло на Кавказ и низовья Дона из Азии [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 214], что, в свою очередь вызывает новые вопросы, в частности, о причинах столь тесных осетино-скандинавских параллелей. С.А. Яценко полагает, что это могли быть ранние контакты донских сарматов и готов (выходцев из Норвегии) уже с рубежа I-II вв. н.э., отразившиеся, в частности, в принятии последними через столетие целой серии специфических нижнедонских сарматских клановых эмблем-тамг [Яценко, 2020].

Позже известный норвежский путешественник Тур Хейердал решил разобраться в этом вопросе, взяв за отправную точку сообщение *Саги об Инглингах,* в котором упоминается страна к востоку от р. Танаис / Танаксвиль (Дон). В 2000 и 2001 гг. он организовал совместную российско-норвежскую археологическую экспедицию в район г. Азов. Материалы из двух «аланских поселений», позволили Т. Хейердалу найти подтверждение в пользу центральноазиатской версии происхождения асов. Информация Снорри Стурлусона об асах, которые жили в районе Азова, а также то, что древнескандинавские названия *«Асагард»* или *«Осгород»,* которые Снорри применил по отношению к крепости и капища Одина, по-русски звучали бы как *Асгород* – город асов, нашли предполагаемое отражение в результатах исследования экспедиции Т. Хейердала.

Необходимо отметить, что за свою последнюю книгу «В поисках Одина. По следам нашего прошлого», путешественник и писатель Тур Хейердал подвергся в Норвегии жесткой критике со стороны историков, лингвистов и археологов, которые обвинили его в полном отсутствии научной методологии в своей работе и избирательности при привлечении исторических источников. Великий путешественник Т. Хейердал был больше популяризатором науки, нежели серьезным исследователем, поэтому и к выводам его следует относиться соответственно. И, тем не менее, в рамках общего обзора темы, точка зрения Т. Хейердала по вопросу прародины асов представляется интересной. Итак, согласно ему, результаты раскопок подтвердили, что г. Азов в устье Дона

находился там, где Снорри поместил капище асов, что «Азов был основан сарматами и находился в самом сердце царства аланов» [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 354, 361, 362, 369]. Краткие же итоги совместной российско-норвежской археологической научной экспедиции по Т. Хейердалу таковы: в I в. н.э., до прихода римлян, Приазовская возвышенность была заселена народом, который греки называли общим именем «сарматы», хотя, согласно старым хроникам, сами они называли себя асами. Победоносное наступление римлян привело к тому, что могущественные цари и правители страны асов бежали или погибли от рук римлян. Тех, кто бежал, следует искать в других местах, например, в могильниках Скандинавии [Хейердал, Лиллиемстрем, 2008: 378, 389]. Согласно Т. Хейердалу, викинги в лице асов, предков современных осетин, пришли на Север с юга России и имеют азово-кавказские корни. Таким образом, осетино-скандинавские исторические и этнокультурные параллели, впервые проведенные Ф. Нансеном, послужили для Т. Хейердала базой для дальнейшего развития концепции по этногенезу скандинавских народов. Он считал, что германские боги-асы ушли с юга России на Север и стали там обожествленной дружиной исторических асов – реального народа, известного в древности и Средневековье. Косвенным аргументом этому могут служить осторожное мнение В.И. Абаева о том, что германское племя *герулов* обитавшее у Азовского моря, и принявшее участие вместе с норвежцами в заселении Исландии, могло выступить посредниками между скандинавами и асами [Абаев, 1965: 106-108], а также многочисленные параллели между осетинской Нартиадой и скандинавскими сагами [Чибиров, 2015: 84–93].

Асы в германо-скандинавской мифологии («Эддах» – А.Ч.) – это никак не этноним, а основная группа богов, возглавляемых Одином, которые, наряду с ванами, соответствуют *асурам* и *дэвам* иранской и *асурам* и *девам* индоарийской мифологии. В 1902 г. известный датский фольклорист Аксель Ольрик (1864-1917) опубликовал книгу “*Om Ragnarok”* о скандинавском

эсхатологическом мифе[77], в которой полагал, что концепция Рагнарёка[78] возникла под влиянием некоторых мифов кавказского происхождения, а также персидской и христианской эсхатологии [Элиаде, 2002: 298].

Выводы

Историографический обзор, представленный в первой главе, призван осветить различные аспекты истории становления иранских народов древности в Юго-Восточной Европе сквозь призму сведений, отображенных в нарративных источниках, а также в свете трудов ученых-исследователей XVII – начала XX в., которые непосредственно были вовлечены в изучение проблематики. Скифы, сарматы, аланы/осетины привлекали внимание древних авторов, и отечественных и зарубежных исследователей, прежде всего, в контексте их влияния на политические и культурные процессы, происходившие на протяжении тысячелетий в Восточной Европе и в частности на Кавказе. Субъектность этих древних народов подчеркивалась, в том числе, и их тесными контактами с политиями прошлого, такими, как доисламский Иран, Боспорское царство, Римская империя, раннесредневековые германские королевства, Византийская империя, а также группировками ранних славян, готов и гуннов в Восточной Европе.

Особое внимание в рамках темы диссертационного труда уделено вопросу алано-осетинской преемственности и сохранения у осетин части древнего иранского наследия, который все также актуален в свете периодических проявлений «аланомании» на Кавказе. Предыстория вопроса насчитывает не одно столетие, в течение которых роль аланов в истории тех или иных народов, в зависимости от интересов политических элит определенной эпохи подвергалась различным искажениям. К примеру, в связи с их особой ролью в решающих для создания «германского мира» событиях V в. н.э. на территории

[77] Olrik A. *Om Ragnarok*. København : G. E. C. Gads Universitetsboghandet. H.H. Thieles Bogtrykkeri, 1902. 136 S.
[78] *Рагнарёк*, или *Рагнарок*, в германо-скандинавской мифологии – гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами-асами и хтоническими чудовищами.

Западной Римской империи, важное значение для раннесредневековой Западной Европы имели как преувеличение этнокультурной значимости аланов, в частности Нением и авторами локальных легенд в Галлии, так и последующее ее отрицание (Фредегар и др.).

Интерес к алано-осетинской проблематике у ряда ученых (Я. Потоцкий) мог возникнуть и в связи с присущей польской шляхте идеологией «сарматизма», сформировавшейся в XIII-XV вв. в трудах Винцентия Кадлубека и Яна Длугоша. В то же время интерес к сарматам, аланам и их потомкам некоторых скандинавских ученых и общественных деятелей первой половины XX в. мог подпитываться идеями «готицизма», распространенного в XV-XVII вв. в Швеции и, отчасти вполне достоверно связывавшего начало могущества готов с алано-готскими контактами.

На протяжении двухсот лет с конца XVIII в. этногенез, история и культурные взаимодействия иранских народов Восточной Европы в древности, их соотношение со средневековыми аланами, а затем и современными осетинами вызывала неподдельный интерес у российских и европейских исследователей. Они изначально обращали внимание на осетинский язык, который явно диссонировал по фонетике с языками народов Кавказа, и на нартовский эпос. Язык, эпос и ряд религиозно-культурных особенностей, свойственных осетинам представлялись им явными реликтами древних иранских (и шире – индоевропейских) традиций.

Важная для диссертации тема алано-осетинской преемственности в разное время нашла отражение в работах Г.Ф. Миллера (1773), Я Потоцкого (1802;1829), Ю. Клапрота (1822), Ф.Д. де Монпере (1840), П.И. Шафарика (1847), А. Гакстгаузена (1857), Л.В. де Сен-Мартена (1873), В.Б. Пфафа (1870), М.М. Ковалевского (1886), В.Ф. Миллера (1887, 1903, 1904), Х. Хюбшмана (1887), К. Мюлленхоффа (1892), Э. Шарпантье (1917), Р. Блайхштайнера (1918), Ф. Нансена (1929) и др. Особое, этапное значение в плане изучения сармато-алано-осетинской преемственности до XX в. сыграли труды таких ученых, как Г.Ф. Миллер, Ю. Клапрот, В.Ф. Миллер, также известного антиковеда Ю.А.

Кулаковского. В первой половине XX в. особый интерес к аланской проблематике за рубежом проявляли ученые и общественные деятели Норвегии, акцентировавшие внимание на аланской «донской родине» предков викингов. Шведский востоковед и лингвист Эрл Шарпантье, отчасти отталкиваясь от свидетельства Аммиана Марцеллина об аланах как «древних массагетах» [Amm. Marc. XXXI. 2. 12], впервые обосновал дальнее, центральноазиатское происхождение аланов. Последнее положение не встречало понимания в советской науке до самой «перестройки», так как противоречило марристским установкам и господствовавшему в то время учению автохтонизма.

Одним из следствий Октябрьской революции 1917 г. стало то, что европейская историческая наука, в том числе и представители российской гуманитарной интеллигенции, оказавшиеся в вынужденной эмиграции, потеряла прямой доступ к результатам археологических изысканий советских ученых. Последние же постепенно лишались возможности изучать музейные коллекции, архивы и библиотеки зарубежных научных центров. Тем не менее, яркие культуры древних иранцев европейской Степи и кавказских аланов продолжали привлекать внимание исследователей по обе стороны «железного занавеса» вне зависимости от идеологической конъюнктуры. Письменные источники, данные языкознания, а также археологические артефакты, найденные на территории Европы и отчетливо связанные с историей древних иранцев, стимулировали изыскания в этом направлении. Именно поэтому целый ряд зарубежных исследователей, таких, как Ж. Дюмезиль, Г. Бейли, У.Э.Д. Аллен, Б. Бахрах, М. Мельчарек, Р. Шмитт, Т. Сулимирский, Ж. Грисвар, А. Алеманъ, С. Фритц, Х. Гипперт, Х. Борджиан, М. М. Казанский, Я. Лебединский, Р. Шмёкель, А.М. Лубоцкий, Дж. Чёнг и многие другие не теряли интереса к исследованиям, которые непосредственно касаются истории, языка и культурного наследия скифов, сарматов и аланов.

Настоящий расцвет разнопланового изучения древних иранских народов Юго-Восточной Европы связан с масштабными полевыми исследованиями

советских и постсоветских археологов погребальных памятников – курганных кладбищ, в ходе разнообразного строительства, особенно с 1970-х годов, а также в связи со скифскими и сарматскими находками в античных городах и селениях, с более основательным интересом к греко-скифской и греко-сарматской торевтике. Обильные материалы этих раскопок и процесс их осмысления привлекли внимание историков и представителей других гуманитарных дисциплин (языкознания, религиоведения, этнологии, искусствоведения), а также ряда естественных наук. Классические скифология, сарматология и алановедение во многом связаны с именами М.И. Артамонова, А.И. Тереножкина, Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова, Е.В. Черненко, АС. Скрипкина, В.Б. Ковалевской, В.А. Кузнецова, а также языковеда В.И. Абаева, кочевниковеда А.М. Хазанова, ираниста Э.А. Грантовского, группы активных ныне отечественных ученых. Крупное обобщение по историографии данной тематики в советское время – сложная задача, находящаяся за пределами настоящей диссертации, здесь же она рассмотрена лишь в определенных сегментах. В то же время системное сопоставление позиций советских и зарубежных ученых по ключевым вопросам этнической и культурной истории ираноязычных народов может быть предметом будущих исследований.

Глава 2. Сармато-аланская проблематика: современное состояние вопроса (археология, языкознание, этнология)

2.1. А.С. Скрипкин. Всё о сарматах. Или почти всё

История и культура ираноязычных сарматских племен, господствовавших на западе евразийских степей, активно выступавших на политической арене, оживленно участвовавших в торговом и культурном обмене в течение около семи столетий (с рубежа IV-III вв. до н.э. по третью четверть IV в. н.э.), вызывает огромный интерес среди исследователей разных специальностей – археологов, историков, культурологов, языковедов. Различные группы сарматских племен и их объединений происходили из разных частей иранского мира; территория их расселения распространялась от степей Зауралья и Западного Казахстана до некоторых регионов Северо-Западного Причерноморья и Степного Потисья, а миграции в отдельные периоды достигали некоторых регионов Средней Азии, Центральной и Южной Европы, вплоть до Северной Африки. Наследие сарматов – а это обширный культурный пласт, связанный с материальной и духовной культурой, хозяйством, бытом и военным делом, с религией, мифологией и фольклором, социальными нормами и т.д. – остается в центре внимания специалистов. В той или иной форме это наследие подчас проявляется в судьбах разных народов Евразии в ситуациях, которые, казалось, никак не увязать друг с другом ни исторически, ни хронологически, и тем более, генетически. В отличие от скифов, гуннов, готов и других народов древности, сарматы стали тем этнокультурным массивом, который в отдельные периоды (сер. II в. до н.э. – сер. II в. н.э., кон. IV – V в. н.э.) прочно связал значительные просторы Евразии, распространив свое влияние на огромном пространстве, «от моря до моря», от Средней Азии вплоть до Великобритании, породив представления об обширном этнокультурном мире – своеобразном *Pax Sarmatica*, получившем в классической литературе наименование-политоним Сарматия, точнее Европейская Сарматия и Азиатская

Сарматия (разделенные Доном-Танаисом), и обусловившим процесс аккультурации, именуемый исследователями сарматизацией. Сарматские катафрактарии стали одним из прообразов средневекового рыцарства, оказав влияние и на средневековый рыцарский роман (Ф. Кардини). Сарматы-языги, которые в ходе Маркоманских войн (166-180 гг.) потерпев поражение от войск Марка Аврелия, в количестве около 5500 воинов были отправлены им в Британию для защиты Адрианова вала, и оказали влияние на культурный фон населения Британии. Нередко именно с сарматами увязываются истоки легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола («сарматская» теория К. Скотта Литтлтона 1976 г.: Scott Littleton, Thomas, 1978). В XV в. польский историк и дипломат Ян Длугош (1415 – 1480), вслед за краковским епископом и первым польским хронистом Винцентием Кадлубеком (1150/1160 – 1223) вновь акцентировал внимание на идеологии «сарматизма», увязав с сарматами возникновение польской шляхты; в 1648-1696 гг. сарматизм стал элементом государственной политики Речи Посполитой [Cynarski, 1968], и сохранил влияние на многие стороны польской культуры до XVIII в. Ираноязычные сарматы становятся для польской шляхты неким идеалом, «небесными воинами», ставшими предтечей средневекового «европеизма»[79].

В XX в., в среде русской эмиграции возникает и формулируется культурологическая и историософская концепция евразийства, которая определяет Россию-Евразию как самобытную цивилизацию, объединившую в себе элементы, как Востока, так и Запада. Среди народов этого круга определенное место отводится и сарматам.

Вполне естественно, что накопление обширного историко-археологического материала и значительной по объему информации о сарматах в конечном итоге привело к выделению сарматологии в отдельное, самостоятельное направление

[79] Конечно же, не приходится говорить ни о каком соответствии этого мифа с исторической действительностью. Этногенез поляков изучен достаточно хорошо. В данном случае мы имеем пример некоего идеологического обособления польской шляхты (или сословия воюющих господ), которая, примерив на себя чужой миф, таким образом, противопоставляла себя простолюдинам, а также «деспотичной, раболепной Азии» и «буржуазной Европе». Сарматисты сохраняли представление о всеобщем равноправии внутри своего сословия (паны-браты), и оставляли за собой право на мятеж.

в исторической науке. Сарматская археология в России *de facto* зарождается в 1860-е годы. В 1864 г. было обнаружено погребение «царицы» донских аланов в кургане Хохлач в г. Новочеркасске, материалы которого поступили в Императорский Эрмитаж и в дальнейшем привлекли внимание известного искусствоведа Никодима Павловича Кондакова [Толстой, Кондаков, 1889]. В 1869 г. на Первом археологическом съезде в Москве, чиновник из Уфы Руф Игнатьев сделал сообщение о том, что в районе Миасских золотых промыслов недалеко от горы Каскыновой им было разрыто восемь больших курганов, в дальнейшем определенных как сарматские. И хотя первыми исследователями большого числа сарматских курганов были археологи Н.И. Веселовский и В.А. Городцов, подлинным создателем науки сарматологии следует считать М.И. Ростовцева, который, описав курганы у с. Прохоровка IV-II вв. до н.э., ставшими опорными для выделения прохоровской/раннесарматской культуры, связал их с сарматами, а позже отметил сарматское влияние на культуру Боспорского царства. Значительный вклад в развитие направления внесли советские и российские сарматоведы, такие, как П.С. Рыков, П.Д. Рау, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, М.П. Абрамова, А.С. Скрипкин, А.М. Хазанов, Л.Т. Яблонский, В.Б. Виноградов, Б.А. Раев, С.И. Безуглов, В.Ю. Малашев, С.А. Яценко, И.И. Марченко, А.П. Медведев, и многие другие. Зарубежная сарматология представлена, прежде всего, Т. Сулимирским, М. Пардуцем, А. Вадаи, Р. Бзежинским, М. Мельчареком. Я. Лебединским, М.М. Казанским, Р. Шмёкелем, Э. Иштванович, В. Кульчар, М. Мейер и др.

Различные группы сарматов, принадлежавшие к трем основным, хронологически поэтапным «археологическим культурам» и в ближайшей перспективе выделяемым еще двум культурам, а также контактным зонам, присутствовали на обширной территории и оставили после себя многообразные материальные следы, прежде всего, в виде многочисленных могильников, и в еще большей степени – вопросы, возникшие в результате исследования этих археологических памятников, ответы на которые, как показало время, оказались не столь однозначными. Сегодня, даже наиболее внушительные по

объему и содержанию монографические исследования не в состоянии представить по-настоящему комплексную, с учетом археологии и смежных с нею дисциплин, многообразную историю и культуру, социальную и хозяйственно-экономическую жизнь, как сарматов в целом в широком понимании этого собирательного понятия, так и отдельных групп сарматских племен, оставивших яркий след в истории, о чем мы можем судить на примере истории аланов. Тем более что археологические данные последнего времени позволяют взглянуть на этногенез и этническую историю сарматов во все новых, неожиданных ракурсах.

Для того чтобы представить себе современное (последняя четверть XX в.) состояние российской сарматологии, следует, прежде всего, познакомиться с работами и эволюцией взглядов одного из ведущих сарматологов, профессора Волгоградского государственного университета Анатолия Степановича Скрипкина (1940–2021). Он являлся одним из немногих современных ученых, исследования которого по сармато-аланской тематике (их около 250) пользуются большим спросом у специалистов. Помимо прочего, А.С. Скрипкин был основателем региональной научной школы сарматологии и в 1990-е – 2010-е годы по праву считался лидером в области сарматской археологии. Стоит также отметить его небольшое учебное пособие «Этюды по истории и культуре сарматов» (Волгоград: ВолГУ, 1997). Еще две важные монографии А.С. Скрипкина: «Нижнее Поволжье в первые века нашей эры» (1984) и «Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект» (1990), которые легли в основу, соответственно, его кандидатской и докторской диссертаций.

В рамках данного исследования достаточно указать на два издания, которые представительно освещают научные концепции ученого. Так, в 2010 г. в честь 70-летия А.С. Скрипкина, вышел в свет сборник его избранных трудов под обобщающим названием «Сарматы и Восток». Еще одна книга – солидный, обобщающий труд ученого под общим названием «Сарматы» (2017), который весьма высоко был оценен коллегами.

Поскольку основной сферой интересов А.С. Скрипкина являлись сарматы, в сборнике его избранных трудов «Сарматы и Восток», естественно, представлены статьи, связанные с этнополитической историей, происхождением и развитием сарматских культур. Список публикаций автора, вышедших в разное время, и вошедших в это издание, впечатляет. Это такие его работы, как «Проблема расселения и этническая история сарматов», «К вопросу о происхождении позднесарматских культов», «Антропоморфные статуэтки в погребальном обряде сарматов», «О времени появления аорсов». Там же представлены материалы об Азиатской Сарматии, о «Сарматской эпохе», китайских влияниях в сарматских культурах и др.

Начиная с рубежа 1980-1990-х гг. многие труды А.С. Скрипкина касаются вопросов, связанных с ролью восточных компонентов в этнической истории и материальной культуре как сарматов, так, отчасти и аланов. Ярко проявились они в его докторской диссертации 1992 г., которую ученый защитил в форме доклада. Вскоре, однако, исследователь стал отходить от выраженных миграционистских взглядов на раннюю историю аланов. Особый интерес представляет опубликованный в 2001 г. в «Историко-археологическом альманахе» небольшой историографический очерк «О времени появлении аланов в Восточной Европе и их происхождении»[80]. Работа состоит из трех разделов: историографический обзор высказанных по данному вопросу суждений; их подробный критический анализ и заключение, к которому приходит автор в ходе анализа представленного материала. Из двух основных концепций, представляющих этногенез и раннюю историю аланов («автохтонная» и «миграционная»), А.С. Скрипкин придерживался общепринятого с 1980-х годов в сарматологии мнения, согласно которому сложение аланского этноса произошло к востоку от Восточной Европы, куда они пришли уже как новая политическая сила. Бесспорно, что аланы как народ в источниках фиксируются в Восточной Европе не позже 60-х годов I в. н.э.

[80] Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах, No 7, Армавир, 2001. С. 15-40.

Разногласия среди исследователей возникают относительно определения более точной даты в рамках этого столетия: представляется не вполне ясным, какие события следует брать за основу. Некоторые ученые (Б.А. Раев, С.А. Яценко) относят время появления первой группы аланов на политической арене к событиям 65 г. до н.э. в Закавказье, в которых аланов упоминают три автора, а в Прикубанье появляются могилы с новыми центральноазиатскими элементами; другие – ко времени правления римского императора Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.). (М.Б. Щукин). Ю.С. Гаглойти, В.А. Кузнецов и С.М. Перевалов отталкиваются от похода аланов в Закавказье против Парфии в 35 г. н.э., В.Б. Виноградов – брал за начало сирако-аорскую войну 49 г., а Б.Н. Граков определял дату их появления не ранее 72 г. н.э. С высокой долей вероятности римляне (Плавтий Сильван) столкнулись с ними вначале у устья Дуная в 62 г. н.э. [Яценко, 2001].

На основе скрупулезного изучения и сопоставления разных мнений и источников об аланах, А.С. Скрипкин считал наиболее приемлемым временем появления аланов в Восточной Европе первую половину I в. н.э. При этом, переселенцы могли быть «родственными тем кочевникам, которые утвердились здесь ранее, поскольку исходная их территория, откуда те и другие двинулись на запад, могли в целом или частично совпадать» [Скрипкин, 2010: 292].

Подвергнув тщательному анализу все высказанные ранее версии, А.С. Скрипкин полагал невозможным однозначно ответить на вопрос о происхождении аланов, так как на разных этапах своей истории «и в различных местах обитания аланы уже в определенной мере различались между собой» [Скрипкин, 2010: 288]. Он подкреплял свои суждения позицией В.Ф. Миллера, который также считал, что нет никаких оснований утверждать, что кавказские аланы этнически тождественны аланам, обосновавшимся в Западной Европе [Миллер, 1887: 47]. Что касается рассмотренных выше вариантов о первоначальном появлении аланов в Восточной Европе, то А.С. Скрипкин считал неправдоподобными первые две даты, считая, что «выводы о походе алан в это время в Закавказье (35 г. н.э. – А.Ч.) умозрительны и отражают

больше желание самих авторов видеть в этих событиях алан» [Скрипкин, 2010: 50]. Соглашаясь с мнением В.Б. Виноградова о появлении аланов в Предкавказье и Приазовье в результате сирако-аорсской войны 49 г., он, тем не менее, аккуратно заключает, что аланы, скорее всего, появляются в Восточной Европе в первой половине I в. н.э. Европейские аланы, согласно А.С. Скрипкину, этнически и политически все же дистанцированы от аорсов и роксоланов, несмотря на родство с ними и другими сарматскими народами [Скрипкин, 2010: 293]. Эти выводы были озвучены им в двух работах, представленных в сборнике: «Азиатская Сарматия во II-IV вв.», и «Проблемы расселения и этнической истории сарматов Нижнего Поволжья и Дона».

Возражая А.С. Скрипкину, Ю.С. Гаглойти аргументировал свою позицию следующими доводами: «Обвинение более чем серьезное. Однако если в таком желании («желание самих авторов видеть в этих событиях аланов» – А.Ч.) можно упрекнуть автора этих строк, работу которого А.С. Скрипкин имел ввиду, то как быть с мнением В. де Сен-Мартена, Э. Шарпантье, М.И. Ростовцева, Тойблера, Теггарта, Хауссига, Л.А. Мацулевича, К.В. Тревер, Я.А. Манандяна, Ю. Юнге и ряда других исследователей, также относивших появление алан на Кавказе к 35 г. н.э.? Их ведь в особом пристрастии к аланам, кажется, не упрекнешь» [Гаглойти, 1995: 47]. В более поздних работах А.С. Скрипкин несколько смягчил свою формулировку, однако, продолжал считать, что попытки обосновать появление аланов в Восточной Европе в самом начале I в. н.э., являются «пока слабо аргументированными».

Со ссылкой на Иосифа Флавия, Корнелия Тацита и некоторых их интерпретаторов Ю.С. Гаглойти считал, что упоминание скифов в сообщении Иосифа Флавия является «позднейшей интерполяцией», давшей ему основание писать, что Иосиф Флавий вместо сарматов Тацита «называет алан» [Гаглойти, 1995: 48]. Этноним *алан* в данном отрывке был впервые включен в печатный текст трудов Иосифа Флавия издателем Нисом (Niece) в 1890 г. ввиду явного «превосходства показаний рукописей в пользу такого чтения»… О том же собственно свидетельствует указание Иосифа Флавия, что аланы это «часть

скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера» [Гаглойти, 1995: 48]. В растянувшейся во времени полемике с Ю.С. Гаглойти, А.С. Скрипкин вновь вернулся к дискуссии с ним в своей работе под названием «Сарматы» (2017), обзор которой будет представлен ниже. Со ссылкой на Б.А. Раева, А.С. Скрипкин вновь приводит аргументы в пользу своей версии начальной даты появления аланов на Северном Кавказе в 49 г. [Скрипкин, 2017: 188]. В 2018 г. в продолжение аланской темы Анатолий Степанович опубликовал небольшую статью под названием «Яньцай, аорсы, аланы» (2018), в которой рассмотрел старую версию отождествления приаральского владения Яньцай, упоминаемого в древнекитайских источниках, с территорией, занимаемой аорсами, описанной в трудах античных авторов [Скрипкин, 2018: 93].

В ряду наиболее важных трудов последнего времени, посвященных сарматам, выделяется монография А.С. Скрипкина «Сарматы» (2017), которая является неким подведением итогов. Автор сосредоточил в ней внимание на исследовании территории расселения, истории и культуры сарматских племен, построив представленный в книге материал в историко-хронологической последовательности: раннесарматский, среднесарматский и позднесарматский периоды.

Значимость издания заключается, помимо прочего, в том, что в монографии А.С. Скрипкина, помимо доминирующих археологических данных и эпизодически привлекаемых письменных источников, в научный оборот запущены данные других смежных дисциплин, таких, как этнография, палеоантропология, эпиграфика и палеоэкология, без которых невозможна соответствующая реконструкция среды обитания и этнокультурной истории сарматской эпохи. Междисциплинарный подход в исследовании истории и культуры сарматов поднимает научно-теоретическую значимость исследования на высокий уровень. Ученым привлечен большой массив литературы, как общего характера, так и специальной, что еще раз продемонстрировало его разностороннюю эрудицию.

Подробному исследованию истории сарматских племен автор посвятил главу о предшественниках сарматов, каковыми по А.С. Скрипкину были исседоны, дахи и савроматы. Ученый подтверждает мнение М.А. Очир-Горяевой о территории расселения савроматов (к востоку от Дона включая Нижнее Поволжье), и высказывается об их этногенезе, опираясь на результаты палеоантропологических исследований, согласно которым савроматы являются частью скифо-сибирского этнокультурного мира, и не имели прямой связи ни со скифами, ни с носителями срубной и андроновской культур позднего бронзового века [Скрипкин, 2017: 42]. К этому же в настоящее время склоняется большинство исследователей, при том, что ранее большинство ученых отождествляло савроматов с собственно сарматами, опираясь, скорее, на фонетическое созвучие этнонимов, как это делал еще Б.Н. Граков [Тохтасьев, 2005: 300].

Наиболее значительной по объему и содержанию является глава третья книги, посвященная исследованию раннесарматского периода. В ней в четырнадцати параграфах подробно излагаются результаты полувековых полевых исследований. Вслед за обзором письменных источников о происхождении сарматов А.С. Скрипкин, на базе многочисленных археологических артефактов определяет хронологические рамки (конец IV-I вв. до н.э.) и географические пределы периода (от Южного Урала до Северного Причерноморья) основного расселения сарматских племен в этот период. Ученый высказывает мнение о причинах, побудивших сарматов двинуться на запад, описывает оттеснение ими скифов на правый берег Днепра, рассуждает о «возрастающей роли сарматского объединения (в частности роксоланов – А.Ч.) в политической истории на северо-восточных границах античного мира» [Скрипкин, 2017: 164]. Касаясь вопроса о появлении этнонима «сарматы», автор считал наиболее достоверным утверждение, согласно которому этноним возник ближе к нашей эре и связан с именами римского полководца Марка

Агриппы и географа Помпония Мелы[81]. Именно этому, среднесарматскому периоду посвящена следующая глава монографии. Путем сопоставительного анализа раннесарматского и среднесарматского периодов ученым установлено их сходство по многим показателям материальной и духовной культуры: некоторые типы могил, ориентировка погребенных, типы вооружения и др. Относительно вопроса о времени разграничения ранне- и среднесарматского периодов, А.С. Скрипкин заключал, что «не может быть общих дат для отдельных сарматских культур от Нижнего Зауралья до Дуная» [Скрипкин, 2017: 176]. Этническую принадлежность создателей и носителей среднесарматской культуры автор связывал с аланами, которые к тому времени появились на исторической арене. При этом А.С. Скрипкин подчеркивал внешнеполитическую активность аланов на примере событий 35, 72 и 135 гг., то есть их походов на Южный Кавказ. Автор не только не сомневался в принадлежности аланов к сарматскому миру, приводя данные античных авторов (Страбон, Клавдий Птолемей) об ареале их проживания (Нижнее Поволжье), но и привел точку зрения С.А. Яценко об устранении ими с политического «олимпа» аорсов, которые «по каким-то причинам препятствовали налаживанию контактов между среднеазиатским и северопричерноморским регионами» [Скрипкин, 2017: 201]. Вместе с тем, А.С. Скрипкин отвергал идею С.А. Яценко о собирательном характере этнонима «алан», не сомневаясь в том, что аланы – это название отдельного этноса, доказывая при этом, что аланы как народ сформировались на территории Средней Азии. Ссылаясь на статью А. Бахтиарова[82], он отмечал наличие в Туркменистане в первой половине XX в. большого количества аланов (аланских хозяйств). «По словам старожилов на территорию Туркменистана они пришли с Мангышлака, где владели большим укреплением «Алан» [Скрипкин, 2017: 205].

---

[81] Между тем, народ Сайрима у Волги-Ртахи как мифический предок савроматов и сарматов, впервые упоминается в одном из разделов Авесты, обычно датируемом IV в. до н.э. Согласно Авесте, Сайрима, Тура и Арья (Иредж) были детьми Траэтаона (Фаридуна). (Бундахишн 31, 4-12; 34.6; Денкарт VII. 1.28.).

[82] Бахтиаров А. Осколки исчезнувших аланов // Туркменоведение. 1930. № 8-9. С.39-40.

Пятая глава посвящена позднесарматскому периоду. Опираясь на труды своих коллег (П.Д. Рау, Б.Н. Гракова, М.Г. Мошковой, А.В. Симоненко и др.), автор на основе богатого археологического материала исследовал специфические особенности и выделил показательные черты позднесарматского периода истории сарматов, такие, как иная ориентировка погребенных, искусственная деформация черепов, новые типы зеркал и клинкового оружия, курильницы и др. Относительно хронологических рамок этого периода, А.С. Скрипкин пересмотрел ранее высказанное мнение (II-IV вв. н.э.) и разделил позицию коллег, в частности В.Ю. Малашева, который предложил ограничить верхнюю границу позднесарматской культуры финалом III в. н.э. При этом автор ссылался на работы своих коллег, которые расходятся в деталях, но в целом принимают временные рамки II-III вв. В.Ю. Малашев ограничивает позднесарматский период второй половиной II-III вв., полагая, что «как целостное явление позднесарматская культура в IV в. н.э. отсутствует» [Малашев, 2009: 47-52]. А.С. Скрипкин подчеркивал необычайную монолитность «классической» позднесарматской культуры, привел дробную периодизацию этого периода, деля его на три этапа, опровергая при этом мнение ряда уральских коллег, считавших позднесарматскую культуру гуннской [Скрипкин, 2017: 227], опираясь на критический разбор их концепции М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым [Мошкова, 2007; Малашев, 2007; Мошкова, Малашев, Болелов, 2007][83].

Автор уделил внимание и вопросу территориального деления позднесарматской культуры занимавшей территорию от Южного Приуралья до Северного Причерноморья [Скрипкин, 2017: 228]. Касаясь проблем специфики позднесарматской культуры, А.С. Скрипкин пришел к заключению, что в ее сложении основную роль сыграли два компонента: местное население

[83] В частности, рассмотрев вещественный материал на предмет его сходства или отличия в позднесарматской и «гунно-сарматской» культурах, «В.Ю. Малашев пришел к выводу о том, что позднесарматская культура степной части Южного Приуралья имеет некоторые отличия от той же культуры Нижнего Поволжья и других районов, но их не следует воспринимать как различия этнокультурного характера. Кроме того, материальная культура позднесарматского населения Южного Приуралья не обнаруживает сходства с культурой хунну (Малашев, 2007, с. 111–121)» [Скрипкин, 2017: 227].

среднесарматской культуры и восточные мигранты. В дискуссии о роли автохтонного фактора и миграционных процессов в становлении и развитии сарматских культур, некоторые археологи отдавали предпочтения местным традициям, другие же – пришлым элементам. Отвергая оба варианта и апеллируя к данным смежных дисциплин, А.С. Скрипкин полагал, «что в становлении практически каждой культуры участвовали как местные, так и миграционные компоненты» [Скрипкин, 2017: 255].

Политической организации сарматского общества в монографии отводится последняя глава исследования. Автор отмечает, что не с савромато-сарматского периода (VI-III вв. до н.э.), а лишь со II-I вв. до н.э. начинается упоминание отдельных сарматских группировок и имен их предводителей. Известно, что термин сарматы был собирательным этнонимом, обозначением круга племен, в который входили аорсы, сираки, роксоланы, языги и др., позже аланы. Начиная с I в. н.э., они стали создавать самостоятельные этнополитические объединения. Между отдельными этнополитическими объединениями не было единства. Более того, при военных ситуациях они нередко становились союзниками разных противоборствующих сторон (события 35 г., война 49 г.). На основе анализа погребального ритуала ученый попытался раскрыть прижизненную социальную иерархию погребенных, которых он определил, базируясь на положениях Н.Н. Крадина, таких, как «сложное вождество» (цари) и «простое вождество» (скептухи), но тут же отметил, что захоронения их разграничиваются с трудом. В отличие от мужских захоронений женские погребения, как считал автор, отличаются особым богатством, что свидетельствует о высоком положении женщины в сарматском обществе. В этой связи проводятся параллели с нартовским эпосом осетин, с исключительно высоким в нем положением образа Сата́ны. Рассуждая о том, почему у сарматских народов степей Восточной Европы на рубеже нашей эры не возникли крупные «кочевые империи» наподобие Парфянской или Кушанской, А.С. Скрипкин увязывал это с наличием отдельных городов-колоний на побережье Черного моря и существованием Боспорского царства. Таким

образом, кочевым сообществам степи не было необходимости в объединении в единую этнополитическую общность уровня «кочевой империи» [Скрипкин, 2017: 254].

Монография А.С. Скрипкина выделяется среди сарматологической литературы весьма тщательным и подробным изучением истории сарматских племен, с подробным описанием всех трех периодов развития их культуры, что и было отмечено рецензентом А.П. Медведевым [Медведев, 2019: 196]. Труд А.С. Скрипкина «Сарматы» весьма информативен и интересен. Выше было отмечено использование автором в исследовании данных смежных наук, в том числе и этнографии, но при этом смущает, что при использовании этнографических сведений и параллелей, автором были привлечены данные лишь по монголам и тюркским народам – казахам, ногайцам, калмыкам. Полагаю, что если речь идет об этнографических параллелях, то, в первую очередь, следовало шире привлечь данные из быта и культуры этнически родственных сарматам народов, каковыми для них сегодня являются осетины (возможно, из-за утраты ими традиции кочевого образа жизни). В частности, это труды Б.А. Калоева, А.Х. Магометова и др. Здесь же А.С. Скрипкин ограничился лишь единственной ссылкой на статью В.И. Абаева. Можно также было бы сослаться на ираноязычных белуджей, курдов, луров, бахтиаров, пуштунов и многих других, которые и ныне сохраняют кочевой быт. По каким-то причинам автор обошел стороной литературу об этих народах.

Конечно, было бы интересно ознакомиться с мнением ученого по некоторым другим аспектам сарматской истории, в частности по взаимоотношению сарматов с античным миром и Кавказом. Но А.С. Скрипкин верно отмечал дифференцированность современной сарматской археологии, когда один исследователь «уже не может с одинаковым успехом заниматься изучением всех периодов сарматской культуры» [Скрипкин, 2017: 255].

2.2. В.Ю. Малашев. История аланов в разрезе современной археологии

Современную российскую археологию кочевых культур Евразии невозможно представить без работ кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института археологии РАН Владимира Юрьевича Малашева. Сегодня он является одним из самых признанных и востребованных специалистов в области сарматской и аланской археологии. Специфика публикаций В.Ю. Малашева подразумевает полное погружение в проблематику, и ясное представление о характере работ, которые ученый ведет уже на протяжении многих лет. Именно поэтому материал, посвященный его монографиям и статьям, требует дисциплины, скрупулезности и точности формулировок, что является отражением его отношения к решению любой научной задачи.

Случай позволил мне обратиться к заместителю декана факультета гуманитарных наук по международной деятельности Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) А.А. Исэрову по поводу вероятного совместного проекта ВНЦ РАН и ВШЭ по раскопкам элитарного аланского кургана Бесланского катакомбного могильника. Общее руководство проектом предполагалось возложить на Владимира Юрьевича. Ссылаясь на нехватку археологов, привлеченных к решению иных археологических задач в Архызе, контрагенты отказались принимать участие в проекте, отметив при этом: «Хотя говорят, что Малашев – великий». Зная достаточно близко Владимира Юрьевича, я вполне себе представляю его реакцию на подобные эпитеты, и это ни в коей мере не предполагает каких-либо преференций с его стороны, когда дело касается компетенции и профессионализма.

Библиография В.Ю. Малашева довольно обширна, и насчитывает более 150 публикаций, среди которых сложно выделить наиболее значимые. Некоторые труды написаны им в соавторстве с коллегами, так как собственно археологические материалы, как и сами раскопки часто бывают предметом

коллективных исследований. И все же ряд монографий и статей В.Ю. Малашева являются наиболее знаковыми, позволяя при этом оценить его вклад в современную сармато-аланскую археологию. Обособив эти работы, я выстроил их в хронологической последовательности для того, чтобы продемонстрировать весь диапазон научных интересов В.Ю. Малашева.

Основной специализацией ученого является археология сарматского и раннеаланского времени Северного Кавказа и степей Восточной Европы, в первую очередь позднесарматская и аланская археологические культуры, но и здесь дело не ограничивается одной лишь археологией. Практически любой материал ученого сопровождается подробной, живой исторической и культурологической справкой, что придает определенную свежесть сухой археологической фактуре. Владимир Юрьевич рассматривает любую археологическую задачу в комплексе. Обладая широким кругозором, он способен ставить перед собой и при этом решать масштабные задачи, замечая невидимое другим, что позволяет ему моментально собрать воедино картину взаимосвязи культур в разных регионах Восточной Европы в «группы памятников», подчеркнуть при этом характерные и отличительные черты, свойственные различным группам археологических памятников, разделенных географией на значительные расстояния. Именно этим и интересны его исследования.

Диссертационная работа В.Ю. Малашева называлась «Позднесарматская культура Южного Приуралья во II-III вв. н.э.» (2013). Основой для нее послужила, в том числе и совместная с Л.Т. Яблонским монография «Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка» [Малашев, Яблонский: 2008], в которой впервые в отечественной археологии авторы осуществили комплексное междисциплинарное исследование материалов могильника Покровка 10 – одного из опорных памятников позднесарматской культуры восточного ареала Европейской степи, раскопанного ими на юге Оренбургской области. С ними тематически смыкается еще одна статья в соавторстве с М.Г. Мошковой

[Малашев, Мошкова: 2010]. Эти работы, на основе всей имеющейся выборки материалов, дают возможность получить более полное представление о позднесарматской культуре южноуральских степей, ее хронологии, связях и др., сформировать гипотезу о ее происхождении, а также исключить бытовавшее в течение долгого времени мнение о ее аланской принадлежности.

Небольшая, но знаковая статья «Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница» [Малашев, 2009: 47-52], судя по ее названию, призвана определить верхнюю хронологическую границу позднесарматской культуры (II-IV вв.). Сравнительный анализ памятников, характерных поздним сарматам, расположенных в различных регионах Восточной Европы – Северном Причерноморье, Нижнем Подонье, Нижнем Поволжье, Южном Приуралье, хронологические колебания в зависимости от региона, позволили автору прийти к заключению, что в IV в. позднесарматская культура как целостное культурное явление «отсутствует на большей части территории степей Восточной Европы» [Малашев, 2009: 50], а ее расцвет приходится на вторую половину II в. – первую половину III в.

Фундаментальная работа «Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа» была написана В.Ю. Малашевым в соавторстве с известным специалистом по раннеаланской проблематике Т.А. Габуевым [Габуев, Малашев: 2009]. Это еще одно междисциплинарное комплексное исследование, посвященное одному из опорных памятников аланской культуры центральных районов Северного Кавказа – некрополю Брутского городища. Впервые в научный оборот авторами был введен многочисленный археологический материал, который четко идентифицируется с ранними аланами. Помимо этого, были проведены исследования палеопочвенных и палеоантропологических материалов. Все это в комплексе позволило взглянуть на проблему происхождения и становления аланской культуры в совершенно ином ракурсе. Так, раннюю группу обнаруженных катакомб можно соотнести с ранними слоями близлежащих аланских городищ (Брутское городище с могильником, Зильгинское городище и его некрополь Бесланский могильник,

Алхан-Калинское городище и его некрополь и др.), что свидетельствует о том, что «данная черта погребального обряда не является специфичной только для одного могильника, а в значительной мере может характеризовать облик культуры на значительной территории ее распространения» [Габуев, Малашев, 2009: 163]. Сами авторы склонны оценить результаты своей работы как прорывные в понимании ряда аспектов исторических процессов, происходящих в древности на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В частности, ими «был выработан принципиально иной взгляд на раннюю историю северокавказских алан: расцвет аланской культуры, приходящийся на II-IV вв.; хозяйственно-культурный тип этого населения, проживавшего в это время в значительной степени на многочисленных городищах; протогородской тип аланской культуры на ранней ее стадии; территориальный охват культуры в конце II-IV в. от предгорий и равнин Чечни до равнинных районов Пятигорья» [Габуев, Малашев, 2009: 164]. При этом авторам, по их признанию, не удалось решить одну из задач современной аланской археологии, а именно – происхождение подкурганных Т-образных катакомб. Но задача, как выяснилось из последующих публикаций В.Ю. Малашева, все же имела решение.

Несомненно, значимой работой, является коллективная монография «Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э.» написаная В.Ю. Малашевым в соавторстве с коллегами М.С. Гаджиевым и Л.С. Ильюковым [Малашев, Гаджиев, Ильюков: 2015]. Эта книга является еще одним образцом комплексного междисциплинарного исследования, включающего в себя, в том числе и историографию вопроса, и, что особенно важно, корреляцию данных археологии, письменных источников и языкознания, выполненную на высоком профессиональном уровне. На этот раз в поле научных интересов коллектива авторов оказался курганный могильник Паласа-сырт – опорный памятник Западного Прикаспия финала позднесарматского и гуннского времени, а также культурно близкие ему некрополи Прикаспийского Дагестана второй половины IV – первой половины V в.

Основной вопрос, рефреном пронизывающий текст, звучит следующим образом: насколько памятник Паласа-сырт и этнокультурно близкие ему памятники связаны с загадочной «Страной маскутов», ассоциирующейся с ираноязычным народом сармато-аланского круга, который населял в древности область Маскут/Маскат на западно-каспийском побережье и юге современного Дагестана? Совокупность поставленных задач дала возможность авторам определить место этого памятника в системе координат, характерной для Северного Кавказа периода поздней античности и начала эпохи Великих миграций, выйти на иной уровень понимания процессов формирования этой системы, а также решения проблемы этно- и культурогенеза населения, оставившего эти некрополи. Маскуты – вариант этнонима массагеты – хорошо известные в исторических хрониках, наконец-таки обрели реальные черты, а их культура стала осязаемой. Более того, исследуемого материала, его подробной, точной и обоснованной классификации и интерпретации, оказалось достаточно для того, чтобы на его основе предложить сформировать группу курганных некрополей южной части Восточной Европы под названием «памятники типа Львовские – Паласа-сырт», связав их при этом исторически, территориально и этнокультурно со «страной маскутов» в Западном Прикаспии. Это обстоятельство еще раз подчеркнуло масштабность проведенных изысканий, выведших понимание маскуто-аланского наследия в Западном Прикаспии на совершенно иной уровень.

Интересна источниковедческая составляющая материала, на которую обратила внимание автор предисловия к этой книге В.Б. Ковалевская, и которая создает соответствующий исторический фон для изложения археологии вопроса. Авторы демонстрируют исключительную компетентность в разборе нарративных источников, описывая события и факты из истории маскутов, излагая их в хронологическом порядке во всевозможных аспектах. Это и военные, и дипломатические отношения, династические браки, степени родства персидских, албанских, армянских и сармато-аланских правителей, а также изучение ономастики и топонимики региона для лучшего понимания роли

сарматов, маскутов и аланов в исторических процессах, происходивших в Западном Прикаспии в первой половине – середине I тыс. н.э.

Еще один важный аспект – палеоклимат Южного Дагестана в описываемый период, и палеоантропология людей, захороненных в Паласа-сыртском могильнике в сопоставлении с населением ранне- и среднесарматской культур южнорусских степей, а также с аланским населением Центрального Предкавказья. Невозможно не согласиться с В.Б. Ковалевской, которая характеризует монографию как новое слово «в решении актуальных вопросов истории и археологии Кавказа III-V вв. н.э.» [Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015: 7].

В 2016 г. в издательстве ИА РАН вышла еще одна монография В.Ю. Малашева под названием «Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э.» [Малашев, 2016]. Значимость этой монографии, на мой взгляд, заключается в том, что она является этапной в «большой аланской археологии В.Ю. Малашева», несмотря на то, что по данной теме до этого уже был опубликован ряд работ автора, в том числе и материалы Бесланского археологического комплекса раннеаланской эпохи [Дзуцев, Малашев: 2015]. Историческая география, начало которой было положено в Южном Приуралье, со временем, через Приморский Дагестан, сместилась на Запад, получив свое логическое развитие и продолжение в истории народа, населявшего в I тыс. н.э. северокавказский регион – аланов Северного Кавказа. Но цельная, казалось, аланская археологическая культура разбирается В.Ю. Малашевым на составные части, в том числе и по хронологии, пестроте этнического состава населения степи и автохтонов, оказавших существенное влияние на аланскую культуру в целом.

Цель написания монографии сформулирована автором достаточно четко. В сарматское время, и в начале эпохи Великого переселения народов, начался процесс освоения степным населением Прикаспийского коридора, который связывал кочевнический мир Степи с государствами Южного Кавказа и

Передней Азии. Все это отразилось в археологических памятниках того времени, наиболее ранние из которых относятся к сарматской эпохе. От решения вопроса культурной атрибуции этих памятников зависит решение сформулированной автором проблемы, которая призвана ответить на следующий вопрос: «носители какого именно культурного комплекса играли важную роль в культурно-исторических процессах первой половины I тыс. н.э. на равнинных территориях Северо-Восточного Кавказа» [Малашев, 2016: 10].

В итоге всестороннего исследования и анализа всего комплекса накопленного археологического материала В.Ю. Малашев приходит к выводу, согласно которому стал ясен механизм сложения аланской археологической культуры в первые века н.э., а именно – в основе своей это было смешение двух основных компонентов: а) – носители среднесарматской культуры степей и б) – местное оседлое население предгорно-равнинных территорий Северного Кавказа II в. до н.э. – I в. н.э., которые автор выделил в самостоятельную культурную группу памятников типа Чегем-Манаскент [Малашев, 2016: 7-8]. Отдельно стоит отметить, что помимо анализа и сопоставления археологического материала, В.Ю. Малашев уделил внимание истории и культурным связям населения, заложившего разновременные курганные могильники на территории Северо-Восточного и Центрального Кавказа, оценивая при этом «удельный вес и глубину миграционных процессов» [Малашев, 2016: 9].

Новаторским, согласно мнению В.Б. Ковалевской, является рассмотрение В.Ю. Малашевым «механизма сложения звериного стиля аланской культуры Северного Кавказа III-IV вв. н.э. (с возможным углублением начального периода во II в.), в репертуаре изображений, восходящего к среднесарматской археологической культуре» [Малашев, 2016: 9]. Стилистика изображений в зверином стиле на деталях сбруйных наборов III-IV вв. н.э. аланской культуры является свидетельством сохранения среднесарматской культурной традиции среди носителей аланской культуры Северного Кавказа, что подтверждает связь духовного мира носителей последней с населением степей предшествующей

эпохи и участием их в культуро- и, видимо, этногенезе северокавказских алан» [Малашев, 2016: 177]. Еще один маркер – наличие тайников в погребениях, в которых обычно укладывались парадные уздечные наборы. Подобные тайники характерны для носителей раннего этапа аланской и среднесарматской культур, при этом в среде носителей раннесарматской и позднесарматской культур подобные традиции не встречаются.

Идеи В.Ю. Малашева, озвученные в представленной монографии, получили дальнейшее развитие в виде отдельных, но важных статей. В одной из них, «Звериный стиль аланской культуры Северного Кавказа» [Малашев, 2017: 194-214], рассматриваются предметы сбруйных наборов с изображениями, исполненными в зверином стиле, найденные в трех погребальных комплексах середины III в. н.э. из Бесланского некрополя аланской культуры Северного Кавказа. Автор нашел аналогии этим изображениям на вещах из среднесарматских погребений и на предметах из знаменитой «Сибирской коллекции Петра I». Все это является свидетельством формирования северокавказского «звериного стиля» под влиянием традиций представителей среднесарматской культуры, что позволяет В.Ю. Малашеву говорить об особой группе звериного стиля восточноевропейской степи и Северного Кавказа, которая восходит к среднесарматским традициям и которую автор предлагает обозначить как *звериный стиль аланской культуры*. Сходство сюжетов и изображений на артефактах говорит о том, что северокавказские мастера были непосредственно знакомы с оригинальными образцами искусства населения Евразии. Это же является дополнительным аргументом в пользу участия в этногенезе северокавказских аланов и их культурогенезе носителей среднесарматского культурного комплекса как одного из компонентов.

Статья «Курганы-кладбища Центральных и Восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э. – начала (первой половины) II в. н.э. памятники типа Чегем-Манаскент», написанная в соавторстве с В.Е. Масловым [Малашев, Маслов, 2021: 81-132], посвящена анализу материалов памятников типа Чегем-Манаскент, датируемых III в. до н.э. – началом/первой половиной II в. н.э.

Уникальность этих памятников, основными маркерами которых являются единство керамического комплекса и характерные черты погребального обряда, заключается в том, что погребальный обряд памятников соответствует традициям кочевого населения степей Северного Кавказа раннесарматского времени, в то время как их материальная культура определяется традициями северокавказского оседлого населения – потомков носителей кобанской культуры. Согласно авторам, «традиции населения, оставившего памятники типа Чегем-Манаскент, явились культурным субстратом, на основе которого формировалась аланская культура Северного Кавказа раннего этапа (II-IV вв. н.э.), генетическая связь с которой фиксируется в погребальном обряде … и в керамическом комплексе» [Малашев, Маслов, 2021: 82]. Таким образом, долгое время проблема субстрата, на котором возникла аланская культура Северного Кавказа, и на которую поколения исследователей не могли дать ясного ответа, наконец-таки была сформулирована В.Ю. Малашевым, предложившим весьма аргументированное ее решение.

Еще одна знаковая работа В.Ю. Малашева посвящена очередной загадке кавказской археологии, а именно Т-образным катакомбам – важным маркерам погребальной церемонии аланской культуры. Совместная с А.И. Торгоевым статья называлась «Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии» [Малашев, Торгоев, 2018: 36-52].

Изначальная версия происхождения Т-образных катакомб связывала их с подобными погребальными сооружениями, обнаруженными и исследованными в среднеазиатских культурах. Исследователи [Нечаева, 1956; 1961: 651; Смирнов, 1972: 80] считали, что появление катакомб подобного типа в центральных и восточных районах Северного Кавказа «является результатом миграции среднеазиатского населения» [Малашев, Торгоев, 2018: 36]. Но одной из проблем подобной трактовки является то, что на большом пространстве от Средней Сырдарьи и Согда до Северного Кавказа в указанный хронологический период наблюдается полное отсутствие катакомб данного типа. Они также не встречаются в районе Приазовья и Нижнего Дона – ареале

среднесарматской культуры, где во второй половине I в. н.э. аланов фиксирует Иосиф Флавий.

Задача, которую поставили для себя авторы, предполагала доказать, что происхождение Т-образных катакомб связано с местной северокавказской традиционной основой, которая берет начало от катакомб предшествующей эпохи (III/II в. до н.э. – II в н.э.), позднее объединенных в памятники типа Чегем-Манаскент, и что северокавказские Т-образные катакомбы имели свою, отличную от среднеазиатской, линию развития. В 1993 г. М.П. Абрамова предположила, что формирование аланского погребального обряда состояло из двух компонентов: северокавказского (традиция захоронения в катакомбах), и степного (предполагающего наличие курганной насыпи). Эта концепция была поддержана многими специалистами-археологами, в том числе и В.Ю. Малашевым. Эта же концепция обосновывается авторами в статье на многочисленном сравнительном материале и дополнена наблюдениями над другими обрядовыми особенностями, свойственными аланской археологической культуре, таких, как наличие тайников, и наличие предметов с изображениями, исполненными в «сарматском зверином стиле». Однозначный вывод, к которому пришли авторы статьи, гласит: генезис аланских катакомб произошел на местной основе, и нет необходимости поиска его истоков где-либо еще, в том числе и на территории Средней Азии.

Представленные материалы являют собой лишь малую часть библиографии В.Ю. Малашева, хотя, для полноты картины надо бы отметить еще ряд работ автора. Безусловного внимания заслуживают такие его статьи и монографии, как «Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время» [Малашев, 2010: 117-132], «Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка» [Березин, Каминский, Малашев, 2012], «Протогородская культура II-IV вв. н.э. и проблема ранней государственности алан Северного Кавказа» [Малашев, 2014: 72-83], «Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III-IV в.» [Малашев, Кривошеев, 2023: 265-281], «К атрибуции некоторых групп катакомбных

памятников юга Восточной Европы второй половины III – начала V века» [Малашев, Кривошеев, 2024: 52-78] и др. Научный потенциал В.Ю. Малашева далеко не исчерпан, на очереди анализ и публикация материалов масштабных раскопок Братского I-го, Октябрьского I-го, Киевского I-го и Хасавюртовских курганных могильников Северного Кавказа, которые, несомненно, прольют новый свет на проблемы археологии и истории региона второй четверти – середины I тыс. н.э.

2.3. Д.С. Коробов. Археология в контексте комплексного подхода

И, конечно же, при освещении проблематики невозможно обойти стороной работы видного археолога, доктора исторических наук, профессора РАН, заведующего отделом теории и методики института Археологии РАН, члена-корреспондента Германского археологического института Дмитрия Сергеевича Коробова. Отличительной чертой его монографий, в частности таких, как «Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв.» (2003), «Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины)» (2017), «Аланы Северного Кавказа. Этнос, археология, палеогенетика» (2019) и др., являются комплексный междисциплинарный подход в исследовании данных археологии и фундированность наблюдений и выводов. Д.С. Коробов представляет описание и разбор археологических материалов и артефактов в контексте общеисторического анализа, что делает его работы доступными для широкого круга интересантов. Именно эта черта объединяет его книги с работами С.В. Кулланды, В.Ю. Малашева, С.А. Яценко и др. Каждая его новая работа – это новые идеи, основанные на новейших материалах археологических раскопок. Причем идеи эти рассматриваются в свете самых разных направлений современной науки: истории, лингвистики, археологии, ГИС-технологий, генетики и антропологии, что позволяет обобщить и рассмотреть в комплексе

весь спектр работ современных авторов по проблематике, и прийти, в итоге, к обоснованным историческим выводам.

Подобный комплексный подход к изучению вопроса Д.С. Коробов использует и в небольшой, но весьма важной монографии «Аланы Северного Кавказа. Этнос, археология, палеогенетика» (2019). Несмотря на ее научно-популярный характер, обусловленный необходимостью доступности изложения материала для широкого круга интересантов, книгу можно охарактеризовать как емкое обобщение, с рассмотрением основных аспектов проблемы этнокультурного наследия северокавказских аланов, отражающее современные достижения науки в контексте существующего увлечения «аланоманией», которая на протяжении последних десятилетий актуальна среди некоторых интеллектуалов Северного Кавказа.

После небольшого исторического экскурса в начале книги, Д.С. Коробов переходит к освещению проблемы с точки зрения лингвистики. Так, обозревая сохранившиеся памятники языка аланов, Д.С. Коробов не сомневается в его принадлежности к иранской группе индоевропейской семьи языков, и в то же время не разделяет мнение тех, которые рассматривают ираноязычие аланов как следствие их генетической преемственности с сарматами и скифами. Ученый справедливо считает бесперспективными попытки на основе лишь аланского языка, конечно же, вобравшего в себя многие иноязычные компоненты, прийти к единственно верному решению вопроса об аланском этногенезе, и при этом осуждает попытки объявить собственно аланов тюрко- или нахоязычными [Коробов, 2017: 47][84].

В целом, выводы Д.С. Коробова касающиеся данных языкознания аргументированы, хотя приведенные примеры аланского-осетинского языка

[84] Д.С. Коробов ссылается на мнение лингвиста С.В. Кулланды, который, не отрицая принадлежности скифского языка к иранскому миру в целом, утверждал, что скифский язык «не имеет прямой связи с другими иранскими языками юга Восточной Европы – сарматским, аланским и осетинским, которые в свою очередь, представляются весьма близкими» [Коробов, 2019: 44]. Позицию В.И. Абаева изложенную в статье «Скифский язык», утверждавшего, что «… близость (скифского и осетинского языков – А.Ч.) настолько ярка и отмечена такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рассматривать как две ступени развития одного и того же языка» [Абаев, 1949: 239], полагаю, в данном диспуте, также стоит принять к сведению.

(Зеленчукская надпись, Ясский глоссарий и «Теогонии» И. Цеца) можно было бы дополнить работой известного индоевропеиста А.М. Лубоцкого, описавшего аланские маргиналии на полях ветхозаветного лекционария, обнаруженные профессором С. Энгберг в 1992 г. Он же представил иную трактовку отрывка из «Теогоний», которая исключает скабрезный характер цитируемой фразы[85]. Вполне логично также было бы предположить, что аланы-осетины, в частности Касарского ущелья, которые находились в тесном контакте с Грузией, учились там фресковой росписи, использовали грузинскую графику в качестве письма на осетинском языке. Косвенным признаком того, что, помимо греческой и латинской графики[86] аланы-осетины использовали и грузинскую, может служить сохранившаяся подпись художника, расписавшего знаменитую Нузальскую часовню[87].

Довольно неоднозначны и данные антропологии, происходящие из погребений, которые ученые связывают непосредственно с аланской археологической культурой. Согласно новым исследованиям, долихокранный (узколицый, высокоголовый) тип лица не может рассматриваться как исключительно аланский антропологический признак палеопопуляций [Коробов, 2019: 54], так как носителями этого антропологического типа были и предшествующее аланам местное население эпохи бронзы и железного века, и представители меотской археологической культуры. Кроме того, в катакомбных могильниках аланов обнаружены кавкасионский широколицый и круглоголовый (мезокранный антропологический) тип, что свидетельствует об активном смешении населения жившего на смежных и контактных территориях[88]. Среди современных народов Центрального Кавказа не

[85] Материал об этом представлен в соответствующем параграфе главы VI.

[86] Весьма интересна информация о рунических надписях, представленная Д.С. Коробовым. См. стр. 44-45 указанной работы.

[87] Именно осетинское окончание его фамилии, *Вола Тлиаг* то есть Вола [родом] из Тли, исполненное грузинским письмом указывает на осетинское написание и свидетельствует о его происхождении из одного из селений под названием Тли, расположенных в округе Нузальской часовни.

[88] Краниологическим материалам аланской культуры посвящен ряд работ С.Ю. Фризена в соавторстве с коллегами. См.: Фризен С.Ю., Кадзаева З.П. Краниологические материалы аланской культуры эпохи раннего средневековья из Садонского могильника (Республика Северная Осетия-Алания) // Известия Иркутского Государственного университета. Серия «Геоархеология, Этнология, Антропология». Т. 16. 2016. С. 125-139.: Малашев В.Ю., Фризен С.Ю. Краниологические материалы из могильников аланской культуры Северного

наблюдается прямых потомков «высокоголовых» и «узколицых» аланов [Коробов, 2019: 54]. Все это является отражением сложного характера формирования современного антропологического облика осетин. Известный антрополог М.М. Герасимов, на которого ссылается автор, выделяет следующие этапные исторические события и явления этнокультурного порядка, повлиявшие на специфические краниологические комплексы у аланов-осетин: формирование аланской средневековой народности, период миграции во время монгольского вторжения в начале XIII в., моровая язва конца XVIII – нач. XIX в. и последующие переселения, брачные связи с соседями привели к антропологическому сходству осетин с народами Центрального Кавказа. Как утверждает М.М. Герасимова, формирование современного кавказского облика осетин произошло за последние два столетия [Герасимова, 2007: 409-427].

Определенную смысловую нагрузку содержит и понятие «аланская археологическая культура», в основе выделения которой лежат Т-образные катакомбные погребения. Д.С. Коробов, вслед за коллегами-археологами, рассматривает их как маркер, или «визитную карточку» аланских племен, ведущих свое происхождение от сарматов» [Коробов, 2019: 57]. Результаты многолетних археологических раскопок, проведенных Д.С. Коробовым в Кисловодской котловине дополняют «аланский фонд» новыми археологическими материалами, что позволяет автору взглянуть на проблему расселения аланских племен этого микрорегиона в ином ракурсе. Единственный вопрос, который остался без ответа в книге – каким образом аланы раннего Средневековья появились в районе Кисловодской котловины.

Особый интерес представляет последняя глава монографии, в которой в научный оборот введены новейшие данные в области палеогенетики. И здесь заслуга Д.С. Коробова заключается в том, что совместно с Г.Е. Афанасьевым, они первыми выступили с палеогенетическим исследованием аланского антропологического материала, что позволило им получить определенные

Кавказа III – первой половины V в. н.э. // Краткие сообщения Института Археологии. М.: ИА РАН. Вып. 260. 2020. С. 459-481.

результаты. В частности, сопоставив аланский палеогенетический «материал» с таковым населения других регионов Кавказа, и сопредельных территории, Д.С. Коробов отметил значительный вклад кавказского субстрата (в том числе в лице наследников кобанской культуры) в формирование современных осетин. Тем самым, результатами своих исследований ученый еще раз обосновал выдвинутую В.И. Абаевым, и подтвержденную на археологическом материале В.Ю. Малашевым [Малашев, 2016] гипотезу о «двуприродности» происхождения осетинского народа.

Нет необходимости в более подробном обзоре монографии, тем более что весьма обстоятельную рецензию на нее представил А.А. Туаллагов [Туаллагов, 2020: 80-85]. И, тем не менее, эта весьма интересная книга позволяет сделать определенные выводы. Так, на основе совокупного анализа отмеченных выше смежных научных дисциплин, автор приходит к вполне закономерному выводу, что аланское наследие является многовекторным. Д.С. Коробов не видит простого решения этой задачи, считает при этом наследниками этой культуры в той или иной степени, как осетин, так и соседние с ними народы Центрального Предкавказья. Действительно, бесперспективны попытки «найти единственное решение вопроса об аланском этногенезе лишь на одних лингвистических данных» [Коробов, 2019: 44], как бесперспективны подобные попытки лишь на археологических, палеоантропологических и иных данных. Вопросы, поставленные Д.С. Коробовым в книге, открытых лекциях, звучали и ранее. Так, еще на владикавказской научной сессии 1966 г., призванной осветить проблему этногенеза осетин, видный археолог Е.И. Крупнов выступил с докладом «Проблема происхождения осетин по археологическим данным». Несмотря на то, что Е.И. Крупнов признавал участие аланов в этногенезе осетин, он все же считал, что «ведущее место в этногенезе осетин следует отвести кавказской аборигенной общественной среде» [Происхождение …, 1967: 41]. Евгений Игнатович считал осетин «истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре и иранцами по языку». Тезис Е.И. Крупнова о доминирующей роли местных кавказских племен разделяли

его коллеги, такие как археологи В.Б. Виноградов и И.М. Чеченов, антрополог В.П. Алексеев. В.И. Абаев же отреагировал на эту позицию с сарказмом, заметив: «… если имело место оседание и ассимиляция, то, как же можно говорить, что иранцы дали аборигенам «только язык»? Ведь нельзя же представлять дело так, что скифо-сарматы явились на Кавказ, открыли краткосрочные курсы по обучению местного населения иранской речи, а затем исчезли. Куда исчезли? Из этого лабиринта противоречий не видно выхода» [Абаев, 1967: 17].

Гаплогруппы средневековых аланов и современных осетин не совпадают полностью. Но соответствуют ли генетически аланы II-IV вв. аланам XII-XIII вв., аланы Северного Кавказа и, скажем, та их часть, которая в 406 г. в составе отрядов Респендиала форсировала Рейн? Может есть смысл рассматривать аланское наследие того или иного народа не по отдельным признакам, а в совокупности признаков – язык, археология, палеогенетика, мифология и т.д.?[89] И здесь предельно корректен и весьма показателен еще один вывод, сделанный Д.С. Коробовым: «Главное в этом процессе – не слишком увлекаться сопоставлением генетических характеристик с этническими группами. Ведь принадлежность к той или иной гаплогруппе еще не говорит о принадлежности к этносу» [Коробов, 2019: 135].

Основной посыл монографии Д.С. Коробова заключается в поиске точек соприкосновения, идей, которые могли бы объединять народы Кавказа, но никак не противопоставлять их друг другу, что отличает его позицию от позиции некоторых его коллег. Кавказ интересен, прежде всего, своим этнокультурным разнообразием, и аланы являются всего лишь частью этого этнокультурного массива, который впитал в себя весь спектр сложнейшего многовекового и многовекторного, в том числе этнического взаимодействия племен и народов, когда-либо соприкасавшихся с этим регионом. И здесь общее аланское прошлое, вне зависимости от значимости его вклада в культуру

[89] См. прим. 4.

того или иного народа, может выступать очень важным объединяющим фактором. Аланы остались в прошлом, но наследие северокавказских аланов, отраженное в языке, культуре, мифологии народов Кавказа, всегда будет волновать серьезных исследователей, не подверженных местечковому, узконациональному снобизму и псевдонаучному радикализму. Этому принципу следует и Д.С. Коробов: «Любой народ состоит из множества индивидов, каждый из которых имеет свою генетическую историю, сложную и неоднозначную. Обладая разными генеалогическими корнями, люди могут объединяться в один этнический массив на основе общего самосознания о своей принадлежности к тому или иному народу, выражающегося в особенностях языка, культуры, социального и политического устройства и многих других факторов. Так было в прошлом, так остается и поныне» [Коробов, 2019: 136].

2.4. С.А. Яценко. Искусство быть кочевником

Сложно в небольшом обзоре охватить весь спектр (а это около 300 публикаций) профессора РГГУ, доктора исторических наук Сергея Александровича Яценко, посвященных различным аспектам истории и культуры древних номадов – скифов, саков, «пазырыкцев», юэчжей, кангюйцев, сарматов, «ранних» аланов и отчасти – оседлых иранских народов (согдийцев, хорезмийцев, персов, хотано-саков, тохаристанцев, а также современных осетин и кафиров-нуристанцев). В этом широком спектре целесообразно высветить все изящество и разнообразие научных концепций, которые пронизывают работы ученого.

В основе любого научного исследования лежит научная гипотеза (еще лучше – несколько альтернативных, подлежащих проверке), а самые красивые научные концепции рождаются на стыке научных направлений. Эта аксиома верна не только для гуманитарных наук. Сочетание подходов археологии,

этнологии, иконографии древнего искусства, религиоведения и кочевниковедения позволило С.А. Яценко взглянуть на народы древности в неожиданном ракурсе. Исследователь получил подготовку археолога, и с ранней юности постоянно участвует в раскопках, разведках, поисках петроглифов и т.п. в различных регионах (от Монголии и Тувы до Приазовья, от Верхнего Поволжья и Москвы до Дербента). Однако при этом Сергей Александрович с самого начала оказался парадоксально далек от «классической» археологии, с ее непрерывным уточнением деталей хронологии, классификацией разных типов находок или форм могил, вниманием к строительным, военным и прочим технологиям и другим темам. Он не стремился иметь «собственную» экспедицию, а к анализу археологического материала подходит более всего как этнограф, историк и искусствовед. В этом особом взгляде его укрепляли все основные учителя в науке: ведущий сарматолог К.Ф. Смирнов, известный специалист по скифской религии и искусству Д.С. Раевский, хранитель скифского золота в Эрмитаже А.Ю. Алексеев, историк военного дела и костюма Центральной Азии М.В. Горелик, ведущий специалист по археологии и культуре Средней Азии академик Б.А. Литвинский.

Вместо привычных для археологов тем С.А. Яценко изначально стал интересоваться такими, которые вызывали в академической среде скепсис, считаясь «мало разрешимыми» в обозримом будущем, трудоемкими, и для которых вдобавок отсутствовали разработанные методы анализа. Соответственно, в археологии эти темы оставались «белыми пятнами». Первую в своей научной судьбе и, вероятно, самую высокую подобную «крепость» С.А. Яценко начал «штурмовать» студентом, с июля 1975 г., когда во время раскопок курганов в Сальских степях его первый руководитель, сарматолог В.Е. Максименко, предложил начинающему исследователю заняться «безнадежной» разработкой методик комплексного изучения остатков костюма в погребениях и его корректной трактовки на древних изображениях (конечно, с привлечением этнографических материалов и письменных источников). Из-за

обычно плохой сохранности остатков одежды и трудностей их грамотного описания при раскопках, неясностей с культурной принадлежностью и датировкой многих имеющихся изображений, многие советовали ростовскому студенту отказаться от столь «безумной» темы. Но С.А. Яценко, как обычно, стоял на своем. Ему пришлось ездить на раскопки в разные экспедиции, чтобы самому скальпелем чистить бисерные обшивки истлевшей одежды; перед ним, к счастью, сразу раскрылись Золотая кладовая Эрмитажа и Сокровищница Национального музея истории Украины, фонды многих провинциальных музеев. Цель вскоре стала выглядеть малоподъемной: предстояло дать системную характеристику по всем видам источников этнических костюмных комплексов всех ираноязычных народов древности (13 народов со сравнительно хорошо документированным костюмом) по трем периодам их доисламской истории. Следующий этап предполагал сравнение полученных результатов с этнографическим костюмом современных иранских народов, а также всех их древних и средневековых соседей, с которыми могли быть «костюмные» контакты. При этом надо было усовершенствовать методику и терминологию палеокостюмологии. Однако без решения такой единой задачи, по мнению Сергея Александровича, нельзя было и мечтать о корректном привлечении костюма к задачам этнокультурной и социальной истории этой группы народов и их соседей. Действительно, как известно, в старину именно костюм был своеобразным маркером каждого человека, важнейшим этнокультурным показателем и символом, зримым воплощением эстетического идеала конкретных народов и т.п. И все же спустя 31 год напряженной, системной работы, вышла основная фундаментальная монография автора на эту тему «Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)» (2006), сделавшая его признанным международным авторитетом в изучении древнего костюма. В последнее время С.А. Яценко работает над монографией, посвященной трудностям корректного «прочтения» костюма в памятниках искусства разных эпох и народов.

Сразу после выхода в свет в 1975 г. известной книги В.С. Драчука по сарматским знакам-тамгам («Системы знаков Северного Причерноморья») в будущей научной деятельности С.А. Яценко навсегда поселилась вторая большая научная тема. Это изучение одной из знаковых систем доиндустриальных обществ, часто весьма актуальной для подавляющего большинства народов, не имевших письменности или имевших 99% неграмотного населения. Тамги (у иранских народов – *нишан*) имели множество функций, главные из которых – мечение движимой и недвижимой собственности и знак сопричастности разным общественным акциям. Чаще всего такие знаки были клановыми или семейными. Но, как и прежде, тема считалась не только слабо разработанной фактически и методологически, но и казалась коллегам территорией заведомо непроверяемых и недоказуемых положений. То, что сегодня, после разработок С.А. Яценко, уверенно считают значимыми для истории культуры тамгами, в 1970-е гг. обычно воспринимали как магические символы, узоры, знаки неведомых письменностей или даже непонятные импровизации их авторов, а идея уточнить датировку или этническую, этнокультурную принадлежность хозяев и авторов таких изображений на скалах или стенах древних святилищ и т.п. казалась бесперспективной и излишней. К тому же, обычай использования таких знаков в XIX-XX вв. у иранских народов быстро исчезал на глазах и не слишком интересовал этнографов. Еще меньше, казалось, древние тамги интересовали археологов.

С.А. Яценко обращается к этнографам, изучавшим такие знаки у тюркских, монгольских и отчасти германских народов. В числе важнейших его наставников стали труды Ю.В. Симченко по знакам народов Сибири в начале освоения края русскими (1963), и Л.И. Лаврова по тамгам народов Северного Кавказа (1978), а также ряд сочинений имперского времени. Впереди было знакомство в 2008 г. с таким нестандартным интерпретатором кавказских тамг и вообще знаковых систем сходного облика, как живший в Стамбуле американец французского происхождения Оливер Перен (Oliver Perrin), с

исследователем тамг в наскальном искусстве ранних тюрков и в этнографии казахов А.Е. Рогожинским и многими другими яркими людьми. В результате еще более долгой, чем с древним костюмом, работы, растянувшейся на 40 лет (начиная с 1979 г.), в 2019 г. по гранту ЮНЕСКО в Самарканде вышла наиболее значимая в плане методологии и методики коллективная книга семи авторов «Тамги доисламской Центральной Азии» (Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 452 с.), в которой С.А. Яценко был редактором и автором около половины этого объемного труда. Вехами на пути к этому были книга по тамгам иранских народов древности [Яценко, 2001] и коллективная книга 27 авторов по материалам разных континентов «Traditional Marking Systems» (London & Dover: Dunkling Books, 2010. – 518 p.), во многом инициированная Сергеем Александровичем.

Прорыв в научном изучении знаков типа *тамга / нишан* открыл для археологов и историков новые широкие возможности. Ведь подобные знаки являются надежными свидетельствами власти влиятельных кланов над соседними территориями, миграций народов или их групп, смешанных браков между соседними этносами, оседания вчерашних кочевников в городах, культурной преемственности и т.п. Сам автор этих разработок воспользовался ими для системного анализа собраний тамг иранских народов в целом (2001) и затем более детально и на дополнительном материале – связанного с частью населения Кангюя (2020), сасанидской аристократии Ирана (2021), а также ряда регионов Средней Азии (2019 – главы колл. монографии). Он смог существенно уточнить на тамговом материале взаимоотношения сарматов с северными и северо-западными соседями – германцами и племенами Лесной зоны Восточной Европы (2020), понять механизм заполнения тамгами сарматских мини-святилищ в позднем Байте III на Устюрте (2019, колл. монография, глава 2) и в ряде пунктов степной Украины (Яценко и др., 2022).

Еще одна тема, разрабатываемая С.А. Яценко, связана с изучением иконографии древних антропоморфных персонажей – одиночных и в сложных многолюдных композициях, разной сохранности и стилистики. Среди них –

изображения иностранцев и иноверцев в развитых изобразительных традициях таких стран, как античные Персия, Греция и Рим, средневековые Китай, Византия и Согд, передача костюма на заимствованных образах чужих божеств и эпических героев. Но, вероятно, самым интригующим для этого автора стало неторопливое, с 1990 г., решение сложных «ребусов» с прочтением эпизодов предполагаемых древних мифов, эпоса и генеалогических легенд на древних изображениях скифов, саков, «скифоидных» кочевников Южного Урала, кангюйцев, хунну, сарматов и средневековых аланов. Этот процесс требует не только знания большого количества мифо-эпических, сказочных и прочих фольклорных текстов народов разных языковых групп и литературы по их сравнительному изучению, но и умения замечать мельчайшие детали древних фигур и композиций. Приходится учитывать и тот факт, что популярные недавно версии конкретного сюжета не обязательно были таковыми в древности. Очень важно также изучить процесс постепенной визуализации в искусстве тех или иных устных сюжетов и понять его религиозную, политическую и общекультурную логику. С.А. Яценко исходит из предположения, что общеизвестные тексты древних и средневековых авторов, где приводятся отдельные иноземные фольклорные сюжеты, почти никогда не отражены в самом «варварском» искусстве, так как информированность приезжих была фрагментарной и часто – не о наиболее важном. Так, если скифологи обычно убеждены, что греко-римские писатели отчего-то просто обязаны были донести до нас именно самые важные сюжеты скифского фольклора, то С.А. Яценко, как правило, проводит доводы в пользу противоположного. В методике «расшифровки» сюжетов древних изображений он во многом следует одному из своих учителей в науке – Д.С. Раевскому.

Ученого интересует постепенная визуализация фольклорных образов при помощи как «варварского» копирования развитых изобразительных традиций («искусство цитат»), так и с привлечением греческих ювелиров (скифы). Эволюция системы образов чужих и собственных образов богов, героев и духов была прослежена за многие годы кропотливой и планомерной работы у скифов

[Яценко, 2013], ранних сарматов [Яценко, 2000], скифо-сарматов крымской Малой Скифии I-III вв. [Яценко, 2014] и у сарматов в целом [Яценко, 2022]. В отличие от коллег (скифологов и многих сарматологов), С.А. Яценко впервые всерьез акцентировал внимание не на стадиально ранней мифологии (которая в то время сохранялась скорее фрагментарно и будучи включенной в другие по жанру тексты), а на типичном для реальных кочевых народов ядре фольклора – героическом эпосе, проанализировав серии сходных сюжетов у различных групп ранних кочевников и приведя аналогии им в эпизодах эпоса иранских и изредка – тюркских и кавказских народов [Яценко, 2000; 2021; 2022]. Автору принадлежат продуктивные попытки выяснить детали и общий смысл изображенных эпизодов, а также «расшифровать», с корректным привлечением аналогий, группы изображений в искусстве скифов [Яценко, 2020], саков [Яценко, 2011], усуней [Яценко, 2017], сарматов Устюрта [Яценко, 2017], кангюйцев [Горяев и др. 2016; Рогожинский и др. 2022], выявить интересные образы с гибридной сармато-финноугорской иконографией (Сапоговский клад) [Яценко, 2001].

С.А. Яценко, является также основным исследователем проблем социального устройства и отчасти культурогенеза носителей трех сарматских археологических культур, существовавших около 450 лет на огромном пространстве евразийской Степи (ранней, которую он датирует с середины II в. до н.э., средней и поздней). В отличие от классиков сарматологии, традиционно опиравшихся только на материалы и разные одних лишь ритуальных комплексов единственного типа – сарматских могил (ориентацию погребенных, формы погребальных сооружений, состав погребального инвентаря и жертвенной пищи и проч.), автор всегда подчеркивает необходимость изучения таких объектов, как кочевые стоянки, разнотипные святилища, клады и др. Главным же просчетом сарматологов «старой школы» С.А. Яценко считает фактический отказ от изучения контактных зон сарматов с другими народами и культурами, как оседлыми, так и кочевыми. Разумеется, такие зоны изучать было нелегко уже потому, что «классическая» сарматология в лице К.Ф.

Смирнова и М.Г. Мошковой отвергала саму возможность сколько-нибудь заметного оседания в них кочевников. Этой линии противостояла иная линия, гораздо менее выраженная линия – основателя сарматологии, археолога и историка М.И. Ростовцева, а в 1970-е и начале 1980-х гг. – Ю.М. Десятчикова и И.И. Марченко (на материалах Боспорского царства и меотов Кубани), А.П. Медведева (на материалах бассейна Верхнего и Среднего Дона). Не удивительно, что исследователь вскоре обнаружил немало свидетельств противоположного, обратившись к костюму, тамгам, некоторым деталям погребальной обрядности, изобразительным сюжетам и другим характеристикам сарматских культур на территории «варварского» Крыма, городов Боспора и меотских некрополей устья Дона, ряда поселений предримской Дакии (Пояна и др.). Сергей Александрович довольно рано рассмотрел некоторые подсознательные установки сарматологов при сравнении однотипных явлений сарматских культур со скифской. Он показал, что большое влияние на относительное принижение уровня развития сарматских группировок оказали дробность сообщений греко-римских и закавказских авторов по сравнению с объемными очерками Геродота и ряда других сочинителей, а также то, что сарматское искусство эстетически далеко от устоявшихся «эталонных» античных образцов и во многом чуждо современному ценителю. С.А. Яценко вскрыт забавный парадокс: нередко однотипные факты для скифов трактовались как доказательство их более высокого уровня развития, а для сарматов – наоборот [Яценко, 1994].

Соответственно, немало работ С.А. Яценко связано с сарматскими элементами в культуре греко-варварского Боспорского царства. Они касаются погребений знати в некрополе Пантикапея [Яценко, 2019], присутствия сарматов в таких небольших городах как Танаис и Илурат. Особое внимание он уделяет проникновению на Боспор сарматских клановых эмблем-тамг (включая и сельскую местность), появлению сарматских святилищ в позднейшем Боспоре [Яценко, 2023] и т.п. Не менее (а, может быть, и более) важной кажется С.А. Яценко связь группировок средне- и позднсарматской культур с наиболее

сильной «кочевой империей» Средней Азии и Казахстана – Кангюем. Среди прочего этому посвящены его главы недавней коллективной монографии по археологии и истории Кангюя [Яценко, 2020]. Именно Кангюй С.А. Яценко считает важным фактором оформления сарматского искусства и военного дела с момента его усиления в середине I в. н.э., а также развития караванной торговли. Собственно, только этот автор уделил много внимания влиянию Кангюя на европейских кочевников.

Исследование общественных структур сарматов исследователь начинал с, казалось бы, нестандартных «мелочей», которые считались неперспективными для изучения. Так, он обратил внимание в крупных некрополях на серию могил с парой юношей одного возраста, с одинаковым набором оружия и др. и связал их с хорошо известным в источниках популярным обрядом побратимства, при котором иногда умерших друзей хоронили вместе [Яценко, 2016]. Он смог вычленить на границах сарматского мира, где проживали наиболее ценные для сарматов племена-данники (ряд территорий в бассейнах Кубани, Дона и Дуная) некрополи, в которых преобладали мужчины с однотипным, стандартизованным вооружением. С.А. Яценко справедливо трактует их как немногочисленные полупрофессиональные дружины [Яценко, 2015]. В сарматологии часто поднимался в духе раннего марксизма (или же – в наивно-романтических традициях ранних этнографов начала XIX в.) вопрос о существовании именно у сарматов т.н. «матриархата», с якобы особым статусом и особыми правами женщин в обществе. Стоит отметить, что наличию в прошлом матриархата даже на самых ранних стадиях оформления человечества в Восточной Африке противоречат исследования разных групп высших приматов, живущих собирательством или мелкой охотой. Конец мифу о сарматском матриархате положили еще статьи Т.В. Мирошиной 1980-х гг., но С.А. Яценко это дало повод для более углубленного изучения статуса женщин у разных сарматских группировок. Его заинтересовали аристократки с набором статусных и отчасти культовых атрибутов, и он определил их как жен мужчин из знати второго ранга («скиптероносцы» – вожди маленьких племенных групп

с побочными функциями руководства некоторыми ритуалами) [Яценко, 2007]. Особое внимание он уделил антропологически достоверным находкам сарматских женщин с оружием, рассмотрев его в комплектах, в соответствии с возрастом, их местом на семейном участке кладбища, особенностями костюма и т.п. и сравнив их с аналогичными скифскими. Он пришел к выводу, что оружие в могилу помещали лишь немногим из реально воевавших женщин, за особые заслуги, обычно спустя долгое время после окончания их военной службы, причем не то оружие, которым они когда-то пользовались в боях, а некое его подобие [Яценко, 2018а]. В сарматологии существует серьезная проблема исследования кочевых стоянок. Но есть и проблема т.н. сарматских городов, упоминаемых в глубине Степи авторитетными греко-римскими авторами (Птолемей, Тацит и др.). Одному из таких меото-сарматских центров – самому крупному в низовьях Дона Темерницкому городищу (вероятному городу Наварис у Птолемея) посвящено его специальное исследование [Яценко, 2006].

Для изучения сарматского общества были впервые использованы особенности планиграфии конкретных могильников (полностью и в значительной мере раскопанных). При этом особое внимание он уделил самому крупному некрополю сарматов (Новый в низовьях Дона), сравнивая его с крупнейшим скифским Мамай-Горой и позднесакским Каратума в Семиречье. Скифо-сакская эпоха, когда мы наблюдаем подчас целиком элитные некрополи или элитные участки, сравнивается им с сарматской (когда такие небольшие могильники известны лишь у стен боспорского г. Танаис) [Яценко, 2016]. Даже мелкие детали планиграфии малых могильников (плотность могил или их ограблений на разных участках; распределение форм могильных ям, половозрастных групп, умерших с разнотипным оружием, с лошадьми или их уздой, изделий из драгоценных металлов, импортов, воительниц и т.п.) стали предметом его внимательного анализа. При этом С.А. Яценко скептически относится к исключительным возможностям некоторых современных компьютерных программ, используемых археологами, с помощью которых,

якобы можно разрешить нерешаемые вопросы современной археологии. Это касается и анализа социальных структур, подобного «обсчету» некрополей сарматских культур группой М.Г. Мошковой в 1994-2009 годах и выделению десятков «кластеров» в средневековых аланских могильниках Д.С. Коробовым. Современные технологии, бесспорно, могут и должны применяться в науке, в том числе и археологии, но, поставленные задачи, все же должны решаться комплексно, так как при слабом привлечении исторических и этнографических аналогий невозможно объяснить, какая социальная реальность скрывается за условно выделенными микро-деталями. Возникает также большой риск того, что единичные и случайные отклонения будут восприняты как проявление устойчивой обрядности.

Еще одним средством изучить статус сарматских женщин по некрополям С.А. Яценко считает такой важный в иранской традиции атрибут, как небольшие зеркала. Выходившая замуж за инородца женщина брала с собой в чужую общину такое зеркальце с изображением тамги родного клана. В результате в предгорьях Крыма и в устье Дона мы наблюдаем картину массовых смешанных браков «поздних скифов» и донских меотов с сарматками, что позволяет нам установить, какие именно сарматские территории были в этом задействованы [Яценко, 2018 б].

Важным для ученого было долгое время объективное выявление групп сарматской элиты, особенно на вполне представительном материале яркой среднесарматской культуры I – середины II в. н.э. Ограбленность большинства таких курганов, как показал С.А. Яценко, не является непреодолимым препятствием. Обе выделенные группы элиты [Яценко, 2015] отличались и тем, как их грабили в древности современники [Яценко, 2016а]. Вообще исследователь считает приемы ограбления даже рядовых могил и то, что грабители в них не трогали, значимым показателем функционирования степных общин и их локальной специфики [Яценко, 2013].

Существенным вкладом С.А. Яценко в сарматологию являются первые, и, фактически, до сих пор единственные детализированные версии социально-

политической истории конкретных крупнейших сарматских группировок I-IV вв. н.э. – аланов-массагетов (маскуты армянских источников) равнинного Дагестана (1998), донских аланов от их предполагаемого поражения от Плавтия Сильвана у устья Дуная и отхода к Дону с 62 г. н.э. [Яценко, 2001] до возникшей угрозы со стороны надвигавшейся с востока позднесарматской группировки после 132-135 гг. [Яценко, 1993; 2008], а также выяснение обстоятельств выхода предкавказских аланов на широкую международную арену около 235-240 гг., на фоне кризиса соседних Римской империи и Боспора, а также вторжений германцев [Яценко, 1997]. При создании таких очерков автор стремился, консультируясь с узкими специалистами, использовать все виды источников: исторические и агиографические сочинения Римской империи и стран Закавказья, отдельные свидетельства археологии, данные алано-осетинского фольклора. Собственно, именно эта установка вызвала неприятие у ряда его коллег-археологов. Коллег также озадачило широкое использование С.А. Яценко армянских хроник (начиная с Фавста из Византия) и грузинской «Картлис цховреба» из-за наличия там фольклорных сюжетов и некоторой путаницы в датах. При этом широкое использование фольклора (мифов, исторических легенд и др.) в египетских, шумерских хрониках, в трудах Геродота или «создателя» римской истории Тита Ливия сарматологов почему-то не пугало. В 1990-х гг. исследователь стремился противостоять несколько односторонней увлеченности поисками в Северном Причерноморье II-IV вв. германских элементов и мест поселения германских племен при занижении роли сармато-аланских группировок. Подобный крен можно было наблюдать в ряде работ М.Б. Щукина и О.В. Шарова. Реакцией на это была известная статья «Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье 239-276 гг.» [Яценко, 1997], а также анализ элитных полуварварских могил некрополя боспорского Пантикапея [Яценко, 2019] и развернутая критика версии Д.А. Мачинского и С.В. Воронятова о том, что серия сарматских тамг на ритуальных германских копьях отражает не военное сотрудничество двух этих культурных миров, а исключительно «присвоение» эмблем якобы побежденных сарматов

[Яценко, 2020]. Значимой работой ученого остается большая статья «Алания I-II вв. н.э. как кочевая империя» [Яценко, 2008] где в комплексе проанализированы разнотипные свидетельства источников об этой самой могущественной группировке Сарматии с середины I в. н.э. Вывод о том, что донскую Аланию следует относить к первому (после Скифии конца VI – V или IV в. до н.э.) объединению типа «кочевых империй» в Европе, не являвшемуся еще ранним государством, вызвал со временем резкую реакцию Б.А. Раева. Однако в активной полемике двух авторов [Яценко, 2021] аргументация С.А. Яценко оказалась более весомой. Даже первое исследование совместно с В.Ю. Малашевым т.н. полихромного стиля позднеримской эпохи в Северном Причерноморье [Яценко, Малашев, 2000] являлось поводом понять, как два центра их местного производства (политические конкуренты – Пантикапей и Херсонес) могли быть связаны политическими отношениями, дарами и т.п. с конкретными сарматскими группировками.

Особое место занимает вклад автора в изучение этно- и культурогенеза двух из трех сарматских культур – средне- и позднесарматской. Он принял активное участие в дискуссиях, организованных волгоградскими коллегами под руководством А.С. Скрипкина и дал оценку аргументации остальных участников [Яценко, 2006; 2011]. Подход С.А. Яценко к этим проблемам отличался комплексностью и привлечением необычных для сарматологии источников (специфика костюма, иконография антропоморфных изображений; различия в наборе используемых античных божеств; большая / меньшая «провинциальность» искусства по отношению к развитым изобразительным традициям; стилистика ювелирных изделий; характер распространения тамг; смена торговой политики; разительные изменения в этнокарте Степи от Страбона к Плинию; уровень «сарматизации» как меняющаяся модель взаимоотношений оседлых соседей с кочевниками; выявление культурных и вероятных ментальных акцентов этих разных группировок).

В процесс сопоставления аргументов в пользу семи различных существующих версий происхождения ранних (донских) аланов Сергей

Александрович с 1988 г. по 1992 г. проанализировал большой материал по центральноазиатским элементам в среднесарматской культуре, в которой аланы, как считается, занимали доминирующее место. Эта работа велась им при постоянной переписке и неформальных дискуссиях с А.С. Скрипкиным. В результате этих дискуссий в 1992 г. А.С. Скрипкин защитил докторскую диссертацию в форме доклада, а С.А. Яценко ограничился несколькими статьями и докладами в Институте археологии РАН. В его основной статье, посвященной тематике, из-за лимитов объема анализируются лишь 39 «восточных» элементов культуры [Яценко, 1993]. В дальнейшем его будут интересовать сармато-кангюйские параллели [Яценко, 2020а] и сарматские аналогии вероятной группе юэчжей в регионе вокруг озера Балхаш в еще более раннее время – конец II-I вв. до н.э. [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015]. Комплексный анализ деталей «сарматского» бирюзово-золотого звериного стиля рубежа I-II вв. н.э. [Treister, Yatsenko, 1998] привел его к выводу, что он отличается от бактрийских, ферганских, хорезмийских аналогов и реально может быть связан с неизвестным тогда еще ювелирным делом крупнейшей «кочевой империи» Трансоксианы – Кангюя [Яценко, 2000в].

По мнению автора, и в средне-, и в позднесарматой культурах ведущей силой были разные группировки под названием «аланы» («арийцы»), которые имели происхождение из различных частей Центральной Азии и не позже рубежа II-III вв. н.э. явно представляются в римских и кавказских источниках не как этнос, а как суперэтнос – популярное название для многих племён и народов (именно такой подход наглядно демонстрирует поздняя этнокарта Аммиана Марцеллина третьей четверти IV в. н.э.). С.А. Яценко приводит доводы против утверждения М.Ю. Малашева и М.Г. Мошковой о том, что аланы после середины II в. н.э. на два века исчезли из римских сочинений, и это, якобы, отражает этнополитическую реальность Сарматии. Не менее значимы постоянные возражения автора против ставшей популярной в начале 2000-х гг. «романтической» версии А.О. Наглера и Л.А. Чипировой (1985) о том, что аланы римских источников – это, якобы не этнос / этносы, а

разношерстная публика, нанимавшаяся в дружины князей в разные времена и в разных землях.

Изучение археологических погребальных комплексов и иконографии изображений в связи с «этнографическими» элементами язычества и фольклором иранских народов привело к появлению целой серии интересных публикаций С.А. Яценко по отдельным аспектам религии и погребальной обрядности. И здесь он брался, прежде всего, за почти неизученные темы, привлекая к ним внимание коллег. В общем плане интересны его размышления о роли кочевых народов в распространении «мировых религий» и об особенностях их принятия самими номадами [Яценко, 2014]. Отельная тема в его работах – изучение шаманства как периферийной для иранских и иранизированных народов сферы религиозных практик. Оно исследовалось на примере «пазырыкцев» Горного Алтая [Яценко, 2007; 2017] и «алано-осетин» [Яценко, 2001]. Особенно (по причинам, понятным для археолога, занимающегося кочевниками) его интересовали «непонятные» детали сарматского погребального обряда, параллели которым он находит в старой обрядности осетин и ряда других иранских этносов. В этой сфере вклад С.А. Яценко также весьма велик. Вначале он привел целую серию таких параллелей [Яценко, 1998], а позже рассматривал конкретные детали погребально-поминальных обрядов. Это ритуальное нарушение могил [Яценко, 2016], мужские поминальные знамена [Яценко, 2001], фигурки всадников, устанавливавшиеся вне могил [Яценко, 2004] и использование для погребений орудий более древних эпох [Яценко, 2008].

Разноплановость проблем истории иранского и тюркского культурного миров, которые давно разрабатываются С.А. Яценко, неизбежно сделала его жизнь несколько беспокойной. Ему регулярно приходилось предпринимать поездки (в т.ч. неоднократные) с весьма разными целями: смотреть раскопки некрополей с «перспективными» остатками деталей костюма; изучать несколько сезонов сплошную линию сарматских зимних стоянок у устья Дона между Батайском и Азовом; осматривать на Юге Казахстана и Сибири зоны

петроглифов с обилием тамг и сложными сюжетными композициями; изучать разными способами остатки средневековых садов в зоне старого орошения в Туркестанском оазисе; смотреть изображения раннесредневековых мигрантов из Средней Азии в крупных музеях Китая; 12 лет подряд ежесезонно просматривать послойные раскопные находки в поисках новых тамг на знаменитом пост-кангюйском святилище Сидак и т.д. К нему часто обращаются с просьбой дать этнокультурную атрибуцию разного рода случайных находок (особенно изображений) из разных регионов и стран. Кроме того, сама неординарность часто предлагаемых С.А. Яценко методов и выводов подчас вызывает полемику с ним у коллег. Стоит отметить, что он является хорошим публичным полемистом, при этом в ходе полемики подробно рассматриваются все аргументы оппонентов, как в устной, так и в письменной дискуссии. Вопросы, которые ставит в своих работах С.А. Яценко, многогранны и многовекторны. Некоторые из них значительно опережают время, и на них еще долго предстоит отвечать ему и коллегам.

2.5. С.В. Кулланда. Проблема скифского языка: аргументы *pro* и *contra* в разрезе исторических и лингвистических дискуссий

Очень часто изучение культур древних народов подразумевает некую дискуссионность, которая следует из скудности, иносказательности и фрагментарности первичной информации, очень часто лишённой базовой части контекста, и при этом разрозненной как хронологически, так и в рамках географической рассеянности. Эти составляющие представляют особую проблему, в частности, для лингвистов, так как любой язык, как правило, способен видоизменяться в течение даже небольшого периода времени, в то время как археологический материал или нарративный источник и содержащаяся в них информация в основе своей остаются неизменным на протяжении веков.

В рамках темы диссертационной работы интересной представляется проблема становления скифского языка, и его соотношения с сарматским и аланским и осетинским языками. Долгое время концепция о близости скифского и сарматского языков была популярна среди историков и лингвистов, при этом они исходили, прежде всего, из информации Геродота о том, что «савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно...» [Hdt, IV, 117], и из принятого в науке положения, согласно которому савроматы считались ранними сарматами. И, тем не менее, в последние десятилетия среди языковедов развернулась дискуссия, темой которой стало сомнение, высказанное рядом ученых о скифо-сармато-алано-осетинской языковой преемственности. Я не вижу необходимости в том, чтобы всесторонне погрузиться в проблематику, и постараться осветить вопрос обстоятельно, ибо это дело профессиональных лингвистов. Полагаю, что будет достаточно ограничиться сопоставлением позиций как приверженцев классической постановки вопроса языкового родства скифов и сарматов, так и их оппонентов.

Труды В.И. Абаева второй половины XX в. в области иранского языкознания, а также его мнение по многим актуальным вопросам лингвистики до сих пор считаются определяющим, но у современных языковедов возникла необходимость в уточнении некоторых его положений, к примеру, его позиции по скифскому языку. Мнение языковедов конца прошлого столетия об истоках формирования языка скифов сводилось к тому, что «на современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т.д. к какому-либо из них невозможно» [Полин, 1992: 88].

Проблематику, связанную с современным состоянием вопроса о скифском языке наиболее ярко можно продемонстрировать на примере развернувшейся дискуссии между российским историком и лингвистом С.В. Кулландой, который отталкивается от исследования польского языковеда К.Т. Витчака, и его оппонентами, учениками В.И. Абаева, Ю.А. Дзиццойты и А.И. Иванчиком.

Отдельной задачей представляется доступность изложения материала для восприятия его аудиторией, не знакомой с азами языкознания, но профессионализм авторов в сочетании с простотой изложения ими подобных сложных вопросов, позволяют обойти «острые углы» при изложении основных принципов концепций дискусантов.

В последние два десятилетия появились материалы исследований ученых-языковедов, которые обозначили интерес к проблеме происхождения скифского языка (К.Т. Витчак, С.В. Тохтасьев, А. Лома, С.В. Кулланда). Несмотря на свидетельство Геродота, который подчеркивал схожесть скифского и савроматского языков[90] и с которым были согласны В. Миллер, М. Фасмер, Л. Згуста, В.И. Абаев, Я. Харматта и др., ряд специалистов (К.Т. Витчак, С.В. Кулланда) предприняли попытку все же дифференцировать эти языки. Согласно им сарматский язык принадлежал к языкам северной ветви восточной группы иранских языков, а скифский был одним из языков южной ветви той же группы (С.В. Кулланда). В результате такого подхода алано-осетинский язык объявлялся преемником исключительно сарматского (а точнее – языка одной из групп сарматов – А.Ч.) и не имеющим ничего общего со скифским[91]. Ключевую роль в этой теории предполагалось «играть» сколотскому[92] диалекту скифского языка, который действительно демонстрирует языковые черты, характерные для южной ветви восточной группы иранских языков. Эта теория впервые была предложена Э.А. Грантовским[93] [Чибиров, 2022а: 37, 38].

---

[90] Именно савроматского языка, но отнюдь не сарматского. Эта существенная оговорка, как выяснилось позже, внесла некоторую путаницу в определении взаимосвязи скифского и сарматского языков. Она возникла не случайно, т.к. еще во времена активной деятельности К.Ф. Смирнова и затем М.Г. Мошковой, в эпоху преобладания автохтонизма, археологи-сарматологи *a priori* выстраивали прямую линию культурной преемственности савроматы – сарматы – аланы, практически не принимая во внимание миграционную составляющую и т.п.

[91] Важной в этом контексте представляется статья С.В. Тохтасьева «Проблема скифского языка в современной науке [Тохтасьев, 2005: 59-108], в которой он подверг основательной ревизии все имеющиеся данные о языке скифов, и на основе анализа этих данных пришел к заключению о глубоком различии между скифским и сарматским языками: « ... наш анализ подкрепляет заключение Харматты и Витчака: теория скифо-сарматско-осетинского языкового континуума должна быть опровергнута» [Тохтасьев, 2005: 106].

[92] Сколоты – самоназвание всех или одной из групп причерноморских скифов. Некоторые ученые (С.А. Жебелев и др.) считали, что сколотами назывались скифы-земледельцы.

[93] Впервые теория В.И. Абаева вызвала возражения у Э.А. Грантовского, который в одной из своих работ обратил внимание на то, что в пересказе Геродотом этногенетической легенды скифов «диалект устного

В 1992 г. в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья польского лингвиста Кшиштофа Томаша Витчака «Скифский язык: опыт описания», в которой он «сформулировал сугубо лингвистические (а не основанные на географии, хронологии или сведениях античных авторов) критерии вычленения собственно скифского пласта из общего массива иранской лексики Северного Причерноморья» [Кулланда, 2006: 195]. Отталкиваясь от утвердившейся к тому времени в языкознании позиции, согласно которой «близкие друг другу иранские диалекты, на которых говорили согдийцы, хорезмийцы и другие северо-восточные племена, а на западе – сарматские племена и современные осетины, восходят к единому скифскому языку как особой ветви общеиранского праязыка» [Витчак, 1992: 50], К.Т. Витчак подробно разобрал позиции В.И. Абаева, Р. Готье и Я. Харматты[94] [Чибиров, 2022: 38].

Согласно гипотезе, выдвинутой Я. Харматтой, осетинский этнос сформировался в результате «наслоения» различных иранских народов. Наряду с полиязыковой теорией Я. Харматты и моноязычной, которой придерживались В.И. Абаев и Р. Готье, К.Т. Витчак, со ссылкой на М. Фасмера и Л. Згусту, представляет третью концепцию, которая предполагает существование скифского и сармато-аланского языков как двух отдельных, совершенно разных языков. В иранских антропонимах, которые зафиксированы в греческих надписях Северного Причерноморья Л. Згуста усматривал наличие диалектных различий, которые делил на две группы: восточные или сарматские, которые определяются им как более поздние, и западные, то есть скифские или более

источника этой легенды имеет некоторые специфические черты, отличающие его от других скифских и сарматских диалектов [Грантовский, 1960: 20]. А.И. Иванчик отмечает, что К. Витчак при написании своей статьи использовал, в том числе и идеи Э.А. Грантовского, впрочем, без ссылок на него [Иванчик, 2009: 63].

[94] В.И. Абаев, как этимолог и палеолингвист, считал, что язык скифов, хотя и является внутренне однородным, но все же «обособлен от других иранских диалектов, прежде всего – лексически. При этом он исходил из идентификации осетинского языка в качестве продолжения сарматского диалекта, и в дальнейшей хронологической перспективе – скифского. Отсутствие тех или иных скифских элементов в осетинской лексике В.И. Абаев склонен объяснять их позднейшей утратой, а не изначальным отсутствием. Следует, однако, добавить, что им признается и наличие диалектной дифференциации между скифским и сарматским» [Витчак, 1992: 50].

архаичные. При этом Л. Згуста отмечал, что его позиция о вероятности наличия диалектов у иранцев не расходится с мнением В.И. Абаева [Витчак, 1992: 51].

К.Т. Витчак считал, что В.И. Абаев недооценил свидетельство Геродота, который отмечал, что «савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык» [Hdt, IV, 117], полагая, что «во времена Геродота языковые различия между отдельным иранскими народами были невелики» [Витчак, 1992: 51]. Со ссылкой на Страбона, который спустя шестьсот лет после Геродота писал в своей «Географии», что персы, мидийцы, бактрийцы и согдийцы относятся к ариям и говорят практически на одном языке[95], К. Витчак отмечал, что «слова Геродота «скифский с давних пор испорченный», употребленные по отношению к савроматскому, приобретают в свете сообщения Страбона смысл «*другой* иранский язык» [Витчак, 1992: 51], и предложил уделить более тщательное внимание концепции, предполагающей наличие двух отдельных иранских языков – скифского и сарматского – опираясь, прежде всего, на лингвистические данные, а также подвергнуть весь скифо-сарматский лексический материал «сплошной проверке с целью отделения лексики бесспорно скифской от сарматской и иранской неясного происхождения» [Витчак, 1992: 51]. Он также считал необходимым еще раз осуществить этимологическую реинтерпретацию всего скифского материала, так как его анализ ранее проводился только в соответствии с законами историко-сравнительной грамматики осетинского языка, т.е. сарматского, но не скифского диалекта. Здесь же К. Витчак отметил разность источников для изучения скифского и сарматского языков [Чибиров, 2022а: 38]. Предоставив в качестве примера различные корреляции фонетических взаимоотношений скифского и сарматского языков, К.Т. Витчак сформулировал вывод о степени их соотношения [Витчак, 1992: 58].

Известно, что никакой реакции В.И. Абаева на статью К.Т. Витчака не последовало, но тема получила дальнейшее развитие в статьях и монографии

[95] «Впрочем, название Арианы распространяется на часть Персии и Мидии, а также на северные части стран бактрийцев и согдийцев. Ведь эти народности говорят почти на одном языке только с незначительными отступлениями» [Strabo, XV, II, 8].

ученика В.И. Абаева, историка-востоковеда С.В. Кулланды, который и продолжил работу по разграничению скифского и сармато-аланского языков. Результаты исследований ученого отражены в ряде его статей по проблематике[96]. Основные же итоги цикла его работ, посвященных этногенезу, культуре и скифскому языку, были представлены в монографии «Скифы: язык и этногенез» (2016). Соглашаясь в принципе с выводами К.Т. Витчака, С.В. Кулланда корректирует и развивает некоторые его положения, и в дальнейшем представляет свою собственную концепцию в отношении языка и этногенеза скифов-сколотов и языка сарматов [Чибиров, 2022а: 37, 39].

Но прежде чем коснуться монографии С.В. Кулланды, стоит обратить внимание на следующее издание – на коллективную монографию С.В. Кулланды в соавторстве с Д.С. Раевским и М.Н. Погребовой «Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля» (2013). Книга, посвященная памяти Э.А. Грантовского, описывает различные аспекты скифского звериного стиля, который, по мнению авторов, сформировался как комплексное явление под влиянием переднеазиатского искусства в западной части европейского культурного континуума[97]. В то же время авторы, рассматривая звериный стиль как некий аналог устного творчества, приходят к выводу, по которому искусство звериного стиля выстраивалось по канонам, характерным для поэтического языка индоиранских певцов-сказителей. Это облегчало его восприятие родственными скифам иранскими народами, и обеспечило его широкое распространение.

В контексте темы представляет интерес еще одна монография С.В. Кулланды – «Происхождение варн» (2018). Изучение древнеиндийских варн (жрецы-брахманы, воины-кшатрии и земледельцы (рядовое свободное население) – вайшьи, или по умолчанию – старший, средний и младший братья) дало С.В. Кулланде возможность проецировать их социальную структуру на миф о происхождении скифов, где каждый из сыновей Таргитая был

[96] «Еще раз о скифском языке» (2005), «*Lingua scythica ad usum historici*» (2006), «*Scythica obsoleta*» (2008), «Уроки скифского» (2011), «Скифские слова в Авесте?» (2012) и др.
[97] Это мнение оспаривается исследователями Южной Сибири и Северного Китая.

родоначальником определенной профессиональной группы (или по Кулланде – *варн*). Согласно ему, старший Липоксай получает плуг с ярмом, среднему Арпоксаю достается секира, а младший Колаксай, получив в подарок золотую чашу, овладевает небесными дарами, и становится родоначальником жреческой касты.

Функциональная иерархия в скифской генеалогической легенде не совсем совпадает с варнами, где родоначальником жречества, то есть сакральной власти, становится не старший, а младший сын Таргитая Колаксай, однако большой проблемы в этом нет. Практически все генеалогические легенды олицетворяют верховную власть с молодостью, ибо правитель *a priori* не может быть старым и немощным. Старость нередко позорна и социально непригодна. Подтверждением этому являются массагеты и аланы, убивающие своих стариков. Страбон упоминает о подобных обычаях у некоторых варварских народов[98], а Геродот предваряет рассказ о Таргитае следующим пассажем: «по рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай» [Hdt, IV, 5]. Тот же Геродот отмечает, что по утверждению самих скифов, со времен первого царя Таргитая до вторжения Дария (конец VI в. до н.э.) прошло тысячу лет, что позволяет заключить, что определение «молодой» является для скифов вовсе не генеалогической, а демографической характеристикой.

Монография С.В. Кулланды «Скифы: язык и этногенез» представляет собой мультидисциплинарное исследование, которое включает в себя и сравнительно историческое языкознание. Результаты его исследований весьма интересны. Так, в реликтовых остатках скифского языка автор предпринимает попытку вычленить слой исконной скифской лексики, что позволяет ему определить ее

[98] «Следует упомянуть о некоторых диковинных обычаях совершенно варварских народностей, о которых постоянно рассказывают; например, об обычаях народностей, живущих около Кавказа и остальной горной страны… Каспийцы умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет, и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птицы стаскивают трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки — то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными» [Strabo, XI, IX, 8].

принадлежность к той или иной группе. Далее С.В. Кулланда отождествляет соответствующие заимствования в скифском языке, а также скифские заимствования в других языках. Это позволило ему четко дифференцировать скифов от восточных иранцев, прежде всего сарматов, и выявить языковые контакты скифов с различными этническими группами, в том числе и неиндоевропейскими. Здесь же С.В. Кулланда представил глоссарий скифских слов, в котором предложил свою этимологию ряда скифских и общеиранских лексем [Кулланда, 2016: 41-96].

Основная задача, которую ставил перед собой автор, была сформулирована им следующим образом: реконструировать характерные, на его взгляд, черты скифского языка, которые отличают его от прочих родственных языков (сарматского, алано-осетинского и т.д.). Подобная реконструкция позволила С.В. Кулланде заключить, что особенности скифского языка предполагают схожесть не с теми языками, которые были распространены на территории, где когда-то был распространен скифский (на территории современной Украины, а также в соседних районах России – в бассейне Дона, в степях Западного Предкавказья), а с юго-восточноиранскими языками, прежде всего с языками Афганистана – пашто, мунджанский, бактрийский, йидга. Помимо письменных источников С.В. Кулланда посчитал необходимым привлечение достижений других смежных наук, таких, как лингвистика, социальная антропология, археология и т.д., что обеспечивает ему неожиданные и любопытные результаты [Чибиров, 2022а: 39].

Излагая вкратце современные представления о языке скифов, С.В. Кулланда предпринял попытку «показать возможность их применения в исторических исследованиях и продемонстрировать, какие из устоявшихся историко-культурных гипотез нуждаются в пересмотре в свете установленных к настоящему времени фонетических особенностей скифского языка» [Кулланда, 2007: 195]. До начала 1990-х гг. лингвистам не удавалось выделить комплекс специфических фонетических черт, отделяющих скифские диалекты от сарматских, хотя и В.И. Абаев, и Л. Згуста, и Я. Харматта обращали внимание

на определенные фонетические изоглоссы, которые характеризовали диалекты, различающиеся как хронологически, так и географически. Причина была, прежде всего, в том, что все дифференцирующие признаки вынужденно вырабатывались на материале, представленном северопричерноморской ономастикой, где не всегда представлялось возможным отличить скифские имена от собственно сарматских. Необходимо было найти критерии, по которым то или иное слово можно было отнести к скифскому, а не сарматскому словарному фонду, и наоборот [Чибиров, 2022а: 39]. С.В. Кулланде удается найти такой критерий, и привести его в качестве иллюстрации к сказанному. Он обращает внимание на соответствие названия скифского племени *Παραλάται* – авест. *ραraδātα*. Со ссылкой на Дж. Дармстетера С.В. Кулланда отмечает, что переход $d > \delta^2 > l$ является специфической особенностью юговосточноиранских языков [Кулланда, 2007: 197].

Приведенный пример является всего лишь одним из множества, которые предоставляют возможность С.В. Кулланде корректировать К.Т. Витчака. Автор оспаривает некоторые фонетические соответствия или интерпретации, предложенные К. Витчаком, а также дополняет его список различий между скифским и сарматским языками, и на основании полученных критериев предлагает новые этимологии скифских имен. Рассмотренные им фонетические переходы позволяют С.В. Кулланде заключить, что скифский язык входил в ту же «юговосточноиранскую группу языков, что и пашто, мунджанский, йидга и бактрийский, а с сармато-алано-осетинским был связан более отдаленным родством» [Кулланда, 2007: 197].

Вкратце аргументация С.В. Кулланды выглядит следующим образом. Попытки выявления скифских заимствований в западноиранских языках всегда вызывали споры. А.М. Лубоцкий отмечал: «только когда мы находим фонологические признаки, характерные для скифского языка, мы можем быть уверены, что имеем дело действительно со скифским заимствованием» [Lubotsky, 2002: 189]. Поэтому приходится устанавливать конкретные скифские звуковые изменения, а затем искать слова или имена собственные,

свидетельствующие о таких изменениях, в клинописных источниках. В скифском языке произошла смена исходной позиции на **xš* > *s*, характерная и для некоторых современных юго-восточных иранских языков, например *пашто*. На эту черту северопонтийских иранских диалектов указывал Я. Харматта [Harmatta, 1952: 308-309], хотя и не связывал ее со скифским. Это можно проиллюстрировать такими примерами, как *Σατραβάτης,* имя собственное из фанагорийской надписи IV в. до н.э., где Σατρα- ясно передает древнеиранское **xšaθra-* «власть»; *Σαΐοι* < **xšaya-* «правитель, царь», этническое название, упоминаемое в ольвийской надписи III в. до н.э. и, вероятно, соответствующий царским скифам; и *Σαιταφάρνης* < **Xšaitafarna-,* царь указанного *Σαΐοι.* Эти надписи слишком ранние, чтобы иметь какую-либо связь с сарматами. Более того, сарматский рефлекс начального древнеиранского **xš-* (осетинского *xs-*) неизменно фиксировался как *Ξ* в греческих надписях Северного Причерноморья. Ассирийские, эламские и греческие переводы иранских существительных с начальным значением, восходящим к общеиранскому **xš-,* отражают либо *xš-* (ассирийское *ka-áš/kaš-ta-ri-ti <Xšaθrita,* эпиграфическое греческое *ξατράπης <*xšaθrapā-* и т. д.) или *s-* (*sa-tar-pa/ba-nu* < *Xšaθrapāna*, греч. *σατράπης* < **xšaθrapā-* и т.д.). Поскольку греки, например, проводили четкое различие между первоначальными иранскими *xš-* и *s-* (см. выше), это, вероятно, связано с различиями в иранском произношении. Учитывая, что изменение исходной позиции **xš* > *s* было характерно для скифского языка, но не для мидийского или древнеперсидского, можно предположить, что слова и имена собственные, отражающие начальную *s-* < **xš-,* имеют скифское происхождение. Поскольку эти слова включают в себя важные социальные термины, такие как первичный источник греческого *σατράπης,* и иранские имена, записанные еще в конце IX в. до н.э., такие как *sa-ti-ri-a-a (<*Xšaθriya-),* царь Наири в 819 г., С.В. Кулланда предполагает, что этот факт дает ему возможность пересмотреть как хронологию, так и степень влияния скифских походов на Переднюю Азию [Кулланда, 2011: 28; Чибиров, 2022a: 40].

На основании уточненных фонетических соответствий между скифским и иными иранскими языками, С.В. Кулланда предпринимает попытку анализа необъяснимых прежде скифских имен и пересмотра некоторых общепринятых этимологий, что позволяет ему возвести имя скифского царя Савлия к общеиранскому **saudia-* «(Ритуально) Чистый» [Кулланда, 2007: 202]. Имя царя Тавроскифии Скилура с тем же фонетическим переходом Σκίλουρος < **skidura* – он определяет как «Режущий; Победоносный», а имя его сына Палака (Πάλακος < **Pādaka*, ср. др.-перс. pādα «нога») – «Ногастый; (Длинно)ногий»[99] [Кулланда, 2007: 202] и т.д.

Исходя из предложенных методик, С.В. Кулланда разбирает общепринятые скифские этимологии, прежде всего – имена персонажей генеалогической легенды о происхождении скифов, упомянутых Геродотом сыновей первоскифа Таргитая, братьев Липоксая (*Λιπόξαϊς*), Арпоксая (*Ἀρπόξαϊς*) и Колаксая (*Κολάξαις*) [Hdt, IV, 5-7]. И если вторая часть имен трех братьев не вызывает вопросов со времен П.Й. Шафарика [Шафарик, 1836: 236] отмечавшего, что *ξαις* есть не что иное, как иранское *xšaya* «власть», то начальные компоненты, согласно С.В. Кулланде могут и должны быть пересмотрены. Первый элемент имени Арпоксая В.И. Абаев сравнил с осетинским *arf* «глубокий» (<**āpra*) и интерпретировал имя как «владыка вод» или «владыка Днепра» [ОЯФ, 1949: 242]. Впоследствии Э.А. Грантовский предложил как вариант перевод «владыка глубины» [Грантовский, 1960: 7]. В.И. Абаев возводил начальный компонент имени Колаксая к иранскому $x^v ar$ «солнце», и переводил его как «Солнце-царь» [Абаев, 1949: 243]. Э.А. Грантовский в свою очередь предположил, что *Κολά* – восходит к иранскому $x^v arya$ (с характерным аланским переходом *ri/ry* > *l*) а все имя следует переводить как «царь неба». В.И. Абаев в своей работе «Осетинский язык и фольклор» (1949) счел не поддающимся объяснению первый элемент имени Липоксая, но Э.А. Грантовский предложил вариант, в котором возводил его к иранскому *ripa*, по названию Рипейских гор [Грантовский, 1960: 9], с чем, собственно, согласен был и С.В. Кулланда,

[99] Ср. эпитет бога Вайю в Авесте (Yt. XV,54): *bərəzi, pādō* - «высоконогий».

объясняя это следующим образом: «*…абсолютно* все постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были *невозможны*» [Кулланда, 2016: 119]. С.В. Кулланда был уверен, что не могло быть перехода **pr* в > *rp* как в скифском, так и в раннесарматском, и в качестве примера ссылается на сарматское название Днепра (скифы называли реку Борисфен), которое сохранилось в греческой форме как *Δάναπρις*, что позволяет ему заключить, что не может первая часть имени Арпоксая восходить к слову **ārprα-* ‘глубина’. Ссылаясь на приведенные Геродотом в своей «Истории» скифские имена Ариант, Ариапиф, Орик, автор полагал, что в скифском языке не происходило и метатезы *ri* в *li* или *ry* в *l*. Как следствие, первый элемент имени Липоксая не может восходить к иранскому **ripa-*, а первый элемент имени Колаксая – к иранскому слову *x^varγα-*. С.В. Кулланда оппонирует коллегам – антиковеду А.И. Иванчику и лингвисту Ю.А Дзиццойты, которые придерживаются традиционной, «абаевской» трактовки имен Липоксая, Арпоксая и Колаксая [Чибиров, 2022а: 41].

Критикуя позицию С.В. Кулланды, Ю.А Дзиццойты в своей работе «Кавказская Скифия» (2009) полагает, что аргументы оппонента неубедительны: «Отстаиваемые ими (С.В. Кулландой и К.Е. Витчаком – А.Ч.) этимологии ничуть не лучше тех, которые они отвергают» [Дзиццойты, 2009: 215]. При этом он отмечает две фонетические особенности скифского языка, которые, как считается, имеют большое значение для отличия скифских форм от собственно сарматских: 1. в скифском языке древнеиранская связка **ri, *ry* привела к *ri,* а в сарматском к *l(l).* 2. в скифском языке древнеиранская **d* передавалась как *l,* как и в бактрийском, пуштунском и мунджи, а в сарматском – как *d*. От внимания коллег ускользает тот факт, что эти отличительные черты охватывают не весь скифский материал. Происхождению скифского *ri* исключительно от древнеиранской **ri/ry* противоречат скифские антропонимы Λιπόξαις (Липоксаис) и Κολάξαις (Колаксаис) [Hdt, IV, 5-6] от **Ripa-xšaya-* (Горы царь) и **Xvarya-xšaya-* (Солнце царь) соответственно. С одной стороны, мы имеем скифский этноним *'Αλαζωνες / 'Αλιζωνες* [Hdt, IV, 17] из

древнеиранской **arya-zana-* (Э.А. Грантовский, Д.С. Раевский) и скифский (?) антропоним *'Ολκάβας* из **upari-kapa-* (В.И. Абаев) – с другой. Следовательно, древнеиранское **ri, *ry* имеет два разных рефлекса в разных скифских диалектах: *ri и l(i).* В то же время, как показывает сарматский этноним Areatas из древнеиранского **arya-ta-* (Я. Харматта), кластеры древнеиранского **ri, *ry* не имеют общего рефлекса *l(l)* во всех сарматских диалектах. Следовательно, древнеиранские **ri, *ry* имеют точно такие же рефлексы в сарматском языке – *ri* и *l(l).* Вторая группа аргументов не соотносится со скифским *d* (из др.-и. **d*) в таких несомненно скифских гидронимах, как *Δάναπρις, Δάναστρις, Τάναις* и др., где *Δάν- /Τάν-* от др.-и. [Дзиццойты, 2017: 215]. Здесь же Ю.А. Дзиццойты представил аргументы против еще одного положения С.В. Кулланды, который, с отсылкой на сарматское название Днепра, склонен считать элемент Δάν- /Τάν- сугубо сарматским (и, следовательно реки Днестр и Днепр получили свои названия после сарматизации Скифии) [Чибиров, 2022а: 42]. Он опровергает и целый ряд этимологий, приведенных С.В. Кулландой, в том числе, и автоэтникон скифов **skuδa*, придерживаясь идеи о существовании особого – сколотского – диалекта скифского языка, имевшего смешанные черты (как северной, так и южной ветвей восточноиранского языка), чего, по его мнению, не учитывает С.В. Кулланда. Аналогично современный таджикский язык, относящийся к западной группе иранских языков, имеет диалект *ваньджи,* имеющий массу восточно-иранских черт. Ю.А. Дзиццойты полагает, что пока нет серьезных оснований отказывать скифскому языку в его праве отнесения к восточноиранским языкам северной группы [Дзиццойты, 2017: 219].

Определенное преимущество позиции С.В. Кулланды перед позицией его коллег заключается, прежде всего, в том, что, как было отмечено выше, Сергей Всеволодович использовал комплексный подход к решению проблемы, в том числе и привлечением последних данных археологии, что предполагает более полное освещение вопроса. В то же время аргументация Ю.А. Дзиццойты подкрепляется весомым мнением А.М. Лубоцкого. В 2002 г. была опубликована его небольшая статья «*Scythian elements in old Iranian»* [Lubotsky,

2002], в которой автор, в подтверждение позиции В.И. Абаева на примерах склонен искать (и находить) элементы скифского языка именно в осетинском языке[100] [Чибиров, 2022а: 42, 43].

Не вдаваясь глубоко в полемику профессионалов, тем не менее, стоит обратить внимание на следующий факт. Современная археология четко различает геродотовских савроматов от сирматов – самых ранних сарматов более позднего периода. Сирматы-сарматы вышли на историческую арену уже в постгеродотовский период, то есть после V в. до н.э. Понятно, что Геродот не мог указывать в своем сочинении на народ, который представлен в исторических источниках гораздо позже. Так, сирматы появляются в античных хрониках в конце IV в. до н.э. в «Перипле Псевдо-Скилака» (около 338 г. до н.э.), а начиная с III в. до н.э. вместо этнонима *сирматы* те же античные источники используют термины «Сарматия» и *сарматы* для обозначения как тех территорий, на которых ранее проживали сирматы, так и более восточных. И еще. Каковы бы ни были различия языков скифов и сарматов, разительные отличия культур скифов-сколотов и очень разных групп сарматов явно не

[100] Для прояснения точки зрения А.М. Лубоцкого, считаю необходимым привести всего два примера из его работ, так как остальные аргументы будут представлены в последующих главах, посвященных научной деятельности А.М. Лубоцкого. Осознавая скудность скифского материала, а также сарматского и аланского языков, представляющих «среднеиранскую» стадию скифского языка, А.М. Лубоцкий пишет: «Мы встанем на твердую почву только тогда, когда рассмотрим историческое развитие осетинского языка, современного представителя одного из скифских диалектов» [Lubotsky, 2002: 190]. И далее добавляет: «Важным аргументом в пользу того, что осетины действительно являются «неоскифами», служит имя скифского мятежника *Skunxa*, попавшего в плен к Дарию (ДБ 5, 27). Как указывал Фрейман (1948: 239ф.), это название, вероятно, соответствует ос. (Dig.) *æsk'wænxun* ‘отличаться'.» [Lubotsky, 2002: 190, note 2]. Для разрешения поставленной задачи он предлагает «оттолкнуться» от осетинского языка и двигаться в «обратном направлении», для чего отбирает осетинские звуковые изменения, относящиеся к древнейшему слою, и проверяет, не отражаются ли они также в сарматских и аланских именах. Это дает ему возможность предположить, что эти изменения уже имели место в скифских диалектах [Lubotsky, 2002: 190]. А.М. Лубоцкий указывает на две основные изоглоссы, которые отделяют осетинский язык от других иранских языков, а именно иранский **p* > осет. *f* и иранское **ti* > осет. *c*. Оба развития уже встречаются в сарматских именах в греческих надписях из Южной России (I в. до н.э. – III в. н.э.). Далее, сопоставляя этимологию и концепцию авестийского *x^{v}arənah* и иранского **farnah-*, единственным отражением которых в современных языках является осетинское слово *farn,* А.М. Лубоцкий приходит к следующему выводу. Скифское происхождение понятия *x^{v}arənah-* имеет важное хронологическое значение для датировки Авесты, поскольку это слово уже засвидетельствовано в Гатах. Когда? Сложно понять, когда именно носители авестийского языка могли заимствовать у скифов слово *xvarənah-* так как скифы должны были длительное время контактировать с носителями авестийского языка. Известно, что скифы достигли своего могущества приблизительно в конце VII в. до н.э. Тогда же они пришли на Иранское нагорье и завоевали Мидию, поэтому вполне вероятно, что заимствование носителями Авесты слова *x^{v}arənah-*, которое было важным скифским понятием, произошло не ранее конца IX или начала VIII в. до н.э. Таким образом, этот аргумент представляет собой конечную точку для определения времени создания Авесты. Это лишь немногим позже общепринятой датировки, которая по лингвистическим основаниям относит Старую Авесту примерно к X веку [Lubotsky, 2002: 190].

сводятся только к антропологии, и, соответственно – к разным прародинам: они касаются ментальности, базовых акцентов культуры, искусства, социального устройства, воинских традиций и т.д. [Чибиров, 2022а: 43, 44].

Нисколько не сомневаясь в компетенции коллег, которые согласно последним данным археологии отделяют геродотовских савроматов от собственно сарматов, в качестве контраргумента хотелось бы привести следующий пример. Археолог Р.Г. Дзаттиаты фиксирует в позднем Средневековье на Центральном Кавказе в основном два вида погребальных сооружений – склепы, которые делятся на три основных вида (подземные, полуподземные и надземные), и каменные ящики. Причем, в полуподземных склепах находят костяки с деформированным черепами, а этническая принадлежность погребенных в подземных склепах имеет отношение к иранскому, а вернее – к аланскому происхождению. На это, помимо деформированных черепов, указывают многочисленные аналогии найденных в могильниках предметов. Анализ материала позволил Р.Г. Дзаттиаты прийти к следующему заключению: «На первый взгляд, перед нами вроде совершенно разнообразные погребальные сооружения – каменные ящики, каменные гробницы, катакомбы и три типа погребальных склепов… И с поверхностного взгляда можно утверждать, что каждый раз происходит смена археологической культуры и миграции населения. Но внимательное рассмотрение элементов погребального обряда и погребальных сооружений заставляет отказаться от подобного вывода. Здесь следует отметить тот факт, что некоторые виды погребальных сооружений сосуществуют долгое время» [Дзаттиаты, 2009: 56]. Р.Г. Дзаттиаты считает, что на данном примере различия в погребальном обряде и погребальных сооружениях не говорят о разных этносах, а связаны со степенью христианизации населения горных районов. По его мнению, сосуществование в раннем Средневековье трех типов склепов и каменных (или плиточных) ящиков отражает не разноэтничность населения, а имеет социально-экономическую окраску [Дзаттиаты, 2009: 66]. Е.И. Крупнов осторожно указывал, что «применительно к Северному Кавказу…

категоричность отрицания обязательной связи археологического материала с этносом, мне кажется, неуместна» [Крупнов, 1940: 166]. Стоит также отметить, что даже в современной Осетии можно наблюдать разницу в погребальных обрядах Северной и Южной Осетий, что обусловлено, прежде всего, географической, но не культурной обособленностью осетинских сообществ, и не влиянием грузинской погребальной обрядности на южных осетин. Погребальный обряд, традиционный для Южной Осетии, так же архаичен, как и подобная церемония в Северной Осетии.

Приведённые выше примеры являются лишь малой частью полемики между лингвистами, возникшей последние двадцать лет, тем более что примеры эти являются весьма характерными для возникшего диспута. Нет необходимости освещать ее полностью в рамках данного исследования, поскольку задачей, которая поставлена перед нами, является сам факт обозначения весьма интересной дискуссии, лейтмотив которой С.В. Кулланда сформулировал одной, но очень емкой фразой: «Перед нами – очередная иллюстрация того, что в науке никому, даже самому великому ученому нельзя верить на слово» [Кулланда, 2016: 120].

2.6. В.А. Шнирельман. «Аланы раздора»

В контексте исследуемой темы невозможно обойти широко известную работу видного этнолога и антрополога Виктора Александровича Шнирельмана «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» (М.: НЛО, 2006. – 696 с.), которая занимает в обширной библиографии автора видное место. Сегодня основной сферой деятельности В.А. Шнирельмана является этнополитика и этносоциология, однако первые его работы, такие, как «Происхождение скотоводства» (1980), «Возникновение производящего хозяйства» (1989), главы в книге «История первобытного общества» (1983-1988) и др., были посвящены куда более ранним и весьма конкретным

социокультурным проблемам. Основательные труды автора, посвященные этнополитическим процессам в России, появились уже в постперестроечное время.

Монография В.А. Шнирельмана «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» представляет собой детальный историографический обзор становления вопроса этногенеза народов Северного Кавказа за минувшее столетие в контексте так называемого «аланства» – социально-политического явления, которое наиболее остро начало проявляться на Северном Кавказе в конце XX в. В книге в большей степени исследуются не собственно история, а этнополитические процессы, прежде всего – современное состояние «аланского вопроса» на Северном Кавказе в свете социально-политических событий, происходивших в регионе в последнее столетие. Виктор Александрович проанализировал и переработал большой массив разнохарактерного материала по теме исследования[101], что позволило ему представить интересантам объемный труд, в котором автор раскрыл основные аспекты, касающиеся этнополитической ситуации в Центральном и Северо-Восточном регионе Северного Кавказа на протяжении длительного времени. Акцент делается, прежде всего, на поиске самоидентичности современных кавказских народов и столкновении различных национальных версий региональной этнической истории, которые остро встали в постперестроечное время на волне роста национального самосознания.

Монография, как впрочем, более ранние (2001; 2003)[102], и более поздние работы автора (2011; 2012)[103], вызвала весьма неоднозначную рефлексию, как среди кавказских интеллектуалов, так и общественности в целом. Во многих случаях негативную реакцию спровоцировал не собственно фактологический материал, представленный в книге, а ракурс, в котором он был освещен. Так,

---

[101] Только библиографии в его книге отведено более чем 100 страниц.

[102] Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. — 592 с.; The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology (Senri Ethnological Studies, № 57), 2001. 465 pp.

[103] «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т. 1. (552 с.), Т. 2. (856 с.) – М.: НЛО, 2011; Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М.: ББИ, 2012. XIV. 302 с.

уже во введении В.А. Шнирельман, с отсылкой на Джона Стюарта Милля и Томаса Эриксона, задает тон исследованию, суть которого заключается в определении «идентичности политических предшественников» и аборигенности, «которая в контексте с тесной связью с прошлым может стать важным источником политической легитимности» [Шнирельман, 2006: 7]. Критики Виктора Александровича (Ф.С. Гутнов (2007)[104], А.Р. Чочиев (2008)[105], В.Д. Дзидзоев (2010)[106]) считают, что основная структура монографии выстроена, прежде всего, на резком контрасте между «столичным», «некавказским» интеллектом, и интеллектом, обремененным «аборигенностью».

Нет необходимости давать обзор всей монографии: она достаточно известна и широко представлена в научной литературе и СМИ разных уровней. Реакция на нее после ее выхода в 2006 г. среди представителей северокавказской общественности, которая посчитала ее довольно субъективной, была резкой. Рецензии на книгу за авторством Ф.Х. Гутнова, А.Р. Чочиева, В.Д. Дзидзоева и др., позволяют оценить степень резонанса. Наиболее корректную, взвешенную и аргументированную рецензию на труд В.А. Шнирельмана представил профессор Ф.Х. Гутнов. Не остались в стороне представители научных сообществ и других регионов Кавказа (газета «Ангушт» (Ингушетия)[107], Р. Топчишвили (Грузия)[108] и др.). Стоит отметить, что в разное время на остальные крупные публикации В.А. Шнирельмана были представлены рецензии таких ученых, как Масацуи Мацуо, П. Дятленко, В. Напольских, Дж. Хьюитт, А. Агаджанян, А. Тарасов и др. Работы, не связанные с этнополитическим процессами, такие, как упомянутые выше «Происхождение

[104] Гутнов Ф. Тяжело быть аланом? (рецензия на: Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке) // Дарьял. 2007. № 1.
[105] Чочиев А. Р. «Подспудное» и «гробовое» в панегирике Шнирельману (по книгам «Войны памяти» М., 2003 и «Быть аланами» М., 2006). iratta.com. 09.02.2008.
[106] Дзидзоев В.Д. От искажения отдельных исторических фактов до фальсификации осетино-ингушских отношений. – Владикавказский Научный Центр РАН, ГГАУ, Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, 2010. С. 10–15.
[107] Ошибки рецензента. Ангушт. N 5, апрель 2007.
[108] Роланд Топчишвили. О книге В. Шнирельмана // Осетины в Грузии: миф и реальность. – Тбилисский Государственный Университет. Гелатская Академия Наук., 2009. С. 100–103.

скотоводства» (1980), «Возникновение производящего хозяйства» (1989), «Война и мир в ранней истории человечества» (1994) и др., как правило, заслуживали самой высокой оценки рецензентов. К чести автора, спорные или негативные рецензии не воспринимались им с ответным негативом и не деформировали далее его научную позицию.

Знакомство с представляемой монографией В.А. Шнирельмана вызывает множество вопросов, связанных с уязвимой, порой противоречивой аргументацией автора в изложении тех или иных фактов, поэтому объективный отзыв на нее требует максимальной деликатности. Мы коснемся только той части его книги, в которой речь идет об осетинской версии «кавказской аланомании». Материал, приведенный в книге В.А. Шнирельмана, отличается детальной фактологией и хорошим знанием нюансов научной и общественной жизни Кавказа на протяжении большого периода его новейшей истории, изложенных в достаточно последовательном и логическом повествовании. Претензии у оппонентов возникают более всего к тональности монографии, а также к несостоятельности некоторых положений и выводов. Сложно абстрагироваться от некоей «аборигенности», и в то же время не впасть в киплинговское мессианство, избавляясь при этом от стойкого желания примерить на себя «бремя белого человека»[109].

В своем труде В.А. Шнирельман не оставил шанса осетинам не быть «аланами», даже если они этого не очень хотят. Автор отмечает: «… прошлое, создающее важную основу идентичности (включая территориальные пределы), не является раз и навсегда установленным. Оно подвергается постоянным проверкам, реинтерпретации и переписывается местными интеллектуалами. Такая ревизия прошлого происходит, например, во вновь образовавшихся государствах, стремящихся избавиться от колониального гнета» [Шнирельман, 2006: 12]. Можно ли в таком случае говорить о несостоятельности истории как

[109] В то же время для империалиста и колониалиста Р. Киплинга «бремя белых» – это умение терпеть, договариваться и понимать тех, кого Британская империя в ходе колониальных войн включила в свой состав. Р. Киплинг, впрочем, как и другие апологеты колониализма Э.У. Саид и Сьюзен Лейтон призывали любить «дикарей», взывали к жертвенности ради будущего цивилизации: «Для них в поту трудитесь, Для них стремитесь жить, И даже смертью вашей Сумейте им служить» [Киплинг, 1936: 93-94].

науки, если исходить из позиции любого, отдельно взятого «ревизиониста», и каковы четкие критерии (если они и существуют) отличия авторов «корректных» региональных историко-культурных нарративов от профессионалов, создающих «этногенетические мифы»? Как отличить науку от «этногенетических мифов», и можно ли считать справедливым негласное положение В.А. Шнирельмана, согласно которому практически каждый северокавказский историк *a priori* является мифотворцем на службе у региональных элит? Подобные пассажи можно трактовать как угодно, но только не ссылаться на них в качестве научной аргументации.

В.А. Шнирельман дает весьма жесткое описание этнополитических событий, происходивших на Кавказе в минувшее столетие. В «недостойных» оказалась практически вся осетинская интеллигенция, в том числе – с хорошей столичной выучкой, как советского, так и российского периодов, начиная с В.И. Абаева, Г.А. Кокиева, Б.В. Скитского и др., за их «осетинство» и «чрезмерную идеализацию Золотого века осетин» [Шнирельман, 2006: 101]. Даже В.И. Абаев, которого автор особо выделил, наделив эпитетами «бесстрашный», «порядочный», «безупречно преданный научной истине» [Шнирельман, 2006: 108], все же упрекается в некоей протекции и снисходительности со стороны Советской власти, которая, надо полагать, также оценила его личное бесстрашие в некоторых вопросах, связанных с постоянно меняющейся концепцией национальной политики СССР. Ситуация вокруг труда В.И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (1949) описана В.А. Шнирельманом подробно. На заседании Ученого совета Института Этнографии АН СССР труд был подвержен обструкции со стороны директора института С.П. Толстова, который «размахивая книгой, обвинял ее автора в отходе от тогда еще господствовавшей в науке, так называемой яфетической теории Н.Я. Марра» [Калоев, 2021: 197]. В.А. Шнирельман задается вопросом: «Как Абаеву удалось опубликовать свою работу, полную достаточно сомнительных с точки зрения правящего тогда режима предположений, в престижном издательстве АН СССР в суровом 1949 г.? По-видимому, то, что режим считал

ее достоинствами, перевешивало ее «недостатки» [Шнирельман, 2006: 108]. По мнению автора, это была изменившаяся политическая конъюнктура, которая требовала от ученых иной концепции становления «единой советской общности», которая заключалась в поиске «интегрирующего стержня», способного «сплотить все разноязычное и разнокультурное население страны» [Шнирельман, 2006: 108]. Автор не без доли иронии отмечает, что В.И. Абаеву своей работой удалось поставить «скифо-сарматские исследования в прямую связь с узловыми вопросами становления и развития народов Советского Юга», и что «ираноязычные народы древнего нашего Юга внесли заметный вклад в языки и культуру многих народов Советского Союза»; в частности он (В.И. Абаев – А.Ч.) подчеркивал тесные взаимоотношения между скифами и славянами» [Шнирельман, 2006: 109]. Все это, а также его позиция по вопросам этногенеза карачаевцев и балкарцев, которая «перекликалась» с официальной на тот момент позицией, «звучало достаточно соблазнительно для советского руководства и позволяло ему прощать Абаеву его мелкие прегрешения перед советской идеологией» [Шнирельман, 2006: 109]. Ф. Гутнов в своей рецензии резонно замечает: «Напомним, что и за более «мелкие» прегрешения в те годы можно было получить большой срок» [Гутнов, 2007].

Рассмотрение осетинских «древностей» начинается с описания деятельности представителей дореволюционной осетинской интеллигенции, таких, как директор Никольского реального училища в Тифлисе А.Н. Кодзаев, «отождествлявший осетин с аланами и повторявший с гордостью, что когда-то им принадлежала вся южнорусская равнина от низовьев Волги до устья Днепра и Днестра. Он изображал древних предков могущественным племенем, способным своей древностью поспорить с грузинами» [Шнирельман, 2006: 77][110]. Далее, современные «этнонационалисты», такие, как М. Блиев и Р. Бзаров, посчитали А. Кодзаева создателем «патриотической концепции осетинской истории» [Шнирельман, 2006: 77]. Затем идут В. Темирханов

[110] При этом известно, что тот же А.Н. Кодзаев в своем труде «Древние осетины и Осетия» (1903), опирался, прежде всего, на широко известные выводы, сделанные крупнейшими имперскими гуманитариями-кавказоведами. См., например: [Айларова, 2019: 5-20].

(представлял осетин тем самым народом, который впервые открыл огонь и вследствие этого занял господствующее положение среди народов), Г. Баев, Е. Бритаев, Б. Алборов, сотрудничавшие с газетой «Хабар» (1909) – националистической газетой, которая «занималась поисками славных предков и нередко распространяла о них самые фантастические небылицы типа происхождения осетин от карфагенян» [Шнирельман, 2006: 78]. Здесь же возникают давно забытые имена осетинских политических эмигрантов начала XX в. А. Кундуха и Барасби Байтугана[111], «труды» которых очень удачно вписываются в общую канву представляемого автором «осетинского этнонационализма», хотя, для полноты картины можно было бы упомянуть Дз. Дзанти с двумя его изданиями, выпускавшимися в Париже, – журналами «Осетия» (1933), и *"Oss-Alanes"* (1953). Реплика востоковеда Н.К. Рериха «счастливы должны быть осетины, измеряя славные корни свои» [Осетия, 1933, № 1: 3], приведенная в приветственной речи в адрес Комитета Осетиноведения и опубликованная в первом номере издания журнала «Осетия», вполне могла послужить дополнительным веским аргументом для автора. В 1966 г. эмигрант и историк-самоучка Дзегка Зураев издал в США книгу «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа», которая, при богатом фактологическом материале, была также подвержена явным перекосам в изложении лингвистических параллелей.

Во второй половине 1940-х начале 1950-х гг. «в Северной Осетии и в соседних районах археологи со всей ***страстью*** (курсив мой – А.Ч.) вели поиски алан и всего того, что могло бы быть связано с ранней историей осетин» [Шнирельман, 2006: 119-120]. После раскопок, произведенных в июне 1946 г.

[111] Необходимо отметить косвенный, но все же вклад в науку Барасби Байтугана. И. Гершевич, который познакомил Б. Байтугана с Гарольдом Бейли, называет его «образованным человеком» [Гершевич, 1990: 214]. Именно благодаря безупречным «урокам осетинского» от Барасби Байтугана Г. Бейли и И. Гершевич проявили интерес к изучению осетинского языка, и преуспели в нем настолько, что во время визита в Южную Осетию в 1966 г. Г. Бейли смог произнести короткие приветственные речи на обоих диалектах осетинского языка [Гершевич, 1990: 214; Чибиров, 2022: 211]. Кстати, сэр Г. Бейли на портрете, который висит в соляриуме Кембриджского университета, изображен в черкесске, которую ему подарил директор Института востоковедения Грузии Г. Церетели. Более того, он в этой черкесске ходил на работу. Стоит ли в таком случае приписывать одному из выдающихся ученых обвинения в «кавказском национализме», при том, что эпитафия на памятном столбе, установленном в Кембридже в 1996 г. в его честь состояла из стихотворения осетинского поэта Коста Хетагурова «Марды уæлхъус» («У гроба»), исполненного в латинской графике?

археологом Е.Г. Пчелиной в Нузальской часовне, известной «своими фресками и грузинскими надписями» [Шнирельман, 2006: 120], в которой, согласно ее мнению, были обнаружены останки Давида Сослана, мужа грузинской царицы Тамар, осетины вновь «воспряли духом» [Шнирельман, 2006: 120]. Однако исследование останков в гробнице показало, что захоронение никак не вписывается в дату жизни Давида Сослана и относится к более позднему периоду истории. Тем не менее, несмотря ни на что, осетины продолжали испытывать «нужду в исторических героях и ***без устали*** (курсив мой – А.Ч.) занимались их поиском» [Шнирельман, 2006: 121]. Кстати, стены Нузальской часовни сохранили имя художника, которое исполнено в грузинской графике, и читается по-осетински как *Вола Тлиаг,* то есть *Вола [родом] из Тли* – отголосок средневековой традиции, согласно которой художника знали не по фамилии, а по месту рождения. Окончание *-аг* позволяет идентифицировать его как осетина, так как грузинское написание имени звучало бы как *Вола Тлиели* с окончанием *-ели.* Ближайшие от Нузала топонимы *Тли* (а их по Осетии – три) встречаются соседнем Мамисонском ущелье Северной Осетии, не более, чем в 10 км. от Нузала. Таким образом, неизвестный осетинский художник Вола Тлиаг, сам того не подозревая, оказался и первым осетинским «этнонационалистом», при том, что В.А. Кузнецов в своей работе «Реком, Нузал и Царазонта» (1990) отмечает «наличие трех историко-культурных традиций в росписях Нузала: грузинской, местной и византийской» [Кузнецов, 1990: 72].

Еще одна реплика автора гласит: «В 1959 г. Турчанинов ***обрадовал*** (курсив мой – А.Ч.) осетин новой находкой» [Шнирельман, 2006: 143]. Автор имеет в виду каменный надмогильный памятник с надписью, датированной X в. Стела была обнаружена в 1888 г. археологом Д.М. Струковым на р. Большой Зеленчук и позже была описана В.Ф. Миллером. Текст на могильной плите, исполненный греческим письмом, известен как «Зеленчукская надпись», и считается одним из известных памятников аланского языка, или древнейшим образцом осетинского языка. Текст пытались читать на нескольких языках, в

частности на чеченском или тюркских языках. В.А. Шнирельман также приводит различные версии толкования надписей на стеле. Детально описав предысторию вопроса, различные спекуляции, касающиеся интерпретаций выбитого на ней текста, автор, тем не менее, упускает из виду еще, как минимум, два образца аланской-осетинской письменности. Во-первых, это аланские маргиналии на полях греческого ветхозаветного профетологиона XIII – XIV вв., обнаруженного в 1992 г. в Библиотеке РАН в Санкт-Петербурге датским профессором Сюссе Энгберг. Позже профессор Лейденского университета А.М. Лубоцкий в совместной статье с С. Энгберг подтвердил их раннееосетинское происхождение [Nartamongæ, 2003: 41-46][112]. Во-вторых, это Ясский глоссарий 1422 г., обнаруженный в 1957 г. в государственном архиве Венгрии. Краткий словарь из 35 слов, на обратной стороне судебного документа подтверждает, что кавказские аланы и венгерские ясы говорили на одном языке. Ясский язык в англоязычной литературе принято называть диалектом осетинского языка. Здесь же сознательно не упоминаются «Теогонии Иоанна Цеца», та их часть, в которой приводится приветствие на языке аланов, так как и этот текст неоднократно подвергался различным спекуляциям со стороны не вполне добросовестных исследователей. Но оба ранее приведенных документа не вызывали вопросов в их происхождении даже у самых больших скептиков. При этом и Ясский глоссарий и приложение к «Теогониям» объединяет одна и та же заглавная фраза-приветствие на аланском/осетинском языке – *Дæ бон хорз!*

В тексте В.А. Шнирельмана присутствуют и явные ошибки в персоналиях. Так, в числе *осетинских* авторов, которые писали о влиянии иранцев на средневековую европейскую культуру, В.А. Шнирельман почему-то упоминает

[112] Небольшой фрагмент из текста Александра Марковича гласит: «Греческий заголовок:… ‘13 ноября, канун Св. Иоанна Хризостома’… Имя св. Иоанна Хризостома часто переводилось на местные языки, ср. старославянское *Zlatoustъ,* армянское *Oskeberan,* грузинское *Okrop’iri.* Можно предполагать, что миссионеры, работавшие в аланской среде, поступили сходным образом, переведя *χουσοστομος* как **zærijnæ kam* «с золотым ртом» [Памятники…, 2016: 122]. Это выражение явно соответствует осетинскому *zærin kam ban* – «день золотого рта» (современное осетинское *«zærin-kom(y) bon».*

французского исследователя Я. Лебединского и потомка мухаджиров, черкеса Самира Хатко [Шнирельман, 2006: 192].

Полагаю, нет необходимости комментировать многие другие положения В.А. Шнирельмана, которые ранее были рассмотрены в критических статьях и отзывах. Но забавно, что при ссылке на водку «Алания» [Шнирельман, 2006: 174] или владикавказских водителей [Шнирельман, 2006: 182] тональность изложения остается прежней. Конечно же, обществу в переломные моменты своей истории свойственно искать новые поводы для национальной гордости[113], не всегда корректно подтверждаемые наукой[114]. Были и будут «радикалы» и в осетинском научном сообществе. Но при этом общепризнанная концепция гетерогенности (разнородности состава) осетин встречается во всей «официальной» литературе последнего времени. Среди них – академическое издание «Истории Северо-Осетинской АССР» (1987) и том I «Истории Осетии с древнейших времен по конец XVIII века» (2012). В последнем издании, вслед за признанием сильного влияния автохтонных языков на язык осетин, утверждается, что «в формировании осетинского народа в равной мере приняли участие, как местные, так и пришлые элементы», что «в любой области материальной и духовной культуры осетин встречаются и кавказские и иранские черты» [История, 2012: 239]. Эти темы не являются табуированными, и осетинская научная общественность всегда готова к цивилизованному обсуждению тех или иных проблем, связанных с прошлым Осетии. Но, похоже, В.А. Шнирельман более склонен обсуждать не научную концепцию, а отдельные персоналии. Или, скажем так – «интерпретацию интерпретации». Именно это позволяет ему, например, ставить в один ряд с всемирно известным ученым В.И. Абаевым этнографа и археолога И.М. Мизиева, придерживающегося тюркской версии происхождения аланов, и делить

[113] Ф. Гутнов в упомянутой выше рецензии пишет: «Видимо националистом был и А.С. Пушкин, утверждавший: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной – есть постыдное малодушие» [Гутнов, 2007].

[114] К примеру, тиражируемая некоторыми карачаево-балкарскими учеными теория происхождения осетин от 20 000 иранских воинов грузинского царя Мириана от одиозного балкарского «историка» Т. Моллаева [Моллаев, 2010: 96].

историческую науку на осетинскую, вайнахскую, балкарскую и т.д. При этом не учитывается факт постоянного общения и определенного согласования позиций академических авторов из разных частей Кавказа. Мы наблюдаем также некую показательную «фигуру умолчания», поскольку ряд зарубежных ученых озвучили многие идеи, развитые затем В.И. Абаевым, задолго до него. Действительно, в существующей литературе достаточно явных перекосов, и здесь задача исследователя состоит в том, чтобы следуя строго научной методологии, отделять зерна истины от плевел мифов и небылиц, а не навешивать ярлыки «аборигенности» и «столичности» или же обвинять те или иные народы в этнонационализме.

В, казалось бы, цельной монографии, помимо прочего есть, как минимум, две серьезные бреши, которые нарушают стройный фактологический ряд, призванный изобличить якобы неизбежную «печать аборигенности» у кавказских по происхождению ученых, деятельность которых направлена, прежде всего, на то, чтобы подчеркнуть свою «древность» и «исконность». Отказ (сознательный, или нет) от рассмотрения двух знаковых событий, имевших место на Кавказе в последние три десятилетия, тем более в контексте озвученной темы, очень показателен, так как вслед за этим возникают сомнения в объективности позиции самого автора.

Умолчание первое. В 1991 г. первым президентом Грузии становится бывший диссидент Звиад Гамсахурдия. На несколько лет в стране установился режим тотального «звиадизма», который отличался резкой нетерпимостью ко всем национальным меньшинствам и сопровождался унижениями и последующей «этнической чисткой», в частности – осетин, по всей Грузии в местах их компактного расселения (Карельский, Боржомский, Ахметский и др. районы)[115]. Однако, касаясь событий в Южной Осетии конца 1980-х – начала

[115] Высказывания активистов того времени показательны в отношении крайней нетерпимости к большинству национальных меньшинств, в т.ч. к русским. Так, Акакий Бакрадзе, один из идеологов звиадизма, писал: «Обрусевшая часть осетин и абхазов являются врагами грузинского народа. Нет необходимости вести нескончаемый разговор о братстве, дружбе, прошлых добрых отношениях. Это сегодня не имеет никакого значения» [Чибиров, 2010: 82]. А вот два типичных высказывания о русских. Отрывок из статьи некоего Жгенти в газете «Молодой Иверием» за 5 января 1991 г.: «Как известно, большинство русских биологически

1990-х годов, и описывая причины, побудившие осетин, проживающих во внутренних районах Грузии мигрировать из страны, автор «деликатно» обходит молчанием внутриполитическую ситуацию в Грузии того периода, что не позволяет оценить масштаб происходившей трагедии.

Умолчание второе. В сентябре 2004 г., то есть за два года до издания монографии В.А. Шнирельмана, произошло событие, которое потрясло мир – захват террористами школы в городе Беслан, повлекший за собой большие жертвы. Напомню, что среди жертв теракта были осетины, русские, греки и грузины. При всей скрупулёзности исследования В.А. Шнирельмана, даже в изложении позиции некоторых не совсем адекватных осетинских авторов и придании легитимности их взглядам, эта трагедия и ее разноплановый резонанс не были отражены в книге, хотя, исходя из позиций автора, интерпретация этого события была важна для проявлений «осетинской версии» национальной истории и самосознания. Невозможно было при столь высокой планке, заданной при написании монографии, просто выбросить эту трагедию из поля зрения, хотя, вполне возможно, что этот вопрос никак не вписывался в используемое автором понятие «культурный расизм».

Любая «живая» научная работа всегда бывает дискуссионна. Она вызывает интерес у интеллектуалов, ее критикуют, с ней спорят, призывая аргументы «за» и «против». Работы одного из ведущих российских этнологов и политологов постсоветского периода В.А. Шнирельмана, вне зависимости от отношения к ним, не будут терять актуальности. И все же здесь уместно будет сослаться на мнение члена-корреспондента РАН А.И. Иванчика, который в одном из публичных интервью, озвучил идею, согласно которой не стоит

неполноценно. Отсюда и следует патологический комплекс неполноценности с характерными компенсациями: человеконенавистничество, зависть, каннибализм, неблагодарность, пьянство (как говорил Горький – опоенный водкой), проституция, распутинизм, попрошайничество, менторство при тугодумии (русское тупоумие – Ленин); причины своих несчастий, вызванных природной неполноценностью, ищут в других нациях». И еще: «Народ, который во время голода ест своих детей, солит их в бочках, делает из них котлеты и продает их, рукоплещет Родионову, применившему лопаты и отравляющие вещества против молящейся безоружной молодежи. Можно ли такой народ назвать христианским или народом вообще? Это же конгломерат ужасов» [Чибиров, 2010: 85]. В публикациях во влиятельных изданиях предлагалась принудительная стерилизация женщин национальных меньшинств и т.д. Подобных примеров можно привести множество.

вовлекать историков в этнические дискуссии. При всей культурной, этнической и лингвистической многогранности Кавказа, кавказские народы «обречены» жить вместе, и в данном контексте, наверное, стоит больше акцентировать внимание на тех вопросах, которые объединяют российский Кавказ, но не вносят семена раздора. Джонатан Свифт писал: «Мы достаточно религиозны, чтобы ненавидеть друг друга, но недостаточно религиозны, чтобы любить друг друга»[116]. Аланы оставили большой след в истории многих кавказских народов, но они остались в прошлом. И здесь важно осознать, что сегодня аланы могут, как рассорить кавказские народы, так и оказаться одним из факторов, объединяющих российский Кавказ. Именно поэтому в столь чувствительном для исторической науки вопросе, каковым является аланское наследие, неприемлемы снобизм и псевдонаучный радикализм.

Выводы

Важным условием для полноценного понимания вклада зарубежных русскоязычных ученых двух волн эмиграции в изучаемую проблематику является современное видение данных проблем ведущими российскими специалистами. Для соответствующего анализа в главе 2 автором были отобраны шесть ведущих ученых, прежде всего – археологов (А.С. Скрипкин, В.Ю. Малашев, Д.С. Коробов и С.А. Яценко), а также представители смежных наук – языкознания (С.В. Кулланда) и этнографии (В.А. Шнирельман). На основе изучения их творчества, а также переписки и личного общения с ними впервые дается серия их своеобразных творческих портретов, анализируются обстоятельства и этапы их научной деятельности, их значимые для задач диссертации идеи. Подобные очерки являются важным шагом к написанию будущей системной истории сарматологии, алановедения и, отчасти, скифологии.

---

[116] *«We have just enough religion to make us hate, but not enough to make us love one another»*. Jonathan Swift «Thoughts, On Various Subjects» [1711] // http://public-library.uk/ebooks/97/26.pdf

Современная российская историография, посвященная вопросам истории ираноязычных народов Юго-Восточной Европы, прежде всего по сарматам и аланам, и по алано-осетинской преемственности, весьма информативна. Она касается как их этно- и культурогенеза, так и политической и социальной истории, а также культурных связей. В последнее три десятилетия по данной тематике появилось большое количество знаковых трудов, как в исторической науке, так и в смежных дисциплинах. Это, прежде всего, публикации по археологии, лингвистике и этнологии, в которых ставятся и вопросы исторического характера. По вполне понятным причинам наиболее значимыми стали исследования, прежде всего, профессиональных археологов, связанные с разноуровневыми обобщениями. В этом контексте новаторскими являются результаты исследований названных выше ведущих российских специалистов.

Наиболее полную и обобщающую работу по сарматам представил видный российский археолог, профессор А.С. Скрипкин. Его монография «Сарматы» [Скрипкин, 2017], как и его докторская диссертация (1992 г.) стали важными гуманитарными событиями, подводящими итог многолетним исследованиям ученого в области сарматской археологии истории и культуры. Впервые градация периодов развития и становления сарматов, историческое и культурное обоснование этих периодов, представленное на основе богатого фактологического материала, как археологического, так и с привлечением смежных дисциплин, позволяет говорить о важном этапе в вопросе комплексного изучения сарматских народов. Вместе с тем, А.С. Скрипкин выступал, в первую очередь, как археолог, и его наблюдениям подчас не хватает широкого привлечения материалов этнографии и других аспектов жизни более поздних номадов. Характерны также его колебания в оценке роли миграций в становлении сарматских культур. Его позиция служила своеобразным мостом между советской сарматологией в лице К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой и новыми разноплановыми идеями.

По результатам своих исследований ведущий современный сарматолог В.Ю. Малашев смог выявить механизм зарождения аланской культуры

Северного Кавказа, показать ее истоки, этнокультурные связи, городскую культуру, характер торгово-ремесленной специализации и зарождение локальных форм искусства. Фактически им открыта ранняя аланская культура Кавказа, по уровню развития сопоставимая с раннегородскими цивилизациями. Показательно отмеченное В.Ю. Малашевым распространение продукции северокавказских ремесленных центров до Нижнедонского и Южноуральского регионов. Выделение аланского (восходящего к сарматскому) варианта звериного стиля продемонстрировало «изобразительный» аспект становления аланской идеологии и культуры, что демонстрирует экономическую и идеологическую составляющие экспансии кавказских аланов на северо-запад (до Нижнего Подонья) и юго-восток (Западный Прикаспий до района Дербента). Помимо прочего В.Ю. Малашев исследовал становление восточной группы аланов-маскутов равнинного Дагестана, а также соседей предкавказских аланов – «поздних сарматов» Дона. В его работах по-новому поднимается проблема кавказского субстрата, как второго важного компонента этнической истории осетин на материалах комплекса памятников III в. до н.э. – начала II в. н.э. типа Чегем – Манаскент.

Исследования Д.С. Коробова в области палеогенетики на примере сопоставления аланского антропологического материала с подобным материалом населения других регионов Кавказа, позволили выявить значительный вклад кавказского субстрата, в том числе в лице наследников «поздних кобанцев» в формирование современных осетин. Результаты этих исследований послужили дополнительным аргументом в пользу «двуприродности» происхождения осетинского народа. Важны также его исследования экологической среды и общественного строя средневековых аланов.

Ценными представляются работы С.А. Яценко, который, помимо привычных археологических приемов и тем, исследовал сарматские и аланские материалы с неожиданных позиций, сделав важными источниками родовые эмблемы, данные по костюму, изобразительное искусство (сюжеты и

иконографию, воплощение в нем мифологии и эпоса иранцев) и религиозные традиции сармато-аланов (шаманизм, святилища и др.). Важным моментом является рассмотрение им материала на широком фоне древнего иранского мира. Его исследования позволяют «оживить» сарматов, разглядеть в сухой археологической фактуре важные элементы традиционной культуры, верований и общих представлении сарматов об окружающем их мире. С.А. Яценко также первым стал заниматься реконструкцией политической истории конкретных сармато-аланских группировок.

Скудные сведения о языке скифов, тем не менее, позволили В.И. Абаеву на основе, прежде всего ономастических данных, представить научному сообществу свое решение проблемы – преемником скифского языка через сармато-аланский, объявлялся осетинский. С.В. Кулланда выступил против позиции своего учителя В.И. Абаева, и дифференцировал скифский язык от сарматского, и соответственно аланского языков. Во многом новаторская позиция С.В. Кулланды поверглась критике со стороны ряда его коллег, прежде всего – А.И. Иванчика и Ю.А. Дзиццойты.

Значимым трудом, посвященным актуальным проблемам идентичности северокавказских народов стала книга под названием «Быть аланами» видного российского этнолога В.А. Шнирельмана. «Аланомания», охватившая кавказские народы в конце XX и начале XXI вв., стала некоей идеологической панацеей для осетин, балкарцев, карачаевцев, ингушей и чеченцев, которые в поисках своей самоидентичности стремились идеализировать «аланское» прошлое, приписывая его исключительно своему этносу. В своей работе В.А. Шнирельман детально описал и проанализировал процессы, которые происходят сегодня в ряде северокавказских республик. Глубокий и всесторонний анализ ситуации позволил ему выявить предысторию вопроса, а также весь спектр проблем, которые может повлечь за собой слепое стремление «быть аланами». Реакция на представленную монографию, прежде всего, среди кавказских ученых была отчасти болезненной, что не сказывается на

значимости труда В.А. Шнирельмана для исследователей, занимающихся этнополитической историей Кавказа.

Исследователи, представленные выше, являются лишь частью большого сообщества ученых, в равной мере представляющих весь спектр исследований вокруг алано-сарматской проблематики и определяющих их направления. Их работы позволяют определить общие концепции и векторы развития современных сарматологии и алановедения в целом. Материал, рассмотренный в главе 2, является, среди прочего, шагом в сторону будущей, еще не написанной пока истории *сарматологии.*

Глава 3. Иранство как важная часть истории Восточной Европы. Вопросы скифологии в трудах М.И. Ростовцева

3.1. Русская античность М.И. Ростовцева

Начиная со второй половины XIX в. антиковедение Северного Причерноморья[117] было представлено целым созвездием крупных историков, филологов, искусствоведов (Ф.Г. Мищенко, В.Ф. Миллер, В.В. Латышев, Н.П. Кондаков, Ю.А. Кулаковский, В.П. Бузескул, С.А. Жебелев, Ф.Ф. Зелинский, Д.П. Каллистов, англичанин Э. Миннз, австриец В. Томашек и др.), которые в разное время занимались исследованием истории, археологии и культуры античного периода, при этом каждый из них оставил значительный след в изучении проблематики[118]. Их имена прочно вошли в историю науки. Первопроходцы, увлеченные духом изысканий… Им посчастливилось быть свидетелями удивительных археологических открытий, связанных с курганами и городищами Скифии, осуществленных в пореформенной Российской империи такими профессиональными археологами, как И.Е. Забелин, Н.И. Веселовский, А.А. Бобринский, В.А. Городцов, Б.В. Фармаковский и др. [Ильинская, Тереножкин, 1983: 7-8; Лебедев, 1992: 142-156; Клейн, 2014]. Уже в 1870-1880-е гг. были заложены важные основы будущего изучения культуры, археологических памятников и общества скифов и Скифии[119]. В это время ученых всерьез привлек и высокохудожественный результат сотрудничества греческих ювелиров и скифских заказчиков-аристократов, известный сегодня как «греко-скифская торевтика» IV в. до н.э. [Толстой, Кондаков, 1889]. В первые годы творческой активности М.И. Ростовцева ряд коллег уже ясно осознавали (на материале надмогильных памятников римского времени) влияние кочевников (сарматов) на быт греческих колонистов даже в столице Боспорского царства [Kieseritzky, Watzinger, 1909].

---

[117] Об исследованиях XVIII – середины XIX в. см. Тункина, 2002.
[118] См. обзоры и библиографию: Бузескул, 2008; Платонова, 2010.
[119] См., прежде всего: Забелин, 1872; Лаппо-Данилевский, 1887.

Особое место в этом ярком списке занимает великий русский ученый, знаменитый специалист по истории, как античного Северного Причерноморья, так и эллинистического Ближнего Востока, Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952). Он принадлежал к той части русской интеллигенции конца XIX – первой половины XX в., которая внесла значительный вклад в историческую науку. Судьбой М.И. Ростовцеву было предначертано стать одним из самых известных ученых-антиковедов первой половины XX столетия. Его научная деятельность была насыщенной, разнообразной и очень плодотворной. Другой знаменитый археолог-востоковед и энциклопедист, акад. Б.А. Литвинский позже писал о нем следующее: «За всем этим скрывается глыба интеллектуальной энергии и огромный талант с чертами гениальности» [Литвинский, 1999: 214]. Помимо исследования непосредственно эллинизма и античного прошлого Причерноморья М.И. Ростовцев внес большой вклад в изучение социально-экономической истории Римской империи и ближневосточного эллинизма. Его труды за границей получили широкое признание.

Нет необходимости в подробном изложении биографии М.И. Ростовцева. Благодаря усилиям энтузиастов, таких, как Э.Д. Фролов, Г.М. Бонгард-Левин, И.В. Тункина, В.Ю. Зуев и др., она изучена предметно, и, практически во всех возможных аспектах [Фролов, 1990; Зуев, 1989а; 1991; Скифский роман, 1997; Парфянский выстрел, 2003; Тункина, 2015]. Тем не менее, в начале данной главы стоит остановиться на значимых фактах его биографии, которые сыграли определяющую роль в его столь сложной и в то же время яркой судьбе.

Михаил Иванович Ростовцев родился 29 октября 1870 г. в г. Житомире. Семья, в которой он появился на свет, считалась интеллигентной и, как было принято раньше говорить, буржуазно-дворянской. Отец его дослужился до должности попечителя учебного округа в Оренбурге, достиг чина действительного тайного советника. Юноша получил прекрасное по тем временам гимназическое, а позже и высшее образование филолога-классика на историко-филологических факультетах сначала Киевского, где его учителем по античной культуре был Ю.А. Кулаковский, затем Петербургского

университетов, где интерес М.И. Ростовцева к классической древности поддержали его преподаватели, такие, как историк античности Ф.Ф. Зелинский, археолог Я.И. Смирнов и историк искусства Н.П. Кондаков. Именно тогда, по признанию М.И. Ростовцева, его научили «смотреть и видеть» [Тункина, 2015: 236]. Будущий ученый понимал, что для правильного восприятия исторической эпохи важно смотреть на проблему широко, важно не только читать латинские и греческие источники, но внимательно изучать археологические памятники, предметы искусства, видеть их связь друг с другом. Впоследствии именно эта дефиниция – интенсивное сопоставление данных разных гуманитарных дисциплин (археология, изобразительное искусство, письменные источники и эпиграфика) станет основой вклада М.И. Ростовцева в историческую науку. Этот принцип привлечения и сопоставления различных сфер гуманитарного знания сложился из его интереса к скифам и проявился в таких его фундаментальных работах, как «Эллинство и Иранство на юге России (1918), «Скифия и Боспор» (1925). Этим же принципом руководствовался ученый позже, при ставшем классическим исследовании приграничного римско-парфянского города в Сирии Дура-Европос[120], который за богатство его находок часто называли сирийскими Помпеями.

Большое значение в творческой судьбе М.И. Ростовцева имели его научные командировки после окончания университета. В 1893 г. М.И. Ростовцев на личные средства едет в Италию, где в Помпеях – своеобразной Мекке для археологов-античников, он знакомится с немецким археологом и историком искусства А. Мау. Эта встреча в дальнейшем окажет существенное влияние на формирование его научных интересов [Тункина, 2015: 240]. Финальным аккордом для завершения профессионального образования послужила трехлетняя командировка (1895-1898 гг.) в Западную Европу (Турция, Греция, Италия, Франция, Австрия, Испания и др.), которая дала многое будущему ученому в практическом плане. Во время зарубежных командировок он работал

[120] Дура-Европос (греч. Δοῦρα Εὐρωπός) – античный город на Евфрате (вблизи современного города Сальхиях в Сирии), существовавший примерно с 300 года до н.э. до 256 года. Получил известность в связи с археологическими находками и хорошо сохранившимися древними фресками и граффити.

не только в музеях и архивах, но и знакомился с археологическими раскопками и памятниками античной культуры. В 1898 г. Михаил Иванович начал преподавать в Петербургском университете, где уже в 1901 г. продолжил работу в качестве профессора кафедры классической филологии. Параллельно он преподает латынь и римскую историю в ряде других петербургских учебных заведений, в частности – на Высших женских курсах. В 1903 г. М.И. Ростовцев защитил докторскую диссертацию на тему «Римские свинцовые тессеры», которые он, в частности, изучал в кабинете медалей Национальной библиотеки Франции в Париже. О немалых научных достижениях Ростовцева в предреволюционный период свидетельствует и факт его избрания в мае 1917 г. действительным членом Российской Академии наук.

Бесспорно, М.И. Ростовцев был талантливым археологом и историком античной культуры. Его доклад на 1-м международном конгрессе археологов весной 1905 г. в Афинах назывался «О Керченских росписях» и был посвящен описанию так называемого «склепа Деметры» в античном Пантикапее [Жебелев, 1905: 1-27]. Ученый был членом Учредительного совета Эрмитажа, где при поддержке своего старшего друга, известного антиковеда акад. С.А. Жебелева и других коллег были заложены основы будущего Отдела археологии (1918 г.). В ряде работ, написанных позже в связи с археологическими открытиями в древнем городе Дура-Европос, М.И. Ростовцев наглядно продемонстрировал значение археологического материала для решения многих исторических проблем. Михаил Иванович хорошо разбирался не только в археологии, но и в нумизматике, в совершенстве овладел немецким – основным языком науки конца XIX – начала XX в., изучал латинскую эпиграфику, установил тесные связи с европейскими коллегами. В Россию из афинской поездки М.И. Ростовцев вернулся уже сформировавшимся специалистом.

Сфера интересов Михаила Ивановича не ограничивалась только наукой: она включала в себя самые различные аспекты еще и культурной жизни, что позволяло ему общаться и дружить с выдающимися поэтами, писателями и художниками той эпохи. В квартиру Ростовцевых на Большой Морской, 34 в

Санкт-Петербурге по вторникам приезжали люди искусства, и проводили там так называемые журфиксы. Согласно биографам Александра Блока, поэт был частым гостем у Ростовцевых, и вполне допустимо, что рождение впоследствии у него поэтических строк о скифах было следствием его тесного общения с Михаилом Ивановичем. После Октябрьской революции 1917 г. Советское правительство предложило Ростовцеву работать в Народном комиссариате просвещения, который как раз возглавлял его двоюродный брат А.В. Луначарский. Однако, не приняв идей большевизма и восприняв Октябрьскую революцию как личную трагедию, в возрасте сорока семи лет (к лету 1918 г.) под предлогом научной командировки в Швецию и Англию, член партии кадетов и убежденный монархист М.И. Ростовцев покинул Россию, и больше на родину не возвращался [Скифский роман, 1997: 45].

Эмиграция, несмотря на известность в научном сообществе, далась М.И. Ростовцеву тяжело. Он пытался устроиться в Швеции, Норвегии, Англии (Оксфорд), но европейские научные круги не спешили принять его в свое сообщество. Серьезным препятствием для полноценной интеграции в европейское научное сообщество оказалось для него теперь плохое знание английского языка: «Живу здесь по-нищенски, но, во всяком случае, культурной жизнью», писал из Оксфорда М.И. Ростовцев в письме Н.П. Кондакову в 1919 г. [Скифский роман, 1997: 434]. Американский папиролог и историк античности Уильям Вестерманн, прекрасно знакомый с трудами М.И. Ростовцева, вскоре после Парижской мирной конференции 1919 г. содействовал переезду ученого в США, где рекомендовал его вместо себя в качестве профессора университета г. Мэдисон (штат Висконсин). Спустя пять лет, в 1925 г., Ростовцевы перебираются в Йельский университет (Коннектикут, США). Английский язык со временем так и не был усвоен в полном объеме М.И. Ростовцевым. Уже, будучи в США, его жена С.М. Ростовцева в письме Н.П. Кондакову от 16 декабря 1920 г. писала: «Михаил Иванович ругает

английский – собачьим языком» [Скифский роман, 1997: 443][121]. Но то, что было для него непреодолимым препятствием в Европе, в США, стране, созданной эмигрантами, воспринимали более спокойно. «Что для другого человека в его возрасте (ему было 48 лет – А.Ч.) обернулось бы трагедией, для Ростовцева, сумевшего пережить кризис, стало новым импульсом к творчеству», – писал о нем видный историк-антиковед и исследователь научного наследия ученого Э.Д. Фролов [Фролов, 1990: 161]. Благодаря своим незаурядным способностям, он сумел не только не затеряться в непривычном для него окружении, но и вывести антиковедение на новые высоты. За годы эмиграции «он обогатил мировую науку многими важными открытиями и детально разработанными историческими построениями» [Зуев, 1993: 5].

Эмиграция для М.И. Ростовцева была серьезной трагедией, он воспринимал ее крайне болезненно, переживал за друзей и близких, которые остались в России. Это, в частности, отражалось и в том, что в первые годы эмиграции он помимо научных статей, активно занимался публицистикой, писал политические статьи для эмигрантских изданий [Ростовцев, 2002]. Но все же, характер, увлеченность и стремление к познанию позволили ему состояться в чуждой для него среде. За время своей работы в России, Англии и США он был удостоен нескольких почетных докторских дипломов, избран членом ряда национальных академий и различных ученых обществ в Европе и Америке. В 1935 г. М.И. Ростовцев был избран президентом Американской исторической ассоциации, крупнейшего профессионального объединения историков в США. Тем самым его признание в научном мире вышло за рамки известности среди круга узких специалистов. Влияние и авторитет, которых М.И. Ростовцев достиг в научной и общественной жизни Европы и Америки первой половины XX в., позволяют поставить его в один ряд с такими выдающимися деятелями русской эмиграции, как П.А. Сорокин, И.И. Сикорский и В.К. Зворыкин.

[121] Стоит отметить, что при всей неоднозначности сложившейся для него ситуации оптимизм и чувство юмора не покидали М.И. Ростовцева. В еще одном письме Н.П. Кондакову от 26 июля 1922 г., уже из университета г. Мэдисон (Висконсин, США), он, со ссылкой на своего тестя М.Ф. Кульчицкого, пишет: «Вареньем тяжко болеет и Михаил Францевич. Варит все: и вишни, и клубнику и малину, и сливы. Дай ему волю, он бы и меня превратил в варенье» [Скифский роман, 1999: 454].

Михаил Иванович становится звездой первой величины на небосклоне классической древности. Его труды не исчезают из научного обихода в течение многих десятилетий и стали достоянием мирового антиковедения.

Здесь уместно задаться вопросом: если множество значительных трудов ученого по «иранству» Южнорусских степей были написаны и (или) задуманы еще *до отъезда* из охваченной гражданской войной России, *то имеет ли смысл исходя из заглавной тематики исследования, посвящать ему две главы диссертационного труда*? Полагаю, что смысл в этом есть, и серьезный. Действительно, научная деятельность М.И. Ростовцева условно делится на *российский период* и *период эмиграции*. В России его в основном занимали вопросы, связанные с античной культурой, римской историей, археологией, позже с эллинством и иранством на юге России. Среди них – целая серия капитальных трудов, таких, как «История государственного откупа в Римской империи: От Августа до Диоклетиана» [Ростовцев, 1899], «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж» [Ростовцев, 1908], «Античная декоративная живопись на юге России» [Ростовцев, 1913-1914]. Отчасти этому способствовала и его магистерская стажировка в Рим, дружба с Н.П. Кондаковым, который привил ему любовь к истории искусства и археологии, участие в раскопках Помпей и увлечение помпеянской декоративной живописью. Тогда же он сформулировал для себя новую тему исследований: история античной декоративной живописи эллинистического и римского времени [Скифский роман, 1997: 53, 62]. Созданная им концепция развития античных традиций в Северном Причерноморье остается актуальной и в настоящее время. Но при этом *два его важных труда по «иранству» как бы поделены поровну*: «Эллинство и иранство на юге России» [Ростовцев, 1918а] издано в России, перед самым отъездом в июне 1918, тогда как «Скифия и Боспор» [Ростовцев, 1925] подготовленна к печати уже за границей, хотя и была издана в Ленинграде.

Работа над тематикой южнорусских «иранцев» не была еще завершена, и кроме «Скифии и Боспора» М.И. Ростовцев издал еще несколько небольших

работ. Среди них книжка *«Iranians and Greeks in South Russia»*, опубликованная в Кембридже в 1922 г. В сборник, посвященный памяти учителя М.И. Ростовцева, академика Н.П. Кондакова, изданный в Праге в 1926 г., ученый представил статью «Сарматские и индо-скифские древности». Сдана была в печать статья «Иранский конный бог на юге России» (1926/1990). Затем была книжка «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль» [Ростовцев, 1929], изданная также Семинарием имени Н.П. Кондакова. В начале 1930-х годов М.И. Ростовцев принял участие в работе большого коллектива ученых, которые создали капитальный труд под названием *"Cambridge Ancient History"* (CAH), которое стало самым крупным англоязычным справочным изданием по древней истории. Он написал три статьи для этого издания: «Боспорское царство», «Завоевание побережья Черного моря», и «Сарматы». Осталась неоконченная вторая часть «Скифии…», главы из которой были напечатаны в журнале «Вестник древней истории» в 1989 г. Одна из последних работ М.И. Ростовцева под названием «Парфянский выстрел», была опубликована в 1943 г. в журнале *"American Journal of Archaeology"*. Иранство как предчувствие и предтеча славянства интересовало его до самого конца его жизни. Вышесказанное говорит о том, что мы в рамках избранной темы не только можем, но и должны считать М.И. Ростовцева представителем зарубежной русской историографии.

Сложно однозначно оценить, как именно сказалась эмиграция на М.И. Ростовцеве. Оторванный от Родины, он понял, что не может и не имеет права более заниматься древними иранцами, так как, эмигрировав, он оказался оторванным и от пополняемой базы фактов, которая позволяла ему в полной мере исследовать скифов и сарматов. Ему было ясно, что, не имея более достаточного материала для исследования, не стоит эксплуатировать далее тему, благодаря которой и стал тем, кем был. Многие основные его работы остались в прошлой жизни, там, где были скифские и сарматские курганы, лучшие образцы искусства Северного Причерноморья эпохи античности. Но эмигрировав из России, Михаил Иванович увез с собой и многолетний опыт, накопленные знания, которые впоследствии помогли становлению его

последователей. М.И. Ростовцев был масштабной фигурой, которая связывала дореволюционную историографию, с новой зарубежной русской историографией.

М.И. Ростовцев является ученым-новатором российской и мировой исторической мысли XX в., хотя его пристальный интерес к межкультурным коммуникациям и культурному синтезу на их основе, образующим новые культурные общности, и базировался на идеях его предшественников в науке. Так, знаменитый немецкий историк XIX века Теодор Моммзен (1817-1903) в капитальном труде «Римская история» уже обосновывал сходные идеи на материале Римской империи в пятом томе своего произведения. Наиболее полно М.И. Ростовцев изложил суть своей концепции в монографии «Скифия и Боспор».

Михаил Иванович скончался 2 октября 1952 г., и был похоронен в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут, США. Ученый прожил долгую и непростую жизнь, при этом она была насыщенной и яркой, несмотря на потрясения, уготованные ему судьбой. Был в ней некий божий промысел, ибо Михаилу Ивановичу удалось сохранить во времени, пронести сквозь него свою природную интеллигентность, и, более того, стать образцом настоящего русского интеллигента, яркого представителя российской науки. Давая совокупную характеристику М.И. Ростовцеву как неординарному ученому и авторитетной личности, один из его последователей, выдающийся итальянский антиковед, профессор Лондонского университета Арнальдо Момильяно писал: «Кто знал Ростовцева, узнал, что такое величие» [Momigliano, 1966: 98]. М.И. Ростовцев оставил после себя богатое научное наследие по античной истории, в частности по истории и культуре скифов и отчасти сарматов. Его работы были, фактически, первым удачным опытом сочетания исторических свидетельств с данными археологии и образцами изобразительного искусства. «Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми идеями, Ростовцев разработал концепцию социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи,

античного Причерноморья и скифо-сарматского мира» [Фролов, 1990: 2]. Помимо прочего он, как крупный специалист по истории Древнего Рима, внес вклад и в исследование социально-экономической истории Римской империи [Фролов, 1990: 2][122].

Работы М.И. Ростовцева за рубежом были представлены широко, в то время как в Советской России деятельность ученого, в том числе и научная, рассматривалась, прежде всего, в критическом ключе. В 30-40-х годах в СССР к его трудам было весьма предвзятое отношение: его воспринимали как типичного представителя научного модернизаторства в его наиболее реакционной форме эмигрантско-монархического неприятия советской жизни и марксистского учения. Ученого-эмигранта зачастую критиковали за «недостаточный патриотизм», ссылаясь на то, что в своих исследованиях во взгляде на античность он слишком ориентируется на европейских авторов. В советской науке 20-30-х годов XX в. он неоднократно был подвергнут критике за свои «ошибки» и теоретические «заблуждения», несогласие с диалектическим материализмом, разумеется – заочно. Как «невозвращенец», М.И. Ростовцев был лишен профессорского звания в Петербургском (Ленинградском) университете, «а в 1928 г. – через газеты – объявлен исключенным из состава Академии наук СССР». В мифологизированной постреволюционной советской научной традиции сложилось два абсолютно противоречивых восприятия М.И. Ростовцева – дореволюционный русский профессор-античник, канувший в лету после революции 1917 г., представлялся полной противоположностью ярому антисоветчику Rostovtzeff’у, ученому, который состоял на службе у западной «буржуазно-фашистской» науки [Зуев, 1993: 5].

Именно в подобном ракурсе и обсуждались в то время научные идеи М.И. Ростовцева. Так, в 1952 г. состоялась конференция ИИМК АН СССР (Институт истории материальной культуры Академии наук СССР), посвященная

[122] См. его «Социально-экономическую историю Римской империи», 1926.

проблемам скифо-сарматской археологии. Несмотря на недавний официальный разгром марризма в 1950 г., многие положения учения акад. Н.Я. Марра, в частности – его автохтонистские установки и фактическое отрицание роли миграций в истории кочевников, признание роли неких «революций в быту» для этнокультурной истории еще долго сохраняли свою популярность. Одним из примеров этого была отчетная статья Н.Н. Погребовой о целях и задачах предстоящей конференции. Один из вопросов, которым она задавалась, касался этногенеза скифов. М.И. Ростовцеву был противопоставлен другой крупный археолог того времени – А.А. Спицын (1858-1931), который, наряду с В.А. Городцовым (1860-1945), считался одним из основоположников советской археологии [Погребова, 1954: 3].

Критика Н.Н. Погребовой носила ярко ангажированный характер в рамках борьбы с «буржуазной» археологией. Подобная формулировка была очень популярна в советской науке. Согласно ей получалось, что и археология в своей природе имеет классовый характер (к счастью, в эти времена критикам не приходило в голову понятие «пролетарская» археология)[123]. Критические возражения Н.Н. Погребовой относительно увлечения М.И. Ростовцева древним иранством вообще, и скифо-сарматской проблемой в частности, свидетельствует о теоретической узости и жесткой идеологической ангажированности советской археологии конца 1920-х – середины 1950-х гг., признающей концепции мировой науки, «чуждые марксизму», враждебными. Даже заявление о том, что вопросы скифологии «еще далеки от своего окончательного разрешения», говорит о теоретической путанице, благо процесс научного познания мира безграничен, так как, решая одну проблему, учёный неизбежно сталкивается с другой, вытекающей из первой и т.д. Безусловно, права В.Б. Ковалевская, заметившая, что «весь интерес научной работы заключается в том, что ты только приближаешься к истине, но никогда не можешь её достичь» [Ковалевская, 2005: 180]. Характерна и резолюция

[123] К 1932 г. официально археология была объявлена (с согласия верховной власти) «дворянской лженаукой», и на несколько лет запрещена в СССР, ее учреждения были закрыты, а обучение ей прекратилось. Этнографии тоже досталось: ее объявили «мелкобуржуазной лженаукой». См. [Формозов, 2006].

конференции 1952 г. Чтобы понять влияние идей М.И. Ростовцева на советскую археологию тех лет, стоит ознакомиться с еще одним небольшим фрагментом из упомянутой статьи Н.Н. Погребовой: «Сторонники так называемого «нового учения» Н.Я. Марра о языке на словах отгораживались от концепции М.И. Ростовцева о кочевниках, господствовавших над населением Северного Причерноморья и принесших с собой один из трех элементов, якобы слагавших скифскую культуру – «иранский, собственно персидский» и создавший, по мнению М.И. Ростовцева, на огромных пространствах единую в основных формах культуру. На деле же сторонниками Н.Я. Марра было переоформлено и часто повторялось введенное М.И. Ростовцевым понятие о трёх скрестившихся здесь культурных элементах (местном, греческом и иранском) и полностью было усвоено понятие об «иранцах-завоевателях», якобы господствовавших над стадиально ниже стоявшими «яфетическими элементами» [Погребова, 1954: 15].

Итак, концепция М.И. Ростовцева об этнокультурном синтезе на юге России в скифо-сарматскую эпоху на этом официальном форуме археологов была отвергнута как «буржуазно-монархическая». Однако не все его коллеги в Советском Союзе разделяли на деле эти официальные оценки. Сторонник иных взглядов на наследие М.И. Ростовцева, известный специалист по скифам и хазарам М.И. Артамонов писал: «Блестящий эрудит и тонкий исследователь, одинаково ценивший и сведения, сообщаемые древними авторами, и данные археологии, умеющий критически разобраться и в тех и других, М.И. Ростовцев в синтезе во многом превзошел своего предшественника в этом деле, английского ученого E. Minns’a» [Артамонов, 1947: 68].

В послевоенный период, особенно в 1960-е годы, отношение к личности М.И. Ростовцева становится более беспристрастным. «Советская историческая энциклопедия» даже подчеркивает его огромный вклад в современную историческую науку [СИЭ, 1969: 219]. Однако действительное признание научное наследие ученого получило в постсоветское время, когда сформировался разносторонний и куда более объективный взгляд как на саму

фигуру М.И. Ростовцева, так и на значимость его трудов для российской и мировой исторической науки. В результате с конца 1980-х годов почти все его важнейшие работы, опубликованные им на иностранных языках, были переведены и изданы в России.

В 1986 г. в Воронеже вышла монография А.Д. Пряхина «История советской археологии», в которой концепция М.И. Ростовцева об этнокультурном синтезе на юге России в скифо-сарматскую эпоху нашла иное понимание, избавившись от идеологической «обязаловки» [Пряхин, 1986: 92]. Вместе с тем, А.Д. Пряхин отметил некоторые спорные, даже неприемлемые положения во взглядах и убеждениях М.И. Ростовцева. В основу его представлений о скифах лёг тезис о единстве культуры, этноса и территории. Сосредоточив внимание на соотношении иранского и античного миров, он не уделил такого же внимания местному оседлому компоненту, сегодня именуемому субстратом. Неприемлемым также представляется ему предположение М.И. Ростовцева о «скифской державе» феодального типа еще в VII в. до н.э., о Скифии как государстве типа Хазарского каганата VII-X вв. или Золотой Орды XIV в. [Ростовцев, 1918: 35, 38; 1925: 8]; скорее, ее можно характеризовать как раннегосударственное образование с признаками одного из вариантов т.н. «кочевой империи». Конечно же, в таком большом и сложном труде, как «Скифия и Боспор», ошибки и слабые места, спорные моменты неизбежны и объяснимы состоянием источников, что особенно актуально для тех, кто занимается древностью. Естественно, что М.И. Ростовцев не мог не видеть разницу между Скифией и Золотой Ордой (к 1918 г. специфика развитых кочевых обществ прошлого еще всерьез никем не была обобщена по разным источникам), и обвинять его в этом, как минимум, некорректно. Будучи монархистом, М.И. Ростовцев скорее модернизировал и усложнял устройство Скифии, представляя ее как сильную, единую монархию, видел в ней некий

прообраз ряда поздних «кочевых империй» с почти неограниченной властью правителя[124].

Итак, можно констатировать, что в последней четверти XX в. состоялось постепенное, но триумфальное возвращение М.И. Ростовцева в Россию. В «перестройку» на страницах журнала «Вестник древней истории» [Ростовцев, 1989б; Зуев, 1989б] были опубликованы неизданные сочинения М.И. Ростовцева; вскоре публикуются и отрывки из его дневников по следам путешествия в Африку [Литвиненко, Спиченко, 2002]. В 1993 г., редакцией «Петербургского археологического вестника» в издательстве «Фарн» отдельным томом были опубликованы его избранные работы [ΣΚΥΘΙΚΑ, 1993], а в 2013 г. переиздается его известный труд «Скифия и Боспор», впервые увидевший свет в 1925 г. Весьма значимым событием для изучения и сохранения наследия М.И. Ростовцева являются два блестящих, без преувеличения издания: том под общим названием «Скифский роман» [Скифский роман, 1997], который, помимо прочего, включает в себя его архивное и эпистолярное наследие, и не менее ценное издание «Парфянский выстрел» [Парфянский выстрел, 2003], которое также посвящено жизни и творчеству М.И. Ростовцева, и в котором представлены его дневники, письма, малоизвестные и неопубликованные работы – материал, который не вместил в себя предыдущий том. Более того, в России и за рубежом в честь ученого стали проводиться тематические конференции, по следам которых появились соответствующие публикации. Особое значение имели небольшой сборник «Скифия и Боспор», в котором были опубликованы археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева [Скифия и Боспор, 1989], и специальный том журнала Hyperboreus *«Michael Rostovtzeff and the Triunity of Classical Studies: history, archaeology, philology»*, увидевшей свет в серии *«Biblioteca classica Petropolitana»* [Michael Rostovtzeff, 1921]. Деятельности

[124] Сегодня есть все основания думать, что первой из «кочевых империй» Евразийской Степи была как раз общность с основой в виде федерации трех племенных союзов скифов-сколотов, подчиненных ими кочевых и оседлых этносов в кон. VI – V вв. до н.э. (к середине IV в. до н.э. налицо многие признаки дезинтеграции этой общности).

М.И. Ростовцева была посвящена статья М. Веса «Михаил Ростовцев, историк в изгнании» [Wes, 1990]. Разностороннему изучению, освещению и сохранению научного наследия М.И. Ростовцева способствовали такие ученые, как Э.Д. Фролов, Г.М. Бонгард-Левин, М.Б. Щукин, И.В. Тункина, В.Ю. Зуев. И все же, наиболее полно в контексте «иранства» труды М.И. Ростовцева рассмотрены В.Ю. Зуевым [см., например: Зуев, 2003], который, наряду с И.В. Тункиной, приложил немало усилий для популяризации трудов и биографии М.И. Ростовцева.

Эмиграция послужила своеобразным водоразделом не только в личной, но и научной деятельности М.И. Ростовцева. Так, до 1918 года Михаила Ивановича больше интересовала древняя история русского народа в контексте опыта, приобретенного им во время его зарубежных командировок, в частности, в Италию. Превалирующим в его научном наследии того периода были труды по «русской античности», культурному синтезу эллинства и иранства на юге России, как основе, на которой, по его представлениям, позже состоялось славянство. В этот период он сосредоточился на изучении истории и культуры народов, проживавших на юге России в дославянскую эпоху. В статье «Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности», Э.Д. Фролов разделил труды М.И. Ростовцева по антиковедению на две группы. В первую он отнес публикации по архитектуре и изобразительному искусству античного побережья Северного Причерноморья, а во вторую группу – многочисленные статьи, посвященные античным крепостям (римскому Хараксу) и разнотипным полисам и царствам Северного Причерноморья (Боспор, Ольвия, Херсонес) [Фролов, 1990: 162-163]. Работы ученого, которые относятся к первой группе, отличаются своей основательностью, и глубокой проработкой вопроса. Среди них важнейшей, на мой взгляд, является небольшая по объему книга «Античная декоративная живопись на юге России» (1913-1914), в которой М.И. Ростовцев показал себя выдающимся специалистом по античному искусству и, одновременно, вслед за Г. Кезерицким и К. Ватцингером, обратил внимание на сарматские элементы в сюжетах и реалиях боспорского столичного искусства.

В монографии дается описание и всестороннее исследование античных памятников, сохранившихся на юге России. Важной ее часть является роскошно изданный атлас, в который включены 112 таблиц с рисунками.

Из работ второй группы доминирующими являются труды по античным городам Причерноморья. При этом основные акценты были сделаны М.И. Ростовцевым на культурных контактах скифо-сарматского и эллинского миров, их своеобразного синтеза, которые, согласно ему, являются ничем иным, как предтечей истории славянства. Рассматривая древнюю историю России в контексте процессов, происходящих в южнорусских степях в праславянскую эпоху, Михаил Иванович уделял огромное внимание истории народов и государств, существовавших в этом ареале в древности, а также взаимоотношениям между этими народами. Он прекрасно осознавал, невозможность изучения древней русской истории без исследования истории племен и народов, обитавших в южнорусских степях начиная с I тыс. до н.э. Более того, ученый считал, что славянские племена являются отчасти наследниками греческой и скифо-сарматской культуры. Безусловной заслугой М.И. Ростовцева является и то, что он «впервые обобщил и подытожил результаты исследований русских археологов дореволюционного периода в области изучения истории и культуры скифов и сарматов» [Смирнов, 1964: 10]. Его труды были фактически первым масштабным и весьма удачным опытом соединения исторических свидетельств с данными археологии. «История Греции, – говорил он в ходе своей публичной лекции в Йельском университете в 1944 г. – начинается теперь не с Гомера, а с изучения археологических материалов, полученных в ходе систематических раскопок на ее территории» [Скифский роман, 1999: 589]. Еще одно утверждение в письме Эд. Миннзу от 1921 г., гласило: «…делить историю Скифии и ее археологию нельзя» [Скифский роман, 1999: 312]. Общий список научных статей и монографий М.И. Ростовцева вместе с переизданиями насчитывает 680 наименований, и, как отмечал Б.А. Литвинский, «Каждая статья – это не только шедевр учености,

но и совершенно новая, более глубокая интерпретация, свежая идея или концепция, одним словом – открытие» [Литвинский, 1999: 214].

Стремление сохранить беспристрастность при изучении вопроса оформления русской культуры и государственности, желание добраться до ранних истоков явлений привели М.И. Ростовцева к необходимости исследования истории народов, живших на юге современной России в дославянскую эпоху. Отвечая на вопрос, какая может быть связь между эллинами и иранцами, населявшими юг России в эпоху, когда о славянах и русских ничего не было известно, ученый пишет, что эта связь не этнографическая, и не политическая, а культурная, связь преемственности культур, того жизненного уклада, который позднее сделался Россией[125]. Настаивая на таких принципах исследования древней русской истории, он осудил практиковавшееся до него отдельное друг от друга изучение эллинства и иранства, связал историю юга России с историей античного мира вообще, и отчасти в результате этого достиг выдающихся научных результатов. Отдавая должное такому подходу к изучению русской старины, автор лучшей аналитической статьи о творчестве М.И. Ростовцева, Э.Д. Фролов писал: «Совершавшееся в глубочайшей древности в Причерноморье плодотворное взаимодействие античной и скифо-иранской культур, не прошло бесследно для восприемников этого древнего симбиоза – славянских племен, и что уже таким путем Россия была вовлечена во всемирно-исторический культурный процесс» [Фролов, 1990: 157].

Признавая значимость работ М.И. Ростовцева по взаимодействию эллинства и иранства (скифо-сарматского компонента) для мирового антиковедения, необходимо отметить, что в свете современного взгляда на проблематику некоторые его положения должны быть подвергнуты и критическому осмыслению. Для этого существуют весьма веские и объективные причины. Так, отношение к прошлому у исследователей начала XX в. было вполне

[125] Похожих взглядов отчасти придерживался и после эмиграции М.И. Ростовцева такой наиболее знаменитый в мире российский археолог и весьма независимый человек, как В.А. Городцов. См., например [Городцов, 1926].

понятным. Крупные ученые конца имперского периода (в частности Б.В. Фармаковский, М.И. Ростовцев) имели классическое образование и определенные культурные стандарты, их привлекал и интриговал своеобразный синтез греческой и скифской культур (а позже – римской и сарматской) в Северном Причерноморье, давший такие феномены, как греко-скифская торевтика и серия произведений бирюзово-золотого стиля I в. н.э. в искусстве, уникальность устройства и жизни Боспорского царства и др. Это было время определения и формирования методики изучения проблематики номадов Евразии, время, когда на фоне возникновения и противопоставления различных идей и идеологий, формировался общий взгляд на проблематику, оттачивались формулировки, нередко неудачные. Отсутствие выверенной методологии анализа и описания нарративных источников и археологических артефактов при дефиците основательных знаний реальных традиций кочевой жизни Степи, истории, этнографии, фольклора и искусства номадов, часто влекло за собой интерпретацию прошлого на основе собственных представлений о нем. Классическое образование ученых-историков начала XX в., лишенное обширных материалов археологии (их еще предстояло добыть и проанализировать) и серьезного знакомства с обществами номадов, способствовало и неоправданному усложнению социального строя кочевых сообществ древности, и формированию несколько идеализированного взгляда на проблему исторического и культурного наследия скифов, сарматов и аланов, или, напротив, снисходительно-принижающих оценок кочевых культур [см., например: Хазанов, 2008; Кочевая альтернатива, 2002; Масанов, 2011; Крадин, 2020]. Но, даже исходя из этих скудных по определению данных, М.И. Ростовцев впервые сформулировал и предложил концепцию, которая позволяет описать и классифицировать разнотипные по хозяйству и культуре народы, населявшие в древности Северное Причерноморье, охватив при этом разные аспекты их изучения – историю, археологию, религию, культуру, искусство, быт. Систему новаторскую, во многом, по вполне объективным причинам несовершенную, но систему, которая послужила отправной точкой для

следующих поколений ученых в их поиске первопричин зарождения и становления культур, предшествующих возникновению впоследствии в Центральной и Восточной Европе славянских государственных образований. Большинство научных идей М.И. Ростовцева можно брать за основу отдельного исследования, развивать и оттачивать до возможного совершенства. Поэтому ни одно серьезное современное исследование, которое касается древних сообществ Северного Причерноморья и южнорусских степей не обходится ныне без изложения позиции М.И. Ростовцева по тому или иному аспекту проблематики. Как отмечал один из крупных современных антиковедов, «направление научного поиска М.И. Ростовцева… было верным и предвосхитило многие достижения современной науки» [Кузищин, 1989: 207]. Его можно обозначить как «икону российской археологии», хотя он сам, при всем его негативном отношении к различного рода эпитетам, вряд ли согласился бы с подобным определением. С ним спорили, соглашались, ему возражали, безуспешно старались не замечать, но, в конечном итоге и современники, и последующие поколения ученых признавали его талант исследователя, и удивительную интуицию, которая позволила трудам и идеям М.И. Ростовцева на протяжении длительного времени не терять своей актуальности, и, более того, быть востребованными современной наукой.

3.2. Аналитический обзор античных источников. Труды ученого по античности

Перед нами не стоит задача обзора и анализа всех многочисленных и часто – сложных по замыслу трудов Михаила Ивановича. Не представляется также возможным и необходимым совершать подробные экскурсы в историко-культурное наследие ученого как личности, в оценку значения его наследия для понимания той масштабной проблемы, которая волновала М.И. Ростовцева – синтез и контаминация иранского и греко-римского, как основа для

последующего возникновения и дальнейшего развития культур иного типа[126]. Это слишком объемная задача, с которой успешно справляются исследователи, посвятившие себя изучению научного и творческого наследия ученого. В рамках двух глав диссертации (3 и 4) предполагается лишь вычленить и проанализировать работы ученого, которые полностью или частично *имеют отношение к собственно иранскому миру европейской Степи – скифам, сарматам, и отчасти к аланам*, их связи с греко-варварским Боспорским царством, провести параллели с результатами современных изысканий в этой области, оценить многие идеи М.И. Ростовцева по-новому. Это позволит будущим исследователям, среди прочего, лучше ориентироваться в научном наследии ученого.

Сегодня практически невозможно, освещая труды по сармато-аланской проблематике в зарубежной русскоязычной историографии, обойти вниманием *скифскую тему*, особенно в представлении одного из столпов отечественной скифологии М.И. Ростовцева. Благодаря множеству античных текстов, памятникам искусства и яркой истории, культура Скифии является заметной частью наследия человечества. Истории скифов и связанных с ними народов посвящены сотни многоаспектных исследований. Они же, как яркое историческое и культурное явление, а также наследие скифов в Предкавказье и Крыму стали одной из основ, на которой впоследствии происходило становление на новой родине сармато-аланских этнокультурных общностей. Интерес к работам М.И. Ростовцева, прежде всего по Скифии и сарматизации Боспора, отчасти обусловлен ролью скифов в формировании дальнейшей культуры «иранства», в определенной преемственности этнокультурных традиций, и, как следствие – в создании единой, целостной картины культурогенеза ираноязычных кочевых сообществ античной эпохи.

[126] Одним из ранних результатов такого синтеза было оформление «предэллинистического» Боспорского царства около 480 г. до н.э. при тирании Археанактидов. Греко-варварский синтез, в орбиту которого были включены и скифизированные меоты и отчасти – сами скифы, вскоре проявился и в сфере религии. См. [Шауб, 2007: 8-158, 288-412].

Скифы были первым древним народом на территории Российской империи и СССР, подробно описанным древними авторами и, соответственно, вызвавшими повышенный интерес еще в первой половине XIX в. Именно с раскопок кургана Куль-Оба под Керчью в 1830 г. реально начались российская археология и ее государственная поддержка. Тогда же, по изображениям, нанесенным на найденные в Куль-Обе электовые кубки, специалисты, да и не только они, впервые смогли увидеть, как выглядели скифы. Академик С.А. Жебелев отмечал, что «скифская проблема весьма сложна, и ее правильное решение зависит от точного истолкования письменных источников Геродота, к Скифии и скифам относящиеся» [Жебелев, 1938: 151]. Но нарративных источников, при всем их обилии, оказалось явно недостаточно для того, чтобы решить основную «скифскую загадку» – как оформились этот этнос и его культура? Важнейшие вопросы по истории Скифии, на которые по сегодняшний день нет ответа, можно сформулировать следующим образом: 1. Неизвестно точно восточное происхождение скифов (точнее – обеих их волн VII в. до н.э. и рубежа VI-V вв. до н.э. – архаических и «классических»). 2. Неизвестно, возникло ли реально у скифов раннее государство (типа одной из сложных форм «кочевой империи»), и если да, то по каким причинам? 3. Не до конца прояснена причина глубокого кризиса Скифии в первой половине III в. до н.э. (от нее остались «островки» в Нижнем Подунавье, Нижнем Поднепровье, Центральном и Западном Крыму)[127]. Расцвет культуры Скифии продолжался около трех столетий, при этом самые богатые скифские курганы (Куль-Оба, Солоха, Чертомлык, Александропольский, Пятибратний, Гайманова Могила, Толстая Могила и др., кроме Солохи) относятся к середине – концу IV в. И после сооружения Огуза, в последней трети IV в. до н.э. (около 330-310 гг. до н.э.) традиция возводить царские курганы исчезает. Жизнь на многих

[127] Ряд исследователей предлагают отнести к «позднескифской археологической общности» более широкий круг памятников, добавляя к Нижнему Поднепровью и Крыму группы в Буджаке, Нижнем Поднестровье и близ Днепро-Бугского лимана, лесостепном Подонье, ряд памятников в Среднем Поднепровье, Самарском и Саратовском Поволжье, что нашло отражение и в соответствующей статье в Большой Российской энциклопедии. Понятно, что речь идет о оседлых потомках населения, в прошлом тесно связанного со скифами-номадами.

скифских городищах прекращается. При этом сарматские курганы в заметном числе появились в регионе только спустя более 100 лет, с середины II в. до н.э. [Гуляев, 2019: 594]. Ответ на поставленные вопросы могут дать только современная археология и смежные с ней науки (антропология, палеоботаника, палеогеография, палеозоология) так как возможности нарративных источников по проблеме уже практически исчерпаны. Поскольку история, берущая начало от Геродота и его последователей возникла примерно на 2200 лет раньше археологии, а образованные люди XVIII – начала XIX вв. были нередко очарованы «скифским логосом» Геродота, то понятно, что история Скифии в науке начиналась с анализа античных авторов.

В советской историографии послевоенных лет считалось, что киммерийцы и скифы впервые появляются в поле зрения как участники переднеазиатской исторической традиции – в «Известиях древних писателей о Скифии и Кавказе» В.В. Латышева, и подборке Д.Г. Редера «Восточные тексты» (Приложения к ВДИ, 1947-1949), а также в трудах известного востоковеда, историка и лингвиста, специалиста по древней истории Переднего Востока М.И. Дьяконова. Немногие исторические и этнографические сведения о киммерийцах и скифах содержатся также в Библии (Второзаконие; Книга Пророка Иеремии; Книга пророка Софонии), некоторых армянских (Мовсес Каланкатуаци «История страны Алуанк») и грузинских (Леонтий Мровели «Жизнь картлийских царей») летописях. При этом наиболее полный свод греческих и римских источников, относящихся к скифам, собран, приведен на языке оригинала и переведен В.В. Латышевым в двухтомной работе под названием «Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе» [Латышев, 1890-1906]. Переводы эти считаются в основном вполне удовлетворительными, что позволяет скифологам и сарматологам для своих исследований использовать этот материал, разумеется, после консультации со специалистами по соответствующим древним языкам и текстам. Позднее некоторые из этих источников (в т.ч. отрывки из Геродота) с обширными

комментариями публиковались в рамках фундаментального проекта «Древнейшие источники по истории народов СССР» и других изданиях.

За многие века древнегреческой и римской истории (с VII-VI вв. до н.э. по IV-V вв. н.э.) немало ученых, писателей, поэтов, политических деятелей и путешественников, писало (или чаще бегло упоминали) в своих заметках о народах, населявших Северное Причерноморье и степи Восточной Европы. Лишь незначительная часть этого объема информации дошла до наших дней и чаще всего – в отрывках, которые часто бывают непонятны вне несохранившегося контекста. Наиболее известные сочинения и сегодня продолжают обогащаться новыми переводами, трактовками и комментариями, многократно превышающими по объему оригинальные тексты. К пионерам в исследовании этих нарративных источников по античному Северному Причерноморью и югу России, можно отнести и М.И. Ростовцева. Созданная им концепция развития античных традиций в Северном Причерноморье привлекает внимание, вызывает интерес и сегодня. Греко-римских авторов (историков, географов, политиков, поэтов, парадоксографов, ученых в сфере естественных наук, авторов периплов-лоций и др.) интересовали на удивление многие стороны жизни скифов-сколотов[128]. Уникален по информативности «скифский логос» Геродота, содержащийся, в основном в книге IV его первого в Европе масштабного исторического труда. Эта разноплановая характеристика понятна: в разгар греко-персидских войн важными представлялись сведения о народе, который более чем за 30 лет до Марафонской битвы разгромил непобедимую до сих пор огромную армию империи Ахеменидов во главе с самим Дарием I. Более всего скифами интересовались их непосредственные соседи и наиболее развитые в исконной Элладе (на малоазийском побережье) греки-ионийцы, заметно выделявшиеся еще в VII-VI вв. до н.э.[129]. При этом, как

[128] Здесь говорится о скифах, живших в Европе (места центральноазиатских прародин архаических и «классических» скифов мы до сих пор не знаем). В этой работе нет речи и о т.н. азиатских скифах (а на деле – о типологически близких «скифоидных» культурах вплоть до Северного Китая и Саяно-Алтая на восток; персы того времени называли их Saka / кочевники).

[129] Речь идет о носителях ионийского диалекта, на основе которого выработался литературный койне, группе полисов с общим святилищем Панионион (посвященным Посейдону), с такими важными городами, как Милет, Афины и Эфес.

отмечал М.И. Ростовцев, у авторов-ионийцев была тенденция «включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную роль в истории мировой культуры» [Ростовцев, 1925: 86]. По его мнению, интерес греко-римских авторов к Северному Причерноморью то повышался, то понижался, в зависимости от роли, которую оно играло в военно-политических судьбах античного мира. Речь идет, в частности, о преддверии греко-персидских войн, о конфликтах с Митридатом Понтийским, о «Скифских» («Готских») войнах 239-276 гг. н.э., о начале вторжения гуннов в Европу и т.д.

Как уже отмечалось, греки стали проявлять более предметный интерес к скифскому миру тогда, когда, вследствие неудачного похода Дария I в Скифию около 512 г. до н.э. [Алексеев, 2003] и начала греко-персидских войн была подорвана вера в мощь персидских армии и флота, а ионийские города малоазийского побережья получили реальную автономию от азиатских владык, вступив в Делосский морской союз. Конечно, торговое освоение ими северочерноморского побережья и создание *апойкий* (колоний) началось раньше, в середине-конце VII в. до н.э. [Греки и варвары, 2018]. Ионийцы в целом быстрее своих современников в метрополии перешли от монархии через тиранию к демократии, они же первенствовали во многих науках, философии и поэзии. Узкие пределы Эгейского моря не могли их удовлетворять; бодрый дух предприимчивости и пытливости увлекал их на север и запад, а по «их стопам шли уже их европейские собратья. Если не принимать во внимание миф об Аргонавтах, то уже в Гомеровских поэмах и у Гесиода мы найдем следы знакомства эллинов с северными берегами и странами Черного моря. Следы же пребывания там карийцев и финикийцев почти не различимы» [Багалей, 1914: 47]. Греки прибыли сюда, будучи неплохо информированы о культуре и этнографическом облике евразийских номадов, представление о которых они имели из различных источников. До непосредственных контактов кочевники Евразии воспринимались ими как очень далекие народы, которые живут на краю Ойкумены [Иванчик, 2005: 12]. Первыми колонизаторами Понта Эвксинского были полисы Мегара в Европе и Милет в Малой Азии. При этом

Милету в древности приписывали основание восьмидесяти апойкий, которые превосходили мегарские как числом, так и значением. Эти колонии, как правило, образовались из факторий и обычно возникали ненасильственно. «Высокое превосходство греческой культуры и умение греков сделаться для варваров необходимыми способствовали этому. При высылке апойкий метрополия – в данном случае Милет – давала лишь ограниченное количество граждан, которые составляли ядро предприятия» [Багалей, 1914: 48-49; Яйленко, 1982].

Во второй четверти VII в. до н.э. из Южнорусских степей через Кавказ в Лидию и Ионию вторглись группы кочевников – киммерийцев. Пятьдесят лет спустя греки знакомятся уже со скифами, которые вслед за киммерийцами на протяжении длительного времени играли существенную роль в политической жизни Передней Азии и Анатолии. Именно тогда греки в результате прямых контактов с передовыми отрядами кочевников в Малой Азии начали получать информацию о них. Этому способствовало и осознание непосредственной угрозы, которую номады вскоре начали представлять для греческих городов Причерноморья. Наиболее активные контакты с номадами начали проходить после того, как к началу VI в. до н.э., кочевники ушли с Ближнего Востока [Иванчик, 2005: 12]. Греки, как отмечает М.И. Ростовцев, живо интересовались своими новоявленными соседями, особенно в VII-V вв. до н.э.: «Наиболее близка грекам, и специально грекам ионийским, малоазиатским, Скифия и греческие города Понта на заре греческой истории, в эпоху наибольшего политического расцвета Скифии и первых этапов развития греческих черноморских колоний» [Ростовцев, 1925: 1]. Хронологически это был период между VII-V вв. до н.э.), «когда собрано было наибольшее количество положительных, реальных сведений о нашем юге. В это время сложилась раз и навсегда та картина распределения племен и народов, соседствовавших с греческими городами северного и восточного побережья Понта, которая затем

только изменяется в деталях, продолжая влиять даже тогда, когда реальная действительность в корне изменилась» [Ростовцев, 1925: 2-3][130].

В критическом обзоре античной литературы М.И. Ростовцев отметил практически всех основных авторов, так или иначе упоминавших о скифах. Первое вполне определенное упоминание о скифах, по его мнению, сохранил короткий отрывок поэмы, приписываемой Гесиоду, который сопоставляет это племенное название «с образным обозначением их жизни» [Граков, 1971: 18]. Вслед за этим скифы (или киммерийцы) упоминаются в знаменитой поэме Гомера «Илиаде», который называл их не иначе, как дивными доителями кобылиц, млекоедами (XIII). Много внимания античные авторы уделяли суровому для них климату Скифии и затем – Сарматии[131].

Геродот, несмотря на пестроту своего рассказа, значительную часть информации о скифах черпал у ольвийских греков, прекрасно осведомленных о той Скифии, которая была ближе всего к ним, и которая, естественно, греков интересовала более всего. Он также ссылался на греческих и скифских торговцев, которые совершали путешествия вглубь Скифии, упоминал «некоего Тимна, бывшего агентом скифского царя Ариапифа в Ольвии» [Народы …, 1982: 10]. В своей «Истории» он приводит, среди прочего, три сказания о происхождении скифов – очень важные для понимания их истории, мифологии, общественного сознания, основательно разобранные Д.С. Раевским (Раевский, 2006). По первым двум вариантам генеалогической легенды, скифскому и греческому, скифы в занимаемой ими стране предстают автохтонами. Обе легенды при этом связывают их происхождение с Приднепровьем, где в

[130] Здесь М.И. Ростовцев явно неправ. Не менее ценными являются свидетельства и более поздних авторов, например, Страбона, Плиния, Птолемея и Тацита, не говоря уже о недошедших до нас трудах, вроде «Аланской истории» Арриана.

[131] Геродот Галикарнасский, прозванный с легкой руки Марка Туллия Цицерона «отцом Истории», рассказывая о географическом местоположении Скифии писал, что «В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению» [Hdt, IV, 189]. Геродоту вторит и Псевдо-Гиппократ (26), который отмечал, что «в Скифии стоит вечная зима, а лето продолжается лишь несколько дней, да и то не очень теплых» [Куклина, 1985: 162]. О климате Скифии писали Дионисий, называющий «несчастными» обитателей скифских равнин, Евстафий, Вергилий, Лукан, Валерий Флакк, Фест Авиен и др. Особое место в этом списке позже занимает Овидий, поскольку его поэтические описания холодов Северо-Западного Причерноморья «сделали картину вечной скифской зимы как бы канонической». Сосланный в Томы, Овидий писал в Рим, что «его заставили жить на самом конце земли, в крайних пределах ледяной Скифии, под ледяной осью Медведицы» [Куклина, 1985: 162-163].

низовьях реки находилась упоминаемая Геродотом священная роща Гилея и где к западу от Днепра жили скифы-пахари, среди которых только и могла сложиться легенда об упавших с неба земледельческих орудиях. Но это сведение противоречит известию самого Геродота, по которому скифы переселились в Причерноморье из Азии и изгнали первоначальных его обитателей киммерийцев.

В дискуссии о культуре и вопросах этнического состава населения Скифии в разное время были вовлечены Б.Н. Граков, А.И. Мелюкова, М.И. Артамонов, Б.А. Шрамко, Б.А. Рыбаков, В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин и др. [Ильинская…, 1983: 12-14]. Границы Скифии, которые были определены Геродотом как квадрат (своего рода мандала, культурная модель пространства), вызывали соответствующий скепсис у последующих исследователей: «Строго геометрическое построение фигуры страны и равенство всех ее границ не позволяют серьезно оперировать с таким представлением» [Граков, 1971: 15][132]. В этой связи предположение М.И. Ростовцева по данному вопросу выглядит логичным и аргументированным. Оно касается распространения курганных погребений определенного типа, что связывается им с наличием сильного и единого скифского государства [Ростовцев, 1989: 201]. Говоря о Пиндаре, М.И. Ростовцев вспоминает его слова о наличии у скифов обедневших и неполноправных прослойках населения. В контексте со скифами упоминаются и другие античные авторы: Фукидид, Аристотель, Ксенофонт. О рабстве и других формах классовой зависимости в скифском мире писали Аристофан, Андокид и другие[133].

В VI-V вв. до н.э. в греческом мире появились логографы–основоположники греческой (ионийской) научной прозы. Как считают

---

[132] Ср. представление о земной суше в форме прямоугольника, окруженного океаном, в текстах многих развитых народов древности. Речь здесь идет о географии мифологической.

[133] С информацией древних о том, что скифы считают какие-то народы **своими рабами** и т.п., надо быть осторожнее и *не воспринимать это буквально*. У евразийских кочевников до конца средневековья было принято называть племена данников своими рабами (что никак не соответствовало греко-римским представлениям). Оседлые народы воспринимались как рабы даже независимо от их подчинения: как рабы земли и властей (не могут все откочевать ночью от плохого правителя, вынуждены мучить своими плугами тело Матери-Земли, совершая великий грех и т.п.).

специалисты, по своему методу и целям, не говоря уже о преемственности, и зависимости друг от друга, логографы представляли единое направление [Доватур, 1957: 11], что было осознано еще в древности. Вершиной развития ионийской научной прозы считается труд Геродота – единственное полностью (или почти полностью) уцелевшее произведение ионийской историографии. Для исследователей истории культуры, религии и быта скифов «История» Геродота, в частности книга IV – «Скифский логос», является уникальным и бесценным источником. Не удивительно, что из всех античных авторов М.И. Ростовцев (как, впрочем, и известный советский антиковед Д.П. Каллистов и многие другие) особенно чтил Геродота, называл его непревзойденным писателем, а его «Историю» – бессмертным творением [Ростовцев, 1993: 193][134]. Ученый подчеркивал, что именно Геродотом была создана картина древнего мира, которая остается единственно цельной и связной, а историческая, этнографическая, географическая картина древнего Причерноморья, установленная Геродотом и другими, преимущественно ионийскими авторами раннего времени «сделалась раз и навсегда канонической» [Ростовцев, 1925: 3].

В.Ю. Зуев считает, что еще в 1917-1918 гг. М.И. Ростовцев сформулировал своеобразную концепцию интерпретации текстов Геродота, суть которой заключалась в следующем: «текст Геродота – это прежде всего источник, сохранивший в себе частицы той ионийской литературы, которая наиболее полно за все время существования античной цивилизации отразила в себе историю и культуру Скифии» [Зуев, 1989а: 25]. В сопоставлении материалов своих предшественников со своими личными впечатлениями и оценками изменившейся действительностью его времени заключалась, по мнению М.И. Ростовцева, главная специфика произведения Геродота как исторического источника [Зуев, 1989: 25]. Подобный подход к произведению Геродота позволил М.И. Ростовцеву расчленить его повествование, в частности

[134] Геродота активно стали критиковать уже при жизни. Изрядно ему досталось за легковерие и др. от самого великого историка Греции – его младшего современника Фукидида. А создатель жанра биографий – Плутарх Херонейский – оставил нам специальное сочинение «*О злокозненности Геродота*».

«Скифский логос» на разные пласты, и исходя из этого использовать сведения Геродота для освещения разных аспектов культурной истории скифов и припонтийских греков. Согласно ему, «такой аналитический подход к тексту Геродота давал, во-первых, возможность вычленить хронологически и предметно единые фрагменты знаний по древней истории Скифии, а во-вторых сочетать эти систематизированные сведения «отца истории» с данными археологических источников» [Зуев, 1989а: 25].

Вместе с тем, М.И. Ростовцев подходил к наследию великого историка весьма критически. Он подчеркивал свойственное «Отцу истории» селективное отношение к собранному материалу, и в качестве иллюстрации к сказанному привел пример тенденциозного умалчивания им сведений о Боспорском царстве, а также тот факт, что при сборе сведений Геродот отдавал предпочтение той информации, которая бы удивила его соотечественников. Кстати, это свойство Геродота подчеркивали не только последующие исследователи, но и его современники, в частности Фукидид, Аристотель, Плутарх [Лурье, 1947: 130, 151, 153, 161-202]. Трудность отделения лично полученной Геродотом информации от старых литературных сведений также подчеркивалась академиком [Ростовцев, 1993: 59].

Последующие исследователи наследия Геродота подтверждают факт его посещения Ольвии. С.Я. Лурье отмечает, что именно в Ольвии Геродот собрал почти весь материал о Скифии: «если он ходил вглубь Скифии, то лишь на небольшие расстояния от морского берега» [Лурье, 1947: 16]. Археологические раскопки в Ольвии последнего времени показали, что описание города, сделанное Геродотом, в основе своей корректно и соответствует действительности [Борухович, 1993: 485]. Таким образом, чем ближе к собственно Греции, тем больше доверия вызывает его информация, ну а чем дальше от нее – тем чаще она нуждается в соответствующей коррекции.

В череде авторов, писавших о Скифии, после Геродота был и Псевдо-Гиппократ, автор трактата «О воздухе, водах и местностях», написанном во второй половине V в. Он дает довольно подробное описание облика скифов:

«Скифы отличаются толстым, мясистым нечленистым, сырым и немускулистым телом; живот у них в нижней части отличается более чем у кого-либо другого чрезвычайным изобилием влаги... Благодаря тучности и отсутствия растительности на теле [скифы] похожи друг на друга, мужчины на мужчин, женщины на женщин. ... Скифское племя – рыжее» [Ps. - Hippocr., 26-28; Латышев В.В. ВДИ. 1947 №2. С. 296]. Именно это описание физического облика скифов, равно как и свойственные им обычаи, присущие кочевникам, дали основание некоторым ученым считать скифов монголами, или же одним из тюрко-татарских племен, перекочевавших из внутренней Азии в Северное Причерноморье [История ..., 1939: 219]. Трактат Псевдо-Гиппократа представляет интерес и с точки зрения дополнения сведений Геродота о скифских энареях, о савроматах и их локализации, о положении женщины-савроматки. Не менее ценна его информация о скифских перекочевках, о зависимых от скифов племенах, о наличии в Скифии имущественной дифференциации. Однако, как отмечает М.И. Ростовцев, весьма близкие к реальности материалы Геродота и Псевдо-Гиппократа отличаются разной трактовкой и разным ракурсом взгляда на скифов и окружающий их мир. Если Геродот давал пространный обзор географии, истории, достопримечательностей и обычаев скифов и соседних племен с целью «познакомить с ними своих читателей», то, по Псевдо-Гиппократу «скифы важны лишь постольку, поскольку детальное знакомство с ними автора и тогдашней науки вообще давало возможность проследить на них лучше, чем на ком-либо другом, влияние климата и местности на внешний вид, быт и характер отдельных населяющих вселенную племен» [Ростовцев, 1925: 85]. Некоторые антиковеды были настроены критически к Псевдо-Гиппократу. В частности, Д.П. Каллистов выступал против преувеличения роли его трактата как источника по истории Скифии, на том основании, что его рассуждение о влиянии климата на организм является «схоластическим и надуманным» [Каллистов, 1945: 185-186].

И все же и Геродот, и Псевдо-Гиппократ старались дать максимально близкую к действительности картину, чего нельзя сказать о других авторах, таких, как Гесиод, или Эсхил, которые со свойственным поэтам стремлением к приукрашиванию, были, не вполне точны в описаниях, к чему, собственно и не стремились. В критическом обзоре литературы древних о скифах М.И. Ростовцев отмечал Гелланика Митиленского (491-405 гг. до н.э.), предлагавшего «включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную роль в истории мировой культуры», и Фукидида (ок. 460 – ок. 400 гг. до н.э.), который, в отличие от Геродота, был более требователен к источникам, и имел более определенное и точное представление о политической мощи скифов и уровне развития их культуры [Ростовцев, 1925: 86-87].

Интерес к скифам в V-IV вв. до н.э. в античном мире был настолько высок, что уже к середине IV в. до н.э. на фоне кризиса, который все больше охватывал и Элладу, усиливается тенденция к идеализации скифов и далеких северных варваров. «Идеализирующая» традиция получила новый импульс для развития в историографии и литературе. Согласно ей, кочевники-варвары представлялись свободным, лишенным недостатков городской жизни, а потому непобедимым [Перевалов, 2015] и счастливым племенем земледельцев и скотоводов, которые живут в гармонии с природой, противопоставлялись при этом грекам, погрязшим во всевозможных пороках – лени, стяжательстве, сутяжничестве [Виноградов, 2023: 25]. Эта тенденция особенно сильно проявилась в трудах древнегреческого историка Эфора (405-330 гг. до н.э.). В своем главном труде «История», включающем тридцать томов, к сожалению, не дошедших до нас, и известному по Диодору Сицилийскому, он изложил историю всего греческого мира, в том числе и греческих колоний, и их соседей, в частности скифов. М.И. Ростовцев писал, что Эфор, «спеклируя на плохом знакомстве своих современников со скифами и на отсутствии живого к ним интереса, создал из этнографического материала ионийских авторов ряд идеализирующих образов отдельных диких народов. Для этой цели Эфор использовал преимущественно скифов, создав из них тип идеальных номадов,

которым он противопоставил становившихся хорошо известными грекам того времени диких и грубых савроматов» [Ростовцев, 1925: 6]. Он называл скифов господствующим элементом, заполнившим весь северо-восток тогдашнего известного ему мира. Эфор был хорошо знаком со скифским бытом, во всей его дикости и неприглядности, но считал эту картину односторонней. Его интересует другая проекция, та, которая вытекает из интерпретации иллюзорного мира Гомера и Гесиода. Успех имели не реальные картины Эфора, а картины быта отвлеченных, идеализированных скифов. Его идеализированные скифы оказались необычайно живучими [Ростовцев, 1925: 88]. Эфор усмотрел у скифов социальную утопию, связанную с представлением о «золотом веке», сделал их «непобедимыми», приписал изобретение гончарного круга и двузубого якоря. Более того, Эфор сопоставил «идеальный обзор справедливейших скифов» варварским людоедам-савроматам, «находящимся в рабстве у женщин, между тем, как у скифов наблюдается только равноправие полов» [Ростовцев, 1925: 91]. Попросту говоря, Эфор под влиянием этической доктрины стоиков нарисовал не реальную, а идеализированную картину скифов-варваров, не испорченных разлагающим воздействием цивилизации [Ростовцев, 1925: 88-96]. Следует Эфору и Посидоний. В его представлениях скифы также предстают добродетельными номадами, живущими «согласно законам природы, вне пагубного влияния культуры» [Ростовцев, 1925: 6].

Однако у этой истории была и обратная сторона. Филострат Старший (III в. н.э.) в своих «Рассказах о героях» приводит легенду об Ахилле, в которой амазонки[135], захватившие в плен купцов, перевозивших товары «из Понта в Геллеспонт… некоторое время кормили их связанными у яслей, чтобы потом перевезти за реку, и продать людоедам-скифам» [Шауб, 2020: 61]. Наряду с идеализацией, скифы воспринимались и как яркий пример дикости, того, что греки с ранних пор именовали βάρβαροι / *barbaroi* – приверженцы жестоких законов, людоедства и снимания скальпов, равнодушия к гигиене, отсутствия

[135] Согласно Геродоту [Hdt, IV, 109], скифы называли амазонок «эорпата», что значит «мужеубийцы».

бытовых удобств и терпимости к чужим обычаям и т.п. В отношении «скифов» Европы, включая славян, этот стереотип бытовал до Нового времени.

Много ценного о скифах и сарматах содержится в «Географии» Страбона (64/63 до н.э. – 23/24 н.э.), написанной до самого конца I в. до н.э. В своем описании кавказской Иберии он, помимо прочего, сообщает, что горную часть этой страны занимают «простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием» [Strabo, XI, III, 3]. И все же, по мнению М.И. Ростовцева, некоторые данные Страбона с трудом поддаются точному хронологическому приурочению. Страбон компилировал самые разновременные источники, известные ему прямо или из вторых, даже третьих рук. Заостряя внимание больше на негативных аспектах в трудах Страбона, М.И. Ростовцев видит в нем, прежде всего, компилятора, внесшего лишь немного своего и не отличавшегося талантом [Ростовцев, 1925: 41][136].

Историю скифов с древнейших времен вплоть до эпохи наследников Александра III Македонского можно поделить на два основных этапа: архаический и «геродотов» («классический»). В первый период внимание привлекали азиатские походы, экспансия в Северное Причерноморье, военное противостояние с персами (главным образом с Дарием I), мудрость царевича Анахарсиса, позже – «эллинофильство» царя Скила, борьба Атея с Филиппом II и др. По совокупности событий политическая и даже культурная история скифов представлялась подчас не менее яркой и богатой на события, чем история соседних с ней царств – Персии, Ассиро-Вавилонии, Египта. Однако отсутствие письменности у скифов (они, как и многие окружающие «варвары», во внешних делах, вполне возможно, пользовались греческим письмом) привело к тому, что с историей Скифии или, лучше сказать – с ее эпизодами, часто становившимся легендами, как древний мир, так и современная наука имели возможность ознакомиться только со слов их соседей – античных

[136] М.И. Ростовцев не вполне объективен к ценности труда Страбона, явно увлекаясь античной традицией, которая его, в отличие от современных ученых, не ценила.

писателей. Естественно, что это был внешний взгляд со стороны «иных». Сегодня трудно согласиться с идеей, что из античных авторов наиболее полно политическая история скифов была освещена Помпеем Трогом (I в. н.э.), основным трудом которого считается «Филлипова история» *(Historiae Philippicae)*, и Полиэном (II в. н.э.), автором сочинения «Военные хитрости» (греч. *Στρατηγήματα*). То, как первый описывал историю Скифии, говорит о том, что Трог явно испытывал симпатии к скифам [Ростовцев, 1925: 118].

Из более поздних авторов, писавших о «скифах», следует назвать сатирика Лукиана Самосатского (II в. н.э.), писавшего, в том числе и об их социальной истории. Несмотря на «литературность» его диалогов, они содержат важнейшие этнографические подробности, внушающие определенное доверие к использованным сатириком более ранним источникам, пусть и переработанным им в соответствии со своими целями. По М.И. Ростовцеву, «доминирующей ноткой» его трактатов, посвященных скифу Токсарису («Токсарис или дружба», «Скиф или Проксен» и т.д.), «является противопоставление скифской свободы, очевидно, рабству эпохи эллинизма и римской империи, политическая идеализация скифов» [Ростовцев, 1925: 11-12]. Подробный анализ творчества Лукиана позволил М.И. Ростовцеву заключить, что при составлении своего рассказа со скифскими героями он использовал историко-этнографический материал из старой эллинистической литературы, «но весь этот материал переработал по-своему в духе новеллы, не стремясь к исторической точности, а, только желая произвести общее впечатление соответствия своего рассказа тому, что публика вообще знала или могла знать о скифах и их соседях» [Ростовцев, 1925: 108]. Но сегодня ясно, что под «скифами», жившими у Кавказа рядом с аланами, Лукиан подразумевал на деле прикубанских сарматов-сираков в событиях I в. н.э., все называемые там «скифские» обычаи известны на деле лишь у сарматов, а его важным источником было современное ему боспорское сочинение [см., например, Яценко, 2024].

В числе прочего Лукиан касался культуры и быта сарматов и аланов – сведения, которые, как полагал М.И. Ростовцев, не взяты из какого-то

географического трактата. По его мнению, писатель, приближенный к правящей римской элите, «не раз слыхал и читал об аланах и сарматах, которые чем дальше, тем больше делались центром римской политики на Балканском полуострове, в Крыму и на Кавказе» [Ростовцев, 1925: 57].

Многие географические и исторические детали, приводимые Лукианом, однако, мало соответствуют эпохе эллинизма. Лукиан часто использовал этноним «скиф» в обобщающем плане, как квази- или гиперэтноним. В частности, он упоминал и об аланах, которые появились на исторической арене лишь в I в. н.э. Не подтверждается мнение Б.Н. Гракова, что «описания некоторых скифских обычаев у Лукиана, по меньшей мере, современны Геродоту, а отчасти восходят к каким-то другим столь же древним источникам» [Граков, 1971: 9]. Подчеркивая особую ценность труда Лукиана, М.И. Ростовцев обращает внимание на сложность и трудность его восприятия, сводящие к тому, что «реальные черты быта не основаны ни на реальном знании географии и этнографии, ни на стремлении дать исторически реальную картину. Эти реальные черты утопают в массе нереальных деталей новеллистического характера» [Ростовцев, 1989: 196]. Сегодня и с этим заключением знаменитого ученого трудно согласиться. М.И. Ростовцев упоминает также римского поэта Гая Валерия Флакка (I в. н.э.), его поэму «Аргонавтика», или *«Argonauticon libri octo»*, в которой описывается, в т.ч., война Фракии со скифами за обладание золотым руном [Ростовцев, 1925: 57]. В этом произведении есть интересные моменты для историка и фольклориста, но сюжеты из ранних скифских генеалогических легенд смешаны здесь с современными ему аланскими и т.п.

Подводя итог обзору работ античных историков, посвященных скифам, М.И. Ростовцев обратил внимание на следующую закономерность: большинство сочинений и трактатов о скифах было написано в период наибольшего политического влияния Скифии. Но, уже начиная с эпохи Александра Македонского, Скифия как серьезный политический фактор в истории античного мира постепенно сошла с исторической арены, и, как в

случае с Тавро-Скифией, стала представлять интерес только в локальном масштабе, для историографии Боспорского царства и позднего Херсонеса.

В кратком обзоре историографии вопроса ученый упоминал также своих современников – известного германиста К. Мюлленгофа, а также А. фон Гакстгаузена и Т. Моммзена. М.И. Ростовцев высоко ценил те разделы монографии К. Мюлленгофа, в которых он серьезно и основательно проработал часть географических источников начиная с древнейших, и заканчивая позднейшими временами. Ученый отмечал работу А. фон Гутшмидта, в частности его труд «Граница между древностью и Средневековьем», изданный в 1863 г., где автор разобрал материал, который касается древнейшей истории скифов.

К скифам, как самому древнему народу, подробно описанному для территории Европейской России, проявляли большой интерес российские ученые – предшественники М.И. Ростовцева. Первым среди них был Ф.З. Бауер, опубликовавший в сборнике «Краткое описание комментариев Академии наук на 1728 год» составленном из переводов статей российских академиков, написанных ими в 1726 г. для *«Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae»*, небольшую статью под названием: «О месторасположении Скифии, каково было в лета Геродотовы». Наиболее крупным исследователем историографии античных авторов принято считать русского историка В.В. Латышева, который в 1890-1906 гг. издал в Санкт-Петербурге двухтомный труд (из нескольких выпусков) под названием «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». В 1947-1949 гг. журнал «Вестник древней истории» переопубликовал эту работу, снабдив ее соответствующими комментариями. М.И. Ростовцев обратил внимание на некоторые ее недостатки, в частности отсутствие указателей, но отметил при этом, что двухтомник В.В. Латышева становится настольной книгой для всех, кто, так или иначе, причастен к древней истории юга России. Упоминает ученый и работу Ю.А. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (1899). М.И. Ростовцев подвергает

слишком суровой критике обоих первых серьезных исследователей скифов – И.Е. Забелина и А.С. Лаппо-Данилевского, которые в своих работах, на его взгляд, механически свели материалы археологических раскопок со сведениями Геродота. Наиболее полно свое критическое отношение к такому малопродуктивному подходу ученый выразил в рецензии на книгу английского антиковеда Э. Миннза «Скифы и греки» [Ростовцев, 1913: 173-194]. При этом, уже к 1917-1918 гг. у М.И. Ростовцева оформилось своеобразное видение геродотовских текстов. Почтительное восприятие Геродота как «отца истории», широко распространенное тогда в научном сообществе, напрочь им отвергалось. Геродот в понимании М.И. Ростовцева был «прежде всего, одним из наиболее сохранившихся звеньев единой цепи писателей, составляющих единую ионическую литературную традицию» [Зуев, 1989: 24], без общего понимания которой не представляется возможным достоверная трактовка его текстов.

Историк-античник М.И. Ростовцев понимал значимость «иранства» (как Ирана, так и оседлого иранского населения Средней Азии и кочевой Степи) как исторического и социокультурного явления, оказавшего заметное влияние на народы, ставшие частично наследниками этой группы культур, подвергшиеся в разной степени иранизации. В частности, в научный оборот ученым был введен тезис, согласно которому история славянства, следовательно, и история России, начинается с происходившего в Северном Причерноморье синтеза иранства и собственно греческой культуры. М.И. Ростовцев видел связь истории Скифии и Древней Руси, считая наследие скифов неотъемлемой предысторией и восточнославянской культуры. Отчасти это было обусловлено его поиском предтечи Руси-России в античности, по аналогии с Элладой и Римом для Южной и Западной Европы. Тезис, согласно которому «связь между эллинами и иранцами… определяет собой культурные особенности жизненного уклада того, что позднее сделалось Россией» [Ростовцев, 1918а: 7], стал основой одной из его важных концепций. Убежденный монархист М.И. Ростовцев хотел видеть в описываемой им Скифии некие очертания будущей российской

государственности, основа которой была заложена в глубокой древности. Подобный взгляд породил стремление к неоправданному усложнению общественного строя скифского общества, которое не подтверждено археологией и связанными с нею дисциплинами.

Тома, которые впоследствии были посвящены скифам, перевешивают попытки М.И. Ростовцева рассказать свою историю Скифии – опирающуюся на описание Геродота и других античных авторов, но еще почти лишенную огромной фактологической базы современной археологии, «разбитую» на ряд узких специализаций, в которых имеет значение все, вплоть до временного интервала в четверть столетия, но лишенную при этом некоторых важных ныне терминологических дефиниций, таких, как «архаические» и «классические» скифы-сколоты, «кочевая империя», «седентаризация», различия между геродотовскими савроматами и известными позже сарматами и т.д. Явная модернизация присутствует и в терминах, которые использует М.И. Ростовцев: «государственность», «помещики», «дружинники», поиск локализации «амазонок». Всего этого, конечно же, в Скифии не было. Однако своеобразное продолжение в доктрине советских ученых о «кочевом феодализме» его взгляды получили в первой половине 1930-х гг. Исходно сформулированная на материале этнографической экспедиции 1920-х гг. по киргизам П. Погорельского и В. Батракова, она получила свое оформление в известной монографии Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» [Владимирцов, 1934].

Для нас важно, что *М.И. Ростовцев был первым, кто попытался обобщить и систематизировать весь материал по древним иранцам Европейской Степи*, который был известен ученым на рубеже XX столетия. Именно этим и важна его небольшая книга-очерк «Эллинство и Иранство на юге России», которая была издана в 1918 году в Петрограде, и в которой ясно изложен его взгляд на историю и культуру скифов. Основная ценность этого краткого очерка состоит в том, что, несмотря на предельную скудность источниковой базы, он был первым: ни до нее, ни долгое время после, разработке тематики иранской

компоненты в южнорусских степях и Северном Причерноморье не был посвящен ни один фундаментальный научный труд[137]. Книга была написана автором в самом расцвете творческих сил. Несмотря на небольшой объем, значимость ее для науки велика. Э.Д. Фролов особо отмечал у него наблюдения о яркой оригинальности скифской культуры, плодотворности греко-скифского синтеза, особенно для Боспора [Фролов, 1990: 157]. Представление о том, что культурные достижения Боспора даже превосходили восточноэллинистические, является явным преувеличением и отчасти искажением, если воспринимать эллинизм только как культурный синтез с варварами и только под властью греков. В этой монографии, как и в других ранних работах первого, русского периода ученым воссоздается значимость ираноязычных народов, в частности скифов, в истории южнорусских степей, а также история юга России, начиная с момента появления здесь скифов в первой половине VII вв. до н.э., почти тогда же (с середины столетия) – начала греческой колонизации (Березань, Таганрогское поселение), и заканчивая серединой III в. н.э., когда вместе с вторжением в регион германских племен, смут на Боспоре и действий Кавказской Алании, в ходе Скифских войн (239-276 гг.) вместе с падением бывшего г. Неаполя Скифского (на позднем этапе – уже неукрепленного варварского поселения) был положен конец «позднескифской культуре» Крыма[138].

В «Эллинстве…» дается общий и достаточно популярный обзорный очерк истории народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху, рассказывается как о ранее заселивших эту территорию меотах, так и о мигрировавших сюда скифах, малоазийских греках и позже – сарматах. При этом автор книги описывает установившиеся между ними разноплановые контакты и культурное взаимодействие. Эта книга является обобщением ранее накопленных наукою данных и итогом научно-исследовательской работы

[137] Исключением во многом является диссертация Ю.М. Десятчикова [Десятчиков, 1974]. К сожалению, ее автор вскоре умер и не успел издать рукопись в виде монографии. Большая специальная работа о сарматизации Боспорского царства тогда плохо вписывалась в преобладающие концепции как античников, так и сарматологов, и почти сразу была незаслуженно забыта.

[138] Об активности аланов в это время см.: Зайцев, 1994: 45; Зайцев, 2003; Яценко, 1997; Щукин, 2005: 422.

ученого в скифологии в досоветский период. М.И. Ростовцев разобрал и проанализировал в этом труде доступные виды источников – литературные, эпиграфические, нумизматические, археологические и дал им оценку в свете последних достижений исторической науки в области антиковедения начала XX в. Эту особенность рассматриваемой книги ясно выразил М.И. Артамонов: «В лице Ростовцева собственно история, имевшая дело с письменными источниками, и археология, обращающаяся к вещественным останкам прошлого, пришла к единению, какого еще не знала наука о Северном Причерноморье» [Артамонов, 1947: 68-69]. Для скифологии и сарматологии эта работа стала важным рубежом.

Несомненную ценность для науки представляет и другой фундаментальный труд М.И. Ростовцева – «Скифия и Боспор», который был подготовлен к изданию уже в 1918 г., однако по различным обстоятельствам опубликован лишь семь лет спустя, в 1925 г. (переведен на немецкий язык в 1931 г., переиздан в России в 2013 г.). В книге автор раскрыл и проиллюстрировал взаимодействие Боспорского царства с близлежащей Ойкуменой, прежде всего со скифами. Как отмечено в предисловии подготовившего книгу к публикации академика С. Жебелева, издание это «по богатству, разнообразию, систематике и критической оценке привлеченного и рассмотренного в нем материала будет, думается, служить настольною книгой для всякого исследователя, интересующегося судьбами Скифии и Боспора» [Ростовцев, 1925: IV]. В завершенной первой части книги М.И. Ростовцев подвел итоги всей научно-исследовательской работе в области истории скифов вплоть до начала XX века. Книга получила лестную характеристику и других специалистов. Академик Фролов отмечал: «Его источниковедческие штудии по античному Причерноморью и среди них, в особенности «Скифия и Боспор», являют собой сокровищницу драгоценных мыслей, проливающих свет не только на значение тех или иных конкретных исторических данных, но и на более общие аспекты античных традиций» [Фролов, 1990: 163].

История написания этой книги заслуживает отдельного внимания. Михаил Иванович планировал выпустить ее в двух томах. После широкого источниковедческого вступления первой части, часть вторая, по задумке ученого, должна была описать историю, религию и культуру Боспорского царства, скифов, сарматов. К сожалению, работа над ней так и не была завершена, хотя «следы» будущей книги впоследствии все же проявились. В 1988 г. И.В. Тункина обнаружила в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН план всего издания двухтомника М.И. Ростовцева, который состоял из четырех разделов. Тогда же при работе с материалами М.И. Ростовцева в Историческом архиве Санкт-Петербурга В.Ю. Зуевым были найдены фрагменты глав его рукописи, свидетельствовавшие о серьезных намерениях написания второй части [Скифский роман, 1997: 308]. Это были: глава II «Доисторические и протоисторические памятники»; глава V – «Государство, религия и культура скифов и сармат»; глава VI – «Государство и культура Боспорского царства». Исходя из контекста V главы, между II и V главами предусматривались главы о политическом строе Скифии [Ростовцев, 1993: 192]. Особо интересующая нас глава V дошла до нас не полностью. Она содержит лишь введение (обзор литературных источников и обобщений, анализ археологических материалов) и текст, рассказывающий о государственности скифов. В ней отсутствует описание религии и культуры скифов и сарматов, недостаточно сказано и об их предполагаемой государственности. Судьба утерянного материала остается неизвестной. Остается лишь благодарить редакцию журнала «Вестник древней истории» за публикацию сохранившихся глав (ВДИ, 1989. № 1). Соответствующие сопроводительные статьи в номере при публикации материалов М.И. Ростовцева предоставили В.Ю. Зуев и В.И. Кузищин. В целом же публикация неизданных глав «Скифии и Боспора» имеет не только историографическое значение: «Сила научного анализа М.И. Ростовцева оказалась таковой, что ему удалось сформировать ряд принципиально новых положений о государственности и социальном строе скифов, которые в дальнейшем вошли в научный обиход и по сей день остаются значимыми и

оригинальными» [Кузищин, 1989: 207]. Следует также отдать должное редакции журнала «Вестник древней истории», который, начиная с середины 1980-х годов уделяет большое внимание научному наследию Михаила Ивановича. Журнал публикует его неизданные труды, рецензии на его работы, а также подробные биографические материалы о самом ученом. В целом же, рассматриваемые монографии М.И. Ростовцева, «вместе с его же трудами по вопросам скифского искусства, представляют весьма важный рубеж в истории науки о скифах. Они завершают длинный путь исследований, шедших по разным направлениям, и представляют собой обобщение всех ранее накопленных наукой данных» [Артамонов, 1947: 68]. Раскрываемая М.И. Ростовцевым тема касалась не только эллино-скифских отношений. Ученый также исследует и контакты скифов с кельтскими племенами, которые в IV-III вв. до н.э. частично обосновались на Балканах [Еременко, Зуев, 1989: 110-112].

Но еще до «Эллинства…» и до «Скифии…» М.И. Ростовцев планировал написать на немецком языке[139] книгу «Очерки по истории Сарматского и Боспорского царства», о чем и сообщил в письме от июля 1913 г. Эд. Миннзу, с просьбой выслать ему экземпляр только изданного тома *“Scythians and Greeks”* [Скифский …, 1997: 307]. Работа эта так и не увидела свет в связи с Первой Мировой войной, но идея М.И. Ростовцева воплотилась в других важных проектах, о которых говорилось выше.

В 1997 г. в Москве вышла книга «Скифский роман» под общей редакцией академика Г.М. Бонгард-Левина. Объемный том представляет собой архивное наследие М.И. Ростовцева, сохранившееся в российских, американских и европейских фондах, рассказывает о его взаимоотношениях с такими учеными и писателями, как Н. Кондаков, С. Жебелев, Г. Вернадский, В. Набоков, И. Бунин. В книге описаны жизнь и творчество ученого в России и эмиграции, представлены его эпистолярное наследство, и неопубликованные лекции. Подача этого труда весьма оригинальна, поскольку через материалы

[139] До начала Второй мировой войны немецкий язык был едва ли не главным языком антиковедения, на котором писалось большинство научных статей и монографий. Русское антиковедение формировалось под сильным влиянием немецкой науки по классической древности.

эпистолярного характера, через его письма пред нами предстает во всей полноте образ замечательного русского ученого и интеллигента М.И. Ростовцева. Он представляется в них как очень эмоциональный человек, с присущими ему переживаниями, склонностями, метаниями, помыслами. Утонченно чувствительный характер этой широко одаренной натуры проявил себя во всех сферах, с которыми он соприкасался: на педагогическом, общественном и культурном поприще. Не мог он не отразиться и на его научном творчестве, на взаимоотношениях с его таким же, как он сам неординарным окружением.

Наследию М.И. Ростовцева в последнее время уделяется, как уже отмечалось, большое внимание. В данной главе представлен обзор и критический анализ его трудов по «иранцам», в частности по скифам, сарматам и аланам, в контексте общей проблемы историков-эмигрантов первой половины XX в., частично оторванных от научной базы, оставшейся в России. Античника М.И. Ростовцева «иранство» интересовало, прежде всего, во взаимосвязи с античностью, что давало ему возможность привязать историю Юга России к классической древности через Скифию и Барбарикум. Стоит подчеркнуть его провидческий талант и прозорливость как ученого, который сформулировал ряд важных положений по истории и археологии кочевых народов древности, оказавшихся в европейской Степи[140]. Можно считать, что основными препятствиями для тогдашних исследований ранних кочевников были не малое число методических разработок по исследованию археологических памятников [см.: Самоквасов, 1878; Спицын, 1895; Сорокина, 2018], и не завышенное доверие к информации, изложенной у некоторых древних авторов (к примеру, к «Истории» Геродота) при скептическом – к другим (Страбону, Плинию, Аммиану), а слабые знания тогдашних историков о хорошо документированных средневековых и новейших кочевых обществах прошлого,

[140] В позднеимперский период археологическое изучение кочевников Центральной Азии только зарождалось, и по ним еще не имелось серьезных обобщающих работ. Начало исследованиям пазырыкской культуры Алтая положили раскопки акад. В.В. Радловым в 1865 г. Катандинского и Берельского курганов. В исследовании петроглифов скифской и хуннской эпох Южной Сибири большую роль сыграли экспедиции А.В. Адрианова в начале XX в.

об их экономике, социальном строе и т.п. и недостаток понимания их довольно устойчивой специфики, неумение выявить археологические признаки типичных для них миграций [Клейн, 1999] и в целом – увлечение поисками преемственности и недооценка миграций в кочевом мире (последняя характерна до 1950 г. и позже в рамках «учения акад. Марра»). При этом критическое отношение к историческим источникам позволило М.И. Ростовцеву вполне адекватно интерпретировать многие исторические процессы в северопонтийском регионе.

3.3. Доскифский и догреческий юг России

Монография М.И. Ростовцева «Эллинство и иранство на юге России» начинается с небольшого предисловия, в котором автор акцентирует внимание на роли юга России в истории мировой культуры. Установление взаимосвязи и преемственности эпох, эллинистической и иранской со славянской и впоследствии русской, и является основной идеей написания его труда. Автор сетует: «мы чрезвычайно мало знаем и очень мало интересуемся нашим прошлым, особенно тем прошлым, которое не кажется, на первый взгляд, связанным с нашими судьбами» и задается вопросом: «какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем, с нашей историей и нашей культурой?» [Ростовцев, 1918: V].

Но прежде, чем перейти к истории появления ираноязычных племен и эллинов в Северном Причерноморье, автор с присущей ему основательностью исследует прошлое юга России, начиная с первых исторических сведений и характеристики археологических эпох до начала греческой колонизации. Обозревая доиранский (об «иранокультурности» степных племен бронзового века тогда еще речи не было) и догреческий период этой обширной территории с его богатым историческим и археологическим наследием, ученый представил

краткий экскурс в историю существовавших южнее культур Малой Азии, Закавказья, Северного Кавказа, Месопотамии и Хеттской державы. В основе своей положения и выводы академика не вызывают особых вопросов, и все же некоторые тезисы, которые касаются истории юга России в эпоху бронзы, нуждаются в комментариях, особенно в связи с ранним центром расселения скифов на Кавказе. К примеру, он пишет: «Вся богатейшая в Западной Европе эпоха развитого бронзового века на юге России представлена только немногими случайными находками, не позволяющими судить о господствовавших в это время культурных связях» [Ростовцев, 1918: 25]. Здесь стоит отметить, что уже с 1869 г. была открыта более богатая кобанская культура позднего бронзового и раннего железного веков с высокоразвитой металлургией и ремеслом, существовавшая с XIII-XII по IV вв. до н.э. и какое-то время довольно тесно связанная со скифами. В начале XX века, на основании лишь некоторого внешнего сходства кобанских древностей с более поздними вещами гальштатской культуры Дунайского бассейна, Г. Вильке и М. Герпес, объяснили достижения бронзы Кавказа массовым переселением дунайских племён металлургов. В 1935 году А.А. Иессену удалось показать беспочвенность этой версии [Иессен, 1935]. Сегодня ясно, что происхождение кобанской культуры является местным; именно наследники «кобанцев» стали тем автохтонным субстратом, который лежит в основе некоторых современных народов Кавказа, но, при этом, ни в одной своей работе М.И. Ростовцев не упоминает о самобытных кобанских артефактах. Вполне возможно, что кобанская культура не вызывала у него соответствующего интереса, так как не рассматривалась им в контексте иранства и иранизированных обществ.

В древности в регионе, охватывающем бассейны впадающих в Черное, Азовское и Каспийское моря рек развивались яркие исторические события. Подчеркивал геополитическую значимость региона и М.И. Ростовцев, особо выделяя взаимоотношения с Востоком, в том числе и Месопотамией [Ростовцев, 1918а: 2]. Сегодня наши сведения относительно ранних связей Северного Кавказа с Месопотамией куда более разнообразны. Еще в 1897 г.

Н.И. Веселовский впервые исследовал Большой Майкопский курган, открыв *майкопскую археологическую культуру* предгорий Северного Кавказа второй половины IV – начала III тыс. до н.э. Майкопская культура – еще один мощный металлургический и художественный центр – не имела прямого отношения к древним иранцам, но обладала многими признаками культуры ближневосточной, что подвигло многих ученых на поиски ее прародины. Версии были разные. В 1920 г. М.И. Ростовцев вслед за В.А. Городцовым, привязавшим культуру к Древней Месопотамии (1910), синхронизировал Майкопский курган с преддинастическим периодом в Междуречье, что помогло сопоставить майкопскую культуру с урукским периодом (в основном – IV тыс. до н.э.) в Южной Месопотамии [Кореневский, 2008: 78]. В 1956 г. автор «курганной гипотезы» М. Гимбутас сформулировала тезис о миграции представителей майкопской культуры с Ближнего Востока. Н.А. Николаева и В.А. Сафронов выдвинули версию семитоязычности носителей майкопской культуры, Т. Гамкрелидзе и В.В. Иванов видели в «майкопцах» ступень развития протоиндоевропейского сообщества, А.Д. Резепкин определял носителей майкопской культуры как индоевропейцев, а М.Р. Мунчаев отмечал особую близость майкопских древностей с памятниками Северной Месопотамии [Кореневский, 2008: 71-101]. Наиболее признанной в настоящее время является теория исхода части племен-носителей традиций урукской культуры с территории Северной Месопотамии, Сирии и Восточной Анатолии на Северный Кавказ, где и происходит формирование собственно майкопской культуры [Кореневский, 2004].

Южнорусские степи и Предкавказье поддерживали связи с культурой и древними цивилизациями Малой Азии и Закавказья именно через Кавказ, что и продемонстрировали исследования майкопской культуры. Население региона имело непосредственные контакты также и с восточной частью Европейского континента, а точнее, с севером Балканского полуострова и с югом Средней Европы. Последняя, в свою очередь, посредством Черного моря соединяет южнорусские степи с греко-латинским миром, что, естественно, отразилось и

на культурной карте юга России, где начали появляться «сильные государственные образования» [Ростовцев, 1918: 4-5], под которыми следует понимать «кочевую раннюю государственность» – термин, который в начале XX в. еще не был введен в научный оборот, и специфика которого была сформулирована гораздо позже.

3.4. М.И. Ростовцев об этногенезе киммерийцев и скифов

История любого народа неизбежно включает изучение его этногенеза. В нем, чем глубже в «древность», тем больше вопросов остается без ответа. Это касается и проблемы этногенеза скифов-сколотов, и основных группировок сарматов. Ни одна из смежных наук истории (археология, антропология и т.д.) пока не смогла внести ясность в этот вопрос. Загадкой остается и происхождение киммерийцев, которые предшествовали этим народам в Северном Причерноморье и южнорусских степях. Отсутствие достаточных объема и информативности источников, как письменных, так и археологических, не позволяют в полной мере осветить и понять процессы, связанные с происхождением этих народов.

Опираясь на античные предания, М.И. Ростовцев склонен был видеть в киммерийцах не иранцев, близких родственников скифов, а скорее племена, родственные предкам фракийцев, мигрантов с Востока, которые говорили на одной из ветвей индоевропейских языков. Греческие мифологические тексты об амазонках позволили ему предполагать вероятность родства киммерийцев наряду с фракийцами, и с амазонками [Ростовцев, 1918: 31], что, по сути, делает «мифическим народом» самих киммерийцев, несмотря на то, что этот этноним (в форме *gimir*) впервые упоминается в ассирийских текстах времен Саргона II (722-705 гг. до н.э.).

В отличие от «свидетельств» об амазонках, несмотря на различные свидетельства «выдающейся» роли женщин среди некоторых племен Северного

Причерноморья (синды), факт вытеснения или покорения киммерийцев скифами в VII в. до н.э., является неоспоримым [Ростовцев, 1918: 32]. Именно поэтому, исследуя историю Скифии, М.И. Ростовцев не мог не коснуться вопроса этногенеза киммерийцев; при этом обобщаемые им сведения об этих номадах, по сути, были первыми в отечественном антиковедении. Ученый пишет о местах их расселения, о походе в Малую Азию, о взаимоотношениях со скифами, воспроизводит мифы об амазонках, о вытеснении (покорении) их в конце VIII – начале VII в. до н.э. скифами.

В специальном разделе своей книги «Эллинство и иранство на юге России», посвященном киммерийцам и скифам, М.И. Ростовцев затронул вопросы взаимосвязи этих двух народов. Он считал киммерийцев близкими родственниками фракийцев, одной из ветвей яфетического племени, которые привнесли в Приазовье «первые элементы иранской культуры». В другом месте той же работы, со ссылкой на греческую легенду, Михаил Иванович еще раз повторил эту мысль, и дополнил ее мнением, что фракийские элементы могли быть привнесены в регион киммерийцами [Ростовцев, 1918: 30, 122, 59].

Излагая хронологию появления номадов в Северном Причерноморье и южнорусских степях[141], М.И. Ростовцев не мог обойти вниманием киммерийцев – согласно греческим авторам, коренных обитателей этих мест – как культуру, предшествующую скифской. Но сама киммерийская «проблема» так и не раскрылась ему до конца [Скифский роман, 1997: 312].

Киммерийские «дискуссии» пока еще не завершены. В разное время проблемой занимались такие ученые, как Эд. Миннз [Minns, 1913], Б.Б. Пиотровский [Пиотровский, 1944], А.П. Смирнов [Смирнов, 1966], Б.Н. Граков [Граков, 1971], М.И. Артамонов [Артамонов, 1974], А.И. Тереножкин [Тереножкин, 1976], Л.А. Ельницкий [Ельницкий, 1977], И.М. Дьяконов [Дьяконов, 2012], И.В. Куклина [Куклина, 1985], С.В. Махортых [Махортых,

[141] Классический номадизм («проблема ИКС» в раннесоветской науке) возник около 3000 лет назад, как только стала возможна верховая езда на лошади (изобретение в короткий срок простейших седла и уздечки, а позже – (спустя 1500 лет) – стремян). Основной выгодой от перехода оседлых скотоводов к сезонному кочеванию была, по Л.С. Клейну, выгода в ведении набегов и войн.

1994], А.И. Иванчик [Иванчик, 1996; 2001], С.А. Скорый [Скорый, 1999] и, конечно, С.Б. Вальчак [см., например, Вальчак, 2009]. Общий фон дискуссий долгое время был задан позицией некоторых историков. К примеру, И.М. Дьяконов считал, что никаких киммерийцев как особого этноса не существовало, что «киммерийцы» и «скифы» Геродота были передовыми отрядами двух разных конкретных скифо-савромато-сакских племен, хотя и близких по языку и культуре [Дьяконов, 2012: 355], и что термин «киммерийцы» вообще не являлся этнонимом, а означал «подвижной конный отряд» ираноязычного кочевого населения евразийских степей [Дьяконов, 2012: 352] (нечто подобное с 1985 г. сторонники А.О. Наглера пишут об аланах). Именно этим, согласно ему, и объясняется «невозможность» археологически отделить скифскую культуру от собственно киммерийской [Дьяконов, 2012: 352]. Единственный пункт, в котором большинство авторов парадоксально единодушны – индоевропейское происхождение киммерийцев, а также их принадлежность к иранской ветви языков, при том, что слов киммерийского языка практически не сохранилось [История …, 1987: 36].

Особняком стоит предположение о происхождении и изначальной локализации киммерийцев Т.М. Кузнецовой, которая этой темой почти не занималась. Согласно ей, страна Гамир локализуется в пределах Большого Кавказского хребта, а собственно киммерийцы были оседлым населением Кавказа – воинами-всадниками, носителями кобанской культуры. Она увязывает известные походы киммерийцев Лигдамиса на Ближний Восток с институтом *балц* – военных и грабительских походов, известных по осетинской Нартиаде [Кузнецова, 2024: 192-194]. Дополнительной аргументацией в пользу предположения Т.М. Кузнецовой может служить топонимия и гидронимия Кавказа[142].

[142] В частности, вторая по величине вершина Северной Осетии называется *Джимара* (Джимарай-хох, или Гимарай-хох, осет. Джимарайы хох) [Абаев, 1965: 125], у подножья которой расположен одноименный аул. В Осетии известен также топоним *Гуымирийы фæтæн* (просторы Гуымири) [Цагаева, 1971: 181], а одно из самых красивых ущелий Южной Осетии так и называется – *Дзимыр*. В осетинской Нартиаде нарты сражаются с *гумирами* – чудовищными семиглавыми великанами, грубыми и сильными, которые обитали в пещерах и неприступных крепостях и населяли землю до нартов [Нарты, 1957: 7, 396]. Понятие *гмири* – герой присутствует и в грузинском языке.

Этнолингвистическая принадлежность скифов у серьезных лингвистов не вызывала особых разногласий, хотя дискуссии об этногенезе этого народа, как и в случае с киммерийцами, в последние полтора столетия носили весьма оживленный характер. Опираясь, прежде всего на исторические свидетельства, и немногочисленные, но яркие артефакты, обнаруженные в скифских царских курганах, ученые рубежа XIX-XX вв. приводили различные, порой крайне противоречивые версии о месте и времени появления скифов в Северном Причерноморье. Археология все еще не была готова дать соответствующих ответов, поэтому споры об иранском, туранском, монгольском и «смешанном» (иранцы, туранцы и различные народы степи) происхождении скифов, как правило, носили схоластический характер. Всему этому способствовала и определенная недосказанность, которая исходила и от античных авторов, и толкование текстов которых каждым исследователем воспринималось по-своему. Ф.Г. Мищенко в статье «К вопросу о царских скифах» пришел к выводу о принадлежности основного населения Скифии как иранцам, так и алтайцам [Мищенко, 1884: 55-56].

В то же время часть русского научного сообщества середины XVIII-XIX вв. (М.В. Ломоносов, Е.И. Классен, А.С. Хомяков, В.И. Ламанский, Д.И. Иловайский и др.) не торопилось «отпускать» скифов, стараясь найти соответствующие параллели в славянской культуре и показать, что славяне были ничуть не моложе и не менее цивилизованными, чем народы Западной Европы. Академик А.С. Лаппо-Данилевский видел в скифах-пахарях славян, а Д.И. Иловайский, причислявший к славянам и Ахиллеса, настаивал на связи термина *«русь»* с Азово-Черноморской Русью, где якобы когда-то обитали «славяне-роксоланы» [Шнирельман, 2015: 106]. Описывая скифские курганы, и детально представляя весь корпус античных хроник, известных к концу XIX в., историк и археолог И.Е. Забелин, раскопавший в 1862 г. знаменитый «царский» курган Чертомлык, сформулировал в книге «Скифия и Сарматия» общую концепцию «новой» славянской истории, заявив, что славянская государственность сформировалась намного раньше, чем принято считать, и

при этом восходит непосредственно к скифам и сарматам. Несколько пассажей из его работы демонстрируют убежденность И.Е. Забелина в своих выводах[143]. Не вступая в эти споры, М.И. Ростовцев придерживался позиции, обосновывающей «иранство» скифов, подчеркивал важность их роли как предтечи славянства и ценный вклад в сокровищницу мировой культуры [Ростовцев, 1918: 7]. Подтверждением вышесказанному может служить само название одного из основных его трудов по «иранству» «Эллинство и иранство на юге России».

Различные источники – письменные, археологические, эпиграфические, нумизматические и др., привлеченные М.И. Ростовцевым, стали подтверждением его концепции «иранского» этногенеза скифов. В то же время, признавая этногенетическую связь скифов, сарматов и аланов, он считал лингвистически недоказуемым принадлежность языка скифов к иранским языкам [Ростовцев, 1989: 200].

Но и тогда этот тезис М.И. Ростовцева вызывал возражения у коллег, так как помимо сообщаемых греками названий божеств и личных имен, исследователи зафиксировали более 200 словарных основ, которые предоставили достаточный материал для грамматического анализа (среди них – топонимы и этнонимы). Одним их несогласных был Д.И. Багалей [Багалей, 1914: 90]. Заключение В.И. Абаева о том, что осетинский язык на Кавказе «продолжает традиции скифского языка, как ягнобский язык традиции согдийского языка» [Абаев, 1949: 239], не теряет актуальности и сегодня.

Ряд важных маркеров позволил исследователям определить языковую группу, к которой следует отнести скифо-сарматски*е языки*. В античных текстах указывается, что эти языки были схожи с языком мидян, персов и парфян. Иными словами, скифы и сарматы были иранцами [Кулланда, 2016: 5-7]. Безупречным доказательством сказанному служит изучение скифо-

[143] Скифские могилы… не только раскрыли нам погребение скифских цариц, но и сохранили их изображение. Эти изображения во многом напоминают русскую старину даже XVII столетия… Вопреки Шафарику, многие и очень знаменитые немецкие ученые не сомневаются, что сарматы-язиги были славяне. Следовательно, и роксоланы по братству с ними, засвидетельствованные Дионом Кассием, были тоже славяне [Забелин, 2015: 37, 77].

сарматских собственных имен – имена богов, вождей и топонимов, которые сохранились в античных текстах. Обычная в старину неточность классических писателей в изложении транскрипции этих имен, привела к тому, что многие из них стали настолько искажены, что их было сложно воспроизвести. Основная же их часть имеет явное созвучие с иранскими.

В конечном итоге в полемике лингвистов все свелось к определению места скифского языка в иранской группе: был ли это северо-восточноиранский (В.И. Абаев, Л. Згуста, М. Фасмер, Я. Харматта, Ю.А. Дзиццойты, А.И. Иванчик) или юго-восточноиранский язык (К. Витчак, С.В. Кулланда). К сожалению, с остальными вопросами, такими, как где собственно искать прародину (прародины) архаических и «классических» скифов, все оказалось гораздо сложнее. В конечном итоге приоритетом для исследователей в этом вопросе стали две основные гипотезы: автохтонная, наиболее обоснованная Б.Н. Граковым в условиях господства автохтонистских установок марризма, и центральноазиатская, в основе которой лежат выводы группы ученых, возглавляемых А.И. Тереножкиным. Сторонники первого направления (Б.Н. Граков, А.И. Мелюкова, М.И. Артамонов и др.) увязывали кочевых скифов преимущественно с причерноморской срубной археологической культурой эпохи бронзы. А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская же считали, что основу скифов как народа составили ираноязычные кочевники, пришедшие в Причерноморье из глубин Азии. Существенную роль в укреплении позиций сторонников «центральноазиатской» гипотезы (и, в частности, в анализе «скифской триады»: облика оружия – конской упряжи – звериного стиля) сыграло открытие в Туве в 1971-1974 гг. экспедицией М.П. Грязнова курганного комплекса Аржан (конец IX – начало VIII вв. до н.э.), который находится на расстоянии более 3000 км от восточной границы культуры европейских степных скифов. Еще одним отражением сходства культур скифо-сакского мира с его иранскими и иранизированными обществами стала пазырыкская археологическая культура (VI-III вв. до н.э.), локализованная в горах Северного Алтая.

3.5. Археологические исследования М.И. Ростовцева по скифской проблематике

Рубеж XIX-XX вв. сопровождался повышенным интересом общественности прежде всего к «классическим» для археологии древнегреческим полисам и царствам в Северном Причерноморье (Боспор, Херсонес, Ольвия), а также к скифским, а затем и сарматским курганам, но, как уже отмечалось, наука в лице Д.И. Самоквасова и А.А. Спицына только начинала развивать методику археологических раскопок курганов и описания найденных артефактов. Для античных городов отечественная методика усовершенствовалась Б.В. Фармаковским, производившим раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. [Фармаковский, 1906] и М.И. Ростовцевым. Вопросы, связанные с прошлым юга России, народами Степи, находились в стадии активного формирования первых серьезных обобщений. Ученые также оказались в «плену» у некоторых античных авторов, которые толковали этноним скифы чрезвычайно широко, называя скифами и кочевников Центральной Азии, и часть сарматов, и готов и т.д. Буквальное восприятие древних текстов вначале усложняло определение научной истины. В то же время после открытия богатых золотом скифских курганов возник вполне понятный соблазн преувеличить уровень развития и влияния европейских скифов-сколотов. Классическое образование М.И. Ростовцева и его желание проводить параллели с русской историей требовали отношения к социально-политическому строю наиболее могущественных и знаменитых древних народов в рамках соответствующей терминологии того времени (феодалы, дружины и т.д.). Современная скифология такую социально-политическую основу Скифии не подтверждает.

Стоит отметить, что археологическая культура – это многозначное понятие, за которым, как показала история археологии, может скрываться не только крупный этнос. Это может быть культура большого полиэтничного государства (салтово-маяцкая культура = государственная культура Хазарского каганата), а иногда – общность, сформировавшаяся в пограничной полосе. Исторические

скифы-сколоты, зафиксированные в сведениях греческих логографов, охватывали лишь часть археологической культуры Степной и Лесостепной Скифии. Как правило, это была территория степей Северного Причерноморья, лесостепная зона (Среднее Поднепровье, Среднее Подонье), а также территории, которые были тесно связаны со скифским миром, которые также являются частью создателей скифской археологической культуры, хотя среди них могли быть совершенно другие («скифоидные») народы. Скифы не только дистанционно влияли на эти территории. Они постоянно присутствовали на них, контролировали их, а также контролировали торговые пути, которые связывали эти территории с городами Северного Причерноморья, дополняя культуру проживавших на этих территориях племен своим влиянием. С массовым вторжением сарматов во II-I вв. до н.э., эти общности, в частности занимавшие территорию лесостепного междуречья Дона и Днепра, прекратили свое существование [Моруженко, 1989: 38].

В начале XX в., когда не было подобной детальной «прорисовки» особенностей скифской ойкумены, М.И. Ростовцев провел большую работу над систематизацией результатов раскопок скифских курганов, известных к тому времени. Проблема заключалась в том, что большинство скифских погребений было разграблено уже в древности, а на рубеже XX в. ранних скифских погребений VII-VI вв. до н.э. обнаружено было не так много, в связи с чем этот археологический материал, по сравнению с письменными источниками, тогда еще не приобрел соответствующую значимость. Но и в этих условиях работы М.И. Ростовцева по археологии, посвященные скифам, а затем и сарматам, стали этапными, и до сих пор служат хорошим примером комплексного изучения проблемы с максимальным охватом разнотипных источников. Давая подробное описание скифских и сарматских курганных погребений, автор ставил задачу «проверить писателей археологическими материалами, подлинность которых несомненна» [Ростовцев, 1989: 199]. В то время, вследствие известного недоверия к древним текстам при развитии их научной критики, существовали неоправданно высокие ожидания относительно

«достоверности» археологических артефактов и сооружений [см., например, Клейн, 1978]. На деле, конечно, любой вид информации, связанный с людьми и ими интерпретируемый, может ввести исследователей в заблуждение.

Подобное сопоставление литературных и археологических данных представлялось в то время весьма трудной задачей, однако М.И. Ростовцев справился с ней блестяще. «История» Геродота – основной источник по скифам от ионийских логографов, нашла соответствующее отражение в археологии, несмотря на отсутствие в начале XX в. разноплановой и мультидисциплинарной фиксации курганных памятников скифов и сарматов.

Комплексное изучение и систематизация всех доступных к тому времени источников – нарративных и археологических, в том числе курганных памятников Поднепровья и Подонья, памятников античной культуры всего Северного Причерноморья, в которых было отражено материальное и нематериальное наследие скифов и сарматов, позволили ему дать новое освещение ряда основных вопросов скифской археологии. Основные тезисы М.И. Ростовцева по скифской археологии отражены в главе X его «Скифии и Боспора», которая в совокупности занимает одну четвертую часть объема всей монографии и включает в себя подробное описание инвентаря погребений и анализ почти всех существующих на тот момент скифских и сарматских археологических памятников. Точка зрения на некоторые вопросы скифской археологии была изложена им и в неопубликованных главах предполагаемого второго тома «Скифии…». В частности, речь шла о соответствии в целом данных археологических и письменных источников [Ростовцев, 1989: 197].

М.И. Ростовцев проанализировал археологический материал некрополей на всей подконтрольной скифам территории в период расцвета Скифии. Территория эта группируется ученым исходя из локации памятников: Кубанская, Таманская, Крымская, Степная Днепровская, Киевская, Полтавская,

Донская группы. Далее следуют группы Венгерская[144], Румынская и Болгарская. Курганы детально описаны, инвентарь погребений сопоставлен по группам со связанными с ними обрядами. Для всех этих групп погребений определяющим, твердо установленным признан восточный (иранский) характер их происхождения, который меняется «в зависимости от двух факторов – географического и хронологического» [Ростовцев, 1989: 196]. Для хронологического периода VII-IV вв. до н.э. М.И. Ростовцев выделил две большие группы – Кубанскую и Днепровскую, уточнил отличительные черты каждой из этих двух групп. Для первой это «преобладание восточных и греческих элементов над местными, характерным признаком второй – наслоение сначала греческих, а затем восточных вещей на местную основу» [Ростовцев, 1989: 196], имеющую западное происхождение (сфера гальштатской культуры).

Анализ погребального материала позволил ученому сформулировать ряд насущных задач скифологии, не теряющих актуальность и по сегодняшний день:

1. Наиболее корректно представить географические рамки скифского мира в период его наивысшего развития, хотя трудно с точностью указать этнополитические границы Скифии. Последние – по Геродоту (квадрат) – мифологичны. М.И. Ростовцев был первым среди ученых, который на базе анализа нарративных и археологических материалов попытался очертить территорию, в течение трех столетий находящуюся под контролем скифов[145]. При этом здесь он неверно интерпретировал вопрос вероятных политических границ, наложив друг на друга зоны набегов, торговых контактов, политического контроля и расселения наиболее родственных групп номадов.

[144] Следует иметь в виду, что эта группа локализовалась в соответствии с политическими реалиями того времени в границах Венгерского королевства как части Австро-Венгрии, т.е. включала, кроме нынешней Венгрии, части современных Словакии, Румынии, Сербии, Хорватии.

[145] Эта территория захватывает … не только Причерноморье, но включает на востоке и Нижнее Приволжье, Прикубанье и Приуралье, в центре всю почти область Дона и Днепра, Буга и, может быть, Днестра, на западе же заходит как в нынешнюю Пруссию (клад Феттерсфельд), так и значительно вверх по Дунаю (находки в Добрудже, Венгрии и Болгарии) [Ростовцев, 1925: 302].

На Восток эта территория растянута им до Волги именно из-за фольклорной информации Геродота о ближайшем родстве савроматов и скифов.

2. Еще одна задача, сформулированная ученым, предполагала выявить особенности культурного уклада в каждой группе памятников, объясняемые, очевидно, «особенностями местного развития, большей или меньшей силой старых местных традиций, большой или меньшей близостью к отдельным большим культурным очагам восточного или греческого миров» [Ростовцев, 1925: 308].

3. Подробная градация инвентаря курганных погребений дала возможность для сопоставительного анализа одних и тех же обычаев и обрядов (явлений) в различных регионах скифского мира, проследить их эволюцию, взаимосвязь, общее и отличительное, установить, в каких округах скифское влияние было сильнее, где был расположен центр «Геродотовой Скифии», а где ее периферия. М.И. Ростовцеву удалось выявить характерную особенность скифской курганной культуры – смешанность ее составных компонентов с преобладанием восточных элементов. Это позволило ему проанализировать степень изменения инвентаря курганов в разных регионах скифского мира, отчасти проследить перемены в обрядах и быте, наблюдать эволюцию развития скифского мира на протяжении трех столетий [Ростовцев, 1925: 308].

Наряду с предметами греческого импорта, со временем в могильниках встречаются произведения тех же греческих мастеров, но уже адаптированные под художественные предпочтения собственно скифов. Помимо этого, М.И. Ростовцев старался определить в курганном инвентаре отражение киммерийской и скифской составляющей, связанной с их восточной прародиной, для дальнейшего сопоставления материала с местной культурой и определения степени взаимовлияния местной и пришлой культур.

В больших и подчас роскошных курганных погребениях покоятся останки представителей элиты скифов – «колпаконосцев», и отдельных скифских правителей. Скудность и односторонность (молчащие артефакты) археологического материала не позволяли судить об образе жизни низших

слоев скифского общества. Упрек М.И. Ростовцева в адрес коллег-археологов, которые имея в своем распоряжении целые некрополи, акцентируют внимание исключительно на богатых захоронениях, вполне уместен [Ростовцев, 1989: 197]. Стоит отметить, что и развитие новейшей сарматологии во многом было стимулировано серией богатых погребений, обнаруженных в разных регионах.

На основе анализа доступного археологического материала М.И. Ростовцев подтвердил вероятную достоверность основных элементов похоронного обряда знатных скифов, сообщаемых Геродотом: насыпание над могилой большого кургана; укладка в могилу драгоценных вещей, в годовщину – торжественная гекатомба из 50 слуг и лошадей, чучела которых расставлялись перед курганом; принесение в жертву одной из жен, близкого слугу и лошадей и др. [Ростовцев, 1918: 60, 63]. В то же время, опираясь на инвентарь скифских курганов, М.И. Ростовцев не всегда соглашался с Геродотом. В частности, он не подтверждает его информацию о том, что в погребальную камеру вместе с телом царя ставили лишь золотые вещи; не подтверждено соответствующим археологическим материалом и наличие особых больших кладбищ скифской знати той эпохи[146]. Описание Геродотом процесса мумификации тела умершего вождя [Hdt, IV, 71] также вызывает соответствующий скепсис: «Сведения Геродота о бальзамировании трупа царя не подтверждаются; никаких следов этого ни в кубанских, ни в других царских могилах не отмечено» [Ростовцев, 1918: 49]. И все же, учитывая сорокадневный церемониал прощания с царем, предварительная обработка тела была неизбежна.

Сопоставительный анализ курганных погребений позволил М.И. Ростовцеву избежать ошибок, свойственных его коллегам, которые скифский обычай, зафиксированный в определенном регионе, автоматически накладывали на памятники, обнаруженные в других регионах. В качестве примера он описывает скифский обычай человеческого жертвоприношения. Так, в Кубанском округе «в жертву покойнику приносились и люди. Однако,

[146] Последнее замечание самого М.И. Ростовцева не подтвердилось. Чисто элитные, очень небольшие курганные некрополи существовали у скифов и сарматов, но были явным исключением из правил, причем нет основания думать, что в них хоронились только люди из высшей категории знати. См. [Яценко, 2016].

массового жертвоприношения людей нигде установлено не было. Приносились ли в жертву и жены и наложницы покойника, также нельзя сказать с уверенностью» [Ростовцев, 1925: 331]. Это же касается эволюции форм оружия, надгробных построек в смежных округах, которые иллюстрируются им на сопоставлениях конструкций и инвентаря Таманских курганных погребений с Кубанскими [Ростовцев, 1925: 358-359]. В зависимости от местных особенностей обряд в одном округе был соблюден полностью, в другом – не просматривался вообще. Так, если в Кубанском округе имело место массовое захоронение лошадей, то в Полтавском и Киевском округах погребения лошадей отсутствуют вовсе. По мнению М.И. Ростовцева, изменению обряда способствовало то, что в этих округах скифы вели оседлый образ жизни, в которой лошадь приобрела иную ценность [Ростовцев, 1925: 519-520]. Дальнейшие исследования отчасти подтвердили выводы М.И. Ростовцева, поскольку в этих регионах приднепровской Лесостепи проживали не кочевники-сколоты, а оседлые скифизированные племена, тогда как на Кубани, наряду с меотами, присутствовали и собственно скифы.

М.И. Ростовцев также предпринял попытку выявления особенностей каждой из выделенных групп скифских курганных погребений. К примеру, основа вещей Кубанских курганов, которые задают тон всей культуре региона – восточная, специально иранская [Ростовцев, 1925: 337], поскольку этот регион являлся ареалом проживания скифизированных синдов – одного из меотских племен. Особенностью Таманской группы курганов М.И. Ростовцев считал сильнейшую эллинизацию всего обихода, гораздо более сильную, чем в других группах обитания скифов. И действительно, на этой греческой территории Боспорского царства скифский компонент был крайне малочисленен и эллинизирован. Трудно не согласиться с выводом, что в IV-III вв. иранизация эллинов была очень мала [Ростовцев, 1925: 371]. Она могла выражаться, например, в принятии некоторых «туземных» культов [Шауб, 2007] и наличии скифов в составе боспорской знати в курганном некрополе Пантикапея [Виноградов, 2016]. Анализируя же Крымскую группу скифских курганов,

М.И. Ростовцев особое внимание уделил кургану Куль-Оба, с которого (с 1830 г.) «начинается эра расследования курганных погребений и вообще научных раскопок на юге России» [Ростовцев, 1925: 376].

Согласно справедливому мнению М.И. Ростовцева, среди всех скифских курганов особое место занимают курганы степной приднепровской полосы, потому что именно здесь наиболее ярко представлен скифский мир в период его расцвета. Эти курганы тесно связаны с крымской группой. В случае курганов Солоха и Чертомлык, они представляют собой наиболее известные и наиболее богатые скифские погребения, некоторые из которых достигали высоты более 20 м [Ростовцев, 1925: 404]. Причины ярко выраженного богатства этих курганов М.И. Ростовцев видит в их относительной близости к столице Боспорского царства – Пантикапею, который он считает единственным культурным центром, связывавшим степную Скифию с Элладой [Ростовцев, 1925: 457], вопреки текстам Геродота и других авторов о роли Ольвии. В самом деле, именно в Нижнем Поднепровье, регионе с лучшими пастбищами и наиболее плотным скифскими населением, находился политический центр Скифии. Здесь же, по описанию Геродота (IV, 20) в одноименной местности протекала река Герррос, за которой начинались владения царских скифов. Но, похоже, рассказ о специальном царском некрополе носил исключительно фольклорный характер. Поздее принято было считать, что «богатые скифские погребения разбросаны по обе стороны Нижнего Днепра и не образуют единого кладбища, что не исключает существования среди них групп, принадлежащих отдельным знатным семьям скифов, в том числе и семейных кладбищ скифских царей» [Артамонов, 2020: 88]. Сегодня эта картина выглядит намного полнее[147].

Исходя из анализа исследуемого погребального инвентаря, М.И. Ростовцев сделал важное заключение об этапах эволюции скифского общества [Ростовцев, 1925: 458]. Не разделяя мнения некоторых археологов-современников (В.В. Хвойка, А.А. Спицын), М.И. Ростовцев обоснованно называл инвентарь южнорусских погребений скифским (восточно-иранским),

[147] См. карту скифских памятников региона: [Черных, Дараган, 2014. Карта 27].

считал его соответствующим «иранскому» укладу жизни [Ростовцев, 1925: 467]. В Киевском округе, по его мнению, скифская культура не могла иметь того привилегированного положения, которое она заняла на Кубани, в Крыму и в Приднепровских степях, где она подверглась сильному влиянию греческой культуры, быта и религии, что неминуемо привело к смешению двух культурных укладов [Ростовцев, 1925: 466]. Именно поэтому в Киевской и Полтавской группах погребальный обряд и погребальные сооружения нового типа почти не встречаются. Анализ археологического материала из этих двух групп погребений дал основание М.И. Ростовцеву говорить об их близком родстве [Ростовцев, 1925: 544]. В Донской группе скифских курганных сооружений обряд погребения сохранился скифский, но, как отмечает М.И. Ростовцев, «чуть смягченный». Он также отдельно рассмотрел и проанализировал случайные находки скифской культуры на территории Венгрии, Румынии и Болгарии, которые, в сравнении с курганами юга России, выглядят скромнее и малочисленнее, что было свойственно периферии пребывания скифов, зонам их эпизодических набегов.

Сопоставительный анализ погребальных сооружений знати позволил М.И. Ростовцеву выявить их некоторые особенности для разных территорий расселения скифов в IV-III вв. до н.э. – на Кубани, в Приднепровье, на Тамани, Киевщине, Полтавщине и Среднем Дону [Ростовцев, 1989: 196-197].

В то же время инвентарь погребений царского ранга во всех курганах имеет индивидуальные черты. Сравнивая инвентарь царских могил из Северного Причерноморья (по Геродоту) с аналогичными погребениями правителей на Кубани [см. подробнее: Ольховский, 1991], М.И. Ростовцеву удалось установить отличие инвентаря погребений в разных регионах огромной «империи», в частности – что кубанские погребения скифов сопровождаются более сложным ритуалом по сравнению с теми, которые описал Геродот. Судя по кубанским захоронениям того времени (принадлежавшим скифизированным меотам или смешанной скифо-меотской знати), покойника привозили на катафалке; в жертву приносилось огромное количество лошадей [Лесков и др.,

2013]. Погребались цари кубанских скифов в полном вооружении, в богатой одежде, с большим количеством драгоценной утвари. Заметную роль играли медные котлы, о которых говорил и Геродот, «с кусками туш жертвенных животных, и большие греческие глиняные амфоры, вероятно, наполненные вином» [Ростовцев, 1918: 64].

3.6. История, организация государства и социальное устройство Скифии по материалам работ М.И. Ростовцева

Отсутствие письменного наследия у скифов и сарматов вынуждает исследователей, помимо археологических материалов, апеллировать к греко-римским авторам, которые воспринимали номадов, прежде всего, как угрозу для собственной безопасности и воплощение дикости. Понятно, что в античных текстах описаны более всего события, связанные с контактами греков и римлян с народами, с которыми они соприкасались непосредственно у своих границ, а также дана сводка некоторых их причудливых обычаев. Это племена, которые проживали на территории Северного Причерноморья, степных островков в Добрудже и пуштах Венгрии, и частично – на территории, куда номады ходили с грабительскими походами, прежде всего, в Переднюю Азию (скифы) и Закавказье (сарматы). При этом источники отражают картину скифского и сарматского миров очень фрагментарно, так как события и процессы, отдаленные от греко-римских городов и крепостей, лишь изредка были известны интеллектуалам крупных культурных центров по слухам, редким сообщениям купцов, военных и пленников.

С середины XX в. на некоторые поставленные вопросы постаралась ответить археология, и здесь несложно заметить, что история в изложении античных авторов часто не совпадает с данными археологов. Тем не менее, опираясь как на историю, так и на археологию, М.И. Ростовцев, представил свое видение структуры социальной организации скифского общества, включая

скифскую «государственность». Кратко он рассмотрел этот вопрос в очерке «Эллинство и иранство на юге России» (1918). Помимо прочего, в рабочих материалах неопубликованного второго тома «Скифия и Боспор» сохранилась часть главы о скифах, которая соответственно озаглавлена «Государство, социальный и экономический строй», что дает нам возможность еще раз по достоинству оценить исследовательскую интуицию М.И. Ростовцева.

Проблема «монолитности» социума собственно скифов-сколотов (царских, номадов и георгой-*gauvarga*) и культуры населения Степной и Лесостепной Скифии с конца VII по начало III в. до н.э. и сегодня остается одной из важных в скифологии. Самим М.И. Ростовцевым [Ростовцев, 1925: 29] была заложена идея того, что скифское общество развивалось в целом поступательно, *эволюционно*. Оно зародилось в глубинах Азии, затем двинулось на запад, в промежутке недолго господствуя в Передней Азии. Постепенно центр Скифии сместился в Северное Причерноморье, и в конечном итоге Скифия пала под нашествием сарматов. Процесс этот не сопровождался значительными социальными и экономическими изменениями. Как правило, вопрос единства Скифии рассматривался учеными в географическом аспекте, «прежде всего как соотношение памятников Степи и Лесостепи», уровня скифизации и степени зависимости от скифов лесостепных этносов – будинов, меланхленов, невров и других [Алексеев, 1989: 85]. Эта версия развития Скифии не подвергалась какой-либо ревизии вплоть до конца XX в., при этом А.Ю. Алексеев отмечал тенденцию к «усложнению традиционных представлений о динамике развития Европейской Скифии», наличие архаической и «классической» скифской культур на разной этнической базе, явственные признаки начавшегося политического разделения скифов в IV в. до н.э. [Алексеев, 2003: 15, 189, 190].

В начале 1990-х гг. появились первые реконструкции А.Ю. Алексеевым истории населения юга Восточной Европы скифского периода, в которой предполагалось выделение двух Скифий – Древней (архаической) и Геродотовой (классической), которые были различны в этническом и культурном отношении, в том числе – по отношению к эллинской культуре. В

середине VII в. до н.э. завершилось формирование ранней скифской культуры, а на рубеже VI-V вв. до н.э. произошло резкое изменение облика материальной культуры скифов [Алексеев, 2003: 22]. А.Ю. Алексеев считает, что в последней трети VI в. до н.э. происходит замена раннескифского материального комплекса среднескифским, скифов-сколотов. Это обусловлено прежде всего тем, что «весь набор признаков, которыми можно описать причерноморскую культуру кочевников с VII по IV вв. распадается на две почти дискретные группы …, отличающиеся своими хронологическими рамками: VII-VI и V-IV вв. до н.э.» [Алексеев, 1989: 86]. Около конца VI в. до н.э. на смену древней Скифии с ее киммерийско-скифским этническим содержанием приходит Скифия классическая, или Геродотова, причем изменения носили стремительный характер, на что указывает двухкомпонентность инвентаря некоторых комплексов переходного периода [Алексеев, 2003: 153-192]. В IV в. мы уже имеем доказательства раздробленности степной Скифии на фоне внешнего давления и внутренних смут, что впоследствии позволило сарматам постепенно занять территорию. «В то же время некоторые характерные категории изделий европейских скифов могут свидетельствовать … об определенной преемственности культур двух Скифий» [Алексеев, 1989: 87].

Государственность и ее специфика в степной Скифии стали предметом обсуждений в научных кругах еще в начале XX в., и по этому поводу выдвигались различные мнения, часто – мало совместимые. Важно, что в то время особенности как сложных вождеств *(complicated chiefdoms)*, так и ранней государственности у номадов, имеющей большую *специфику*, тогда специалистам по истории и археологии Восточной Европы были еще практически неизвестны, как неизвестны были в деталях их недавние «этнографические» социальные структуры. Г.В. Вернадский позже считал, что Скифия скорее представляла собой *конфедерацию* «сильных кочевых орд»[148].

[148] Термин «конфедерация», означающий непрочное, практические добровольное объединение племен, почему-то полюбился скифологам и сарматологам, хотя в достоверно известной недавней истории кочевого мира такое устройство было нежизнеспособно и гибельно. В действительности же в обществах номадов, при их относительной малочисленности и одновременно – воинственности, всеобщих вооруженности и всадничестве,

Как социально, так и по легальному статусу оно соответствовало государству, «базировавшемуся на родовом законе» [Вернадский, 2000а: 89]. С.А. Семенов-Зусер же классифицировал скифский мир, прежде всего, как общество с родовыми порядками [Семенов-Зусер, ГАИМК. Т. IX].

Не до конца выверено и отношение к форме государственности скифов и у М.И. Ростовцева. Одним из главных заблуждений ученого было утверждение, что во внутренней, социальной и экономической жизни варварского населения Северного Причерноморья руководящее значение с начала до конца античного периода оставалось за восточными *феодальными* формами управления. В книге «Эллинство и иранство на юге России», к примеру, автор рассказывает о феодальных порядках в скифском обществе, о рабах, *крепостных.* Концепция *феодализма* была разработана в первой половине XVIII в. Анри де Буленвилье и Шарлем де Монтескьё на специфическом материале 3-4 соседних западноевропейских стран, с ее рыцарским и духовным сословиями, крепостным правом, гарантировавшим их прокормление, феодальной иерархией, большим влиянием многочисленного организованного христианского духовенства и т.п. Похожая структура с крепостным правом (для прокормления многочисленного рыцарского сословия) существовала также несколько веков в западной Индии и Японии. Но феодализм попросту невозможен в кочевом обществе с его всеобщей вооруженностью рядовых номадов, с его хозяйственной и социальной нестабильностью, частым дефицитом необходимого, подвижным образом жизни, низкой плотностью населения, нередким отсутствием городских центров и своеобразным «дистанционным» управлением народами-данниками. При попытке усиления эксплуатации со стороны лидера рядовые номады просто откочевывали ночью от «плохого» хана. Однако названных взглядов придерживался и коллега Михаила Ивановича, немецкий историк Макс Эберт (Ebert, 1929). Позже, в набросках ко второму тому «Скифии…», озаглавленном им как

при их непрерывных столкновениях с более населенными оседлыми областями, все обычно решали фигура сильного и удачливого лидера и власть (часто - кратковременная) его клана. Кстати, именно поэтому законы номадов часто были устными и заметно менялись со сменой лидера, отражая его индивидуальность.

«Государственный строй Скифии» М.И. Ростовцев сравнил Скифию с Золотой Ордой, но при этом квалифицировал ее как *рабовладельческое* государство, явно учитывая при этом большую роль работорговли с античным миром. Под *рабовладельческим обществом* и советские гуманитарии подразумевали общество, в котором большинство работников составляли рабы – то есть индивидуумы, официально людьми не считавшиеся. Но такое общество является явным социальным мифом, его на деле невозможно себе представить. Почти все свободное население в этом случае должно было стать вооруженными надсмотрщиками и жить в постоянном страхе; производительность труда без стимулов была бы у рабов невероятно низкой, а в условиях неволи рождаемость у рабынь (даже в недавних обществах) была также очень низкой, и добывать новых рабов пришлось бы в непрерывных войнах, которые не могут быть стабильно успешными. Именно поэтому рабовладельческого строя практически нигде не было, наряду с другими в экономике древних обществ существовал лишь *рабовладельческий уклад*. Общества с высокой долей рабов в составе населения, вроде Афинского полиса «золотого века», ранней Римской империи или кхмерской империи Ангкор, были редчайшим и кратковременным исключением.

Понятие «кочевая империя», под которым обычно подразумеваются сложные вождества, или «кочевое государство» возникло относительно недавно, и вначале являло собой попытку обоснования особого пути развития обществ кочевников-скотоводов на севере современного Китая, в Монголии и зонах экспансии военно-политических структур, сложившихся в этих регионах. В начале же XX в. на стыке двух наук – археологии и этнологии появляется термин *кочевничество*, впервые использованный в археологии М.И. Ростовцевым (1918). В 1920-х гг. советские гуманитарии пробовали решить «проблему ИКС», или *истории кочевого скотоводства*. Постепенно кочевниковедение в СССР оформляется в самостоятельное научное направление (В.Я. Владимирцов (1934), Г.П. Сосновский (1940), М.И. Артамонов (1949), М.П. Грязнов (1956)). Попытка создать из изучения номадов

«особую науку» вызывала резкий протест у М.И. Ростовцева, который не вполне понимал специфику кочевого образа жизни, но при этом быстро удостоился ярлыка «ярого миграциониста и реакционера» [Гаврилюк, 1999: 13; Бернштам, 1951].

Вопрос о характере и уникальности кочевых обществ вызывает большой интерес у исследователей. Номадизм и оседлость представляют собой два различных способа организации общества, каждый из которых имеет свои особенности и преимущества. Степь (англ. Steppe, Grassland), в том числе горная, и полупустыни – это особая экологическая зона, в которой трудно прокормить большие группы людей, более подверженная сезонным и многогодичным колебаниям, чем лесная и многие приморские, часто с дефицитом воды и традиционного топлива, где местность обычно хорошо просматривается и т.п. Именно это обуславливает особый тип хозяйствования на этой территории – кочевое скотоводство, возникшее в классическом виде около 3000 лет назад и идеально учитывавшее пастьбу больших стад копытных (в основном – овец и лошадей) на большой же территории. В силу меньшей хозяйственной и социальной стабильности, кочевые общества обычно имели и имеют более простую общественную структуру[149].

Конечно, иранство для М.И. Ростовцева включало в себя не только взаимоотношения эллинов со Степью, но и с ахеменидским Ираном, который на рубеже VI-V вв. до н.э., в период наибольшего своего могущества и стремления к мировому господству, начал представлять угрозу для греческого мира. После подчинения малоазийских греческих полисов, Закавказья, Македонии и части Фракии персы стремились продвинуться дальше, в Северное Причерноморье для того, чтобы стать владыками всех основных племен Великой Степи[150]. Именно в этом и кроется причина похода около 512

[149] Часть исследователей считает, что номадизм имеет свою собственную логику и специфику, которая не может быть полностью описана терминами для оседлых обществ. Другие ученые склонны приуменьшать эту специфику и акцентируют внимание на поиске общих закономерностей и трендов. Учтем при этом, что практически все кочевниковеды – выходцы из оседлых обществ, и для них характеристика номадов – это всегда взгляд со стороны, на «иных». Такой взгляд имеет неизбежные «минусы».

[150] Сами персы были в недавнем прошлом именно кочевниками. Еще во времена Геродота из пяти племен Персиды два оставались кочевыми. Кроме того, видимо, ранние персидские данники Saka Paradraya

г. до н.э. Дария I на Скифию. Удачный исход скифской кампании мог бы на какое-то время усмирить кочевников и обеспечить безопасность персидских тылов [Гуляев, 2019: 294]. Заодно оказался бы в зависимости и Боспор. Но в Скифии Дарий потерпел сокрушительное поражение, что исследователями оценивается как демонстрация вынужденного единства весьма различных народов Скифии. Победа над Дарием, возможно, оказала влияние и на укрепление центральной власти в самой Скифии. Именно после поражения Дария скифы стали считаться «непобедимыми» [Гуляев, 2019: 297]. Стоит отметить, что и здесь представления ученых первой половины XX в. о Скифии, которые складывались на основе информации античных логографов, требуют иной интерпретации. Истинные причины похода Дария и сегодня не вполне ясны [Алексеев, 2012: 12-13], хотя В.И. Гуляев полагает, что цель Дария была весьма прозаичной – отсечь Пелопоннес от поставок скифского хлеба для последующей полноценной блокады Эллады [Гуляев, 2019: 294].

«Их царство было одним из серии кочевых империй, которые сменяли друг друга в евразийских степях» [Вернадский, 2000а: 72], писал о скифах Г.В. Вернадский. Скифия представляла собой типичную «кочевую империю», и, по мнению М.И. Ростовцева, была организована по типу образовавшихся позднее империи Чингисхана либо Хазарского каганата, когда грань между обществом, государством и войском становится номинальной. При этом весь народ по необходимости организовывается в войско, в котором все подчинены одному командованию, одной воинской дисциплине (народ-войско). Центр Скифии, согласно М.И. Ростовцеву, находился в некоем укрепленном лагере, так называемой царской ставке[151].

Царь в степной Скифии не был абсолютным правителем. Более того, согласно Геродоту, царей было несколько, по числу трех племен сколотов. Он пишет, что (степной) Скифией управляли три правителя: Скопасис, Иданфирс и

(Кочевники, которые за [Каспийским] морем), отпавшие уже к началу правления Ксеркса, похоже, были одной из групп скифов Предкавказья. Это могло дать один из поводов к войне См.: [Яценко, 2011].

[151] Около ставки группировалась сильная конная дружина, всегда готовая к набегам. В мирное время цари, князья и дружинники были владельцами больших стад и табунов, где черную работу исполняли подвластные им рабы или крепостные [Ростовцев, 1918: 38].

Токсакис (IV, 120). Действительно, сколоты были федерацией трех племенных союзов при особой роли скифов царских. Накануне вторжения Дария I около 512 гг. до н.э. скифы, по утверждению Геродота, провели общий Совет царей основных народов Скифии[152] [Hdt, IV, 1], что объяснялось необычайностью ситуации в регионе. Доминирующую роль в Скифии играли царские скифы Hdt, IV, 17-20], район расселения которых включал в себя степной Крым и степи между реками Днепр и Северский Донец. Хотя каждая территория имела своего царя, само название этой группы («царские скифы», как и позже – не очень многочисленные «царские сарматы» к западу от Днепра) свидетельствует скорее о том, что их элита считалась наиболее «благородного» происхождения [ср. Виноградов, Марченко, 1991]. Т.н. скифы-«пахари» среди сколотов (*Georgoi),* согласно справедливому замечанию В.И. Абаева, собственно именовались *Gauvarga* – «почитающие скот» [Абаев, 2020: 86]. Каждая из трёх составных территорий описываемой Геродотом Скифии дробилась ещё на несколько частей, которые также возглавляли племенные предводители – «номархи» *(νομάρχης).* В каждом из таких подразделений имелось обязательное святилище Арея/Ареса из груды хвороста. Последнее, по М.И. Ростовцеву, предполагало чисто военную организацию такого деления. Система, при которой Скифией управляли три и более царя, сохранялась вплоть до IV в. до н.э., пока на политической арене не появился царь Атей, который объединил причерноморских скифов, и правил единолично. Современный анализ античных текстов, однако, не подтверждает идею о «великой державе Атея»: в них, напротив, налицо свидетельства ограниченности его власти и территории [см., например, Петров, 2015].

Анализируя одну из находок скифских курганов – сосуд, на котором изображена некая форма заключения союза у скифов [Яценко, 2013], и сравнивая его с таким же обрядом у номадов, описанным у Геродота[153], М.И.

[152] В античности ни один автор не упоминает о **Великой** Скифии. Этот термин появляется в средневековье, в том числе – в русских летописях в форме Великая Скуфь.

[153] «В большую глиняную чашу наливают вино, смешаное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье.

Ростовцев пишет, что в этом обычае «соединены между собой идеальные вожди, стоявшие во главе целой *дружины*, из которой выделялись «самые достойные». По его мнению, такие же дружины, но большего масштаба, группировались вокруг «царя». Главное здесь наблюдение Ростовцева о дружинах не подтверждается. Несмотря на отдельные, довольно робкие замечания скифологов, археологические следы дружинных некрополей (или дружинных участков на них) во всей Скифии не обнаружено; у сарматов они появились с I в. н.э., но были большой редкостью [Яценко, Вдовченков, 2015]. Еще более масштабная «дружина», по М.И. Ростовцеву, группировалась вокруг царя. В ней служили те, кому приказывал он сам; среди них не было и не могло быть подкупленных врагами. Кроме дружинников, у царя были еще приближенные и свободные слуги. М.И. Ростовцев представлял себе структуру скифского общества как завоевателей-сколотов, чьи дружины группируются по номам, и контролируемые ими соседние народы [Ростовцев, 1989: 204]. При этом ученый стремился подтвердить свои выводы археологическими артефактами из скифских курганов, в том числе – роскошных погребений царского ранга на Киевщине, Полтавщине и около Воронежа.

В ходе своих исследований М.И. Ростовцев дал характеристику особенностям хозяйственной жизни населения в разных районах обширной Скифской державы, которая территориально охватывала степные и примыкающие к ним регионы в Побужье, Приднепровье, Крыму, в том числе – Керченский полуостров, Придонье и Прикубанье. М.И. Ростовцев считал, что по характеру организации скифское государственное образование нельзя соотносить с централизованными и прочными формами государственности: «Весь строй скифской державы был, по всей вероятности, не централистическим, основанным на системе чиновничества, а военно-феодальным с сравнительно далеко идущей самостоятельностью отдельных частей. Ясно, что такая держава не могла быть очень прочной и очень

После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» [Hdt, IV, 70].

долговечной, не могла соперничать ни с Персией, ни с культурным греческим миром» [Ростовцев, 1918: 40]. Характеризуя общественный строй Скифии, М.И. Ростовцев отмечал, что «государственная организация скифов предполагает существование особого военного класса населения, т.е. особой военно-организационной аристократии, тесно связанной со всем административным строем государства» [Ростовцев, 1989: 203]. Вполне логично, вслед за М.И. Ростовцевым признать существование у скифов особого сословия военной аристократии – колпаконосцев (наподобие *beg* в Тюркском каганате, наряду с рядовыми номадами-воинами *er*). Иначе и не могло быть в структурированном обществе, внешняя ориентация которого на военные походы, набеги и взимание регулярной дани диктовала особые требования управления.

Космогоническая легенда в изложении Геродота явно упоминает *плуг* [Hdt, IV, 12], следовательно, в скифской культуре традиция земледелия играла некую, как минимум, сакральную роль. В реально известных нам обществах номадов непрестижным земледелием занимались посаженные на землю пленники, реже это вынужденно делали оставшиеся без скота бедняки, не имевшие возможности кочевания. На пересечении важнейших торговых путей, у стратегически важных переправ появились также и «города» (Каменское городище у Днепровских порогов, Елисаветовское городище в устье Дона и др.). В позднейший период количество малых оседлых поселений весьма велико [Гаврилюк, 1999: 16].

По мнению М.И. Артамонова, изучавшего полиэтничный Хазарский каганат, который выделился из Западно-Тюркского каганата со множеством оседлых народов, «сложившиеся в Скифии два различных между собою типа хозяйства: скотоводческое (кочевое) и оседлое (земледельческое) открывали возможность для развития экономической независимости патриархальной семьи… в условиях примитивной техники… оставалась еще необходимой производственная кооперация этих семей, иными словами, сохранение старой производственной организации, какой в первобытном обществе была родовая

община» [Артамонов, 1947: 69]. К сожалению, ясного археологического подтверждения наличия клановых структур у скифов нет и сегодня.

Одним из важнейших факторов, способствовавших упадку скотоводческого хозяйства в Степной Скифии Н.А. Гаврилюк считала изменение климата в Степи в IV в. до н.э., что дало толчок к смещению внимания на пахотное земледелие, и переходу к полукочевому скотоводству [Гаврилюк, 1999: 4]. Однако этот момент был, похоже, преувеличен. Палеопочвоведы считают это столетие лишь началом засушливого периода в Степи, а пик его пришелся на следующие века. Чисто кочевое скотоводство с перекочевками на большие расстояния и т.п. в наиболее благоприятных условиях европейской Степи и не требовалось[154].

Описывая Приднепровскую Скифию, которая, судя по концентрации царских курганов являлась центром скифского общества, М.И. Ростовцев, со ссылкой на Геродота, склонен говорить здесь о преобладании кочевого образа жизни над оседлым, отмечая, что сами скифы живут кочевым скотоводством, а хлеб некоторые из них производят только для продажи, а не для потребления. Эта информация важна для определения влияния, которое оказывала греческая Ольвия с ее хлебным экспортом на местное население, и позволяет предположить, что часть населения Приднепровья была действительно номадами, приобретшими под влиянием обстоятельств от греков, а также соседнего населения, новые навыки земледельческого быта. Новые реалии после 270-х гг. до н.э. требовали от скифского общества в ряде районов поэтапного перехода к оседлости.

Античным авторам был мало знаком социальный строй самого центра скифской державы. Геродот об этом ничего не писал, ибо вглубь Скифии он не «заглядывал», если вообще приезжал в Причерноморье [Подосинов, 2014], а сведения таких авторов как Эфор Кимский, М.И. Ростовцев не считал заслуживающими доверия, поскольку, по его мнению, из них реальных и

[154] Примерно в тех же условиях у ногайцев Приазовья в XVIII-XIX вв. сезонная перекочевка составляла за год всего около 50 км или чуть более – примерно в 20 раз короче, чем у номадов Западного Казахстана.

положительных данных извлечь невозможно. В частности, Эфор считал статус женщины у скифов равноценным с мужчиной, на деле же, как думал М.И. Ростовцев, он ничем не отличался от положения женщины среди многих кочевых племен [Ростовцев, 1989: 206]. Наоборот, согласно его мнению, различные сведения о скифах позволяют говорить о социальном расслоении скифского общества, о существовании в нем аристократических верхов, о подневольном, феодально зависимом населении, в частности о пастухах скифской орды. Развивая мысли М.И. Ростовцева о социальной организации скифского общества, М.И. Артамонов, поддерживая тезис о феодальном строе у скифов, парадоксально полагал, что именно эта идея прекрасно объясняет существующие факты [Артамонов, 1947: 69].

У скифов был распространён патрилинейный счёт родства и наследования. При этом если судить по легендам о происхождении скифов, в наследовании у них господствовал минорат, т.е. переход отцовского хозяйства в руки младшего сына. В числе наследственного имущества были и жёны умершего отца. Так, по Геродоту [Hdt, IV, 78], царевич Скил получил в наследство от отца, скифского царя Ариапифа помимо власти еще и одну из его жен – скифянку Опию, от которой у Ариапифа был другой сын, Орик. В то же время матрилинейность в относительно поздний период истории еще оставалась в силе у народов Малой Азии и Меотии [Голубев, 1997: 191]. Матрилинейность у скифов, как думал ученый, нашла отражение и в культе скифской Великой Богини, змееногой Апи, обычно изображаемой с телом змеи и человеческим лицом. В.В. Голубев видит в этом описании прямые параллели с индийскими Нагами [Голубев, 1997: 193].

В отличие от хронологических рамок, подтверждённых археологией и смежными с ней науками, установить точно политические границы Скифии (то есть зоны контроля царских скифов) не представляется возможным, ибо «подчинение и зависимость тех или других местностей могли не сопровождаться поселением на этой местности значительных масс скифов» [Ростовцев, 1989: 201]. Скифия как хороним не всегда могла совпадать с

этнонимом *скифы*. М.И. Ростовцев констатирует лишь то, что побережье Черного моря от Днестра до Дона находилось в пределах владений скифов. Однако анализ археологического материала, в частности расположение курганных некрополей со смешением «иранских» и греческих вещей, помог М.И. Ростовцеву, как ему казалось, и в установлении приблизительных границ скифской державы, в частности – включая в нее Кубань, лесостепь Киевщины и Полтавщины: «Сфера распространения курганных погребений с вещами, где смешиваются элементы иранской восточной культуры с греческими и местными, при том постоянстве, которым, в общем, отмечается, несмотря на разнообразие во времени и мест скифский тип курганного погребения, может считаться и сферой государства скифов, как руководящего государственного элемента… Если это так, то в рамки древнейшего скифского государства придется включить не только значительную часть Прикубанья с зависимостью от него Тамани и племен по Азовскому морю, но и всю Киевщину и Полтавщину» [Ростовцев, 1989: 201]. Этой ремаркой М.И. Ростовцев внес существенную поправку в «Историю» Геродота о предполагаемых границах Скифии, в представлении которого она напоминала квадратную мандалу. Восточными границами Скифии Геродот считал Дон, М.И. Ростовцев же предполагал, что, судя по курганам, граница эта сместилась к Прикубанью. Согласно Геродоту, на Киевщине и Полтавщине живут *невры* и *будины*, но ученый был уверен, что раз там тоже немало курганных могильников, эта земля принадлежала скифам. При этом стоит учесть, что курганный обряд в античности был распространен отнюдь не только у кочевых скифов, а был популярен у многих народов; греческие импорты также не были лишь скифской привилегией.

Подводя итог, М.И. Ростовцев констатирует: постоянных и прочных границ скифская держава, впрочем, как и любая «кочевая империя» древности, не имела. Со временем, в ходе процесса распада Скифии, на ее периферии стали появляться самостоятельные скифские государственные образования, к примеру, в низовьях Днепра, Добрудже, в Крыму. При этом, по его мнению,

центром царства всегда были низовья Днепра, а главной цитаделью – степи по обоим берегам Днепра [Ростовцев, 1989: 201]. Конечно же, соответствующего археологического материала у М.И. Ростовцева не было, и в его время все это оставалось догадками.

3.7. Северное Причерноморье в период скифской экспансии

История античности на юге России, по существу, состоит из двух основных компонентов – варварского (преимущественно иранского, скифо-сарматского) и греческого. О причинах греческой колонизации говорить здесь нет необходимости, а скифы, согласно Геродоту [Hdt, IV, 11], пришли сюда «из глубин Азии», причем Азия, в понимании античных географов, начиналась сразу за рекой Дон (Танаис). Конкретная прародина каждой из двух волн скифов до сегодняшнего дня остается предметом научных споров. Древние хроники лишь зафиксировали их появление в Северном Причерноморье, оценив их успешные военные действия против киммерийцев, населявших южнорусские степи. С конца VII по V в. «архаические скифы» адаптировались на новых территориях, постепенно заселяя и обживая их. *С самого начала*, согласно М.И. Ростовцеву, мы можем говорить о признаках государственности у скифов и об их культурных ближневосточных связях [Ростовцев, 1918: 6-7]. Как известно сегодня кочевниковедам, в истории номадов так не бывало: ранняя государственность вместо сложных вождеств была крайне редким явлением, возникавшим не сразу и при стечении довольно редких обстоятельств.

Скифы упрочили свое положение на севере Черного моря, добились определенных успехов во внутренней и внешней политике. М.И. Ростовцев к причинам образования городов-колоний причислил само существование скифской державы и обилие местных ресурсов, создающих условия для торговли [Ростовцев, 1918: 36]. Правда, по современным данным, поселения

греков обычно сразу создавались как политические единицы (полисы), а система малых городков на Азиатском Боспоре была во многом средством коллективной защиты от набегов скифов Предкавказья [Виноградов, 1999: 109, 112].

На примере археологического материала М.И. Ростовцев пытался показать, как в результате взаимовыгодных соседских взаимоотношений черноморских эллинов и скифов жизнь и быт скифов кардинально меняются в лучшую сторону, как вследствие взаимовыгодной торговли все более усиливается экономическое положение жителей южнорусских степей, как обогащаются скифские цари и т.д. Судя по огромному количеству амфор из-под вина в скифских курганах, греки активно спаивали скифов дешевым вином, тут же скупая у них северные меха [Хазанов, 1975]. Еще одним предметом для торга греческих городов со скифами было оливковое масло. Таким образом, М.И. Ростовцев, наряду с А.А. Иессеном, был одним из первых ученых, который по-своему раскрыл причины появления на черноморском побережье колоний, основанных малоазиатскими греками.

Описание М.И. Ростовцевым истории и общественно-политического устройства «геродотовой» Скифии остается отчасти актуальным и по сегодняшний день. В своих работах Михаил Иванович рассказывает о расселении скифов, о политических, экономических и культурных связях с греческими городами-государствами, особенно укрепившихся после возникновения Боспорского царства. На закате Скифии в IV-III вв. до н.э. становится известным имя одного из последних наиболее выдающихся царей причерноморских скифов Атея / *Atheas* (ок. 429 – 339). Трудно сказать, насколько условный греческий титул *βᾰσῐ́λεύς* соответствовал реальному его статусу. Скифы основательно поселились в Добрудже, видимо, уже после Атея [Андрух, 1995: 96-97]. В IV в. до н.э. наблюдается увеличение скифского населения, как оседлого, так и кочевого и в Поднестровье, усиливается давление на греческие города Северного Причерноморья. IV веком до н.э.

датируется большинство скифских царских курганов, не имеющих аналогов по богатству инвентаря.

К этому же периоду следует отнести и начало возникновения скифских городов, которых Геродот в середине V в. до н.э. не мог еще видеть в степной Скифии. Великой державе должна была соответствовать, согласно старым представлениям, и эффектная столица. Действительно, еще в 1899 г. Д.Я. Сердюков стал исследовать ниже днепровских порогов Каменское городище, возникшее к началу IV в. до н.э., чья неравномерно заселенная поверхность 4-5 км в длину была огорожена валами и рвами. Вскоре Б.Н. Граков объявил его столицей государства Атея [Граков, 1954: 7]. Однако никаких дворцовых и административных комплексов, свидетельств пребывания там правящей верхушки на Каменском исследователи не обнаружили, и наверняка не обнаружат. По данным последних исследований, это были несколько наслоившихся во времени скотоводческих поселков с большими загонами для скота [Гаврилюк, 2004], вместе с серией мастерских, где ремеслом занимались, видимо (как часто бывало у кочевников), пленники. То же самое мы наблюдаем и у первой «кочевой империи» Центральной Азии – Хунну: ставка правителя номадов явно находилась где-то в степи и сезонно перекочевывала.

Скифия времен царя Атея была уже, по мысли М.И. Ростовцева, централизованным государством. В отличие от правителей прежней Скифии, в которой иногда собирался совет «басилевсов», Атей правил единолично, что, как будто, подтверждается и чеканкой им собственной денежной единицы. Хорошо известны две монеты сер. IV в. до н.э. с его изображением, которые чеканились в Гераклее Понтийской [Анохин, 1971: 20-41]. Атей также вел активную внешнюю политику, в частности – заключал союз с македонским царем Филиппом II для борьбы с жителями г. Истра. Известно, что требования Филиппа оказались неприемлемыми для Атея, вследствие чего Филипп, в нарушение договоренностей, вторгся в Скифию. В 339 г. в битве с Филиппом II 90-летний Атей погиб где-то в районе Подунавья. Часто это событие объясняют

хорошей организацией македонской армии[155], но, скорее всего, дело было в ограниченности военных ресурсов Атея. Скифы вынуждены были отойти от греческих городов в низовьях Дуная, но спустя восемь лет подтвердили свое реноме способных учеников, полностью разгромив в 331 г. в районе Днестра армию наместника царя Александра в Македонии Зопириона. И, тем не менее, как уже отмечалось выше, около 270 г. до н.э. Скифия оказалась в глубоком кризисе, в том числе и из-за сарматских набегов.

Комплексный подход к вопросам истории, который практиковал М.И. Ростовцев, а именно сопоставление археологии с историей, позволил ученым (А.Ю. Алексеев, Е.Е. Фиалко, Ю.В. Болтрик) выделить в Поднепровье четыре подлинно «царских» кургана IV в.: Солоха, Огуз, Чертомлык и Александрополь. Согласно одному из предположений, Атей мог быть похоронен в кургане Чертомлык [Гуляев, 2019: 316].

В отношениях с Боспором и другими причерноморскими городами ключевую роль, по Ростовцеву, играли две группы скифов (*georgoi / gauvarga* и пахари), поскольку торговля с греческим миром хлебом и скотом составляли основу благосостояния скифов уже через два столетия после их появления в Северном Причерноморье, а также в период становления и развития государства крымских скифов. Современные исследователи больше внимания в такой торговле, согласно совокупности античных источников, уделяют рабам и северным мехам. Стремление утвердиться в Северном Причерноморье, и, соответственно, найти выходы на порты Средиземного моря чередовалось как военным, так и политическим или дипломатическим нажимом на Пантикапей, Керкинитиду, Ольвию и особенно Херсонес, мыслившийся как оплот эллинских традиций и очень удобный для южной торговли [Ростовцев, 1918: 76, 56]. Перспективы новых экономических преференций способствовали тому, что «под влиянием местных условий скотоводы-кочевники превращаются здесь в помещиков-земледельцев» [Ростовцев, 1918: 56]. Однако в дальнейшем

[155] «Македонская организованность и передовые для того времени методы ведения военных действий оказались сильнее безрассудной храбрости и численного превосходства скифской конницы» [Гуляев, 2019: 302].

мнение Ростовцева об особой роли поздней хлебной торговли у скифов не подтвердилось. Ни состав выращиваемых скифами злаков (просо и пленчатый ячмень), ни производительность степного земледелия этого не позволяли, да и не предусматривали: «Вывоз зерна из степной Скифии в Грецию был невозможен» [Гаврилюк, 1999: 384].

Развивая тезис о «скифах-земледельцах», В.И. Абаев позже утверждал, что «скифы (речь на деле идет уже о сармато-аланах – А.Ч.) учились земледелию у европейских народов», и в качестве аргумента ссылался на языковые параллели [Абаев, 2020: 353]. Германские аналогии говорят скорее в пользу контактов сарматов-аланов с готами в III-IV вв. (как в рамках черняховской культуры, так и перед ее оформлением). Что касается этнографических параллелей, то своими исследованиями в области земледельческой культуры осетин Л.А. Чибиров выявил гораздо большее количество существенных осетино-европейских параллелей в области земледельческих обычаев и обрядов, нежели аналогичные взаимосвязи с соседними кавказскими народами [Чибиров, 2008: 508].

Весьма интересен для М.И. Ростовцева был и процесс адаптации западной группы «скифов» с р. Буг, так называемых скифов-пахарей, якобы продававших хлеб и живших севернее от Ольвии, чем каллипиды и алазоны, то есть в лесостепи (границы их территории и сегодня не установлены) к местному оседлому населению. Анализ археологического материала из тамошних погребений позволил М.И. Ростовцеву заключить, что в могилах превалирует местный инвентарь, который переняли и сами скифы. Под влиянием местного населения прежней осталась и форма погребения, при этом в захоронениях лежали обособленно иранские, греческие и ирано-греческие предметы. Сильное влияние местной среды сказалось и на форме хозяйствования, причем как свидетельствует археологический инвентарь (железные орудия труда, керамика оригинальных форм), прежнее население было связано с западным миром. Однако с VII-VI вв. до н.э. среди находок уже появились предметы восточного происхождения, что является археологическим подтверждением прихода на Северное Причерноморье с востока скифских племен. К очерченным

Геродотом условным «квадратным» границам расселения земледельческого населения на западе М.И. Ростовцев, наряду с Прибужьем и Приднепровьем, причислял, как уже отмечалось, и Прикубанье. Он явно хотел обозначить и территорию Предкавказья, как земледельческий регион, который также был в зоне влияния скифов. Известно также, что скифы использовали закавказских ремесленников для изготовления ювелирных вещей – предметов вооружения, конской сбруи, украшенных золотом, серебром, драгоценными камнями.

Начало III в. до н.э. оказалось неблагоприятным для Скифии. Вскоре после смерти царя Атея она переживает серьезный политический кризис, в ходе которого поэтапно теряет влияние на сопредельные территории. Усиливается Боспорское царство, которое со временем становится сильным соперником для Скифии, крепнет Херсонес, и усиливаются племена меотов, жившие на восточном и юго-восточном побережье «Меотийского озера» (Азовского моря). Наконец свою силу и мощь на короткое время скифам продемонстрировала македонская армия во главе с Филиппом II и Александром III. Скифия оказалась в критическом положении, следствием чего стал ее постепенный уход в политическое небытие [Ростовцев, 1918: 42-43].

С распадом Скифии на политической карте региона появляется новое скифское государственное образование. Крымская Скифия (или Тавроскифия) была территориально значительно меньше Великой Скифии, но, в отличие от нее, являла собой, как мы теперь знаем, развитое государство эллинистического типа, в том числе и в социально-экономическом плане. Оно имело в основном земледельческое население, видимо, крепкую центральную власть и эллинизированную элиту. Во II в. до н.э. при царе Скилуре возникает и отстраивается новая столица – город Неаполь Скифский, расширяется территория государства, здесь используют греческую письменность [Зайцев, 2017а: 181; 2003: 43], интенсивными стали официальные контакты с соседними греческими государствами.

Для современной оценки ростовцевской характеристики Крымской Скифии большое значение имеет открытие нового скифского города, явно ставшего еще

в конце IV в. до н.э. скифской столицей Крыма. Это Ак-кая (Вишенное) в Центральном Крыму [Зайцев, 2017: 121; Виноградов, 2023: 203]. Крепость там была изначально возведена в конце IV в. до н.э. по эллинским стандартам. В первой половине II в. до н.э. центр Крымской Скифии переносится в возникший неподалеку Неаполь. Скифское царство, существовавшее в Крыму во II в. до н.э. со столицей в Неаполе Скифском гораздо более походило на эллинистическое государство во главе с варварской династией, нежели на «кочевую империю» скифов IV в. до н.э. Трудно отрицать и роль других групп иранцев в истории Крымской Скифии, вначале – носителей раннесарматской культуры с I в. до н.э. [ср.: Мордвинцева, 2017: 15]. Для позднейшего периода, уже после гибели Крымской Скифии к середине III в. н.э., В.В. Дорошко и С.В. Ушаков обозначают эту территорию как Позднюю Сарматию с новой «сармато-позднескифской» этносоциальной общностью [Дорошко …, 2012: 11]. Ю.П. Зайцев в последние годы скептически относится к попыткам сделать ряд недостаточно изученных черт погребальных обрядов однозначными этническими «маркерами» и до новых разработок предпочитает говорить о «крымских варварах» вообще. Новые исследования Ю.П. Зайцева отчасти позволяют вновь обратиться к концепции М.И. Ростовцева о наличии преемственности между степной Скифией IV в. до н.э., и позднескифским государством в Крыму. Возможно, преемственность существовала и на идеологическом уровне [Иванчик, 2017: 34].

Итак, Крымская Скифия имела столичный город, упоминаемый античными авторами, ряд крепостей, а также обозначенные археологами границы этой культурной общности. Как уже отмечалось, она представляла из себя «варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и эллинизирующей верхушкой» [Щеглов, 1978: 37]. Этноним *скиф* здесь стал обозначать новую этнокультурную общность, в составе которой собственно скифы были лишь частью. Наибольшего расцвета это государство достигло во II в. до н.э., в правление царя Скилура. Крымская Скифия «ведет в то же время, испытывая на себе сильнейшее греческое культурное влияние,

упорную борьбу как с Боспором, так особенно с Херсонесом… который, тем не менее, запирал Скифии свободный выход к морю» [Ростовцев, 1918: 41]. Экспансия сына Скилура Палака на Херсонес Таврический погубила в конечном итоге могущество этого царства, но сама Крымская Скифия с переменными успехами просуществовала почти до середины III в. н.э. В какой форме она была организована после Палака – вопрос открытый. Вполне возможно, что она оставалась лишь только особым регионом без стабильной военно-политической структуры.

Скифо-сармато-боспорские взаимоотношения, возможно, нашли отражение и в осетинской эпической традиции. В свое время В.И. Абаев в статье «Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний» проанализировал несколько сюжетов из осетинской Нартиады, героем которых предстает персонаж по имени *Кæfty-Sær-Xujændon-ældar,* или Глава-рыб-Владетель-пролива. В некоторых сказаниях он предстает как враг нартов, но чаще всего, «оказывается союзником одного из нартовских родов в его войне против другого нартовского рода». Под этим именем (он известен в сказаниях также как «Падцах», «Малик»[156] или «Черноморский алдар») скрывается боспорский царь, который контролировал Керченский пролив и владел «большими рыбными промыслами» [Абаев, 2020: 313, 316]. В сказании о противостоянии родов Ахсартаггата и Бората на стороне первых выступает «Черноморский алдар», что отражает, по В.И. Абаеву, враждебные отношения между скифами и сарматами, которые могли использоваться боспорскими царями в своих целях. Но, учитывая, это в эпосе речь идет о разногласиях внутри одного этноса, здесь скорее говорится о конкуренции сарматских племен.

М.И. Ростовцев подробно изучил историю Крымской Скифии, которая, по его мнению, ставила своей задачей возрождение мощи Великой Скифии. При этом он скептически замечал, что о возрождении Скифской державы в прежних границах не могла идти речь, ибо все основные территории были ранее

[156] Падцах – перс. Падшах; Малик – араб. «царь».

потеряны. Крымская Скифия, наряду с небольшим царством в Добрудже, у устья Дуная (Малая Скифия), так и остались осколками бывшей великой Скифии. Свои выводы о значении Крымской Скифии, ее успешности во внутренней и внешней политике, М.И. Ростовцев проиллюстрировал археологическим инвентарем из знаменитых курганов Куль-Оба, Золотой и др.

Конец XIX в. был ознаменован рядом концептуальных открытий в мировой науке, в частности, точных и гуманитарных ее направлениях, которые способствовали коренному пересмотру многих устоявшихся к тому времени научных положений. Пересмотр этот коснулся, в том числе и археологии в Российской империи. Именно в это время, наряду с повсеместными раскопками, началась первичная систематизация и обобщение археологических памятников, которые археологи связывали с варварскими народами, населявшими в древности территорию юга России.

Начало «скифской эпопеи» в первой половине XIX в., сопровождавшейся богатыми находками в скифских курганах периода классической древности, отодвинуло на второй план изучение артефактов, связанных с варварскими культурами Центрального и Западного Крыма более позднего времени. Находки этого хронологического периода не вызывали у археологов особого интереса, поскольку эти захоронения не были представлены инвентарем, который можно было бы сопоставить с богатым и представительным археологическим материалом скифских курганов и могил боспорский знати. Помимо прочего, скудность этих памятников никак не соответствовала общему представлению, которого придерживалась образованная часть российской общественности второй половины XIX в., согласно которому скифские и боспорские древности Крыма являлись предтечей и, как следствие, неотъемлемой частью российской культуры.

Новая археологическая концепция, принятая на вооружение в этот период, позволила обратить внимание на памятники культуры (Керменчик или *Neapolis Scytheon*, Зуя, Кульчук, Чайка, Беляус, Каратобе и др.), которые находились вне тогдашних границ Херсонесского полиса, отчасти на захваченной у него

территории, и которые, в силу недостаточной информативности материала классифицировались археологами то как греческие, то как скифские или тавро-скифские. Сегодня эта культура известна как позднескифская. В 1889-1899 гг. Н.П. Кондаков и И.И. Толстой стали инициаторами издания шеститомного проекта «Русские древности в памятниках искусства», в котором была предпринята попытка обобщения различных источников, касающихся древней истории юга России. Задача, которая стояла перед издателями, предполагала «выявление сокровенного содержания жизни, народных интересов и религиозных воззрений древнего населения Южной России» [Мордвинцева, 2017: 18].

Согласно Н.П. Кондакову и И.И. Толстому, практически все культурно-исторические процессы в Северном Причерноморье в эпоху классической древности замыкались на синтезе «иранского» и «греческого», или, проще говоря, на взаимоотношениях скифов, и сменивших их в регионе сарматов с греческими колонистами, где местной, «иранской» культуре была отведена роль «оригинального содержания», которая была «покрыта» культурой греческой. В.И. Мордвинцева считает, что «в этой работе оформилось представление (авторов – А.Ч.) об исторической роли населения южнорусских степей, преимущественно иранского по культуре, в сложении «восточного», «греко-варварского» облика античных городов Северного Причерноморья, затем Византии» [Мордвинцева, 2017: 18]. Но тогда в нем еще не могла быть отражена историко-культурная составляющая «варварского» населения Крыма в хронологических рамках с III в. до н.э.

Не обращался к материалам этого периода в истории Крыма и М.И. Ростовцев, хотя до этого именно он был первым, кто, для более четкого представления вопроса, предложил обобщить весь материал по скифским курганам. Дело в том, что в Центральном Крыму тогда практически не было известно ярких памятников хорошей сохранности. Вместе с тем М.И. Ростовцев впервые сформулировал идею, согласно которой в эллинистическо-римский

период в результате регулярного вторжения волн ираноязычных кочевников на регион наблюдалась его постепенная «иранизация» / сарматизация.

Акцентируя внимание в основном на высокохудожественных вещах из погребальных комплексов скифской и боспорской элиты, М.И. Ростовцев в то же время не представлял в своих работах описание и обоснование своей методики обработки археологических данных. Однако в целом его методы интерпретации материальной культуры и механизмов ее развития соответствовали передовым концепциям науки того времени [Мордвинцева, 2017: 19]. Им учитывались три основных составляющих: местная, греческая и иранская, причем под греческим компонентом подразумевались как импорт, так и вещи, которые греки специально изготавливали для скифов [Ростовцев, 1925: 302]. Иранские элементы предполагали наличие предметов, которые априори не имели отношения ни к греческим, ни к местным вещам, а именно те, которые позже были названы А.И. Мелюковой «скифской триадой» [Ростовцев, 1925: 305-307]. Этот перечень М.И. Ростовцев позже пополнил списком вещей, характерных для погребальной культуры сарматов [Rostovtzeff, 1922: 132; 1929: 42-43, 44-45, 55]; при этом описание компонентов «местной» культуры ученый еще представить не мог.

Таким образом, согласно М.И. Ростовцеву, погребальная культура каждого этноса ассоциировалась с определенным набором предметов (своих и импортных). Это позволяло ученому отследить этапы развития и видоизменения в бытовой сфере этих народов, связанных новыми волнами миграционных потоков с востока, из чего следовало, что в основе трансформации материальной культуры народов Северного Причерноморья лежали, прежде всего, этнические изменения [Ростовцев, 1925: 612]. Этот же принцип, в рамках которого схожие группы погребений рассматривались как «связующие звенья» на пути миграций народов, позволил М.И. Ростовцеву отследить векторы этих миграционных процессов [Ростовцев, 1925: 573].

Параллельно с этим М.И. Ростовцев принимал (прежде всего – для степной и лесостепной Скифии) и идею эволюционного развития материальной

культуры путем внутренней трансформации ее элементов. Тем самым обрела достаточно цельные черты картина преемственности культур Северного Причерноморья, которая впоследствии определила «культурные особенности жизненного уклада того, что позднее сделалось Россией» [Ростовцев, 1918: 7].

М.И. Ростовцев является создателем комплексной модели культурно-исторического развития Северного Причерноморья, которая на тот момент не вызывала особых возражений, и в целом была принята научным сообществом. Можно согласиться с оценкой В.И. Мордвинцевой относительно его исследовательских задач и результатов, выявляющих преемственность с дальнейшей историей России и вполне успешно объединивших разные категории источников [Мордвинцева, 2017: 20].

3.8. Начало «иранизации» эллинов Боспорского царства. Сакрализация монархии

Выше мной уже отмечалось, что одним из векторов в будущих исследованиях по античности послужили для М.И. Ростовцева штудии Н.П. Кондакова по археологии и истории классического искусства в кружке при Музее древностей Петербургского университета. На них, среди прочего, Никодим Павлович утверждал, что смешение «собственных (местных) и чужих форм» могут способствовать появлению чего-то нового в искусстве и культуре[157]. Боспорское царство (с 480 г. до н.э.), наряду с самой Скифией, было в числе первых государственных образований на территории России, что привлекало внимание М.И. Ростовцева в контексте его погружения в историю античности и предполагаемое античное прошлое России[158]. История, культура и

[157] Действительно, например, имперское искусство империи Ахеменидов являло собой сочетание собственно персидских традиций с мидийскими, вавилонскими, эламскими, греческими, эламскими и отчасти урартскими. Собственно искусство скифских, а позже сарматских мастеров – это во многом «искусство цитат» (по С.А. Яценко) из развитых изобразительных традиций причерноморских греков, Греко-Бактрии, отчасти парфянского Ирана.

[158] После М.И. Ростовцева обобщающих книг по истории и культуре Боспора в целом издано удивительно мало, хоть важность темы очевидна, и накопление новых материалов идет быстро: [Гайдукевич, 1949; Яйленко, 2010]. Первая из этих книг посвящена, прежде всего, археологии, вторая – эпиграфике.

искусство этого государства в дальнейшем во многом становится причиной его увлечения и Скифией. Именно поэтому «боспорский феномен»[159] имел столь важное значение в разновекторной системе научных интересов М.И. Ростовцева.

Одним из базовых для изучения истории взаимоотношений и взаимовлияния греко-варварского Боспора и варварской Скифии являлся вопрос: насколько сильным было воздействие кочевников степи на эллинов Северного Причерноморья, особенно в римское / сарматское время. Замечу, что с современных позиций более адекватно было ставить вопрос о характере и векторах *взаимовлияния*, т.к. это всегда взаимный процесс. Чтобы понять это воздействие необходимо было «окунуться» в историю Скифии и Боспора, что и было сделано М.И. Ростовцевым.

Принципиальное значение для изучения основ государственности Боспорского царства разных периодов имела книга М.И. Ростовцева «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре» (1913), и ряд статей, таких, как: «Научное значение истории Боспорского царства» (1914), «Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа» (1916), «Савромат II, царь Боспора» (1924), «Иранский конный бог на юге России» (1926/1990), «Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф» (1929), «The Bosporan Kingdom» (1930) и др. Об «иранских» (сарматских) элементах в искусстве Боспора упоминается и в книге «Античная декоративная живопись на юге России» (Т. 2, 2014). Отдельные главы в «Скифии и Боспоре» посвящены истории позднего Боспора (IV в.), в опубликованных же в ВДИ главах из рукописи незавершенного второго тома представлена исчерпывающая характеристика государственного строя Боспорского царства конца III в. Ну и, конечно, это «Эллинство и иранство на юге России» (1918), в которой представлена роль «двух великих начал в истории региона» [Болгов, 1996: 7], в частности – роль сарматов и аланов в истории позднего Боспора.

[159] Не случайно так названа большая серия международных конференций, организуемых в Петербурге с 1998 г. по инициативе В.А. Хршановского.

М.И. Ростовцев отстаивал идею большого влияния иранского элемента на всю историю и культуру Боспорского царства. При этом делал он это настолько аргументированно и обоснованно, прежде всего – для сарматов римского времени, что эта концепция в основе не отвергается и современными исследователями [Шевченко, 2003: 159]. Окруженный с разных сторон (кроме меотов и тавров) ираноязычными соседями, Боспор испытывал сильное влияние «иранизма», как с юга (Ахеменидской Персии)[160], так и со стороны ближайших соседей на севере и востоке страны – скифов и особенно сарматов. Рядовые скифы – скотоводы и земледельцы – обитали в IV в. до н.э. в европейских владениях Боспора[161]. И все же первым народом в Северном Причерноморье, оказавшим существенное влияние на ход колонизации и развития ранних факторий, оказались кочевые скифы, регулярно мигрировавшие через Керченский пролив на Кубань. На полвека позже скифов малоазийские греки, в основном выходцы из Милета, начали осваивать линию побережья Северного Причерноморья, что стало следствием перенаселенности и давления на малоазийские греческие города со стороны Мидии и Персии. Первым эллинским городом здесь стала Ольвия (Счастливая), где греческая культура сохранялась почти 1000 лет. Соседство колонистов со скифами до середины III в. до н.э. было мирным, так как археология не фиксирует в этот период следов набегов, пожаров и т.д. Ситуацию изменила, видимо, политика Крымской Скифии, причем нападениям подверглись и поселения родственных скифов, живших на Европейском Боспоре [Греки и варвары, 2018].

Особое предпочтение исследованию поселений Боспора среди других греческих колоний Северного Причерноморья М.И. Ростовцев отдавал из-за их явного своеобразия и отличия от других центров региона. В районе Боспора на сравнительно небольшой территории Восточного Крыма и Таманского

---

[160] Сегодня ясно, что имели место и политические контакты Боспора и Ахеменидов, а на территории государства найдены статусные персидские изделия, которые явно предметами торговли не были. Предполагается, что само устройство персидской державы могло повлиять на Боспор. См.: [Трейстер, 2011; Молев, 2016: 24].

[161] См, например: [Яковенко, 1974]. Ср. гиперскептическую позицию, практически отрицающую наличие скифов на Боспоре (она не поддержана другими коллегами): [Федосеев, 2018].

полуострова до образования единого Боспорского царства существовало семь самостоятельных колоний-апойкий и более трех десятков небольших городков и селений. Такой интенсивности численного роста городов и населенных пунктов в других районах греческой колонизации не отмечалось. Периодическая угроза греческим поселениям со стороны варваров способствовала тому, чтобы ок. 480 г. до н.э. эти апойкии объединились в единое, достаточно крупное государство *Βασίλειον του Κιμμερικού Βοσπόρου*, ставшее наследственной монархией. В результате греко-варварского *синтеза* на Боспоре возникло уникальное культурное явление – своеобразная греко-варварская культура. Сегодня, продолжая эту линию, один из ведущих археологов-античников А.М. Бутягин отмечает, что в стратегии отношений с варварами Боспор выбрал не союз/подчинение (Ольвия) и не противостояние (Херсонес), а *симбиоз* [Бутягин, 2022].

Боспор был местом, где сошлись и переплелись две культуры, два антигена древнего мира – Эллада и северопричерноморские варвары [Ростовцев, 1925: 155]. С тех пор, как греки обосновались в Северном Причерноморье, с ними вступали в контакт различные народы. Вначале это были скифы, тавры и меоты, позже появились сарматы, за которыми следовали аланы. При этом в греко-римском мире со времен «классики» часто на тех, кто жил на месте или рядом с бывшими скифами, переносилось их имя. Так позже было с готами, гуннами и частью славян. Точно так же сарматов Волго-Донского междуречья (и не только их) со II в. до н.э. продолжали называть савроматами.

Расположенное непосредственно на Боспоре Киммерийском государство, просуществовавшее с V в. до н.э. по конец 520-х гг., соседствовало на юге с зоной влияния ахеменидского, а затем сасанидского Ирана, на разных границах – с ираноязычными скифами и сарматами, а на востоке с синдами и другими меотами. История Боспорского царства, как и история любого долго существовавшего государства, состояла из чередования побед и поражений. Победы Боспора в основном отражались в нумизматике и эпиграфике, свидетелями же военных поражений боспорских царей, как правило,

становилась археологические следы разрушений. Особый интерес в подобной градации представляет нумизматика Боспорского царства как исторический маркер, которому было посвящено немало работ [Бурачков,1884; Анохин, 1965; Болгов, 1996; Чореф, 2013], циклы публикаций, включающих монографические, Н.А. Фроловой, М.Г. Абрамзона и его соавторов и др.). Имена многих боспорских царей, известны обычно благодаря их монетам. Боспорские же надписи начал активно вводить в научный оборот крупнейший эпиграфист В.В. Латышев, а продолжили составители Корпуса боспорских надписей [Болгов, 1996: 7][162]. Со времени Скифских / Готских войн середины III в. н.э. царство постепенно начало угасать, и, в итоге, в конце 520-х гг. окончательно было присоединено к Византии. Уже к концу III в. «Ольвия и Танаис были разрушены, а Пантикапей превратился в гото-сарматский город» [Ростовцев, 1993: 94][163].

Едва возникнув, Боспорское государство стало евразийским. Особенность правления уже ранних Спартокидов (438—109 гг. до н. э.) заключалась в том, что подчинив себе греческие общины Боспора, они, прежде всего, уничтожили «их прежнюю вольность (у них было ранее народное собрание), но сохраняли призрак этой свободы и… называли себя архонтами греческих городов, покорив же варварские народы, приняли титул их царей… Двойственность титулов династов Босфора зависела от дуализма народов той местности – греков и варваров» [Багалей, 1914: 60-61].

IV в. до н.э. был временем относительной стабильности во взаимоотношениях Скифии с Боспорским царством, что способствовало возникновению и формированию в регионе уникального культурно-исторического пространства, оказавшего важное влияние на историю античного мира. В это время курганы скифской знати подчас оформляли греческие архитекторы, с начала IV в. существует особая греко-скифская

[162] Корпус боспорских надписей. Т. 1-2 / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. – 1316 с.

[163] В современных исследованиях поздняя история этих городов трактуется несколько иначе, однако тезис М.И. Ростовцева о том, что Пантикапей/Боспор трансформируясь и приспосабливаясь к новым реалиям, просуществовал значительно дольше, сомнению не подлежит

торевтика, соединившая мастерство эллинских ювелиров с визуализацией скифских мифо-эпических и генеалогических сказаний и сопутствующих бытовых реалий[164]. Часть знатных скифов оседает на территории Боспора и вливается в состав местной знати. Пантикапею, как столице Боспора, М.И. Ростовцев уделял в своих работах особое внимание.

3.9. Религиозные верования скифов. Скифский пантеон

Сегодня мы обладаем большим, как в количественном отношении, так и по своей информативности новым археологическим материалом и немалым числом сравнительных религиоведческих штудий по скифской религии и связанному с нею мифоэпическому фольклору, а также по ее взаимосвязи с эллинским миром [Бессонова, 1983; Раевский, 2006; Шауб, 2007; Вертієнко, 2015; Яценко, 2021 и др.]. Однако более 100 лет назад картина была совершенно иной. Основные сведения о скифских верованиях были известны, прежде всего, по «скифскому логосу» Геродота (который, конечно, нуждался в археологической «проверке»), а некоторые конкретные представления о погребальном ритуале – по немногим неограбленным могилам скифской знати. Не было доступно и опубликовано также подавляющее большинство фактов по доисламским религиям иранских народов вне Ирана для сопоставления. Именно таким ограниченным материалом располагал М.И. Ростовцев.

Представления ученых об уровне сложности и организации скифской религии весьма разнятся и сегодня. По В.И. Абаеву, это, прежде всего, совокупность древних родоплеменных культов дозороастрийского Ирана (почему именно Ирана? – А.Ч.), связанных с олицетворением сил природы (небо, земля), или социальных категорий (домашний очаг, война) [Абаев, 1962: 448]. Геродот же, наряду с обычной для древних попыткой отождествления

[164] Об изобразительной «программе» и эволюции сюжетов этого греко-скифского вида искусства см.: [Яценко С.А., 2013]. Параллельно шла и визуализация своих богов и героев скифскими и зависимыми от них варварскими мастерами.

эллинских и скифских божеств, представил более широкое описание элементов скифской религии. Со ссылкой на него М.И. Ростовцев весьма решительно определил иранский характер скифской религии[165], и отметил, что скифы заимствовали внешнюю атрибуцию своих богов у восточногреческого искусства Малой Азии. Согласно ему, в самом начале скифский культ не знал изображений богов, изображения же их «относятся ко времени значительно более позднему… и являются результатом все усиливающейся эллинизации иранского населения южнорусских степей» [Ростовцев, 1918: 55].

Синкретизм внешнего облика божеств скифов (неизбежные заимствования иконографии развитых соседей)[166], по М.И. Ростовцеву, хорошо вписывался в его представление о скифской культуре в целом: скифской была для него субкультура знати, высших слоев общества, которое господствовало над покоренным земледельческим населением с иным культурным укладом [Ростовцев, 1914: 76; 1925: 308]. Так было положено начало «проблеме двух культур» в Скифии. Это положение справедливо, если говорить о Скифии в целом, как политии в период ее могущества, с ее степной и лесостепной зонами, но неприменимо к собственно кочевым скифам-сколотам.

Со ссылкой на Геродота и археологические данные, М.И. Ростовцев подчеркнул статус державной богини (Табити / Гестия) как высшего божества, которому поклонялись скифы: «…владычица земли и воды, животных, птиц и рыб, покровительница скифской конной знати, мистическое сочетание с которой, посредством приобщения, было одним из торжественнейших актов, часто изображаемых на предметах утвари и убора, изготовленных в Пантикапее» [Ростовцев, 1918: 54][167]. При этом, здесь же он допустил неточности и сознательные пропуски целых строк в цитируемых текстах. Так, из Геродотова списка семи богов [Hdt, IV, 59] он называет только трех –

[165] К тому времени иранские религии сильно разнились как в оседлых областях под государственным контролем (Персии, Хорезме, Бактрии), так и у скотоводческих этносов степной и пустынной зон.

[166] При этом удивительно, что из греческих изображений божеств, найденных во множестве в Скифии, нет ни одного, соотносимого Геродотом с семью главными скифскими божествами (!). См.: [Яценко, 2022, прим. 2].

[167] Это сообщение Геродота (как и информация о Солнце – главном боге массагетов: I, 216) плохо согласуется с представлением о боге-громовежце как изначально верховном божестве индоевропейцев. Любезная информация С.А. Яценко.

«Гестию», «Зевса» и «Гею» [Ростовцев, 1914: 55]. В итоге М.И. Ростовцев парадоксально заключает, что в Скифии «создавалась … довольно обычная на востоке, специально для Малой Азии, *триада-троица* из двух женских и одного мужского божества» [Ростовцев, 1918: 76]. Тенденциозность видения Геродотова текста здесь налицо. Желание М.И. Ростовцева получить именно троицу главных скифских богов, конечно, вполне понятно[168].

Впоследствии, как известно, В.И. Абаев посвятил этой теме статью «Культ «семи богов» у скифов», в которой подчеркнул, что «семибожный пантеон был древним общеарийским трафаретом, который был унаследован … независимо» индоиранскими народами, каждый из которых заполнил его «своим содержанием, соответствующим уровню его хозяйственного, социального и культурного развития» [Абаев, 1990: 91-92, 108][169]. Василий Иванович был убежден в особом значении почитания семерки главных божеств по Геродоту. Аналогичные представления о почитании семи высших сил сохранялись и у потомков сарматов – осетин (правда, их список в разных «семерных» святилищах был разным) [Дзиццойты, 2017], а также, возможно, у кафиров Гиндукуша. Но в отношении других индоиранских групп таких свидетельств нет.

Специалист по древней религии населения Северного Причерноморья И.Ю. Шауб, считает, что представленный Геродотом скифский список главных богов – «это явно искусственная конструкция самого «Отца истории», который, вероятно, стремился свести пантеон скифов к числу «7» [Шауб, 2020: 13]. Он отмечает, что скифы состояли из множества различных групп, представители которых «были столь различны, что просто не могли почитать одних и тех же богов» [Шауб, 2020: 14]. Информация античных авторов о религиозной жизни

---

[168] Статья Ю.А. Дзиццойты дает интересную «подсказку» и для интерпретации версии М.И. Ростовцева о божественной триаде скифов, *если бы она действительно существовала*. В осетинской Нартиаде три основных нартовских рода Алагата, Ахсартаггата и Бората входили в число «семи (групп) нартов». Таким образом, в рамках одной эпической традиции произошло «совмещение семи- и трехчастного деления социума, последнее из которых отражает трехчастное деление общества у древних ариев ... произошло объединение троичной и четверичной числовых характеристик Вселенной, т.е. по горизонтали мир делится на четыре стороны света, а по вертикали – на три: верхний, средний и нижний миры» [Дзиццойты, 2017: 345].

[169] «Посейдона» почитали из сколотов лишь царские скифы.

скифов позволяет предположить, что она находилась на весьма простом уровне: «у них отсутствовали четкие представления об антропоморфных богах, поэтому ни о каком подлинном «скифском пантеоне» не может быть и речи» [Шауб, 2020: 13]. Действительно, в скифском обществе не было ни мощной государственной бюрократии, ни структурированного влиятельного и богатого жречества, ни стандартизованных священных текстов, ни основательных храмов, как в Иране, и т.п. Именно поэтому фиксированную структуру пантеона здесь трудно себе представить[170]. Как отмечает И.Ю. Шауб, факт главенства женского божества (Гестия) в этом пантеоне, с которого начинает свое изложение Геродот – *неожиданный* для индоевропейского патриархального сообщества: «Абсолютная доминанта женского образа (который невозможно однозначно идентифицировать ни с одной из богинь, упоминаемых Геродотом) в греко-скифском искусстве позволяют утверждать, что у скифов существовал культ Великой богини» [Шауб, 2020: 27]. Эту идею он развивает и в других публикациях. По мнению же В.И. Абаева, в соответствии с установками советских религиоведов, пантеон скифов был, якобы, не чем иным, как компромиссом между «матриархальной идеологией» недавнего прошлого, и идеологией победивших патриархальных отношений [Абаев, 1962: 450].

Что же скрывалось за образом т.н. Великой богини, почитавшейся и у причерноморских греков, до этого – у народов Малой Азии и семитского Ближнего Востока? Вероятно, как и у них – супруга верховного бога. Архетип богини-покровительницы, который присутствовал в той или иной форме и у индоевропейских варваров Северного Причерноморья (скифов, тавров, фракийцев), и у греков-колонистов способствовал слиянию этого образа в единую для всех «Великую Богиню»: «пантеистическая природа Великой богини варваров Северного Причерноморья обеспечила благоприятную основу для ее синкретизма с главными женскими божествами греков». Анализ

[170] Точно так же и у осетин «этнографического» времени в нескольких святилищах «семи богов» почитали каждый раз разный состав «святых».

изображений на золотых бляшках одежды и диадеме из Сахновки позволяет заключить, что верховная власть у скифов «считалась даром Великой богини и… имела «атрибуты женственности», которые были характерны и для ряда других архаических обществ» [Шауб, 2020: 42]. Отдаленный его отголосок мы видим в образе уже наполовину приземленной, живущей среди людей «матери нартов» Шатаны алано-осетинского нартовского эпоса. Но более вероятно, на основе собственно сарматской иконографии, считать эту богиню прототипом… капризной красавицы того же эпоса – небесной Ацирухс / Агунды, с ее связью с Мировым древом (или «мандалой» – железным замком с волшебными листьями по углам) и окружавшим его копытными (оленями, козлами) [Яценко, 2022: 148-151].

Среди прочего, Великая Богиня, вероятно, выступала как породительница плодородия и дарительница *фарна*. Понятие фарна *(hvarnah)* – божественной эманации небесного огня, благодати и жизненной силы, которая передается человеку, было широко распространено среди «иранцев». Фарн также был тесно связан с идеологией сакрализации царской власти. Хотя специально античные авторы не отмечают почитание фарна у скифов, оно, несомненно, существовало. Это подтверждает множество сохранившихся скифо-сарматских имен, в том числе и царских, с элементом «фарн».

Возможно, одним из способов передачи фарна было вкушение священного напитка. Именно подобным образом в Авесте передается *Хаома* – «напиток бессмертия», которая богата *Хварной-Хварэной* [Чибиров, 2014: 16]. Для передачи фарна мог использоваться сакральный сосуд в виде *рога-ритона,* различные изображения которого зафиксированы на целом ряде памятников греко-скифского искусства. В качестве примера И.Ю. Шауб ссылается на пластину женского головного убора из кургана Карагодеуашх, центральным персонажем на которой является Великая богиня. Чуть ниже она изображена уже с ритоном в руках. Там же, но уже в царском погребении представлен «конный бог» с аналогичным сосудом. М.И. Ростовцев склонен был видеть в этой сцене приобщение молодого скифа к царской власти, а возможно и к

самой богине. В стремлении подобрать ей имя он считал, что это иранская Иштар или Анахита [Ростовцев, 1913: 14]. В дальнейшем М.И. Ростовцев отказался от попыток определения богинь, изображения которых встречаются в скифских курганах, и называл их просто «Великая Богиня» или «Великая дорийская Богиня-мать» [Ростовцев, 1990: 193]. И.Ю. Шауб, вслед за М.И. Ростовцевым и В.Д. Блаватским, видит в этой сцене «инвеституру царя, причем инвеституру мистическую, заключающуюся в приобщении к власти через вкушение священного напитка. Используя для священных возлияний ритон с этой сакральной сценой, его обладатель магически приобщался к божеству и даруемому им благу» [Шауб, 2020: 43]. Склонна видеть в этой сцене инвеституру и С.С. Бессонова, но уже по аналогии с мистериями Митры. Для нее это, возможно, Зевс-Папай или Аполлон-Гойтосир, которые соответствовали иранскому Митре [Бессонова, 1983: 116].

Одним из основных воплощений фарна является в иранском мире баран / овен. Не менее важную символическую нагрузку несет и золото, как соотношение с высшей божественной инстанцией огненной природы. Золото (упавшее с неба, горящее) как отражение фарна – это символ бессмертия и одно из условий возрождения в будущем. Д.А. Мачинский полагал, что фарн был гарантом сакрального происхождения царской власти и организации общества ираноязычных номадов древности [Мачинский, 2001: 105].

Развивая далее тему поэтапной сакрализации власти греко-скифских правителей, М.И. Ростовцев подчеркивал сильное, по его мнению, влияние иранского Ахурамазды на пантеон скифов. «Иранский Аура-Мазда, – писал он, – в виде конного бога приобщающего к власти скифского царя, знаком был и греческим мастерам Пантикапея, работавшим на Скифии, хотя был менее популярен в этой среде, чем великая богиня. В роли бога победителя зла, дарующего власть царю, видим его на серебряном ритоне из кургана Карагодеуашх» [Ростовцев, 1918: 55]. На деле же такой образ Ахура-Мазды появляется спустя почти 1000 лет, в сасанидское время, и его происхождение неясно. Не менее вероятно, что визуализация конного божества появилась

именно в сако-скифском степном мире (ковер из Пазырыка, бляшки из кургана Тенлик). В то же время иранский бог Митра, который являлся эпонимом правящей династии Боспора (а в основе имени Митридат лежит именно иранский Митра), находился *вне* официального пантеона боспорских богов. Он, видимо, почитался только в периферийных районах царства на уровне местного культа. По Ростовцеву, видевшему в скифском и меотском обществе довольно развитую государственность, тенденция перерастания неограниченной власти монарха в процесс обожествления его личности присутствует всегда. Не было исключением для него и Боспорское царство, где, вслед за иранизацией, с IV в. до н.э. начинается сакрализация царской власти. Специальных исследований, посвященных антропотеизму боспорских монархов М.И. Ростовцев не проводил, и суждения его в основном носят общий характер, но многочисленные замечания по этому поводу говорят о важности для него этого момента, причем в них присутствует признание в процессе обожествления боспорских царей как эллинистического, так и иранского компонента [Шевченко, 2003: 155-156].

К III в. н.э. религиозные воззрения скифской и, особенно, сарматской части населения царства оказывают все большее влияние на организацию царской власти в Боспоре. М.И. Ростовцев полагал, что именно скифы внесли свою лепту в сакрализацию власти в Пантикапее: на смену эллинистически-фракийских традиций видения царской власти приходят скифские обычаи, а эллинизм этому уже не может сопротивляться [Ростовцев, 1913: 30]. Ученый писал не только о факте существования нового культа, но и механизме его внедрения. Будучи инициаторами обожествления своей власти, боспорские правители благосклонно воспринимали и общественные усилия в этом направлении. На Боспоре были общества почитателей государя [Свенцицкая, 1985: 51]. В своих суждениях о культе боспорских властей М.И. Ростовцев больше акцентировал внимание на социальной, а не религиозной значимости союзов частных лиц (фиасов и синодов). Действительно, например, в Горгипии (Анапе) действовали союзы (не религиозные) почитателей царей Котиса III и

Савромата III [Завойкина, 2006: 17]. Культ царей так и не стал заметным явлением в мировоззрении населения царства. На эту роль претендовал, по мнению академика, лишь культ местной Великой богини Табити, которая являлась «официальной богиней всего царства» [Ростовцев, 1914: 14].

Сакральная власть должна была сопровождаться соответствующими культами и ритуалами, связанными с защитой этой власти. Эту функцию в Скифии взяло на себя скифское жречество, которое в понимании М.И. Ростовцева было сосредоточено вокруг служения Великой богине Табити (Гестия). «Верховными жрицами этой Великой богини были жены царей, служили ей и священные энареи, половая импотенция которых … толковалась как небесный знак, призывающий их служить великой богине» [Ростовцев, 1918: 54]. Старейшина нартов в осетинском эпосе Урузмаг также является персонажем с антропоморфным мужским и женским началом, что подчеркивает его жреческие (видимо, шаманские) функции в нартовском обществе [Чибиров, 2014: 17]. И.Ю. Шауб проводит при этом параллели с «шаманами превращенного пола», которых к такой метаморфозе, и вообще к шаманскому служению побуждал или даже принуждал женский дух или богиня земли: «Подобно этому энареи почитали Афродиту, которая, по Геродоту, обучила их прорицанию по ивовым прутикам [Hdt, IV, 67], наказав женской болезнью за разграбление своего храма в сирийском городе Аскалоне, т.е. принудив их к перемене пола» [Шауб, 2020: 51].

О шаманстве как, хотя и далеко не главном элементе религии у скифов и сарматов могут говорить не столько рассуждения разных авторов о каких-то элементах их поведения и их восприятия (они достаточно спорны), сколько характер практик «колдунов» их далеких потомков – осетин [Яценко, 2001б: 73-75]. Подчас у ряда специалистов возникает вопрос, «был ли скифский шаманизм … исконно скифским (т.е. иранским), или он являлся чем-то инородным, заимствованным в смешанной культуре скифов» [Шауб, 2017: 148]. Можно уверенно говорить о первом, т.к. специфическое иранское

шаманство хорошо изучено на специфическом примере среднеазиатских таджиков [Басилов, 1992]; было оно недавно и у кафиров и дардов Гиндукуша.

Одним из важнейших культов у скифов, был культ меча, который, согласно Геродоту [Hdt, IV, 59], был символом и образом скифского бога войны (его имя Геродот не приводит) и ассоциировался им с богом войны древнегреческой мифологии Аресом. М.И. Ростовцев отчасти справедливо считал этот военный фетиш (в виде старинного меча, как позже у ранних аланов и калашей Гиндукуша) характерным для воинственных иранцев. В данном случае постамент из хвороста и четырехугольной площадкой, на который водружали меч, представлял из себя замену типичных для Западной Азии сакральных башенных сооружений. Согласимся с наблюдением, что «многочисленные свидетельства о почитании меча у разных народов, и сам дух скифской религии заставляют усомниться в существовании у скифов культа антропоморфного бога войны, аналогичного греческому Аресу» [Шауб, 2020: 46].

3.10. Различные аспекты иранской степной культуры. Искусство скифо-сибирского звериного стиля

Дефиниция «скифская культура» возникла вскоре после того, как миру были представлены первые артефакты, извлеченные из нескольких курганов скифской знати. Тогда же научное сообщество начало исследовать истоки этой культуры, так как понимание этих истоков предоставило бы шанс если и не решить, то приблизиться к решению одной из важнейших задач скифологии – происхождению скифов. Определенные маркеры позволили характеризовать ученым скифскую культуру как более восточную, связанную с областью распространения иранских и иранизированных племен Центральной Азии, хотя, по мнению М.И. Ростовцева, ко времени появления ее в Северном Причерноморье иранская культура «носит уже смешанный характер, причем чужое в этой культуре, как восточное, так и греческое легче отделяется и

выделяется, чем, несомненно, имеющееся в наличности местное и самобытное». В более поздней стадии культура иранцев представлена «памятниками отдельных сарматских племен, постепенно вытеснивших и заменивших в степях юга России скифов, причем, однако, это вытеснение не было ни окончательным, ни полным» [Ростовцев, 1918: 15].

Сегодня *de facto* в глазах специалистов-скифологов некогда единая культура степных кочевых скифов распалась на культуры архаического, классического и позднего периодов с несколько разной этнокультурной основой; отличаются у них и костюм и другие элементы материальной культуры. Сам М.И. Ростовцев характеризовал еще единую тогда скифскую культуру как «восточную» (ближневосточную и центральноазиатскую – А.Ч.), «иранскую» в своей основе и несколько измененную эллинскими влияниями. Действительно, в так называемой «скифской культуре», распространившейся в Восточной Европе за пределы ареала проживания скифов-сколотов, имеется немало близких азиатским элементов, и равным образом много черт греческого происхождения, поскольку здесь сами греки участвовали в развитии варварской культуры. И, тем не менее, несмотря на все эти черты, М.И. Ростовцев классифицировал скифскую культуру как иранскую, подчеркивая, что истоки ее следует искать в *Персиде,* или в *Арианэм Ваэдже,* (прародине иранцев) откуда, собственно, она и распространилась.

М.И. Артамонов, оппонируя М.И. Ростовцеву, утверждал, что «скифская культура – явление *не этнического порядка*, и связь ее с иранством может быть признана лишь в той мере, в какой иранскому элементу принадлежало господствующее положение в Передней Азии в период развития и широкого распространения скифской культуры» [Артамонов, 1947: 77], что в ее формировании на раннем этапе большую роль сыграли и культуры народов Северного Кавказа, Урарту и др. Конечно, во второй половине VII в. до н.э. «иранскому элементу» еще не принадлежало господствующее положение на Ближнем Востоке, так как группы иранцев, еще не имели значительного военно-политического влияния. Но вряд ли Урарту могло серьезно повлиять на

Предкавказскую Скифию, не соприкасаясь с ней территориально, и не имея серьезных контактов, кроме привлечения отдельных скифских отрядов [см.: Иванчик, 1996, 1999; Алексеев, 2003]; к тому же, в этот время Урарту было не в состоянии расцвета. Заметных следов влияния аборигенов Кавказа на степных скифов также нет, зато очевидны яркие следы обратного. Но, собственно, дело не в этом. М.И. Артамонов, фактически, считал малозначимыми для культуры Скифии языковую принадлежность господствующих скифов, общеиранские элементы их религии и ментальности, а с этим согласиться трудно.

Синкретизм иранского и греческого в истории и культуре Боспорского царства способствовал становлению такого интересного явления, как «греко-варварская культура». В известной мере она оказала влияние также на Западную и Центральную Европу. В Северном Причерноморье, прежде всего – на Боспоре, столкнулись и переплелись два разных, далеких друг от друга культурных, и шире – хозяйственно-культурных типа: иранский (центральноазиатский), привнесенный номадами, и эллинский, носителем которого были греческие колонисты. М.И. Ростовцев задался целью поиска истоков этого синкретизма, того, в каких формах он воплотился, и каково сегодня наследие этого слияния. Результатом этих исследований стала созданная им стройная концепция развития античных традиций в Северном Причерноморье. Справедливо, что «некоторые умозаключения Ростовцева настолько опередили свое время, что их ценность мы осознаем только сейчас, вступая в XXI век» [Шевченко, 2003: 155-163]. По словам М.И. Артамонова, сочетание этих двух начал (греческого и эллинского) показанное в трудах М.И. Ростовцева, «дало замечательную скифскую культуру, воспринимаемую, прежде всего со стороны скифского искусства, или «звериного стиля»» [Артамонов, 1947: 68].

В 1954 г. Б.Н. Граковым и А.И. Мелюковой было сформулировано понятие «скифская триада», которое стало своеобразной «визитной карточкой» скифо-сибирского мира. «Скифская триада» подразумевала набор из трех археологических признаков, свойственных исключительно культуре скифов –

искусство звериного стиля, конское снаряжение и оружие, в частности мечакинак и лук особой формы. До появления огнестрельного оружия, скифское вооружение считалось одним из самых совершенных, а скифы были первыми, кто массово применил конницу. И, наконец, *искусство звериного стиля* – обилие изображений животных (копытных и хищных млекопитающих, изредка – птиц, рыб или грызунов) в определенных позах и композициях. Как правило, эти изображения делятся на три группы – хищники, копытные и птицы, что, возможно, являлось отражением основ идеологической концепции скифов, их видения трехчастной модели мира – нижний, средний и верхний миры[171].

По определению М.И. Ростовцева, именно искусство скифского звериного стиля является наиболее эффектной и загадочной составляющей «скифской триады». Это изображения на разных типах изделий, где «фигуры и части фигур различных зверей постепенно переходят *в орнамент* и употребляются для заполнения известной плоскости целиком, путем ли придания фигуре зверя особой условной позы или сопоставления в геральдической или иной схеме двух или нескольких фигур, наконец, путем помещения одной фигуры за другой в ряд» [Ростовцев, 1918: 42; Фаркаш, 1992: 164]. Именно М.И. Ростовцев, а вслед за ним и его коллеги М. Эбберт (M. Ebert, 1928), Г.И. Боровка (Borovka, 1928) и К. Шефолд (Schefold, 1938) дали характеристику признаков, мотивов и образов, попытались уточнить хронологию и особенности их функционирования [Канторович, 2015: 1]. Как отмечал Э. Фаркаш, исследования М.И. Ростовцева «по искусству звериного стиля столь плодотворны, что мы отнюдь не исчерпали возможностей предложенного им пути» [Фаркаш, 1992: 164]. Подробный анализ скифского искусства звериного стиля в полном объеме содержится в его трудах, посвященных скифо-сарматской истории.

В монографии «Скифия и Боспор» на весьма трудный вопрос, в какой мере сросся с предметами восточного происхождения звериный стиль их убранства,

[171] Последние крупные исследования по этой теме для скифов были сделаны А.Р. Канторовичем (МГУ): [Канторович, 2022]. Речь идет о формальном анализе артефактов в этом стиле, тогда как его идейные основы и смысл остаются дискуссионными.

ученый дает развернутый ответ, отмечая, в первую очередь, его оригинальность и преимущественно орнаментальное назначение [Ростовцев, 1925: 337]. Нигде в другом месте, в том числе и в греческом искусстве, не встречаются предметы охарактеризованных выше форм. Это дало основание М.И. Ростовцеву говорить об оригинальности скифского звериного стиля, в котором орнаментация неотделима от формы и назначения предмета [Ростовцев, 1925: 337]. Далее академик более четко определяет свое понимание сути проблемы, и, чтобы донести свою мысль, он сопоставляет скифский стиль с греческим, находя в первом именно орнаментальность, отсутствие стремления к реалистическому отражению животных и обычно – сложным композициям [Ростовцев, 1925: 338].

До сих пор не существует единого мнения и о происхождении *стилистики* искусства звериного стиля: ее выводят от царств Северного Китая, из быта кочевой элиты Центральной Азии, из искусства Ближнего Востока. Еще больше споров о *смысле* и *семантике* этих изображений (образы тотемных животных, визуализация текстов фольклора типа пословиц, ассоциации с образом жизни и эмоциями степного воина и др.). М.И. Ростовцев справедливо не видел «рождения этого стиля в Древней Скифии, и потому скифским этот звериный стиль можно назвать только условно; в Скифию он явился уже готовым» [Ростовцев, 1918: 42]. Он не отрицал влияние на его формирование и произведений прикладного искусства евразийских племен, предшествовавших появлению скифов в Придонье, допускал, что скифы могли воспринять его от киммерийцев, что этот стиль также мог достаться скифам от урартцев [Ростовцев, 1918: 43]. В другой своей работе М.И. Ростовцев характеризовал искусство звериного стиля уже как сплав местных и привнесенных, инокультурных элементов [Фаркаш, 1992: 167].

Отстаивая свою точку зрения относительно истоков скифского звериного стиля, М.И. Ростовцев возражал Б.В. Фармаковскому, знаменитому исследователю Ольвии, который считал скифский звериный стиль дериватом ионийского, то есть «ионийским стилем» греков. Он был не согласен также с

замечательным финским археологом А.М. Тальгреном, считавшим западносибирские вещи, исполненные в зверином стиле, дериватом скифского, специфически южнороссийского [Ростовцев, 1925: 338-339]. Вместе с тем он соглашался с мнением части специалистов, согласно которому скифскому звериному стилю гораздо ближе западносибирские вещи бронзового и раннего железного века, нежели восточно-греческие, с одной оговоркой: «Сибирские вещи дают нам ряд оригинальных черт, которые на ранних памятниках звериного стиля в Скифии не встречаются и появляются там только в эпоху возрождения скифского звериного стиля, падающую … на время позднего эллинизма» [Ростовцев, 1925: 339]. Иными словами, ему была ближе центральноазиатская, степная версия его происхождения.

М.И. Ростовцева интересовало и место оформления звериного стиля. Вопрос этот оказался слишком сложным и для нынешних специалистов, так как образцы звериного стиля в его «нескифском» варианте были зафиксированы и на северных границах Китая, и на востоке Греции. Следы эти уходят и в Южную Сибирь, и на север Китая, и в древние государства Ближнего Востока (Элам, Манна, Ассирия, Урарту). Фиксируются одновременно и скифские и ионические мотивы из жизни зверей синкретического характера, о которых явно свидетельствуют находки из Феттерсфельда (современная западная Польша); вещи иранского обихода также украшены ионическими мотивами звериного стиля. Свидетельством постепенного проникновения звериного стиля в степи юга России являются для ученого и находки из Келермесского кургана и кургана Литой, в которых изделия, изготовленные в скифском зверином стиле, сочетаются с предметами того же стиля, но уже не в его скифском, а в его восточном и восточно-греческом варианте.

Изучению истории, стилистики и поэтики звериного стиля уже после трудов М.И. Ростовцева было посвящено немало работ. В последние десятилетия о скифско-сакском зверином стиле писали Б.В. Переводчикова, Д.С. Раевский, А.Р. Канторович, Е.Ф. Чежина, Ю.Б. Полидович, М.Л. Подольский, Д.В. Черемисин, К.В. Чугунов. Звериному стилю в сакских петроглифах Южной

Сибири и Казахстана посвящены работы Я.А. Шера и Е.А. Миклашевич, ряда других ученых из знаменитой Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ) в Кемерово.

Выводы

Как научные достижения и предвидения, так и заблуждения такого талантливого ученого, как М.И. Ростовцев, почти в равной степени показательны сегодня. Уже в эмиграции (1918) он был признанным классиком изучения эллинизма и римско-персидского пограничья. Он также был одним из первых, кто попытался дать системную характеристику регионам Скифии, выявить этномаркеры разных ее кочевых групп, и фактически выделил древности раннего периода ее развития («кубанские») и классические («днепровские»).

М.И. Ростовцев постоянно старался соединять данные двух разных наук – археологии и истории, но, к сожалению, был мало знаком с этнографией кочевников. Им же была представлена комплексная модель развития античного Северного Причерноморья. Интерес академика к Скифии в контексте истории России был понятен, учитывая, что предметные исследования древностей в России начались в 1830 г. со скифского кургана Куль-Оба, а «скифский логос» Геродота можно считать первым очерком истории и культуры одного из народов России. Идеи М.И. Ростовцева о культурном, хозяйственном и религиозном взаимодействии со скифами-сколотами причерноморских греков Боспора и Ольвии, а также меотов (масштаб которого он не преувеличивал) сегодня оказались востребованными. Это взаимодействие проявилось в греко-варварских культах, в удивляющей и сегодня мир греко-скифской торевтике, в налаженной международной торговле скифской знати, в частичной эллинизации кочевой элиты в IV в. до н.э. М.И. Ростовцев одновременно и исключительно высоко ценил «Историю» Геродота, и критиковал его сведения на основе данных археологии. Он провидчески обратил внимание на роль в

поздний период Крымской Скифии (Scythia Minor), сегодня подтвержденную археологами.

Важной «сверхзадачей» исследований восточноевропейского иранства М.И. Ростовцевым было уточнение вероятных корней государственности и культуры России как вероятного результата синтеза эллинской и скифской, сарматской культур античности. Здесь он отчасти следовал И.Е. Забелину. Увлеченность академика идеями о высокой сложности скифской государственности (с феодализмом, дружинами и т.п.) соответствовала тогдашнему уровню знаний российских гуманитариев, и сегодня не поддерживается. Вместе с тем, сегодня Скифию V в. до н.э. можно считать первой из серии степных т.н. «кочевых империй». Не пользуются признанием и его мысли об эволюционном развитии Скифии (от ранней «кубанской» к классической «днепровской» и крымской), о сомнительности языковых данных по ираноязычности скифов, об особой роли тройки верховных богов и ряд других. Подчеркивание якобы особого влияния древнего Ирана на регион (при Ахеменидах оно было довольно слабым) не помешало ему, среди прочего, разглядеть оригинальные черты иконографии в скифском и греко-скифском искусстве и многие другие специфические аспекты культуры самых могущественных из ранних кочевников Европы. Начиная с 1970-х гг., идеи М.И. Ростовцева вновь будоражат умы и способствуют продуктивным исследованиям.

Глава 4. Происхождение сарматских культур, Сарматия, сарматы и Боспор в трудах М.И. Ростовцева

4.1. М.И. Ростовцев о письменных источниках по Степной Сарматии

В главе 3 мы уже рассматривали основы подхода академика М.И. Ростовцева к античным авторам, характеризующим Северное Причерноморье. Помимо Страбона, с рубежа II-I вв. до н.э., когда Боспорское царство и соседние территории стали объектом экспансии Митридата VI Евпатора, «Скифией» (Сарматией) и Понтом заинтересовались и другие писатели. В большинстве своем они продолжали традицию идеализации «Скифии», которой придерживались историки эллинистической эпохи. В их трудах можно было усмотреть немалую долю и романических, псевдоисторических сюжетов. По сохранившимся фрагментам из работы «История Филиппа» Помпея Трога в передаче Марка Юниана Юстина можно составить некоторое представление о том, что из себя представляла история Северного Причерноморья в трактовке эллинистической историографии [Ростовцев, 1925: 9].

Со времени распада Скифии, после III в. до н.э., интерес к некогда знаменитым скифам и их преемникам – сарматам у античных историков если и спал, то угас не совсем. В частности, наследников скифов в Крыму великий энциклопедист Плиний назвал «выродившимися скифами» [Plin. NH. IV, 12, 25], их культура, образ жизни, были подробно описаны в трактатах Флавия Арриана (II в. н.э.). При этом в его «Перипле Понта Эвксинского» говорится и о сарматах – роксоланах, в «Походе Александра» – о противостоянии скифов с Александром Македонским и др. [Ростовцев, 1925: 100-101]. Весьма ценны его сведения о народах, живущих по Дунаю. Вторая известная работа Арриана «Тактика», как и несохранившаяся «Аланская история», посвящены военному искусству аланов-скифов (отличаемых от аланов-массагетов).

Анализируя этот спектр работ, М.И. Ростовцев справедливо подчеркивал, что «выделить подлинное от дериватов, определить первоисточники – задача в

высокой степени трудная и сложная» [Ростовцев, 1989: 195]. К примеру, без сообщений таких крупных ученых, как Плиний Старший и Помпоний Мела (I в. н.э.), картина Скифии VI-V вв. до н.э. была бы не полной [Античные …, 1990: 99-102, 104-111]. Однако обычно старые сведения о более древних народах на их этно-картах «прессуются» в попытке поместить туда же более поздних мигрантов, что создает немалую путаницу. Они же неоднократно сообщают о мифических амазонках, расположив их географически недалеко от Кавказа, то есть почти там же, где их воображали в эллинской мифологии. Их в целом богатый материал содержит ценные добавки к тексту Страбона об обычаях сарматов, к примеру – об убийствах языгами своих стариков (вариант – согдианами), описывает вооружение, способы ведения войн и т.д.

В «Скифии и Боспоре» М.И. Ростовцев подверг суровой критике Аммиана Марцеллина (IV в.), который в своем сочинении «Деяния» подробно описывал образ жизни, быт, характер, внешность, обычаи и обряды аланов. Ученый упрекал его в том, что описание им аланов свелось к обобщенной информации, где последние, якобы, лишены индивидуальных черт. М.И. Ростовцев утверждал, что Аммиан Марцеллин использовал тексты того же Дионисия, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Валерия Флакка и т.д. Представленные им сведения об аланах он также считал по большей части литературными трафаретами. Здесь заключения академика не выдержали проверки временем, так как он сильно преувеличил степень литературных заимствований Аммиана Марцеллина. Последний, как протектор-доместик, человек, приближенный к императору Юлиану, известный ритор, принимавший непосредственное участие в войнах Рима с персами, имевший доступ к архивам и актуальной политической информации, был, как никто другой осведомлен и заинтересован в объективной оценке возможностей аланов как потенциальных противников Римской империи, Ирана и гуннов. Упомянутые им группы аланов (танаиты, «европейские» и др.) сегодня локализованы археологами, а описанные обычаи находят ясные параллели в культурах иранских народов. В то же время сочинение Марцеллина, как и в случае с Геродотом, было рассчитано, прежде

всего, на слушателя в придворных кругах, что заставляло его прибегать к некоторым риторическим излишествам, витиеватости изложения – стилю, который в древности было принято называть «азиатским красноречием». Тем не менее, «Деяниями» Аммиана Марцеллина и первым дошедшим до нас подробным описанием групп аланов завершается эпоха крупных римских историков.

Перечисленные выше сочинения античных авторов, разумеется, далеко не равноценны, как не равнозначны их сведения, наблюдения и заключения. Обилие их во многих случаях кажущееся: многие факты истории повторяются, переходят от одного автора к другому почти без изменений. Естественно, не представляется возможным исследовать эти литературные памятники без должного критического к ним отношения, хотя бы потому, что, согласно М.И. Ростовцеву, «пространство нынешней центральной и восточной России, ровно, как и этнография южнорусских степей, и для римлян была *terra Incognita* и географы римского времени – Помпоний Мела, Плиний, даже Марин и Птолемей – повторяют для этих мест по большей части старые ионические сведения» [Ростовцев, 1925: 10]. Сегодня сарматологи знают, что это не так, и Плиний, Птолемей и Тацит зафиксировали практические всеобщие и важные перемещения племен около середины I в. н.э. по сравнению со Страбоном (до конца I в. до н.э.): исчезновение самых могущественных верхних аорсов, а также царских сарматов и ургов, смещение далеко на запад аорсов, роксоланов, языгов, части сираков, и появления в бассейне Дона аланов, переербидов, офлонов, асеев, конеедов и многих других племен (политически, видимо, связанных с теми же аланами).

4.2. М.И. Ростовцев об этногенезе иранских народов Восточной Европы

Савроматы и сарматы. Не прояснена позиция М.И. Ростовцева, идущая от анализа античных авторов о соотношении сарматов и геродотовских

савроматов, живших за Доном, которых он характеризовал как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожих на скифов, и, которые, согласно Геродоту [Hdt, IV, 117], говорили на «искаженном» языке скифов и от них происходили. Он выражал сомнение в идентичности этих этнонимов, считал вопрос трудным и спорным, и допускал, что савроматы не имеют ничего общего с позднейшими сарматами [Ростовцев, 1989: 200]. В качестве примера М.И. Ростовцев ссылался на то, что «во всех наблюдениях над бытом, государственным и военным строем сарматских племен нигде нет и намека на особую роль женщины в жизни сарматов» [Ростовцев, 1925: 113]. Но там же выше он писал, что «это имя (сарматы – А.Ч.) тождественно с этнонимом *савромат* и представляет только иную его транскрипцию», которая стала популярна в сарматское время [Ростовцев, 1925: 111]. Можно сказать, что сегодня эта точка зрения победила в сарматологии.

Долгое время, в соответствии с автохтонистской установкой сторонников Н.Я. Марра, развиваемой Б.Н. Граковым, считалось, что в IV-III вв. до н.э. именно в савроматской среде вызрели наиболее крупные союзы сарматских племен, куда вошли и родственные им племена, пришедшие с Волги. Начиная с III в. до н.э. эти новые группы племен начинают выступать на исторической арене под общим этнонимом сарматы. Последних, якобы, никак нельзя оторвать от собственно савроматов ни по образу жизни, ни по погребальному обряду, ни в целом по материальной культуре: савроматы – непосредственные предки многих сарматских племен [Смирнов, 1984: 9-10]. Ученик Гракова К.Ф. Смирнов считал, что сарматы являются теми же савроматами, но той их группой, которая с VII по IV вв. до н.э. была уже на западе. В III в. до н.э. оставшаяся на востоке часть их также двинулась на запад и, прибыв на юг России, стала смешиваться с родственными им племенами. Большинство исследователей было тогда согласно с мнением К.Ф. Смирнова, утверждавшего, что савроматов можно воспринимать как *конфедерацию* (то есть непрочное объединение якобы равноправных племен), или «группу различных, в основном кочевых племен», так как «иного общего названия для

восточных соседей скифов античная литературная традиция не знала вплоть до III-II вв. до н.э.» [Очир-Горяева, 1989: 112]. К подобному заключению археологи пришли вследствие несоответствия ареала памятников, которые отождествляются с собственно савроматами, и ареала савроматской археологической культуры. Так, памятники скифского времени, найденные в бассейнах Нижнего Дона и отчасти Нижней Волги, имеют надежную савроматскую идентификацию, в то время как т.н. «савроматская археологическая культура» распространялась ее исследователями на археологические памятники Нижней Волги и Южного Приуралья, на которых фиксируются иные народы (исседоны, дахи). В результате с савроматами ассоциируется огромная территория «от дельты Дона на Западе до верховьев реки Урал на Востоке» [Очир-Горяева, 1989: 112]. В то же время, в свидетельствах древних авторов нет и намека на существование федерации или иной формы объединения савроматов, которые распространили свое влияние так далеко на восток. Более того, античные авторы недвусмысленно локализовали савроматов в непосредственной близости к Танаису, Меотиде и Понту, что противоречит мнению о принадлежности памятников Нижнего Поволжья к «эталонным памятникам савроматов». Поэтому М.А. Очир-Горяева резонно предложила «отказаться от названия «савроматская» для культуры скифского времени Заволжья и Южного Приуралья» [Очир-Горяева, 1989: 113].

Эту сумятицу отчасти породили сами античные авторы, со времен позднего эллинизма продолжавшие путать из-за сходства этнонимов *савроматов* (с культурой скифского типа, ближайших родственников скифов, по Геродоту) с, якобы, особой ролью у них женщин, и более поздних *сарматов* (носителей ранне-, средне- и позднесарматской культур). На престоле Боспора до начала III в. н.э. иногда оказывались люди с именем давно уже не существовавшего народа Савромат. Так, сарматы-языги «у Арриана… зовутся савроматы, часть их» [Ростовцев, 1925: 69]. Помпоний Мела называет по старой традиции сарматов «женоуправляемыми» [Античные, 1990: 100]. То же делает и Страбон и римские авторы времен Империи. В римских источниках савроматов

продолжали путать с сарматами. А имя скифов оказалось позже перенесено на народы, *оказавшиеся в разное время на той же территории юга Восточной Европы* – готов, гуннов, хазар, славян и др.

Причину многих неясностей и спорных моментов в сопоставлении савроматов и сарматов М.И. Ростовцев объясняет, в том числе и тем, что скифы у интеллектуалов античности долго заслоняли собою сарматов, и что о них не осталось ни одного подробного очерка [Ростовцев, 1925: 115]. В действительности это не так, и разнообразные сведения о сармато-аланах в греческих, римских, армянских, грузинских, персидских и китайских источниках не менее велики по объему, но они более фрагментарны, обычно кратки и рассыпаны в большом количестве текстов [Яценко, 1994].

Со временем сарматология выделилась в специальное научное направление, которое позволило сформулировать взгляд современной науки на этногенез савроматов, существенно отличающийся от формулы, предложенной К.Ф. Смирновым. Так, М.А. Очир-Горяева предложила отказаться от утвердившихся представлений о савроматах как ранних сарматах, и вернуться к мнению М.И. Ростовцева, который считал сарматов новой волной номадов с востока, и отрицал генетическое родство сарматов с савроматами. «Савроматов М.И. Ростовцев, основываясь на данных письменных источников, понимал как отдельное племя скифской эпохи, локализовавшееся вблизи Азовского моря и Дона, которое в результате экспансии сармат исчезло с исторической арены» [Очир-Горяева, 1989: 114]. А.С. Скрипкин также пришел к весьма радикальным выводам: «Савроматы в большей мере – часть скифо-сибирского мира, *не имевшие прямой связи со скифами* и носителями срубной и андроновской культуры позднего бронзового века» [Скрипкин, 2017: 42]. С.Р. Тохтасьев в своей известной работе «Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae» дал глубокий анализ античных источников (Деметрий, Псевдо-Скимн, Полибий, Феофраст, Антигон Каристийский, Эратосфен, Гераклид Понтийский, Страбон), которые локализовали на древней карте мира народы, населявшие в то время Ойкумену. Сопоставление информации, представленной у них, с результатами последних

археологических изысканий, привело его к выводам, идентичным заключению А.С. Скрипкина. Он также разделяет савроматов и сарматов, определяя их как две разных группы народов, с совершенно разными этнонимами, которые в определенный период древней истории стали отождествляться с греками [Тохтасьев, 2005: 291-306].

Определённых разъяснений требует и тезис о «женоуправляемости» савроматов. В «Эллинстве…» М.И. Ростовцев отмечал наиболее поразившую греков в савроматах особенность их сообщества, которая касалась наличия у них «гинекократии» (высокий статус женщин, отчасти подобный тому, что они наблюдали у этрусков). Он полагал, что эта традиция перешла к савроматам от киммерийцев [Ростовцев, 2002: 34]. Во второй половине XX столетия большинство сарматологов [К.Ф. Смирнов (1964), Б.Н. Граков (1947), А.П. Смирнов (1971), С.А. Плетнева (1998)] не подвергали сомнению сведения древнегреческих авторов (Геродот, Псевдо-Гиппократ, Псевдо-Скиллак, Псевдо-Скимн Хиосский), которые, характеризовали савроматов как *«женоуправляемых»* и, в соответствии с догматами марксизма-ленинизма, видели в этом пережитки никогда не существовавшего «матриархата». К.Ф. Смирнов, ученик убежденного сторонника этой идеи Б.Н. Гракова, писал следующее: «М.И. Ростовцев не сомневался в реальности гинекократии у савроматов, хотя в то время, когда он писал о них, еще не были известны убедительные археологические данные» [Смирнов, 1964: 202]. Впервые против этой позиции, которая слишком очевидно противоречила накопленным археологией и этнологией по кочевникам фактам, выступили Т.В. Мирошина [Мирошина, 1990], В.Ю. Зуев (Зуев, 1997) и С.А. Яценко [Яценко, 2015а].

В.Ю. Зуев, со ссылкой на статью итальянского профессора Ф. Бози, приводит обратную аргументацию, согласно которой ошибка в терминологии была заложена в изначально неверном толковании греческих текстов. Последний считает, что «…этот термин, вероятно, не столько относится к реальному господству, сколько к повышенному престижу женщин и их большей свободе (в отличие от большинства греческих женщин – В.З.)

семейной жизни» [Зуев, 1997: 8]. При этом В.Ю. Зуев справедливо отмечает, что ни Геродот, ни Псевдо-Гиппократ термина *женоуправляемые* не знают, «и он появляется лишь в более поздней литературе, для которой савроматы являются уже символом варварства, а не реальной этнографической единицей». М.И. Ростовцев также полагал, что определение *женоуправляемые* появилось позднее, что оно было выработано «той литературной традицией, которая стремилась идеализировать одни варварские народы, и противопоставить им другие» [Зуев, 1997: 8]. Уже в «Скифии и Боспоре» осмыслив заново эту эллинистическую традицию, опирающуюся на стоицизм, М.И. Ростовцев писал: «Возможно, что и этот эпитет (*женоуправляемые* – А.Ч.), выведенный из характеристики племен, данной ионийцами, был изобретен уже Евдоксом из Книда» [Ростовцев, 1925: 25-26].

Сарматы II в. до н.э. – IV в. н.э. «Теперь уже никто не сомневается в этнической принадлежности сарматов к скифскому (иранскому степному – А.Ч.) племени» – писал М.И. Ростовцев в главе V незавершенной рукописи второго тома «Скифии и Боспора» [Ростовцев, 1989: 153], и там же добавлял: «Новейшие лингвистические исследования в области изучения осетинского языка (осетины – отдаленные потомки алан, конечно очень смешанные) подтвердили это сближение, выяснив с несомненностью, что сарматы были иранцы» [Ростовцев, 1989: 129]. Подчеркивая ираноязычность сарматов, М.И. Ростовцев находил у них много общего со скифами, но, при этом, он также обратил внимание и на различиях между сарматами и скифами [Ростовцев, 1989: 139]. Мнение Ростовцева об «особой грубости и дикости» сарматов основано как на стереотипных представлениях ряда римских авторов [Браунд, 1994], так и на том, что искусство сарматов далеко от вкусов современного европейского ценителя [Яценко, 1994].

Одним из первых М.И. Ростовцев дал характеристику сарматских племен (роксоланы, языги, сираки, аорсы, аланы), последовательность их миграции на Запад и места их локализации. Он даже смело приписывал сарматам, кочевая архитектура которых до сих пор изучена очень слабо, влияние на

средневековые архитектурные стили: «Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинциях нового стиля – романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства» [Ростовцев, 1918: 98]. В действительности же влияние это было в иных сферах, чем те, которые предполагал М.И. Ростовцев, прежде всего – в военном деле, т.к. в гибнущую Западно-Римскую империю (как и ранее – на Боспор) сарматы и аланы попали именно как *военные поселенцы*. Итальянский медиевист Франко Кардини в своей интересной, но весьма спорной работе *«Alle radici della cavalleria Medieval»* (Истоки средневекового рыцарства), развивая тезис М.И. Ростовцева, говорит даже о духовном влиянии сарматской знати на будущее средневековое рыцарство [Кардини, 1987: 42]. Автор утверждает, что из глубин азиатского Востока двинулись не только полчища искусных и бесстрашных всадников, которые наводили ужас на жителей Европы. Вместе с ними в Европу был привнесен образ воителя верхом на коне, защитника людей и победителя драконов как некий прекрасный социальный и культурный идеал, оказавшийся исключительно важным как для становления рыцарства и средневекового христианства, так и в целом средневекового менталитета. «Они сумели ассимилировать многое из содержательной стороны их культуры, усвоили ее технические приемы, прежде всего ведение боя верхом на коне; германцы оказались прямыми наследниками военно-кавалерийской техники и искусства иранских племен» [Кардини, 1987: 18]. Образ кентавра – закованного в чешуйчатые доспехи варвара, слившегося с конем, и одинаково искусно владеющего луком, мечом и копьем, коренным образом изменил представление европейцев о способах ведения войны. Согласно Ф. Кардини, сарматы и аланы способствовали выработке долговременной ментальной и практической основы европейского Средневековья, заложив ряд основ самосознания рыцарства и его этики. Новая «культура» войны включала в себя иное поведение на поле боя, другое тактическое и стратегическое мышление, а также совершенно иное, чем прежде, понимание «боевой единицы». В новом понимании это был

катафрактарий – тяжеловооруженный воин верхом на коне. Как правило, структурно европейское воинство не отличалось особым разнообразием: лучниками в основном были крестьяне, в то время как кавалерия, представленная аристократией, была экипирована мечом и копьем. Ф. Кардини вторит американский популяризатор У. Макговерн: рыцари позднего Средневековья своей амуницией, якобы, больше напоминали «те сарматские племена, которые, несмотря на хорошее знакомство с луком, склонялись преимущественно к использованию копья и меча» [Макговерн, 2021: 61]. Однако, оба автора (и историк-медиевист и журналист) не были специалистами по кочевым народам, и их знания в этой области были весьма ограничены. Средневековые «катафрактарии» появились лишь в XIII в., а этика католического рыцарства, связанная с папством и религиозными войнами, очень мало похожа на то, что мы знаем о поведении героев Степи из исторических текстов и их героического эпоса.

Таким образом, на смену исторической реальности пришла *фольклорная информация* о сармато-аланах. Своеобразный миф о сарматах, как якобы предках польской и литовской шляхты на территории античной Европейской Сарматии, нашел свое отражение и в идеологии (*сарматизм* XVI-XVIII вв.). Сарматские фольклорные сюжеты отразились и в мифологии германцев и части кельтов (Г. Рид, 2006; С. Литтлтон, Л. Малкорн 2007). Снорри Стурулсон в своем «Круге земном…» полагал, что донские степи являются родиной древнескандинавской культуры и древних богов Скандинавии, и был уверен, что легендарный город асов был расположен на берегу Азовского моря и Танаиса / Танаквисля [Абаев, 1965: 106-108]. Соответственно, норвежский лингвист Г. Моргенстьерне определил прямую связь между этнонимом народа *асов* (асеев в низовьях Дона знает во II в. н.э. Птолемей) и именами скандинавских богов [Моргенстьерне, 1977: 205].

На деле же по данным археологии мы видим тесные связи, прежде всего, именно нижнедонских аланов рубежа I-II вв. с готами на довольно обильном материале клановых эмблем-тамг (особенно на знаковом оружии – на

наконечниках копий), причем могущественные тогда аланы явно были желанными союзниками [Яценко, 2020: 411]. В своем исследовании «Осетинский язык и фольклор» Ж. Дюмезиль представил интересные факты о взаимосвязи скандинавской и осетинской мифологии внутри индоевропейской [Дюмезиль, 1976: 86-131], не раскрыв при этом вопрос о ее первоистоках, которую, по мнению Т. Хейердала, «нельзя свести к общему индоевропейскому наследию» [Хейердал, … 2008: 10]. В.И. Абаев осторожно предполагал, что посредниками между скандинавами и асами могло выступить германское племя *герулов*, которое обитало у Азовского моря по соседству с сармато-аланами, а впоследствии участвовало вместе с норвежцами в заселении Исландии [Абаев, 1965: 106-108]. К сожалению, где именно могли жить герулы в Приазовье, археологам до сих пор неясно. Ж. Грисвар в своей последней книге «Меч, брошенный в озеро, романы Круглого стола и легенды о нартах» (2022) обращает внимание на то, что валлийские легенды частично совпадают с эпосом Осетии: «Структура трио Артура, Гавейна и Кея, трех центральных персонажей Артуровскго цикла, накладывается на персонажи нартов Батрадза, Сослана и Сырдона… возможно, что во время вторжения 5-го и 6-го веков новой эры аланы принесли эти легенды с собой в Галлию, а затем уже в Уэльс. Но наиболее вероятным остается предположение, что эти мифы возникли еще у индоевропейцев, а затем уже они развивались независимо, сохраняя одну и ту же структуру» [Грисвар, 2023: 15-17]. Таким образом, Ж. Грисвар предлагает не преувеличивать значение схождений ряда фольклорных мотивов, в частности, на фоне обилия сюжетов, широко распространенных в разных регионах мира [ср., например: Березкин, 2019].

Сарматы и аланы. Не вполне ясным для М.И. Ростовцева остается также вопрос о соотношении сарматов и аланов. Согласно ему, сарматские племена шли на запад одни за другими: первыми были ясы, за ними шли роксоланы, затем сираки и аорсы, и, наконец, последними аланы, которых он характеризует как самостоятельный этнос. С этим тезисом не были согласны сарматологи прежних поколений, воспитанные в автохтонистской традиции. Так,

К.Ф. Смирнов считал, что аланы вызрели в недрах аорсской конфедерации сарматских племен [Смирнов, 1950: 108]. В соответствии с мнениями советских сарматологов, считал одним народом сарматов и аланов и его современник, польский ученый Т. Сулимирский [Сулимирский, 2010: 7]. Однако уже к началу 1960-х годов эта позиция подверглась сомнению. По мнению В.Б. Виноградова [Виноградов, 1963: 160-165] и затем В.А. Кузнецова [Кузнецов, 1992: 5], после войны аорсов и сираков в 49 г., описанной Тацитом, оба этнонима почти исчезают, и их сменяют *аланы*; при этом последние, как часть аорсского племенного объединения, не упоминаются в качестве участников этой войны. Позицию В.Б. Виноградова позже поддержали Б.А. Раев [Раев, 1979: 13-15; 1986: 61, 62] и А.С. Скрипкин [Скрипкин, 2010: 239]. В то же время Д.А. Мачинский обратил внимание на тот факт, что многие античные авторы четко различают сарматов и аланов и дают перечисления типа «готы, сарматы и аланы» [Мачинский, 1974; Раев, 1979: 13-15].

Истории известны периоды (к примеру, III в. до н.э. – III в. н.э.), когда скифы и сарматы были современниками на протяжении длительного времени, а уже с I по III вв. н.э. под описательным этнонимом *скифы* помимо сарматов античные авторы начали упоминать и ираноязычных аланов, что приводило к путанице в определении этнической идентичности того или иного народа и несоответствию племенных названий. Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский в своей монографии «От Скифии до Индии» интерпретируют это следующим образом: «В древности эти степные территории (Евразии – А.Ч.) были в основном заняты ираноязычными племенами. Тогда к ним, в том числе к сарматам и аланам, прилагалось общее название «скифы», но собственно скифами … называлась одна группа племен Юго-Восточной Европы» [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983: 25]. Характеризуя аланов, Дион Кассий [Dio Cass. 69.15] и Аммиан Марцеллин [Amm. Marc. XXXI, 2, 12] определяют их как массагетов, которые у Геродота [Hdt, I, 201] обозначены как «скифское племя». Впоследствии потомки массагетов обосновались на Кавказе, где положили начало массагето-аланскому царству, известному по армянским источникам как

«страна маскутов» [Яценко, 1998; Перевалов, 2014: 5; Малашев и др., 2015: 138-147].

Скифо-сарматская культурно-лингвистическая общность довольно условна и, как и на заре выхода сарматов, а позже и аланов на авансцену истории, не отличалась даже видимостью какого-либо единства, что и было отмечено М.И. Ростовцевым. По разным причинам (прежде всего, в конкуренции за пастбища и данников – А.Ч.) скифы, сарматы и аланы сталкивались в противостоянии друг с другом. Так, со ссылкой на Полибия, М.И. Ростовцев приводит историческую новеллу о сарматской царице Амаге во II в. до н.э., когда крымские скифы усилили свой напор на Херсонес. Не имея тогда сильных покровителей, город искал поддержки и у Фарнака I, царя Понта, и у сарматов царя Гатала, обитавших на севере [Колобова, 1949: 31], а, по мнению большинства современных авторов – на востоке (сираки Кубани). Согласно легенде, херсонесцы заключили союз с Амагой, женой слабовольного сарматского царя Медосакка, благодаря чему и спаслись. При этом сарматы наседали на скифов с севера и востока [Ростовцев, 1925: 137; 2012: 134]. Фарнак II в борьбе с Асандром, которому он в свое отсутствие поручил управлять Боспором, и который выступил против него, опирался на воинский контингент скифов и сарматов, а боспорского царя Савромата I (93-123) в его борьбе со скифами также поддержали сарматы. Когда же из-под влияния римлян или боспорцев выходили скифо-сарматские объединения, против них были направлены другие отряды номадов [Пуздровский, 2001: 107, 111]. Римский император Нерон (I в. н.э.) одновременно воевал со скифами, сарматами и аланами, а легат римской провинции Мёзии, Тиберий Плавтий Сильван Элиан по приказу Нерона оказал помощь Херсонесу в отражении нападения скифов и некоего «неизвестного римлянам» могучего кочевого народа. По мнению С.А. Яценко, Плавтий Сильван готовил большой поход в район Черного моря и, видимо, ставил задачей разбить впервые появившихся у границ Империи аланов [Яценко, 2001а]. Предполагается также участие аланов на стороне боспорских царей в борьбе против крымских скифов. Подобная

ситуация сохранялась в Боспоре и позднее, когда скифы растворились в конгломерате племен начавшихся массовых миграций: «…тогда сфера политического влияния Рима все более суживается, и старая греко-иранская жизнь на юге России все более увядает. В середине III в. н.э. скифы окончательно потеряли свою самостоятельность и этническое своеобразие, растворились среди племен Великого переселения народов. Греко-иранский период в истории юга России кончается, и начинается новый, где руководящую роль играют германские готы и тюркские племена» [Пуздровский, 2001: 84].

4.3. Изменения в Степи в эллинистическое время, кризис Скифии и сарматы

Курганным погребениям степей юга России *эллинистического и римского времени* (III в. до н.э. – III в. н.э.), то есть в основном уже сарматским, посвящена последняя XI глава книги М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор». В ней выделены следующие три периода с соответствующими памятниками: курганы Тамани и Прикубанья переходной эпохи, Кубанская группа курганных погребений эллинистического и римского времени, и примыкающие к кубанской группе погребений погребения и клады степей юга России. С IV-III вв. до н.э. начинается новая серия курганных погребений с измененным обрядом погребения и с совершенно новыми элементами в погребальном инвентаре [Ростовцев, 1925: 545]. В этот период «в погребениях всего юга России, от Кубани вплоть до Венгрии и Болгарии, начинают преобладать восточные и греческие элементы, причем апогея своего развития достигают как греческий импорт, так и особенно вещи, изготовленные греческими, вероятно пантикапейскими, мастерами, специально для нужд и потребления местного населения» [Ростовцев, 1989: 196]. Здесь, как и в предыдущей главе, М.И. Ростовцев детально описал эти погребальные комплексы, которые, начиная с переходного периода (конец III-II вв. до н.э.), встречаются вплоть до

эпохи Римской империи, когда курганные некрополи в Поднепровье с середины III в. н.э. вытесняются так называемыми «полями погребальных урн» черняховской культуры, которую ныне в своей военно-политической составляющей считают готской. В сравнении со временем наибольшего могущества Скифии, с середины III века до н.э. географические рамки скифской государственности сужаются, по его мнению, отчасти до пределов Прикубанья и Тамани, но в основном – Крымской Скифии, что доказывается и погребениями переходного времени, и примыкающими к Кубанской группе погребениями и кладами степей юга России [Ростовцев, 1925: 545]. При этом ученый уточнял, что на Кубани курганы переходного периода или вовсе отсутствуют, или встречаются весьма редко.

Анализ погребального инвентаря позволил М.И. Ростовцеву установить следующее: «В конце III в. мы наблюдаем довольно резкое изменение культурного уклада с целым рядом новых особенностей, которые не могут быть объяснены исключительно эволюционным путем, а предполагают наличность какого-то нового культурного течения с новой струей восточных, по всей вероятности, иранских же элементов» [Ростовцев, 1925: 309]. В итоге резко меняется общий характер степных курганных погребений. Меняется и конструкция погребального сооружения, и обряд, и состав, и характер инвентаря. «Новый тип» примешивается и к погребениям старого, что, по М.И. Ростовцеву, находит объяснение «в появлении *новых последовательных волн* иранских завоевателей, постепенно внедрявшихся и вклинивавшихся в скифскую державу, причем высший класс завоевателей естественно смешивался с высшим классом скифской державы, родственным им по происхождению» [Ростовцев, 1983: 198]. Сегодня мы знаем, что набеги сарматов издалека, климатические изменения и какие-то внутренние смуты с 270-х гг. до н.э. резко сократили скифские территории до анклавов в Крыму и ряде других регионов. Причину этих перемен М.И. Ростовцев видел в изменениях военно-политических реалий, внешнем давлении, не совсем благоприятно сложившихся для скифов [Ростовцев, 1983: 458].

Описывая погребальный инвентарь курганов Тамани, Крыма и Прикубанья, М.И. Ростовцев отметилт сильное греческое влияние, «вытесняющее какие бы то ни было местные элементы, в бассейне Дона, ближе к Танаиду, замечается то же явление, дальше на север к восточно-греческим вещам примешиваются мало еще обследованные местные вещи». Вслед за этим ученый характеризует комплекс погребений юга России, отмечая при этом отличие памятников Степного Приднепровья (греко-восточный уклад) от Среднего Приднепровья (преобладание местного производства над восточно-греческими вещами) [Ростовцев, 1989: 196]. Подвергнута анализу в «Скифии и Боспоре» также кубанская, а точнее – сиракская группа археологических памятников эллинистической и римской эпох. Завершается глава детальным анализом погребений и кладов на юге России.

Новый этап тесных контактов Боспора и скифов приходится на вторую половину III в. – первую половину II в. до н.э., – период, который, по выражению М.И. Ростовцева, стал временем культурного возрождения Боспорского царства. Долговременное пребывание *сарматов* на Кубани, на Дону и далее на запад не могло не оставить следа в могильниках, расположенных в этих местностях. Погребения со II в. до н.э. резко отличаются от погребений скифов IV-III вв. до н.э. [Ростовцев, 1918: 130, 133]. Погребения эти не имеют формы погребальных ям со встроенными в них деревянными и каменными сооружениями. Позиция М.И. Ростовцева о смене культур в некоторых восточных районах Степи с III в. до н.э. в дальнейшем была поддержана многими его последователями, такими, как А.С. Скрипкин [Скрипкин, 1990], И.И. Марченко [Марченко, 1996] и др.

Изменения, которые произошли в погребальной обрядности и инвентаре скифов переходного и последующего развития *в эллинистическое и римское время,* М.И. Ростовцев объясняет следующим образом. Со второй половины III в. до н.э. исторически засвидетельствована серия миграций с востока на запад ряда сарматских племен. Сираки, языги, роксоланы, аорсы, затем аланы постепенно появились в степях юга России, оседали, вновь двигались далее,

при этом поочередно покоряя друг друга. Прорываясь через границы той или иной области, они становились хозяевами положения, при этом смешивались с народами, населявшими ранее эти территории, воспринимая исконный уклад их жизни и продвигаясь дальше на запад под давлением новых подходящих с востока племен, и упорно вытесняли шаг за шагом старых хозяев – скифов, несомненно, смешиваясь с ними [Ростовцев, 1989: 612].

Эти волны сарматского нашествия отразились в погребальном инвентаре курганов Прохоровки и других. Именно поэтому в эллинистическое и римское время кубанская группа курганных погребений представлена культурой сарматских племен. Реконструируя историко-культурные процессы на Кубани, М.И. Ростовцев прозорливо писал, среди прочего, о смешении первой волны сарматов с местным населением [Ростовцев, 1925: 612-613]

Согласно М.И. Ростовцеву, большая сарматская волна сплошным потоком прошлась по южнорусским степям не раньше II в. до н.э., тогда же новые сарматские племена осели на берегах Кубани [Ростовцев, 1925: 615]. Эта волна с Кубани и Дона двинулась и дальше; следы ее заметны на всем протяжении степей юга России и далее на запад по Дунаю вглубь Центральной Европы.

4.4. Роль М.И. Ростовцева в формировании сарматологии как отдельного направления науки о кочевниках

Одной из нерешенных «скифских загадок» является вопрос *крушения могущества* (но не гибели) Скифии в первой трети III в. до н.э., что сопровождалось гибелью многих скифских и греческих общин в регионе, а также причины этого явления. Собственно, причин кризиса сильных объединений номадов современные специалисты-кочевниковеды знают лишь несколько: это перепроизводство элиты (из-за гаремов и т.п.), постепенное появление новых локальных центров силы, конфликт с другими кочевниками и изменение климата. Простая теория, которая гласила, что в начале III в. до н.э.

сарматы вытеснили скифов, была подвергнута обоснованному сомнению современными археологами, которые продемонстрировали, что после начала III в. на большей части территории европейской Степи (кроме Крыма, низовьев Днепра и Днестра) не фиксируются более скифские курганы, а собственно сарматские курганы появляются за Днепром лишь в I в. до н.э. Основной причиной кризисных явлений в Степи в этот период некоторые исследователи склонны считать кратковременные, но мощные набеги сарматов из-за Дона [Симоненко, 2018]. Согласно им, экологические проблемы вряд ли привели бы к запустению лучших степных пастбищ Европы в бассейнах Днепра, Буга и отчасти Дона, скорее речь идет о «зоне страха». Лишь с середины II в. до н.э.[172] с востока на запад от Урала и Волги вглубь бывшей Скифии началась массовая экспансия новых иранских номадов-скотоводов, которых греки называли общим именем *сарматы*[173]. На деле под этим гиперэтнонимом у римских авторов могли скрываться разные народы, в том числе и те, которые не имели прямого отношения к сарматскому миру. Сегодня отчасти уточнены прародины разных волн сарматов трех основных сарматских археологических культур на дальней границе Европы и Азии и в Центральной Азии[174]. По прежнему мнению, автохтонистов, исходно связанных с установками марризма, сарматы ниоткуда не приходили, а зародились в составе т.н. «савроматского» южноуральского мира. Согласно позиции миграционистов, которая сегодня преобладает среди сарматологов, активное культурное ядро каждой из трех культур (раннесарматскую ряд коллег склонны начинать с середины II в. до н.э., и до того видят на Южном Урале скифоидные племена; последнее касается, видимо, и ранних сираков Кубани) попадает в Европу в результате очередной миграции с Востока. Пришельцы при этом включали в состав орды часть предыдущего, подчиненного степного населения [см., например:

[172] Установление этой даты для распространения культуры собственно сарматов до сих пор сопровождается жесткой полемикой. См., например: [Зуев, 2013].

[173] Речь явно не идет об ино-названии. Народ сайрима у реки Ратха (Волга) упоминается в IV в. до н.э. в одном из разделов Авесты, а в фольклоре вайнахов Предкавказья «шармат» – один из синонимов враждебных сил.

[174] Здесь имеется ввиду анализ костного материала антропологами, а палеогенетика явно принесет немало сюрпризов.

Скрипкин, 1992]. Упоминание около 370-360 гг. до н.э. Эвдоксом Книдским у Дона народа сирматы – это еще не о сарматском, а о скифоидном этносе. В 270-х – 260-х гг. до н.э. происходят, видимо, вторжения сарматов и их союзников в разные части Скифии и на территории греческих колоний[175]. Новая, гораздо более многочисленная волна номадов с Востока приводит к распространению в европейской Степи с середины II в. до н.э. раннесарматской культуры, которая генетически связана с некоторыми группами сарматов Южного Приуралья и рядом районов Казахстана [см., например: Таиров, 2012; Зуев, 2013; Сиротин, 2021]. Со времени Августа (на карте его зятя Марка Агриппы) Северное Причерноморье стало называться Сарматией (пустыни Сарматии по Плинию: NH. IV, 81, 91), а затем источники Птолемея делят ее на Европейскую и Азиатскую, к востоку от Дона, причем северная часть первой доходит до Балтики. Понятно, что переименование Скифии в Сарматию отражало масштабную смену этнических массивов в Степи. Дальнейшее продвижение сарматов на запад охватило территорию до самых дальних островков Степи у Нижнего и Среднего Дуная, которая впоследствии многие столетия будет связана с сарматским и алано-ясским миром.

Сегодня М.И. Ростовцев считается *основателем сарматологии* при том, что сарматы не стали предметом его специального исследования, а рядовые сарматские погребения выделил впервые В.А. Городцов. Они чаще всего упоминаются М.И. Ростовцевым в связи со скифами, в сравнении с ними, а также боспорцами, парфянами, искусством «звериного стиля» и т.д. Так, для одиннадцатого тома «Кембриджской древней истории» (1936) М.И. Ростовцев написал главу под названием «Сарматы и парфяне», «сарматская» часть которой была опубликована в «Скифике» – первом за более чем семьдесят лет отечественном сборнике работ академика, изданном в 1993 г. И все же наиболее подробно сарматский материал был представлен им в двух его

[175] Чтобы яснее представить себе обстановку вокруг остатков некогда великой Скифии, ограничусь одним примером. Неплохо укрепленный город Ак-Кая (городище Вишенное) в Центральном Крыму, бывший первое время столицей крымских скифов, за 200 лет, с 270-х до 70-х гг. до н.э., горел от вражеских нашествий 7 раз (!). См.: [Зайцев, 2015: 164-173].

работах: *«Iranians and Greeks in South Russia»*, изданной в Оксфорде в 1922 г и *«The Animal Style in South Russia and China»*, напечатанной в Принстоне (США) в 1929 г.

История изучения сарматов показывает, что М.И. Ростовцев чувствовал сарматскую «древность» глубже, чем многие его советские коллеги. Так, еще до исследования первых после дружинного, и, якобы римского «Золотого кладбища», серий основных сарматских курганов (П.Д. Рау, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов), а именно в 1915 г. состоялась поездка М.И. Ростовцева в Оренбург к родителям, где он заинтересовался делами местной Ученой археологической комиссии, обратив внимание на курганы, разграбленные местными крестьянами в 1911 г. Уже в 1916 г. его ученик С.И. Руденко организовал раскопочную экспедицию в деревню Прохоровка, в ходе которой были исследованы курганы раннесарматской (прохоровской) культуры (по Ростовцеву – Оренбургская группа), датируемые им вначале IV-III вв. до н.э., а к концу жизни в основе, прежде всего, II-I вв. до н.э. [Зуев, 1998: 6-7]. Вскоре, уже на фоне событий, сопровождавших ранний период Гражданской войны в России, М.И. Ростовцев опубликовал материалы раскопок [Ростовцев, 2018б], где впервые отождествил памятники этого типа с историческими сарматами. Результаты раскопок имели большое значение для характеристики раннесарматской культуры Южного Приуралья. Это был первый случай в истории археологии сопоставления конкретного археологического памятника с историческими сарматами. В дальнейшем же были такие работы, как упомянутая выше *“The Sarmatae and Parthians”* [Rostovtzeff, 1936], *“Une Trouvaille de I’époque sarmate de Kerch au Louvre et au musée de Saint-Germain”* [Rostovtzeff, 1923], *“L’art gréco-sarmate et I’art chinois de l’epoqe des Han”* [Rostovtzeff, 1924], «Сарматские и индо-скифские древности» [Ростовцев, 1926], *“The Animal Style in South Russia and China”* [Rostovtzeff, 1929] и др.

М.И. Ростовцев первым сформулировал модель появления и развития сарматских культур в Северном Причерноморье, с привлечением в качестве доказательства ее основных постулатов археологических материалов. Целью

своей работы он считал не историю (сведение воедино фрагментов сочинений древних авторов, иллюстрируемое археологическим материалом), но «написание истории, используя археологический материал» [Rostovtzeff, 1922: VII-VIII].

В своих трудах ученый существенно отошел от популярного у его предшественников и современников подхода, которые ставили приоритетом изучение античных древностей и распространение античной культуры, и, в отличие от них, последовательно продвигал идею дуализма иранского и греческого влияния в Северном Причерноморье. «Я не рассматриваю юг России как одну из греческих провинций. Юг России всегда был и оставался даже в греческий период восточной землей» – писал он в 1922 г. [Rostovtzeff, 1922: VIII-IX]. В этом высказывании отражается его глубокое уважение к культуре ираноязычных народов, которую он ставил на один уровень с античной цивилизацией, подчеркивая, что «влияние иранского мира на классическую цивилизацию было огромным» [Rostovtzeff, 1922: 9]. В южнорусских степях представители иранской культуры, скифы и сарматы, выступали в роли культурных антагонистов эллинского мира.

На заре своего становления как ученого-античника М.И. Ростовцев столкнулся с проблемой недостаточной конкретизации археологических памятников, связанных с историческими сарматами. Особую сложность представляло определение ранних сарматских памятников, относящихся к периоду их предполагаемого завоевания Великой Скифии, что, согласно его предположениям, происходило на рубеже IV-III вв. до н.э. или в III веке до н.э. [Rostovtzeff, 1922: 121]. Одним из первых надежных упоминаний сарматов в Европе М.И. Ростовцев считал рассказ Полибия об участии сарматского правителя Гатала (как сейчас можно предполагать – правителя кубанских сираков) в заключении договора между царем Понта Фарнаком и представителями различных государств Европы и Азии в 179 году до н.э. [Minns, 1913: 118].

Для более полного освещения этого малоизвестного периода ученый выделил археологические памятники сарматов, которые могли бы служить моделью для изучения памятников территорий, на которые сарматы продвинулись из Азии. Исходя из сообщения Диодора Сицилийского, такие комплексы следовало искать к востоку от Дона и датировать временем до III в. до н.э., что совпадало с предполагаемым временем появления сарматов в Европе. При этом важно было не только наличие хронологических признаков, но и соответствие представлениям о характере материальной культуры сарматов. Таким образом, М.И. Ростовцев приступил к поиску сарматского археологического материала, опираясь на уже существующую историческую традицию.

М.И. Ростовцев рассматривал завоевание сарматами бывшей Скифии не как пассионарное движение соседнего со скифами племени савроматов, а как появление в ареале нового иранского сообщества, продвинувшегося в степи Северного Причерноморья из глубин Азии, от границ Греко-Бактрийского царства и его соседей. Изучение художественных изделий из уже известных погребений, особенно Александропольского кургана, которые он верно датировал III веком до н.э. и в которых он увидел признаки нового иранского влияния, пришедшего на смену греческому стилю, подтолкнули его к соответствующим выводам. Сегодня мы знаем и скифский некрополь III-II вв. до н.э. у с. Глиное у р. Днестр, где, наряду с влиянием фракийцев и кельтов, появляются новые элементы культуры – тамги, иной декор костюма, меотская упряжь с Северо-Западного Кавказа и др. [ср. Четвериков, Тельнов, Синика, 2016].

М.И. Ростовцев связывал первых сарматов в Европе с упоминаемыми Эвдоксом Книдским на Дону *сирматами* около 370 г. до н.э. Согласно ему, сходство этнического обозначения *сирматы* с этнонимом *савроматы* привело к трансформации названия и постоянному смешению этих народов в исторической традиции. Однако реально известные на сегодня памятники донских кочевников IV в. до н.э. имеют, по В.Е. Максименко, еще

савроматский облик. Ученый также отрицал родство этнонимов *савроматы* и *сарматы*, которые многие его предшественники и современники считали разночтением одного и того же имени, подчеркивая при этом, что савроматы представляли местные меотские племена с матриархальной культурой, в то время как сарматы были иранским патриархальным народом, появившимся на Дону около IV века до н.э. [Rostovtzeff, 1922: 121-124]. «Народ савроматов управляется женщинами» – писал греческий мореплаватель и географ Скилак Кариандский (VI в. до н.э.) [Античная …, 1990: 44].

Миграции сарматов М.И. Ростовцев разделил на две основные волны: раннюю, связанную еще с сакским миром; так воспринимались кочевники Южного Урала, и позднюю, связанную уже с пришедшими с границ Китая большими юэчжами. Последняя версия, а именно – родство с оказавшимися в Средней Азии юэчжами, сегодня имеет подтверждение, среди прочего, на материале родовых тамг [Яценко и др., 2019: 141-158]. Тесная связь сарматов с парфянским Ираном отразилась, по его мнению, в особенностях прикладного искусства, религии и военной организации общества. Он также выделил особенности их вооружения, такие как длинное тяжелое копье, длинный меч, кинжал и защитный доспех особого типа (конусообразный шлем, кольчуга, панцирь), которые были описаны в римских хрониках Аррианом и Аммианом Марцеллином.

Маркером ранней сарматской культуры, фиксирующем в Прохоровских курганах в Уральской (Оренбургской) области появившихся здесь «новых иранцев», пришедших с востока, М.И. Ростовцев считал некоторые находки, а именно доспехи, оружие, полихромные изделия, предметы звериного стиля и ахеменидские фиалы. Интуиция исследователя позволила ему провести параллели между Оренбургской группой курганов, курганов у Елизаветовской станицы на Дону и в Прикубанье (Ставропольский клад, Буерова могила, могилы у Бесленеевской и Курджипской станиц) [Rostovtzeff, 1922: 125, 128-129].

Именно на основе этих трех комплексов М.И. Ростовцев и сформировал представление о направлении связей, демонстрирующих движение сарматских племен с востока на запад: Оренбургская группа – Донская группа – Прикубанье. Он отмечал, что изменения в культуре номадов произошли в период конца IV – III вв. до н.э., когда почти не было письменных, и мало археологических свидетельств. Во второй половине II в. до н.э. сарматы появились в Южнорусских степях и освоили территории до Днепра, а через столетие – и до Дуная. Это продвижение сопровождалось почти полным исчезновением скифских могил и распространением новых форм погребений [Rostovtzeff, 1929: 43].

М.И. Ростовцев также упоминал о движении фракийских, кельтских и даже, возможно, германских племен с запада на восток, что привело к падению скифской «империи» под ударами сарматов и фракийцев – влияние фракийцев и кельтов, как уже отмечалось, явственно в таком более позднем скифском некрополе на границе с ними, как Глиное. Однако, по его мнению, крушение величия Скифии произошло именно в результате вторжений восточных племен, и эта позиция и сегодня кажется наиболее правдоподобной.

Распространение в материальной культуре Северного Причерноморья круглых блях конской упряжи (фаларов), часто – подражающих греко-бактрийским (скорее, раннепарфянским – по М.Ю. Трейстеру), М.И. Ростовцев связывал с новой иранской культурой. Он отмечал, что эти фалары не были характерны для скифской узды и видел в них проявление нового иранского стиля, похожего на ахеменидские находки Окса и Суз, а также на индо-иранское искусство Чандрагупты и Ашоки [Rostovtzeff, 1929: 41-42]. Сегодня немало новых изделий конской упряжи известно в составе ритуальных кладов – т.н. «странных комплексов» со II в. до н.э., явно связанных с сарматами и доходящих на западе до Молдовы и Румынии. Многие находки их них указывают на связь с Предкавказьем, видимо – с меотами и сираками [Симоненко, 2018]. Полихромия, как новая черта прикладного искусства, сочетала серебро с частичной позолотой и украшение ювелирных изделий

вставками драгоценных камней и разноцветного стекла. Носителями этой новой культуры М.И. Ростовцев называл саков [Rostovtzeff, 1929: 45]. Действительно, сегодня мы знаем более ранние роскошные сакские полихромные изделия в зверином стиле в Семиречье (курганы Иссык, Чиликты, Байгетобе, Жалаулы), из Аржана, Чинге-Тей и Тээргэ в Туве, из ряда могил на севере Китая.

Следующая волна переселенцев с востока привнесла новые изменения в материальной культуре кочевников Южной России. М.И. Ростовцев связывал феномен сарматского звериного стиля с определенными этническими группами, которые маркировали продвижение этих групп в различных направлениях. Он считал наиболее ранними предметами сарматского звериного стиля Майкопский и Болгарский пояса, позже признанные подделками, датируя их III-II веками до н.э. [Rostovtzeff, 1929: 95]. Он также упоминал Новочеркасский клад (курган Хохлач), золотую пластину из Кубанской области с крылатым волком, гривны и браслеты сарматского времени, относя их к I в. до н.э. – I в. н.э. [Rostovtzeff, 1929: 46-57]. Исследователь полагал, что звериный стиль мигрировал в Южную Россию, Сибирь и Китай почти одновременно из одного центра в Центральной Азии [Rostovtzeff, 1929: 67-68, 93-94]. Сегодня есть немало аргументов в пользу того, что этим центром была самая могущественная в I-III вв. н.э. «кочевая империя» Центральной Азии – Кангюй на Средней Сырдарье [Яценко, 2000; Яценко и др., 2020: 55-57].

М.И. Ростовцев считал, что новую волну пришельцев с востока в основе составляли *юэчжи* – племя, пришедшее в регион из глубин Азии. В историческом разделе своей работы он отметил, что в тот период, когда в сарматских комплексах распространились предметы звериного стиля, а именно после Боспорской войны 45-49 гг., на авансцене истории появляются аланы. Впоследствии постепенно все сарматские племена (к середине IV в. по Аммиану) стали покрываться этим обобщенным гиперэтнонимом.

Согласно М.И. Ростовцеву, социальная организация сарматов «мало чем отличается от скифской, за исключением большей расщепленности и

разбитости. Мы слышим о царях отдельных частей племени, о «скипетроносцах» отдельных племен, о лучше вооруженной аристократии, закованных в панцири с ног до головы рыцарях-катафрактариях» [Ростовцев, 1918: 129-130]. Однако, по современным представлениям, даже у самой богатой и сильной из сарматских кочевых группировок – донских аланов рубежа I-II вв. – общественный строй не перешел границу ранней государственности, находясь на одной из градаций т.н. «кочевых империй», т.к. в этом не было объективной необходимости и возможности [Яценко, 2008]. Аналогом раннего государства во II-IV в. н.э. становится лишь Кавказская Алания, где наблюдаются частичная оседлость, серия стадиально ранних городов, развитое ремесло и т.п.

По мнению М.И. Ростовцева, наряду с языгами, роксоланами, аорсами, сираками, *аланы* являются одним из сарматских племен, которое на начальном этапе развития было автономным. Однако со временем в состав аланов влились как сираки, жившие в верховьях Кубани, так и более многочисленные аорсы, жившие в низовьях Волги. В еще одной своей работе М.И. Ростовцев поддерживает исследователей, считавших верным тождество аорсов и аланов [Ростовцев, 1993: 92]. Растворились в песках истории верхние (восточные) аорсы, донские аорсы, царские сарматы, урги, сираки, а языги и роксоланы Северного Причерноморья поселились в Паннонии. Вместо них территорию заселяют много новых племен, в том числе и аланы.

Это мнение М.И. Ростовцева верно лишь отчасти, ибо, кроме подчиненных, отчасти уничтоженных, отчасти ассимилированных, отчасти сместившихся в новую Аорсию на запад от Днепра аорсов, под этноним *алан* попало, вероятно, и другое сарматское племя сираков, элиту которого с середины I в. н.э. видим на т.н. Золотом кладбище. Действительно, после упомянутой Боспорской войны 45-49 гг. между аорсами и сираками (фактически – между Боспором и Римом), оба этнонима постепенно сходят с исторической арены. Ю.С. Гаглойти [Гаглойти, 1964: 46] и В.А. Кузнецов [Кузнецов, 1992: 5] даже утверждали, что аорсы и сираки стали этнической основой аланов Северного Кавказа. Однако

новейшие данные не подтверждают этого: они сформировались с рубежа I-II вв. на основе племен среднесарматской культуры [Габуев, Малашев, 2009]. Мнение, согласно которому аланами стала совокупность разных крупных сарматских этнических групп, разделяли кроме М.И. Ростовцева и другие ученые – не археологи, такие как Р. Фрай, В.И. Абаев, С.Н. Малахов и др. Вряд ли это так: мы встречаем, наряду с аланами, другие группы сарматов даже у римских авторов III-IV вв. Особенно это ясно для Среднего Дуная, который для Рима было стратегически очень значимым. Например, там сарматов-лимигантов и их «господ» сарматов-ардарагантов четко отличают от аланов перед самым гуннским нашествием, в середине IV в., а позднейшие достоверные известия о сарматах (явно – не о хорошо знакомых во многих частях Империи аланах) относятся ко второй половине V в. (поражения от остготов в 469, 471, 488 гг.). Верно другое: срок жизни многих почти всех предшествовавших сарматских группировок к середине III в. (в эпоху «Скифских» / «Готских» войн и усиления Кавказской Алании) завершился. В чем-то парадоксально близка ростовцевской идее поглощения аланами всех родственных групп версия происхождения аланов А.О. Наглера [Наглер, Чипирова, 1985] наподобие происхождения групп раннего казачества – от пришедших из разных краев разноязыких дружинников. Эта версия очень романтична, но она в итоге не получила признания в сарматологии. Помимо прочего, дружины формировались и функционировали у сарматов явно в другой обстановке, и это сегодня выяснено на конкретных дружинных памятниках [Яценко, Вдовченков, 2015: 173-174].

В построении своей концепции М.И. Ростовцев применил метод определения этнического содержания археологических комплексов по «этноопределяющим» признакам материальной культуры – некоторым категориям вещей (фалары, поясные крюки, броши и др.) или декоративным особенностям отдельных объектов (полихромия, звериный стиль). Выбор этих категорий и свойств был обусловлен его представлениями о характере отражения исторического процесса в предметах материальной культуры. Для

выяснения вероятного восточного происхождения «этноопределяющих» категорий и качественных характеристик предметов М.И. Ростовцев широко применял метод аналогий, сравнивая разнородные объекты по одному или нескольким признакам. Однако здесь он часто оперировал отдельными находками, не анализируя всю совокупность материала, и переносил признаки, характерные для нескольких предметов, на целые группы материала [Мордвинцева, 2013: 23].

Сформулировав схему археологических доказательств своей исторической концепции, М.И. Ростовцев создал основы интерпретации археологических памятников, связываемых с сарматами. В отличие от скифов, которые в каждом микрорайоне развивались в основном *эволюционно*, сарматы для него выглядели как несколько разнородных волн центральноазиатских мигрантов, приносивших с собой новые восточные элементы культуры. В соответствии с этой моделью, к самым ранним памятникам материальной культуры сарматов принадлежали Прохоровские курганы на Южном Урале [Зуев, 1998: 4-5].

Таким образом, к 1918 г. века Ростовцев в основном сформулировал концепцию этно- и культурогенеза сарматских группировок. Эта модель не оставалась неизменной, и в эмиграции дополнялась и обдумывалась в сравнении с более широким кругом материалов разных регионов древнего мира. Она оказала значительное влияние на дальнейшие исследования сарматских культур, вначале – как объект «марксистско-ленинской» критики, а в позднесоветский период – как повод для размышлений и построения схемы развития сарматского мира, *отличной* от заложенной Б.Н. Граковым и К.Ф. Смирновым. Это был повод для иного видения сарматско-боспорских, сармато-ольвийских и сармато-меотских отношений и повод обратить серьезное внимание на центральноазиатские элементы во всех трех сарматских культурах[176].

Не совсем были точны предложенные М.И. Ростовцевым географические рамки расселения сарматских племен – от Тобола до Волги [Ростовцев, 2012:

[176] Начиная от версии «сарматского завоевания Средней Азии» О.В. Обельченко [Обельченко, 1981: 26-27].

95]. В действительности западные границы расселения сарматов проходили не по Волге, а по Истру / Дунаю, в то время как восточные – в Западном Казахстане до Костаная. Судя по контексту, не соответствует действительности и утверждение, что аланы, наравне с другими сарматскими племенами (роксоланы, аорсы, сираки, языги), сошли с исторической арены к IV в. н.э. [Ростовцев, 2012: 95]. В действительности же, катастрофа случилась много позже, спустя тысячелетие, когда после разгрома Кавказской Алании Тамерланом в 1395 г. этноним *аланы* постепенно заменяется этнонимом *осетины*.

В вариантах «Скифии и Боспора» М.И. Ростовцев неоднократно пишет о вполне «стандартной» *сарматской государственности*, о нескольких сарматских державах на обширной территории и т.п. Сегодня, однако, нет оснований соглашаться с ним. В кочевых сарматских обществах, даже в период их своеобразного расцвета в I в. н.э. и у нижнедонских аланов (вероятная Алания у Лукиана), и в Аорсии (к западу от Днепра), и в кубанской Сиракене со столицей в г. Успа, описанной Тацитом, можно предполагать сложные вождества («квазиимперия» или более простая стадия «кочевой империи»), а не ранние государства, поскольку необходимости в государственном устройстве их правящие элиты, похоже, не испытывали [Яценко, 2008: 306; Вдовченков, 2020: 15-199; 2023, с. 28].

4.5. Сарматы и Боспор

Основой государственности Боспора всегда была царская власть. На протяжении его истории она могла заметно менять свой характер. Н.Н. Болгов считает, что основными источниками власти на позднем Боспоре были три фактора – «эллинизм, иранизм и римский протекторат». Для первого фактора были характерны традиции эллинской «колониальной» государственности, переплетенные с рядом элементов, характерных для эпохи эллинизма.

«Самыми яркими чертами ее были: обоснование царской власти правом завоевания и обожествление царей». Второй фактор являлся, политической мерой, которая создавала для царя почву в греческих городах и обеспечивала постоянство и законную силу его действиям и после смерти. Царь также становился источником права, воплощением государства. Даже высшие должностные лица были лишь царскими слугами [Болгов, 1996: 63]. «Гуннский протекторат», наложившийся с конца IV в. на боспорскую монархическую традицию, а также христианские представления о светской власти, похоже, не оказали существенного влияния на внутреннюю природу поздней государственности Боспора.

Мощное влияние иранского мира, которое начал испытывать Боспор с эпохи власти Митридата Евпатора, наложилось на политические традиции иранцев, издавна присутствовавшие в регионе. Согласно им, величие монарха священно, так как власть его дана богами. Господство царского рода связано с наличием у него соответствующей священной субстанции небесного происхождения – *фарна*. Последний, вероятно, передавался в виде «священного брака» правителя с богиней домашнего очага, что выводится из анализа скифских мифологических сцен и анализа текстов [Раевский, 2006]. Традиции и символика, связанные с персоной царя, были выработаны еще в ахеменидское время. В эллинистический период государства, расположенные у западных границ иранского мира (Каппадокия, Коммагена, Понт и др.), унаследовали эту концепцию, и связанную с ней атрибутику, что стало одним из каналов трансляции иранских политических традиций на Боспор: «Фигура конного царя в позе адорации перед верховным богом, появляющаяся на монетах Боспора во II в. по Р. Хр. почти в точности соответствует изображению царя на парфянских и греко-сакских монетах того же времени. В III в. по Р. Хр. погребение боспорского царя или представителя знати мало чем отличается от аланского

того же ранга[177]. Столь сильная сарматизация была бы невозможна без связей между аланами и Боспором, как постоянных, так и дружественных» [Ростовцев, 1993: 94].

Непосредственные родственные связи эллинистических правителей с иранской традицией с царствующим домом в Боспоре восходят ко II в. до н.э., когда монарх Понта и потомок Ахеменидов Митридат VI Евпатор установил свою власть в Боспоре. При нем эллинству, якобы, «грозила реальная опасность быть окончательно поглощенными иранством, которое успело уже к тому времени значительно изменить чистый раньше греческий облик населения греческих городов Причерноморья» [Ростовцев, 1918: 110]. Полагаю, эту сентенцию М.И. Ростовцева следует воспринимать в контексте мифологии начала XX в. о якобы извечной борьбе германства и славянства, Степи и Цивилизации и т.п. Впрочем, подобные схемы не были чужды и древности. Например, разгром Диофантом, командиром экспедиционного корпуса из войск Митридата Евпатора полчищ Палака, а затем и его опорных пунктов, включая Неаполь, вполне мог восприниматься Херсонесом как ликвидация длительной угрозы дикой (скифской) стихии, а не единичный/ситуативный военный акт. для Херсонеса разгром Диофантом, командиром экспедиционного корпуса из войск Митридата Евпатора, полчищ Палака, а затем и его опорных пунктов, включая Неаполь, вполне мог восприниматься как ликвидация длительной угрозы дикой (скифской) стихии, а не единичный/ситуативный военный акт. Так что замечание М.И. Ростовцева остается весьма перспективным для дальнейших исследований истории политической идеологии античности.

Вероятно, иранство на Боспоре, эллинизированное, и едва ли отличимое от «иранизированных» эллинов, встретило Митридата «как объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесенные им первоначально скифам, и окружило его долго держащимся ореолом национального вождя» [Ростовцев, 1918: 110]. Конечно же условное «иранство» ценило династическую принадлежность и

[177] Речь идет о мужской «могиле с золотой маской» конца III в. н.э., раскопанной А.Б. Ашиком в 1837 г. в Керчи. Это был, как теперь ясно, эллинизированный аланский аристократ. См.: [Тайна золотой маски, 2009; Яценко, 2019: 242-244].

знаковых представителей династии. Впервые в истории Боспорского царства Митридат VI Евпатор становится монархом греко-восточного типа. Тогда же, как предполагал М.И. Ростовцев, на Боспоре формируется и утверждается культ верховного правителя: «Монархия принимает, по крайней мере, в титуле внешний вид великой персидской монархии … боспорский царь является, несомненно, и великим царем» и «царем царей» [Ростовцев, 1914: 11]. В 63 г. до н.э., после его поражения, Боспор оказался под римским контролем. С этого времени наступает новая эпоха, связанная с активным римским влиянием на греческий и варварский мир региона, эра гегемонии Рима.

Сарматские племена наложили свой отпечаток и на культуру Ольвии, но особенно сильное влияние «кубанский» сарматский образ жизни оказал на Боспорское царство. Влияние его на регион было весьма глубоким, гораздо более явным, чем во времена влияния скифов. Со временем сарматская компонента возрастает, и Боспорское царство становится не греческим или греко-фракийским поселением, как было раньше, а *греко-сарматским* (как прямо писал в III в. о боспорцах Ипполит Портский), что во II-III вв. н.э. находит свое отражение, в том числе и в погребальном обряде. Такому явному влиянию сарматов на боспорян во многом содействовал приход к власти Аспурга (14-37), положившего начало длительному правлению сарматской, как считает ряд исследователей, династии Рескупоридов. Сегодня есть основания предполагать кочевое происхождение клана, чья тамга представлена как на монетах Аспурга, так и на престижных изделиях в степях Дона и Волги.

Иранизация Боспора. Тесное взаимодействие господствующих элит сарматов с греческим миром привело к изменению уклада, что отразилось практически на всех сферах жизни и быта боспорян, в т.н. иранизации по Ростовцеву, а для современных авторов - *сарматизации*. «Во всех городах, как и в Пантикапее, наблюдается одно основное явление. Греческий элемент все слабеет, и на поверхность выходит элемент местный. Это вытекает и из имен … количество иранских и фракийских имен все растет, количество чисто греческих все падает … Костюм, вооружение, самый тип все более и более

иранизируется. Каждая из этнических групп (иранцы, скифы, сарматы) внесла свою лепту в процесс иранизации и обожествления царской власти» [Ростовцев, 1918: 170, 173-174]. В дальнейшем, например, обожествление царя с сарматским именем Аспург (14-37) связано с его желанием утвердиться у власти, т.к. обычных прав на престол он не имел [Чореф, 2019].

Длительное сосуществование эллинов с различными иранскими народами наложило сильный отпечаток на всю историю и культуру Боспорского царства. К началу I тыс. н.э. процесс иранизации греческих колоний в Северном Причерноморье принял необратимый характер. Боспор при Спартокидах из объединения греческих колоний начал превращаться в греко-варварское государство, включающее в свой состав ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья. В «Представлении о монархической власти в Скифии и на Боспоре» (1913) М.И. Ростовцев констатирует, что Боспор «усиленно иранизируется по мере того, как он приобретает сравнительную самостоятельность и независимость. Иранизируется опять и религия, и царская власть … на мелкой монете для своих подданных он (т.е. монарх – А.Ч.) является в ореоле божьей милостью правящего царя, получающего знаки власти своей от бога» [Ростовцев, 1913: 29]. По М.И. Ростовцеву, иранизация Боспора при сыне Митридата Фарнаке II и последующих правителях еще более углубилась. В греко-варварском царстве к этому времени греческим оставались только язык и культура, остальные аспекты деятельности государства были сплошь варварскими. К III в. на Боспоре жили уже не эллины, а варвары, облаченные в эллинские одежды, которые «играли в эллинов». Эта позиция сегодня выглядит как преувеличение. Но в высшую элиту страны и в царский род действительно входили люди из семей сарматских вождей; при этом одни и те же знатные лица могли занимать и военные, и жреческие и придворные должности [Шаров, Чореф, 2018: 84]. Коснулась иранизация и остальных сфер деятельности боспорян, прежде всего – пантикапейцев. Это проявилось и в изменении представлений о власти местного «царя царей», и в данной сфере влияние иранства дошло, по мнению ученого, до крайностей [Ростовцев, 1918: 168, 170].

Иранизация боспорцев I-IV вв. наблюдалась и во внешнем облике населения, в костюме, который становится «совершенно иранским» [ср. Яценко, 2006][178]. Но еще в IV – начале III в. до н.э. распространение на Боспоре получили такие предметы торевтики, как золотые штампованные бляшки – аппликации одежды. «Обычай нашивать эти бляшки на одежду и покрывала, хотя бы только в погребальном ритуале, придавал таким облачениям полуварварский характер. Так во вкусах боспорского общества IV в. до н.э. сказалось некоторое воздействие представлений скифо-меотского мира, заметно заслонившее мировоззрение эллинского гражданина» [Блаватский, 1964: 29-30]. Правда, они были известны и на периферии Эллады, например, на границе с Македонией.

Сарматские знатные кланы, обосновавшиеся на Боспоре, продолжали следовать многим традициям, подтверждением чему может являться широкое распространение здесь такой знаковой системы как *тамги / нишаны*[179]. Изучению их посвятили свои книги Э.И. Соломоник (1959), В.С. Драчук (1975), и С.А. Яценко (2001), а серию статей – С.В. Воронятов. Как уже отмечалось в обобщающем исследовании по проекту ЮНЕСКО, основные функции тамг для иранского (и не только) мира древности – различительные (эмблемы кланов), удостоверительные (аналоги паспортов), сопричастности к разным важным событиям и знаки собственности [Яценко и др., 2019: 19-21]. Не удивительно, что больше всего скоплений разных тамг, сделанных по разным поводам и отражающим какие-то соглашения, найдено в наиболее важных для сарматской торговли городах Боспора – Пантикапее и Танаисе.

Значительную часть своих выводов по погребальному обряду М.И. Ростовцев делал на основе анализа артефактов из курганов. Но он касался

[178] Какую одежду носили греки Боспора в эпоху Спартокидов, мы не знаем [она, конечно, была греческой – А.Ч.]. Но в эпоху империи она почти совершенно иранская, с некоторою только примесью греческих элементов. Иранскими надо считать штаны и сапоги, а также верхний камзол. Греческое влияние можно видеть в плаще и хитоне, которые сочетаются с вышеназванными частями костюма. В иранском внешнем облике сказывается не только иранское влияние, а несомненная иранизация населения по крови и по воззрениям [Ростовцев, 1918: 173-174].

[179] Судя по данным С.А. Яценко, как у сарматов, так и у их далеких потомков – осетин XIX в., тамги использовались почти исключительно кланами знати.

и, например, сюжетов на монетах с изображением боспорского царя, в частности – иконографии царем-божеством (Реально речь идет об изображениях II-III вв. н.э. – А.Ч.). Ученый пришел к заключению о «совсем иранском» теперь характере династии: «Фигура царя на лошади, получающего приобщение от бога или богини или адорирующего бога или богиню, становится обычной на монетах и других памятниках Боспора с того времени, как Боспор в III-II вв. до Р. Хр. сильно иранизировался, и его правящая династия сделалась из греческой и греко-фракийской ирано-греческой или даже совсем иранской с таким же небольшим греческим налетом, как и в современной Парфии» [Ростовцев, 2012: 109]. Здесь мы видим явное преувеличение с его стороны вследствие увлеченности идеей. И в III-IV вв. правящая элита Боспора, судя по эпиграфике и характеру ее функционирования, оставалась во многом греческой.

Исследуя инвентарь из могильников, ученый отмечал, как сильно сказывались изменения политической ситуации даже на достаточно консервативный погребальный обряд. «Иранизация населения Боспорского царства была так велика, – писал М.И. Ростовцев, – что уже в I в. по Р. Хр. Мы встречаемся с погребениями местных жителей, стоящими под сильным влиянием иранского обряда», и в качестве решающего признака иранского обряда указал «на погребения коня или конской сбруи вместе с покойником, на золотую погребальную маску в одном погребении III в. по Р. Хр., обычную в парфянских погребениях» [Ростовцев, 1918: 181][180]. Когда же иранское влияние ослабло, «погребение с полугреческим обрядом становится обычным» [Ростовцев, 1918: 181]. В действительности мы имеем дело с присутствием собственно сарматов (видимо, чаще всего – как военных поселенцев) в городах Азиатского Боспора – Фанагории, Танаисе, а также в небольших городках-крепостях Европейского Боспора (Илурат, Артезиан/Пароста) и проникновением сарматов в состав столичной знати (в случае погребений речь

[180] В погребальной традиции осетин существует обряд принесения покойнику в жертву коня (*бæхфæлдисын*), ярко описанный в работах В.Ф. Миллера, К.Л. Хетагурова, В.И. Абаева, К.Ю. Рахно, Е.Б. Бесоловой и т.д.

идет о мужчинах, видимо, бравших в жены гречанок) [Яценко, 2019]. Иными словами, следует больше говорить о проникновении сарматов, чем о большой сарматизации греков.

Подчеркивая относительно стабильное развитие греческих городов Причерноморья в течение трех столетий нового тысячелетия, М.И. Ростовцев отметил немалый прогресс, достигнутый городами во всех сферах жизнедеятельности. «Но это были уже не те города, которые когда-то основали здесь греки (ср. Крыжицкий, 1993 – А.Ч.). Создалось новое население и новая культура. Две струи, греческая и скифо-сарматская слились, пока и ту, и другую не залили волны германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее» [Ростовцев, 1918: 132].

Судьба серии интересных наблюдений М.И. Ростовцева по поводу активной сарматизации в I-IV вв. н.э. как понтийских греков, так и других оседлых народов оказалась довольно драматической, причем эта ситуация далека от завершения. Мнение М.И. Ростовцева о возможной седентаризации и миксации групп вчерашних кочевников, в частности, на территории Боспорского царства (оседание в городах группами, пусть и в качестве военных поселенцев, смешанные браки с «инородцами» и т.п.), нашло отражение в трудах сарматологов в 1970-х гг. В частности, это была работа экспедиции под руководством С.И. Капошиной в низовьях Дона в 1956-1961 гг., открывшей серию ярких сарматских курганных памятников. Преподаватель Ростовского университета Ю.П. Ефанов тогда сформулировал на обильном материале идею о смешанном меото-сарматском составе грунтового некрополя Кобякова городища[181], а молодой Л.С. Клейн – на примере одного из образов сарматского искусства, вслед за М.И. Ростовцевым осторожно предложил свое видение происхождения сарматов из глубин Центральной Азии [Клейн, 1976]. В начале 1970-х гг. вышла серия публикаций Ю.М. Десятчикова о сарматизации Боспора и т.д.

[181] См, например: [Ефанов, 1968: 135–144]. В дальнейшем много материала об этнокультурной миксации сарматов и меотов смог представить своих работах И.И. Марченко на примере кубанских сираков.

4.6. Сарматская и аланская компоненты Боспорского царства

Неотъемлемой этнокультурной страницей истории Боспора, вслед за присутствием скифов, становятся сарматы и аланы. Очерк «Сарматы и парфяне» (1936), подготовленный М.И. Ростовцевым в рамках кембриджского проекта, дает краткую, но емкую информацию о разных аспектах истории сарматов и аланов, времени их появления в Северном Причерноморье и подчеркивает роль, которую играли эти народы прежде всего в истории Боспора. Информация Страбона о племени язигов как авангарде сарматов на западе, роксоланах, перекликается в изложении М.И. Ростовцева со сведениями Полибия о царе сарматов Гатале, Полиена – с легендой о царице Амаге, Аммиана Марцеллина – о первоначальной родине сарматов, о происхождении аорсов и аланов и широком расселении последних, их формировании как составной части единого сарматского мира [Ростовцев, 1993: 91-92].

Исходя из его представления о социальной и государственной организации наиболее крупных иранских народов (включая кочевые), организация «политической жизни» сарматов рассматривалась М.И. Ростовцевым опять-таки как «монархическое феодальное государство» [Ростовцев, 1993: 94]. Подчеркивая ираноязычие сарматов, М.И. Ростовцев писал: «Потомки аланов – осетины Северного Кавказа – все еще говорят на иранском языке, и большая часть негреческих имен в боспорских городах, особенно в Танаисе римского времени – иранские» [Ростовцев, 1993: 94].

Правящая элита Боспорского царства в целом сумела выстроить союзнические отношения с сарматской аристократией, которая, по словам М.И. Ростовцева, была «очень богатой», так как «через державу аорсов-аланов» контролировала караванный путь на восток, «связывавший греческие города на побережье Черного моря с Китаем». Такой путь («Северная дорога») действительно существовал со второй половины I в. н.э.: от г. Лоян до Южного Урала/Янь он обслуживался китайцами и жителями Средней Азии, а западнее,

до Танаиса – сарматами [Яценко и др., 2020: 52-55][182]. Помимо этого, М.И. Ростовцев отметил еще один, более ранний, по Страбону – караванный маршрут на юг, через области, занятые аорсами, по международному торговому пути вдоль западного Прикаспия, по которому индийские и вавилонские (парфянские) товары через посредство аорсов, армян и мидян поступали в гавани Боспорского царства [Ростовцев, 1993: 94][183].

Важна и следующая ремарка М.И. Ростовцева. Он отмечал, что греческие и римские авторы были вынужденно более осведомлены о тактике, стратегии и воинском снаряжении сарматов, нежели об их социальной организации, традициях и т.д., так как греки и римляне имели с ними непосредственный контакт исключительно на поле боя [Ростовцев, 1993: 97].

Только появившись в IV в. до н.э., а массово – с середины II в. до н.э., сначала на Азиатском Боспоре, а затем и западнее, сарматы активно включились во внешне- и внутриполитические процессы Боспорского царства. Так, эпизод истории, после того как будущий басилевс Боспорского царства Евмел привлек на свою сторону, видимо, царя сираков Арифарна[184], в противостоянии со своими братьями в борьбе за боспорский трон, считается Ю.М. Десятчиковым и рядом других коллег началом процесса иранизации Боспорского царства. Эти события способствовали прекращению контактов боспорян с (центральнокрымскими?) скифами, а сарматы-сираки надолго заняли важные позиции во взаимоотношениях Боспорского царства с миром варваров [Виноградов, 2023: 213-214].

После середины III в. до н.э. (и, как сейчас ясно – набегов кочевников), положение Боспора заметно стабилизировалось. М.И. Ростовцев охарактеризовал этот период как «культурный ренессанс второй половины III – первой половины II в. до н.э.» [Rostovtzeff, 1930: 581; 1932: 227]. Боспорское

[182] Его еще более западный отрезок маркируют ставшие сенсацией находки, в т.ч. китайской лаковой шкатулки, в некрополе городища Усть-Альма на западе Крымской Скифии.

[183] См.: Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997. -154 с.; Гаджиев М.С. Страбон о караванной торговле аорсов // «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути: Материалы международной конференции (Баку, 28–-9 ноября 2008 г.). Самарканд – Ташкент, 2009. С.27-32.

[184] Еще одна версия сводится к тому, что Арифарн был царем фатеев.

царство продолжило политику, которую проводило со скифами в период первого расцвета державы, и с сарматами, результатом чего было укрепление влияния боспорян в Прикубанье и затем – в низовьях Дона. Связано это было, в том числе и с периодом относительного спокойствия в степи [Виноградов, 2023: 216]. Боспорское царство стало сильным, хорошо организованным государством. В дальнейшем, попав под контроль и получая поддержу от Рима, Боспорское царство в основном успешно и неоднократно воевало сначала с сарматами в Приазовье, а затем со скифами в Крыму.

В I-II вв. н.э. под влиянием притока сарматских этнических элементов в городах Боспора происходит еще более усилившаяся *сарматизация* культуры Боспорского государства [Десятчиков, 1971]. Этому способствовал ряд обстоятельств. Боспорское царство соседствовало с Крымской Скифией, отношения с которой не были стабильными. Динамия, внучка Митридата, вышла замуж вначале за убийцу своего отца Асандра, после его смерти, вероятнее всего, за Аспурга, сына Асандра, который вместе с ней, собственно и стал родоначальником новой сарматской династии, воцарившейся на Боспоре около 15 г. до н.э. После череды претендентов на боспорский трон правителем Боспора становится с 14 г. н.э. этнический сармат Аспург[185], женитьба которого на Динамии легитимировала его власть по линии боспорских царей. Правление Тиберия Юлия Аспурга Рескупорида I дало, видимо, реальное начало процессу сарматизации Боспорского царства, которое проявлялось в разных сферах жизни – в одежде, вооружении, деталях погребального обряда, инфильтрации сарматов в боспорские города (обычно, видимо – в качестве военных поселенцев). «Сотни обитателей греческих городов носят теперь сарматские имена, все они одеты в сарматскую одежду и пользуются сарматским оружием» [Ростовцев, 1993: 94]. Династия Тибериев-Юлиев выступала как наследница

[185] Большинство исследователей обращают внимание на ярко выраженный негреческий характер имени *Ἀσποῦργος* с прозрачной иранской этимологией *(aspa-urga* = «сильный, как конь»). Аспургиане характеризуются Страбоном как отдельный народ на Азиатском Боспоре, к северу от Анапы. Должность «Начальника аспургиан» оставалась второй по значению в государстве до середины III в. н.э. Сама сарматская тамга на монетах Аспурга неоднократно встречена на парадных изделиях в могилах сарматской знати между Доном и Волгой и, видимо, была знаком его клана.

Митридатидов, ее легитимность была подтверждена Римом и никем более не оспаривалась. Митридатизм с опорой на «царскую землю», уравновешенный с греческими городами, стал, по Ростовцеву, основой политики Тибериев-Юлиев. Существовало представление о том, что инвеститура над боспорскими царями этого времени осуществлялась от лица верховного конного бога, что было прямым отражением иранских традиций на боспорской почве [Болгов, 1996: 63-64].

Ю.Г. Виноградов отмечал, что при Аспурге сарматы на Боспоре получили «режим наибольшего благоприятствования» [Виноградов,1994: 154]; сарматы «стали опорой Аспурга в его внешнеполитических устремлениях, с их помощью он сумел подчинить крымских скифов и тавров» [Виноградов, 2023: 232]. М.И. Ростовцев, как обычно, подчеркивал элитарные аспекты этого процесса, подразумевая, что сарматизация шла именно сверху. «Характерно, что цари носят либо имя Савромат, т.е. имя племени в архаизирующей греческой передаче, превратившееся в собственное личное имя, либо одно из двух фракийских имен – Рескупорид или Котис» [Ростовцев, 1918: 110]. Позже в очерке о сарматах он продолжил: «… правящая династия Боспора приобретает все более иранский облик. Наряду с фракийским династическими именами, используется новое имя – Савромат, которое, возможно, отражает тот факт, что многие подданные боспорского царя были сарматами» [Ростовцев, 1993: 94]. Некоторые исследователи, исходя из имени «Савромат», посчитали правильным дать определение династии как «сарматская». В.Ф. Гайдукевич, однако, отмечал условность этого термина, так как боспорские цари, «несмотря на свое родство и тесные связи с аристократией местных племен, возглавляли государство, остававшееся в своей основе античным, хотя в известном смысле греко-варварским» [Гайдукевич, 1955: 130, прим.3].

Сильная и вызывавшая оправданные опасения не только Боспора или Армении, но и Рима и Ирана военная организация сарматов в I-IV в. н.э. отражена и во фресках боспорских склепов, на которых часто можно встретить изображение иранской техники конного боя – поединок двух

тяжеловооруженных воинов или двух конных отрядов, сопровождаемых пешими вспомогательными. Привлекала внимание М.И. Ростовцева амуниция и вооружение воинов-катафрактариев, облаченных в чешуйчатые доспехи – металлический шлем, длинное тяжелое копье и длинный же меч [Ростовцев, 1918: 173]. Таким образом, если вплоть до конца эллинизма вооружение боспорцев можно было определить, как эллинское, то с появлением сарматов изменения произошли во всей военной доктрине царства, в основе которой начала преобладать тактика, стратегия и вооружение сарматов [ср. Нефедкин, 2011]. При этом ученый отмечал: «Поскольку греки и римляне встречались с сарматами главным образом на поле битвы, их информация о военном снаряжении, стратегии и тактике этих кочевников значительно более полна, чем о религиозной, социальной и экономической жизни, о которой мы не знаем практически ничего» [Ростовцев, 1993: 94].

Лишь на «дружинном» нижнекубанском «Золотом кладбище» встречена полная экипировка катафрактариев, включая комбинированный доспех (в том числе – конский, например, известный из раскопок А.М. Ждановского). Это и понятно: доспех был дорог, и его берегли, обычно не помещали в могилы даже знати. Именно эта малая часть сарматских воинов и попала в исторические хроники. Для М.И. Ростовцева это признак аристократизма, который он весьма ценил: «Этот корпус покрытых броней рыцарей, создавался… из представителей сарматской аристократии, в то время как основная масса войска формировалась за счет легковооруженных лучников, защищённых кожаными латами и шлемами» [Ростовцев, 1993: 94]. Однако сегодня ясно, что как раз в самых богатых мужских могилах сарматов следов доспехов нет совсем, а «благородными роксоланами», носящими доспех (в т.ч. кожаный) Тацит мог, по кочевой традиции, назвать не обязательно богатых или властных, а мужчин с «благородным» прошлым.

Нехватка археологического материала из собственно сарматских погребений все же не заставила интуиции М.И. Ростовцева поддаться лишь общему очарованию кочевниками. Он попытался обнаружить их в тех

немногих памятниках, которые археологи тогда прочно идентифицировали с сарматами. Он систематизирует сарматские памятники, разделяя их на хронологические группы – эллинистическую, раннего и позднего римского времени [Ростовцев, 1993: 95], ссылается на уже известные археологические памятники в Западной Сибири, на Дону и Донце, описывает артефакты, найденные в них [Ростовцев, 1993: 95].

Современная сарматская археология иначе трактует вопросы, сформулированные научным сообществом того времени, представлявшего сарматов исключительно по описаниям античных авторов, изображениям фресок в гробницах Боспора, по рельефам на колонне Траяна. Сарматский мир не ограничивался только лишь греко-римским приграничьем. Археологическая специфика районов, примыкавших к цивилизации и в глубинных районах Степи весьма различна. И дело не только в частом попадании античных вещей в виде военной добычи, даров и в результате торговли, и в большей взаимосвязи с оседлым населением. Дело в интенсивной динамике этнокультурных процессов, происходивших в степях Сарматии: примерно каждые одно-полтора столетия с востока, приходила новая волна пусть немногочисленных, но политически и военно активных мигрантов, менялись кочевые гегемоны, их отношения с оседлым населением конкретных регионов.

Аланы – это еще одна тема, которой касается М.И. Ростовцев в общем контексте своих исследований. Они для него сливаются с сарматами настолько, что порой невозможно понять, где М.И. Ростовцев пишет об аланах, а где подразумевает сарматов: «В III в. по Р. Хр. погребение боспорского царя или представителя знати мало чем отличается от аланского того же ранга[186]. Столь сильная сарматизация была бы невозможна без связей между аланами и Боспором, как постоянных, так и дружественных» [Ростовцев, 1993: 94]. И, тем не менее, базовую фактуру по истории «аорсов и аланов» он начинает с изложения описания в хронике Фань Е по Восточной Хань – *Hou Han Shu* / 後

[186] Действительно, как уже отмечалось, явно сармато-аланское погребение конца III в. н.э. в «могиле с золотой маской» 1837 г. в Керчи долго принимали за могилу боспорского царя (одного из Рескупоридов).

漢書 (цзюань 88 – «Трактат о западных землях» / 卷八十八西域傳第七十八) страны *Яньцай* (Yancai/奄蔡) с кочевым населением, которую Чжан Цян лично посетил еще в 126 г. до н.э.: «…со времени Чанг-Хи-ена “Йен-тс’ай” жили близ Аральского моря… Царство Йен-тс’ай стало называться царством Аланьляо…[(Alanliao / 阿蘭聊)]. В настоящее время (III в. по Р.Х.) Йен-тс’ай, которые прежде, время от времени были зависимы от Кангюя, больше не подчиняются ему» [Ростовцев, 1993: 92][187]. Перевод этот весьма неточен. Аорсы, которые, согласно М.И. Ростовцеву и более ранним авторам, и есть Йен-тс’ай[188], после 25 г. н.э. подчиняются аланам, вливаются в конфедерацию кочевников во главе с последними, и, объединившись под этнонимом *аланы*, видимо, образовывают, в его воображении, державу от Юго-Западной Сибири и далее на запад, затем – до Днепра [Ростовцев, 1993: 92]. Такое представление, видимо, отчасти имело источником информацию Аммиана Марцеллина об «аланах» до индийского Ганга, хотя Аммиану академик не доверял.

М.И. Ростовцев довольно аккуратен в формулировках. Слова «вероятно», «по-видимому» часто используются им в описании исторических процессов и «дозволяют» допустить вероятные погрешности в выводах, которые не подтверждены ареологией: «Сираки… вероятно, были ветвью саков, которые заняли степи к северу от Кавказа в период данной великой миграции… Некоторые из них (аспургиане?) проникли в долину Кубани и играли важную роль в истории Боспорского царства со времени правления Августа и далее» [Ростовцев, 1993: 92]. Краткое описание дальнейшей истории охватывает экспансию аланов в Парфию и Каппадокию, движение на запад роксоланов и язигов, где, «в конце правления Тиберия язиги прошли через страну даков и заняли область между Тиссой и Дунаем» [Ростовцев, 1993: 92]. Язигов, обосновавшихся на Дунае, позднее усмирил Марк Аврелий, удостоившись в

[187] Последняя фраза М.И. Ростовцева уже не имеет отношения к хронике Фань Е, а взята и присоединена из хроники более поздней – «Вэйлюэ» (обзора династии Вэй), цитируемой в тексте Чэнь Шоу «Сангочжи» (Sānguó zhì /三國志, цзюань 30).

[188] См. статью последнего сторонника такого отождествления, уже не принятого в сарматологии: [Скрипкин, 2018: 92-96].

честь этой акции, в придачу к прочей титулатуре и титула «Сарматский», роксоланов же[189], оставшихся на Востоке Империи, остановил Плавтий Сильван. В III в. роксоланы, по мнению М.И. Ростовцева, могли войти в коалицию с готами и аланами, при том, что на западе языги остались независимыми и были активны вдоль дунайской границы Империи до позднего периода [Ростовцев, 1993: 92].

Аланы, как и сарматы и скифы, интересуют М.И. Ростовцева, прежде всего, в контексте истории Боспора и Рима, поэтому дальнейшее описание истории «сарматов-аланов-аорсов-сираков» завязано на истории этих государств: «В I-II вв. по Р. Хр. Римляне *не вступали в прямой контакт* с наиболее могущественными из сарматов, аорсами и аланами… эти сарматы северо-кавказских степей и Дона побудили бдительность Рима, так как они, наряду со скифами Крыма, были самыми опасными врагами Боспорского царства» [Ростовцев, 1993: 92][190]. М.И. Ростовцев писал, что в многочисленных источниках I-II вв. н.э., повествующих о военных деяниях боспорских царей, не упоминается о войнах, которые бы они вели с аланами (явный пример противоположного – «Токсарис» Лукиана – А.Ч.), в то время, как со скифами они происходили постоянно, вплоть до того, что боспорцам и римлянам приходилось иметь флотилию на Черном море для пресечения случаев пиратства со стороны скифов [Ростовцев, 1993: 92].

Тогда еще не был известен ряд эпиграфических памятников (прежде всего – энкомий воспитателя Савромата I (?), где говорится о враждебных аланах). Но и без них сегодня ясно, что аланы сыграли значительную роль в истории позднего Боспора. Во второй половине I в. н.э. политический центр иранских народов смещается с Кубани и Поволжья в Нижнее Подонье, где складывается доминирующий центр вновь формирующегося политического союза (видимо, это и есть Алания у Лукиана). В 180-х гг. (вероятно, не без участия царя Савромата II) часть аланов поселилась в Танаисе, стали официально его

[189] Основным (и очень серьезным) противником Плавтия Сильвана у Дуная к 62 г. н.э. в действительности было племя, неизвестное римлянам. По мнению С.А. Яценко, это могли быть лишь появившиеся аланы.
[190] Эта позиция противоречит сведениям сразу нескольких древних авторов.

гражданами и организовались по подобию местных греков, создав влиятельную общину *танаитов* [Даньшин, 1989: 38-39; Яценко, Вдовченков, 2015]. В соответствии с давней линией на симбиоз с варварами, Боспор находился в самом центре интересов элиты сарматского мира, и аланы здесь стали заметно выделяться среди западносарматских народов по своим диалектам, отразившимся в эпиграфике [Harmatta, 1970: 61-97].

Процесс имущественного расслоения, который во время голода и неудачных войн касался и аланского общества, способствовал тому, что часть разорившихся аланов оседала на Боспоре. Большинство из них становились военными поселенцами, как это было и в Западной Римской империи в V в. (гарнизоны в небольших городках Танаис, Илурат, Артезиан/Пароста), другие же селились в более крупных городах [ср.: Gajdukevic, 1971: 140]. С III в. в Тавриде усиливается аланское влияние, что проявляется в возникновении в прибрежных районах ряда новых городов, названия которых имеют иранскую этимологию: Дандака, Ардавда (Феодосия) и др. Постепенно аланы становятся настолько значимыми для Боспора, что в двух боспорских надписях в качестве переводчиков, «которые отвечали за дипломатические связи между Боспором и аланами – важный чиновник Боспора имел звание «главного аланского переводчика» *(΄αρχερμηνευσ των ΄Αλανῶν)*» [Ростовцев, 1993: 94]. Этот факт указывает и на то, что многие боспоряне не понимали аланский язык [Болгов, 1996: 73].

Интеграция нашла отражение и в археологии. Погребальный инвентарь из аланских могильников Северного Кавказа IV в. оказался схожим с подобными артефактами того же периода из некрополя в Фанагории и могил Госпитальной улицы в Керчи, и это отмечалось давно [Минаева, 1951: 296]. При этом М.И. Ростовцев предполагал большую терпимость аланов по отношению к северопонтийским грекам [Ростовцев, 1993: 94]. Сегодня есть сомнения по поводу особой терпимости и «либеральности» аланов в отношении местных греков, так как у исследователей имеются свидетельства серьезных военных

акций номадов около начала II в. и (для Азиатского Боспора) во второй трети III в.

Для конца III – IV вв. роль аланов в Крыму нуждается еще в прояснении. Так, достоверные раннеаланские черты некоторые антропологи находят лишь в подбоях, а в семейных склепах видят потомков крымских аборигенов [Казарницкий, 2022]. Однако характеристика культурной принадлежности определяется не только и не столько параметрами черепов / происхождением, если методика исследования была корректной, но и культурной ассимиляцией и самоидентификацией, политической властью и рядом других процессов[191]. Иную, спорную версию судьбы аланов в Крыму дают, например, работы И.Н. Храпунова, в которых подчеркиваются северокавказские элементы в культуре склеповых некрополей [Храпунов, 2016]. В центральных районах Северного Кавказа, по данным В.Ю. Малашева, формирование раннеаланской археологической культуры началось с рубежа I-II вв. на среднесарматской основе. В V в. эта культура с ее локальными группами охватывала уже территорию от верховьев Кубани до Южного Дагестана [Кузнецов, 1962: 30-35].

Последняя волна миграции донских аланов в Северное Причерноморье увязывается со временем нашествия гуннов на Готию (территория черняховской культуры к западу от Северского Донца в лесостепи, от Днепра в степи) в 375 г. или чуть раньше, и чему предшествовало подчинения ими аланов (очевидно, донских – танаитов), отряды которых были использованы для покорения гуннами готов. С этой группой аланов связывают памятники типа Кантимировских курганов, датируемых раннегунским временем и с юго-востока примыкающих к черняхоскому ареалу. В Крыму следов гуннских нападений нет, а Боспор явно подчинился им мирно и стал важной ремесленной базой. Сдвижка оседлого населения в Центральном и Юго-Западном Крыму около рубежа IV и V в. все же свидетельствует об угрозе со степи [Гавритухин

[191] Так, современные копты в основе – потомки древних египтян, однако их религия (восточное христианство) связана с поздней Римской империей, основа культуры и язык – с завоевателями арабами и т.п. Абсолютизация одного лишь метода изучения сложных этнокультурных процессов не кажется нам оптимальным приемом.

и др., 2020], где появляются погребения, соотносимые с новой группой номадов и их сателитов [Айбабин, 2019]. И если диадему из Керчи, котел из Симферополя и ряд других находок исследователи связывают с гуннским присутствием, ничего свидетельствующего об аланском компоненте в этих памятниках неизвестно.

Значимое участие аланов в событиях эпохи Великого переселения народов, несомненно, если исходить из письменных источников, но слабо отражено в археологических. Это породило ряд получивших широкое хождение теорий, например, о алано-гуннском «союзе», который к 409 г. распался [Macnchen-Helfen, 1973: 72], о том, что «именно благодаря аланам, их вовлечению в глобальные миграционные процессы, боспорская культура эпохи поздней античности распространилась далеко на Запад» [Болгов, 1996: 111] и т.д. Однако гунны не были едины, централизация власти началась у них лишь в 420-е гг. при правителе гуннов Руа, и достигла апогея к середине V в. уже при Аттиле. У аланов наряду с донскими и кавказскими существовала и группировка, связанная с Буджаком, областью на юге Бессарабии, причем ни для одной их них нет свидетельств о центральной власти. Связываемые с аланами на западе артефакты («серьги» с многогранником, золотые аппликации и т.д.) отнюдь не являются показательными для любой из групп, соотносимых с аланами. Очевидно, на запад двигались несколько самостоятельных военизированных групп аланов, вступавших в союзы с разными другими группировками (готскими, вандальскими) или действовавшими самостоятельно. Показательные черты их культуры, фиксируемые археологами (в первую очередь погребальный обряд и керамика), быстро сменились местными. Воинская же доблесть, самосознание и другие сохранившиеся черты аланских групп археологически не фиксируются. Это и породило указанный выше чисто источниковедческий «парадокс» – аланы известны и значимы в событиях, имевших место в Галлии, Испании, Северной Африке, Италии, на Дунае и Балканах, но трудноуловимы археологически.

Продолжения культуры донских (танаитов) и буджакских аланов мы не знаем, в отличии от аланов Кавказа. Как и на Боспоре, здесь нет следов каких-либо разгромов, соотносимых с «гуннским нашествием», зато многочисленны богатые погребения местной элиты с вещами «топ-моды» варваров гуннской и постуннской эпохи. Новые веяния, судя по типам фибул, пряжек и других элементов убора, быстро усваивались и «средним классом» кавказских аланов. Все это стало основой развития аланской культуры в Средние века.

4.7. Различные аспекты степной культуры эллинистического и римского времени. Сарматское, греко-сарматское и центральноазиатское искусство

В ходе изучения *постскифских материалов* М.И. Ростовцев пришел к выводу, что в археологических памятниках юга России после III в. до н.э. прослеживается «влияние какого-то нового искусства, сложившегося на границе между сакским Туркменистаном, Персией и Индией и чуждого более ранним скифским образам. При этом *сарматские* племена – носители этого нового искусства, нахлынули на юг России в ходе миграционных процессов с середины II в. до н.э., когда волна сарматских кочевников «докатилась и до юга степей России и разлилась здесь до южного Кавказа и Днепра» [Ростовцев, 1993: 45-46, 92]. Впоследствии сарматы усовершенствуют искусство звериного стиля. М.И. Ростовцев характеризовал сарматский звериный стиль как в основном местный, но с новой силой (и в многоцветии) вернувшийся к старым шаблонам [Ростовцев, 1918: 96-97]. В погребениях юга России позднейшего периода вещи подлинно скифского звериного стиля составили незначительную часть. Остальное же для него является результатом «смешения, вызванного тем, что удовлетворение потребностей скифской знати попало почти исключительно в руки греческих, по большей части ионических мастеров». Затем в их мастерских эти формы и мотивы перерабатывались, но основа прочно сохранялась [Ростовцев, 1925: 341-342]. В конечном итоге автор пришел к

заключению, суть которого сводится к следующему: основа звериного стиля – оригинальная скифская, привнесена с востока, но в новой этнической и культурной [сарматской] среде на юге России она дала пышный расцвет синкретическому греко-восточному творчеству [Ростовцев, 1925: 342].

Сарматскому звериному стилю уделяли внимание в своих работах И.П. Засецкая и В.И. Мордвинцева. Работы эти основательны и позволяют подвести некий итог под исследованиями длиной более чем в сто лет. Но, даже в таком, казалось бы, основательно изученном вопросе благодаря археологии возможны интересные и неожиданные открытия. В 2017 г. В.Ю. Малашев опубликовал статью под названием «Звериный стиль аланской культуры Северного Кавказа», в которой рассмотрел «предметы с изображениями в зверином стиле из трех погребальных комплексов середины III в. из Бесланского могильника аланской культуры Северного Кавказа» [Малашев, 2017: 194]. Подробно описав изображения на предметах сбруйных наборов, автор нашел аналогии этим изображениям на вещах в зверином стиле среднесарматской культуры и на более дальних предметах из «Сибирской коллекции Петра I» [Малашев, 2016: 194]. Перед нами предстала особая серия изделий Северного Кавказа, восходящая к среднесарматским традициям Степи, которую он определил как *звериный стиль аланской культуры Северного Кавказа*. При этом автор делает акцент на некоей схематичности, стилизации и примитивизме изображений, несмотря на репертуарное сходство ряда мотивов и образов [Малашев, 2017: 194, 199]. То есть этот стиль является рефлексией-примитивом наследия более яркой и богатой скифо-сакской и среднесарматской культур. Последнее неудивительно, т.к. у истоков культуры кавказских аланов лежит именно среднесарматский импульс.

При всех достижениях в изучении звериного стиля, М.И. Ростовцев считал, что тот являлся чисто декоративным, без какого-то заложенного в нем глубокого смысла. Поэтому важным развитием изучения Ростовцевым этой сферы искусства является выявление *фольклора* в контексте скифского звериного стиля и возможные параллели с различными эпическими,

пословичными и другими текстами. Одна из последних работ Д.С. Раевского в соавторстве с М.Н. Погребовой и С.В. Кулландой была посвящена этой проблеме. Книга под названием «Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля» (2016) предполагает возможность комплексного изучения такого явления как скифский звериный стиль. Авторы рассматривают скифский звериный стиль, возникший, по их мнению, из ближневосточного импульса, как отражение устного творчества сказителей и их образного языка, что позволяет им привлечь к работе, в том числе и специалиста по сравнительно-историческому языкознанию [Раевский …, 2016: 274].

Еще дальше пошел независимый исследователь Борис Мысыккаты, который в своей статье «Нартиада и звериный стиль» развил идею коллег на примере осетинской Нартиады. Автор приходит к выводу, что наличие в осетинской Нартиаде звериных мотивов, аналогичных тем, что изображены на скифских предметах, выполненных в скифском зверином стиле, вполне ожидаемо: ведь сам звериный стиль строился по канонам, характерным для поэтического языка индоиранских певцов-сказителей. Вместе с тем, когда традиция скифского звериного стиля постепенно начала угасать, мифологическая информация, которую она содержала, сохранилась в устном фольклоре, в той самой среде, из которой она изначально возникла, воплотившись в эпоху расцвета скифской культуры в изумительные звериные образы. Автор находит вполне конкретные примеры удивительной схожести скифских образов с образами, описанными в осетинской Нартиаде [Мысыккаты, 2021: 170, 172]. Согласно мнению Б. Мысыккаты, Нартиада сохранила и «зоологический код» скифского звериного стиля, на которой строится описанная Д.С. Раевским основная триада «птица–копытное–хищник» соотносящаяся с тернарной структурой скифской модели мира: «Таким образом, в осетинской Нартиаде сохранились не только следы основной триады «птица–копытное–хищник», на которой строился скифский звериный стиль, но и материал, позволяющий реконструировать для идеологии скифов «зоологический код», ассоциирующий носителей трех социальных функций с зоологическими образами: птиц со жрецами, хищных животных с

воинами, парнокопытных – с общинниками, производителями материальных благ» [Мысыккаты, 2021: 184]. Как видим, концептуальное многообразие скифского звериного стиля, впервые описанное М.И. Ростовцевым, пока далеко от полноты исследования.

Постепенная смена культур отразилась с начала I в. н.э. и на образцах боспорской живописи, причем М.И. Ростовцев был склонен связывать иранские элементы именно *с Персией* – парфянской и раннесасанидской [Ростовцев, 1918: 127]. Отразилось «иранство» и в изображениях в гробницах Пантикапея и в торевтике [Ростовцев, 1918: 128]. Действительно, в курганах степной зоны Европы иногда попадаются образцы парадных посуды и оружия (реже – других изделий) из парфянского и раннесасанидского Ирана. В сарматской Степи они более всего найдены на Волге и в Волго-Донском междуречье. Речь идет о дарах, дани, военной добыче или плате за службу [Трейстер, 2018: 157]. Гораздо реже встречаются подобные находки на Боспоре [Ворошилов, Ворошилова, 2019: 174].

Выводы

С точки зрения современной науки М.И. Ростовцева уверенно можно представить ученым, заложившим основы нового научного направления – сарматологии. Помимо Н.И. Веселовского, он не только инициировал в 1916 г. первые научные раскопки сарматских курганов на Южном Урале, но и вскоре определил знаменитые Прохоровские курганы IV-II в. до н.э. в Оренбуржье как раннесарматские. Он же был уверен, что сарматы были носителями иранских языков. М.И. Ростовцев также верно писал о роли сарматских вторжений в последующей гибели Скифии (сейчас полагают, что это была серия дальних набегов) и правильно предположил, что савроматы Геродота и группировки сарматов имеют сходные этнонимы, но разные историю и культуру. В отличие от большинства советских сарматологов, академик не видел единой линии развития сарматских группировок, а отмечал несколько волн расселения

сарматов: сегодня эти волны соответствуют трем основным сарматским культурам степи и аланской на Северном Кавказе. В настоящее время после долгого господства автохтонизма, представление о нескольких волнах миграций сарматов из азиатских степей обрело вторую жизнь.

«Бóльшую раздробленность» сарматского мира можно связать не с какими-то исходными особенностями его обитателей, а лишь с тем, что хронологически он фиксируется на протяжении семи веков, в то время как история Скифии насчитывает около четырех столетий. Как следствие, римские авторы (Страбон, Плиний, Птолемей, автор «Певтингеровой карты» и др.) успели получить больше информации о расселении и истории сарматов, нежели греки о скифах. Продуктивен также вывод М.И. Ростовцева о начале активных сарматских миграций в Европу во II в. до н.э.

Важная идея активной сарматизации («иранизации») как причерноморских греков, особенно в I – середине IV в. н.э., так и оседлых окрестных варваров («поздних» скифов, меотов и др.), которая долго казалась только невероятным преувеличением, карикатурой на реальные историко-культурные процессы, сегодня находит все больше различных подтверждений. Это направление сегодня кажется весьма перспективным, хотя «беспрецедентную» сарматизацию Боспора М.И. Ростовцев явно преувеличивал. Он справедливо отмечал оседание (седентаризацию) сарматов на Боспоре, жителей которого Ипполит Портский называл греко-сарматами, включая его города. Подтвердилось и его мнение о наличии сарматов в правящей элите Боспорского царства с рубежа н.э. Двухтомник М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (1913-1914) включает в себя важный анализ греко-сарматской росписи в «склепе Анфестерия», изображений сарматов в «Склепе Ашика» и «Стасовском склепе» и греко-варварских черт в других памятниках.

М.И. Ростовцеву также принадлежит идея, что оригинальный «бирюзово-золотой звериный стиль» среднесарматской культуры из курганов I-II вв. н.э. был заимствован сарматами у мигрировавших в Бактрию с границ Китая больших юэчжей. Впоследствии эта идея была подхвачена В.И. Сарианиди и

В.К. Гугуевым. Таким образом, на еще очень скудном тогда материале М.И. Ростовцев предположил, что искусство звериного стиля сарматского времени, далекое от культурных стандартов античного Средиземноморья, связано с новой волной мигрантов из Азии.

Ошибки М.И. Ростовцева в отношении сарматских культур оказались столько же значимыми для науки и получили продолжение в трудах советских и даже постсоветских сарматологов. Помимо прочего, академик видел у сарматов грубость и дикость культуры по сравнению со скифами, разделяя это представление с античными авторами. Это помогло оформиться ряду стойких стереотипов у сарматологов и широкой аудитории. Представление об аланах, как о совокупности разных этнических групп позже привело к появлению «романтической» версии А. Наглера об аланах как раздробленных, случайных группах приглашенных дружинников. Отождествление М.И. Ростовцевым аорсов с аланами иногда некритически принимается и сегодня. Не подтверждается также его вывод об исключительном значении политики Митридата Евпатора в дальнейшей истории Боспорского царства и его «иранизации», а также о серии сарматских государств, растянувшихся от Западной Сибири: ранняя государственность сложилась только у северокавказских аланов с их протогородами, развитым ремеслом и т.п. М.И. Ростовцев склонен был видеть в Сарматии заметное влияние собственно парфянского Ирана. Характерна была для него и явная недооценка достоверности сведений о сарматских группировках таких важных авторов, как Страбон, Плиний, Лукиан и Аммиан.

Со времени написания трудов М.И. Ростовцева, посвященных древней истории юга России, прошло около столетия. Тем не менее, многие его идеи и ныне востребованы коллегами, и пока нет оснований подвергать их серьезной ревизии. В отношении его справедливо знаменитое утверждение богослова XI в. Бернара Шартрского: «Мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов…» [Гофф, 2003: 13], при этом вполне актуальной кажется и следующая оценка творчества М.И. Ростовцева: «Многие поднятые им

проблемы еще только предстоит исследовать… мы многому можем научиться у этого ученого» [Фаркаш, 1992: 171].

Глава 5. Г.В. Вернадский: история иранских народов древности сквозь призму идеологии евразийства

5.1. «Медные трубы» профессора Г.В. Вернадского

Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) был одним из самых видных исследователей русской истории, учёным-ориенталистом, автором многочисленных монографий и статей по русским древностям, в которых очень важное место было отведено историческим взаимоотношениям славян и народов Степи, прежде всего в контексте философии евразийства, апологетом которой он оставался большую часть своей сознательной жизни. Подобных всеобъемлющих параллелей до него не проводил никто. Именно в таком сравнительном анализе письменных источников, поиске им соответствий и уточнений в лингвистике, ономастике, топонимике, археологии (порой не совсем удачных), в сопоставлении некоторых культурных особенностей, свойственных славянам и, в первую очередь, ираноязычным народам Степи, учёный искал истоки зарождения и формирования российской культуры и государственности. Эпоха перемен начала XX в., в которой пришлось жить и работать учёному, крайне болезненно отразилась на его судьбе, но, все же, позволила ему выжить в постреволюционном безвременье: Георгий Владимирович вынужден был разделить участь своего коллеги М.И. Ростовцева, после Октябрьской революции 1917 г. эмигрировавшего за рубеж. Оценив политические процессы, которые происходили в Советской России, Г.В. Вернадский в 1920 г. решает покинуть пределы страны.

Судьба людей, уехавших из России в связи с событиями октября 1917 г., сложилась по-разному. Мир, к которому они принадлежали, в котором жили и творили, рухнул в одночасье, похоронив под собой весь привычный уклад жизни. Немногие смогли адаптироваться в новой, пугающей и незнакомой для себя реальности. По словам автора предисловия к книге Г.В. Вернадского

«Древняя Русь» Б. Николаева, Георгий Владимирович относится к тому поколению русских эмигрантов, которые, «несмотря на невзгоды смутных лет, потерю родных, близких и, наконец, Родины, смогли не только выжить, не утратив человеческого достоинства, но и сохранить свой талант, энергию и работоспособность. Находясь вдали от России, они продолжали работать во славу Отечества. Их имена невозможно ни оболгать, ни замолчать» [Вернадский, 2000: 5]. Список тех, которые по различным жизненным, необязательно схожим, обстоятельствам вынуждены были представлять русскую науку и культуру в эмиграции, внушителен, и в этом ряду достойное место занимает Георгий Владимирович Вернадский, основатель кафедры русистики Йельского университета, ставший, по признанию критиков, столпом новейшей историографии США. Профессор С. Бэрон «назвал Вернадского самым плодовитым американским русистом, который заслужил благодарность за удивительную эрудицию и энергию» [Болховитинов, 2002: 57].

Сегодня научная деятельность Г.В. Вернадского, его биография, библиография и эпистолярное наследие широко представлены в различных справочных изданиях, монографиях и отдельных статьях, часть которых в разное время была опубликована его учениками, рецензентами его работ и биографами на Западе, а часть издана уже в современной России. Библиография ученого насчитывает более 270 работ, ценность которых заключается, прежде всего, в возможности отследить всю палитру его научной и общественной деятельности. Тем не менее, на протяжении долгого времени, даже спустя десятилетие после смерти Г.В. Вернадского в 1973 г., несмотря на вклад, который он внес в популяризацию русистики в США, его наследию, вкладу в изучение истории России не уделялось должного внимания. До 1985 г., известны лишь две небольшие статьи, одна из которых принадлежит британскому историку, медиевисту и филологу Д.Д. Оболенскому (1954 г.), и содержит краткую положительную рецензию на первые четыре тома его

«Истории России»[192]. Вторая также была комплементарным обзором всей его научной деятельности. Автором статьи под лаконичным названием «Г.В. Вернадский (20 августа 1887 г. – 12 июня 1973 г.)»[193], изданной в 1975 г., был друг семьи Вернадских, бывший директор Института Н.П. Кондакова в Праге, филолог и историк Н.Е. Андреев.

«Перестройка» второй половины 1980-х гг. способствовала всплеску интереса к русскому зарубежью. Не осталась в стороне от этих тенденций и судьба Г.В. Вернадского, изучению наследия которого в разное время посвятили свои работы В.Т. Пашуто[194], Н.Е. Соничева[195], В.П. Козляков[196], А.Ю. Бондарь[197], Н.Н. Болховитинов[198] и др. И все же начало академическим исследованиям деятельности Г.В. Вернадского было положено публикацией в 1985 г. объемной статьи американского ученого Чарльза Гальперина *«Russia and the Steppe: George Vernadsky and eurasianism»*[199], впоследствии дополненной и изданной им отдельной монографией под тем же названием. В этой книге – «разгромной» по сути, лишенной хвалебности и экивоков коллег, – помимо подробного изложения биографии ученого, исторические концепции Г.В. Вернадского в контексте его приверженности идеям евразийства подвергаются жесткому разбору, всесторонней и слегка предвзятой критике, основанной на неприятии Ч. Гальпериным учения евразийцев как социального, общественного и политического явления. Но подача материала от Ч.

---

[192] Obolensky D. *Vernadsky's History of Ancient and Medieval Russia* // Oxford Slavonic Papers. 1954. Vol. V. P. 20-31. См. исправленную и дополненную версию: Obolensky D. *George Vernadsky as a Historian of Ancient and Medieval Russia* // Essays in Russian History: A collection Dedicated to George Vernadsky / Ed. by Ferguson and A. Levin. Hamden: Archaon Books, 1964. P. 1-17.

[193] Андреев Н.Г. Г.В. Вернадский (20 августа 1887 г. – 12 июня 1973 г.) // Записки русской академической группы в США. 1975. С. 182-193. Этот текст является переводом и перепечаткой *Vernadsky G.V.* Russian Historiography: A History / Tr. by Nikolais Lupinin. Belmont: Archaon Books, 1978. P. 512-526.

[194] Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе // М.: Наука., 1992. 400 с.

[195] Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Дисс. канд. ист. наук. М.: Гос. Академия сферы быта и услуг, 1994. 250 с.

[196] Козляков В.Н. Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке// Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С.395-444.

[197] Бондарь А.Ю. Общественно-политические взгляды и деятельность Г.В. Вернадского. Дисс. канд. ист. наук. М.: РУДН, 2001. 210 с.

[198] Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоренский) и становление русистики в США // М.: РОССПЕН, 2005. 144 с.

[199] Halperin Ch. J. *Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism* // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1985. Bd. 36. P. 55-194.

Гальперина не содержит негативной коннотации, он не допускает эмоционально окрашенных оценок в отношении Г.В. Вернадского. Профессионализм исследователя требует от него уважения к большому ученому, ставшему, по определению Джесси Д. Кларксона одним из «ведущих живых классиков в русской истории»[200], что он и сделал со свойственной ему аккуратностью. В свою очередь с рецензией на монографию Ч. Гальперина под заголовком «Новые приключения историка Георгия Вернадского»[201] выступил А.Ю. Дворниченко, специалист по древнерусской истории, в активе которого также есть ряд статей, и фундаментальный труд, посвященный жизни и всем аспектам деятельности Г.В. Вернадского. Основная претензия А.Ю. Дворниченко к русской версии книги Ч. Гальперина сводится к некачественному ее переводу на русский язык. Помимо этого, А.Ю. Дворниченко подчеркивает, что «евразийство Вернадского, не имея отношения к политической борьбе, отнюдь не принижает значение его концепции истории России, а, наоборот придает ей оригинальность и убедительность» [Дворниченко, 2019: 795].

Отдельного внимания требует монография самого А.Ю. Дворниченко «Русский историк Георгий Вернадский. Путешествие в мире людей, идей и событий»[202], где также полно представлено жизнеописание Г.В. Вернадского, уже сквозь призму судеб русской интеллигенции, волею Провидения вынужденных покинуть Родину. Не остался в долгу перед автором и Ч. Гальперин, также опубликовавший комплементарную рецензию уже на русскую версию биографии Г.В. Вернадского[203], подчеркнув, при этом, что А.Ю. Дворниченко является не просто «крупнейшим», но единственным специалистом по Вернадскому в США [Гальперин, 2018: 355]. Обе эти книги сближают компетентность авторов, и легкий, доступный стиль изложения. Два

[200] Рецензия Jesse D. Clarkson // Russian Review. 1966. Vol.24. P 412-414.
[201] Дворниченко А.Ю. Новые приключения историка Г.В. Вернадского // Вестник СПбГУ. Серия История. 2019.Т.64. Вып.2. С. 795-812.
[202] Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествие в мире людей, идей и событий // СПб.: Евразия, 2017. 724 с.
[203] Halperin Ch. J. *(Re)Discovering George Vernadsky* // Journal of modern Russian history and historiography. 2018. No.11. P.134-157.

полноценных исследования, русское и американское, изначально адресованные русскоязычной и западной аудиториям, стали отражением двух материков, Евразии и Америки, с которыми судьба связала Георгия Владимировича.

Биография Г.В. Вернадского полна неожиданностей, свойственных творческим людям, вынужденным по разным причинам, стать эмигрантами. Болезненный переезд, сопровождаемый разрывом с семьей, неустроенность и вечная нехватка средств к существованию, тем не менее, не отразились на его характере. Ему удалось сконцентрироваться на научной деятельности, раскрыв свой потенциал, основы которого были заложены в «прошлой» жизни. Георгий Владимирович, или как его называли в США, Джордж Вернадский, родился 20 августа 1887 г. в семье известного российского и украинского учёного-естествоиспытателя, мыслителя и общественного деятеля Владимира Ивановича Вернадского. Несмотря на последующую эмиграцию сына, академик В.И. Вернадский был обласкан Советской властью настолько, что позже, кроме всего прочего, в качестве признания его заслуг имя В.И. Вернадского было присвоено одному из главных проспектов г. Москвы. До самой своей кончины в 1945 г. В.И. Вернадский оставался основным рецензентом работ своего сына. Сын же его пронёс особую любовь и уважение к отцу и матери – Наталье Егоровне Старицкой, дочери известного специалиста по государственному праву. Трудно представить себе сегодня стиль письма, который Георгий Владимирович применял при обращении к родителям: «Драгоценные мои», или «Обнимаю, целую тебя, драгоценный папочка. Твой любящий сын Георгий» и т.д.[204]. При этом очевидцы свидетельствуют, что эти отношения между ними сохранились и в более зрелом возрасте.

Атмосфера, царившая в семье, позволила ему получить в детстве прекрасное базовое домашнее образование и воспитание. Сочетание этих двух начал способствовали тому, чтобы Г.В. Вернадский поступил в 5-ую Московскую классическую гимназию, где и проявилось его увлечение

[204] Семейный архив Г.В. Вернадского (234 ящика) хранится в Нью-Йорке, в Колумбийском университете: Columbia University. The Buttler Library. The Bakhmeteff Archive (далее BAR). The Vernadsky Papers. – https://findingaids.library.columbia.edu/archives/cul-4078205.

историей. Молодой гимназист особенно ценил уроки Я.Л. Барского, ученика известного историка В.О. Ключевского, чем не замедлил делиться с отцом. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Отец был человек необыкновенного размаха, пытливой мысли и широких научных исканий. Когда он заметил, что у меня намечается склонность к истории, он сразу же обратил на это внимание»[205]. Окончив в 1905 г. гимназию с отличием, Г.В. Вернадский поступил на историко-филологический факультет МГУ, где его наставником в те годы стал В.О. Ключевский. В ноябре 1908 г. Г.В. Вернадский женился на Нине Владимировне Ильинской, выпускнице историко-филологического факультета Московских высших женских курсов, которая стала верной спутницей всей его жизни [Гальперин, 2018: 22]. Уже весной 1910 г. Г.В. Вернадский успешно сдал экзамены и написал «кандидатское сочинение» на тему «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.». Затем, вслед за отцом, он покидает Москву и перебирается в Петербург, где начачал работать в должности приват-доцента Петербургского университета. В 1912 г. Г.В. Вернадский становится уже ординарным академиком[206]. Первая его большая научная работа под названием «Русское масонство при Екатерине II» была опубликована в 1917 г., а 22 октября того же года была защищена им как магистерская диссертация. По удивительному стечению обстоятельств, работа Г.В. Вернадского оказалась последней диссертацией по истории, которая была представлена и защищена в России до Октябрьской революции.

Обе революции 1917 г. застали Г.В. Вернадского в Перми, где молодой учёный исполнял в местном университете обязанности профессора русской истории, читал лекции и одновременно занимался научной работой. Эпоха революций не могла не отразиться на политических убеждениях учёного. Под влиянием либеральных идей Георгий Владимирович вступил в партию кадетов, но в мае 1918 г. друзья предупредили его, что ВЧК собирается его арестовать.

---

[205] Вернадский Г.В. Из Воспоминаний. Годы учения. С.Ф. Платонов// Новый журнал. 1970, Кн.100, С. 199.

[206] Ординарный академик – штатный академик, занимавший кафедру, в противоположность экстраординарному, не имевшему своей кафедры

Опасаясь преследований, Г.В. Вернадский окольными путями прибыл в Киев, где к тому времени уже обосновалась его семья: в Украинской державе гетмана Павла Скоропадского его отец В.И. Вернадский возглавил Украинскую Академию наук. По совету отца, Георгий Владимирович стал профессором Симферопольского филиала Киевского университета и переехал в Симферополь, где и начал свою деятельность в качестве профессора Таврического университета, коим стал именоваться филиал. В сентябре 1920 г. Георгий Владимирович занял должность начальника отдела печати при Гражданском управлении Крыма в правительстве главнокомандующего Русской армии в Крыму и Польше барона П.Н. Врангеля, а незадолго до этого Таврический университет избрал новым ректором отца Георгия Владимировича В.И. Вернадского. И если должность ректора Таврического университета была не столь большим преступлением в глазах большевиков, то статус члена правительства барона П.Н. Врангеля явно грозил Г.В. Вернадскому расстрелом. После поражения «черного барона» Г.В. Вернадскому ничего не оставалось, как покинуть родину. В 1920 г. вместе с остатками разбитой Русской армии он погрузился с женой на старый пароход «Рион», и отплыл в Константинополь. В.И. Вернадский же, по настоянию профессорско-преподавательского состава Таврического университета, обратившегося к нему с просьбой «не покидать их в такое трудное время», остался в России [Болховитинов, 2002, 13].

В 1921 г. Вернадских разыскал в Константинополе американский историк Фрэнк А. Голдер, который попытался вывезти их в США, однако эта попытка не увенчалась успехом: в тот раз они добрались всего лишь до Греции. Следующим после Константинополя городом их эмиграции стали Афины, где Вернадские задержались на год. Г.В. Вернадский устроился на работу в библиотеку Греческой археологической ассоциации, получил доступ к архивам, и занялся выявлением и переводом византийских источников. В 1921 г. Георгий Владимирович с женой прибыл в Прагу, и остался здесь на целых шесть лет, продолжая заниматься историей и преподаванием в качестве профессора на Русском юридическом факультете Карлова университета. Научная

деятельность учёного в Праге оказалась связанной с выдающимся специалистом по русскому средневековому искусству и истории Византии Н.П. Кондаковым, который, по словам Г.В. Вернадского, «ввёл его в скифо-сарматский мир и пробудил интерес к истории аланов» [Болховитинов, 2005: 37]. К аланам, – «красивому племени стройных белокурых людей», Н.П. Кондаков относился с особой симпатией, не раз заявляя при этом, что сам по происхождению является аланом [Вернадский, 2002: 259]. Здесь же Г.В. Вернадский присоединился к движению евразийцев, идеологические, но не политические концепции которого нашли соответствующее отражение в его научных публикациях.

Но жизнь эмигранта была все же достаточно сложной, тем более что занятия исторической наукой не приносили учёному особых доходов. В августе 1921 г. Г.В. Вернадский в своем дневнике писал следующее: «Бог даст, милые мои, драгоценные смогут когда-нибудь прочесть эту тетрадь и хоть немного представить нашу жизнь»[207]. В 1927 г. в связи с ухудшением материального положения, Г.В. Вернадский, по рекомендации своих друзей Ф.А. Голдера и М.И. Ростовцева, с большими сложностями, сопровождавшими переезд, наконец-таки перебрался в США. Важным свидетельством того периода жизни Вернадских являются письма М.И. Ростовцева к Г.В. Вернадскому [Скифский… 1997:516-529]. Вернадские поселились в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, где в первое время им пришлось ютиться в квартире Ростовцевых. Георгий Владимирович становится профессором по истории России Йельского университета и сосредотачивается исключительно на науке, с удовольствием отдалившись от шумных политических процессов, сопровождавших его в период жизни в Европе. Дискомфорт, который поначалу испытывал Г.В. Вернадский, оказавшись в непривычной среде, в том числе и из-за незнания английского языка («Советую Вам все время заниматься (английским) языком» – настаивал практически в каждом письме М.И.

[207] Дневники. Запись 20 августа 1921 г. // Columbia University. The Buttler Library. The Bakhmeteff Archive. The Vernadsky Papers, Box 103 – https://findingaids.library.columbia.edu/archives/cul-4078205.

Ростовцев), по причине которого он не мог читать лекции студентам, очень скоро сменился желанием работать и, наконец-таки, реализовать весь свой научный потенциал. Уже там, в Соединенных Штатах, в 1929 г., к концу первого года работы в университете, Г.В. Вернадский пишет учебник по русской истории на английском языке *«History of Russia»* для студентов американских университетов, который по сей день считается классическим [Культурология …,1998: 114-117]. Особую значимость этой работе придавало предисловие, написанное М.И. Ростовцевым, в котором он, со свойственной ему основательностью, обозначил масштаб и значимость затрагиваемой автором темы [Vernadsky G. Op. cit. Preface by M.I. Rostovtzeff. P. X-XI]. При этом М.И. Ростовцев отмечает, что Г.В. Вернадский употребляет, но не злоупотребляет своей евразийской точкой зрения [Гальперин, 2018:70]. Впоследствии работа выдержала множество переизданий на иностранных языках, а в 1969 г. впервые вышла на русском.

1930-е гг. считаются всплеском творческой активности учёного. Из трудов, созданных Г.В. Вернадским в это время, следует отметить вышедшую в 1933 г. в Лондоне книгу на английском, которая называлась «Ленин. Красный диктатор». Она была написана по просьбе друга, человека, сыгравшего важную роль в его судьбе, американского историка, бизнесмена, куратора и собирателя знаменитой Гуверовской коллекции, директора Гуверовского института Фрэнка Альфреда Голдера. Следующие монографии Г.В. Вернадского тех лет, такие, как «Русская революция. 1917–32» и «Политическая и дипломатическая история России» также были опубликованы на английском языке. На русском учёный издает книги «Опыт истории Евразии с VI в. до настоящего времени» (1934) и «Звенья русской культуры» (1938). В последних двух монографиях, написанных под воздействием евразийской доктрины, Г.В. Вернадский развивает идею взаимодействия природных и социальных факторов в русской истории.

Венцом научной деятельности Г.В. Вернадского стала его многотомная история России. В контексте представленной работы интересна предыстория

написания этого труда. В 30-е годы XX в. Г.В. Вернадский вместе со своим другом, секретарем бывшего посла России в США Б.А. Бахметевым, профессором Гарвардского университета, а также главным редактором «Нового журнала» М.М. Карповичем решили осуществить грандиозный научный проект – написание истории России в десяти томах. Г.В. Вернадский был дружен с М.М. Карповичем ещё со времён учёбы в Московском университете, который тот закончил несколько позднее него, в 1914 г., затем, по предложению Б.А. Бахметева, эмигрировал в США, и впоследствии оказал очень большое влияние на судьбу Георгия Владимировича.

Идея авторов заключалась в том, чтобы «создать систематический трактат, основанный на полной ревизии как источников, так и монографической литературы» [Дворниченко, 2017: 253], с учетом новых материалов, введение которых в научный оборот стало возможным вследствие появившейся возможности работать в архивах. Из задуманных десяти книг первые шесть, освещавшие ранние периоды истории России, должен был написать Г.В. Вернадский, а последующие четыре тома – М.М. Карпович, но из-за скоропостижной кончины последнего в 1959 г., свет увидели лишь первые пять томов проекта, написанные Г.В. Вернадским. Еще одно мнение гласит, что идейный «западник» М.М. Карпович не торопился приступать к написанию своей части, так как не очень представлял себя в качестве «продолжателя евразийских выпусков серии» [Гальперин, 2018: 353]. В конечном итоге отказался писать продолжение и профессор Принстонского университета, «западник» Сайрил Блэк, к которому после смерти М.М. Карповича с соответствующим предложением обратилось издательство Йельского университета. Мотивация его отказа, согласно Н.Н. Болховитинову, была созвучной с позицией М.М. Карповича [Болховитинов, 2002: 54,55].

Первый том проекта под названием «Древняя Русь» был опубликован в 1943 г. Этот объёмный труд охватывал историю народов, населявших Евразию, с древнейших времён до образования Киевской Руси. Автор опирался, прежде всего, на знание первоисточников, а также литературы, изданной не только на

европейских, но и на восточных языках. Выход этой книги стал важным, переломным моментом во всей научной деятельности Георгия Владимировича. С момента издания первого тома и до конца жизни он с невероятным рвением и упорством трудился над изданием последующих томов. Второй том – «Киевская Русь» – увидел свет в 1948 г., третий – «Монголы и Русь» – в 1953 г., четвертый – «Россия на пороге нового времени» – в 1958 г. и пятый, заключительный том – «Московское царство» – был опубликован в 1968 г.

Пятитомник вызвал широкий научный и общественный резонанс, как в США, так и в СССР. Примечательно, что первый том «Истории…» вышел в 1943 г., то есть в то время, когда СССР и США были союзниками в войне против гитлеровской Германии. Интерес американской общественности к СССР как к союзнику в те годы способствовал успеху книги. И всё же чрезмерное внимание Г.В. Вернадского к кочевым культурам как важном факторе в истории формирования славянства в отличие от преобладающих подходов к освещению этого вопроса вызвало неоднозначную реакцию со стороны многих его коллег.

Вполне предсказуемой была и реакция советских ученых. Так, автор рецензии на книгу «Древняя Русь», вышедшей в журнале «Вопросы истории» в 1946 г., крупный советский этнограф и археолог С.П. Толстов, после общего обзора монографии и критики основных положений, заключил: «Книга Г. Вернадского глубоко чужда самому духу советской исторической науки» [Толстов, 1946: 123]. Б.А. Николаев писал, что «внимание автора сосредоточено в основном на истории степных народов – скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар. Автор настолько подробно прослеживает появление, перемещение и исчезновение этих народов, что создается впечатление, будто он пишет историю юга России, неоправданно мало внимания уделяя истории севера» [Николаев, 2000а: 14]. Аналогичный укор делает учёному и академик М.Н. Тихомиров, автор одной из рецензий на его работу: «...не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находиться в поле внимания историка России ... Между тем

истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места» [Тихомиров, 1946: 124].

Позиция Г.В. Вернадского относительно «народов-господ» вызывала определенное раздражение у рецензентов (С.П. Толстов, М.Н. Тихомиров), которые не могли смириться с тем, что создателями «первого русского каганата» могли быть варяги – шведы (С.П. Толстов) или венгры (М.Н. Тихомиров). «Иранский же массив племен, который время от времени также выбрасывал из себя завоевателей – результат недостаточного постижения Вернадским советской исторической науки, густо замешанной на учении Н.Я. Марра» [Дворниченко, 2017: 367]. Именно поэтому, согласно рецензентам, Г.В. Вернадский не допускает и мысли, что «западные скифо-сарматы – это с исторической точки зрения, не «иранцы», а протославяне, как протославяне, видимо, иллирийские невры или нуры и венеты и фракийские племена» [Толстов, 1946: 118].

Неоднозначная реакция на том последовала и от некоторых его западных коллег. Иранист Р. Фрай назвал «Древнюю Русь» некомпетентной и раскритиковал неудачные этимологии автора (Тьмутаракань – Тьма-тархан и т.д.), акцентировав внимание на заявлении Г.В. Вернадского о том, что тот не является ни лингвистом, ни археологом. По мнению Р. Фрая автор «доказал свою некомпетентность в этих областях, написав пустую и запутанную книгу, которая демонстрирует лишь полет его воображения» [Гальперин, 2018: 147]. Сдержанный в проявлениях эмоций Г.В. Вернадский, тем не менее, был оскорблен рецензией Р. Фрая, хотя и не стал публично на нее реагировать. В то же время, коллега Г.В. Вернадского Н.Е. Андреев называет автора «крупнейшим знатоком вопроса», который «дал грандиознейшую и увлекательнейшую по схеме, по подробностям и общей манере изложения картину истории евразийского мира, столь судьбоносно включающего в себя русское месторазвитие» [Андреев, 1954: 34]. Несомненные заслуги Г.В. Вернадского в реализации этого уникального проекта отметил профессор Б.А. Николаев [Николаев, 2000а: 12].

Судьба наградила Г.В. Вернадского долгой и плодотворной жизнью. На протяжении первых трех десятилетий эмиграции научная деятельность Георгия Владимировича была весьма успешной и продуктивной. Уже к концу 1950-х гг., Г.В. Вернадский был признан американским историческим сообществом выдающимся учёным, его авторитет в вопросах, связанных с древней и средневековой историей России, в США был непререкаем. Будучи крупным специалистом по истории России, он систематически читал лекции в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах. В 1958 г. Колумбийский университет присудил ему звание почётного доктора гуманитарных наук, а работы Георгия Владимировича оказали непосредственное влияние на многих учёных, в том числе и на философию и исторические взгляды Л.Н. Гумилёва.

Видный русский учёный скончался 12 июня 1973 г. в возрасте 86 лет в г. Нью-Хейвен, пережив свою жену Нину на два года. По признанию президента Американской Ассоциации Содействия Славянским Исследованиям Эдварда Дж. Брауна Г.В. Вернадский к интеллекту добавил изящество, став воплощением нового поколения специалистов по истории России – исследователей и джентльменов. Алан Д. Фергюсон в некрологе в память о своем учителе писал, что «с его смертью закончилась великая эра русской школы историографии» [Гальперин, 2018: 99, 100].

5.2. История Степи в отражении идеологии евразийства

Евразийство – общественно-политическое движение, возникшее в кругу русских эмигрантов в 1920-1930-е гг., появилось в эпоху «больших идеологических противопоставлений» рубежа XX в., таких, как Восток-Запад, коммунизм-фашизм, Север-Юг (в основном экономический аспект), традиционализм-модернизм, Степь-Лес и т.д. Причем в этой «разности» можно было наблюдать много сходных элементов. К примеру, сопоставляя такие

явления, как фашизм и евразийство, Г.В. Сачко определяет первое как этатизм, и, со ссылкой на идеолога фашизма Б. Муссолини, отмечает, что «идеал фашистского государства воплощен в Римской империи, а цель фашизма – «соединить великое прошлое с лучезарным будущим» … Империя создается на основе общего духа, объединяющей идеи, а носителем духа и идеи является государство, поэтому государство – это ВСЁ» [Сачко, 2009: 8]. Евразийство же, сформировавшееся в среде российских эмигрантов в Европе в первой четверти XX в., которая переживала рождение национал-социализма и фашизма, декларировало, что ВСЕМ является Русская идея [Сачко, 2009: 8].

Евразийство как одно из направлений русской исторической и идейно-мировоззренческой мысли первой половины XX в., появилось как следствие Октябрьской революции. Теоретики евразийства пытались осмыслить исторические и культурные итоги революции, при этом евразийская доктрина должна была помочь им подготовить их триумфальное возвращение в постсоветскую Россию. Но реализация этих планов была невозможна ни в какой перспективе, так как русская эмиграция не обладала качеством, свойственным большевикам – волевым устремлением, активностью и инициативностью [За СССР …, 2004: 73]. И все же, несмотря на немногочисленность евразийцев, идеологическое воздействие, которое они оказывали на эмигрантское сообщество, было удивительно и в то же время неоправданно успешным. По выражению Ч. Гальперина «его (евразийства – А.Ч.) слава превосходила его значение» [Гальперин, 2018: 57]. Евразийцы акцентировали внимание своих последователей на разностороннем своеобразии России, вытекающем из её географического расположения сразу на двух континентах – Европейском и Азиатском. Россия–Евразия признавалась ими как особый географический, этнический и культурно-исторический мир, самобытная геополитическая единица. Отсюда же логически вытекало утверждение «самостоятельной ценности русской национальной стихии» [Культура и время, 2012: 61]. Еще одним немаловажным фактором, определяющим характер идеологии евразийства на поздних ее этапах, было

религиозное единство, но никак не панславизм. Советская Россия в представлениях евразийцев вернулась в естественные границы Евразии, лишившись своих западных, неевразийских областей – католической Польши и Литвы, протестантских Прибалтики и Финляндии, сохранив при этом Центральную Азию и Кавказ.

Русский интеллигент, Г.В. Вернадский был обеспокоен судьбой России, той ролью в мировой системе цивилизационных ценностей, которую ей отвело Провидение. И как русский эмигрант первой волны, он надеялся на скорое крушение большевистского режима. Именно поэтому учение евразийцев, как идея, в которой надо искать истоки славянства, привлекла Г.В. Вернадского. Евразийство стало и навязчивой идеей Г.В. Вернадского, существенной составляющей его научной деятельности. В нем он, прежде всего, нашел отражение нескольких созвучных его собственным, определяющих историко-философских идей, в том числе – большей части терминологии и риторики евразийцев. Одним из результатов его приобщения к движению стала публикация статей и книг в журналах и издательствах евразийского движения. Ещё в пражский период эмиграции он сблизился с лидерами евразийства, такими, как П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой и Л.П. Карсавин, и стал видным представителем этого общественно-научного направления. С началом Второй мировой войны движение угасло, но Г.В. Вернадский, оставаясь приверженцем идей евразийства, продолжал поддерживать связь с его основателями и опекать его последователей. Большая война в Европе все же заставила его смириться с мыслью о невозможности скорого крушения режима большевиков, выдержавших столь мощное воздействие Германии, и принять существующие политические реалии как данность. Это же давало возможность объяснения некоторых аспектов его концепции об идеологической преемственности народов Степи.

История Восточной Европы по Г.В. Вернадскому – это история Степи, наложенная на идеологию евразийства. История, в которой Евразия в прошлом была единой в рамках особой евразийской идентичности, и в которой Россия

вне зависимости от политического строя, выступает преемницей народов кочевых империй – скифов, гуннов, монголов, – связавших Степь от Востока до Запада в единое, особое культурно-геополитическое пространство. В «Начертании…» Г.В. Вернадский «старается вставить историю Киевской Руси в схему сменяющих друг друга глобальных евразийских государств» [Дворниченко, 2017а: 365]. Причем если в первых трех случаях миграционные потоки, образовавшись в глубинах Азии, шли с Востока на Запад, то в случае с Россией наблюдается обратное движение – на Восток. Геополитические приоритеты, такие, как защита континентальных торговых путей Евразии вне зависимости от того, кто господствовал в Степи – скифы или монголы, защита общих «евразийских» границ от Балтики на западе до Манчжурии на востоке, была основной движущей силой евразийцев. Российская империя на всех этапах своего существования «вписалась в структуру Монгольского евразийского государства с идеями византийской государственности» [Гальперин, 2018: 123], расширившись накануне Первой мировой войны до естественных границ Евразии, и «создав, таким образом, Евразийскую империю на прочных религиозных основаниях» [Гальперин, 2018: 123].

Сложно понять, кем же, в первую очередь в 1920-30-х гг. был Г.В. Вернадский. Был ли он общественным деятелем, пытавшимся сформулировать историческую подоснову для идеологии евразийства, или все же медиевистом, который, разочаровавшись к концу жизни в политике, и, изменив приоритеты, вернулся к истокам, понял и принял свое новое предназначение – написание истории России в контексте взаимосвязи Руси и Степи. Именно поэтому многие научные положения Г.В. Вернадского вызывали вопросы у его современников, так как они воспринимали его, прежде всего, как «политика, занявшегося историей», что было обусловлено следующим. В работах 1920-1930 гг. «Вернадский приписывал евразийское сознание каждому правителю в истории России от Святослава до Николая II, которые формулировали политику так, будто только что прочли изложение евразийства Трубецкого… Подобные суждения… – это тот тип искажения истории, который появляется, когда

историки проецируют текущую политическую ситуацию на прошлое» [Гальперин, 2018: 130]. Но в начале была, все же, деятельность научная.

Воодушевлённый идеями евразийства, Г.В. Вернадский упрочил её философские разработки конкретными историческими исследованиями. Это был тот самый случай, когда его политические взгляды нашли «воплощение в научных изысканиях, получив широкое официальное признание за рубежом» [Пашуто, 1992: 13], и в то же время он оставался противником политизации евразийской идеи, интуитивно чувствуя опасность, исходящую от его политической составляющей [Дворниченко, 2017: 227]. Согласно концепции Г.В. Вернадского, Россия является великой евразийской державой, которая представляет собой самостоятельную цивилизацию: «Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии» [Вернадский, 2012: 7]. Евразийство, прежде всего, было направлено против однобокой ориентации России на Запад, явно недооценивавший её самобытность и роль. Основной посыл, который евразийцы декларировали миру, звучал следующим образом: Россия не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу.

Он «вошел» в евразийство не через политические или исторические декларации, а посредством публикаций о значении русского православия в российской истории. Одну из первых своих статей «Соединение церквей» Г.В. Вернадский опубликовал в 1923 г. в евразийском сборнике «Россия и латинство», которая ознаменовала собой начало разработки им концепции евразийства с точки зрения историка. Затем была статья «О историческом единстве русских церквей» [Вернадский, 1926: 281-289]. Наиболее же крупной и серьёзной работой Георгия Владимировича в этом направлении является книга «Начертание русской истории», вышедшая на русском языке в Праге в 1927 г. Она была рекомендована в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям. В этом сжатом очерке истории России, написанном с позиции евразийства, автор обращает

преимущественное внимание на роль географической среды России на историю формирования Российской империи и ее политику в Восточном вопросе. Книга была рассчитана на широкую аудиторию интересантов и позже, уже в 2000 г., была переиздана в Москве. Еще две «евразийские» работы «Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени» (1934) и «Звенья русской культуры» (1939), прошли незаметно для исследователей и воспринимались ими как «евразийская пропаганда» [Гальперин, 2018: 323]. Идеи «особого русского пути» отразились и в работах другого известного русского историка Л.Н. Гумилёва, однако и они не способствовали тогда становлению евразийства как основополагающей идеи русского мира. Уже в 1990-е гг. XX в. в связи с изменением геополитической ситуации в мире, идеи евразийства в России получили новый импульс. Но евразийство Г.В. Вернадского, все же, было чем-то иным, нежели восприятие этого понятия западными и современными российскими общественниками и политиками. Г.В. Вернадский воспринимал евразийство более широко, и осознавал, что «без того или иного «евразийства» российскую историю просто адекватно не понять» [Дворниченко, 2019: 809]. Не существует идеальных построений, но в случае с Г.В. Вернадским он, опираясь на идеологию евразийства, постарался представить свою последовательную концепцию русской истории, которая стала «интеллектуальной заложницей» ситуации на фоне всеобщей демонизации идеологии евразийства. Научное евразийство Г.В. Вернадского подразумевало, что роль Степи в истории России во все периоды их взаимодействия была отнюдь не только негативной, и в этой истории их взаимоотношения должны рассматриваться объективно, без предубеждений против культуры номадов в целом.

Глубокое «хотя и неявное интеллектуальное влияние» на Г.В. Вернадского как ученого оказал М.И. Ростовцев, студентом которого он был в прошлом, и с которым они впоследствии вместе работали в Санкт-Петербургском университете. В частности, работы М.И. Ростовцева, освещающие роль греков и иранцев в Северном Причерноморье, легли в основу многих идей Г.В.

Вернадского «о раннеславянской истории, Киевской Руси и степи» [Гальперин, 2018: 27]. В то же время, концепции М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского в основе своей мало чем отличались друг от друга. Оба они считали Степь, вне зависимости от того, представители какого кочевого народа господствовали в ней – скифы ли, сарматы, хазары, половцы или монголы, одним из факторов, послуживших толчком к становлению в дальнейшем Российского государства. Разница заключалась в том, что точкой отсчета для М.И. Ростовцева была классическая античность, археология и критическое отношение к античным хроникам, в то время, как для Г.В. Вернадского история Руси и Степи стала закономерным развитием идей евразийства. Можно предположить, что без идей М.И. Ростовцева не было бы историка Степи Г.В. Вернадского. Впоследствии многие идеи М.И. Ростовцева нашли свое воплощение в его работах.

Квинтэссенцией исторической концепции Г.В. Вернадского, идеи взаимодействия природы и общества как главного содержания всемирно-исторического процесса[208] становится его «История России». В рамках этой концепции учёный уделял много внимания освещению истории кочевых народов степной полосы Евразии, их последующему влиянию на славянство, причем внимание к кочевникам в его работах было настолько большим, что на Г.В. Вернадского, как, и в случае с М.И. Ростовцевым, обрушился шквал упрёков со стороны историков-русистов. Действительно, в первом томе пятитомника «Древняя Русь» Г.В. Вернадским значительное место отведено историческим взаимоотношениям славянских и степных, в первую очередь, ираноязычных народов.

К проблеме взаимоотношений ираноязычных и славянских племен Г.В. Вернадский обращался практически во всех своих исследованиях, которые касались истории России. По его твердому убеждению, «Иранский период обладал фундаментальной значимостью для последующего развития русской цивилизации ... именно иранцы заложили основание политической организации

[208] Идея эта была не нова. В свое время подобные мысли высказывали Ф.Ратцель (1844–1904), В.О. Ключевский (1841-1914) и др.

восточных славян» [Вернадский, 1996: 115]. Учёный акцентировал внимание на роли скифов в становлении русского государства, считая, что «историческая подпочва русского государства создана была скифами» [Вернадский, 1996: 43–44], подчеркивая при этом, что скифы были первыми обитателями южнорусских степей, сведения о которых были представлены в нарративных источниках. Г.В. Вернадский прекрасно понимал невозможность изучения истории славян на ранних ее этапах, изучения их быта «в изоляции от народов, им предшествовавших на данной территории» [Вернадский, 1996: 85]. Именно поэтому он предполагал изучение древней истории России с истории Скифии, других народов Степи, и их взаимоотношений с протославянскими племенами.

Вместе с тем, Г.В. Вернадский подвергал критике коллег, которые принижали роль кочевников в историческом процессе, считая их народами с низким культурным уровнем, ссылаясь при этом на следующий аргумент: «В начале XX века большая часть монгольских племён находилась на более низком уровне политического и хозяйственного развития, чем это было в XIII веке» [Вернадский, 1996: 42]. Г.В. Вернадский доказывал, что в прошлом кочевые народы постоянно контактировали с земледельческими культурами, поддерживая торговые связи; он сравнивал Степь и пустыню с морем, утверждал, что они имели такое же соединительное значение для отрезанных друг от друга частей «твердой культуры» (земледельческо-приморской): «Степная империя, которая достигала сколько-нибудь широких размеров, держала связь с различными, часто отдаленными друг от друга оседлыми народами ... Перед началом нашей эры такую роль соединительного элемента между Черноморьем, Кавказом и Хорезмом играли скифы» [Вернадский, 1996: 43].

Схожее представление о роли кочевых культур Евразии, способных в том числе, создавать удивительные образцы искусства, сблизило Г.В. Вернадского с Ю.Н. Рерихом. Принимая и поддерживая позицию Г.В. Вернадского, Ю.Н. Рерих опубликовал на базе Семинария Н.П. Кондакова монографию «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» [Roerich, 1930; Рерих, 1930], где им

впервые были представлены некоторые ранее неизвестные факты об истории и культуре номадов Центрального и Северного Тибета. Книгу к публикации подготовил П.Н. Савицкий. Общая позиция по взаимовлиянию и взаимодействию кочевых и оседлых культур древности способствовала дальнейшему обмену мнениями между ними, которое и отразилось в эпистолярном наследии Ю.Н. Рериха и Г.В. Вернадского.

Искренность в сочетании с безоглядной верой в собственную концепцию сделала Г.В. Вернадского уязвимым перед людьми, которые совсем иначе представляли себе научную деятельность, и чьи околонаучные исследования оказали на него заметное влияние. Осетинский эмигрант Дзамбулат Дзанти, основатель и главный редактор двух парижских изданий – журнала «Осетия», семь номеров которого вышли в 1933 г., и четырех небольших брошюр под названием *“Oss-Alanes”* (1953), представлял интерес для Г.В. Вернадского, прежде всего, как носитель осетинского языка, и информант, который как ему казалось, обладал столь необходимыми знаниями в области осетинского фольклора и мифологии. Показательна в этом случае история с легендой об «Иры Дада» (Мстислав и «аланский» князь Редедя), которую на склоне лет «вспомнил» Дз. Дзанти, и которая послужила поводом для написания Г.В. Вернадским специальной статьи, подвергшейся жесткой критике со стороны оппонентов, назвавших легенду фальшивкой в стиле переводов «Оссиана» шотландцем Дж. Макферсоном.

История аланов-осетин, убежденность в их особой роли в становлении славянства, способствовали чрезвычайной восприимчивости Г.В. Вернадского к личности Дз. Дзанти, как человека честного, коим он по определению являлся, и респондента, очень важного для его дальнейших исследований. Поиск подтверждения в осетинском языке этимологий различных терминов и определений, не совсем удачные в связи с этим лингвистические построения, а

также сама личность Дзамбулата Дзанти также стали предметом обсуждения в переписке между Г.В. Вернадским и Ю.Н. Рерихом[209].

Еще один русский эмигрант, этномузыкант Юрий Арбатский убедил Г.В. Вернадского в том, что в 1930 гг. на Балканах он, будучи членом тайной секты фолк-певцов «Роту», имел возможность ознакомиться с рукописью древнего языческого текста «Житие святого Владимира», крестителя Руси, сфотографировать ее, и записать на пленку пение сектантов. Арбатский датировал текст XI в. Естественно, что запись «сохранилась» только лишь в его изложении, но этого оказалось Г.В. Вернадскому достаточно для того, чтобы всерьез воспринять «Житие…», и по следам истории Ю. Арбатского, и, более того, в сотрудничестве с ним, подготовить к публикации монографию. Издательство и рецензенты отвергли возможность публикации книги, назвав «Житие…» неуклюжей подделкой, что, как и в случае с реакцией на «Иры Дада», вызвало раздражение Г.В. Вернадского. Легковесность Ю. Арбатского, заявившего в некоторых публикациях, что «научные каноны – это светский нонсенс Запада», и что «подлинность «Жития Владимира» подтверждается истинностью этнического культурного опыта» [Гальперин, 2018: 159-161] не способствовали серьезной поддержке позиции Г.В. Вернадского, и его коллеги выразили обеспокоенность подобными его «увлечениями»: Д.М. Лэнг считал, что он «попал в лапы кучки сумасшедших эмигрантов» [Гальперин, 2018: 165]. На деле же убежденность Г.В. Вернадского в непогрешимости евразийской догмы способствовала поиску подтверждения своей концепции, в том числе и посредством участия в подобных сомнительных с точки зрения науки проектах. На эту ситуацию явно накладывались его деятельность в качестве специалиста по русским древностям, консультирующего различные архивы и библиотеки в части приобретения древних рукописей, а также предыдущий, более успешный опыт приобретения весьма ценных артефактов. Так, в «пражский» период Г.В. Вернадскому удалось приобрести уникальную коллекцию русских грамот XVI-

[209] Фигуре Дз. Дзанти, его деятельности как организатора и исследователя, тесному сотрудничеству с Г.В. Вернадским и Ю.Н. Рерихом, посвящен отдельный параграф 7.1. диссертационного труда.

XVIII вв., а весной 1942 г. посредством некоего И. Гундяка он стал обладателем весьма ценного манускрипта «Ответ Иоанна Грозного Яну Роките» [Дворниченко, 2017: 285].

5.3. Иранские народы Степи: происхождение и раса

Наиболее полно концепция Г.В. Вернадского, подчеркивающая особую роль древних народов Евразии в последующем возникновении и формировании Древнерусского государства, представлена в его многотомной «Истории России». Он подробно описывает десятки племён и народов различных языковых групп: индоевропейской, тюркской (алтайской), угро-финской и др. Иранцы, тюрки, монголы – каждый из этих народов, по мнению Г.В. Вернадского внес свою лепту в этнополитическое становление славян, при этом, согласно ему, «иранская» компонента стала наиболее ранним фактором, оказавшим серьезное воздействие на этнокультурную картину южнорусских степей. Нет необходимости в освещении всех пяти томов издания, хотя к «иранской» составляющей прарусской истории помимо первой книги – «Древняя Русь», Г.В. Вернадский возвращается и в двух последующих томах – «Киевская Русь» и «Монголы и Русь».

Большая часть древней истории России в подробном изложении Г.В. Вернадского, построена на «предположениях», что объясняется, прежде всего, тем, что, представляя события глубокой древности, он старался максимально подробно осветить ход истории, интуитивно заполняя «предположениями» неизбежные лакуны, в том числе и с помощью поиска возможных лингвистических основ. История России от Г.В. Вернадского, как и в случае с М.И. Ростовцевым, начинается с появления в Северном Причерноморье киммерийцев и скифов, продолжается описанием истории сарматов, и далее аланов, причем вопрос освещается во всех возможных аспектах, вплоть до отражения культурного наследия иранской эпохи в истории России. «Иранцы»,

которые в древности занимали южнорусские степи, и служили связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями, по Г.В. Вернадскому, заложили основу политической организации восточных славян. Со скифами, объединившими под своей властью Степь и часть лесной зоны, и контролирующими границу леса и степи, а также реки, которые служили водными магистралями для осуществления торгового обмена, он увязывает первоначальную историю славян. Поэтому-то и представляется проблематичным установить подлинную историю славян на ранних этапах формирования праславянских обществ, не зная историю народов, им предшествовавших, а позже – с ними соседствовавших.

В заочной полемике с оппонентами, которые не принимали подобную точку зрения на историю кочевых народов, Г.В. Вернадский отмечал, что «некоторые группы прародителей русских племён уже были на территории черноморских степей под сарматским владычеством» [Вернадский, 1992: 22][210], что «в то время уже должны были быть западные, средние и восточные славяне», и что «группа прародителей славянских племён осела в этом районе, по крайней мере, не позже 500 лет до н.э.» [Вернадский, 1996: 61].

Г.В. Вернадский считал, что первым среди тех народов, которые смогли организоваться в политические союзы в Южной России были киммерийцы (1000–700 гг. до н.э.). За ними следуют скифы (700–200 гг. до н.э.), сарматы (200 г. до н.э. – 200 г. н.э.) и готы (200–370 гг.), которых сменили гунны (370–454 гг.) [Вернадский, 2000: 69]. В этом его перечне отсутствуют аланы, которые в научном и творческом наследии учёного занимают особое положение. Хронологические рамки присутствия аланов на политической арене приходится на I в. н.э. вплоть до разгрома Кавказской Алании татаро-монголами в XIII–XIV вв.

История этих народов изучена относительно подробно, что лишает нас необходимости в ее детальном освещении. В контексте темы диссертационного

[210] Действительно, Тацит (Germ. 46) пишет о венедах, которых Иордан прямо именует склавенам / славянам (Getica, 34), что они не только подвергаются набегам сарматов, но и смешиваются с ними и перенимают многие их традиции.

труда важна точка зрения Г.В. Вернадского на основные этапы этногенеза иранцев древности: в чем был прав ученый, а что подкорректировало время и современные исследователи. Обозначая проблематику различных аспектов истории и этногенеза «иранцев», Г.В. Вернадский не настаивает на четких выводах, но формулирует и предлагает возможные варианты ответа с учетом погрешностей, связанных с недостаточностью изученности вопроса с точки зрения археологии, антропологии, языкознания, мифологии и т.д. Исследования Г.В. Вернадского по сложным обществам древности носят больше описательный характер, основанный на нарративных источниках в совокупности с его позицией как ученого, в том числе и с точки зрения евразийской концепции. Именно в этом ракурсе и будет рассматриваться его вклад в иранистику.

5.3.1. Киммерийцы

Скудные сведения о киммерийцах, доставшиеся нам от античных авторов (Гомер, Гекатей Милетский, Геродот, Страбон и др.), изучены детально. Ассирийцы застали киммерийцев, зафиксировав их присутствие в клинописи VII в. до н.э. Они же сохранили три киммерийских имени, естественно, в ассирийской транскрипции – *Te-uš-pa, Dug-dam-me, Šandakšatru*, а также собственное название самого народа. Грекам, появившимся в Северном Причерноморье позднее, «достались» лишь легенды о них. В памяти последних киммерийцы остались мифическим народом, который жил на Крайнем Западе у мировой реки – Океан, куда никогда не проникают лучи солнца-Гелиоса. Согласно мифологическим представлениям эллинов, народ этот жил у входа в подземное царство, и был связан с царством мертвых, с входом в Аид. Гомер, описывая в своей «Одиссее» эпизод со спуском Одиссея в Аид для встречи с прорицателем Тиресием, представлял это место следующим образом:

«Судно дошло до пределов глубокой реки Океана;

Там находится город народа мужей киммерийских,

Вечно покрытый туманом и тучами: яркое солнце

Там никогда не блеснет ни лучами своими, ни светом, …

…Тьма простирается там над жалкими смертными вечно»

[Гомер, 1948: 150].

Помимо мифоэпических текстов, отражением их пребывания в Северном Причерноморье стала гидро- и топонимия, которая распространилась вплоть до Южного Кавказа. Уже Геродот приводит ряд топонимических данных, которые напрямую связаны с киммерийцами: Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийская область (вполне возможно, речь идет о северо-восточной части Керченского полуострова) и такие топонимические обозначения, как поселение Киммерик, Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы и т.д. Связь с киммерийцами, возможно, прослеживается в названиях серии топонимов и гидронимов на Северном Кавказе. Некоторые из них находятся, в том числе, и в Северной Осетии, в частности гора Джимара (*Джимарай-хох, или Гимарай-хох*, осет. *Джимарайы хох*) [Абаев, 1965: 125], а также топоним *Гуымирийы фæтæн* («просторы Гуымири») [Цагаева, 1971: 181]. Название Дзимырского ущелья в Южной Осетии также соотносится киммерийцами. В осетинской Нартиаде нарты сражаются с *гумирами* – чудовищными семиглавыми великанами, грубыми и сильными *уаигами,* которые обитают в пещерах и неприступных крепостях. Г.В. Вернадский отмечал, что в ассирийских источниках киммерийцы упоминаются как *гимиры* [Вернадский, 2020: 41]. Касаясь этнонима «киммерийцы», В.И. Абаев обратил внимание на грузинский термин *gmiri* («герой, великан») и осет. *tgwymiri* – грубая сила, великан, силач. «Семантическая связь этих слов с этнонимом не очевидна и нуждается в особом рассмотрении. Однако все же, по-видимому, само грузинское слово и восходящие к нему осетинские слова происходят от этнонима киммерийцы, даже если от реальных киммерийцев здесь не сохранилось ничего кроме названия», – отмечает В.И. Абаев [Абаев, 1958: 157].

Основными трудами по киммерийской проблематике считаются работы А.И. Тереножкина (1976), М.И. Артамонова (1973, 1974), И.М. Дьяконова (1981), С.В. Махортых (1994), В.Р. Эрлиха (1994), А.И. Иванчика (1996, 2005), С.А. Скорого (1999), М.Н. Погребовой (2001), С.Б. Вальчака (2009), С.Р. Тохтасьева (1996)[211], и др., суть которых широко известна специалистам. Вопросы, которые до сих пор волнуют исследователей, касаются практически всех «кочевых империй» древности: кто такие киммерийцы, откуда они появились в южнорусских степях, и каким образом сошли с авансцены истории. Аргументированные концепции одних исследователей касательно этногенеза киммерийцев, как правило, наталкивались на не менее аргументированные теории оппонентов. Нарративные источники, в которых упоминаются киммерийцы, изучены практически полностью, хотя новые сведения о них, вполне вероятно может предоставить археология.

Сведения, представляемые Г.В. Вернадским, носят общий характер, и опираются, больше на мнение М.И. Ростовцева. Вслед за ним он также считал вопрос этногенеза киммерийцев спорным, и склонен был придерживаться точки зрения М.И. Ростовцева, который рассмотрел в киммерийцах индоевропейцев, приписывая им при этом фракийское происхождение. Г.В. Вернадский утверждал, что некоторые боспорские цари носили фракийские имена [Вернадский, 1996: 61, 87], не приводя при этом конкретных примеров[212].

Приверженность яфетической теории Н.Я. Марра, автохтонизму, отражается в его описании этногенетичских процессов. Г.В. Вернадский высказал сомнение в том, что изменение имени народов, присутствующих в разные эпохи в Южной России, связано с миграцией большой этнической группы, что «некие пришельцы время от времени захватывали власть над страной», при этом большинство населения оставалась на месте, лишь принимая примесь их крови», что «подавляющая масса местного населения,

[211] В том числе его кандидатская диссертация «Источниковедческие проблемы истории киммерийцев» (1999), и монография, написанная в соавторстве с А.Ю. Алексеевым и Н.К. Качаловой «Киммерийцы: этнокультурная принадлежность» (1993).

[212] Скорее всего, речь идет о царях Боспора с именем Спарток – представителей династии Спартокидов (438-109 гг. до н.э.).

признавая политический контроль пришельцев, отчаянно держалась за свои старые дома или же селилась неподалеку», и что «каждая вновь прибывшая группа добавляла новый этнический штрих к множеству уже существующих» [Вернадский, 2020: 40-41]. Этой позиции Г.В. Вернадский придерживался практически во всех своих работах. Вполне возможно, писал он, что киммерийцы «представляли лишь правящий класс страны» [Вернадский, 2020: 41]. Номадистика и миграционизм, хотя и имели своих немногих приверженцев в ту эпоху, но все же уступали в аргументации и авторитете яфетической доктрине Н.Я. Марра.

Политическую историю киммерийцев Г.В. Вернадский излагает штрихами, не особо вдаваясь в подробности. Согласно ему, киммерийцы – это племена переходного периода от бронзового века к железному (1000–700 гг. до н.э.). Они контролировали северокавказские и южнорусские степи, являлись предшественниками скифов в Северном Причерноморье. «Страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам» [Hdt, IV: 190], писал в «скифском логосе» Геродот. В середине VIII в. до н.э. территории, находившиеся под их контролем, охватывали Северное Причерноморье от Днестра вплоть до Боспора Киммерийского. «Отсюда киммерийцы проникли в Закавказье и к середине столетия атаковали царство Ван (Урарту). Позднее они заключили союз с народами Урарту против Ассирии» [Вернадский, 2000: 70]. Далее он говорит о союзе ассирийского царя Ассархадона со скифами против киммерийцев и описывает войну киммерийцев со скифами. Со ссылкой на М.И. Ростовцева, Г.В. Вернадский предполагал, что сцена из киммерийско-скифской войны отображена на скифском горите из кургана Солоха, на котором «два киммерийца изображены пешими, сражающимися со скифским всадником» [Вернадский, 2020: 42].

В ходе той войны киммерийцы не смогли достичь единства, более того, разделившись на две части, они ещё более ослабили себя. В итоге одна часть их осела в Крыму и на Северном Кавказе и растворилась среди местных племён синдов, другая же отошла на запад, и где в районе Днестра была разбита

скифами [Вернадский, 2000: 71]. Окончательно же сопротивление киммерийцев было сломлено в начале VII в. до н.э., что дало возможность скифам утвердиться на территории от Дона до Дуная. История эта отразилась в одном из сказаний Геродота о происхождении скифов [Hdt, IV: 11].

5.3.2. Скифы. Социальная история

История Скифии и скифов в изложении Г.В. Вернадского напоминает адаптацию «Скифского логоса» Геродота для читателя середины XX в., с легким «славянским» акцентом и упором на мнение по этому вопросу М.И. Ростовцева. Признавая дискуссионность вопроса этногенеза скифов, и перечисляя теории об их происхождении (монгольская, иранская и славянская), он, объединив эти теории в одно целое, тем не менее, склонен считать их иранцами, подчёркивая, как и в случае с киммерийцами, что во многих случаях «под именем «скифы» подразумеваются племена различного происхождения. Правящая скифская орда была, возможно, иранского происхождения; некоторые второстепенные орды могли состоять из угров и монголов; также не исключено, что другие группы, известные под именем скифов – например, скифы-пахари – были протославянского происхождения» [Вернадский, 2020: 42]. Скифская «империя» «социологически» описывалась им с тех же позиций – «власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами», в которой «скифы основной орды», к которой он относил царских скифов, были типичными скотоводами и кочевниками, местные же племена под их контролем занимались земледелием [Вернадский, 2020: 44].

География Скифии изложена Г.В. Вернадским по Геродоту. Ее центр определен им как территория царских скифов, которая находилась «в степи между южным изгибом Днепра и северо-восточным побережьем Азовского моря» [Вернадский, 2020: 45], т.е. там, где было обнаружено наибольшее количество курганов с богатым инвентарем, что также созвучно с позицией М.И. Ростовцева. Перечисляя народы, соседствующие с царскими скифами, в

том числе и народы скифоидных культур (скифы-кочевники, борисфениты, каллипиды, алазоны, будины, андрофаги, меоты, синды, савроматы и др.), он по возможности старался привязать их к определенным этническим группам. К примеру, *гетов* и *агафирсов*, проживавщих на Нижнем Дунае, Г.В. Вернадский определил как народы фракийской этнической группы, *андрофаги* и *меланхлены*, согласно ему, относились к протофиннской группе, *агрипеи* «могли быть монголами», а в *неврах* и *будинах* он рассмотрел протославян [Вернадский, 2020: 45-54]. *Скифы-«пахари»(georgoi)*, локализованные на Среднем Днепре, между *будинами* (Северо-Западная Украина) и *неврами* (Северо-Восточная Украина), согласно ему же, могли быть кочевниками, контролирующими соседнее земледельческое население, или группой местных земледельцев, которые приняли «скифский стиль и привычки жизни. Кажется вероятным, что либо скифы-землепашцы, либо контролируемые ими крестьяне или же оба слоя принадлежали к протославянской этнической группе» [Вернадский, 2020: 51], – писал Г.В. Вернадский, отмечая там же гипотетический характер своих рассуждений. Еще одна гипотеза, в основе которой лежит простое фонетическое созвучие, предполагает этимологию имени мордва искать в иранском *mard* – человек, «и тогда «мордва» будет означать объединение людей» [Вернадский, 2020: 51].

Внешний облик скифов и их родство с другими народами – еще один вопрос, который долго не давал покоя исследователям. Несмотря на то, что Гиппократ подробно описал их внешность, первое представление о том, как они выглядели, было получено в результате изучения найденных 1830 г. в кургане Куль-Оба артефактов. Впервые у исследователей появилась возможность «рассмотреть» скифов на круглом электровом сосуде, на котором были выгравированы и отчеканены четыре сцены из их жизни. Идеальное исполнение позволило в деталях описать тип лица, одежду, и вооружение изображенных на сосуде людей. Более поздние археологические и антропологические исследования показали, что скифы в целом принадлежали к европеоидной расе. Л. Нидерле в своих «Славянских древностях» писал

следующее: «Изображения древних скифов, обнаруженные в понтийских находках, … дают немонгольские фигуры и лица. Таким образом, собственно скифы не были и монголами, но они, разумеется, не были и славянами, хотя такое мнение было когда-то весьма распространено в русской историографии и не исчезло и до сих пор» [Нидерле, 2013: 191][213]. По В.И. Гуляеву же «скифы были людьми среднего роста и крепкого телосложения… По языку они принадлежали к североиранской группе языков. Из ныне существующих народов ближе всех к ним по языку стоят осетины – потомки сарматов, ближайших родственников скифов» [Гуляев, 2005: 126]. Сопоставляя известные изображения скифов со скелетными останками из скифских и сарматских могильников, отмечая при этом глубоко посаженные глаза, выступающий нос и длинные бороды и усы, присутствующие на греческих вазах, У. Макговерн утверждает, что большинство этих групп составляли «люди одной из разновидностей белой расы… [что является] ярким доказательством того, что монголоидный элемент, который мы позже находим по всей Центральной Азии, если и существовал в ранний период, то был крайне незначителен» [Макговерн, 2021: 49-50].

И, тем не менее, концепция Г.В. Вернадского, согласно которой иранцами была только верхушка скифского общества, требовала подтверждения. Описание им *горита* из кургана Солоха, на котором изображена сцена битвы киммерийцев со скифами, снабжено следующим комментарием: «киммерийцы имеют арийский тип лица, в то время как черты скифов более схожи с алтайским типом» [Вернадский, 2020: 42][214]. Частое применение Г.В. Вернадским тюркского термина *орда* для обозначения скифского социума также призвано было убедить читателя в неоднородности скифов.

Политическая история скифов также представлена Г.В. Вернадским в общих чертах, без погружения в подробности, и также опирается на сведения

[213] Сегодня подобные вопросы можно решить, в том числе и с помощью палеогенетики. См., например: Мовсесян А.А. Поздние скифы и сарматы в свете данных палеофенетики // Антропология, 2010. №4. С. 43-49.

[214] По мнению С.А. Яценко, эти «расовые различия» объясняются фольклорным (эпическим) сюжетом, в котором молодые воины противопоставлены уродливым старикам. См.: Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 96.

Геродота и комментарии М.И. Ростовцева. Он считал первоначальной родиной скифов Сибирь и Северный Туркестан, хронологически возводя этот период ко времени расцвета минусинской археологической культуры. Г.В. Вернадский не только констатирует миграцию скифов из Азии (I тыс. до н.э.), но и вскрывает причины этой миграции, коих могло быть множество: это могли быть как климатические, политические и военные факторы, так и определённые структурные изменения внутри сообщества. В случае со скифами Г.В. Вернадский считал, что последние двинулись из Туркестана и Казахстана, «о чём свидетельствуют археологические исследования в Хорезме» [Вернадский, 1996: 63], на запад по договоренности с ассирийским царём Ассархадоном, с целью помочь ему в борьбе с киммерийцами, вторгшимися в Закавказье и угрожавшими территории Ассирии. Еще одним аргументом для него послужили сведения Геродота, писавшего, что массагеты вытеснили скифов военной силой [Hdt, IV:II]. Наконец, Г.В. Вернадский допускал, что скифская миграция может рассматриваться и как эпизод в рамках общего движения кочевников на запад [Вернадский, 1996: 71]. При этом он подчеркивал преемственность культурного развития скифского мира на обширной территории.

Скифское «царство было одним из серии кочевых империй, которые сменяли друг друга в евразийских степях» [Вернадский, 2000a: 72], и представляло из себя не централизованное государство, а, скорее, конфедерацию сильных кочевых родов, и выглядело социологически как власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами [Вернадский, 2000a: 73]. Как социально, так и по легальному статусу оно соответствовало государству, базировавшемуся на родовом законе [Вернадский, 2000a: 72]. Основной военной силой государственного образования скифов Г.В. Вернадский справедливо считал кавалерию.

Сведения относительно полномочий скифского царя у Г.В. Вернадского разнятся. Он утверждал, что царь не был абсолютным монархом, и авторитет его признавался предводителями более мелких формирований, и далее заявлял,

что скифское государство находилось под предводительством не одного, а двух царей или даже большего количества [Вернадский, 2000а: 89], опять-таки – без ссылок на конкретные примеры.

Г.В. Вернадский также исследовал взаимоотношения Великой Скифии с граничащими с ней государственными образованиями, описал подробности военных действий против Персии, столкновения «скифов» (сака-тиграхауда – А.Ч.) с Александром Македонским в южном Туркестане, сопротивление, оказанное последнему саками. Много внимания им уделено Греко-Бактрийскому царству, которое Г.В. Вернадский по своей исторической значимости в вопросе единения и сплочения греков и иранцев сравнил с Боспорским царством [Вернадский, 1996: 88–92]. Война скифов с Дарием I около 512 г. до н.э., как одно из наиболее ярких событий древности, подробно описана Г.В. Вернадским. Акцент в описании делается на скифскую тактику «выжженной земли», суть которой сводилась к следующему: «Скифы решили встретиться с персами не в обычной битве, а разделить свои силы на три части и отступить вглубь, уводя свой скот, сжигая траву и уничтожая колодцы». При этом «после первого столкновения скифские всадники бежали с тем, чтобы завлечь армию врага на свою территорию, где было легко его окружить и уничтожить» [Вернадский, 2000а: 89]. Дарий был разбит, персы отступили. По мнению учёного, эту же тактику русские впоследствии удачно использовали как в войне с Наполеоном, так и с Гитлером.

Здесь же Г.В. Вернадский сопоставил мнения Геродота и М.И. Ростовцева относительно результатов скифской кампании Дария. Если Геродот считал, что целью Дария было завоевание и подчинение Скифии, то М.И. Ростовцев полагал, что Дарий намеревался совершить «впечатляющий рейд в Скифское царство как доказательство персидского могущества и нанести один или два тяжелых удара по скифской армии» [Вернадский, 2020: 57]. Сам Г.В. Вернадский отмечал, что это был всего лишь разведывательный рейд с непредсказуемыми последствиями для персов [Вернадский, 2020: 57].

Г.В. Вернадский уделил внимание и военной организации скифов, которая впоследствии оказала существенное влияние на военную организацию европейцев. Согласно ему, скифы, научили европейцев пользоваться седлом, сражаться самым опасным оружием скифских всадников – «скифским луком». Согласно медиевисту Ф. Кардини, посредством скифов, а затем и сарматов, европейцы освоили броню, копье и железный меч, а скифская тактика, которая сводилась к атаке врага в различных местах малыми кавалерийскими отрядами, оказалась весьма эффективной в применении [Кардини, 1987: 30, 85, 155, 158].

Гибель Скифии Г.В. Вернадский увязал с давлением со стороны галлов на западе и сарматов на востоке. До начала II в до н.э. скифы смогли удержать лишь центральную часть «своей бывшей империи», сконцентрировавшись в степях на севере Таврии, «придвинувшись вплотную к греческим городам Боспорского царства» [Вернадский, 2020: 59]. Отдельное внимание уделено взаимоотношениям скифов с греками, последующей их эллинизации и постепенной интеграции в Боспорское царство.

5.3.3. Народы скифского мира. Саки, массагеты, юэчжи, тохары

В описании народов скифского мира Г.В. Вернадский также опирался на сведения Геродота, снабдив его данные соответствующими комментариями общего характера. Посетовав на «туманность» информации древних авторов о народах, соседствующих со скифами на востоке и севере, он, тем не менее, дает им общую характеристику, предположив, что информация эта может быть дополнена сведениями китайских хроник, которые считаются надежными уже с IX в. до н.э. [Вернадский, 2020: 53]. Нет необходимости в подробном перечне этих племен и народов, можно лишь коснуться тех из них, «иранство» которых разделяется помимо Г.В. Вернадского и более поздними исследователями. История этих народов переплетена настолько, что порой под одним и тем же

этнонимом могли обозначаться разные племенные группы, или же наоборот – разные этнонимы могли представлять одну этническую группу.

Народ, наиболее близкий и родственный скифам, остался в истории под именем саков – ираноязычные скотоводческие племена, которые в I тыс. до н.э. жили в Средней Азии и Восточном Туркестане. Саки, согласно Г.В. Вернадскому, «обитали ближе к Индии, возможно, в Южном Туркестане [Вернадский, 2020: 54]. Этноним *сак*, часто используемый персами в отношении северных кочевых соседей империи Ахеменидов, восходит к скифскому слову *saka* — ‘олень’ (ср.: осет. *sag* ‘олень’). Считается также, что *саки* – это самоназвание азиатских скифов, причем персы в ахеменидских надписях называли саками, как азиатских, так и европейских («заморских», за Каспием) номадов. Саки, наряду с массагетами, считаются представителями восточной ветви скифских народов, потомками носителей древностей срубной и алакульского варианта андроновской культуры. Саки обычно персами и греками упоминаются как жители равнины, северные соседи индусов, бактрийцев и согдийцев, обитавших за р. Яксарат (совр. Сырдарья), из чего следует, что саки *тиграхауда* и *хаумаварга* населяли горные области и равнинные степи Киргизии, и прилегающих к ним частей Южного и Юго-Восточного Казахстана. «Скифские» племена в Индии именовались *«шака»* – как вариант этнонима *сака*. Г.В. Вернадский, вслед за М.И. Ростовцевым, идентифицировал саков как «предков некоторых сарматских племен» [Вернадский, 2020: 54]. Античные авторы неоднократно упоминают саков в контексте походов персидских царей Кира I, Дария I и Ксеркса. По Геродоту, амиргийские саки «(скифское племя)», принимавшие участие в походе Ксеркса на Элладу, «носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так, что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще *сагарисы* – [обоюдоострые] боевые секиры» [Hdt, VII: 64]. Саки упоминаются в текстах Херила, Ктесия и Полиэна, которые, помимо прочего, зафиксировали имена сакских царей и цариц (Зарина, Аморг, Саксефар, Фамир и Омарг) [История, 1939: 191]. На

Бехистунской надписи Дария I помещено изображение девяти убитых Дарием бунтовщиков, над одним из которых, изображенным в высокой остроконечной шапке, написано: «Это Скунха (Сакука), сак» [Григорьев, 1871: 13; Дандамаев, 1985: 103].

Саки ковали железо, но все еще широко пользовались бронзовыми орудиями[215]. В ходе раскопок в 1977 г., в погребальной камере кургана Иссык вместе с множеством других предметов, было обнаружено свыше четырёх тысяч изделий из золота, а также богатое облачение сакской женщины-воина в золотой одежде, известной под условным названием «Золотой человек».

Скудны сведения о социальной организации саков. Можно лишь полагать, что это было одно или несколько племенных объединений, которые возглавлялись вождями, и что женщины играли активную роль в политической жизни племён. Они принимали участие в войнах, иногда стояли во главе племени или племенного объединения (Зарина, Спаретра), из чего следует, что социальное положение женщин у них могло быть на сравнительно высоком уровне.

Войны как ничто иное в древней истории мотивировали хронистов на подробное их описание, способствуя фиксации этих событий в различных источниках. Не осталась в стороне и история сакских войн. Так, Ктесий сообщает, что еще до образования Персидской империи саки вели многолетнюю войну с мидянами. Позднее на саков напали персы под предводительством Кира, и, разбив их, пленили сакского царя Аморга. Жена Аморга Сапаретра, собрав большое войско, нанесла поражение Киру, и вызволила из плена Аморга, который впоследствии принял участие со своим войском в походах Кира против лидийского царя Креза (546 г. до н.э.). Судя по Бехистунской надписи, при Дарии I персам удалось ненадолго подчинить себе некую часть сакских племен. При перечислении персидских сатрапий Геродот отмечал, что саки входили в состав XV округа и были обложены ежегодной

[215] В небогатых погребениях, найденных в курганах VII-V вв. до н.э. на р. Талас, в местности Айритан, были найдены бронзовые ножи и обломки неких железных предметов. Саки Южного и Юго-Восточного Казахстана иногда делали из железа мечи, и металлическую часть ламеллярного доспеха.

данью в 250 талантов [Hdt, III: 93]. Кроме того, они поставляли в персидское войско значительное количество пеших и конных воинов. В 512 г. до н.э. в составе персидского войска они приняли участие в походе Дария против скифов. В 490 г до н.э. саки нанесли поражение грекам в центре боевой линии в знаменитом Марафонском сражении, закончившимся неудачей для персов [Hdt, VI: 113]. В походах Ксеркса против греков сакские отряды играли заметную роль. В 480 г. до н.э. сакская пехота отличалась воинской доблестью в Фермопильском сражении, а годом позже в битве при Платеях храбростью отличались и сакская конница [История ..., 1939: 192].

Саки казались грекам настолько близкими со скифами, что, по представлению Геродота, Диодора Сицилийского, Гая Плиния Секунда и других античных авторов, скифы были теми же саками, которые всего лишь сменили название. С этим мнением был согласен и Г.В. Вернадский, который заявлял, что «персы называли скифов «саками». Если же быть точнее, то «саки представляли собою ветвь скифов, которая осталась в Туркестане даже после миграции других орд в черноморские степи. А туркестанские саки были, без сомнения, иранцами» [Вернадский, 1996: 72]. Г.В. Вернадский полагал, что ираноязычные саки в IV–III вв. до н.э. обитали в закаспийских степях вокруг Аральского моря, которые и были одним из центров сакских племён. Дальнейшая их миграция на Запад, была обусловлена установлением господства Александра Македонского в Средней Азии, а именно – в Бактрии, завоеванной войском македонцев между 329–327 гг. до н.э. в ходе так называемой «горной войны». Кстати, Бактрия пала не без участия в этой войне мощной группы племён, известных под китайским именем *юэчжи*, известных позже греческим авторам под этнонимом *тохары*. П. Сайкс пишет, что правитель юэчжей был известен как Кушан [Сайкс, 2021: 75], хотя в действительности Кушан (Гуйшуан) – название одного из юэчжийских княжеств в Южной Бактрии, впоследствии ставшего основой Кушанского царства. Основателем же Кушанской империи стал Куджула Кадфиз – удельный правитель (сихоу) одной из групп юэчжи, которые кочевали в районе

Гуйшуана [Боровкова, 2005: 141-146]. Хронисты пишут, что юэчжи одолели греко-бактрийцев прежде всего боевыми качествами и численностью. Весь цвет аристократии Бактрии пал на поле боя, хотя из надписей на кушанских монетах все же появляется информация, что, даже после разгрома Бактрии, некоторые бактрийские и греческие военачальники продолжали править небольшими областями в отдаленных и неприступных долинах Гиндукуша [Сайкс, 2021: 75].

Покорение Бактрии определенным образом сказалось и на больших юэчжах, мигрироваших в регион с западных границ Китая. У кушан, по которым Бактрию стали называть Тохаристан, появилась своя иранская письменность на греческой основе, а со временем они начали выпускать «греческие» монеты. Греческая система письма, в отличие от языка, просуществовала в Бактрии не один век [Сайкс, 2021: 75]. Рассматривая сообщение Гнея Помпея Трога из его «Истории» в изложении Юстина (XI: 11), о том, что «ассианы, став царями тохар, погубили сакараваков» Г.В. Вернадский писал: «Народом *юэчжи* управлял аланский род ... мы можем предположить, что позднее некоторые группы юэчжи присоединились к ним в их движении на запад» [Вернадский, 1996: 103]. В.И. Абаев также разглядел в юэчжах скифо-сакские племена более раннего времени [Абаев, 1965: 138].

Г.В. Вернадский полагал, что наступление юэчжей на бактрийцев способствовало той самой миграции саков на Запад: «Можно думать, что это именно та волна сарматской миграции, на гребне которой и появились аланы в Причерноморье и на Северном Кавказе» [Vernadsky, 1943: 85], хотя продвижение аланских племен на запад не подтверждается хронологически ранее, чем в I в. н.э. В свое время С.П. Толстов преувеличивая роль изучаемого им Хорезма в ранней аланской истории, писал: «в эту эпоху аланы в своей основной массе ещё не пришли в движение. Район Хорезма был одним из древних аланских центров. Археологические исследования выявили сарматский

характер древностей этого района, датированных соответствующим временем» [Толстов, 1941: 153–163][216].

Согласно хроникам, действуя под натиском других кочевников, саки вторгались в пределы Парфянского царства, на нынешнюю территорию Ирана и Афганистана, которая после их вторжения стала называться Сакастан (сегодня эта область называется Систан), а затем продвинулись на территорию современной Индии, где в середине I в. до н.э. образовали ряд индо-сакских государств [Bosworth, 1997: 681-685; СИЭ, 1971: 467]. Ещё раньше на территории современного Азербайджана образовалась область Сакасена. Считается, что Сакасена (иранск. **Saka-ŝayana* – «обитаемая территория саков») являлась официальным мидийским названием ядра бывшей территории Скифского царства Ишкуза, располагавшегося в начале VII в. до н.э. к северу от государства Манна, в долине Аракса, а, возможно, и далее к северу.

«Массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем» [Hdt, I: 201] – так начинает свой рассказ о массагетах низовьев Сырдарьи или «великих саках» Геродот. После подробного описания их образа жизни, ареала расселения, «Отец истории» рассказывает о массагетах в контексте неудачного похода против них персидского царя Кира II Великого, и о поражении, которое нанесла ему массагетская царица Томирис [Hdt, I: 20-214]. Под влиянием персов массагеты поклонялись богу солнца [Макговерн, 2021: 69]. Наиболее полную информацию о племенном союзе массагетов, их общем описании (одежда, образ жизни, способ сражения, вооружение, погребальные обряды, брачные обычаи, верования и т.д.), а также ареале расселения, представил И.В. Пьянков [Пьянков, 2013; 465-498].

Г.В. Вернадский считал этногенез массагетов вопросом проблемным. На основании того, что оружие их имело различное происхождение (лук –

[216] В действительности же аланы на окраинах Хорезма достоверно отмечаются лишь в раннем средневековье Аль-Бируни (973-1048).

скифский, копьё – сарматское, топор – киммерийский), он допускал участие различных народов в их этногенезе. Согласно одной из предложенных им версий, массагеты принадлежали к восточной ветви фракийцев, смешанных с некоторыми иранскими элементами. В пользу этого ученый приводил в пример название одного из фракийских «балканских» племен, которое звучало как *геты*[217] [Вернадский, 1996: 87]. Кроме прочего, он, вслед за М.И. Ростовцевым, склонен был считать их меотским племенем, при том, что персидские тексты, хорошо информированные о пограничных территориях, ни разу не упоминают никаких массагетов.

Массагеты ни к фракийцам, ни, тем более, к меотам никакого отношения не имеют. Они так же, как и саки, не форсировали Волгу, остались жить в Туркестане вместе с саками и скифами, имея при этом с ними общие этнические корни и происхождение. По Геродоту «Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни» [Hdt, I: 215]. Созвучие племенных названий иранского и фракийского племён, которое в качестве примера приводит Г.В. Вернадский (массагеты – геты) – либо случайное, либо связано с общим индоевропейским словарным запасом. Сомнительно также их близкое родство с оседлыми фракийцами.

Несколько позже, схожие с массагетами в сложности определения этногенеза народы – *юэчжи* / *тохары*, зафиксированы, соответственно, на стыке провинций Ганьсу и Синьцзян в Западном Китае, а впоследствии, после бегства ряда крупных этоносов от хунну в середине II в. до н.э. этнически групп, уже на юге Средней Азии [Вернадский, 2020: 55]. Тохары были крупным иранским этническим массивом, жившим после 130 г. до н.э. в Средней Азии, в Бактрии, которая к началу Средневековья по их имени стала называться Тохаристаном. Большинство исследователей склонны отождествлять прототохаров с юэчжи, так как принадлежность их языка к иранской группе не вызывает сомнений: «Во II в. до н.э. Греко-Бактрийское царство ... было

[217] Иордан называл Томирис гетской (готской) царицей (Getica, 61), что, конечно, является следствием его поверхностного знакомства с ранними греческим авторами.

разрушено вторгшимися с севера завоевателями-номадами, среди которых преобладающий элемент составляли юэчжи, или Τοχάριοι – тохары, занявшие северную часть современного Афганистана, известную с тех пор под названием Тохаристан» [Алемань, 2003: 448].

Сомнения вызывает лишь тот факт, что у учёных нет доказательства чёткой племенной корреляции тохаров с массагетами. Г.В. Вернадский считал наиболее вероятной связку *юэчжи-тохары* с сарматскими племенами – аланами, говорившими на иранских языках [Вернадский, 1992: 82]. А.Н. Бернштам и А. Намиток видели в тохарах предков осетин-дигорцев [Бернштам, 1947: 134–148; Намиток, 1939], а этническое самоназвание *тохар* А.Н. Бернштам и Ю.С. Гаглойти выводят из аланского (осетинского) слова *тох* – «борьба» в значении – «воин, борец» [Бернштам, 1947: 134–148; Гаглойти, 2010]. Г.В. Вернадский также склонен был видеть в этом этнониме аланское «воин», и полагал, что название *тохар* являлось не этнонимом конкретного племенного союза, а применялось в отношении конгломерата различных племен. Согласно ему, появление этого термина может быть связано с военной реформой, а именно – с появлением у кочевников тяжелой кавалерии [Vernadsky, 1956: 588-591].

Индоевропейское происхождение тохаров не поддается сомнению. Отмечается также взаимопроникновение тохарского и аланского языков [Вернадский, 1996: 103; Гаглойти, 2010: 99]. Хотя локализация тохаров зафиксирована в Средней Азии, в то время как аланы географически находились намного западнее, до массовой миграции на запад они, по Г.В. Вернадскому, предположительно находились в тесном контакте с тохарами, которые пребывали в регионе со II в. до н.э. до конца I тыс. н.э. [Вернадский, 1996: 215].

На рубеже двух эр тохары объединились под властью династии из княжества Кушан (Гуйшуан), создав Кушанскую империю. С тех пор они стали известны как кушаны, то есть понятия *кушаны* и *тохары* для Г.В. вернадского абсолютно идентичны. Есть основание отождествлять с тохарами

многочисленное племя юэчжей *(йю-ки)*, которых ещё называют восточными тохарами. Язык последних был индоевропейским, близким к тохарскому, славянскому, иранскому [Вернадский, 1996: 87–88]. Тохары также контактировали с сако-массагетскими племенами. «Более того, – писал В.И. Абаев, – вхождение их в массагетский союз племён и через это участие тохарских элементов в формировании средневековых алан несомненно» [Абаев, 1965: 136–137]. Этим и объясняется, по его утверждению, наличие в осетинском языке точных соответствий тохарскому.

В IV–VI вв. н.э. на обширной территории, включающей в себя Согдиану и Бактрию, Афганистан и Гандхару (Северная Индия), существовало так называемое государство эфталитов – ираноязычное племенное объединение раннего Средневековья, которое представляло собой по современным представлениям, вторую волну т.н. «иранских гуннов»[218]. Китайская Вэйшу (цз. 102) гласит, что часть «больших юэчжи, известные как *гоа* или *гоа-тун* (Yeda/嚈噠 или Hua/滑 – А.Ч.), изначально жили к северу от Великой Китайской стены и находились в подчинении у народа *жуань-жуань* (жужани) (в подлиннике – Gaoju/Gaoche/高车 – А.Ч.).

Постепенно *гоа* стали могущественным племенем и по имени своей правящей семьи стали называть себя *йе-фа,* откуда и взялось название «эфталиты», которое дали им греки. Персы называли их *Haythal*, тогда как для Византии они были «белыми гуннами» [Сайкс, 2021: 102], Китайские летописцы называют эфталитов бесстрашными воинами, обычаи которых напоминают обычаи *Tu-kiue*, или тюрок. Среди эфталитов практиковалось многомужество: их женщины носили головные уборы, которые демонстрировали точное число мужей, которое имела женщина [Сайкс, 2021: 103].

[218] После кидаритов, но перед алхонами и незак. См.: Bakker H. *Huns in the Central and South Asia: a Timeline* // Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History / Ed. by D. Balogh. Groningen: Barkhuis, 2020. P. XV-XVIII.

Эфталиты произошли от одного из ответвлений юэчжей [F. Altheim …, 1969: 511; СИЭ, 1976: 687]. А. Алемань отмечает, что согласно источникам, Кушанская империя «в IV в. оказалась под властью захвативших его эфталитов и других гуннских племён» [Алемань, 2003: 448], и указывает, что надписи на монетах эфталитов, как и предшествовавших им кушан, были выполнены на иранском языке [Алемань, 2003: 448]. Прокопий Кесарийский, называвший эфталитов «белыми гуннами», утверждая, что у них одних из всех гуннов была белая кожа [Procopius, B.P. I, III (4)], выводил гуннов от ираноязычных массагетов, сообщая, что среди командиров в византийской коннице был Эган, «из народа массагетов, ныне называемых уннами». В то же время Прокопий отделял эфталитов от других гуннов, с которыми они не имеют общих границ, а потому не смешиваются с ними [Procopius, B.P. I, III (2)].

5.4. Сарматские народы юга России

Сарматская проблема, а именно их этногенез, ранняя история, соотношение сарматов с савроматами и т.д. достаточно подробно освещена в предыдущей главе, посвященной М.И. Ростовцеву. Можно лишь дополнить сказанное небольшими комментариями, уже в контексте понимания проблематики Г.В. Вернадским. Итак, топоним Сарматия в еще большей степени, чем Скифия, носил не этнографический, а географический характер, а в политической организации огромного по территории и разнокультурного сарматского мира[219] не наблюдалось даже иллюзии единства, проявлявшейся изредка среди скифов-сколотов и их соседей. Дилемма, которая до последнего времени существовала в исторической науке, сводилась к следующему: считать ли геродотовских савроматов и сарматов единым сообществом, связанным культурной преемственностью, или это все же разные народы. Некоторые исследователи

[219] Речь идет о трёх археологических культурах самих сарматов – ранне-, средне- и позднесарматской. Кроме этого, сарматы, несомненно, участвовали в развитии аланской культуры Северного Кавказа, культур на южноказахстанской территории Кангюя, у также меотов Кубани и Дона и поздних скифов Крыма, а также ряда культур Лесостепи.

[Смирнов, 1975: 5; Ельницкий, 1977: 106; Виноградов, 1972: 20] считали, что истоки общего племенного наименования савроматов и сарматов следует искать в «Авесте», в которой, в разделе, относимом ныне к IV в. до н.э., упоминается народ *сайрима*. И. Маркварт также сопоставил этноним савромат с авестийским сайрима (*cairima, sarima*. «Авеста», Яшт XIII: 143; XXI: 52) и предложил его как вариант этнонима савромат. При этом «Авеста», не только воспевает «мужей праведных сайрима» и «жён праведных сайрима», но и указывает их локализацию: там, где есть упоминание реки Ратхи (Яшт XXIII и XXIV), которую Й. Маркварт справедливо сопоставил с Волгой (авест. *Ranha,* Аракс Геродота, греч. *Rha* из скифского *Raha*) [Marquart, 1901: 155]. то есть сарматы обитали за Волгой, что коррелируется с последними данными археологии.

Савроматы были одним из немногих этнических кочевых племенных союзов, которых античные авторы Геродот, Страбон, Гай Плиний Секунд, Дионисий Периегет и др. размещали непосредственно к востоку от р. Дон. Они впервые упоминаются Геродотом в рассказе о походе Дария I против скифов в 512 г. до н.э. [Hdt, IV: 21, 117]. В этом столкновении персов и скифов савроматы выступают союзниками последних. Согласно изложенному Геродотом преданию, в составе отряда под предводительством Скопасиса савроматы вели патрулирование северного побережья Меотиды [Hdt, IV: 120]. Он же, упомянув в своей «Истории» савроматов в качестве народа прямо происходящего от скифов и имеющих близкий язык, внес существенную путницу в проблему идентичности савроматов и сарматов. Р. Фрай полагал, что сарматы по происхождению не тождественны савроматам, «но можно полагать, что в состав савроматов вошло как местное, так и какое-то скифское племя, которое дало свое имя позднейшим сарматам. Отождествление этнонимов «савромат» и «сармат» кажется вполне правомерным; осетинская этимология этого названия («чернорукий»), предложенная В.И. Абаевым, остается спорной» [Фрай, 1972: 217]. М.И. Ростовцев, также был уверен в том, что *сарматы* и *савроматы* никак не связаны друг с другом. [Ростовцев, 1918: 33,

34]. В то же время Б.Н. Граков и К.Ф. Смирнов считали, что сарматы родственны савроматам, их материальная культура неотделима друг от друга, а этноним сармат является стёртой формой названия савромат [Смирнов, 1984: 9-37]. А.В. Подосинов пишет, что уже со времени составления карты мира Марка Випсания Агриппы (I в. до н.э.) эти два этнонима, по-видимому, использовались как синонимы [Подосинов, 2002: 35-61]. Некоторые же учёные савроматами считают наиболее ранних переселенцев с востока на запад, предшественников языгов, роксоланов, аорсов, сираков [Смирнов, 1964].

Причины миграций различных племён с востока на запад были разными. Это могли быть как климатические, так и политические, либо военные обстоятельства или, скажем, выдвижение в обществе военного лидера типа Чингисхана и т.д. Так, согласно Геродоту, тех же скифов подтолкнули к миграции на запад массагеты. «Скифы, – писал Г.В. Вернадский, – представляют, конечно, не первую волну евразийских кочевников, достигших черноморских степей с востока, но они первые, о ком мы имеем определённую информацию» [Вернадский, 1996: 61]. Спустя столетия, за ними последовали и сарматы, инфильтрация которых была гораздо более медленной, чем последующие волны интервенции кочевников. Сопоставляя скифов с сарматами, Г.В. Вернадский подчеркивал: «В сарматской политической организации было меньше единства, чем у скифов. В лучшем случае мы можем представить себе федерацию сарматских племён, но и эта федерация была достаточно номинальной» [Вернадский, 1992: 216][220].

Организация власти у номадов включала в себя представление о некоем наиболее благородном по происхождению, «царском» племени, которое занимало главенствующее положение над остальными. Такая традиция присутствовала у скифов (царские скифы), сарматов (царские сарматы), особое положение занимали асы в федерации племен (юэчжей/тохар), завоевавших Греко-Бактрию. Такое же явление можно было наблюдать и в истории

[220] С позиций современных сарматологии и номадологии такое утверждение выглядит странно, т.к. ни о каком политическом единстве сарматских культур или синхронных группировок сегодня говорить не приходится.

становления государств у ранних тюрков. Вполне возможно, что и в сарматской среде (для каждой из археологических культур, а внутри нее – в крупном регионе) был народ, который рассматривался как «царский», информация о котором в истории не сохранилась. Исследование Г.В. Вернадского содержит характеристику сарматских народов, которые тесно соприкасались с восточнославянскими племенами на юге России, так как именно с появлением сарматов в южнорусских степях, как он полагал, увязывается и начало истории протославянских племён.

В 1925 г. А.Г. Калмыков опубликовал в журнале «Американское востоковедческое сообщество» статью под названием «Иранцы и славяне в Южной России», в которой рассмотрел возможные параллели в построении системы «государственного управления» славян с иранскими народами, в частности со скифами и сарматами. Аргументация в пользу серьезного иранского влияния на организацию власти у славян, ее проекцию, сводилась к следующему. В VIII в. н.э. славяне были народом патриархальным, с признаками демократии, выражающейся в коллективном управлении (народное вече, избранные вожди), и отсутствии традиции наследственной передачи власти. При этом у скифов и сарматов отмечается наличие царской, правящей династии [Rostovtzeff, 1922: 72, 120] и могущественной «феодальной» аристократии, представители которой являлись «крупными землевладельцами», контролирующими, в первую очередь торговлю зерном и рабами. А. Калмыков, исходя из терминологии, принятой в СССР в первой половине XX в. в отношении «кочевого феодализма», при характеристике низших социальных слоев скифского и сарматского обществ, использует такие термины, как «классовое различие», «крепостные», «простолюдины». Ситуация, согласно ему, резко изменилась в 882 г., когда князь Олег захватил Киев. Во время же правления его сына Игоря, в «южной части России» стали проявляться признаки сильной монархии, с аристократией, носившей «норманнские,

иранские и другие имена, причем славянских имен было мало»[221], появлением «класса купцов, чьи имена были связаны с дипломатическими соглашениями, с рабством в его полном расцвете (скорее – о работорговле – А.Ч.) и с растущим крепостным правом» [Kalmykow, 1925: 68–71].

А.Г. Калмыков полагал, что норманны в лице Игоря считали политическое устройство иранцев наиболее оптимальной формой управления, и внедрили ее в Южной России. Но дальше к северу, в собственно славянских областях, граничащих с финнами, иранское влияние становилось слабее, а Новгород сохранял свою политическую автономию вплоть до XV в., до присоединения к Московскому княжеству [Kalmykow, 1925: 68–71].

Порой миграционные процессы в кочевом мире и на границе со Степью приводили к полному вытеснению завоевателями автохтонного населения, но чаще всего новая миграционная волна покрывала местное население, происходило смешение пришлого компонента с автохтонами, что способствовало формированию совершенно новых культур. На это указывает и Г.В. Вернадский: «Не надо думать, что каждое такое вторжение завершалось общим истреблением местных племён, которые осели в стране задолго до прихода завоевателей. Часть из них в любом случае получала разрешение остаться в стране после признания власти захватчиков» [Вернадский, 2000а: 21].

С такими рубежными событиями, как вытеснение киммерийцев скифами, а затем и, согласно Г.В. Вернадскому, последних сарматами, увязывается и ранняя история протославянских племён. Ученый крайне осторожен в выводах, допускает, что после вторжения скифов и захвата ими киммерийских земель «некоторые из протославянских племён могли остаться на границе степной территории, в то время как принадлежавшие им другие группы, возможно, были вытеснены в лесную зону» [Вернадский, 2000а: 21]. Что касается последующей смены племён – «вторжение в Скифию и захват скифских земель

[221] Стоит отметить, что подобные иранские антропонимы приводятся и в работах советского и российского историка А.Г. Кузьмина (1972; 2003; 2004).

сарматами», то в новое сарматское время «некоторые из групп прародителей русских племён уже были в черноморских степях под сарматским контролем» [Вернадский, 2000а: 21]. Сегодня уже ясно, что подобная формулировка не соответствует действительности, так как предки славян проживали в лесной зоне.

Стараясь максимально охватить основные процессы, связанные с этногенезом сарматов в целом, Г.В. Вернадский дает характеристику наиболее крупных сарматских племенных объединений – язигов, роксоланов, сираков и аорсов. Так, первыми в Северном Приазовье появились язиги. Они же, якобы, были первым сарматским народом, расселившимся на территории Центральной Европы. В 69 г. до н.э. язиги вторгаются в Мёзию, и, более чем на два столетия оседают в междуречье Нижнего Дуная и Днепра, а во второй четверти I в. они переместились в степные районы бассейна Тисы. Язиги представляли собой крупное объединение, непосредственно граничившее с Империей, в силу чего и были наиболее известны римским хронистам. Важным историческим событием, связанным с ними, стали, так называемые Маркоманские войны (166-180) между Римом и германскими и сарматскими племенами, в частности язигами. Так, в 167-169 гг. язиги перешли Дунай на лимесе Нижней Паннонии и начали опустошать провинцию. Зимой 173-174 гг. на льду Дуная произошла битва между язигами и римскими войсками, вследствие которой язиги отступили через Дунай. Описание этой битвы передает Дион Кассий [Колосовская, 1973: 224]. В 175 г., император Марк Аврелий нанес поражение сарматам-язигам на Венгерской равнине в Паннонии, после чего на правах победителя потребовал передачи Риму 8000 тяжеловооруженных воинов-язигов. 5500 всадников из этой группы были прикреплены в качестве вспомогательного отряда к префекту VI легиона *(Legio VI Victrix)* Луцию Арторию Кастусу и последовали за ним в Британию на Адрианов Вал, границу Римской империи с Шотландией для защиты ее северных рубежей от постоянных набегов горцев Шотландии [Литтлтон, Малкор, 2007: 35].

После победы над языгами, маркоманами и квадами, в намерения Марка Аврелия входило создание на левобережье Среднего Дуная двух новых провинций – Маркомании и Сарматии. «Сарматские» войны империи проходили в основном в пределах Нижней Паннонии и на ее лимесе, получившей позднее название *ripa Sarmatica* [Колосовская, 1973: 224, 234]. Маркоманские войны дались Римской империи тяжело. Этот период считается рубежом в истории Рима, после чего начинается ее постепенный закат[222]. Именно после Маркоманских войн римляне начали массово селить в пределах империи варварские народы [Колосовская, 1973: 229].

История сохранила и имена сарматских правителей, которые противостояли Марку Аврелию. Царь Банадасп, сторонник войны с Римом, был взят под стражу, а переговоры с Марком Аврелием возглавил царь Зантик. После этой победы Марк Аврелий принял титул *Sarmaticus*, и даже чеканил соответствующие монеты [Чибиров, 2016: 82]. Возражая М.И. Ростовцеву, ошибочно считавшего языгов меотским племенем, Г.В. Вернадский, кажется, и сам не вполне был уверен в их принадлежности к сарматскому миру. Он допускал иранство лишь правящей их верхушки, что укладывалось в его понимание структуры социальной организации у номадов [Вернадский, 2020: 68].

Еще один сарматский народ – роксоланы были интересны Г.В. Вернадскому не столько своей историей, но, прежде всего, этнонимом. Ираноязычный, сарматский племенной союз, они появились в европейских степях уже после языгов, обосновавшись в степях между Днепром и Доном. Во II в. до н.э. роксоланы появляются в Северном Причерноморье. Из античных авторов впервые о роксоланах, о типичном облачении роксоланского воина писал Страбон: «У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч»[Strabo, VII, III, 17]. Местом их расселения по Г.В. Вернадскому

[222] Это отражено и в современных хронологических системах Европейского Барбарикума по данным археологии (система Х. Ю. Эггерса – К. Годловского) – эпоха Маркоманских войн является рубежной между ступенью В (раннеримский период) и С (позднеримский период).

являлся бассейн р. Дон (на деле там жили аорсы – А.Ч.). Именно здесь их впервые упоминает географ VII в. – Равеннский аноним, использовавший и более ранние сведенения I-III вв. Церковный историк Захарий Ритор, епископ Митилены (ок. 475 – ок. 560 гг.) в своей «Церковной истории» отождествляет с ними же и племя *ерос*, которое также часто интерпретируется и как первое упоминание *русов (росов)* [Вернадский, 2000а: 268–269].

Этноним *роксоланы* практически всеми исследователями объяснялся как «светлые (или блестящие) аланы». В.И. Абаев выдвинул предположение, что этот этноним исходит от иранского *roxs-alan*, что в переводе означает «светлые аланы», где *roxs* – это древнеиранское *rauxšna* – «светлый», а *alan* от *aryana* – «арийский, ариец» [Абаев, 1949: 156; Абаев, 1973: 435–437]. Подобную этимологию поддерживали некоторые специалисты, в том числе М. Фасмер, Р. Фрай [Фрай, 1972: 218], В.Н. Топоров [Топоров, 1990: 186], и др. Д.И. Багалей отмечал: «… имя роксолан выводится из иранских наречий и обозначает белых алан» [Багалей, 1914: 103]. Особый интерес у Г.В. Вернадского и его предшественников к роксоланам наблюдался в силу того, что, согласно бытовавшему среди большого круга исследователей мнению, первая часть двусложного слова *рухс* вызывала явные ассоциации с понятием Рос (иначе Русь – именно так арабо-персидских источниках именовали викингов, противопоставляя их собственно славянам).

С рубежа II-I вв. до н. э. на юге Восточной Европы фиксируются кочевые объединения аорсов, сираков и роксоланов и язаматов, позднее аланов, периербидов, конеедов, асеев и других, появление которых на исторической арене повлекло за собой значительные перемены этнополитического характера. Первые сведения об аорсах приводит Страбон лишь к середине I в. до н.э., относительно подробно описывая в своей «Географии» территорию, которую они занимали. В ряде случаев аорсы у Страбона выступают под общим именем, но при более подробном описании конфликтов в Сарматии он подразделяет их на две самостоятельные группы: (донских) аорсов и куда более могущественных и богатых верхних (дальних) аорсов [Strabo, XI, II, 1; V, 8].

Первое упоминание аорсов, имеющее хронологическую привязку, относится к времени правления в Боспорском царстве Фарнака II, сына Митридата VI Евпатора (63–47 гг. до н. э.). Страбон обозначил территорию, занимаемую аорсами, указывая на западные границы ареала их существования как Меотиду и Танаис[223]. Восточную границу владений аорсов Страбон условно упоминает для верхних аорсов, которые владели «...большей частью побережья Каспийского моря». Согласно А.С. Скрипкину, «речь в данном случае должна идти о северном побережье Каспийского моря, поскольку Страбон помещает аорсов в числе тех племен, которые обитали между Меотидой и Каспийским морем» [Скрипкин, 2018: 92]. Он же, вслед за предшественниками, неудачно, отождествляет Яньцай[224] в низовьях Сырдарьи с аорсами, ссылаясь при этом на «Хоу Ханьшу»[225], когда с 91 г. н.э. вместе со среднеазиатскими посольствами в Китай попали новые данные, и где упоминается о переименовании Яньцай в Аланьляо (Alanliao / 阿蘭聊) и попадании Яньцай в зависимость от Кангюя [Скрипкин, 2018: 96]. А.С. Скрипкин рассматривал этот факт, как завоевание Яньцая аланами в русле политики, проводимой Кангюем[226] [Скрипкин, 2018: 96]. К югу от аорсов, в долине р. Кубань обосновались сираки. Согласно мнению Г.В. Вернадского этноним *аорси* был производным от иранского слова *ors* или *uors* в значении «белый».

Есть некая непоследовательность у Г.В. Вернадского в вопросах этнической принадлежности некоторых сарматских народов, но неточности в соотношении некоторых этнонимов и датировке некоторых событий не влияют на общую

[223] Территорию между Танаисом (Дон) и Борисфеном (Днепр) занимали роксоланы.

[224] Яньцай (Yancai / 奄蔡) — область в низовьях Сырдарьи, заселенная вначале саками-тиграхауда, со второй половины I в. н.э. – аланами (переименованная в Аланьляо / Alanliao / 阿蘭聊). См.: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Әлэм, 2020. С. 34-36 (288 с.).

[225] «Хоуханьшу» / Hou Han Shu / 後漢書 («История империи Поздняя Хань») — продолжение исторической хроники «Ханьшу» / Hàn shū / 漢書у Бань Гу, охватывающее период с 25 по 210 гг. н. э. Вместе с «Ханьшу», «Шицзи» и «Саньгочжи», входит в состав исторического канона «Эршисы ши». Составил хронику в V веке историк Фань Е.

[226] Кит. Кангюй / Kangju / 康居(иран. Канга в «Авесте») – название древнего племенного объединения, а вскоре - государства (с середины II в. до н.э. по середину IV в. н. э.) на Средней Сырдарье с середины I по середину III вв. н.э. ставшего главной военно-политической силой в Средней Азии. Его базовый ираноязычный этнос был, видимо, плодом смешения старых саков и пришедших с границы китайских Ганьсу и Синьцзяна юэчжей. См. (Яценко С.А. и др. Археология и история Кангюйского государства... С. 23-44).

подачу материала. К примеру, акцентируя внимание на иранстве и яфетичности местных племен, он писал: «Среди меотийских племён здесь могут быть упомянуты синды и савроматы» [Вернадский, 1996: 75]. Но ираноязычные сарматы, скорее всего, не имели никакого отношения к синдам и меотам. Меоты (или мэоты, как пишет Г.В. Вернадский) и синды исходно жили на Нижней и Средней Кубани, а сарматы – на Нижнем Дону и Нижнем Донце, и, кроме территориального соседства, эти народы ничего не объединяло. Синдо-меоты, видимо, являются местными автохтонами Кавказа, от них же и пошло название Меотийского (Азовского) моря. Сведения о вероятном языке меотов разнятся[227], сарматы же были весьма близки по языку и обычаям к скифам. Описывая внешний облик сарматов, М.И. Ростовцев отмечал его схожесть со скифским – длинные волосы и бороды, «восточная» одежда, похожая на одежду парфян, штаны [Ростовцев, 1918: 129][228].

Вызывает вопросы и понятие «меотский матриархат», введенное Г.В. Вернадским, заимствованный, по его мнению, сарматами от меотов. Учёный обозначил меотов как носителей матриархата на Кавказе, т.е. приписал меотским женщинам решающую роль в родовой жизни. Согласно ему же, сарматы заимствовали матриархат от меотов. Матриархату, или гинекократии сарматов, посвятили специальные статьи известные учёные-скифологи и сарматологи [Граков, 1947; Хазанов, 1970; Смирнов, 1971], убежденные, что древняя традиция матриархата сохранялась затем у савроматов, синдов и меотов. Ранее считалось, что у синдов почитание женщины, якобы, не наблюдалось в начальные периоды их истории (I тыс. до н.э.), а появилось лишь в первых веках нашей эры, когда «синды подверглись сарматизации, приведшей к их ассимиляции с сарматами» [СИЭ, 1969: 882]. Однако к 1990-м годам, как известно, ни о каких пережитках матриархата, ни о самом матриархате в целом, уже никто из скифологов и сарматологов не говорил,

[227] О.Н. Трубачев считал, что меоты говорили на реликтовом языке индоарийской группы (припонтийский индоарийский диалект) [Трубачев, 1999: 36].
[228] Иное мнение имеет основной специалист по костюму древних иранских народов С.А. Яценко [Яценко, 2006: 139, 311-312, 321-322].

поскольку это противоречило накопленной информации по ранним кочевникам Степи[229].

5.5. О степени соотношения антов со славянами

События 370-х гг. н.э. резко изменили ход истории Европы. Орда гуннов Баламбера громит аланов-танаитов, покоряет основную часть остроготов и ряд связанных с ними группировок. От этой угрозы значительная часть визиготов бежит на территорию Римской империи и в 378 г. при участии других отрядов, в том числе и аланского, наносит поражение римской армии под Адрианополем. Вскоре приходят в движение и многие другие народы, положив тем самым начало эпохе европейской истории, заслуженно получившей название Великое переселение народов. Одним из отголосков этих событий по Г.В. Вернадскому, стало первое упоминание этнонима *анты* [Вернадский, 2020: 111][230]. Этот народ оказался в центре внимания поколений русских историков, которые ставили своей целью реконструкцию ранней истории славян. Некоторые из них связывали с ними и начало «русской эры», считая антов восточнославянским племенем IV–VII вв., сформировавшимися как общность в сармато-готскую эпоху. С антов, согласно Г.В. Вернадскому, начинается собственно русская история, а анты – не что иное, как «иная форма имени асов (аланов)» [Вернадский, 2020: 61]. Это же отмечала идеологизированная «Советская историческая энциклопедия»: «Место антов

[229] См. резкую современную критику «пережитков матриархата»: Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблемы матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии / Под ред. А.И. Милюковой. Москва: Наука, 1990. С. 159-176; Богаченко Т.В. Исторические основы сказаний о женщинах воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный федеральный ун-т, 2017. 267 с.; Яценко С.А. Женщины-воительницы ранних кочевников в больших и малых некрополях (к анализу планиграфии и уточнению статуса) // Сходнознавство. 2018. № 82. С. 47-84.

[230] Речь идет о пассаже, сохранившемся у латиноязычного готского историка Иордана в сочинении «Гетика» (написанного, вероятно, в 550-551 гг.), опирающегося на «Историю готов» Кассиодора (не сохранилась) и ряд других сведений, в т.ч. на готский эпос. Иордан пишет, что, находясь под властью гуннов, предводитель части готов Винитарий попытался проводить самостоятельную политику и нанес поражение антам, а их «король» Боз и 70 знатных людей были распяты; однако Баламбер победил Винитария, который пал в бою [Iord. Get., 246-249]. В других источниках этот сюжет не фигурирует, а анты упоминаются намного позднее, в контексте событий уже VI в., поэтому некоторые специалисты сомневаются в достоверности либо всего этого пассажа, либо его составляющих. Впрочем, часть историков этот скептицизм не разделяют.

заняло новое и более обширное объединение – Русь, ядро которого совпало с наиболее развитыми землями антов» [СИЭ, 1962: 639], при том, что «Большая российская энциклопедия» предложила более осторожную формулировку: «Потомки антов вошли в состав ряда восточнославянских и, возможно, в некоторые из южнославянских племенных объединений» [БРЭ, 2005: 93]. Отталкиваясь от этой позиции, логично будет предположить, что вероятная раннегосударственная организация антов (если она вообще имела место быть, в каком бы виде она не представлялась историкам: управляемая аланами или иными иранцами) является первым восточнославянским ранним государством, при том, что правление варягов на Руси началось гораздо позже. «Аланы, – отмечал Георгий Владимирович – особенно та их ветвь, что известна как роксоланы (рухс-асы), играли важную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племён; допускаю возможным, что правящий класс антов мог быть аланского происхождения» [Вернадский, 2000а: 174][231]. А. Глорик, Л. Шмидт и Фр. Альтхайм также считали антов не славянами, а аланами, жившими между Доном и Кавказом [Буданова, 1990: 133, прим. 189].

Историки следовали трем основным версиям происхождения этнонима *анты*. Согласно иранской версии, которой придерживались О.Н. Трубачёв (1977), О.Н. Бубенок (1997), С.Н. Чернявский (2016), В.Я. Петрухин (2008), Д.С. Раевский (1977), Ф.П. Филин (1964), В.В. Седов (1978) и др., этот этноним имеет иранское происхождение. Ф.П. Филин указывает на то, что слово анты созвучно с древнеиранскими словами *antas* («конец, край»), *antyas* («что находится на краю») и осетинским *attiiya* (задний, сзади). Исходя из этого, значение слова *анты* учёный интерпретирует как *«живущий на украйне, пограничный житель»* [Филин, 1964: 268]. Вторая версия условно называлась «славянской». Польский лингвист, автор сочинений о польской и славянской ономастике, антропонимии и этимологии, С. Роспонд на основании свидетельства Иордана связывал этноним *анты* с венедами и выводил из

[231] Этот пассаж Г.В. Вернадского никак не подтверждается данными как археологии и лингвистики, так и смежными с ним науками, и, тем не менее, органично вписывается в его стремление увязать историю славянства с «иранцами».

индоевропейского **ven-* «мокрый, влажный» [Роспонд, 1972: 49]. М.С. Грушевский считал антов исключительно прото-украинцами [Чернявский, 2016: 3], в то время как Б.А. Рыбаков полагал, что анты являются предками русских, украинцев и белорусов (Рыбаков, 2014). Сторонниками третьей, тюркской версии были такие учёные, как А.И. Попов, В.В. Мавродин и Э.В. Севортян, которые возводили этноним *ант* к тюркскому слову *ant,* что означает «клятва», и в монгольском языке имело форму *anda-* ‘побратим’, ‘побратимство’ [Попов, 1972: 35-37; Севортян, 1974: 151]. При этом, конечно, происхождение предполагаемого ино-этнонима не имеет особого значения в выяснении реальной языковой принадлежности этноса. Анты были бесписьменным народом, но благодаря ранневизантийским авторам известны некоторые их имена, как славянского облика (Бож / Боз, Мезамир, Дабрагез / Доброгост), так и германского (Усигард) и др.

На фоне всех этих дискуссий Г.В. Вернадский аргументирует свой собственный взгляд, рассматривая вопрос происхождения антов в сопоставлении его с соседними и родственными им племенами, используя широкий сравнительный фон. Согласно ему, после завоевания Северного Кавказа в подчинение к аланам перешли некоторые местные народы, среди которых оказались «отдельные славянские племена; как минимум одно из них, анты приняло имя своих новых правителей. Антами именовали одно из аланских племён, жившее во II в. н.э.» [Вернадский, 1992: 218], т.е. анты могли называться *ас,* поскольку управлялись аланами. Он также отождествляет этнонимы *анты* и *асы*, считая последних предками осетинского народа. *Ас,* по его версии, это – и алан, и осетин. [Вернадский, 2000а: 171]. При этом, по его мнению, этнонимом *анты* в большинстве своем пользовались латинские авторы, в то время как греческие источники использовали термин *асы*. Не будучи лингвистом, он все же комментировал легкий переход по фонетическим правилам греческого языка от *анты* к *асы* [Вернадский, 1992: 83].

В 1939 г. в статье для журнала Американского восточного общества Г.В. Вернадский сформулировал три важных тезиса о связи антов и аланов: *«Asioi»*

о которых упоминал Страбон, идентичны с асами и аланами; анты непосредственно связаны с аланами; этноним *анты*, согласно фонетике греческого языка, является производным от греческого *асы* [Vernadsky, 1939: 56-66]. Первый из его тезисов был поддержан Гарольдом Бейли в статье *Asica* (1945), в то время как третье положение со временем было им подкорректировано. Концепция в новой интерпретации утверждала, что этноним *анты* произошел от санскритского *ànta* («ограничение, конец»), и осетинского *ändä* («снаружи»), т.е. анты – это те, кто был «снаружи», за пределами границы обитания аланов [Vernadsky, 1953: 192].

По Г.В. Вернадскому, антов, как и другие южные славянские племена, первоначально контролировала та ветвь аланов, которая известна в истории под именем *роксоланы*, отождествляемая им и рядом ученых с *рухасами*, светлыми асами. Они же и организовали славянские племена антов, «и мы можем предположить, что существовали антские (асо-славы) и русские (рухс-ас) соединения даже в западноаланской орде» [Вернадский, 2000а: 152]. Кроме того, он полагал, что иранскими или полуиранскими (антскими) являются имена славянских (склавенских) вождей, такие как *Ардагаст*, *Пейрагаст*, *Келагаст* [Вернадский, 2000а: 174].

Но, как и прежде, в суждениях Г.В. Вернадского прослеживается некая противоречивость: в одном случае анты для него являются племенем иранского происхождения, в то время как в другом случае он считает их «сильнейшим среди славян племенем» [Вернадский, 2000а: 23]. Помимо прочего, он считал их и «прародителями» осетин [Вернадский, 2000а: 102].

Теория «алано-славянского единства» озвучивается Г.В. Вернадским в разных аспектах: «Среди других племён, контролируемых аланами, были некоторые славянские племена, и, по крайней мере, одно из них, анты, приняло имя своих новых правителей: поскольку имя анты ... было именем одного из аланских племён Туркестана» [Вернадский, 2000а: 111]. Эта мысль повторяется им и в других контекстах [Вернадский, 2000а: 125]. В конечном итоге, Г.В. Вернадский все же признает антов славянским племенем, но в то же время не

отрывает их от аланов-асов, задаваясь при этом вопросом, кто же такие славяне, каков их этногенез, и почему один из славянских племенных союзов получил явно неславянский этноним – анты. С.Н. Чернявский полагает, что слово *анты* является аланским, но никак не славянским именем. Согласно ему, большинство историков сходятся во мнении, что «анты VI века – это славяне», при этом он опирается на археологические находки т.н. пражско-пеньковской археологической культуры[232], но тут же отмечает, что «археология не в состоянии решить проблему славянского этногенеза. Так, в черняховской и пшеворской археологических структурах находят праславянские черты, но сами культуры – очевидно неславянские» [Чернявский, 2016: 4]. С.Н. Чернявский также не согласен с Б.А. Рыбаковым, который, причислил антов к предкам восточных славян, и, зная, что археологические памятники Киева датируются серединой или концом VIII в., сознательно «удревнил» историю города на два с половиной века для того, чтобы связать славян с присутствием на Днепре мощного славянского союза антов. Б.А. Рыбаков считал антов предками русских, украинцев и белорусов и возводил их к скифам-пахарям. «Между тем, – заключает С.Н. Чернявский, – славяно-анты, судя по всему, вообще не были предками ни великороссов, ни малороссов» [Чернявский, 2016: 15].

Археология последних десятилетий все же обозначила свою позицию по вопросу идентичности славян и антов. Согласно мнению И.О. Гавритухина, славяне (склавины) и анты VI в. были разными народами, хотя между ними и присутствовала языковая общность. Несмотря на то, что тот же Иордан разделяет славян и антов, обозначая их как разные народы, И.О. Гавритухин все же отмечает, что по археологическим памятниками, которые идентифицируются с ними, и по тем же свидетельствам латинских и греческих авторов, это все же были близкие этнические массивы [Русский …, 2008]. Он проводит параллели между пражской археологической культурой, которая

[232] Пражско-пеньковская археологическая культура – введенное В.В. Седовым название пеньковской культуры. Специалисты это название не поддержали, со временем от него отказался и сам автор термина.

согласно ему, представляет конкретный народ «славяне» и пеньковской культурой, которая ассоциируется с антами [Русский …, 2008].

Важным маркером являются клады (более двадцати на начало XXI в.)[233] «типа Мартыновского» середины – третьей четверти VII в. – периода, на который приходится экспансия славян-носителей «родственной» пражской культуры на территорию локализации антов. Клады, а именно их сохранность и предназначение (несакральность находок, идентификация их как спрятанные вещи, но никак не элементы погребального обряда), свидетельствуют о том, что в результате экспансии представителей пражской культуры на земли антов сменилось население. «Но «пеньковцы» не испарились, а смешались с пришельцами, стали частью новой славянской культуры на их землях» [Русский …, 2008][234].

Согласно Г.В. Вернадскому, анты (другая форма имени – *ас* или *алан*) пришли к устью Дона во время общей миграции аланов в I–II вв. н.э. При этом, аланы вобрали в себя завоеванные народы, покрыв их собственным этнонимом. В числе тех, кто мог получить имя своих победителей, могла быть и группа славян, побеждённая аланами (асами) [Вернадский, 2000а: 111, 125]. И далее: «Один из родов иранских антов, или асов, был известен как светлые асы (рухс-ас). Позднее славянские племена, подчинённые роду *рухс*, могли принять это имя» [Вернадский, 2000а: 126]. Здесь учёный имеет в виду роксоланов, которые, по его мнению, первоначально контролировали антов и другие славянские племена. Для тесного переплетения этнонимов *асы* и *анты* имелись, по его мнению, вполне реальные основания. Эти народы проживали совместно в Азовском регионе и Тавриде при численном превосходстве последних[235]. Ещё более длительное время, вплоть до XII в., иранские и

[233] Сегодня по музейным собраниям России и Украины их известно порядка тридцати. Значительно больше их было получено с помощью металлоискателей незаконно и сегодня недоступно для научного изучения.

[234] Наиболее развернуто эта концепция была представлена в монографии И.О. Гавритухина и А.М. Обломского. См.: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст // М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

[235] Практически все современные специалисты отождествляют антов с носителями (или их частью) пеньковской культуры. Показательна статья о ней в БРЭ. См.: [БРЭ, 2005: 93]. Ее ядро связано с Днепрово-Донецкой лесостепью, а зоны экспансии – с районом Днепровских порогов, лесостепью бассейнов Южного Буга и Пруто-

славянские племена проживали по соседству в бассейне р. Дон. Последствия таких взаимоотношений сказались на топонимике региона [Вернадский, 2000а: 164]. Расплывчатые контуры подобного пассажа Г.В. Вернадского, описанные им хронологические рамки и география региона, позволяют говорить только о салтово-маяцкой археологической культуре (конец VII – начало X в.), но в таком случае история приобретает совершенно иной характер. Археологически население салтово-маяцкой культуры сопоставляется только с населением Хазарского каганата: главным образом хазарами, аланами и булгарами. И, тем не менее, на рубеже 1970-х гг. рядом ученых [Березовец, 2018: 193-245; Талис,1974: 87-99] предпринимались попытки увязать лесостепной (аланский) вариант салтово-маяцкой культуры с *русами* арабских источников, отождествить его с центральной частью Русского каганата, который упоминался в мусульманских, западных и византийских хрониках IX в. Развивая идею Д.Т. Березовца, Е.С. Галкина считает, что этноним Русь от ираноязычных русов-аланов (роксоланов) донского (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры перешел из Русского каганата к славянскому населению, которое не входило в состав Русского каганата Среднего Поднепровья [Галкина, 2001]. Однако этноним роксоланы неизвестен после III в. н.э., что входит в противоречие с данным построением[236].

В целом же, по Г.В. Вернадскому, предыстория алано-славяно-антских контактов начинается с того, что аланы вместе со славянскими племенами антов проникли вглубь Центральной Европы в начальный период Великого переселения народов в III–IV вв. Здесь же автор подчеркнул не только иранское происхождение их старого этнонима – *анты*, но и то, что во главе антов предположительно стояли аланские вожди [Вернадский, 1996: 26]; при этом, «иранский элемент был более выражен среди восточных, нежели среди западных антов» [Вернадский, 2000а: 162–163].

Днестровского междуречья; некоторые находки в Румынской Добрудже соотносимы с антами на византийской службе. Дата: ок. 2-й четверти V – ок. 3-й четверти VII в.

[236] Критику построений Е.С. Галкиной см.: Комар, 2010.

Проблема корректного сопоставления различных этнонимов в исторической науке всегда оставалась актуальной, так как любое созвучие историками принималось как «имеющим место быть». Но при этом не всегда учитывались особенности лингвистического характера, а также совокупность данных археологии. И хотя общую концепцию о тесных взаимоотношениях двух соседних иранского и славянского племён Г.В. Вернадский постарался изложить аргументированно, и её научная обоснованность в середине XX в. не вызывала особых вопросов, сегодня его построения не выглядят столь же убедительно. Ему так и не удалось устранить существовавшее в исторической литературе неопределенное представление об асах и аланах – один это этнос или всё же разные народы. Он осознавал сложность чёткой дифференциации асо-славян (антов) и асо-иранцев (аланов, осетин) [Вернадский, 2000а: 267]. В трактовке же отдельных вопросов у Г.В. Вернадского порой наблюдается не вполне понятный разброс определений. Асы у него оказываются то антами, то славянами, то аланами, в одних сочетаниях у него *ас* — это тот же этноним *алан*, в других – обозначение самостоятельного племени, в третьих – асы и анты тождественны [Вернадский, 2000а: 171, 208, 228]. «Три группы асов, – писал, среди прочего, Г.В. Вернадский, – были следующие: западные анты в районе нижнего Дуная, восточные анты в районе нижнего Донца и асы (осетины) на Северном Кавказе» [Вернадский, 2000а: 267].

При этом Г.В. Вернадский противопоставлял друг другу *асов* и *асов-славян*, то есть антов [Вернадский, 2000а: 227]. Говоря о последствиях нашествия арабов на Северный Кавказ, учёный отмечал: «Двадцать тысяч славян (то есть асов, или русов) было взято в плен и отправлено в Сирию, где они были расселены вдоль границы с Византией, чтобы охранять неприкосновенность Халифата» [Вернадский, 2000а: 269]. Исходя из контекста этого сообщения, все асы у него оказываются славянами. Терминологическая путаница преследует его и далее. В одном месте учёный говорит об *асах-русах*, как одном племени, в другом – асы и русы предстают как самостоятельные племена [Вернадский, 2000а: 334–335].

То, что исследователь сам осознавал предполагаемое этническое смешение антов, асов и аланов, пик которого приходится на IV–V вв., подтверждает следующая цитата из его статьи «Древняя Россия»: «Если встречаются свидетельства, касающиеся асов и антов, не всегда бывает ясно, имеются в виду иранские, славянские или смешанные ирано-славянские племена» [Вернадский, 1992: 224]. Часть аланов или асов у автора смешалась со славянами (антами) [Вернадский, 1992: 163]. Здесь он подразумевал асов и антов Азовского региона и Тавриды, которые продолжали представлять из себя симбиоз иранцев и славян [Вернадский, 1992: 224]. В одном сочетании этноним *рухс-асы* – это русские, а в других – *рухс-асы* – это уже светлые асы, аланы. Непонятно также, чем отличаются *асо-славы* от *рухс-асов* (русских) [Вернадский, 1992: 152].

Еще одно предположение Г.В. Вернадского гласит: «Некоторые из этих асов (в Азовском регионе) были славяне, некоторые испытали влияние иранцев, в то время как другие группы асов были чистыми иранцами без всякой примеси славянской крови. Таковы были асы, они же осетины Северного Кавказа» [Вернадский, 2000а: 228]. Производным от русской формы *ас* учёные считают и распространённое племенное название *ясы* [Ламанский, 1902: 11]. Г.В. Вернадский прав, когда он определяет асов-иранцев как аланов, предков осетин, но все же бывает сложно проследить его логику, когда он пишет, что под асо-славянами подразумеваются алано-осетины в таком симбиозе со славянами, когда правящая верхушка – аланская, а подчиненные слои – славяне: «Как нам известно, именно аланские роды организовали славянские племена антов, и мы можем предположить, что существовали антские (асо-славы) и русские (рухс-ас) соединения даже в западной аланской орде. Западная экспансия аланов была, таким образом, в определённом смысле первым русским вторжением в Европу» [Вернадский, 2000а: 152].

Несмотря на путаную позицию и исследовательскую практику Г.В. Вернадского, все его многочисленные двусложные этнонимы, по его мнению – проявление тесных контактов иранских и славянских племён, которые продолжались на протяжении столетий. Они послужили базой для

исследований племенного разнообразия ранней и средневековой истории юга России.

5.6. Этногенез, политическая и социальная история аланов по Г.В. Вернадскому

Осенью 1939 г. Г.В. Вернадский в письме родителям писал следующее: «Много работаю над древним периодом русской истории и в связи с этим заинтересовался историей аланов вообще» [Архив РАН. Д. 22; Л.75]. Аланы действительно сыграли выдающуюся роль в истории древнего мира и средних веков. «В начале средних веков, – писал Г.В. Вернадский, – они служили соединительным звеном ... между народами степей и Средиземноморья, между востоком и западом ... важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана ещё до наших дней» [НА СОИГСИ. Ф.41, Оп.1, Д. 23а, Л.3–4]. По его мнению, они сменили сарматов в южнорусских степях, и заселили «скифские пустыни», распространив при этом этноним и на соседние народы. Согласно еще одному предположению, под этнонимом *алан* первоначально подразумевались этнически пестрые группы дружинников – «один из родственных аристократических родов» [Наглер, Чипирова, 1985], хотя сегодня исследователи показали, что сарматские дружины археологически выглядят по-иному [Яценко, Вдовченков, 2015]. Аммиан Марцеллин характеризовал аланов как кочевников, но более культурных, напоминающих скорее скифов, нежели гуннов, и расселенных на больших территориях: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным» [Amm. Marc. XXXI, 2, 17]. Вслед за Аммианом Марцеллином, это же отмечает Х. Вольфрам: «Этническая раздробленность аланов превосходит всякую меру, поэтому они встречаются повсюду и нигде» [Вольфрам, 2003: 340]. «… Ветвь аланов, – пишет У. Макговерн, – проделала путь на северные склоны Кавказских гор, и эта ветвь

под названием «осетины» до сих пор говорит на своем древнем языке, и сохраняет свою идентичность, пройдя сквозь века и являясь единственной из множества сарматских групп, пережившей все разрушительные воздействия времени» [Макговерн, 2021: 45]. Поэтическое описание аланов У. Макговерна продолжает сухая, но емкая фраза Р. Фрая: «Потомки средневековых алан, скифского иранского народа, и по сей день живут на Северном Кавказе – это осетины» [Фрай, 1972: 27].

С конца античности аланы сформировали свою государственность на Северном Кавказе, но, помимо Кавказской Алании, государственные образования аланов в других регионах Степи и прилегающих зон не встречались. К примеру, в I в. н.э. в Нижнем Подонье сформировалась «кочевая империя» аланов, которая являлась сложным вождеством [Яценко, 2008: 306][237], Аланией когда-то называли территорию нынешней Бессарабии, Восточной Валахии и Молдавии [Сулимирский, 2010: 178]. В V в. н.э., возможно, очень кратковременным прото-государством была Алания царя Гоара в Галлии. Несомненно, таковым же было «королевство вандалов и аланов» со столицей в Карфагене (Тунис). Эта ранняя государственность была результатом оседания аланов среди земледельческих народов в соседстве с крупным городами и т.п.

Аланы появились в южнорусских степях позднее остальных ираноязычных кочевников, но, согласно Г.В. Вернадскому, по значимости для истории России превосходили все остальные народы этой группы. Они занимали особое место в научном наследии Г.В. Вернадского – настолько большое, что практически все биографы характеризуют его работы, посвященные им, как «навязчивую идею», «одержимость» [Гальперин, 2018: 139], как «любимых аланов»,

[237] Полемика между С.А. Яценко и Б.А. Раевым относительно термина «Донская Алания» представляется нам весьма познавательной. См.: [Раев Б.А. Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии // Рецензия на статью: Яценко С.А. 2008. Донская Алания как кочевая империя. В кн.: *Монгольская империя и кочевой мир.* Книга 3. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН: 281-310 // Наука юга России (Вестник Южного Научного Центра) Т.12. № 3. 2016, С.122-126.; Яценко С.А. Двадцать лет спустя. Об общественном строе и политической активности нижнедонских аланов середины I – середины II в. н.э. // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Выпуск 14. Ставрополь, 2021. С. 215-230].

«аланосферу» [Дворниченко, 2017: 132, 327]. Статьи и лекции, посвященные Г.В. Вернадским собственно аланам, могли бы послужить темой для еще одной монографии, причем объем имеющегося материала вряд ли ограничил бы автора изданием одного тома. А.Ю. Дворниченко упоминает об уникальном, но еще неопубликованном курсе лекций, сохранившемся в Бахметьевском архиве и который Г.В. Вернадский читал для студентов Института славянских и восточных исследований, эвакуированного из Бельгии во время Второй мировой войны. Здесь же он приводит названия лекций: «Аланы как посредники между миром кочевников и миром Средиземноморья», «Происхождение и экспансия аланов», «Аланы в Южной России. Общество и цивилизация», «Аланы и восточные славяне», «Распространение аланов в V в.: аланы в Галлии, Испании и Африке», «Аланский государственный деятель в Византии: Аспар», «Аланы на Северном Кавказе и в Крыму в VI-VII вв.», «Аланы и их роль в формировании Средневекового мира», «Аланы и формирование древнерусского государства» [Дворниченко, 2017: 327]. Отдельной статьей был опубликован Г.В. Вернадским материал, посвященный Аспару – аланскому военачальнику и византийскому министру, оказавшему существенное влияние на политическую жизнь Империи [Vernadsky, 1941: 38-73].

Впервые аланы упоминаются в трудах античных авторов с 72 г. н.э. (поход Базука и Амбазука на юг от Кавказских гор), и локализуются у устья Дона. Этноним *алан* встречается к 91-94 гг. н.э. в хронике Восточной Хань смена наименования кочевого владения Яньцай у устья Сырдарьи на Аланьляо (см. выше). Русский востоковед, Н.Я. Бичурин (отец Иакинф. – А.Ч.) в своей работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» приводит сведения китайской хроники: «Владение Яньцай переименовалось Аланьляо; состоит в зависимости от Кангюя ... Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» [Бичурин, 1950: 229]. Более позднее свидетельство времен эфталитского доминирования в Согде указывает на следующее: «Правление в городе Аланьми. Эта страна прежде принадлежала кангюйскому

удельному владетелю. Больших городов считается сорок, малых около тысячи. Мужественные и крепкие берутся в *чжегэ*, что в переводе на язык Срединного государства значит: строевой ратник» [Бичурин, 1950: 311]. Этноним *аланы* использовался в римских и византийских хрониках вплоть до XVI века, когда в византийских хрониках встречаются последние упоминания об Аланской епархии на Северном Кавказе. Арабы также называли аланов именем *Al-lan*, которое было образовано от пехлеви и среднегреческого *Alan*. Ибн Русте (IX-X в.) в начале X в. в своей «Книге драгоценных ожерелий» сообщал, что кавказские аланы делятся на четыре племени. По одной из версий, самое западное из них называлось асы (аш-дигор армянской «Ашарацуйц»); однако, Константин Багранородный в «Книге церемоний византийского двора» помещает страну Асию, напротив, восточнее, у Каспия. Для Ал-Бируни, Гийома де Рубрука, Плано Карпини, К. де Бридиа, Иосафата Барбаро «аланы и асы» – один и тот же народ. Отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия (7: 244) в переводе на древнерусский язык (XII–XIII вв.) выглядит следующим образом: «Языкъ же ясьский ведом есть, яко отъ печенежьскаго рода родися (то есть от восточных кочевников – А.Ч.), живуща подле Тани и Меотьскаго моря»; при этом «прилагательное ясьский является производным от этнонима Ясы, представляющего собою форму этнонима **as-*» [Алемань, 2003: 34–35].

В классических источниках (Аммиан Марцеллин [Античные, 1990: 242]; Птолемей [Античные, 1990: 148, 235]; Страбон [Античные.., 1990: 216-217]; Лукиан Самосатский [Античные, 1990: 142]), аланы часто определяются как скифы, или (чуть позже) массагеты[238], а нередко и перечисляются как «сарматы и аланы». Однако, начиная с прошлого столетия их стали рассматривать в качестве сарматской по происхождению группы и предшественников современных осетин на Центральном Кавказе, и, следовательно – говоривших на одном из северо-восточных иранских языков [Алемань, 2003: 28]. Появление нескольких разных групп аланов в Восточной Европе, а именно в низовьях

[238] См. подробнее: Яценко С.А. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.) // Историко-археологический альманах. 1998. Вып. 4. С. 86-95.

Дуная, Северном Причерноморье, Предкавказье, исследователи раньше считали следствием их усиления внутри северокаспийского объединения сарматских племён под властью аорсов (Античные.., 1990; Смирнов, 1950; Смирнов, 1954; Абрамова, 1959). Сегодня же ясно, что по культуре, устройству общества, торговой и политической ориентации, эстетическим вкусам и т.п. группировка донских аланов заметно отличалась от своих предшественников – аорсов.

Исследователями были высказаны различные мнения по поводу происхождения этнонима *алан*. Так, академик Г.Ф. Миллер в XVIII в. считал, что «имя аланов родилось у греков, и оно происходит от греческого глагола, значащего странствовать или кочевать» [Миллер. ЦГАДА, Ф. 199, № 47. Д. 3]. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он же высказал мнение о родстве осетин с раннесредневековым аланским племенем ассы. Говоря о том, что «Алане были Готский народ», он далее писал: «Карпин(и) и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своем находили. Первый равняет их с черкесами и даёт им прозвание Ассы, которое, кажется, в сродстве с нынешними Оссетами» [Миллер, 1773: 17, 18]. К.В. Мюлленгоф производил этноним *алан* от названия горного хребта в Саяно-Алтае [Mullenhoff, 1892].

Происхождение этнонима *алан* до сих пор остается дискуссионным вопросом, хотя, в науке больше склоняются к версии, обоснованной В.И. Абаевым, согласно которой этноним *алан* связан с древнеиранским **aryāna*. Этой версии придерживаются Э.А. Грантовский (1970), Д.С. Раевский (1977), Т.В. Гамкрелидзе (1984), И.М. Оранский (1960) и др. Согласно Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванову, первоначальное значение этого слова «хозяин», «гость», «товарищ» развивается в отдельных исторических традициях в «товарищ по племени», далее в самоназвание племени *(arya)* и страны [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 755]. В то же время, не представляется возможным установить четкую связь этнонима *алан*, с этнонимом, восходящему к *ās*. (Абаев, 1949: 246; Алемань, 2003: 27-36; Гаглойти, 1966: 27; Герардо Ньоли, 2002: 28-36; Камболов, 2006: 158-160; Кузнецов, 1992а: 6).

А. Алеманъ в монографии «Аланы в древних и средневековых письменных источниках» (2003) постарался представить исчерпывающую информацию о происхождении этнонима *алан*. Отсекая различные теории, А. Алеманъ связывает его исключительно с производным от слова **aryāna*- [Алеманъ, 2003: 30–33]. А. Алеманъ также скрупулёзен, касаясь этнонима *ас*, непосредственно связывая его с осетинами [Алеманъ, 2003: 32–34].

Позднеантичные свидетельства о появлении аланов в Центральной Азии и Восточной Европе весьма противоречивы. Не совсем понятным является и вопрос их этногенеза, но, к концу 1980 х гг. в науке сложилось семь основных концепций их происхождения: скифская, аорсская, массагетская, алтайская, юэджийско-тохарская, усуньская и «социальная», согласно которой ранние аланы являлись межэтнической дружинной прослойкой [Яценко, 1993]. Специалисты в основе своей считают, что аланы вышли из сарматской среды европейской части южнорусских степей. Еще одна версия говорит о формировании аланов в Средней Азии, откуда часть их переселилась в Волго-Донские степи, где присоединила к себе ряд местных групп сарматского населения.

Г.В. Вернадский считал аланов самостоятельным сарматским племенем, которое позже всех появилось на юге России, но контролировало при этом более значительные территории, включающие в себя степи у Азовского моря от Дона и Донца до Нижней Волги и до Предкавказья. Согласно его заключению, к концу I в. аорсы и сираки признали над собой главенство аланов, которые в древности проживали в Восточном Туркестане, в области, раньше известной под названием *Ань-цай*[239]. В политической жизни Туркестана они играли важную роль. Интересна этимология этнонима *алан*, предложенная Г.В. Вернадским, который считал, что название *алан* происходит от древнеиранского слова *елен*, означающего олень [Vernadsky, 1944].

[239] Восточный Туркестан или Синьцзян географически никак не коррелируется с Яньцай (Ань-цай) или Юго-Восточным Приаральем, которые находятся друг от друга на значительном расстоянии в более чем 1500 км.

Латинские историки I–IV вв. весьма охотно писали об аланах. Авиен, Гегесипп, Лукан, Марциал, Плиний Старший, Помпей Трог, Светоний, Тацит, Валерий Флакк и другие авторы, так или иначе, упоминали аланов в разных контекстах. И все же наиболее подробные сведения об аланах конца IV в. (в форме *Halani*) оставил Аммиан Марцеллин (ок. 330 г. – 400 г.). Более подробного описания аланов, их образа жизни из древних не оставил никто («Аланская история» Арриана не сохранилась совершенно). Его называют также последним крупным римским историком, известным, прежде всего, своим трудом «Деяния». Протектор-доместик, представляющий элиту римской армии, известный ритор, личный друг последнего языческого императора Юлиана-Отступника, участник его Персидского похода – вряд ли он испытывал необходимость в излишней романтизации варваров в преувеличении и искажении реальных фактов. Здесь скорее играла роль другая необходимость: адекватная оценка вероятного противника диктовалась практической целесообразностью.

Первоначально труд Аммиана Марцеллина состоял из тридцати одной книги и охватывал период от прихода к власти императора Нервы (96 – 98 гг. н.э.) до смерти императора Валента в 378 году. Однако до нас дошли только последние восемнадцать книг «Деяний» (XIV–XXXI), в которых описываются события 353–378 гг., период от подавления восстания Флавия Магненция до битвы при Адрианополе и гибели императора Валента. Так, в книге XXXI, охватывающей период с 375 по 378 гг., есть главы, посвящённые аланам. Они называются «О местожительстве и нравах гуннов, аланов и других племён азиатской Скифии», и «Гунны присоединяют к себе оружием или по договору аланов-танаитов; они нападают на готов и изгоняют их из их земель».

О первоначальном расселении аланов Аммиан Марцеллин писал следующее: «В другой стороне близ поселения амазонок живут аланы, обращенные к востоку и рассеянные между многолюдными и обширными племенами; их владения простираются, как я узнал, до самой реки Ганга» [Amm. Marc. XXXI, 2, 16]. Комментируя этот пассаж, Г.В. Вернадский

рассмотрел аланов и здесь: «Аммиан имел в виду Индо-Скифское царство *ю-чи* (юэчжи – А.Ч.); в этой связи нужно вспомнить, что, согласно Трогусу (Гней Помпей Трог – А.Ч.), правящая династия *ю-чи* была аланская. Исходя из тесных связей между аланами и *ю-чи*, можно предположить, что отдельные отряды *ю-чи* проникли в Южную Россию вместе с аланами» [Вернадский, 1992: 217] Это предположение Г.В. Вернадского также не нашло подтверждения в дальнейшем. Исторические источники зафиксировали вторжение ю-чи или юэчжей в Греко-Бактрию, но не более.

В миграции на запад аланы в составе сарматских племен были, по мнению ученого последними и расположились восточнее аорсов, а с I по IV в. заняли степи юга России[240]. Они контролировали территории от Азовского моря до Нижней Волги и подножья Кавказских гор, затем постепенно заняли и земли в верховьях рек Дона и Донца [Вернадский, 1992: 217]. Г.В. Вернадский пишет, что некоторые из аланских родов остались в Восточном Прикаспии, однако связь между западными аланами и аланами, оставшимися на Востоке, сохранилась. Эти связи поддерживались ими вплоть до IV в. н.э. [НА СОИГСИ, Ф. 41, О.1, Д. 23 а].

Истории появления аланов в Северном Причерноморье Г.В. Вернадский посвятил специальную статью, написанную им в 1944 г., которая называлась «О происхождении аланов» [Vernadsky, 1944], и где учёный изложил свое видение их этногенеза. Детальное исследование источников, посвящённых аланам, позволило ему стать одним из первых, кто смог распознать в процессах формирования аланов новой этнокультурной единицы, ее ранние и поздние этапы. Согласно точке зрения учёного, ранние аланы – это не потомки какого-либо одного сарматского племени (аорсов, сираков и др.), а результат синтеза близкородственных «скифских этносов (или их частей) района Окса-Яксарта-Приаралья». Аланы, согласно ему, были непосредственными предками осетин [Вернадский, 1996: 45].

---

[240] Г.В. Вернадский при этом не учитывает множество новых кочевых сарматских племен, упоминаемых Плинием и особенно Птолемеем, наряду с аланами в бассейнах Дона и Волги (периербиды, асии, конееды, офлоны и др.)

Ссылаясь на Аммиана Марцеллина Г.В. Вернадский пишет о хозяйственном укладе аланов, который характеризуется им как типичное кочевничество[241]. Описывая их внешний вид (высоки ростом, красивы, подвижны, с умеренно белокурыми волосами), учёный ещё раз иллюстрирует восточное происхождение аланов, проводя параллели с оставшимися на востоке родственными аланам *асудами* [Вернадский, 1992: 217].

Миграцию аланов в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ Г.В. Вернадский связывает с перемещением сарматов, при этом, в одной из своих ранних работ он считает временем появления аланов в Восточной Европе II–I вв. до н.э., что совершенно не соответствует данным источников[242]. Далее, солидаризируясь с М.И. Ростовцевым, он перечисляет в хронологическом порядке сарматские племена по мере их появления в Восточной Европе: языги, затем роксоланы, сираки, аорсы, и аланы [Vernadsky, 1944: 87].

В научном сообществе уже определились, что аланы были несколькими группами самостоятельных и, видимо – родственных народов; при этом этноним «алан» по отношению к аланам Северного Кавказа подразумевал несколько иное этническое содержание. Известно, что Аммиан Марцеллин считал этноним *алан* общим наименованием для многих племён: «Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как это сделали персы» [Amm. Marc. XXXI, 2, 13]. Пересказом данных Аммиана звучит и заключение Г.В. Вернадского: «С распространением господства аланов над обширными территориями их имя стало употребляться не только по отношению к собственно аланам, но и к ряду покоренных ими племён, имевших разное происхождение» [Vernadsky, 1943: 84-90].

---

[241] Конечно, это далеко не так. Во II-III вв. группы аланов оседали на боспорском Танаисе. Оседание их происходило и в соседних поселениях меотов. Для азиатской половины Боспора это явление было настолько распространено, что в государстве пришлось держать целое ведомство «аланских переводчиков». А в Центральном Предкавказье местные аланы создали свою городскую и земледельческую культуру, развитые ремесла, протогосударственное образование.

[242] Сегодня эти утверждения остаются гипотетическими. Ср.: Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 111-125.

5.6.1. Асы, ясы и асуды

Нередко этнонимы *аланы* и *асы* использовались в нарративных источниках (XIII-XIV вв.) как тождественные, указывая на этноним *ас* как самоназвание аланов. По Г.В. Вернадскому, название *ас* широко распространено в степях Тавриды. Многие деревни в Евпаторийском и Перекопском районах в своём названии или части его имеют частицу *-ас* (Ас, Кучук-ас, Терекли-ас и др.) На севере полуострова к тому же протекает и река Ас [Вернадский, 2000а: 164]. Этноним *ас* получил распространение и в Скандинавии. Название *Асгард* встречается на Балтийском побережье. В Скандинавии также распространены женские и мужские имена в форме *Ас-Аса* [Хейердал, 2001]. Каким же образом такое количество южных топонимов оказалось в Скандинавии? Ответ Г.В. Вернадского на этот вопрос вписывается в общую концепцию его представления об исторических процессах: «Перенос названия с юга на Скандинавию мог быть следствием утвердившейся традиции. Когда скандинавы возвращались домой в прибалтийские земли, они имели обыкновение давать прежним местам новые имена» [Вернадский, 2000а: 284].

Г.В. Вернадский постарался максимально четко разобраться в племенной номенклатуре иранских народов, что позволило ему считать этноним *яс* производным от русской формы – асы. Это же подтверждается и другими учёными [Ламанский, 1902: 11; Алемань, 2003: 33]. В данном случае речь идёт об иранских кочевых племенах в Центральной и Средней Азии – *асах* и *асианах* Страбона и Трога, которых Г.В. Вернадский отождествлял с *усунями* (Wusun / 烏孫), упоминаемыми во II-I вв. до н.э. китайских хрониках. Он также отождествлял усуней и аланов, считая этнонимы *ас* и *алан* синонимами. Г.В. Вернадский обратил внимание на антропологические черты усуней – голубые глаза и белокурые волосы – черты, указывающие «на их арийское происхождение; вполне вероятно, что они были одним из сарматских племён, возможно, другой ветвью тех же аланов» [Вернадский, 1992: 83–84].

Интересны сведения Г.В. Вернадского о «сармато-аланском» племени *осун*, которое проживало в Джунгарии, географической и исторической области Центральной Азии в Северном Синьцзяне на северо-западе современного Китая. Г.В. Вернадский упоминает в своих работах и народ *осун*, который, согласно ему, проживал в Джунгарии [Вернадский, 1992: 103]. Эти сведения представляют интерес в контексте народа со схожим названием *асуды*, с явно выраженными европеоидными чертами лица, который этнографы зафиксировали во внутренней Монголии. Принято считать, что *асуды* – это потомки той части аланов, которые мигрировали на восток в ходе татаро-монгольских завоеваний на Северном Кавказе [Очир, 2016: 15-17].

Яфетическая теория Н.Я. Марра, приверженцем которой являлся Г.В. Вернадский, считала осетин результатом смешения яфетических и иранских племён. Он же полагал, что осетины произошли от кавказских аланов и продолжали именоваться аланами в византийских источниках; в русских летописях они были больше известны как ясы [Вернадский, 2000а: 375–376]. По сути же, Г.В. Вернадский первым высказал мнение об осетинах как этнической общности, в этногенезе которой приняли участие местные (яфетические), автохтонные племена, или так называемый субстрат, и пришлые аланские племена (суперстат). Это же точка зрения о двуприродности происхождения осетин впоследствии была обоснована В.И. Абаевым в его докладе на сессии по этногенезу осетин, состоявшейся в 1966 г. во Владикавказе, и впоследствии была подтверждена данными палеогенетики [Коробов, 2019: 138, 141].

5.6.2. Аланы в I–IV вв. Участие групп аланов в походе на Запад

Большое внимание в своих трудах Г.В. Вернадский уделил политической истории аланов, известных в русских источниках как *ясы, асы*, в грузинских летописях – *овсы* или *осы*. Во втором томе «Истории России», посвящённой

Киевской Руси, он тщательно исследует славяно- и русско-кавказские отношения, подробно рассказывает об истории Кавказа, научном значении этой историко-этнографической области для России, о народах Кавказа, которые исторически поддерживали наиболее тесные контакты со славянским (русским) миром [Вернадский, 2000а: 375]. Согласно Г.В. Вернадскому, аланы выступали как связующее звено между славянами и иранским миром, а история славян через аланов уходила вглубь веков вплоть до сарматов и скифов. Подобная постановка вопроса позволяла связать славян с культурами, предшествующими им в ареале, подобно тому, как культура Рима являлась предтечей современной культуры Италии. Г.В. Вернадский считал, что одной из причин тесных связей аланов и славян является «факт» их длительного совместного проживания в районе Дона: «Из всех народов, которые вторгались в южную Русь в сармато-готский и гуннский периоды, аланы пустили наиболее глубокие корни на Руси и вошли в наиболее тесную связь с местным населением – в особенности со славянами, нежели какое-либо иное кочевое племя» [Вернадский, 2000а: 152][243]. Основной территорией расселения аланов были степи Северного Кавказа к северу от Дарьяла (от перс. *Дар-и-алан* – «Ворота аланов»). В I в. н.э. они занимали обширную степь между Азовским и Каспийским морями [Всемирная ..., 1956: 716, 68].

Длительное время истории аланских походов в Западную Европу не уделялось должного внимания. «В большинстве работ, посвящённых эпохе переселения народов, – писал в 1922 г. М.И. Ростовцев, – роль сарматов, и в особенности аланов, в завоевании Европы почти игнорировалась. Однако мы не должны забывать, что аланы долгое время проживали в Галлии ... что они вторглись в Италию, вместе с вандалами перешли в Испанию и захватили Северную Африку ...» [Rostovtzeff, 1922: 237]. Но даже после этой заявленной позиции М.И. Ростовцева, понадобилось ещё пять десятилетий для того, чтобы научное сообщество еще раз могло обозначить важную роль аланов, сыгранную

[243] Единичные свидетельства контактов населения Нижнедонского региона со славянами (например, вещи круга восточноевропейских выемчатых эмалей) указывают как раз на обратное – отсутствие на Нижнем Дону сколь-нибудь существенного славянского массива.

ими в истории Европы. Реплика Г.В. Вернадского, который в 1963 г. писал, что «до сих пор не появилось ни одного значительного исследования по истории аланов на Западе» [Vernadsky, 1963: 421], была «услышана» американским исследователем Б. Бахрахом. В 1973 г. в издательстве университета Миннеаполиса (Миннесота, США) вышла его книга «История алан на Западе». Затем были и работы других авторов, но на тот момент монография Б. Бахраха являлась наиболее полноценным исследованием по данной тематике. Но вначале все же этот пробел постарался заполнить сам Георгий Владимирович.

История аланов на Западе по Г.В. Вернадскому раскрывается в «Древней Руси» и начинается с события, которое положило начало эпохе Великих миграций, а именно – с гуннского нашествия, разгрома ими аланов-танаитов, и вовлечения их в миграционные потоки далее на Запад. По мнению Г.В. Вернадского, то, что гунны форсировали Волгу в 360 г., является смелой реконструкцией, которую невозможно проверить даже на основе современного корпуса данных. То, что аланы-танаиты не смогли им противостоять, при этом часть их вошла в состав армии гуннов, подтверждается современной археологией, но пассаж о том, что другая часть аланов «ушла на Северный Кавказ, чтобы покорить тех своих соплеменников, которые проникли туда намного раньше» [Вернадский, 1992: 219], остается утверждением, не подтвержденным никакими фактами.

Рассказ Г.В. Вернадского сопровождается характеристикой вождей гуннов – Руа, добившегося до 434 г. немалых успехов в деле централизации разрозненных гуннских орд, и одного из его племянников – Аттилы, при котором Гуннская держава достигла апогея своего могущества [Вернадский, 2000а: 156]. После живописного описания образа Аттилы, следует изложение предшествующих событий: разгром гуннами остготов (остроготов), бегство на запад вестготов (визиготов) и война между аланами и остготами. На рубеже IV–V вв. отряды гуннов, аланов и готов, привлекались императором Римской империи Феодосием I (379-395) и фактическим правителем Запада в 395-408 гг. Стихилоном для того, чтобы отразить атаки ряда, в основном германских

племён, тем самым оттянув во времени гибель Западной Римской империи. На практике варвары оказались лучшими воинами, нежели деморализованное местное население. При императоре Грациане (375-383) в Риме существовала наделённая землёй особая аланская гвардия, пользовавшаяся к тому же более благосклонным отношением со стороны императора. Римский историк Секст Аврелий Виктор писал о Грациане следующее: «Он пренебрегал военным делом и предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал (в народе) в варварском одеянии, чем вызывал к себе ненависть среди солдат» [Аврелий Виктор, «Извлечения ... », гл. 47]. Наиболее долговечным оказался союз группы аланов с германским племенем вандалов. В 406 г. аланы и вандалы двинулись из Подунавья в Галлию. При этом «дальнейшие войны Западной аланской орды оказали большее влияние на историю Европы и Африки, чем на Россию» [Вернадский, 1996: 221].

Много внимания Г.В. Вернадский уделил и политическим событиям, происходившим в последнее столетие существования Римской империи на западе, их напряженному характеру, обращениям римлян за поддержкой к империи гуннов на Дунае. Так, после смерти императора Гонория для поддержки кандидатуры нового императора Иоанна в 423 г. правитель гуннов Руи обещал римскому полководцу Флавию Аэцию военную помощь силами гуннов и аланов. И хотя помощь оказалась запоздалой, и к власти пришёл племянник Гонория Валентин, присланные из Константинополя войска под предводительством алана Ардавура урегулировали конфликт и тем самым спасли жизнь Аэцию. Последний и потом не раз обращался за помощью к аланам в борьбе с различными германскими племенами, которые в качестве вознаграждения за поддержку Аэция получали земельные наделы в районах Норбонны и в Арморике, провинции на севере Франции [Вернадский, 2000а: 167]. Деяниям Флавия Ардавура Аспара Г.В. Вернадский посвятил отдельную работу, о которой упоминалось выше [Vernadsky, 1941: 38-73].

Основные силы аланов, прибывшие на территорию Галлии, были разделены на две группы. Одна часть во главе с вождем галльских аланов Гоаром (410 — между 448 и 451) осталась в районе Орлеана. Гоар заключил с Аэцием соглашение, по которому, в обмен на службу Риму, аланам были предоставлены здесь земли. Деятельность Гоара на службе Риму не осталась вне внимания хронистов (Олимпиодор Фиванский, Григорий Турский, Констанций Лионский), которые сохранили некоторые подробности его биографии. Успешность аланов как римских федератов заключалась еще и в том, что римская администрация постепенно начала селить аланов в разных регионах Галлии. К примеру, в 435-436 гг. вождь аланов Самбид отбросил бургундов и вестготов от Нарбонны в Южной Галлии, за что в 440 г. получил от римской администрации земли для поселения близ Нарбонны, столицы региона Лангедок. Гоар, который согласно Г.В. Вернадскому, в 414 г. помог Паулину Пеллу при осаде вестготами Атауальфа г. Базас, получил для своих дружинников земли между реками Луарой и Сеной, в Арморике [Вернадский, 2000a: 157]. Некоторые историки при этом сомневаются в том, что аланский царь, который помог Пеллу, мог быть Гоаром [Алемань, 2003: 210-211]. В любом случае, топонимия Франции зафиксировала пребывание аланов на этой территории: «река с названием Дон является притоком другой реки – Виден» [Vernadsky, 1944:13]. Вполне вероятно, что аланы, обосновавшиеся в этом районе, дали протекавшей здесь же реке название реки, в бассейне которой раньше жили.

Г.В. Вернадский в своих работах постарался охватить наиболее интересный материал об аланах в Галлии, Испании и Африке, отмечая и зыбкость союзнических отношений между различными племенами варваров. После прибытия на территорию Галлии одна часть аланов, верная союзу с вандалами, в 409 г. вместе с ними двинулась на Пиренейский полуостров. Как свидетельство аланской колонизации Испании Г.В. Вернадский указывает на название г. Антии [Вернадский, 2000: 153]. «За ними последовали на юг Испании, близ Тартеса (совр. Кадис), многочисленные вестготы, которые в 418

г. нанесли сокрушительное поражение аланам; в состоявшейся битве их царь Аддак был убит, а аланская орда получила настолько сильный удар, что её остатки теперь смешались с вандалами» [Вернадский, 2000: 154]. Испанский епископ и хронист Гидаций (или Идаций) живший в V в. написал сочинение описывающее некоторые события, происходившие в период с 379 по 468 гг. Несмотря на небольшой объем, его работа стала главным источником по изучению истории вторжения варваров – аланов, вандалов и свевов в Испанию в 409 г. Из его труда следует, что, заняв Испанию, аланы, согласно жребию, обосновались в провинциях Лузитания и Карфаген (Картахена), Галлецию заняли вандалы и свевы, расположившись на западе у океана, а вандалы-силинги – Бетику. Согласно ему же, «Испанцы, живущие в городах и кастеллах, под ударами варваров в провинциях, где они господствовали, обратились в рабов» [Античные …, 2006: 102]. Такое положение дел сохранялось вплоть до вторжения вестготов в Испанию в 418 г., в борьбе с которыми аланы потеряли не только своего вождя Аддака, но и подверглись небывалому избиению. «Аланы, которые властвовали над вандалами и свевами, – пишет Гидаций, – до такой степени были порублены готами, что после гибели своего царя Аддака те немногие, что уцелели, ввиду того, что имя их царства было уничтожено, отдались под покровительство вандальского царя Гундериха, который обосновался в Галлеции» [Античные …, 2006: 103].

Под натиском вестготов вандалы и аланы в 427 г. переплыли Гибралтар и основали в 439 г. на севере Африки Алано-Вандальское королевство со столицей в Карфагене Первым королём вновь образованного королевства стал вандальский вождь Гейзерих. Отныне Гейзерих и последующие правители именовали себя *rex Wandalorum et Alanorum*, или *королями Вандалов и Аланов*. Согласно Прокопию, к VI в. аланы слились с вандалами, и в последующих хрониках отдельно не упоминались. Королевство просуществовало более ста лет, и играло важную роль в средиземноморском регионе, пока в 534 г. не рухнуло под натиском войск Велизария, полководца византийского императора Юстиниана. Ссылаясь на труды зарубежных коллег, В.А. Кузнецов сообщает,

что число переправившихся варваров составило 80 тыс. человек. При этом он пишет, что «одна часть алан осталась на полуострове, соединилась с вестготами и дала своё имя области «Гото-Алания» или Каталония» [Кузнецов, 1992: 33].

Еще одно важное обстоятельство, на котором акцентировал внимание Г.В. Вернадский, заключалось в том, что аланы в Галлии действовали самостоятельно. Оказавшись в сложном положении после смерти императора Гонория в 423 г., Флавий Аэций все же смог установить дружественные отношения с вождями аланов и гуннов и привлек их в качестве союзников против бургундов, вестготов и других германских племён. Поддерживаемые Аэцием гуннская и аланская армии представляли грозную силу. В качестве доказательства участия в их рядах славянских отрядов Г.В. Вернадский привел пример, согласно которому византийское посольство по пути в ставку Аттилы угостили напитком *медос* (медовуха? – А.Ч.), в то время как слугам был предложен другой напиток, изготовленный из ячменя – *хамос*, что, по мнению учёного, соответствует славянскому квасу. Впрочем, рецепты и принадлежность этих напитков определенной национальной кухне остаются предметом дискуссий.

Не обошлась без участия аланов и знаменитая «Битва народов», которая состоялась 20 июня 451 г. на Каталаунских полях в Галлии. Тогда в ней столкнулись войска Западной Римской империи под началом Флавия Аэция в союзе с армией Тулузского королевства вестготов, и коалицией племён гуннов и германцев под началом Аттилы. И если бок о бок с гуннами Аттилы сражались аланы, пришедшие с ними с Востока, то в рядах римских войск, возглавляемых Аэцием – «ненадежные аланы Арморики», как их почему-то называет Г.В. Вернадский [Вернадский, 1992: 224], хотя, по данным других источников, в самом начале битвы Аэций поставил аланов на очень важном стратегическом направлении. Целью этой битвы было стремление остановить нашествие гуннов на Римскую империю. Римляне в той битве одержали победу, хотя, как показали дальнейшие события, Аттилу они остановить не смогли.

После смерти Аттилы (453 г.) власть перешла к трём его сыновьям, которые не унаследовали административных и лидерских качеств отца. Г.В. Вернадский подробно описал неудачные попытки сыновей Аттилы – Эллака, Денгизика и Эрнака сохранить единство гуннов. Завоёванные гуннами народы сформировали коалицию главным образом германских племён, сплотившую *ругов, гепидов и герулов,* и восстали против гуннов. Остготы не поддержали эти племена. Эллак погиб в схватке с восставшими, Денгизик и Эрнак с оставшимися им верными отрядами ушли на восток от ядра прежней Гуннской державы, располагавшегося в степях (пуште) Потисья.

В ходе этих передвижений группировка, куда входила и часть аланов, возглавляемая царем Кандаком, поселилась в Малой Скифии и Нижней Мёзии (совр. Добруджа и северо-восток Болгарии). Секретарем Кандака был Париа, родной дед знаменитого готского историка Иордана. Споры о происхождении Иордана не прекращаются до сих пор. Согласно мнению части специалистов, отец и дед его были аланами, а по матери он был гот[244]. Также существует предположение, что Иордан был епископом Кротонским[245]. По сохранившемуся же преданию, Иордан служил родне матери, и именно поэтому его и называют готским историком.

Между тем нарастающая конфронтация гуннов Денгизика и Эрнака с Византийской империей переросла в так называемую Дунайскую войну 468–469 гг., причиной которой послужил отказ Константинополя в открытии дунайских рынков для гуннских торговцев – обычный предлог для войн кочевников Степи с оседлыми влиятельными соседями. В 468 г. Денгизик форсировал Дунай и вторгся во Фракию, где гунны потерпели поражение от войск византийского полководца Анагаста, а Денгизик был убит в битве [Вернадский, 2000а: 247]. Последствием поражения гуннов стало их отступление далее на восток, а земли близ Нижнего Дуная и к востоку от Карпат были открыты для славянской колонизации [Вернадский, 2000а: 247].

---

[244] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. 2-е изд. СПб.: Алтейя, 2013. С. 10-17 (506 с.)
[245] *Ibid*.

5.6.3. Аланы на Кавказе после V в.

Не все аланские племена двинулись на Запад в результате вторжения гуннов в южнорусские степи. «Одна, наиболее значительная их часть отступила на Север, ближе к области Верхнего Донца, которая контролировалась аланами и ас-славянами ещё до 370 г.». Другая же часть аланов двинулась на Северный Кавказ, усилив тем самым «братьев по крови, которые проникли туда задолго до этого» [Вернадский, 2000а: 146][246].

Представляет интерес территория, которую аланы занимали на Северном Кавказе «после ухода гуннов». Согласно Г.В. Вернадскому, в основном это была местность Малороса между средним течением р. Кубань и Кавказским хребтом[247], и далее на восток до Дарьяльского ущелья. Здесь была сосредоточена основная масса аланов, разделённая на кланы и племена. Эта часть аланов, согласно ему, быстро организовалась «после случившегося потрясения»[248], и уже к V–VI вв. они создали протогосударственные структуры, чему способствовало и то, что: «Контролируя большую часть горных проходов в западной и центральной частях Кавказской гряды, аланы владели стратегическими позициями на путях из Северного Кавказа в Закавказье» [Вернадский, 2000а: 208][249]. «В VI в. один из аланских племенных вождей присвоил себе высшую власть над всем народом. Его звали Саросий. ... Менандр называет его «предводителем *(hegumenos)* аланов», что, несомненно,

[246] Здесь мы в очередной раз видим показательный пример того, как недостаток источников Г.В. Вернадский компенсировал реконструкциями, исходя из общего понимания им исторических ситуаций и процессов. Никаких данных о движении масс аланов-танаитов к верховьям Северского Донца нет и сейчас, а присутствие здесь мощной аланской группировки относится к эпохе салтово-маяцкой культуры, что ныне объясняется переселениями с Кавказа после арабских походов 730-х гг. Не было и не появилось конкретных фактов и о притоке в гуннское время степного населения в зону северокавказских аланов.

[247] Археология не подтверждает присутствия носителей аланской культуры в это время западнее Кисловодской котловины.

[248] Никаких «потрясений» гуннского времени на Северном Кавказе не зафиксировано. Однако до недавнего времени господствовало представление о тотальных разгромах, учиненных гуннами на огромных территориях, что стало общераспространенным штампом, общим местом, которого не избежал и Г.В. Вернадский. Но все больше становится известно комплексов гуннского времени (Брут, Лермонтовская скала и др.), свидетельствующих о богатстве элиты кавказских аланов и ее причастности «высокой моде» той эпохи.

[249] Этот общественно-политический и экономический уровень был достигнут не позже III в. н.э. О государственности в Кавказской Алании можно говорить уже для второй половины II – IV в. н.э., т.е. задолго до нашествия гуннов [Малашев, 2014].

является переводом с иранского словосочетания *Sar+Os*, т.е. «глава асов» [Вернадский, 2000а: 207].

Контроль аланами большинства стратегически важных горных проходов в Западной и Центральной частях Кавказского хребта, заставлял сильных соседей считаться с Аланией и её правителями. При Саросии особо возрос авторитет аланского царя на международной арене. Г.В. Вернадский пишет о дружественных отношениях Саросия с Византией и позитивных последствиях его политики, о взаимоотношениях с другими соседними странами. Вектор внешнеполитических ориентиров Саросия в закавказском направлении был нацелен на две могущественные империи того времени: Персидскую и Византийскую. Было время, когда Саросий поддерживал персов в войне против Лазики в 541 г., но все же, ориентировался на Византию, что, конечно же, политически было дальновиднее [Вернадский, 2000а: 208]. О том, что земли аланов простирались вдоль Кавказского хребта, а также включали в себя важнейший Дарьяльский проход в Закавказье, свидетельствует и его название *Dar-in-Alan*, что значит «Врата аланов».

С середины VII в. по середину X в. на Северном Кавказе усиливает свои позиции Хазарский каганат, который становится основной политической и военной доминантой в регионе наряду с Арабским халифатом. Географически каганат и зона его влияния охватили почти всю Степь и Лесостепь от Поволжья до Поднепровья, а также Северный Кавказ. По мнению ученого, после падения Великой Булгарии[250], в 660-х гг. ираноязычные асы были сосредоточены в трех районах: западная группа в области Нижнего Дуная, восточная группа в районе Нижнего Дона[251], и асы (осетины) на Северном Кавказе. Последние две группы асов-антов (восточные и северокавказские) вошли в состав Хазарского каганата. При этом в состав восточной группы асов, по мнению Г.В.

[250] Великая Булгария – в византийских источниках 8-9 вв. – область проживания нескольких групп булгар в VII в. в Восточном Приазовье, что согласуется с данными т.н. Армянской географии 7 в. В современной историографии так называется и военно-политическое объединение булгар в этом регионе в 630-660-х гг. Есть и гипотетические реконструкции этого объединения как значительно более обширного (до Среднего Поднепровья) и главной силы на юге Восточной Европы до хазарских завоеваний. Видимо, на одну из таких гипотез ориентировался и Г.В. Вернадский.

[251] Памятники археологии в этих регионах, подтверждающие версию Г.В. Вернадского, нам неизвестны.

Вернадского, входили и славянские племена (асы-славяне). Со временем их стало так много, что в IX–X вв., в некоторых источниках река Дон получила название «Русская», или «Славянская» река [Вернадский, 2000а: 268].

Далее по Г.В. Вернадскому две первые группы аланов вскоре потеряли свою самостоятельность, северокавказские же асы (аланы) признали господство хазар, оказались в вассальной зависимости от каганата, и, сохранив при этом автономию, оказались важной военной силой Хазарии [Вернадский, 2000а: 267–268]. В качестве подтверждения важной роли аланов в каганате, Г.В. Вернадский ссылается на византийского императора Константина VII Багрянородного [Вернадский, 2000а: 293]. Предположение Г.В. Вернадского о том, что «правитель Алании» мог быть русским (скандинавским) каганом [Вернадский, 2020: 195], малоубедительно, поскольку император говорит не только о «правителе Алании», но и об Алании в целом и собственно аланах, которых сам учёный не отождествляет с русами.

В первое столетие нахождения в составе Хазарского каганата аланские и славянские племена жили в области Нижнего Дона[252] «в довольстве и мире под защитою хазар». В хазарской армии был даже асо-славянский контингент. Их призывали на помощь при необходимости охраны горных проходов Кавказа от нападений арабов. Однако со временем охранники проходов не могли сдерживать натиск арабов. В 737–738 гг. последние прорвали оборону аланов, прошли по всему Северному Кавказу, полонили все на своем пути и увели с собой обратно 20 тыс. пленников (аланов и славян), которых впоследствии расселили в Сирии [Вернадский, 2000а: 269].

Хазарский каганат был заинтересован в тесных связях с аланами. И хотя последние были данниками кагана, и, помимо прочего, были обязаны участвовать в военных операциях каганата, отношение к ним было

[252] По современным разработкам, северный аланский компонент салтово-маяцкой культуры (культуры Хазарского каганата), для которого показательны катакомбные могильники и некоторые типы инвентаря, локализуется, наряду с другими компонентами, в рамках лесостепного варианта – в бассейнах Северского Донца, верхнего и среднего течения Оскола, долине р. Тихая Сосна. Славянские памятники (сахновско-волынцевские, роменские, боршекские) расположены севернее и западнее. На Нижнем Дону нет ни тех, ни других.

благожелательным. Наличие в вооруженных силах и в администрации каганата представителей аланов Г.В. Вернадский подкрепляет несколькими примерами. Согласно ему, одни асы продвинулись по административной лестнице, другие же показали себя в военном деле. Некоторые же из асов «становились командирами высшего ранга (тарханами). Среди самых известных асов того периода история сохранила два имени. Одному из асских тарханов была отдана под командование крепость неподалеку от хазарской столицы Итиль. Другой ас по имени Юри был влиятельным чиновником в Сугдее (Сурож) в Крыму в конце VIII в.» [Вернадский, 2000а: 268]. Алано-славянский отряд возглавлял предводитель, известный как Ас-тархан (вождь, командир отряда аланов). По предположению Г.В. Вернадского, Ас-тархан впоследствии дал своё имя городу Астрахань [Вернадский, 2000а: 228].

В одной из своих последних книг под названием «Древности Алагирского ущелья» (2016) В.А. Кузнецов, в свете новых материалов, рассматривает вопрос о времени массового заселения ущелий Центрального Кавказа. Если до недавнего времени в исторической литературе причиной заселения считались последствия татаро-монгольского разгрома Алании, то в данной своей работе В.А. Кузнецов выдвинул и обосновал новую версию, согласно которой первое массовое заселение аланами Алагирского ущелья произошло в VII–IX вв., в период вхождения Алании в состав Хазарского каганата. Сложившиеся обстоятельства требовали усилить Касарский проход охранными отрядами против угрозы арабов проникнуть через него на север. Поэтому в район будущей Военно-Осетинской дороги (Касарское ущелье) хазарами был переброшен значительный контингент аланских воинов, который остался здесь на постоянной основе. Эта версия первого массового переселения аланов в горы Центрального Кавказа имеет право на существование, хотя археологические данные говорят об еще более раннем заселении аланами горной зоны современной Осетии. Как пример можно привести результаты раскопок крупных могильников в Архоне, Дагоме (VII–VIII вв.) и Даргавсе (VII – XII вв.). Обеспокоенность хазар на фоне усиления военной мощи арабов

подтверждает и Г.В. Вернадский, который писал: «Южная граница государства (хазар. – А.Ч.) проходила приблизительно по Главному Кавказскому хребту. Дарьяльское ущелье в середине Кавказского хребта охранялось асами (аланами), которые были подданными хазар» [Вернадский, 2000а: 227–228].

5.6.4. Аланы в эпоху Киевской Руси

Отметив, что аланы первоначально занимали значительную часть южнорусских степей, а также приазовские и северокавказские степи, Г.В. Вернадский заключил, что в эпоху Киевской Руси, печенегов и половцев, их территория была намного урезана, и аланы представляли собой всего несколько мелких групп. В эту эпоху наиболее крупными территориями расселения аланов были – современная Осетия (Северная и частично Южная) и бассейн Дона. Кроме них отдельные мелкие группы аланов были разбросаны вдоль побережья Азовского моря от устья Дуная до Тмутаракани, а также на части территории Крыма [Вернадский, 2000б: 376]. Ослабление Хазарского каганата и его последующее падение произошло в середине X в. В 965 г. после взятия главной крепости хазар Саркел (впоследствии Белая Вежа) русский князь Святослав атаковал хазар; результатом этого действа стало подчинение Святославу ясов (осетин), проживавших в бассейне Нижнего Дона [Вернадский, 2000б: 52]. Тогда же Кавказская Алания обрела независимость.

В монографии, посвящённой Киевской Руси, Г.В. Вернадский описывает всю картину межплеменных отношений после вступления скандинавов в регионы Северского Донца и Нижнего Дона. Этот регион, заселённый асами и антами в сарматское и гуннское время, по Г.В. Вернадскому был известен эллинам под собирательным названием «Великая Скифия». Сказанное выше он подкрепляет фольклорным материалом и топонимикой. В действительности, в скандинавской «Саге об Инглингах», из-под мифологического покрова всплывают смутные очертания раннесредневековой истории края. Согласно

саге, «земля в Азии к востоку от Танаквиса (Танаиса) называлась Асландом или Асхеймом, а главный город этой земли назывался Асгард (Ас-Град, т.е. город асов)» [Вернадский, 2000а: 283]. Интерпретируя этот фрагмент, Г.В. Вернадский продолжает: «Ас-Града можно достичь, если пересечь Дон в восточном направлении; он, должно быть, располагался на восточном или юго-восточном берегу Азовского моря, возможно, в устье Кубани, где есть гора, которая до сих пор называется Ас Даг («Гора Асов»). Если так, то Ас-Град был в той местности (или рядом с ней), что и Малороса и Тмутаракань» [Вернадский, 2000а: 283]. И далее логика подсказывает автору следующее: «Мы можем добавить к этому, что название Ас-Град, которое происходит от Азовского моря, появилось позднее в Балтийском регионе. Этот второй Ас-Град или Асгард на берегах Западной Двины известен сейчас как Асхераден. Наименование этого второго Ас-Града нетрудно объяснить. В то время как конечным пунктом древнего варяжского пути от Балтийского до Азовского моря было устье Дона, его началом явилось устье Западной Двины» [Вернадский, 2000а: 283]. В данном случае перед нами типичный пример использования Г.В. Вернадским фольклорного текста как исторического документа. Как полагает Г.В. Вернадский, варяги, отправлявшиеся на восток, не оставались там навсегда. Разбогатев, они возвращались обратно в прибалтийские земли и имели обыкновение давать прежним местам новые названия, которые напоминали им о сказочной стране их подвигов и приключений [Вернадский, 2000а: 283]. Не случайно, что сегодня в Скандинавии имеется немало имён, начинающихся с этнонима ас: женское имя Аса, которое в IX–X вв. носили норвежские княгини, мужские имена: Асмунд, Аскольд и др. Завершая параграф, Г.В. Вернадский заключил: «Несмотря на то, что азовские скандинавы освоились с именем асов, со временем они приняли название русов, потому государство, которое они основали в Азовском регионе, впоследствии стало известно как Русский каганат» [Вернадский, 2000а: 287–289][253]. С усилением княжеской власти в Киеве окружение князя (дружина)

[253] Есть и другие гипотезы, объясняющие связь Асгарда с Танаисом, в т.ч. без привлечения аланских сюжетов.

стала основным катализатором для формирования новой аристократии – бояр. Аланы, наряду с касогами, мадьярами, были в составе этой дружины. Аланы и черкесы составляли важный элемент и в дружине Мстислава Тмутараканского.

Учёный не обошёл стороной и столь важный факт, как принятие Аланией христианства около 916 г. Об этом историческом моменте в судьбе Алании Г.В. Вернадским написано всего одно предложение, но и оно даётся с некоторыми упущениями. В частности, он писал: «В Киевский период стало распространяться христианство среди осетин и касогов посредством миссионеров-грузин, армян, византийцев, а затем – через Тмутаракань» [Вернадский, 2000б: 377]. Аланы-осетины действительно приняли христианство именно в Киевский период, однако приводимый учёным перечень посредников нуждается в уточнении.

Исторических свидетельств, говорящих о раннем периоде христианства в Алании (до 916 г.), не так уж много. В этом контексте стоит упомянуть работу Ю.А. Кулаковского «Христианство у алан», которая была опубликована в 1898 г. в журнале «Византийский временник». На стенах одного из склепов, найденных в 1890 г. на горе Митридат в центре Керчи (Пантикапея), сохранились фрески с греческими надписями, которые датируются 491 г. Одна из надписей гласила: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй раба своего Савагу и Фиаспарту». Ю.А. Кулаковский признал эти имена антропонимами восточноиранского (осетинского) происхождения, что, по мнению ученого, свидетельствует «о сарматской национальности христиан, похороненных в когда-то в нашей катакомбе» [Кулаковский, 1891: 1-25]. Он также пришел к выводу, что и «после прекращения обращения Босфорского царства в половине (середине – А.Ч.) IV в. по Р. Хр., там продолжало жить местное, но уже христианское население: культурная жизнь там продолжалась до конца V в: анализ имен, погребенных в катакомбе[254] двух христианских

Впрочем, все они столь же умозрительны.

[254] Скорее всего, автор имел в виду склепы, но никак не катакомбы.

покойников – свидетельствует об их иранском – сарматском корне» [Багалей, 1914: 61-62].

Вполне возможно, что часть крымских аланов приняла христианство задолго до того, как оно стало господствующей религией в собственно Алании. И именно Хазария, а если быть точнее, то противостояние с ней Алании, способствовало тому, чтобы Алания под непосредственным воздействием византийских миссионеров приняла христианство. В начале X в. Хазария, в подчинении которой была Алания, стала быстро клониться к упадку, что позволило её основному сопернику на юге – Византийской империи проводить более активную политику в отношении северных территорий. Византии нужна была относительно более сильная и влиятельная Алания в качестве противовеса Хазарии, и начала она проводить эту политику именно с популяризации в Алании христианства.

Следствием такой политики явилась христианизация аланов, которую обычно приурочивают к началу X в. Конечно, ни о каком внезапном и единовременном «крещении» тогда не могло быть и речи, и процесс внедрения христианских представлений в религиозное сознание аланов надо представлять себе как длительный и постепенный. Народное предание относит его начало ко времени Юстиниана I, связывая с его именем, например, дигорское святилище *«Jusi-dzuar».* В пользу такой ранней датировки можно было бы привести и вариант текста Прокопия Кесарийского, согласно которому аланы называются не «друзья христиан и ромеев», а прямо «христианами и друзьями ромеев». Однако, эта народная датировка популярным на всем Кавказе именем Юстиниана, скорее всего, является лишь легендарной, подобно «золотой» эпохе правления грузинской царицы Тамары; не исключена возможность и переноса этой условной датировки на царствование Юстиниана II (начало VIII в.). Как раз к началу VIII в. (713 г.) относит начало христианства в Алании и позднее (XVII в.) церковное предание (патриарх Досифей), называющее даже имя епископа аланского Федора, но не подкрепленное никакими историческими аргументами [История …, 1939: 437].

Привлекательность христианства для аланов, как, впрочем, и для нехристиан заключалась в том, что христианство было неким «пропуском» в «цивилизованный мир». Оно давало право варварским народам чувствовать себя причастными к Византии, её культуре и величию. В то же время христианизация варваров давала Византийской империи определенную власть над ними, прежде всего духовную, которая позволяла с помощью «братьев во Христе» обрести союзников на границах империи. Вновь обращённые христиане становились паствой византийского патриарха, и Империя опекала их всеми доступными способами. Процесс распространения христианства в Алании Византия проводила посредством своих миссионеров, которых в начале X в. непосредственно контролировал константинопольский патриарх Николай Мистик. Деятельную помощь византийской миссии оказал царь Абазгии (Абхазии) Григорий. В результате дело завершилось созданием Аланской христианской кафедры, а вслед за этим в 920–925 гг. – принятием христианства Западной Аланией [Кузнецов, 1992: 306–328]. В благодарственном письме в адрес абхазского царя Григория Николай Мистик писал: «Мы узнали от некоторых лиц, которым известна твоя храбрость, что ты, следуя учению Божьему, приложил много труда, чтобы просветить правителя Алании и всех тех, которые вместе с ним оказались достойными святого крещения». Из этого сообщения видно, что Алания приняла христианство в самом начале X века и что непосредственное участие в этом деле принял правитель Абазгии [Сведения, 1952: 214, 217]. Речь, конечно же, не идет о всем аланском народе, и это обстоятельство получает неожиданное уточнение со стороны Ибн Русте, который в 922 г. отмечал, что у аланов князья – христиане, а подданные – язычники [История ..., 1939: 438].

Тогда же, в период наиболее сильного влияния Византии на Аланию, аланы выступили против хазар. Хазарский царь Аарон II привлек против них тюрок-огузов, разгромил аланское войско, а самого царя аланов захватил в плен. Но далее Аарон II, поступил как умный, дальновидный политик. Он не хотел делать из аланов врагов и использовал свою победу для возвращения их к

союзу с Хазарией. Аарон II оказал большой почет плененному аланскому царю и закрепил союз с аланами браком своего сына Иосифа с дочерью аланского царя. Вероятно, результатом поворота в отношениях аланов к Византии, последовавшего за этой военной и дипломатической победой хазар, было изгнание из Алании епископа и священников, присланных из Византии, о чем сообщает аль-Масуди. По его словам, князья аланские, исповедовавшие христианство, после 932 г. отреклись от этой веры [История …, 1939: 424-425].

Вопреки клерикальной традиции о процветании христианства у аланов и других предгорных и горных племен Кавказа, ни для какого-либо периода исторические памятники такого «процветания» не обнаруживают. Так в XIII в. аланы называются христианами лишь по имени, священники у них местные без рукоположения (*Аланское послание Федора* 1240 г.); рядом с суеверным почитанием креста и соблюдением воскресения отмечаются лишь самые смутные понятия о догме и обрядах (доминиканец Юлиан) [История …, 1939: 424-425]. Патриарх Николай в письме, по-видимому, к первому аланскому епископу Петру, советует учитывать это двойственное состояние, допуская строгость в отношении «простых людей», но соблюдая крайнюю осторожность в отношении людей знатных и властных, «чтобы не отвратить от христианства весь новоприобретенный для церкви народ». Осторожность, как оказалось впоследствии, была отнюдь не излишняя, так как через несколько лет (932 г.) аль-Масуди отмечал отказ аланских князей от христианства, о чем говорилось выше. Свидетельство Масуди вряд ли можно относить ко всей Алании: вероятно лишь какая-то часть князей, стоящая в оппозиции к византийско-абхазской ориентации, под давлением хазар, по-видимому, временно отказалась от недавно усвоенного феодальной верхушкой христианства. О том, что Алания и после этого считалась христианской, можно заключить из того, что к концу того же X в. в так называемом *Notitiae episcopatuum*[255] она повышается в ранг митрополии, занимая по достоинству шестьдесят первое место,

[255] Списки епархий Константинопольского патриархата см.: Notitiae Episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzes. Paris: Institut français d'études byzantines, 1981. 521 p.

непосредственно вслед за Русью, в то время как древняя в своем христианстве Авазгия остается лишь епархией. Ясно, что и в этом сказывался не удельный вес полухристианской аланской церкви, а те политические расчеты, которые связывали византийские императоры со своими «духовными чадами», аланскими правителями [История …, 1939: 438-439]. Таким образом, ни армяне, ни Тмутаракань к процессу принятия христианства аланами не имеют отношения. Что касается грузинских миссионеров, то через их посредство проходило распространение православного христианства среди восточных аланов (осетин).

Позднее, к XIII в., Алания принимает структуру вполне развитого, даже разлагающегося феодального общества «удельного» типа, как это с исключительной ясностью свидетельствует «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев», совершенном перед 1235 г. По его словам, в «Алании, где жители представляют смесь христиан и язычников, имеется столько местечек столько и князей [скорее, дворян], из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахоты, все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, а в малом числе не могут никак выйти безопасно за чем бы то ни было в течение всей недели, исключая воскресенье, от утра до вечера». Итак, накануне монголо-татарского завоевания, разложение патриархальных форм общежития, традиционного гостеприимства и т.д. зашло уже так далеко, что шестеро венгерских монахов «пробыли в этой стране шесть месяцев в величайшей нужде, так что не имели ни хлеба, ни питания, кроме воды. Один из миссионеров, священник, делал ложки и другие вещи, за что получал иногда немного пшена». Трагические, в своей лаконичности строки о том, как христианские миссионеры «постановили двух из своих продать, но не нашли покупщиков, потому что они не умели ни пахать, ни молоть» являются свидетельством политического и общественного

коллапса в Алании накануне татаро-монгольского нашествия [История…, 1939: 444].

Еще одна тема, которой касается Г.В. Вернадский – династические браки между русскими князьями и аланами/ясами. В 1116 г. сын Владимира Мономаха Ярополк привез с Дона в Киев своих сторонников из ясов, и вместе с ними – ясскую княжну, на которой впоследствии женился. Заложенные Ярополком русско-осетинские династические браки получили продолжение в последующем. На ясынях-осетинках были женаты черниговский князь Мстислав Святославич, суздальские князья Андрей Боголюбский и его брат Всеволод III Большое Гнездо (1154–1212) [Вернадский, 2020б: 385]. Всеволод III получил такое прозвище не зря. В браке с ясыней Марией Шварновной у него родилось двенадцать сыновей и дочерей, которые оставили заметный след в русской истории своей духовно-просветительской деятельностью, борьбой с врагами Отечества. Особо прославились внуки Всеволода III Василий Ростовский, замученный татаро-монголами, и знаменитый Александр Невский. Они, вместе с одиннадцатью другими представителями рода Всеволода, были причислены к лику святых Русской Православной Церковью. Сама же ясыня Мария была яркой фигурой в политической и культурной истории средневековой Руси, являлась попечительницей православного Дмитриевского Собора во Владимире, активно занималась благотворительностью [Великая …, 2019]. Однако не все исследователи были согласны с ясским происхождением Марии Шварновны. Так, в статьях, предваряющих Комиссионный список Новгородской первой летописи, говорится: «Мариа Всеволжа Шварновна, дщи князя Чешьского». Компетентный анализ чешских источников позволил З.В. Кусаевой констатировать, что среди представителей правящей династии Пржемысловичей в XII в. «не просматривается» имя «Шварн»; по мнению Н.А. Соболевой, приписывание княгине чешского происхождения – это ошибка летописцев/переписчиков более позднего времени (XVI в.), своеобразно интерпретировавших иранское имя ее отца [Цаллагова, 2021: 88].

5.6.5. Аланы в период монгольской экспансии

Книга «Монголы и Русь» отражает один из наиболее ярких периодов истории, оказавших существенное влияние на всю российскую историю. И если скифов и сарматов по хронологическим меркам можно воспринимать как «глубокая древность», а их влияние на становление славянства можно рассматривать исключительно гипотетически, то монгольское нашествие, его дальнейшее влияние на ход славянской истории трудно переоценить. Именно поэтому Г.В. Вернадский счел нужным отразить этот исторический период не фрагментарно, как в случае с номадами древности, а посвятить этому исследованию отдельный том. Но и здесь не обошлось без «иранцев», в частности аланов, которые опять-таки выступили связующим элементом, на этот раз между монголами и славянами. Книга, как и остальные, насыщена историческими фактами, лингвистическими параллелями и созвучными ассоциациями, и в этом она схожа практически со всеми работами Г.В. Вернадского. Схожей с другими сочинениями ее делают также большое внимание к различным деталям и стремление максимально охватить весь спектр доступных источников. Евразийский подход к написанию истории России наиболее полно был продемонстрирован Г.В. Вернадским при работе именно над этим изданием.

Генеалогическая легенда, согласно которой монголы происходят от пары тотемных животных – волка и самки оленя – связывает их происхождение с Алан-Коа, «жены рыцаря Добун-Мергана, потомка первоначальной пары прародителей» [Вернадский, 2020в: 27]. В то же время история Алан-Коа может быть локальной адаптацией мифов о Деве Марии или Олимпиады, матери Александра Македонского [Вернадский, 2020в: 27]. Этимология имени Алан-Коа интерпретируется Г.В. Вернадским как «Прекрасная Аланка»; кланы аланского происхождения, согласно ему, существовали среди монгольских народов, и, более того, «у Борджиганов, как и некоторых других монгольских родов, была примесь аланской крови» [Вернадский, 2020в: 27].

Казалось, аланы появились в Южной Сибири задолго до монголов. При этом Г.В. Вернадский даже склонен видеть в изображениях всадников, выбитых на камнях вдоль русла р. Енисей образы аланских всадников, изображенных на стенах склепов в Крыму, и в то же время, «на надписи начала VIII в., обнаруженной в Монголии, упоминаются войны между тюрками и асами (аланами)» [Вернадский, 2020в: 21]. Все это, конечно же, не соответствует действительности.

Культ войны и коня – это то, что объединяет аланов, гуннов и монголов[256]. Но иранцы раньше, чем монголы, освоили лошадь и различные виды кавалерии. Аланы, по Г.В. Вернадскому, всецело зависели от тяжеловооруженной конницы, которая способствовала иному пониманию военной тактики и стратегии римских легионеров. В то же время монголы, при использовании легкой кавалерии довели до совершенства экипировку гуннов, не забывая при этом об аланской традиции применения тяжелой кавалерии. Тактика и стратегия монголов «стали кульминацией развития кавалерийских армий степных народов – лучших из всех известных» [Вернадский, 2020в: 123]. Об использовании монголами военного дела соседнего Китая, которому их предки, к тому же, долго служили в войсках, ученый почему-то не пишет.

Аланы оказались на пути у монголов в тот момент, когда в ходе разведывательного похода полководцев Чингисхана Джэбэ и Субэдэя, они оказались на Северном Кавказе. Победоносно продвигаясь через Ширван на Северный Кавказ, и минуя Дербент, войска под командованием Джэбэ и Субэдэя, оказались лицом к лицу с аланами. Завоеватели «нанесли поражение осетинам на Северном Кавказе и вошли на землю половцев» [Вернадский, 2000б: 259]. Половецкий хан Котян Сутоевич обратился за помощью к русским со словами: «Сегодня татары (монголы) захватили нашу землю, завтра они возьмут вашу». В принципе, отмечает Г.В. Вернадский, они согласились

[256] В действительности конь в Степи античного и средневекового времени был необходимой частью жизни, а война – возможностью выжить в условиях неустойчивого кочевого хозяйства. О том и другом в фольклоре и религии см. на примере тюркских этносов: Токтабай А.У. Культ коня у казахов. Алматы: КазИздат – КТ, 2004. 124 с.; Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.

объединить свои силы, но ещё до соединения ратников каждая из сторон была разбита порознь [Вернадский, 2000б: 259].

На самом же деле половцы выступили в союзе не с русскими, а с аланами, но Джэбэ и Субэдэю удалось его расторгнуть, несмотря на то, что для обоих народов это был единственный шанс противостоять монгольской агрессии. Рашид ад-Дин описывает дальнейшие события следующим образом: «Когда они (монголы) пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы), сообща с кипчаками сразились с войсками монголов, никто не остался победителем» [Рашид ад-Дин, 1952: 229]. Тогда монголы-татары послали к кипчакам вестников, взывая к тюрко-монгольскому братству: «Мы с вами одного рода и из одного племени, эти же аланы вам не родня, даже по религии они являются христианами, а вы другой веры» [Алемань, 2003: 337]. Таким образом, предательство хана Котяна обернулось не только разгромом аланских войск в восточной части Алании, но и последующим безжалостным истреблением самих половцев.

Спустя двенадцать лет после этих событий, в 1235 г., внук Чингисхана Бату объявил на общемонгольском курултае о новом походе в западные земли. Неточность в описании событий вкрадывается в причины, по которым монголы решили вновь вторгнуться в Русь. Г.В. Вернадский считает, что поход был направлен исключительно против русских [Вернадский, 2020в: 62-63]. На деле же, судя по Рашид ад-Дину, поход был предпринят против половцев, русских, аланов и волжских булгар, которые оказали им серьёзное сопротивление при первом походе.

В 1239 г. хан Мунке завоевал значительную часть аланов и половцев. Тогда же после длительной осады пала столица Алании – г. Магас, и часть аланов ушла в горы Центрального Кавказа и Закавказье. Другая часть, вероятно, переселилась на территорию Византийской империи или поступила на службу к монголам. Аланская кавалерия вошла в состав монгольской пекинской гвардии в Китае [Алемань, 2003: 518-557]. Более 40 тыс. половцев (кунов) под предводительством хана Котяна и около 10 тысяч алан (ясов) были вынуждены

мигрировать в Паннонию (Венгрия), где их приютил король Бела IV. Исследователь Я. Ферент даже называет имя ясского вождя – Качар Огала. Территория расселения аланов (ясов) получила название Ясшаг, а их административным центром стал город Ясберень. В 1957 г. венгерским учёным Ю. Неметом был обнаружен так называемый ясский глоссарий (словник), датированный 1422 г., в котором были десятки слов, имеющих осетинское происхождение. К XVI в. ясы утратили свой язык и полностью перешли на венгерский. Археологические предметы из Ясшага, собранные и изученные В.А. Кузнецовым, выявили их схожесть с кавказской аланской культурой [Кузнецов, 2016: 375-395]. Этнографу Б.А. Калоеву удалось провести осетино-ясские этнографические параллели, которые также выявили их близость во всех сферах материальной и духовной культуры, уходящих корнями в аланскую эпоху [Калоев, 1996].

Представляют интерес и выводы Г.В. Вернадского относительно алано-венгерских исторических взаимоотношений. Согласно ему, в VIII в. финно-угорские племена из Северного Поволжья переместились на черноморское побережье Северного Кавказа, где в течение двух столетий проживали в частичном соседстве с аланами-асами, а также, как указывает Г.В. Вернадский, с асо-славянами[257]. Затем судьба в самом конце IX в. забросила венгров в Паннонию, где, видимо, уже присутствовали асские и протославянские племена, которых мадьяры, по всей вероятности, не смогли их одолеть. Вполне возможно, что они заключили мирное соглашение с местным населением, о чем этом свидетельствуют как славянские, так и иранские слова, сохранившиеся в мадьярском языке. В подтверждение сказанного Г.В. Вернадский приводит

[257] На рубеже XX в. венгерский ученый Б. Мункачи в поисках *Magna Hungaria* или Великой Венгрии сформулировал так называемую «северокавказскую теорию», согласно которой Великая Венгрия находилась на Северном Кавказе. Никакой другой информации о присутствии финно-угров на Северном Кавказе не известно. Приведенный ниже Г.В. Вернадским глоссарий является отголоском яссо-венгерских взаимоотношений, сложившихся уже после того, как группа аланов в составе отрядов хана Котяна обосновалась в Венгрии, в области под названием Ясшаг. См.: Ламанский В.И. Заметка о ясах-аланах // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. - Т. 2, - М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902.С. 118-121.; Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан (Перевод с немецкого и примечания В.И. Абаева) // Памятники аланского языка и письма. М.: Наука. 2016. 192 с. С. 163-189.

слова, перешедшие с ясского (осетинского) в венгерский язык [Вернадский, 1996: 254–255]:

Венг.	Осет.
Aladar («сотник»)	*ældar* («князь», правитель»)
Legeny («юноша», «воин»)	*læg* («мужчина»)
kard(«меч»)	*kard* («меч»)
vert («щит»)	*vart* («щит»)
vendeg («чужестранец», «пришелец»)	*faendag* («дорога»)
hid («мост»)	*khid* («мост»)
gazdag («богатый»)	*haezdug* («богатый»)
fizet («платить»)	*fid* («платить»)
Uveg («стекло»)	*avg* («стекло»)

Этот список известных заимствований учёный дополняет ещё осетинским термином *хсин* (госпожа), аланским *хсина* и венгерским *ассон* (женщина) [Вернадский, 1996: 255]. Важно подчеркнуть, что часть заимствований из аланского в венгерский язык Г.В. Вернадский относит к старому фонду, то есть временам, когда венгры ещё жили в Поволжье. С другой стороны, по его мнению, наличие славянских слов в венгерском языке (закон, долг, ярмо, раб) также является результатом соседства антов (ассо-славян) с венграми на юге России [Вернадский, 1996: 255].

По мнению Г.В. Вернадского аланы, которые позднее обосновались на территории Молдавии, оставили свой след в гидро- и топонимии региона. К примеру, река Прут была названа Аланской рекой, а на берегу Дуная возник город Яссы (Иаси), который в русских хрониках был известен как «Рынок Асов» [Вернадский, 2000а: 151; 1992: 221]. Информацию Г.В. Вернадского можно дополнить следующими сведениями: на карте 1339 г., составленной картографом второй половины XIV в. Анджелино Далорто (Angelino de Dalorto), территория Молдавии обозначена как Алания, что свидетельствует о заселении этой территории аланами [Decei, 1970: 180-181]. М.М. Татар в своей статье «Средневековые аланы в Венгрии» (2017) приводит целый ряд

топонимов, этнонимов и собственных имен, которые имеют явное отношение к аланам. Причем наиболее ранние формы, встречающиеся в топонимии Венгрии, указывают на то, что аланы прибыли на территорию Венгрии «уже в 895 – 896 гг. с … венграми в составе племен так называемых кабаров, то есть восставших племен Хазарского каганата, присоединившись к венгерским племенам по пути на Запад» [Татар, 2017: 59].

Тридцать девять лет спустя после описанных событий теперь уже Менгу-Тимур развязал новую военную кампанию против аланов, которые были покорены в 1239 г. монголами при хане Мунке. Причиной нового похода были их попытки освободиться от подчинения Золотой Орде, воспользовавшись временным ослаблением центральной власти в период междоусобиц (золотоордынский хан Берке против Ильханов Ирана). Проезжавшие в те годы по территории Алании европейские путешественники отмечали упорное сопротивление, которое оказывали аланы монголам, обороняясь в своих укреплённых позициях в горах. Гийом де Рубрук, неоднократно встречавшийся с аланами в Предкавказье, отмечал, что они всё ещё борются против татар, и последние вынуждены были держать на земле аланов свои гарнизоны. «Аланы в этих горах всё ещё не покорены, – писал Рубрук в 1255 г. – Так что из каждого десятка людей Сатрака (сын и преемник Батыя. – А.Ч.) двоим надлежало караулить ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине» [Путешествия ..., 1957: 186]. Фактически аланы, которые жили в высокогорных долинах, никогда полностью не были завоёваны монголами, утверждает Г.В. Вернадский. Постоянными нападениями горцев-аланов татаро-монголы были озабочены до такой степени, что Менгу-Тимур приказал ряду русских князей с их боярами и свитой присоединиться к его походу против аланов. Согласно Никоновской летописи, в кампании приняли участие князья Глеб, сын Бориса Константин, Федор Ярославский и Андрей Городецкий (сын Александра Невского). Поход был удачным. Русские взяли главную твердыню аланов – укрепленный город Дедяков (1278),

захватили богатую добычу, большая часть которой, вероятно, перешла к хану. Менгу-Тимур похвалил своих русских вассалов и наградил их многими дарами.

5.7. Наследие «иранцев» в отражении истории России

Всемерное увлечение аланами не ограничивалось для Г.В. Вернадского только изложением их военно-политической истории. Он постарался охватить в своих работах весь спектр вероятного влияния иранцев, и прежде всего, аланов, на социальную организацию восточных славян, которая отразилась не только на политической компоненте, если считать антский племенной союз как первое славянское государственное образование, но и на культурной составляющей вопроса: «Искусство Древней Руси … пропитано иранскими мотивами» [Вернадский, 2000а: 115–116][258]. Важным аспектом проблематики, согласно ему, является также отражение этого взаимодействия в славянской мифологии, ономастике, и влияние иранства на гидро- и топонимику в районах расселения славян.

Происхождение хоронима Русь. Одним из самых актуальных вопросов современной славистики является определение и происхождение понятия «Русь», многочисленные версии о возникновении которого, оставляют больше вопросов, нежели приближают к какой-либо ясности. В.О. Ключевский и М.Н. Тихомиров писали, что на вопрос о происхождении слова «Русь» ни одного вразумительного ответа ещё не найдено [Ключевский, 1956: 167; Тихомиров, 1947: 62]. Предыстория же вопроса начинается с заочной полемики Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова на фоне непростых взаимоотношений России и Швеции в XVIII в., что отразилось на ее политизации: сказались здесь и личные обиды академиков. Первый в своем труде «О происхождении народа и имени российского» (1749), отстаивал норманнскую версию происхождения этнонима

[258] Ср., например, позже: Лелеков Л. О некоторых иранских элементах в искусстве Древней Руси // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.) / Отв. ред. Б.Г. Гафуров. М.: Наука, 1971. С. 183–190.

рос, за что позже был подвергнут жесткой критике со стороны оппонентов[259]. Встречная аргументация М.В. Ломоносова сводилась к следующему: наименование «Русь» пошло от одного из народов, жившего в начальные века нашей эры на юге России, в названии которого встречается корень *рос*, и народ этот, несмотря на то, что не имел прямого отношения к славянам, назывался роксоланы. М.В. Ломоносов выдвинул собственное предположение, согласно которому в первые века н.э. в южнорусских степях проживали аланы и роксоланы, разность между которыми «в том состоит, что алане – общее имя целого народа, а роксалане – речение, сложенное от места их обитания, что все они были просто славянским народом» [Ломоносов, 1952: 199]. Далее он ошибочно выводил этноним *роксолан* из древнегреческого языка, а затем объяснял его трансформацию в этнонимы *россияне* и *русские*: «Имена *аорс* и *роксане* или *россане* у Страбона точное единство россов и аланов утверждают» [Ломоносов, 1952: 199].

Вслед за М.В. Ломоносовым, версию о южном происхождении термина Русь отстаивали русские учёные как имперского – С.М. Соловьев, Д.И., Иловайский, В.Г. Василевский Д.А. Хвольсон, С.А. Гедеонов, – так и советского времени: М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов, Т.Н. Третьяков, Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков и другие, которые утверждали, что название Русь появилось задолго до прихода норманнов в Россию. На роксоланов в своем исследовании под названием «Происхождение русского народа» (1978) указывал и В.В. Мавродин. Он обратил внимание на явные нестыковки, указывающие на то, что термин Русь использовался Византией до того, «как по летописному преданию в 862 г. славяне и финно-угры призвали пресловутых братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора, принадлежность которых к «Руси» якобы обусловила распространение этого наименования на всех

[259] Впоследствии Г.Ф. Миллер все же изменил свою позицию: в работе «О народах, издревле в России обитавших» (1773) он давал роксоланам следующую характеристику: «Народ, который жил не только в России, но от которого вообще выводят и происхождение Российского имени ... Плиний упоминает об них купно с Аланами, под именем скифских народов ... Обитали они в тех же самых странах, коими владели Алане, от которых разнствовали (различались) они в имени по одному только предположенному слову – Роксс или Росс» [Миллер, 1773: 20].

восточных славян» [Мавродин, 1978: 151]. Согласно ему же, никакой Руси Скандинавия XI в. не знала даже по преданиям. Вывод, который следует из дальнейших рассуждений В.В. Мавродина, заключается в том, что норманны, будучи сами носителями культуры, отнюдь не более развитой, нежели у восточных славян, не могли стать создателями государственности [Мавродин, 1978: 152]. При этом «Бертинские» анналы именуют главу государства «народа ... Рос» каганом, «…следовательно, истоки царства кагана «народа ... Рос» следует искать не в Скандинавии, а где-то в Среднем Приднепровье и в землях, лежащих к востоку от него» [Мавродин, 1978: 156][260]. Вот тут-то и всплывает упоминание «о племенах, обитавших где-то в лесостепи, от Среднего Днепра до Северского Донца и Дона или немного южнее, в первые века н.э. Имеются в виду сарматское племя роксоланы, аорсы, росомоны, росы *(hros)* ... Не приходится сомневаться в том, что роксоланы были сарматами, а, следовательно, ираноязычными племенами» [Мавродин, 1978: 166]. Однако В.В. Мавродин не учитывал возможность наличия не только самоназвания, но и иноназвания этнической группы русов, в том числе локальных групп викингов у их восточноевропейских соседей. Не принимает он во внимание и ключевые летописные тексты[261]. Тюркский термин *каган* (монг. *хан*), благодаря долгой власти Хазарского Каганата над большой частью Восточной Европы, сохранялся в Киевской Руси вплоть до Ярослава Мудрого (надписи Софии Киевской).

Иранскую составляющую усмотрел в этнониме *рус* и археолог В.В. Седов, аргументировано выводя его от основания * *rauka* - / * *ruk* - «мир, белый, блестеть», осетинского *ruxs / roxs* ‘светлый’, персидского *ruxš* - 'свет' и полагая, что он возник в позднеримское время, когда в условиях славяно-сарматского симбиоза формировались анты [Седов, 2002: 624, 273-274]. Сарматскую этимологию этнонима *русь* поддержал А.С. Стрижак, труд которого содержит

[260] Ч. Гальперин отмечает, что «Шведский Русский каганат Тмутаракани отражает степную имперскую традицию и прямо воздействует на политические и культурные структуры Киевской Руси» [Гальперин, 2018: 155].

[261] Так, в «Повести временных лет» в связи с призванием варягов на Север в 862 г. ясно сказано: «И идоша за море к Варягом, сице бо тии звахусе Варязи Русь, яко се друзии зовуся Свее…».

ряд интересных лингвистических наблюдений относительно этнонимии сармато-аланских племен. Исследователь выделил группу этнонимов: роксоланы – *'светлые аланы'*, аорсы – *'белые'*, аланорсы – *'белые аланы'*, компонент или основа которых имеет значение *'светлый', 'белый'*. Тот же компонент сохраняла и скифская передача «роксоланы» – «ревканалы», херсонесское «ревксиналы», а также этнонимы *рокас, ракаланы*. Именно в группе этих господствующих «светлых» народов Стрижак склонен усматривать возможных предков *русов,* ведь славяне могли длительное время объединяться под властью аланов в роксоланском военно-политическом союзе [Стрижак, 1991: 14, 25-29, 60-63, 65-70, 95-99, 125-128, 150-159, 194-200].

Не мог обойти стороной вопрос о происхождении понятия «Русь» и Г.В. Вернадский, причем его позиция по этому вопросу, изложенная в «Начертании русской истории», опять-таки отличалась разумной осторожностью, и определенной непоследовательностью [Вернадский, 2008: 43, 44]. Впоследствии он все же критикует норманнскую теорию, согласно которой термин Русь является производным от финского *ruotsi* – гребцы, и доказывает, что слово «Русь» «распространилось не с севера на юг, как утверждают норманисты (никакого племени *русов* не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах), а наоборот» [Вернадский, 2000а: 285]. Вслед за М.В. Ломоносовым и др., он также считал, что этноним *рус* изначально был связан с роксоланами, т.е. светлыми аланами, *рухс-асами* [Вернадский, 2000а: 286], и был производным от этнонима *ас* [Вернадский, 2000а: 285], «кои были ирано-славянским племенем» [Вернадский, 2000а: 268]. Со временем *ас* трансформируется в *роксолан*, от которого, собственно, и произошло наименование «Рось». Этот же топоним впоследствии был заимствован норманнами, которые якобы появились на юге России в VIII в. С тех пор термин «Русь» стал обозначением норманнов[262] [Vernadsky, 1959: 76].

[262] В IX–X вв. этноним Русь употребляется по отношению к скандинавам, оказавшимся в Восточной Европе. Византийцы называют русами викингов во время их набегов или службы, начиная с 860 г. (поход Аскольда и Дира) Арабские и персидские авторы этого времени противопоставляют их славянам и называют русов злейшими врагами славян, а также подчеркивают их культурные различия.

Одновременно он считал, что имена *рос* или *Русь* возникли в северных районах России позже, вследствие торговых связей иранцев и славян. «Росы (Русь), рось, чьё имя по прошествии было присвоено пришельцам из Скандинавии, первоначально были ирано-славянским племенем» [Вернадский, 2000а: 268]. В целом можно констатировать, что понятие *Рухс-ас*, его различные интерпретации является важным элементом обсуждения в его «Древней Руси».

Аргументация в пользу иранской теории показалась Г.В. Вернадскому более убедительной, особенно в свете вероятного влияния иранства на становление славян. Тем более что для него есть некая логика в отождествлении славян с роксоланами и асами; совпадают и исторический период их сосуществования, и география расселения: «Некоторые из асских кланов, среди них и те, что жили в Приазовье, были известны, по крайней мере, с IV века как *рухс-асы* («светлые асы») или роксоланы, или рокасы (рогасы)» [Вернадский, 2000а: 268]. Ссылаясь на Ибн Русте, Г.В. Вернадский писал, что *рухс-асы*, или клан *рухов,* считался наиболее значительным среди северокавказских аланских кланов, *росы* (рус, Рось) первоначально были ирано-славянским этнонимом, а со временем так стали называть пришельцев из Скандинавии [Вернадский, 2000а: 117]. В то же время непонятно, как изначально *асы* могли быть одновременно ирано-славянским племенем – то есть одновременно иранцами и славянами. Ч. Гальперин в свойственной ему тональности полагает, что «Конек Вернадского – *аланы-ас-анты-рухи-ас-яс-осетины* квалифицируются, просто как форма лингвистической игры в слова» [Гальперин, 2018: 151].

Далее Г.В. Вернадский объясняет термин Русь и этноним *роксоланы* с иранского (осетинского), трактуя его как «*светлые аланы»*, считая, что эти названия «употреблялись для обозначения одного из ведущих сармато-аланских племён: «белый», «светлый» в значении благородный»: «Первая часть имени роксоланы можно вывести из иранского *ruksa*, что означает «светлый». Таким образом, роксоланы – это явно светлые аланы» [Вернадский, 1992: 85–86]. Такую же интерпретацию предложил и О.Н. Трубачев. По его мнению,

этноним напоминает древнеиндийское *ruksą* – «сияющий, блестящий» с близким значением [Трубачёв, 1977: 27].

Еще одно предположение Г.В. Вернадского в пользу иранского происхождения этнонима *рос* сводится к тому, что многие из первых славянских князей носили аланские имена, а ведущий клан у аланов назывался *рухс* (по-осетински – свет, блистать) – от него же произошли имена *рос* или *рус* (позже Россия, русские) [Вернадский, 2001: 26]. Он также как и современные сарматологи, находит тождество с роксоланами в этнониме «ревксинал» – народом, который упоминается в херсонесской надписи (почётном декрете) конца II в. до н.э. на мраморном постаменте в честь Диофанта.

Версию, согласно которой слова с корнем *рус, рос, рухс* являются заимствованиями, вошедшими в русский язык в иранский период, Г.В. Вернадский подкрепил следующим аргументом: «Оскол, приток Донца, был известен в древности как Рос. Один из притоков Днепра называется Рос даже теперь» [Вернадский, 2000а: 117]. Здесь же он предложил объединить гидронимы «Рос» и «Русь» в специальную группу. Оспаривая мнение некоторых лингвистов, которые выводят слово *рос* из арийского слова *ronsa,* означающего «жидкость», «вода», Г.В. Вернадский склонен видеть его истоки в иранском языке [Вернадский, 2000а: 117]. При этом автор допустил и возможность новой, более поздней этимологии – иранское племенное имя могло быть рационализировано местными славянами с помощью их собственного языка (*рос* от *роса*) [Вернадский, 2000а: 117]. В качестве иллюстрации такого двойного происхождения в фольклоре различных народов, в том числе и русского, учёный приводит пример распространения топонима *рос* на север: «Ни роксоланы, ни аорсы не могли достигнуть столь далёких краёв, как Неман и Висла, но могли существовать некоторые торговые отношения между народом *рос* Верхнего Донца и бассейном Нижнего Днепра, с одной стороны, и бассейном Вислы – с другой, что и могло привести к распространению имени *рос* на север» [Вернадский, 2000а: 117]. Из этого следовало, что имена «Рос» и «Русь» возникли в северных регионах России в

более поздний период «готов и даже варягов», ну а затем сместились на юг как результат торговых связей восточных иранцев и славян. Об особой роли роксоланов в формировании восточного славянства писали С.П. Толстов [Толстов, 1947: №VI–VII], В.В. Мавродин [Мавродин, 1978: 167–168].

Не отрицая этимологию этнонима *роксолан* как производного от слова «светлые аланы», Г.В. Вернадский в то же время допускал, что термин *рухс-алан* может быть интерпретирован как *Русь и аланы*, как производное от единения двух разных кланов или племен, что является явной натяжкой. Объяснением этому послужили отдельное упоминание в источниках имени *рус* рядом с аланами и отличие вооружения роксоланов от собственно аланского [Vernadsky, 1959: 64–65].

Представляется маловероятным видеть в роксоланах одновременно и славян (русов), и иранцев (аланов), считать роксоланов симбиозом двух народов различного этнического происхождения хотя бы потому, что в этнониме *роксоланы* слишком явно выделяется иранская (осетинская) основа в значении «светлые аланы». К тому же роксоланы являются выходцами «из среды сарматов Поволжья и Приуралья во II в. до н.э.» [СИЭ, 1969: 122–123], которые сблизились с восточными славянами уже после того, как обосновались в Приазовье. Еще один аргумент – этноним роксоланы использовался для их идентификации как «белый», «светлый» в значении благородный. Под этим этнонимом роксоланы были известны на востоке и, позднее на юге России. Это же подтверждается описанием Аммиана Марцеллина аланов, который подчеркивал умеренную белокурость их волос [Amm. Marc. XXXI, 2, 21]. В южной части горной Осетии есть регион, который называется *Урс туалтæ* – белые (благородные) туальцы (двальцы). Если же следовать такой логике, и брать термин *белый* за основу происхождения этнонима *рос*, то, в таком случае предками славян можно считать и аорсов Волги и Дона, или *белых алан, белых асов.*

Аланы у Г.В. Вернадского «появлялись» даже там, где их не было в принципе. Так, еще одна ассоциация с роксоланами возникает у Г.В.

Вернадского при знакомстве с трудом анонимного географа из Равенны, который в своем труде «Космография» (VII в.) упоминает средневековый город Малороса. Г.В. Вернадский тут же проводит «нужные» параллели, приводя, при этом следующий аргумент: *мал* означает по-осетински «болото», «трясина», а «Малороса» будет означать «Болото росов». В «Космографии» Малороса упоминается среди боспорских городов как близких к Киммерии, которая была локализована на Таманском полуострове и кажется вполне возможным, что Малороса находилась в дельте Кубани возле Фанагории, возможно, на месте нынешнего Темрюка. Дельта Кубани болотиста на всем протяжении; таким образом, первая часть названия *мал* совпадает с местными условиями [Вернадский, 1992: 225].

В глобальной концепции Г.В. Вернадского о влиянии иранства на славянство отразились как идеи М.И. Ростовцева, так и работы Н.П. Кондакова, посвященные скифскому искусству. И все же наиболее полно на нее повлияло все то же евразийство как научная концепция. Осознание того, что древние номады Степи были иранцами, что именно киммерийцы, скифы и сарматы сформулировали и реализовали модель образа жизни в Степи задолго до гуннов, тюрков и монголов, позволило ему привязать историю восточных славян к иранским номадам. Ч. Гальперин считает, что Г.В. Вернадский намеренно преувеличивал значение евразийского фактора, связь славян с Евразией, преуменьшая при этом значение для славянского этногенеза «Припятских болот, значительно удаленных от степи» [Гальперин, 2018: 139].

Номадизм Степи – еще одно явление, которое не остается вне поля зрения Г.В. Вернадского. Характерная черта, свойственная кочевникам – родовые фамильные знаки-тамги, которые ставились на имущество рода, в том числе и скот. Понятие *тамга,* свойственное представителям алтайской языковой семьи, по Г.В. Вернадскому также происходило от аланского слова *мыг* (осет. *семя*), и обозначало отношение к «одной сперме», одному роду [Vernadsky, 1956: 188-189]. Но в осетинском (иронском) языке сохранился реальный древний и общеиранских термин для фамильных эмблем – *нысан*.

Влияние иранства на религию и искусство славян. Иранцы в раннесредневековой Восточной Европе для Г.В. Вернадского это, прежде всего, и только аланы-ясы (о торговле персидских мусульманских купцов на южных границах Руси в IX-X вв., отразившейся в сведениях персидских географов, он практически не пишет). Именно они, роксоланы ли, аорсы, анты или асы являются краеугольным камнем, на котором, согласно ему, зиждется славянство. И именно они являются тем звеном, которое связывает славян со Степью и скифской культурой, даже несмотря на то, что, аланы, по сути, никогда не жили настоящим кочевьем, используя при этом любую возможность «закрепиться на земле».

Искусство кочевников представляется Г.В. Вернадскому некоей магией, которая тесно связана с мифологией, эпосом и генеалогическими преданиями номадов. Это мощное по своему посылу течение мирового искусства возникло в глубинах Центральной Азии, и затем распространилось по всей Евразии. Звериный и полихромный стили (точнее – их определенные варианты) являются наиболее яркими выражениями этого искусства. Естественно, что Г.В. Вернадский искал отражение «аланства» и в искусстве славян. «Археологические открытия – писал он, – раскрыли разнообразие и богатство искусства алан и других народов, связанных с ними. «Звериный стиль» и «Полихромный стиль» являются двумя характерными аспектами этого искусства ... важность аланского искусства в истории цивилизации была широко признана ещё до наших дней» [НА СОИГСИ, Ф.41. д.23. л.4]. На основе анализа мотивов русского искусства шитья (олень, пантера, птицы) Г.В. Вернадский проводит интересные параллели с определенными объектами скифского и сарматского искусства. В целом же, как считает учёный, восточнославянское искусство и ремесло были под очевидным иранским влиянием [Вернадский, 2000а: 130]. Он присоединяется тем самым к мнению ведущего в имперское и раннесоветское время археолога В.А. Городцова, утверждавшего, что в древнерусских вышивках отчётливо прослеживаются скифо-сарматские элементы [Городцов, 1926].

Ведущим мотивом древнерусской вышивки Г.В. Вернадский считал образ Великой Матери иранских времен. «Мать Земля» в русском фольклоре – ещё один интересный пример упорного сохранения в памяти (в другой форме) того же иранского мифа [Вернадский, 2000а: 120]. В целом же, как считал исследователь, восточнославянское искусство и ремесло находились под очевидным иранским влиянием [Вернадский, 2000а: 119], полагая, при этом, что «в русском народном (крестьянском) искусстве и ремёслах иранские традиции сохранились почти до наших дней» [Вернадский, 1992: 211]. Но иранские заимствования не ограничиваются одним лишь вышивальным мастерством. К периоду влияния ираноязычных народов на славян Г.В. Вернадский относил глиняные игрушки (изображения женщины, коня, птицы, быка, оленя, козы, медведя) как образцы русского крестьянского искусства. По его мнению, иранские мотивы могли проникнуть в народное искусство в более поздний период через некоторые опосредующие стандарты – западные и восточные [Вернадский, 2000а: 228]. В частности, «кроме непосредственных контактов со славянами и финнами, иранцы, занимавшие степи Южной Руси, служили также связующим звеном между греческой и персидской цивилизациями, с одной стороны, и народами Центральной и Северной Руси – с другой [Вернадский, 2000а: 211]. О единых корнях происхождения народов и культур свидетельствуют и представления в индоарийской мифологии о Небе и Земле, которые рассматриваются как «универсальные родители», от которых происходят все остальные боги [Вернадский, 2000б: 62].

В целом же религиозную составляющую древнерусского фольклора Г.В. Вернадский склонен был проследить «вплоть до иранского пантеизма через современную осетинскую этнографию и лингвистику, так как осетины были прямыми потомками верований аланов/антов/ясов» [Гальперин, 2018: 155]. Г.В. Вернадский отдавал должное скрытому пантеизму русского фольклора, прекрасно чувствуя сам процесс влияния циклов природы, флоры и фауны на формирование мировоззрения русского крестьянства, но стремление приписать

этот пантеизм центральноазиатскому и степному, а конкретно иранскому влиянию степных номадов выглядело не совсем аргументированно.

Взаимоотношения славян с ясами и касогами Северного Кавказа в эпоху Киевской Руси были отражены и в такой сфере, как эпос, эпическая поэзия. Г.В. Вернадский писал: «Как княжеская дружина и двор представляли собой благоприятную среду для развития эпической поэзии, так товарищество по оружию и династические связи между русскими и народами этих двух племен (осетин и касогов – А.Ч.) имели результатом знакомство русских с осетинским и касогским фольклором. Нельзя отрицать влияние осетинской эпической поэзии на русские былины» [Вернадский, 2000б: 380]. На сходство русского Святогора с героем осетинских нартовских сказаний Мукарой указывал Ж. Дюмезиль [Dumezil, 1930: 404]. О русско-осетинских параллелях в области фольклора имеется целый ряд других работ (Миллер, 1892; Абаев, 1990; Тадевосян, 2012; Чибиров, 2016 и др.).

Акцентируя внимание на играющем большую роль в кочевых обществах эпическом фольклоре, Г.В. Вернадский был первым, кто уделил внимание эпической поэзии аланов, выделив ее тем самым из большого фольклорно-мифологического пласта. Он посвятил ей специальную работу под названием «Очерки эпической поэзии алан» (1953), которая детально рассмотрена в главе, посвященной деятельности главного редактора изданий «Осетия» (1933) и *“Oss-Alanes”* (1953) Дзамбулата Дзанти и его взаимоотношениям с Г.В. Вернадским и Ю.Н. Рерихом. Согласно справедливой ремарке А.Ю. Дворниченко, в этой статье он выделил восемь различных направлений «аланского мифотворчества»: легенды о «боге-всаднике», о великих героях и об их борьбе со злыми силами, о девице-змее, об амазонках, сказания о священных животных, особенно об олене и коне, о волшебном кубке, сказания о воинственных царицах, и степных походах [Дворниченко, 2018: 415].

Касается Г.В. Вернадский в своих работах и влияния иранцев на религиозную традицию славян, предыстория которого по нему начинается еще в скифский период. Одну из причин религиозного влияния Ахеменидского

Ирана на скифский пантеон[263] Г.В. Вернадский видел в посредстве греков, которые связали между собой Малую Азию, Северное Причерноморье, замкнув на себе торговые и культурные контакты между этими регионами [Вернадский, 1996: 77]. На деле же, скифы составляли часть единого иранского мира в Средней Азии и на Иранском плоскогорье, сохранив, при этом общие ранние религиозные культы, не связанные с более поздними богословскими спекуляциями и государственным регулированием в Иране. Это же отмечал и сам Г.В. Вернадский, характеризуя религиозные верования скифов как смесь иранских и алародианских культов, иллюстрируя сказанное на соответствии, по его мнению, функционала скифского Папая и иранского Ахурамазды. Объектом почитания скифов было также женское божество Табити – Великая Богиня или Мать богов [Вернадский, 1996: 74], отсутствовавшее при Ахеменидах. Последующее влияние греческого пантеона божеств на скифский сонм богов, по мнению Г.В. Вернадского говорит о значительной степени эллинизации скифов в заключительный период существования Скифии[264]. При этом в Евразии можно было наблюдать присутствие трех важнейших направлений в религии – шаманизм, солнцепоклонники и небопоклонники [Дворниченко, 2018:415].

Религиозные верования ранних славян, по мнению Г.В. Вернадского являют собой определенное, локальное развитие религии индоевропейцев, что он и иллюстрирует на первоначальном обозначении божества в разных культурах: в древнеевропейских языках это *deivos,* в «Авесте» – *daiva* (демон), санскрите – *devon*, литовский – *devas* [Вернадский, 2000б: 52]. По его мнению, некоторые из божеств раннего русского пантеона были более близки и родственны иранским богам и духам. Поясняя это родство, Г.В. Вернадский писал о широком распространении в Южной России в скифо-сарматский период культа Великой Богини: «Почитание Великой Богини скифской эпохи продолжалось и в

[263] Такого внятного влияния скифологи сегодня не отмечают.

[264] В действительности в Скифии из сотен божеств и полубогов (героев) эллинского пантеона есть лишь считанные и многократно встреченные изображения Геракла, Горгоны, менад и Афины, явно ассоциировавшиеся по внешним атрибутам со скифскими персонажами. См. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2006. 600 с.

сармато-аланскую эпоху, хотя главенствующую роль среди алан и других сарматских племён занимал культ Бога-Всадника, который отождествлялся с Ахурамаздой или Митрой» [Вернадский, 1992: 217]. В этом плане он наследует взгляды М.И. Ростовцева. Большое распространение среди славян получило и почитание великой святыни – Матери Земли, культ которой Г.В. Вернадский также считал наследием скифо-сарматской эпохи. Иранские корни имеет и культ мифологической собаки-птицы Сенмурва (Сэнмурва) – покровителя животных и планеты Венера, хранителя Мирового Древа Виснобиш, или Древа Всех Семян [Вернадский, 2000а: 131]. Отголоском древних осетинско-русских отношений является восприятие старого осетинского божества *Хорз* в значении «добрый» русскими в качестве самостоятельного божества по имени *Хорс* и *Рос* (иначе Русь). Г.В. Вернадский полагал, что от него образовалось прилагательное «хороший» [Вернадский, 1996: 267–268].

Еще один аспект религии славян – поклонение солнцу и огню, где по Г.В. Вернадскому божественный дух является в образе *Свара* (санск. Свет), а понятие сияющего света выражается аланским словом *Рухс*. Эти образы ассоциируются у него с древнеиранским Митрой и традициями зороастризма [Vernadsky, 1944: 339-356]. «От Солнца – и Владимир – правящий Митра» [Дворниченко, 2018: 417].

Интересны параллели в сфере хозяйственной деятельности аланов и славян, и здесь Г.В. Вернадский приводит не совсем обычный пример – бортничество, весьма популярное у аланов. Он считал его одним из древнейших занятий осетин, унаследованных от аланов, которые занимались пчеловодством настолько успешно, что могли экспортировать мёд и воск. Некоторые формы славянских ульев проникли в Закавказье через аланов. Из мёда (осет – *мыд*) герои осетинских нартовских сказаний делали ронг, хлебный напиток, пирожки. С тремя медовыми пирожками *(мыдамæстытæ)* нартовская Сатана обычно молилась богам. Название мёда у аланов и венгерских ясов идентично – *мыд (мез),* схоже со славянским *мёд,* что свидетельствует об общих индоевропейских истоках появления пчеловодства [Осетинская ..., 2013: 366].

Гидро и топонимика. Ономастика. Как известно, на юге России весьма распространены иранские гидронимы. По Г.В. Вернадскому, это названия рек Дон, Днепр, Днестр, Дунай, Донец. Два притока Днестра являются производными от иранского (осетинского) слова *дон* – вода, река (староиранское *dan*). Гидроним Дон (приток р. Виллели) встречается на северо-западе Франции, что является свидетельством пребывания аланов на данной территории [Вернадский, 1992: 233]. Со ссылкой на А.И. Соболевского, Г.В. Вернадский считал иранским и происхождение гидронима *Цна* – так называются притоки рек Волга, Мета, Висла. По мнению учёного, скифские корни имеет и название притока Донца – Тор. Он считал его производным от иранского корня *tur* – «ехать». От этого же корня происходит русское слово «протурить» (в смысле – прогнать, отгонять). По В.И. Абаеву, в осетинском языке значение слова *tur* переводится как «быстрый, стремительный» [Абаев, 1979: 319]. Согласно ему же, название реки Днестр Геродот определял как *Tyras,* букв. «быстрая», «быстрица» [Абаев, 1979: 319]. Название притока реки Припять – *Стыр* в осетинском языке буквально означает «большой», «великий», что и допускается учёным в его рассуждениях.

Имя аланов Г.В. Вернадский видит и в названии реки Халан – притока реки Оскол, которая и сама является притоком Донца. В названии некоторых рек на юге России присутствует приставка *син* – ещё одно иранское слово для понятия река. Именно так называли скифы р. Танаис (Донец-Дон) [Античные ..., 1990: 108]. По мнению Г.В. Вернадского, зависимость русского слова от определённых иранских корней интересна не только с точки зрения лингвистики, но и возможности проследить пути культурного прогресса.

В основе своей все эти гидронимы не вызывают сомнения, хотя некоторые из приведённых выше иллюстраций требуют дополнительного комментария. К таковым относится гидроним *Цна* или «Сна» (осет. *цна* – ‘минеральный осадок’). А.И. Соболевский предполагал, что имя *Цна* (Сна) является производным от термина «Син». В.И. Абаев считал его неясным словом, а параллель, возможно, случайной [Абаев, 1959: 322].

Из иранских топонимов наибольшее распространение на юге России получило племенное название аланов – *ас*. Название древнего крымского города Сугдея (Судак) восходит к иранскому слову *судге*, осет. – *сыгъдæг,* – «чистый, священный». Город по Г.В. Вернадскому основан алано-асами во II–III вв., в период, «когда они достигли южного побережья Таврического полуострова» [Вернадский, 2000а: 164]. С иранского объясняется и название греческого города Феодосия – Абдарда, неверно переведённое в значении – «семь сторон» [Вернадский, 2000а: 164], хотя, Г.В. Вернадский допускал неточность в названии и исправлял его с Абдарда на Ардавда. В специальной статье В.И. Абаев переводит название города Ардавда как «семибожный» и поясняет: «Вопреки высказывавшимся сомнениям, нет никаких оснований усматривать какую-либо неточность в свидетельстве анонима как в передаче аланского названия Феодосии, так и в толковании этого названия как (город) семи богов» [Абаев, 1990: 90]. В подтверждение своей убежденности в том, что в г. Ардабда могли проживать иранцы, Г.В. Вернадский называет ещё несколько «осетинских» имён жителей Пантикапея, оставшихся в древних надписях, такие как Фидас, Лиман, Фарнак [Вернадский, 2000а: 164]. Истории известны и города, основанные аланами, такие, как Сугдея в Крыму, Яссы в Молдавии и т.д. Имя *ас* отражено во многих топонимах на юге России, таких, как Кугус-Ас на нижнем Днепре, а также Аас – название острова Березань в широком устье Днепра [Вернадский, 2000: 177]. Встречаются также поселения с окончанием *ас* (Беюк-Ас, Терекли-Ас и др.) [Вернадский, 2000: 164-165]. С осетинского языка он объясняет и название готского города Дорас (Дор-Ас) (дор-скала) – в значении «скала асов» [Вернадский, 1992: 225]. Арабский историк и географ Абу-ль-Фида (1273-1331) писал, что крымская деревня Киркер неподалеку от Бахчисарая все еще была населена людьми *ас* [Golden, 1987: 79].

Иранизмами, согласно Г.В. Вернадскому, полон русский язык. Иранское происхождение имеют такие слова, как *хата* (осет. *хæдзар*), шаровали (осет. *салбар*), собака, топор [Вернадский, 2000а: 118–120, 128]. Мнение о том, что

холм Бриксава в бассейне Дона и Донца означает *«лоб барана»* и имеет иранские корни, первым высказал Плутарх и подтвердил данными языка В.Ф. Миллер [Вернадский, 2000а: 127]. Русский титул *царь* (от *caesar* – А.Ч.), который многие исследователи считают производным от титула *цезарь*, Г.В. Вернадский также связывает с иранским словом *сар* (голова, вождь); вождь кавказских антов был известен как *сар*. Г.В. Вернадский увидел иранские корни и в названии категории русских крестьян «смерды» (люди низшего класса), проводил параллель с иранским *mard* (человек). Любопытно отметить, что первые смерды были славянскими «людьми» *(marden)*, платившими дань аланам [Вернадский, 2000б: 159]. Интересна интерпретация Г.В. Вернадского русского социального термина «изгой», который он объясняет из осетинского *искæй*, что значит «чужой», «наемник», «наемный работник» [Вернадский, 2000б: 177].

Г.В. Вернадский не обходит стороной и антропонимы, имеющие явное аланское происхождение. В греческих надписях, обнаруженных в Танаисе, которые как правило, относят к III веку н.э., часто упоминаются иранские по своему происхождению осетинские слова: – *фыд* (отец), *сырд* (зверь), *мад* (мать), *лиман-лымæн* (друг, дорогой), *сырх* (красный), *рæсуг* (незамутнённый, чистый) [Вернадский, 2000: 164].

Представляет интерес и происхождение имени Гоар *(Gochar)*, известного по хроникам у аланов в Западной Европе, к этимологии которого проявил интерес и Г.В. Вернадский, указав на множество вариаций и двойную природу его происхождения [Vernadsky, 1963: 424–425]. Это имя ассоциируется у исследователей, прежде всего, с выдающимся правителем аланов в Арморике в первой половине V в., который был известен в источниках под двумя именами: Гоар и Эохор. Б. Бахрах отмечает: «Везде, где источники упоминают людей, носивших имя Гоар, они отмечают их аланское происхождение. Более того было установлено, что в период раннего Средневековья все люди, носившие аланские имена, происходили из районов аланских поселений… тот кто носил имя Гоар в период раннего Средневековья или сам был аланом, или же в какой-

то степени был подвержен их влиянию» [Бахрах, 1993: 111]. Имя Гоара, его деятельность на территории Северо-Западной Франции, его военные акции не раз упоминаются в трудах Г.В. Вернадского. С этим именем он также связывал жизнеописание отшельника св. Гоара, или Гоара Аквитанского, который вошёл в историю не только как благочестивый монах, но и человек, отличающийся исключительной прожорливостью. В нарушение церковного канона Гоар с завидным постоянством питался вместе с многочисленными пилигримами, посещавшими его в любое время суток, тогда как, по канонам церкви, он не должен был притрагиваться к пище раньше полудня. Оправдывая себя впоследствии перед церковным судом, он заявил, что святость бога основывается не на материальных вещах, а на праведном мире и радости в Святом Духе. Он также считал, что обязан оказывать гостеприимство, и было бы крайне негостеприимным не принимать участия в трапезе вместе с навещавшими его паломниками. В отличие от церковных судей, Г.В. Вернадский, знакомый с обычаями аланов, подчеркнул, что, согласно традициям горцев, в частности аланов-осетин, не разделить трапезу со своими гостями считалось проявлением крайнего не гостеприимства [Vernadski, 1959: 12; Бахрах, 1993: 110]. Признанный церковью виновным, Гоар впоследствии становится святым католической церкви. Он прожил в отшельничестве на Рейне, и две деревни на обоих берегах реки были названы в память о нем *Санкт-Гоар*, и *Санкт-Гоарсхаузен*. Интересно следующее наблюдение: немцы отмечают праздник святого Гоара неделю, начиная с третьего воскресенья ноября, то есть в те сроки, когда осетины отмечают *Уастырджийы бонтæ* (Джиоргуба) – праздник святого Георгия [Гутнов, 2011:91]. Я. Лебединский пишет, что фамилия Гоар и по сей день существует в Бретани. Ее объясняют бретонским *gwar* (кривой, сгорбленный) или же глаголом *goar* «он знает» [Лебединский, 2016: 163]. Еще одна форма имени *Гоар* - *Гоарус* звучит как *Эохар*. Б. Бахрах считает, что вариации имени Гоар – Гоарус – Гwar «являются просто античной передачей аланского имени, близко стоящего к современному осетинскому *Lëukhar*» [Бахрах, 1993: 111]. Г.В. Вернадский, вслед за

Констанцием Лионским также использует форму имени Гоара – Эотар *(Eothar)* [Vernadsky,1963: 424-425]. Ю. Кулаковский переводил Эохор как «свирепый» [Кулаковский, 1899:38], вероятно, с отсылкой к римлянам, которые характеризовали *Гоара-Эохара* не иначе, как «жесточайший король алан», «служитель идолов», «свирепейший король» [Констанций Лионский, 2019: 53,54]. Б.В. Скитский считал, что форма этнонима Эохор (Эухар) имеет надежную осетинскую форму, где *еу (йеу)* означает «просо», а *хор* – «есть». То есть – Едящий просо, или Просоед [Скитский, 1947: 39; Абаев, 1979: 310]. Такая форма имени вполне понятна для кочевников: из всех злаков они регулярно использовали именно засухоустойчивое просо, обычно – вместе с самым популярным продуктом в хозяйстве – молоком. Страбон, описывая сарматов Северо-Западного Причерноморья упоминал «область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)» [Strabo, VII.III.17] То же он писал и о сираках и аорсах Предкавказья: аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор: они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» [Strabo, XI.II.1]. О популярности проса среди кочевников писал и Плиний Старший: «сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса – А.Ч.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил» [NH. XVIII.100]. Я. Лебединский отмечает: «просо – это единственная злаковая культура, название которой восходит в разных иранских языках к протоиранскому и, возможно даже, протоиндоевропейскому языку. Оно играло немалую роль в питании кочевников» [Лебединский, 2016: 190].

Иранское начало Г.В. Вернадский увидел и в имени царя аланов в Орлеане Сангибане, переводя его как осет. *cangi-ban* – «мощнорукий» [Vernagsky, 1963: 408–409]. В конце IV в. император Грациан поселил часть готов и аланов в Южной Паннонии. Иордан сообщает, что вождя готов звали Алатей, а аланов – Сафрак [Иордан, 1960: 92–94]. Мнения Иордана об иранском происхождении имени *Сафрак* придерживается и Г.В. Вернадский [Vernadsky, 1944: 13].

В раннем Средневековье группы аланов контактировали не только со славянскими, но и финно-угорскими племенами. Об этом свидетельствует проникновение в финский язык из иранского обозначений металлов (меди, серебра, золота, олова), оружия и утвари: нож, топор, меч, стрела, молоток, лемех [Вернадский, 2000а: 247].

В силу ограниченности объема диссертации, здесь рассмотрена лишь часть наблюдений и выводов ученого, сопровождаемых примерами, относительно вероятных алано-славянских параллелей во всех сферах возможных контактов – от политической терминологии до ономастики и топонимии. Разрозненные свидетельства всех аспектов иранского наследия в истории Руси, которые Г.В. Вернадский приводит в своих работах разного периода, могут послужить материалом для отдельной публикации, которая бы заняла подобающее место в библиографии ученого. Аргументированная с точки зрения его научной концепции информация, представленная им сумма фактов служат дополнительной иллюстрацией определенной культурной и отчасти социо-политических связях восточных славян с народами Степи, прежде всего – с ираноязычными аланами. Конечно, эти «любительские» наблюдения Г.В. Вернадского требуют скрупулезной источниковедческой, лингвистической и общеисторической проверки.

Выводы

Первое впечатление, которое возникает при знакомстве с трудами Г.В. Вернадского – перед нами архивариус, который прекрасно знает, «где какая бумажка лежит». Большой объем привлекаемой информации, ее систематизация, а также осведомленность во множестве аспектов истории Евразии вызывают искреннее уважение к его знаниям. Блестящий историограф, который знал русскую, в том числе и советскую историю до тонкостей, он создал внушительную концепцию истории России, ставшей естественным продолжением русской дореволюционной исторической науки, созданную,

однако, в бытность его вне пределов России. Это позволило ему избежать того идеологического давления, которое испытывали на себе советские историки. Г.В. Вернадский смог выбрать лучшее из советской и западной науки, и привлечь для подведения научной базы под свою концепцию весь комплекс доступных ему источников.

Не менее важным было введение Г.В. Вернадским в научный оборот общеевразийского контекста для объяснения своей исторической концепции Восточной Европы. Последний до него использовался исключительно в рамках географической терминологии (А. Гумбольдт). Рассмотрение в рамках Евразии помогло ему связать Европу и Азию посредством России в единый Срединный материк как особый культурно-исторический и географический мир с единой историей, в которой Азия-Степь, ее влияние на Россию является основополагающей, обусловившей и объясняющей ее глубокое своеобразие. Еще одна сторона процесса исторического воздействия на российское евразийство – Византийская империя, культурное, идеологическое и политическое влияние которой на русскую культуру сложно переоценить.

«Историографическая феноменальность» творчества Г.В. Вернадского, по Н.Е. Соничевой [Соничева, 1994; Дворниченко, 2017: 643], проявилась и в его способности к предвидению в реконструкции некоторых исторических процессов, отразившейся во множестве его научных гипотез и незавершенных идей: его концепция предполагала подобное развитие. Одна из них – проблема соотношения пространства и времени с точки зрения исторических процессов (сказалось влияние отца), в которых эти понятия в разные исторические периоды работают неодинаково. «Пространство – периодическая система географических зон. Во времени – ритмическая смена «подъемов» и «прогибов (депрессий)» [Дворниченко, 2017: 634]. Понятие «месторазвитие», в рамках которого, согласно Г.В. Вернадскому, разворачивается история России в контексте евразийства, стало еще одним ракурсом, позволившим по-иному взглянуть на российскую историю.

Но «архивариусу» сильно мешала склонность к поиску этимологий, стремление объяснить любые этнонимы без лингвистической подготовки, порой – простым созвучием с уже известными ему терминами в современных языках. Подобные, часто неудачные этимологии и терминологическая путаница просматриваются практически во всех его работах, и резко диссонируют со спокойным, аргументированным тоном изложения его «Историй», где некоторые его предположения выглядят некомпетентными с точки зрения как археологии, так и языкознания. Эти лингвистические «упражнения» являются самой слабой стороной его, без сомнения, важных работ, ловушкой, в которую Г.В. Вернадский попадает из раза в раз, сталкиваясь на этом пути с околонаучными идеями не вполне компетентных людей. Это же отмечали и его оппоненты (Р. Фрай, А.В. Соловьев, Д.М. Лэнг и др.), хотя, объяснение этому факту все же можно найти. Интуиция, в сочетании с глубокой профессиональной подготовкой, подпитывали его стремление найти неизвестное ранее, «нащупать» открытие, и найти дополнительное подтверждение своей концепции «евразийской преемственности народов Степи», в том числе и с помощью языковых и терминологических параллелей. В то же время авторитет историка способствовал тому, что коллеги, симпатизировавшие Г.В. Вернадскому как масштабному ученому, как правило, доверяли ему, обсуждая вместе с ним эти вероятные этимологии. Примером может служить переписка Г.В. Вернадского с Ю.Н. Рерихом, в которой обсуждается интерпретация этнонимов древних народов с точки зрения современного осетинского языка, возникшая по следам его общения с осетинским эмигрантом Дз. Дзанти. Часть этой переписки будет изложена в следующих главах диссертационного труда, посвященных деятельности осетинских историков-эмигрантов. Многие его положения никак не соответствуют современному уровню развития науки, особенно, касающиеся ранней истории, входя в противоречие с источниками, в первую очередь археологическими, не исключая нарративные.

Помимо вклада Г.В. Вернадского в изучение и популяризацию истории России за рубежом, стоит отметить также его вклад в историю Осетии. Концепция Г.В. Вернадского о сильном влиянии аланов на русскую историю, его увлечение историей аланов, вне зависимости от крайностей, в которые он впадал, способствовала росту интереса к осетинам как народу, наследовавшему традиции, историю и культуру аланов. Аланы увлекли Г.В. Вернадского настолько, что он даже приступил к разработке, казалось бы, такой частной темы, как «Очерк эпической поэзии алан».

Наследие Г.В. Вернадского ценно, и, конечно же, не только в контексте «иранства». Иранство Г.В. Вернадского – это всего лишь часть той исторической палитры, созданной им в стремлении представить свое видение возникновения и развития материка под названием «Россия». И, тем не менее, многие его идеи, и те, что логически вытекают из его работ, такие, как взгляд на взаимодействие общества и природы, необходимость комплексного подхода к истории России, его некоторые методологические разработки и др., еще предстоит оценить с точки зрения перспективы для современной исторической науки.

Глава 6. Алано-осетинская проблематика в современной зарубежной русскоязычной историографии (конец XX – начало XXI ВВ.)

6.1. М.М. Казанский. Аланы в Европе: Археологические маркеры

В рамках темы исследования особый интерес вызывает научная деятельность доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Национального центра научных исследований Франции Михаила Михайловича Казанского, чей вклад в современную сармато-аланскую археологию и в целом в археологию эпохи Великого переселения народов трудно переоценить. Биография М.М. Казанского весьма насыщена, и представляет интерес, прежде всего, тем, что прекрасно иллюстрирует его успешность как ученого-археолога, посвятившего большую часть своей жизни историко-археологическому изучению Барбарикума. М.М. Казанский родился 24 марта 1953 года в Риге (Латвия). В 1975 г. он окончил исторического факультет Ленинградского госуниверситета (СПбГУ)[265]. С 1975 по 1981 гг. М.М. Казанский работает научным сотрудником отдела славянской и финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

В 1981 г. М.М. Казанский по семейным обстоятельствам эмигрировал во Францию, где уже в 1982 г. он получил диплом Университета Париж I *(L'Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne)* по углубленному изучению истории и культуры византийского и поствизантийского мира. С 1984 г. по 1988 г. М.М. Казанский являлся ассистентом русского языка в средней школе *Janson de Sailly* (Париж), и тогда же (1988 г.) начал работать в Музее Национальных Древностей и Национальном Центре Научных Исследований, где с 1995 по 1998 гг. занимал должность заместителя директора Центра.

[265] Изначально М.М. Казанский поступил в Киевский университет, а затем, спустя два года перевелся в Ленинград, на кафедру археологии, где, согласно его воспоминаниям, была возможность более глубокого погружения в конкретную специализацию, так как он намеревался заниматься ранними славянами. Его научным руководителем и наставником становится кандидат исторических наук Е.А. Горюнов (1940-1981). Еще одним учителем для М.М. Казанского стал археолог, специалист по археологии римского времени доктор исторических наук М.Б. Щукин. (1937-2008).

Эмиграция способствовала смене научной специализации ученого, и М.М. Казанский в своей научной деятельности переключился с археологии ранних славян на археологию эпохи «Великих Миграций», или Великого переселения народов. Богатый научный опыт, накопленный во время работы ученого в СССР, позволил ему органично интегрироваться во французское археологическое сообщество. В 1986 г. М.М. Казанский получил диплом с отличием аспирантуры (докторантуры) «нового образца» университета Париж I представив работу под названием «Готы в Восточной Европе в гуннский период: заключительный этап черняховской культуры». Научными руководителями М.М. Казанского выступили специалист по византийской археологии, член-корреспондент Академии надписей и изящной словесности, профессор Парижского университета-I, Жан-Пьер Содини *(Jean-Pierre Sodini)* и греческий историк-византинист и университетский профессор Элени Гликадзи-Арвелер *(Heleni Arhweiller)* – первая женщина-ректор Сорбонны. В 2004 г. М.М. Казанский получил степень научного руководителя по истории в университете Париж I[266] за разработку темы «*Межкультурные контакты в Европе в эпоху Великого переселения народов (IV-VII вв.) и становление европейской цивилизации в эпоху раннего Средневековья»*[267]. Основными областями исследования для М.М. Казанского становятся «Археология «варварских» народов в эпоху Великого переселения народов (IV-VI вв.)» и «Протовизантийская материальная культура (IV-VII вв.)». Об успешности М.М. Казанского как признанного ученого и авторитетного специалиста говорит и тот факт, что Михаил Михайлович является членом редакционных советов шестнадцати высокорейтинговых научных изданий[268].

---

[266] Habilitation à diriger des recherches (HDR) – разрешение на научное руководство, степень научного руководителя, университетская степень, диплом во Франции – эквивалент российского диплома доктора наук.

[267] Совет под председательством профессора F. Baratte

[268] *Colloquia Pontica* (Peeters, Louvain – Париж), *Ancient West & East* (Peeters, Louvain – Париж), *Краткие Сообщения Института Археологии* (Институт Археологии РАН, Москва, Россия), *La Revue d'Histoire militaire ancienne* (Журнал древней военной истории) (академическое издание Франс-Конте), *Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.*) (Археологические исследования Европы в период поздней античности и раннего Средневековья (400-1000 гг. н.э.) (серия ASLAEME), издательство *Bar Publishing* (Оксфорд, Великобритания) и др.

Сложно из весьма информативного массива работ М.М. Казанского, посвященных эпохе Великого переселения народов[269], выделить пласт непосредственно аланского материала, который бы органично не переплетался со всей европейской «варварской» археологией, хотя археология в изложении М.М. Казанского – это всегда ярко, доступно и интересно. Для более полного охвата «аланской» темы в контексте «варварской археологии» в работах М.М. Казанского, нами был определен круг его статей, опубликованных в разное время, которые охватывают проблему в комплексе и представляют ее в разрезе, начиная с некоторых неизвестных фактов из истории и археологии аланов и заканчивая аланским костюмом. Я посчитал необходимым представить эти работы не в хронологическом порядке, а по мере освещения той или иной темы. Итак: *«Аланы на Западе в эпоху переселения народов: археологические данные»*[270]; *«Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: Свидетельство Маркиана и археологические данные»*[271]; *«Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях»*[272]; *«Центры власти и торговые пути в западной Алании в I-V вв.»*[273]; *“A propos des Alains en Occident à l’époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or”* (Об аланах на Западе в эпоху Великого переселения народов: костюм с золотыми вставками)[274]. Соавтором М.М. Казанского в части статей выступает его

[269] Стоит отметить такие его работы, в том числе написанные в соавторстве с А.В. Мастыковой как: M. Kazanski, Les Goths (Ier-VIIe s. ap. J.C.). Paris, Errance, 1991, 148 p.; Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов //Историко-археологический альманах. – Армавирский краеведческий музей. – Армавир-Москва, 1998. – № 4. – С. 102-135; M. Kazanski, Archéologie des peuples barbares (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V). Bucarest-Brăila, Editura Academiei Române, 2009, 489 p.; M. Kazanski, A. Mastykova, Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l’histoire (Ier-VIIe siècle apr. J.-C.). Paris, Errance, 2003, 214 p.; Казанский М.М, Мастыкова А.В. «Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху» / Дивногорский сборник. Вып. 1. Издательство Воронежского ГУ, 2009. СС. 225-251; M. Kazanski, Archéologie des peuples barbares (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V). Bucarest-Brăila, Editura Academiei Române, 2009, 489 p., и многие другие.

[270] Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ, 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013 – 344 с. СС. 147-165.

[271] Российская Археология, № 4, 1999 – 256 с. СС.119-130.

[272] Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск IV. Симферополь, «Таврия», 1994 – 590 с. СС. 238-256.

[273] Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей – М., 2000 – 211 с. СС. 138-161.

[274] M. Kazanski, A. Mastykova, A propos des Alains en Occident à l’époque des Grandes Migrations : le costume à appliques en or. In : Gallia e Hispania en el contexto de la presencia ‘germánica’ (ss.V–VII). Balance y Perspectivas. Oxford, 2006, P. 291-305.

супруга, ведущий научный сотрудник Института Археологии РАН, доктор исторических наук А.В. Мастыкова. Более того, некоторые из этих работ позднее были дополнены и продублированы на английском и французском языках[275]. Еще несколько небольших по объему статей по теме, такие как *"Un témoignage de la présence des Alano-Sarmates en Gaule: la sépulture de la Fosse Jean-Fat á Reims. Archéologie Médiévale XVI (1986)"*[276] являются существенными дополнением к сармато-аланским штудиям М.М. Казанского. Стоит отметить, что все статьи сопровождает богатый иллюстративный материал, без которого, собственно, невозможно представить научные работы по археологии.

В своих исследованиях М.М. Казанский использует систему относительной хронологии (A,B,C,D), разработанную центрально-европейскими исследователями и имеющую значение для всего европейского Барбарикума, от Кавказа до римского лимеса в Европе. Чешский исследователь Ярослав Тейрал уточнил её для позднеримского времени (период C) и эпохи переселения народов (период D), которые являются основными направлениями в исследованиях М.М. Казанского. Он же впервые ввел в использование этой системы в качестве «опорной» и для восточноевропейских древностей – применительно к материалам из Крыма, с территории Украины и Молдавии (черняховская культура), из Абхазии и с Северного Кавказа (особенно из западной части региона). Таким образом, система стала применимой и к Восточной Европе. В России эту хронологию первым стал широко применять один из наставников М.М. Казанского известный археолог Марк Борисович Щукин, а затем и его ученики, в первую очередь, О.В. Шаров и И.А. Бажан. В статье М.Б. Щукина и О.В. Шарова «К проблеме финала черняховской культуры» (2000) есть небольшая ремарка, в которой авторы, со ссылкой на

---

[275] Michel Kazanski / Anna Mastykova. *Les Alains sur le Dniepr a l'époque des Grandes Migrations: Le temoignage de Marcien et les données archéologiqes //* Gentes, Reges und Rom. Festschrift für Jaroslav Tejral zum 65. Geburtstag. Brno, 2000. PP. 209-219.; M.M. Kazanski and A.V. Mastykova. *The Alans on the Dniepr during the great migration period. Marcianus's evidence and archeological data* // Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 41, no. 4 (spring 2002). P. 22-34.;

[276] Kazanski M. *Un témoignage de la présence des Alano-Sarmates en Gaule: la sépulture de la Fosse Jean-Fat à Reims* // Archéologie Médiévale XVI, 1986, P. 26-32.

статью М.М. Казанского и Р. Легу (Kazanski, Legoux 1988), подчеркивают ее значимость, так как в ней авторам впервые на примере черняховской культуры удалось подразделить ступень D европейской хронологии на три фазы: D_{1a}, D_{1b} и D_2 [Щукин …, 2000: 370]. В частном письме М.М. Казанский прокомментировал мне этот вопрос следующим образом: «В нашей совместной статье с Рене Легу мы попытались разделить черняховскую фазу / период D на несколько стадий, примерно в то же время (в том же году) это, по сути, сделал и Тейрал, а также Гороховский[277] в Киеве (но его диссертация осталась неопубликованной, только короткая статья с выводами). Это были первые, еще очень несовершенные попытки. Но тогда вопрос стоял остро – пережило ли черняховское население гуннское нашествие 375 г.? Отсюда и острота полемики того времени, и всеобщее желание что-нибудь сказать по этому поводу. Сейчас всем, в общем, ясно, что черняховская культура пережила 375 г. и поэтому вопрос о дате её конца стал не таким скандальным, хотя неясности остаются, то ли условные 410, то ли 430, то ли 450 гг. Но это обсуждается уже спокойно, без всеобщей возбужденности, как в то время».

Каждая из представленных статей М.М. Казанского имеет свою особенность, которая выражается в методах, практикуемых автором. В своих многочисленных работах М.М. Казанский представляет весьма интересный подход, который позволяет ему проверить достоверность описанных в исторических источниках событий, опираясь, прежде всего, на результаты собственных археологических изысканий. В данном случае, задача, которую предстоит решить диссертанту, не предусматривает детального описания археологических артефактов. В контексте озвученной темы диссертационного труда интересен общий обзор сармато-аланских «штудий» М.М. Казанского, рассмотренных сквозь призму всей варварской археологии эпохи Великого переселения народов. Относительная немногочисленность сармато-аланских некрополей того хронологического периода на территории Восточной и

[277] Имеется в виду украинский археолог Евгений Леонардович Гороховский.

Западной Европы со временем только увеличивает значимость подобных исследований.

6.1.1. «Аланы на западе в эпоху переселения народов: археологические данные»

Весной 2013 г. (21-24 мая) во Владикавказе состоялся Международный научный конгресс «Этногенез и этническая история осетин», который был призван еще раз обсудить вопросы становления осетинского народа. Конгресс собрал ярких представителей отечественной и зарубежной исторической науки, представляющих Москву, Париж, Будапешт, а также российские регионы. Участие в конгрессе приняли такие видные ученые, как Ж. Грисвар, М.М. Казанский, Б. Ковач, М.Н. Погребова, В.Б Ковалевская, А.В. Мастыкова, С.В. Кулланда и др. Материалы работы конгресса, впоследствии были изданы[278].

На Конгрессе г. М.М. Казанский представил статью под названием «Аланы на западе в эпоху переселения народов: археологические данные»[279]. Статью предваряет небольшой исторический экскурс, рассказывающий о причинах миграции аланов Нижнего Подунавья на Запад, дальнейших миграционных процессах, в которых они принимают самое активное участие и связанных с ними исторических событиях. Во второй половине IV в. Аммиан Марцеллин фиксирует проживание в нижнедонских степях народа аланов-танаитов; со временем этноним *аланы распространяется* ими и на соседние народы [Amm. Marc. XXXI, 2, 13]. Народы эти представляли собой группы племен, которые в культурном, языковом и этническом отношении, как правило, были разнородны.

Большая часть аланов-танаитов, принявших на себя основной удар гуннов, вливаются в ряды последних, где, оказавшись вовлеченными в мощный

[278] Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ,21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013. 342 с.
[279] Казанский, М.М. Аланы на западе в эпоху переселения народов: археологические данные // Этногенез и этническая история осетин. Владикавказ, 2013. 343 с.

миграционный поток, вместе с ними достигает Галлии, Испании и Северной Африки. Европейские хронисты не обошли вниманием нашествие аланов в Европу, что и отразилось в различных письменных источниках. Соответствующий корпус исторических документов (А. Алеманъ) позволяет относительно точно реконструировать путь аланов в Западную Европу, в то время как археологи (М.М. Казанский, Я. Лебединский, М.Ю. Трейстер и др.) своими изысканиями подтверждают данные средневековых хроник, представив артефакты, прямо или косвенно указывающие на присутствие аланов на территории Западной Европы, в частности в Италии, Галлии и Испании.

Прежде чем приступить к собственно археологическим свидетельствам той эпохи, М.М. Казанский излагает краткую хронологию событий, которая позволяет реконструировать историю этой группы аланов. Так, в хрониках отразилась дата перехода через р. Рейн сводного отряда под командованием Респендиала, который состоял из аланов, вандалов и свевов. Это случилось 31 декабря 406 г. Форсировав реку, вандалы, свевы и аланы подвергают разгрому Галлию [Казанский, 2013: 147]. Согласно *Notitia Dignitatum*[280], приблизительно в этот же период военные подразделения сарматов, родственных по языку аланам, входили в качестве наемников в состав армии, оборонявшей Галлию и Италию[281]. В 409 г. Респендиал уводит часть аланов вместе со свевами и вандалами в Испанию, где, по соглашению с ними, аланы обосновываются в юго-западной части Пиренейского полуострова, в провинциях Лузитания и Карфаген (Картахена). В 418 г. в Испанию вторгаются вестготы во главе с королем Валией, и подвергают аланов небывалому истреблению. В битвах с ними погибают аланские вожди Аддак и Фредбал, а среди аланов, к тому же, распространяется эпидемия. В конечном итоге оставшаяся группа аланов присоединяется к вандалам. В 429 г. они пересекают Гибралтар и уходят в

[280] *Notitia Dignitatum* – Список должностей; документ эпохи поздней Римской империи (конец IV – начала V в.), содержащий порядка нескольких тысяч должностей Западной и Восточной Римской империи, начиная от дворцовых, и заканчивая региональными.

[281] «К этому времени на территории Галлии, если верить *Notitia Dignitatum*, ужа имеются военные поселенцы сарматы, *gentiles*, осуществлявшие полицейские функции и объединенные в 6 командований. Кроме того, со времени императора Грациана в составе мобильных сил Западной империи имеется аланский полк. Следует напомнить, что аланы составляли мобильную кавалерию, высоко ценимую римлянами». [Казанский, 2013: 147].

Северную Африку, где после десятилетия успешных войн против Рима, закончившегося завоеванием Карфагена, образовывают Королевство вандалов и аланов. Король вандалов еще долго сохраняет титул *rex Wandalorum et Alanorum*, «хотя, как отдельная группа аланы вряд ли уже существуют» [Казанский, 2013: 147][282].

Большая часть аланов, все же, осталась в Галлии. Объединенные под властью короля Гоара, они, в зависимости от ситуации, обусловленной нестабильной военно-политической обстановкой того периода (400-420 гг.), выступают как в качестве союзников Рима, так и противников, действуя в Галлии, в основном в ее южных и восточных провинциях. Флавий Аэций, возглавивший римскую армию в 429 г., постепенно вовлек аланов, подчиненных Гоару во внутренние процессы, прежде всего, в качестве полицейской силы для подавления внутренних протестов и волнений[283]. Аланы становятся отдельным подразделением римских войск и дислоцируются Аэцием в бассейне р. Рона, недалеко от Валенсии, а затем на р. Луара. Флавий Аэций задействовал аланов во главе с Сангибаном и в битве на Каталаунских полях (451 г.), где они в рядах римской армии сражались против гуннов Аттилы, хотя, по утверждению М.М. Казанского, их лояльность вызывала у Аэция сомнения. В 463 г., во время очередного внутриполитического кризиса в Империи галльские аланы безуспешно пытались уйти в Италию, где «уже к 400-му г. известны как сарматские военные поселенцы *gentiles*, составлявшие 15 групп, так и ударные аланские части мобильного корпуса. Последние присутствуют в армии Стилихона, разбившей готов Редегайса у Фезулы. Аланское присутствие в Италии фиксируется письменными источниками до 487 г.» [Казанский, 2013: 148].

Далее М.М. Казанский переходит к описанию и проблеме выявления археологических следов номадов в эпоху Великого переселения народов. Он предваряет свой обзор аланских и сарматских древностей небольшими, но

[282] Более подробно эти события изложены в предыдущей главе, посвященной работам Г.В. Вернадского.
[283] См.: Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987. 463 с.

существенными замечаниями, которые касаются всех варварских народов, когда-либо поселившихся на территории Римской империи. В основном, они касаются количественного состава сарматов и аланов, которые, как и другие варварские народы, были очень малочисленны по сравнению с местным галльским населением. Варварские народы были рассеяны по всей территории Галлии и не всегда образовывали компактные населенные анклавы, «…поэтому так или иначе связанные с ними археологические находки буквально тонут в массе галло-римских древностей» [Казанский, 2013: 148]. Варвары (в их числе и аланы) как правило, занимали в социальной структуре Римской империи определенную нишу, которую можно обозначить как «воины-наемники» или «народ-войско» вместе со своими семьями, а также рабы, и, гораздо реже – земледельцы. Соответственно «в археологии их следы крайне ограничены, поскольку непосредственно в процессе производства материальных ценностей они не участвуют. У этих варваров нет и не может быть своей архитектуры, своего массового археологического материала, такого, как керамика или металлические изделия. Специфика культуры этих варваров может быть выражена только в вещах, производившихся на заказ вооружении, личном уборе, а также отдельных чертах погребального и иных обрядов, с материальной культурой не связанных» [Казанский, 2013: 148].

Немаловажное значение имеет и тот факт, что варвары, оказавшиеся на территории империи, ни в коей мере не пытались ее разрушить изнутри, но стремились интегрироваться в римскую среду, стараясь занять в ней как можно более высокий статус [Казанский, 2013: 148]. Магия инсигний римского императора оказалась привлекательной для «варваров», давая возможность служить империи, достигая при этом определенного (высокого) статуса в социальной иерархии римского общества. Много позже такое же рвение в военной службе проявляли представители народов, которые в ходе колониальных войн вошли в состав Британской, Российской и других империй. Важное наблюдение: в любой империи, Римской ли Британской, представители нетитульной нации, как правило, были успешными именно в военной сфере.

В ходе своего исследования М.М. Казанский акцентирует внимание на таких, казалось бы, незначительных деталях, как внешний вид, вооружение, воинская дисциплина варваров, которая естественно видоизменилась, слившись с римской воинской традицией. М.М. Казанский подчеркивает нивелирующую для варваров роль римской воинской культуры, безусловно, престижной среди них. Естественно, все эти факторы отразились и на парадном вооружении и воинском костюме варваров. Более того. Костюм становится признаком успешного процесса адаптации варваров в римском социуме, так как помимо внешних составляющих соответствующая одежда является еще и подтверждением ментальной адаптации. Варвар постепенно трансформируется в римлянина. В качестве примера М.М. Казанский приводит диптих римского полководца Стилихона, фактического правителя Западной Римской империи при императоре Гонории. Полувандал, полусвев, он изображен на нем облаченным в римский воинский костюм с римским же парадным вооружением. Биография еще одного «варвара», Аспара, является дополнительным аргументом в пользу вышесказанного. В то же время, есть свидетельства и того, «что сарматы и аланы, служившие в «национальных» подразделениях, сохранили свои традиционные костюмы» [Лебединский, 2016: 66], отличительной чертой которых являются «нашитые на одежду пластинки из ценных металлов. Эта древняя традиция восходит к скифскому периоду (VII-IV вв. до н.э.). Она хорошо засвидетельствована у сармато-аланов» [Лебединский, 2016: 66][284]. И если в силу выше озвученных обстоятельств мужской костюм, претерпел серьезные изменения, то женский в чужой среде и далее сохранял свою традиционность и свойственные ему специфические черты[285].

Не стоит забывать и о вероятном наличии многочисленных смешанных браков между разными народами, оказавшимися на территории Западной

[284] На примере имперских (британских, русских, французских) воинских подразделений (гурхки, казаки и т.д.), можно показать, что «национальные» подразделения часто призваны демонстрировать мощь Империи, разнообразность ее ресурсов и возможностей.
[285] Подробнее о «варварском» костюме см. ниже.

Европы в ходе миграционных процессов, сопровождавших эпоху Великого переселения народов. И если браки между гражданами Рима и варварами в империи были запрещены, то для представителей знати порой делались исключения. М.М. Казанский отмечает, что о распространенности таких браков можно судить лишь, по обрывочным сведениям, которые касаются только представителей знати и высшего общества.

Автор обращает внимание на еще одно немаловажное обстоятельство. Согласно ему «культура вождеских варварских элит эпохи Великого переселения народов, известная нам по археологическим данным, носит выраженный интернациональный характер, главную роль в ней играют престижные элементы, призванные подчеркнуть высокий социальный статус владельца, а не его этническое происхождение» [Казанский, 2013: 149]. Именно по этой причине сегодня сложно найти на территории «Римского Запада» погребения аланов, которые бы полностью отвечали четким критериям их археологического наследия. В Северной Африке, Испании, Галлии и Италии не фиксируется ни одного археологического памятника (погребение, клад и т.д.), который можно было бы идентифицировать как исключительно аланский. Однако наследие аланов в регионе отразилось в другом: прежде всего – в культурном коде Западной Европы, характерных для варваров культурных особенностях, исходной территорией которых, как полагает автор, является Северное Причерноморье и которые получили распространение в ареале при непосредственном участии аланов. В эпоху Великого переселения народов эти черты достаточно хорошо проявляются в древностях Римского Запада в первую очередь на элитном, так называемом «княжеском» уровне.

Представленный автором исторический обзор продолжает описание предметов, характерных для варварских народов той эпохи, прежде всего, аланов и сарматов, которые были найдены во время археологических раскопок на территории западной части Римской империи. Категория находок, которую описывает М.М. Казанский, определяется им как металлические зеркала-подвески с боковой петлей или их имитации, которые были найдены, судя по

всему, в женских погребениях рубежа IV-V вв. некрополей римского населения в римской Германии (Крефельд-Геллеп), Галлии (Труа, Реймс) и Италии (Сакка-ди-Гойто). Отличительной чертой этих зеркал, восточноевропейское происхождение которых не вызывает сомнения[286], является тот факт, что хронологически они датируются временем, предшествующим вторжению основной массы аланов в регион. То есть эти предметы были реликвиями, попавшими на территорию Римской империи с 406 г.

В то же время, зеркала в могильниках сопровождались характерной римской утварью второй пол. IV – нач. V в.[287] и различными предметами как римского (браслеты, жемчужные бусы, керамика), так и восточногерманского происхождения (двупластинчатые фибулы), что говорит о гетерогенности населения, проживающего на этих территориях в древности. Внешне, помимо отдельных предметов варварского происхождения, эти захоронения ничем не отличаются от погребений собственно римлян, и более того, находятся на территории некрополей, принадлежавших последним, что говорит об очень глубокой интеграции варваров в римскую среду. Вероятнее всего, миграция аланов на Запад способствовала и изменению обряда захоронения, так как на сегодняшний день на территории Европы на фоне грунтовых могил, выявлено всего два подбойных захоронения. Это могилы, обнаруженные в 1954 г. в Венгрии, недалеко от г. Кестхей, принадлежность которых к группе сармато-аланов, попавших в Европу в составе гуннских отрядов, не вызывает сомнения

[286] Я. Лебединский со ссылкой на В.А. Кузнецова отмечает, что зеркала, «безусловно, могут быть приписаны представителям разных народов, включая алан, однако особое внимание будет уделено последним, в случае, если это разбитые зеркала» [Лебединский, 2016: 63]. Вполне возможно, что эта традиция стала отголоском религиозных верований аланов, которые, в отличие от сарматов, «сохранили свою религию – как мы видели, король алан на Луаре (Сангибан – А.Ч.) все еще был язычником в конце сороковых годов V в.» [Лебединский, 2016: 62]. И все же последними исследованиями в этой области доказано, что разбитые зеркала являются характерной чертой именно сарматских культур, причем их находят практически во всех захоронениях, вне зависимости от возраста и гендера. Это единственный «женский» предмет, найденный в «мужских погребениях, в которых никогда не встречаются другие вещи типично женского погребального инвентаря» [Вагнер, 2012: 173]. В отличие от других категорий погребального инвентаря, большинство зеркал в сарматских могилах бывают умышленно разбиты или повреждены, что говорит о скрытом сакральном подтексте ритуала [Вагнер, 2012: 173].

[287] В могильнике Крефельд-Геллеп зеркало сопровождалось типичной римской посудой второй половины IV в., а в Италии и Галлии вместе с зеркалами найдены двупластинчатые фибулы восточногерманской, точнее, черняховской традиции, датированные серединой IV – начала V вв.

[Кузнецов …, 1961: 90]. В Западной Европе к настоящему времени катакомбных захоронений не зафиксировано.

Я. Лебединский считает, что изменение обряда захоронения связано с тем, что для большей интеграции в римскую социальную среду аланы и сарматы (во всяком случае, многие из них) приняли основную религию, господствующую в империи – христианство. Это могла быть ее ортодоксальная форма или в форме арианства, которое в IV в. начало пользоваться наибольшей поддержкой римской власти, как наиболее доступная для варварских народов [Лебединский, 2016: 62].

Подробно проиллюстрированный автором текст неожиданно позволил найти дополнительное подтверждение верности его выводов. В частности, обратили на себя внимание знаки, изображенные на зеркалах из некрополя в Реймсе, в которых специалисту не трудно распознать *тамги*. По информации С.А. Яценко, одна и та же аланская тамга четко просматривается на двух женских зеркалах-подвесках из Западной Европы конца IV-V вв., описанных М.М. Казанским — в галльском Реймсе (Reims) и в Сакка-ди-Гойто (Северная Италия), могила 214 (Sacca di Gojto)[288].

Удивление вызывает тот факт, что в обоих комплексах, разделенных значительным расстоянием, присутствует одна и та же тамга. Согласно С.А. Яценко, этот тип тамги известен нам именно и только на женских (предполагаемых брачных атрибутах) зеркалах-подвесках. И это тоже интересно и необычно. Видимо, женщины этого клана были желанными супругами для других варваров. В статье С.А. Яценко «Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии» (2018) представлен материал, который позволяет определить более точную датировку основной массы подобных зеркал в самой Сарматии. В данном контексте меня заинтересовали

[288] См.: Казанский, 2013, рис. 2 (6, 14). Изображения, сходные с образцом тамги из Сакка-ди-Гойто Я. Лебединский находит «на сосуде из могилы, обнаруженной в селе Пороги (Украина, Винницкая область. I в.), на железной пластинке с позолотой из Окницы / Ocniţa (Румыния, I в.), на монетах сарматского царя Инисмея, отчеканенных в Ольвии около 79-81 гг., на гарнитуре сарматского меча из могилы 2 фракийского кургана Рошава Драгана в Чаталке (Болгария, I или II в.), на бронзовой пластинке из Орошхаза / Orosháza (II или III в.) [Лебединский, 2016: 79-80].

тамги некрополя Бельбек, описанные С.А. Яценко: «Тамги Бельбека IV изучались мною много лет назад [Яценко 2001: 37–43, рис. 18]. Однако недавняя полная научная публикация этого могильника создает новые возможности. Тамги представлены только в женской субкультуре. Почти все они выявлены на таком аксессуаре, как миниатюрные зеркала-подвески с боковой ручкой, то есть, видимо, принадлежали сарматским женщинам, попавшим замуж в эту местность» [Яценко, 2018: 220]. Женщина из могилы 46 в позднескифском некрополе Бельбек IV (в Юго-Западном Крыму, восточнее Севастополя) умерла между 100 и 125 гг. н.э., то есть в конце среднесарматского времени. Примерно рубежом I-II вв. датируется зеркало в могиле 70 Восточного некрополя Неаполя Скифского. Широко II веком, датируется зеркало с идентичным, но перевернутым набок и без точки в центре, знаком в устье Дона, в меото-сарматском некрополе Кобяково (2002 г., раскоп II, могила 25) (Там же, рис. 7, тамга № 14). Более того. В книге В.С. Драчука «Системы знаков Северного Причерноморья»[289] есть и второе зеркало с идентичной тамгой из Неаполя Скифского (табл. XVIII, 4, №№ 2, 8). Есть такое зеркало и в Днепропетровском музее (ныне г. Днепр), но место его находки неизвестно (табл. XVI, № 49). Иными словами, единственная тамга (причем встреченная дважды), известная у аланов Западной Европы рубежа IV-V вв. имеет весьма раннее происхождение.

Тема ареала распространения сармато-аланских тамг выходит за пределы европейского континента. Так, типичная сармато-аланская тамга изображена как тавро на бедре лошади на двух фрагментах знаменитой алано-вандальской мозаики, найденной в Северной Африке – Бордж Джедид, недалеко от Карфагена (Тунис) [Диснер, 2002: 58]. Мозаика датируется 450-550 гг., то есть периодом, предшествующим походу византийского полководца Велизария на Карфаген (533 г.), положившему конец Алано-Вандальскому Королевству. Всадника, изображенного на фоне роскошного замка, напрасно считают именно

[289] Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. – 224 с.

вандалом, так как вандалы, как и гунны, не пользовались тамгами[290]. С.А. Яценко подсказал мне, что идентичные и очень близкие образцы подобных тамг известны в Центральном Предкавказье в позднесарматское время. Это, в частности, могильники Клин-Яр III Кисловодская котловина (комплекс 35 кон. III - первой пол. IV в.) и Усть-Альма (Крым, склеп 54), при этом тамга из комплекса 35 (Клин-Яр III) присутствует там не на зеркалах, а в виде клейма на комплекте посуды, состоящей из мисок и кружек [Малашев, 2008. Рис. 4 (1,2,4,5)].

Тамга, абсолютно идентичная образцу из могильника Клин-Яр III, была изображена на фибуле из некрополя Кортра (Cortrat, Луара), но Я. Лебединский, считает «ошибочным» ее алано-сарматское происхождение, идентифицируя захоронение, как могилу воина-«лаета», т.е. германского военнопленного. Еще две тамги из иллюстраций, приведенных Я. Лебединским – «Вермандское сокровище», департамент Эна и могильник Кортра, лишь незначительной деталью отличаются от образца, найденного в могильнике Усть-Альма (Крым), повторяя в основе контур Усть-Альминского рисунка [Лебединский, 2016. Рис.34]. И еще одно замечание. Т. Сулимирский считает, что с принятием христианства сарматами и аланами, попавшими под влияние римской империи, тамги утратили свое прежнее «охранное» значение, «и были заменены крестом или монограммой Христа» [Сулимирский, 2007: 139]. Вполне возможно, что тамгу из Бордж-Джедида можно рассматривать как стилизованное изображение креста, не утратившего, впрочем, своего охранного назначения[291].

В ходе своих дальнейших исследований М.М. Казанский пришел к выводу о наличии в регионе и других представителей сармато-аланского мира, которые прибыли сюда задолго до нашествия организованной группы аланов в 406 г. Но кто были эти люди? В контексте, в частности, захоронения в Реймсе, внимание

[290] Не пользовались тамгами и гунны Европы IV-V вв., что подчеркивает и Я. Лебединский [Лебединский, 2016: 70]. Однако huna использовали тамги на юге Средней Азии и в Индостане [Яценко, 2024].

[291] Согласно С.А. Яценко, основные функции подобной знаковой системы – быть знаком собственности и сопричастности [Яценко и др. 2019: 19-20].

М.М. Казанского привлекает все та же *Noticia Dignitatum*. Согласно этому документу, на рубеже IV – V вв. стратегическую дорогу между Амьеном и Реймсом охраняли сарматы – *gentiles* (свободные чужеземцы – А.Ч.), которые выполняли функции «полевой жандармерии» [Noticia Dignitatum, Oc. XLII, 67]. М.М. Казанский считает, что, вполне возможно, реймсское захоронение связано с теми самыми сарматами [Казанский, 2013: 149]. Точно неизвестно, как они оказались на территории империи, но наверняка они рекрутировались на Среднем Дунае, так как только там к середине IV в. упоминаются группы сарматов. Степи восточной половины Карпатской котловины в этот исторический период населяли сарматы-языги, которые в результате войн с Римом в качестве военнопленных часто селились на территории империи в качестве военных поселенцев. В то же время М.М. Казанский отмечает, что «могила в Реймсе содержит фибулу черняховской традиции, не характерную для паннонских сармат, но вполне уместную у сармат понтийских». Эта важная ремарка, так как «для южной периферии черняховской культуры исследователи отмечают смешение восточногерманских и сарматских черт» [Казанский, 2013: 149]. Не исключено также, что под «сарматами» *Noticia Dignitatum* подразумевал не только ираноязычных номадов дунайских и южнорусских степей, но и всех разнородных выходцев из Восточной Европы, которую римский мир знал под общим названием *Sarmatia*.

Тем не менее, присутствие разнородных, сармато-аланских и германских вещей в едином погребальном комплексе, возможно, отражает смешанный состав этих «сарматских» отрядов. Не случайно в *Notitia Dignitatum* для региона современного города Пуатье (Франция) упоминается некий *Praefectus Sarmatorum et Taifaiorum gentilium* [Notitia Dignitatum, Oc. XLII, 65]. Вполне возможно, что под командованием этого префекта в одном отряде служили как сарматы, так и германцы-тайфалы из Нижнего Подунавья.

Особый интерес у М.М. Казанского вызывает так называемая «княжеская» варварская культура эпохи Великого переселения народов. Отражением этого времени стал ряд мужских и женских погребений, а также различных кладов,

которые датируются периодом с 380 по 450 гг. Эти захоронения как нельзя лучше иллюстрируют культуру варварской аристократии и характеризуются схожим набором предметов. В археологии эти памятники определяются как «горизонты *Унтерзибенбрунн* и *Смолин*». Подобные памятники были распространены на обширной территории от Северного Кавказа до Северной Африки, и, судя по составу находившихся в них предметов, были гомогенными. При столь широком географическом охвате вопрос культурно-этнической принадлежности этих памятников отходит на второй план. Несомненна также разнородность истоков формирования этой культуры. Специалисты усматривают в ней элементы римской, германской, гуннской и понтийской культур. Именно понтийские элементы привлекают особое внимание автора, так как по происхождению именно они и «связаны с культурой Северо-Восточного Причерноморья, т.е. с Боспором, Танаисом и окружавшей их степью» [Казанский, 2013: 150].

Практически идентичный погребальный инвентарь, за исключением некоторых деталей, содержат и мужские вождеские погребения хронологических горизонтов *Смолин* и *Унтерзибенбрунн*. Как правило, это парадный меч с портупейной гарнитурой, гарнитура пояса и обуви, часто сопровождаемая полихромным декором, а также *скрамасакс*[292] или кинжал, конское снаряжение, элементы пиршественного набора, такие, как кубок и кувшин. Встречаются и изделия из золота, такие, как золотая гривна или золотой браслет, которые указывают на высокий социальный статус погребенного. М.М. Казанский отмечает, что география подобных погребений охватывает большую территорию в границах от Северного Кавказа (захоронения в могильнике у Лермонтовской Скалы, Брут 1) до Пиренейского полуострова (Бежа). Помимо богатого убранства, явным признаком

[292] Скрамасакс («Большой сакс») – боевой нож или короткий меч германских народов, широко применявшийся викингами в качестве запасного оружия.

«вождеского» захоронения является меч, как правило, парадный[293]. Вождеские могилы германцев отличаются от других подобных, в первую очередь, коллекцией оружия. К примеру, в V в. германцы клали в захоронение вождей представительную паноплию[294], которая включала в себя щит, копье, топор, иногда шлем и т.д.[295], в то время, как гунны часто помещали в могилу лук и стрелы.

Магическая функция меча, как особой инсигнии, пользующейся особым почитанием у ираноязычных народов степи, широко известна. Как правило, меч, как единственный предмет вооружения встречается в степных сармато-аланских погребениях. Именно поэтому М.М. Казанский предложил отнести подобные «вождеские» захоронения «к сармато-аланской погребальной традиции» [Казанский, 2013: 150]. Автор отмечает невозможность идентификации этих могил как аланских, так как в данном случае можно говорить лишь «о престижной «вождеской» моде. Лишь в одном случае – по поводу могилы в *Мундольсхейм* в Эльзасе можно сказать, что здесь похоронен, скорее всего, выходец из понтийской зоны, поскольку ременная гарнитура, представленная в данном погребении, имеет наиболее близкие параллели на юге Восточной Европы» [Казанский, 2013: 150].

Определенный интерес представляют женские погребения вождеской аристократии, которые также имеют элементы понтийского происхождения. Это, к примеру, костюм с нашивными золотыми бляшками, украшавшими пекторальную часть костюма и, возможно, края одежды: «Такой костюм хорошо известен в сармато-аланских степных древностях римского времени. В III в. он, кажется, исчезает в степи, но, возможно, сохраняется на Боспоре Киммерийском. Затем, в эпоху Великого переселения народов он неожиданно

[293] Длинные мечи с металлическим перекрестьем в форме ромба или эллипса, часто называют «оружием кочевников», но на самом деле такие мечи известны среди степного населения Северного Причерноморья на рубеже н.э. [Лебединский, 2016: 64].

[294] Паноплия – комплект вооружения греческих гоплитов. Полное вооружение греческого гоплита, называемое паноплией, состояло из поножей, лат, с внутренним и наружным поясом, меча, висевшего на левом боку, круглого щита, шлема и копья.

[295] Напомним, что у некоторых восточногерманских народов, в частности готов, оружие обычно из погребального инвентаря исключалось вообще.

получает широкое распространение у знатных варваров и известен от Кавказа до Северной Африки» [Казанский, 2013: 150]. Металлические зеркала с центральной петлей, обнаруженные в женских погребениях, о которых подробно было сказано выше, представляют собой интересный образец культуры Понта, так как являются характерными как для позднеантичных центров Северо-Восточного Причерноморья, так и для степного понтийского населения и Северного Кавказа. Вполне характерными для понтийской культуры являются и волютообразные серьги с инкрустацией, путь которых также прослеживается от Боспора до Среднего Дуная и Римского Запада. Я. Лебединский полагает, что явно восточное происхождение имеют и разновидность женских серег «в форме полумесяца с утолщенной серединой и более тонкими концами, найденных в большом количестве в Центральной Европе и Галлии» [Лебединский, 2016: 66-67]. Браслеты с зооморфными окончаниями, колье из золотых плетеных цепей, которые известны по женским погребениям, синхронным горизонту *Унтерзибенбрунн* имеют явные средиземноморские корни, и могут быть отражением, скорее, римского, но никак не понтийского влияния [Казанский, 2013: 151]. М.М. Казанский обращает внимание на географию, «княжеских» погребений в Галлии, основная часть которых находится либо в районе границы Рейна (Мундольсхейм, Альтлюсссхейм, Хохфельден), либо на морской границе, так называемом Саксонском рубеже[296]. «Вряд ли это случайность – можно предположить, что эти могилы принадлежат варварским офицерам и членам их семей, расселенным на этих рубежах для обеспечения обороны Империи» – отмечает М.М. Казанский [Казанский, 2013: 151].

Еще одна деталь, на которую обращает внимание автор, это «восточные» элементы в культуре рядового населения римско-германского Запада в позднеантичную эпоху, или эпоху Великих Миграций. Он отмечает их немногочисленность, и в то же время подчеркивает, что они могут быть

[296] Саксонский рубеж (лат. *Limes Saxonicus*) — лимес между саксами и славянским племенем *ободритов*, построенный в 800-е годы на территории современной земли Шлезвиг-Гольштейн.

сопоставлены с влиянием или присутствием аланов на данной территории. Это, конечно же, ритуал искусственной деформации, или моделирования черепа.

Традиция, которая присутствовала в разных хронологических рамках и географических локациях[297], была привнесена в европейские степи носителями позднесарматской культуры (аланы-танаиты – А.Ч.) в середине II в. В гуннское время (конец IV в.) практика моделирования черепа распространяется по всей Западной Европе вплоть до Галлии, и постепенно исчезает в первой трети VI в. «В Западной Римской империи этот обычай более всего зафиксирован на территории Бургундского королевства, а также в Северной Галлии и Аквитании, где бургундов не было» [Казанский, 2013: 151].

Интересно, что на Западе антропологически эта традиция наблюдается только в женских захоронениях, что свидетельствует о том, что в подобных случаях антропологи имеют дело либо с выходцами из Восточной Европы, либо с индивидами, раннее детство которых прошло в восточноевропейской культурной среде. В ряде случаев в погребениях, в которых были найдены деформированные черепа (в частности, некрополь Бон в Бургундии[298]) присутствуют фрагменты восточногерманского костюма, с парой фибул на плечах, что позволяет М.М. Казанскому утверждать, что «когда обычай искусственной деформации черепа докатывается до Запада, он уже не специфически аланский, а в целом восточноевропейский, поскольку связан, в первую очередь, с восточногерманским культурным элементом» [Казанский, 2013: 151].

Еще один маркер – все те же металлические зеркала с центральной петлей, о которых говорилось выше, а также калачевидные серьги, которые присутствуют исключительно в мужских захоронениях, и, вероятнее всего, являются отражением некоей моды, пришедшей в регион из понто-дунайского региона. И третий признак, упомянутый автором – это клинки кинжалов с

[297] К примеру, Древний Египет и доколумбовская Америка

[298] Б.Бахрах (1973) считает моделированные черепа из Бургундии и остальной Галлли исключительно аланскими. Я. Лебединский полагает, что это скоропалительный вывод. Возможно, пишет он, «бургунды переняли ее (традицию искусственной деформации черепа – А.Ч.) от аланов, с которыми они были в контакте с 406/407 гг., с времен перехода через Рейн, а не от гуннов» [Лебединский, 2016: 73].

вырезами у пяты, восточное происхождение которых не вызывает у М.М. Казанского сомнения. «Возможно, что понто-кавказское оружие попадает в Галлию через Средний Дунай, где оно известно с гуннского времени, или с визиготами, у которых эти клинки бытовали уже в IV в.» [Казанский, 2013: 152].

Обобщая материал, М.М. Казанский приходит к заключению, согласно которому аланы были преемниками и распространителями «гуннской» или «понто-дунайской» моды: «Понтийские элементы на Западе, часто сармато-аланского происхождения, отражают, вероятно, общее восточное влияние в рамках «гуннской» или «понто-дунайской» моды, когда благодаря престижу гуннов различные элементы материальной и духовной культуры восточно- и центральноевропейских варваров получают широкое распространение. Престижная мода касается вооружения, конского снаряжения, убора, обрядов. Вне всякого сомнения, аланы были ее преемниками и распространителями. Однако сами они, будучи, видимо, сильно ассимилированными, археологически пока не выделяются» [Казанский, 2013: 152].

6.1.2. «Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные»

Статья М.М. Казанского и А.В. Мастыковой «Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные»[299] была опубликована в 1999 г. Эта работа является прекрасной иллюстрацией принципа, о котором говорилось выше. В данном случае авторы приводят свидетельство греческого географа Маркиана из Гераклеи Понтийской (ок. 400 г.) о локализации алано-сарматов, а затем, опираясь на данные археологических раскопок в регионе, ищут и находят подтверждение свидетельству, описанному хронистом. Так, Маркиан (или Псевдо-Маркиан)

[299] М.М. Казанский, А.В. Мастыкова. Аланы на Днепре в эпоху Великого Переселения Народов: свидетельство Маркиана и археологические данные // РА, 1999. № 4. С. 119-130.

пишет: «…Река Рудон вытекает из горы Алан; около этой горы и вообще в этой стране на большом пространстве обитает народ аланы-сарматы, в их землях находятся истоки Борисфена, который течет к Понту. Земли по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские гунны…» (Маркиан, II.39, цит. по: В.В. Латышев, 1890)[300]. И если Борисфен – это древнее название Днепра, то Рудону, согласно авторам, соответствует одна из рек Балтийского бассейна. Это могут быть реки *Неман* или *Западная Двина* [Казанский, Мастыкова, 1999: 119]. Эти два географических ориентира позволили Д.А. Мачинскому локализовать сарматов и аланов, о которых упоминает Маркиан, на р. Днепр, приблизительно между южной границей лесной зоны и территорией обитания гуннов, которые в тот исторический период (ок. 400 г.) занимали степи у Нижнего Днепра [Казанский, Мастыкова, 1999: 119]. Цель, которую ставят перед собой М.М. Казанский и А.В. Мастыкова заключается в том, чтобы выявить археологические памятники сарматов и аланов периода, о котором указывается в свидетельстве Маркиана.

В самом начале статьи авторы подчеркивают, что под «алано-сарматами» они рассматривают все ираноязычные народы степи и сопредельных с ней регионов, а также потомков сармат и аланов классической древности, большая часть которых к началу Великой миграции уже была известна в хрониках под именем *Алан*. Они аккуратно воздерживаются от каких-либо конкретных этнических привязок, которые в эпоху Великого переселения народов могут быть не вполне корректными. Этому времени было свойственно возникновение новых этнополитических объединений варварских племен степи, в которых «ориентация на конкретного вождя (династию) часто имела гораздо более важное значение, чем реальное происхождение индивидуума» [Казанский …, 1999: 119].

Сказанное М.М. Казанский и А.В. Мастыкова иллюстрируют на примере трех археологических памятников начала эпохи Великих миграций,

[300] Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева. Т. 1-2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893-1906.

расположенных на Левобережье Днепра, аланская и сарматская атрибуция которых не вызывает сомнения. Это курганные некрополи Кантемировка в бассейне р. Ворсклы, Ново-Подкряж на р. Орель (Украина) и могильник в районе с. Дмухайловка (Украина). Несмотря на немногочисленность памятников той эпохи, авторы подчеркивают, что они рассматривают лишь закрытые комплексы с надежно установленными датами.

Нет необходимости в том, чтобы подробно останавливаться на описании состояния и содержания каждого из могильников. В контексте исследуемой темы важны, прежде всего, выводы, к которым приходят авторы. В частности, они не подвергают сомнению алано-сарматскую принадлежность представленных некрополей. Основным маркером для них в данном случае представляется факт того, что подкурганные захоронения, особенно в катакомбах и подбоях, каковые представлены в этих могильниках, в степях Восточной Европы, как правило, соотносятся только с алано-сарматским ираноязычным населением. Это утверждение абсолютно верно и для эпохи Великого переселения народов и позднеримского периода. Другие номады той эпохи, в частности гунны, «совершали погребения по обряду трупосожжения, а при обряде трупоположения клали в могилу шкуру лошади (Засецкая И.П., 1994, с. 19-22). Редкие для гуннского времени степные ингумации в подбоях И.П. Засецкая обоснованно связывает с алано-сарматами» [Казанский …, 1999: 124]. В то же время «подкурганные погребения в подбоях и катакомбах совершенно неизвестны у оседлого населения, в частности в черняховской культуре» [Казанский …, 1999: 124]. Аналогичное кантемировским некрополям захоронение гуннского времени находится на территории Молдавии. Это два захоронения, подбойное и катакомбное, алано-сарматского могильника Кубей. На Северном Кавказе также хорошо известны подкурганные катакомбные погребения аланов, которые разбросаны на территории от южных районов Приморского Дагестана до Пятигорья.

И если с идентификацией вышеуказанных могильников проблем не возникает, то этническая принадлежность других древностей номадов того

периода в Среднем Поднепровье представляется затруднительной. К примеру, «неизвестно, кому (аланам или гуннам) принадлежит погребение в Старой Игреки с диадемой» [Казанский …, 1999: 125]. Вопросы возникают и в связи с находкой в районе бывшего пос. Переволочная в Полтавской области, в устье р. Ворсклы гуннского металлического котла, что свидетельствует о том, что в регионе в тот период проживали не только аланы, но и гунны. Дело в том, что данный тип котлов появляется в Восточной Европе только с миграцией гуннов. В то же время археологические памятники, характерные для гуннов, такие, как некрополь Ново-Григорьевка с «трупосожжениями», располагаются в днепровских степях в непосредственной близости от обозначенных выше алано-сарматских археологических памятников, что наводит на мысль, что они «расселяются на Днепре лишь в финальной фазе черняховской культуры, после того как в 375 г. остготский союз Германариха был разгромлен гуннами и аланами. В предыдущую эпоху в III-IV вв. аланы на Днепре письменными источниками не упоминаются» [Казанский …, 1999: 125].

Авторы отмечают, что алано-сарматские некрополи, которые хронологически датируются периодом с 250 по 375 гг. (Гочево I, Лихачевка (курган №6), Моспинская) расположены на восточной границе черняховской археологической культуры. Исключение составляет погребение в Новых Санжарах близ Полтавы, датировка которого представляется затруднительной в силу того, что ряд артефактов, найденных в нем, можно отнести к более раннему историческому периоду. Молчаливые артефакты склонны высветить всю палитру контактов и взаимоотношений древних народов. Так, присутствие вещей, характерных для черняховской культуры в алано-сарматских курганах говорит о тесных контактах номадов с оседлым населением. Эти же вещи можно обнаружить и в подобных погребениях, которые локализуются далее к востоку. М.М. Казанский и А.В. Мастыкова также описывают и анализируют найденную на поселении Капуловка в бассейне нижнего Днепра северокавказскую керамику гуннской эпохи. Там же было найдено большое количество черняховской керамики. Особенностью образцов северокавказской

керамики на данном некрополе (к примеру, серогончарный кувшин с носиком для слива, характерный для Северного Кавказа, и другие подобные образцы) говорит о том, что «в составе черняховского населения Капуловки были выходцы с Северного Кавказа» [Казанский …, 1999: 127].

Анализ артефактов, хронологическое и географическое сопоставление археологического материала позволили авторам прийти к следующим выводам:

1) Новые группы алано-сарматов, скорее всего, пришли в регион Днепра издалека.

2) Вне всякого сомнения, их появление в регионе было связанно с гуннами, а точнее, с политикой, проводимой гуннами на вновь завоеванных территориях [Казанский …, 1999: 127].

3) Авторы считают, что позднечерняховские памятники «периода D_1 – начала периода D_2 (соответственно 360/370-400/410 и 380/400-440/450 гг.), известные в лесостепи (Сумы-Сад, Борохтянская, Черняхов, Завадовка, Косаново, Маслов, Журавка, Данилова Балка и т.д.), а также «княжеские» клады с восточногерманскими украшениями горизонта Унтерзибенбрунн (D_2, 380/400- 440/450 гг.) принадлежат остроготам Винитария» [Казанский …, 1999: 127].

Эти памятники соприкасаются во времени в эпоху короля грейтунгских готов Винитария, в 380-410 гг. Более того, они соседствуют с зоной славянских памятников киевской культуры. Памятники черняховской культуры «периода D_1 в черноморской степи (Ранжевое, Каменка-Анчекрак, Гавриловка, Бизюков монастырь, Луговое) принадлежат, видимо, готам Гезимунда, союзникам гуннов» [Казанский …, 1999: 128]. Сарматские памятники, описанные выше (Кантемировка, Ново-Подкряж, Дмухайловка), а также памятники, в которых была найдена керамика из Северного Кавказа (Капуловка) «вклиниваются между этими двумя группами готов. Алано-сарматы занимают, таким образом, важную стратегическую позицию: они разделяют готское население гуннской империи» [Казанский …, 1999: 128].

6.1.3. «Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях»

Статья М.М. Казанского под таким названием была опубликована в 1994 г.[301]. Из соответствующей аннотации следует, что статья является русским адаптированным текстом доклада, прочитанного автором на коллоквиуме для студентов на тему «Римская знать и вожди варваров в III-IV вв.». Коллоквиум состоялся в мае 1992 г. во Франции, в г. Сен-Жермен-ан-Ле. Во французской версии эта же работа была опубликована в 1995 г. в издании "*La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle"* под общей редакцией Франсуазы Валле (Françoise Vallet) и М. Казанского.

Основной посыл статьи касается, прежде всего, описания и анализа погребений III-IV вв., оставленных алано-сарматами на территории Боспора и Северного Кавказа до нашествия гуннов. Проблема для автора, как и прежде, видится в определении четкой дифференциации между гуннскими и собственно алано-сарматскими некрополями. И, как и прежде, основной акцент делается автором на захоронениях, которые принадлежали знати, вождям, так как они были более восприимчивы к внешнему культурному воздействию. Соответственно, их можно более точно датировать со ссылкой на аналогичные захоронения в других регионах. Еще одна проблема заключается в обрывочности свидетельств письменных источников, что затрудняет четкую этническую атрибуцию рассматриваемых автором памятников. В описательной части М.М. Казанский использует этнонимы аланы и сарматы, хотя, возможно на этой территории в данном хронологическом горизонте времени присутствовали и другие номады.

М.М. Казанский перечисляет как наиболее значимые и богатые погребения[302], найденные в разное время в южнорусских степях, в которых могли быть захоронены вожди племен или высшие представители родовой

[301] Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238-256.
[302] В частности, Кишпек, Воронежская, Чауш, Азов-Аэродром 1 (устье Дона).

знати, так и менее богатые захоронения[303], в которых было найдено престижное оружие (к примеру, длинные мечи) и соответствующее снаряжение, которое могло принадлежать воинам высшего порядка или членам их семей[304]. Различные предметы, извлеченные из этих захоронений, как то – керамика, длинный меч, меч с деревянными ножнами, и др., позволили датировать некрополи IV в. Более того, аналоги некоторым артефактам были найдены и в других захоронениях.

В некрополе Центральный IV, который был исследован в Подонье, в катакомбе №14 были найдены меч, керамика, и различные пряжки, в том числе от ремней портупеи, а также пряжка со щитком, инкрустированным гранатами, который авторы датировали IV в. Еще один курган, найденный в Азове, в устье Дона хранил в тайнике бронзовый котел, меч и небольшой набор украшений сбруйных ремней, декорированных сердоликом, которые были стилистически близки, найденным в могильнике IV в. у с. Кишпек (Баксанский район Кабардино-Балкарии – А.Ч.), где было найдено вождеское захоронение в подкурганном деревянном погребальном сооружении. Богатые находки включали в себя меч, шлем, украшенный двумя золотыми пластинами, инкрустированными сердоликом, копье, кольчугу, нож, бронзовый котел и др. Подобные серебряные пряжки и мечи были найдены и в других регионах, в частности в бассейне Нижнего Дона, в степях вокруг Северского Донца (Нещеретово), в Прикубанье (станица Воронежская), на Северном Кавказе, а также в западно-понтийских степях в ареале между Днепром и Дунаем (Градешты, Молдавия) и т.д. Все они были отнесены к IV в.

Подобный погребальный инвентарь, вписывающийся в те же хронологические рамки, был обнаружен на территории Боспорского царства, в Предуралье, в центральноазиатских степях и Западной Сибири. Эти памятники являются свидетельством тесных связей, которые имелись между кочевниками понтийских степей и их соседями. Детальное исследование этих артефактов

[303] Некрополи Центральный IV (Подонье), Нещеретово, Веселая Роща II, Градешты и Виноградовка.
[304] К примеру, в Подонье в захоронении Центральный IV.

позволит более точно определить датировку алано-сарматских некрополей. Для сравнения стоит также упомянуть находки из могильников у местечка Броды (Львовская область, Украина), близ хут. Брюхановский и у с. Муслюмово. К этому же хронологическому горизонту М.М. Казанский относит и «вождескую» могилу в с. Тугозвоново (село в Шипуновском районе Алтайского края, Западная Сибирь)[305].

Затем М.М. Казанский переходит к описанию захоронений, расположенных в восточной части Крыма, на Таманском полуострове, на территории Боспорского царства, которые также принадлежат к той же группе, что и находки из понтийских степей. Речь, прежде всего, идет о захоронении, обнаруженном в 1841 г. в Аджимушкае недалеко от Керчи, часть инвентаря которого в свое время была опубликована В. В. Шкорпилом. Согласно ему, речь, скорее всего, может идти о том же «вождеском» захоронении, которое упоминают в своих трудах А. Ашик, С. Рейнах и М.И. Ростовцев. Оно содержало диадему, элементы конской сбруи, изготовленные в полихромном стиле с сердоликами, предметы оружия и оттиски боспорских монет отчеканенных в 212-229 гг.[306]. М.М. Казанский выступает против подобной атрибуции, и в подтверждение своего мнения приводит следующую аргументацию. Согласно ему, «в публикации В.В. Шкорпила изображены конские удила и элемент упряжи из четырех закрепок уздечки, отличные от найденных в упомянутой «княжеской» могиле. Обычно эти предметы находились в погребениях Боспора и понтийских степей в единственном экземпляре… Их присутствие в двух экземплярах в могиле 1841 г. кажется мне подозрительным. Керченская могила 1918 г. … сравнима с погребением 1841 г. Речь идет о вещах, поступивших в Музей Национальных Древностей в Сен-

[305] Здесь были найдены гривна, палаш с полусферическим навершием украшенным синей и черной стеклянной пастой, с ножнами и золотой рукоятью того же типа, что и в Муслюмово, кинжал с полихромным декором из сердолика, гранатов и стеклянной пасты, золотое витое ожерелье, элементы упряжи, серьга с сердоликом, поясной набор с полихромным декором, кольцо с гранатами, пряжки с почковидным щитком полихромного стиля, украшенным гранатами. М.М. Казанский считает, что форма пряжек, обнаруженных в Тугозвоново и в Предуралье является более архаичной, чем форма пряжек гуннского периода.

[306] Шкорпил, 1910, с. 33, 34, рис. 13-15; Ашик, 1848, Т. 2, 39, С. 47-48; Рейнах, 1892, с. 43; Ростовцев, 1923, рис. 14.

Жермен-ан-Ле: деталях сбруйного набора, лучковой фибуле, мече, нескольких пряжках типа Keller A и впервые опубликованной в 1988 г. пряжке гуннского периода. Если все перечисленные вещи действительно происходят из одного захоронения, то пряжка гуннского периода дает основание отнести могилу с усадьбы Месаксуди[307] к концу изучаемого периода» [Казанский, 1994: 240].

М.М. Казанский переходит к обобщению исследуемого материала для того, чтобы обосновать достоверность датировки описываемых предметов. Это позволяет ему ограничить хронологический горизонт первыми тремя четвертями IV в. В качестве «отправной точки» М.М. Казанский берет пряжки с почковидным или овальным щитком типа Keller A-B-C из Веселой Рощи II, Градешт, Центрального IV, Нешеретово, Чауши и Кишпека, которые, согласно ему, указывают на правомерность подобной датировки.

Проведя детальный сравнительный анализ восточноевропейской сарматской пряжки известной по римским некрополям IV в., и иконографическим поясам, на которых она изображена (в частности на арке императора Константина в Риме (314 г.), со ссылкой на работы коллег (А.К. Амброз, Е.Л. Гороховский, М. Преттель, Е. Келлер, М. Зоммер), привлекая к сравнению обширную географию находок (Дунай, Балканы, Галлия, Реймс, Паннония, Северная Италия, Северная Европа и т.д.), М.М. Казанский приходит к выводу, что датировка первого появления этих пряжек, предложенная О.В. Шаровым (300 г.), является наиболее достоверной.

Воинский пояс со спиралеобразными накладками из захоронения Кызыл-Кайнар-Тобе, характерный для позднеримской армии, дает еще один хронологический ориентир. Исследователи единодушно относят его к IV в. Подтверждением подобной датировки являются сопутствующие многочисленные находки в обнаруженные захоронениях, в том числе монеты, а также изображения на арке Константина (314 г. н.э.). И наконец, светлоглиняные амфоры типа Инкерман также подтверждают принадлежность

[307] Имеется в виду могила сарматского военачальника, обнаруженная в 1918 г. на южном склоне горы Митридат. Артефакты из захоронения были вывезены из России и куплены Лувром у представителей семейства Месаксуди. Сегодня они хранятся в Национальном музее античности Сен-Жермен-ан-Ле (Франция).

исследуемых памятников к IV в. Хронология этих амфор была хорошо изучена в контексте черняховской культуры и на территории Крыма. Они также были засвидетельствованы в закрытых погребальных комплексах IV в.

Ошибка в датировке обусловлена тем, что материальная культура кочевников в IV в. (а это элементы сбруи с полихромным стилем, поясов, металлические зеркала с центральной петлей, мечи, аксессуары одежды и т.д.) изменилась незначительно по сравнению с III в. И здесь М.М. Казанский обращает особое внимание на ряд вещей, которые до последнего времени считались характерными исключительно для III в. Речь, в частности идет о так называемых «догуннских» находках, украшенных в полихромном стиле, который, согласно М.М. Казанскому, является имитацией украшений римской знати эпохи позднего Рима. Этот декор характеризуется использованием сердоликов на металлическом фоне с чеканкой, а также доминированием светло-зеленого и голубого цветов. Именно цветовой гаммой он и отличается от полихромного стиля гуннского периода, в котором преобладали зеленый и красный цвета.

Интересно, что непрерывность материальной культуры в Северном Причерноморье между III и IV вв., в частности, на примере догуннского полихромного стиля, явно проявилась в археологических материалах Боспора. М.М. Казанский ссылается на практическую идентичность элементов упряжки с догуннским полихромным стилем и пряжкой IV в. из захоронения в Аджимушкае 1841 г. и декора вещей из могилы с «Золотой маской» в Керчи 1837 г. Весь сопутствующий инвентарь из этих могил позволяет прийти к выводу, что полихромный стиль, характерный для Боспора в III в., также был распрстранен и в IV в.

Сравнительный анализ различных римских шлемов с декором «догуннского» полихромного стиля (Югославия, Венгрия, Румыния, Нидерланды), их описание, а также сопутствующие находки в погребениях, в котором были обнаружены шлемы, в частности, монеты и надписи на

шлемах[308], позволяют М.М. Казанскому уточнить их датировку, которая также сводится к IV в.

Подводя итог своей работе, М.М. Казанский систематизирует описанные им северопричерноморские некрополи кочевников и распределяет их по следующим хронологическим группам. Пряжки и поясные наборы позволяют ему включить комплексы Аджимушкая 1841 г., Кызыл-Кайнар-Тобе, Кишпека, Веселой Рощи II в наиболее раннюю группу. Пряжка гуннского периода, найденная в захоронении Месакуди 1918 г. датирует его последней третью IVв., в то время, как пряжки из могил Центральное IV, Муслюмово, Тугозвоново – второй половиной - последней третью IV в.

Наибольший интерес у автора вызывают римские предметы, обнаруженные в сарматских могилах IV в. Помимо римских пряжек, предметов догуннского полихромного стиля, и поясов со спиралевидными пластинками, в которых М.М. Казанскому видится стремление кочевников соответствовать военной моде поздней Империи, автор обращает внимание на возможные параллели в контексте пластинчатого шлема из Кишпека. Шлемы, которые использовались как часть экипировки легионера со времен Траяна, были изображены на арке императора Галерия в Салониках (298 г.), и, по мнению С. Джеймса, были явно сарматскими [Казанский, 1994: 243]. Полемизируя с С. Джеймсом, М.М. Казанский указывает на различие сарматских шлемов, изображенных на колонне Траяна и шлема, извлеченного из могилы в Кишпеке и изображенного на арке Галерия, отмечая, прежде всего круглые горизонтальные полосы, отсутствие на них шишаков.

Стоит обратить внимание на полное отсутствие подобных шлемов в некрополях степных культур III-IV вв., так как такой тип экипировки не был характерен для всадников степей Северного Причерноморья. Наиболее близкими для шлемов с арки Галерия, как по датировке, так и по форме является шлем из Кишпека. Пластинчатые шлемы, подобный Кишпекскому на

[308] Некоторые из этих шлемов уверенно датированы первой пол. IV в., в частности, шлемы из Диерна (Нидерланды) датированы по монетам 315-319 гг., и шлемы из Беркасово 2 – по надписи, выгравированной на шлеме, в которой упомянут Лициний (308-325 гг.) [Казанский, 1994: 242].

протяжении второй пол. III в., а также в IV в. не были в ходу в Сасанидском Иране, хотя были хорошо известны на римско-иранском пограничье (Пальмира, Дура-Европос). По оценке М.М. Казанского, традиция их изготовления существовала на Ближнем Востоке, по крайней мере, с ассирийского периода [Казанский, 1994: 243]. Подобная находка не является единственной на Северном Кавказе. Железный ламиллярный шлем из воинского захоронения в селении Калкни (Дагестан) был датирован гуннским периодом по пряжкам, обнаруженным в могиле.

М.М. Казанский считает, что влияние римлян на степных кочевников, особенно в сфере военной атрибуции, осуществлялось, прежде всего, через римские крепости Питиунт (Пицунда, Абхазия) и Себастополис (Сухум, Абхазия)[309], на черноморском побережье, а также через Боспорское царство, которое к IV в. было одним из опорных точек римской власти на Понте Эвксинском. Помимо прочего, Боспор также являлся важной точкой на Великом шелковом пути, свидетельством чему являются китайские вещи, в то время как боспорские монеты были найдены в Южной Сибири. Вполне вероятно, что по этому же пути в степи распространялось оружие, эпохи поздней Империи, а также поясные наборы и пряжки. «Что касается роли римских крепостей в районе, который сегодня называется Абхазией, то наличие в могиле в Кишпеке абхазского кувшина очень показательно» [Казанский, 1994: 244].

Конечно же, римское влияние не ограничивалось только лишь военной сферой. В этот период Рим был заинтересован в том, чтобы вовлечь на своей стороне кочевые народы в войну с Сасанидским Ираном, которая, согласно хроникам, длилась вплоть до конца третей четверти IV в. Грузинские и армянские летописи рассказывают о проходе через Кавказские перевалы кочевников и последующих нападениях на Иран. Так, в течение первой трети IV в. кочевники в союзе с армянским царем Тиридатом и далее, в 30-е годы IV

[309] Дальнейший путь на Северный Кавказ мог пролегать через представителей цебельдинской археологической культуры (втор. пол. II в. – VII в.), и далее через кавказские перевальные пути – Клухорский, Рукский, Дарьяльский и т.д.

в. уже в союзе с грузинским царем Аспаргуром Фарнавазианом (Мовсес Калантакуаци, I, 13; Леонти Мровели, 130) [Леонти Мровели, 1979: 37] активно участвовали в походах на сасанидский Иран. Вполне вероятно, что нападение в пятидесятых годах IV в. хионитов[310] из Центральной Азии на Иран, «столь полезное для римлян», было также последствием договоренностей между Римом и номадами. О подарках кочевникам со стороны контролируемых Римом властей Боспора и Херсонеса можно говорить уверенно в отношении ряда изделий причерноморского полихромного стиля [Яценко, Малашев, 2000: 244].

Но не только Рим искал союзников среди кочевников. Вполне вероятно, что и сасанидский Иран стремился заручиться их поддержкой. Косвенным свидетельством этому может служить меч с крайне редкими для той эпохи золотыми обкладками рукояти и ножен, найденный в могильнике Брут 1 V в. в 1989-1990 гг., который имеет явно иранское происхождение. Согласно Т.А. Габуеву, меч вместе с рядом других подарков мог попасть к аланам в качестве «дипломатического дара» [Габуев, 2014: 87]. Причем, по Т.А. Габуеву, этот дар мог попасть к аланам как со стороны гуннов, как плата за беспрепятственный проход последних в Закавказье что, на мой взгляд, весьма сомнительно, так и от персов, то есть мог быть «частью тех сокровищ, которые персы отправили в «страну хайландуров», тем самым открыв Аланские ворота» [Габуев, 2014: 87][311]. В то же время в статье М.М. Казанского «Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиум» проводится сравнительный анализ кинжалов, извлеченных из некрополя конца IV – нач. V в. Цибилиум-1 (Абхазия, погребения 57 и 61 – А.Ч.), с подобными, найденными в разных, в том числе и далеких от Кавказа регионах. При этом изначально иранское, или

[310] Хиониты – союз сако-массагетстких племен, возникший в начале IV в. н.э.

[311] Именно в этом регионе проходили как продольные (меридианные), так и поперечные торговые пути. Недалеко от с. Брут находятся руины раннеаланского городища Зильги (II-IV в. н.э.) который и находился на перекрестке торговых путей. И здесь интересна этимология названия Зильги, которую можно объяснить с осетинского языка как *зилгæ* – «поворот». В то же самое время, описывая поход персов на Колхиду, Прокопий в своей книге «Война с готами» отмечает, что «за ним (Хорианом – главой персидского войска – А.Ч.) в качестве союзников следовало много варваров из племени аланов» [Procopius, IV, VIII (1)].

«сасанидское» происхождение этих кинжалов автором не подвергается сомнению [Казанский, 2011: 146].

Еще одним аргументом, на который ссылается М.М. Казанский в пользу активного участия северокавказских народов в политической жизни Закавказья, является «тот факт, что в 70-х гг. IV в. претендентом на грузинский трон, поддерживавшимся римлянами, был человек по имени Савромак[312], что указывает на его алано-сарматское происхождение» [Казанский, 1994: 244].

6.1.4. «Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VII вв.»

Еще одна совместная статья М.М. Казанского и А.В. Мастыковой «Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VII вв.» была опубликована в 2001 г. Статья выстроена по тому же принципу, что и остальные, и является логическим продолжением предыдущей темы. Она освещает вопросы локализации и состояние торговых путей, существовавших на территории Западной Алании в V-VI вв. При этом авторы активно привлекают археологические данные, что позволяет им установить взаимосвязь между маршрутами торговых путей и географией распространения предметов роскоши, найденных на территории Западной Алании, которые датируются именно этим периодом. Дабы соблюсти точность в терминологии они, со ссылкой на В.А. Кузнецова и В.Б. Ковалевскую, дают определение термину *«Западная Алания»* которое рассматривается ими как «союзное Византии аланское объединение, «царство», в состав которого, вероятно, входили территории Пятигорья (включая Кисловодскую котловину), Верхней Кубани и Кабардино-Балкарии» [Казанский, Мастыкова, 2001: 138].

Благодаря сообщениям древних авторов, в частности Прокопия Кесарийского, аланы, как и собственно Алания, были достаточно известны в

[312] «Затем, распространяя свое вероломство, он изгнал Савромака, который римской властью был поставлен управлять Иверией, и передал управление этим народом некоему Аспакуре, предоставив ему право носить диадему…» [Amm. Marc. XXVII, 12, 4].

регионе, в частности, на Северо-Западном Кавказе. Западная Алания, впрочем, как и любое другое государственное образование той эпохи, не была однородной по составу. Это была полития, в состав которой входили как аланы, так и другие народы. Авторы подчеркивают, что для времени поздней античности, Великих миграций и раннего средневековья было характерным образование полиэтничных по формированию варварских образований, таких, как «королевство» Германариха, «королевство» Одоакра в Италии, которое включало в себя скифов, ругов, торкилингов и герулов, «империя» Аттилы, а также конфедерация вандалов, аланов и свевов в Испании, и гунно-гото-аланская армия «федератов» на территории Паннонии. Отличительной чертой вышеупомянутых варварских «королевств» был фактор «короля» – сильного лидера, способного на короткий срок объединить под своей властью различные этнические группы, что предопределяло дальнейшее развитие этого государственного образования.

Историки сходятся во мнении, что на рубеже 40-50 гг. VI в. длительный процесс объединения западных аланов завершился «социальным переворотом», в результате которого «соцарствующие» архонты, или родоплеменная знать были отстранены от управления этой территорией. Таким образом, к 550 г. завершилось формирование Западной Алании. Во главе объединения становится царь Саросий (ок. 558-572 гг.) – «басилевс страны», который упоминается в источниках как самостоятельный правитель, лидер, который занимал независимую позицию по отношению к Тюркскому каганату, и проводил в стране и регионе последовательную провизантийскую политику. Впервые византийские авторы упоминают о нем в 558 г. в контексте письма, которое Саросий написал Юстиниану – константинопольскому военачальнику в Колхиде. В письме Саросий выступает в качестве посредника «царя» аваров, «пожелавшего установить отношения с империей. Последний раз его упоминает Феофан в описании событий 571-572 гг., когда аланы приняли участие в войне с персами. Все это подчеркивает правоту исследователей, которые видят в Саросии главу западного аланского объединения, носившего

титул *сар-и-ос* «глава осов» [Гутнов, 2014: 242]. Точную характеристику дал Саросию Менандр, который называл его «Сарой / Саросий, друг ромеев» [Гутнов, 2014: 242]. Прокопий же писал: «…аланы и авасги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами…» [Procopius, B.P. II, XXIX (15)][313].

В.Б. Ковалевская полагает, что в этот хронологический период на Центральном Кавказе оставались перевальные пути, которые были не подконтрольны Сасанидскому Ирану, и в которых кровно была заинтересована Византия [Гутнов, 2014: 242]. Именно этим и были обусловлены поиски новых союзников, как со стороны представителей этих народов, так и со стороны Византии. Итак, в 558 г. авары обращаются к Саросию, с просьбой помочь им наладить контакты с империей, после чего Саросий пишет соответствующее письмо Юстиниану.

В.А. Кузнецов считает, что союз аланов с Восточно-Римской империей, возможно, был установлен в 450-470 гг., когда, согласно Прокопию, «римляне приняли в качестве союзников скиров, аланов и другие готские племена» [Procopius, B.G. V, I (3)]. М.М. Казанский же, интерпретируя Прокопия, полагает, что он говорит не об аланах Кавказа, а о некой группе дунайских аланов, которые выступали в союзе с германцами, что позволило Прокопию ассоциировать их с готами[314]. В любом случае, очевидно, что аланы западных районов Центрального Кавказа находились в союзнических отношениях с Византией задолго до описываемых Менандром событий. Об этом

[313] В «Войне с готами» Прокопий дает иную характеристику аланам: «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это – племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов» [Procopius, B.G. VIII, IV (3)].

[314] Действительно, в 454-455 гг., после смерти Аттилы и, как следствие крушения гуннского союза, группа аланов под предводительством вождя Кандака вместе со скифами закрепилась в Нижней Мёзии и Добрудже (Малой Скифии) – дунайских провинциях империи. Эта история описывается в «Гетике» Иордана (VI в.) (Iordanes, Get. 265), которого некоторые исследователи (Теодор Моммсен, Вильгельм Ваттенбах, Эд. Вельффлин) считали аланом по происхождению. Скудные фрагменты биографии Иордана, изложенные им самим, сообщают, что дед его Парий служил нотарием при Кандаке, сам же он выполнял те же функции при племяннике Кандака, военачальнике Гунтигисе База.

свидетельствует и сообщение Агафия от 555 г. о выплате ежегодных субсидий аланам (Agathias, Hist. III, 15)[315].

Итак, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова берут за основу рассказ византийского историка и дипломата VI в. Менандра Протектора, который описывает посольство императора Юстина II во главе с Земархом Киликийским в Тюркский каганат в 568 г.[316]. Из текста Менандра следует, что караваны, следующие по Великому Шелковому Пути до причерноморских греческих колоний, пересекали в районе Северо-Западного Кавказа два перевала [Византийские… 1860: 383-384]. Это были Мисимианская и Даринская дороги (Menander, fr. 22). Судя по сообщению Менандра, эти коммуникации были хорошо известны аланам, византийцам и персам, и возникли они задолго до середины VI в., в то время как военная стратегия региональных государственных образований диктовала необходимость в более тщательном контроле над всеми перевальными дорогами Кавказа.

В ту эпоху восточное побережье Черного моря контролировала Византийская империя. Именно с этим регионом соединяла Северный Кавказ и предкавказские степи Мисимианская и Даринская дороги, и именно этими путями осуществлялись политические, экономические, военные и культурные связи Византии и Алании. По свидетельству Агафия, византийские послы, ежегодно покупавшие благосклонность северокавказских народов, проезжали по территории закавказских мисимиан, то есть по Мисимианской дороге (Agathias, Hist. III, 15). Представленной в хрониках информации оказалось достаточно для того, чтобы определить регион, который необходимо исследовать на предмет подтверждения вышесказанного археологическим материалом, что также даст возможность определить точную локацию Мисимианской и Даринской дорог. Авторы логично предполагают, что анализ

[315] Это же подтверждает и Прокопий Кесарийский: «Задолго до этого ему (царю лазов Гувазу – А.Ч.) удалось заключить союз с аланами и савирами, которые за три кентинария согласились не только вместе с ним охранять от опустошения землю лазов, но и так обезлюдеть Ивирию, что в дальнейшем персы не смогут двигаться отсюда. Он пообещал, что эти деньги даст василевс» [Procopius, B.P. II, XXLX(29)].

[316] Перевод Константина Багрянородного сохранил фрагменты из «Истории» офицера императорской гвардии Менандра (VI в.), который в свою очередь продолжил труд Агафия «О царствовании Юстиниана».

исторических хроник ясно дает понять, что «трассы обоих путей должны соответствовать зонам распространения позднеримских ранневизантийских импортов» [Казанский, Мастыкова, 2001: 138].

М.М. Казанский и А.В. Мастыкова систематизируют археологический материал. Они картографируют находки импортных мужских и женских металлических украшений, а также их имитаций (фибулы, поясные гарнитуры и др.), и при этом акцентируют внимание на декоре в стиле клуазоне, статусном оружии и конском снаряжении неместного производства, стеклянной посуде, средиземноморских стеклянных и хрустальных бусах, и монетах конца IV – второй трети VI вв. Стоит отметить, что местные имитации вещей позднеримской или средиземноморской традиции, если и отражают степень влияния византийской моды на народы северокавказских степей, но, все же, не могут выступать в качестве индикаторов векторов торговых путей, так как «их распространение уже не было прямо связано с международной торговлей» [Казанский, Мастыкова, 2001: 138].

Подобная классификация и систематизация археологического материала, а также его концентрация в определенном регионе позволяет им находить параллели, как в других регионах, так и иных хронологических рамках. Так, высокая концентрация импортных вещей, их реплик, наиболее отчетливо наблюдается в районе Пятигорья[317], где, помимо прочего, был найден единственный на Северном Кавказе клад ранневизантийских монет, который содержал, в том числе и монеты эпохи Юстиниана. Количество и разнообразие находок позволяют заключить, что «причерноморско-византийские связи Пятигорья в раннем средневековье были более интенсивными, чем контакты с сасанидским Ираном, Закавказьем и с Центральной Азией, хотя здесь и найдено значительное количество сасанидских монет» [Казанский, Мастыкова, 2001: 139].

[317] Мокрая Балка, Лермонтовская Скала 1 и 2, Клин-Яр, Корсунский склеп, Бермамыт, Учкекен-Терезе, Кугуль, Кисловодское озеро-2, Мирный-2, Острый Мыс, Орджоникидзе, Пятигорск, Развалка.

Ярким примером массового ранневизантийского импорта на территории Пятигорья могут служить стеклянные бусы, аналоги которым авторы находят в Сирии, Египте, Южной Моравии. Нижней Нормандии[318] и т.д., крупные граненые бусы из горного хрусталя, и стеклянные сосуды, которые происходят из региона восточного Средиземноморья. Обращают на себя внимание фибулы-броши «тюрингского» типа, инкрустированные стеклом, второй половины V – первой половины VI вв., явно восходящие к средиземноморским формам» [Казанский, Мастыкова, 2001: 145], пряжки с декором в стиле перегородчатой инкрустации, инкрустированные шарнирные бляхи, инкрустированные накладки, которые также имеют средиземноморское происхождение, но аналогии которых прослеживаются на позднеримских изображениях (к примеру, бронзовый кувшин V в. из ватиканской коллекции) и южной Сирии [Казанский, Мастыкова, 2001: 145].

Найденные в богатых могилах V-VI вв., в районе Кисловодской котловины два парадных византийских меча и другие статусные вещи (позолоченный обруч с инкрустированным медальоном средиземноморского типа, золотая поясная гарнитура, золотые бляхи и т.д.), аналогии которых известны на Черноморском побережье, т.е. в зоне прямого военно-политического влияния Византийской империи, позволяют предположить, что именно в этом регионе в V-VI вв. находился политический и экономический центр западных аланов. Дополнительным аргументом может послужить и мнение В.Б. Ковалевской, которая писала, что наибольший процент катакомбных захоронений северокавказских аланов приходится на район «Кавказских Минеральных Вод и Северной Осетии (для первой пол. V в.), где они проникают глубоко в горы, вплоть до перевалов» [Ковалевская, 1984: 155], в то время, как плотность аланских памятников раннего средневековья в Кисловодской котловине представляется одной из самых значительных [Кузнецов, 1993: 260-262].

[318] «В Западной Европе подобные бусы встречаются как в древностях эпохи пересечения народов, так и в раннемеровингском контексте позднего V и начала VI вв.» [Казанский, 2001: 139-140].

В большой концентрации богатых захоронений V в., которые содержат значительное количество парадного оружия и богатого убранства, авторы видят признаки существования на этой территории «политического формирования типа «варварского королевства» с военизированной знатью во главе» [Казанский, Мастыкова, 2001: 146].

Различные факторы, в том числе и христианство, способствовали тому, что народы, вовлеченные в Великое переселение народов и обосновавшиеся вследствие этого на территории Центральной и Западной Европы, начали организовываться в «варварские королевства». И это тоже было некоей формой подражания обеим Римским империям. Кочевники оседали на земле, взамен старых религий с весьма туманной перспективой «жизни после смерти» приходило христианство с четко расписанными представлениями о рае и аде, и новый образ жизни требовал совершенно иной формы самоорганизации. Вчерашние кочевники-варвары (в частности, вестготы), сменив меховые плащи на пурпурные, организовываются в «королевства», строят свои города (Реккополис), основывают столицы на развалинах римских городов (Толедо) и начинают чеканить свою монету. Именно им своим становлением обязана католическая Европа, возникшая на обломках Римской империи. История «варварских» королевств Восточной Европы, Северного Причерноморья и Северного Кавказа складывается по-другому. Относительная удаленность от Византии, Кавказский хребет и в большей степени постоянные экспансии с Востока со стороны продвигавшихся из Азии племен, в ходе которых они первыми принимали на себя удар, не способствовали тому, чтобы «королевства» Восточной Европы рассчитывали на долгосрочное, а главное – относительно безопасное существование. Защищая Византию с Востока, восточные «королевства» в исторической перспективе не смогли защитить себя. В этом плане королевства Центральной и Западной Европы находились в более выгодном положении.

М.М. Казанский и А.В. Мастыкова определяют «варварское королевство» как предгосударственная или наиболее развитая форма вождества, которое

«характеризуется наличием предводителя, часто сакрализированного, стоящего во главе иерархической системы, основанной на неравенстве кланов и семей. Иерархия кланов имела первостепенное значение для варваров, ее несоблюдение или незнание могли привести к тяжелым последствиям» [Казанский, Мастыкова, 2001: 146][319]. Однако, социальная «перестройка» в подобных «королевствах» происходила не сразу. Власть в них, как и ранее, держалась на авторитете вождя, древних обычаях и традиционном устном праве. При этом «кодифицированные законы и структуры, необходимые для их применения (суд, полиция, армия и т.д.), отсутствуют» [Казанский, Мастыкова 2001: 146].

И все же «короли» в «варварских королевствах» постепенно начинают отходить от родовых привилегий, которые подменяются сословными, и на первый план выходит социальный статус человека, но никак не его внутриродовые взаимоотношения (возраст, статус в роду, прежние заслуги и т.д.). Отмечается появление такого института как «княжеская дружина», основная масса, которой, вполне вероятно, могла состоять из представителей других племен. В то же самое время представители власти новой формации постепенно вытесняют родовую «знать».

Со ссылкой на письменные источники V в., авторы приводят примеры таких королевств, появившихся в то время в Центральной и Западной Европе. Как правило, они возникали на периферии Империи в качестве приграничных формирований римских федератов или же, как вассальные княжества империи гуннов. Нашествие последних не оставило шансов большим варварским государственным объединениям позднеримского времени вроде «королевства» остготов под предводительством Германариха, в то время как небольшие образования, такие как дунайские или франкские королевства второй половины V в., не представляли потенциальной угрозы для новых хозяев Центральной и

[319] Блестящий пример, который авторы приводят в подтверждение сказанного, сводится к следующему: «...византийские послы, пытавшиеся возмутить гуннов-акацир против Аттилы, раздали подарки «не по чину» акацирским предводителям, чем вызвали недовольство знатных родов, которые немедленно сообщили о заговоре Аттиле» [Казанский, Мастыкова, 2001: 146].

Западной Европы. К примеру, на территории, расположенной к западу от Дуная, в Паннонии, находилось сразу три остготских королевства [Казанский, 2001: 147], в то время как два франкских королевства (со столицей в городе Турнэ, династии Меровингов и другое – короля Клодиона со столицей в городе Камбрэ), находились на территории, которую сегодня можно определить как приграничье Франции и Бельгии.

М.М. Казанскому и А.В. Мастыковой удается выделить районы с наибольшей концентрацией статусных могил[320], которые, согласно им, могут считаться «археологическим выражением «варварских королевств» [Казанский, Мастыкова, 2001: 147]. В погребениях варварской и варваризированной знати той эпохи в Центральной и Западной Европе содержатся предметы, которые по всем признакам можно классифицировать как «вождеское захоронение». Еще одним признаком таких захоронений являются клады золотых монет. Соответствующие параллели с подобными артефактами в Восточной Европе позволяют авторам определить регионы, в которых наблюдается высокая концентрация «княжеских» находок за пределами Центральной и Западной Европы. Это территория Молдавии, Боспор Киммерийский, Волынь, Восточная Пруссия, район Киева и Южный Дагестан [Казанский, Мастыкова, 2001: 148].

Сложно в этом большом количестве некрополей и захоронений выделить погребения отдельных групп кочевников (гуннов, аланов и т.д.), поэтому к статусным захоронениям авторы условно относят «лишь могилы с парадными мечами, седлами с золотой обкладкой, украшениями из золота или серебра … и диадемами полихромного стиля с золотой обкладкой» [Казанский, Мастыкова, 2001: 148]. Перечисление различных регионов с подобными находками заканчивается интересной ремаркой: «Находка второй половины V в. из кургана у Хасавюрта, возможно, свидетельствует о существовании какого-то кочевнического «королевства» в Северном Дагестане» [Казанский, Мастыкова, 2001: 148].

[320] К примеру, Унтерзиебенбрунн (380/400 – 440/450), Смолин-Косино (430/440 – 470/480) или Апахида-Блучина-Турнэ (450 – 480/490).

Еще одним маркером «королевских» захоронений Центральной и Западной Европы является наличие в них социально значимых реликвий, которые не наблюдаются в вождеских захоронениях Восточной Европы. Массивные золотые браслеты, мечи с золотой обкладкой, именные печати-перстни, золотые крестообразные римские фибулы – все эти вещи должны были подчеркнуть высокий статус погребенного. Некоторые «королевские» некрополи V в. выделяются своими «монументальными» насыпными курганами. В качестве примера М.М. Казанский и А.В. Мастыкова приводят погребения в Хегом (Швеция), Журань (Моравия). Наиболее ярким примером, на наш взгляд является «знаменитое погребение франкского короля Хильдерика в Турнэ (Бельгия) (умер в 481-482 гг.)» [Казанский, Мастыкова, 2001: 148].

В основе своей некрополи Восточной Европы V в. принадлежат представителям варварской аристократии разных уровней. Это могут быть знатные воины, местные старейшины, клановые и духовные лидеры и т.д. В любом случае, изучение концентрации подобных некрополей в конкретных регионах, позволяет определить более точную локализацию «варварских королевств». Различные артефакты ранневизантийского происхождения (пиксида, коллекция золотых вещей, исполненных в стиле перегородчатой инкрустации, золотые монеты эпох Грациана (375-383) и Юстиниана или Юстина II (565-578) и т.д.), которые датируются V-VI вв., были найдены в долине р. Баксан (Кабардино-Балкария). Другие, не менее интересные находки были сделаны в других районах Северного Кавказа и южнорусских степей. Особый интерес для авторов представляют изделия из стекла (кубки, бусы, бутыли, браслеты), по которым можно проследить маршруты «стеклянного» импорта, берущих свое начало от берегов Средиземного моря.

Анализ и сопоставление археологического материала, наложенного на географическую карту, позволил авторам определить два вероятных маршрута доставки средиземноморского импорта на Северный Кавказ. Оба маршрута начинаются в Абхазии в Кодорском ущелье, которое контролировали апсилы –

в ту пору союзники Византии. Восточная (Мисимианская) трасса пролегала через мисимиан и сванов. Далее, пройдя через перевал Донгузорун и обойдя Эльбрус, дорога спускалась в верховья р. Баксан. Все эти выводы подтверждаются артефактами, найденными в долине р. Баксан, средиземноморское происхождение которых не подвергается сомнению. Авторы уверены, что именно по этому пути пролегали маршруты византийских эмиссаров на Северный Кавказ с целью подкупа варварской аристократии Северного Кавказа. Источники фиксируют, что путь через перевал Донгузорун был сложным, что побудило византийцев искать альтернативные пути решения вопроса. Агафий свидетельствует, что в 555 г. византийцы решили изменить локацию и перенесли место раздачи ежегодных субсидий в Закавказье на территорию, которую контролировали мисимиане (Agathias, Hist. III, 15). «С другой стороны, посетившая Сванетию в начале XX века графиня П. Уварова, тогда уже немолодая дама, свидетельствует, что труднодоступность перевалов Сванетии чрезмерно преувеличивается путешественниками» [Каззанский, Мастыкова, 2001: 152].

Некоторые исследователи попробовали реконструировать Мисимианскую дорогу, проложив ее через современную Сванетию или соседние с ней области, но подобная реконструкция не получила должной оценки специалистов. Авторы же считают, что именно стратегической важностью этой дороги можно объяснить яростный спор между сасанидскими и византийскими дипломатами, который случился в 561 г. при подписании мирного договора, направленного против царств и народов Великой Скифии за будущий контроль над Суанией (Сванетией) [Казанский, Мастыкова, 2001: 154]. Византийский посол, «начальник придворных войск», магистр Петр, который считался лучшим дипломатом Юстиниана, требовал от Иесдегуснафа, посланника шаханшаха Хосрова уступить Византии вместе с Лазикой и Суанию, которая до 551 г. находилась под властью царя лазов, аргументировав свои притязания тем, что эта страна со времен Феодосия находилась в сфере влияния Восточно-Римской империи [Менандр, 1933]. Но в 552 г. царь Суании в нарушение своих

обязательств отказался от протектората Византии, и перешел на сторону Ирана. Иесдегуснаф парировал тем, что лазы некогда владели всей Иверией, которая в конечном итоге подконтрольна сасанидской Персии. Окончательное решение вопроса послы решили оставить за Хосровом, Иесдегуснаф же клятвенно пообещал магистру Петру содействовать ему перед царем в вопросе передачи Суании под протекторат Византии.

М.М. Казанский и А.В. Мастыкова полагают, что речь в тексте Менандра все же шла о контроле со стороны византийцев над стратегически важными дорогами к варварам Северного Кавказа, которые открывали доступ в центральное Предкавказье, затем в район пятигорской котловины, и далее, в южнорусские степи. При встрече Хосров не стал спорить с Петром [Менандр, 1933] и передал Византии Суанию, подчеркнув следующее: «Я покорил Лазику, но на суанов я даже не нападал; мы только знали по слуху от Мермероя, что это область незначительная, что не стоит из-за нее ссориться и предпринимать против нее царский поход, что суаны – это один из народов кавказских, что над ними есть царек и что *страной их проходят скифы*» [Византийские …, 2008: 401, 402]. Последняя реплика Хосрова подчеркивает правоту авторов: именно на контроле над этой трассой «держалось могущество вождей, погребенных в Былым-Куденетово и в Былым-Озоруково в могилах с дорогими предметами ранневизантийского импорта» [Казанский, Мастыкова, 2001: 154].

Еще один путь, пролегавший к западу от Мисимианской дороги, начинался в Кодорском ущелье Абхазии и, пройдя через перевалы Далар, Чипер, Клухор и Нахар, спускался в Карачаево-Черкессию, в верховья р. Кубань. «С этой дорогой связано появление импортных вещей в некрополях Узун-Кол, Гиляч, Байтал-Чапкан, Шестая Шахта. С Верхней Кубани можно было попасть в гунно-болгарские степи, в частности, к византийским союзникам утигурам, а равно и в центр Западной Алании – Пятигорье» [Казанский, 2001: 154].

Согласно рассказу Менандра Даринская дорога лежала к западу от Мисимианской. В этом случае авторы полагают, что у них есть веские основания для того, чтобы сопоставить с ней, намеченную ими по

археологическим источникам, верхнекубанскую трассу, «…но это уже было сделано Г.Е. Афанасьевым, В.Б. Ковалевской и Ю.Н. Вороновым. Локализация Даринского пути к востоку от Мисимианского через Дарьял противоречит смыслу текста Менандра (Дарьял находится не к западу, а к востоку от Сванетии, к тому же с Дарьяла нельзя попасть в Абхазию) и поэтому принята быть не может» [Казанский, Мастыкова, 2001: 154]. Район Пятигорска представляет собой область с наибольшей концентрацией ранневизантийских импортов. Обе реконструируемые дороги находятся в непосредственной близости и в равном удалении от вероятного политического центра Западной Алании. В то же время через регион проходили трассы Великого шелкового пути, а путешественники и торговые караваны, шедшие как из Кубани (Мисимианская дорога), так и Баксана (Даринская дорога) смыкались в Пятигорье, что позволяло аланским вождям контролировать оба направления. М.М. Казанский и А.В. Мастыкова вполне логично предполагают, что население обоих регионов находилось в вассальном подчинении царей Западной Алании, «по крайней мере, аланский царь Саросий в 568 г. был в состоянии обеспечить безопасный проезд Земарха по Даринскому пути. При этом в долине Баксана, судя по «княжеским» погребениям, сформировался собственный политический центр (зависимый от пятигорских алан, чего пока нельзя сказать, по имеющимся находкам, о регионе Верхней Кубани [Казанский, Мастыкова, 2001: 158].

6.1.5. «Об аланах на Западе в Эпоху Великих Миграций: костюм с золотыми бляшками»

Статья М.М. Казанского и А.В. Мастыковой под названием *“A propos des Alains en Occident à l’époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or»* была опубликована в издании *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia ‘germánica’ (ss.V–VII). Balance y Perspectivas “* в 2006 г.[321]. Начало статьи отсылает нас к предыдущему материалу, в котором авторы обозначают проблему идентификации собственно аланских древностей эпохи Великого переселения народов, найденных на территории Европы на фоне большого массива археологических памятников и артефактов, которые ученые-археологи приписывают другим этническим массивам, в первую очередь, гуннам. Таких некрополей насчитывается очень мало. В контексте озвученного авторы упоминают три погребения, которые возможно идентифицировать как аланские. Это некрополи в Галлии (Труа, Реймс-Жан-Фа), и римской Германии (Крефельд-Геллеп). Именно в них были найдены металлические зеркала, характерные для сарматов и аланов, что, вероятно, позволяет соотносить эти захоронения с ними. Помимо этих захоронений с типичными для сарматов и аланов предметами, ни одна находка той эпохи, найденная на Западе, не может считаться этнодифференцирующей. Возникают вопросы и с вождескими погребениями горизонта *Унитерзибенбрун*, в которых были обнаружены церемониальные мечи, однако, здесь авторы полагают, что характерный для сарматов и аланов обряд захоронения никак не указывает на происхождение погребенных. В то же время исследователи обратили внимание на наличие восточных элементов в захоронениях, в частности, в гробницах горизонта *Унитерзибенбрун*, которые принадлежат к вождеской или «царской» культуре варварских народов.

---

[321] M. Kazanski, A. Mastykova, *A propos des Alains en Occident à l’époque des Grandes Migrations : le costume à appliques en or*. In : Gallia e Hispania en el contexto de la presencia ‘germánica’ (ss.V–VII). Balance y Perspectivas. Oxford, 2006, p. 291-305.

Согласно мнению некоторых ученых, этот элемент прослеживается, прежде всего, в женском костюме: золотые нашивные бляшки, плетеные ожерелья-цепочки, металлические зеркала, которые имеют аланское происхождение. Изучение подобных артефактов, найденных в Западной Европе, а также сравнение с их восточными аналогами с некоей оговоркой позволяют сделать вывод о принадлежности этого элемента женского одеяния сарматам и аланам. Алано-сарматское происхождение подобного костюма с бляшками из листового золота не подлежит сомнению, поскольку эти пластины были хорошо известны именно в средне- и позднесарматских и аланской культурах и широко встречаются в евразийской степи в погребениях, датированных I-III вв. Уже ко II в. подобные пластины встречаются в костюмах оседлого населения и населения древних городов Крыма, в некрополях *Усть-Альма* и *Песчанное,* которые ученые относят к оседлому позднескифскому населению I-II вв. Подобные находки позднеримского периода, а именно первой половины III в., были обнаружены в сарматских и аланских погребениях на различных территориях юга Восточной Европы. Золотые предметы ременных гарнитур, декорированных в технике клуазоне, были обнаружены в ходе недавних раскопок Бердянских курганов в Южном Приуралье, которые указывают на последний период сарматской культуры и датируются первой половиной – серединой III в. [Малашев …, 2008: 71]. Авторы отмечают, что на момент написания статьи этот материал пока не был опубликован, что не позволяет подробно ознакомиться с находками.

В то же время, золотые бляшки как элемент декора одежды практически не встречаются в сарматских и аланских погребениях второй половины III-IV вв., что не позволяет учитывать преемственность подобной атрибуции, относящейся к погребениям римского периода и эпохи Великого переселения народов. Таким образом, возможные прототипы этого элемента костюма гуннского периода следует искать в другом месте. Авторы обращают внимание на оседлое эллинизированное население Северного Причерноморья. Подобные находки, найденные в регионе, вызывают у них определённый интерес.

В Пантикапее, столице Боспорского царства открыто несколько гробниц, в которых были найдены золотые геометрические вставки. Самой знаменитой из них является так называемое «погребение царицы с Золотой маской», в которой находились останки члена царской династии боспоритов. Мраморный саркофаг в большом кургане был обнаружен в 1837 г. на Глинище в Керчи археологом, историком и директором Керченского археологического музея А.Б. Ашиком (1801-1854)[322]. Искусствовед, литератор и государственный деятель Ф. А. Жиль (1801-1865), опубликовавший иллюстрированный атлас «Древности Боспора Киммерийского» (1854), опираясь на сведения А.Б. Ашика, полученные в ходе раскопок, сообщает о «нетронутом» усопшем, найденном в саркофаге. Его голову украшала золотая маска и диадема. Верхняя часть тела, от головы до талии, была покрыта шерстяной тканью с украшениями из золота и других материалов. Ткань истлела, так как саркофаг был негерметичен. Нетронутыми остались лишь золотые украшения или золотые чешуйки, покрывавшие ткань. 560 небольших накладных бляшек из листового золота украшали одежду умершего. Аналогичные бляшки были обнаружены в сарматских гробницах, о которых говорилось выше. В то же самое время некоторые формы пластин напоминают золотые бляшки, которые относятся к эпохе Великого переселения народов, и, вполне возможно, могут служить для них прямыми прототипами.

Предметы, которые представлены в этом кургане (ящики для драгоценностей, ложки и возможно браслеты, комплект сбруи, большое серебряное блюдо с монограммой *Ρησκουπόρει βασιλέως* (греч. «царь Рескупорид»), выпуклый сосуд, ведра типа Хеммор, серебренная кастрюля, сито) позволяют М.М. Казанскому и А.В. Мастыковой прийти к заключению, что наиболее вероятным преиодом, к которому можно отнести этот некрополь, является вторая половина III в.

[322] Позже, описывая находку, в частности, серебряное блюдо с центральным плафоном, А.Б. Ашик писал следующее: «При сличении памятников разных эпох, принимая во внимание место, где находился курган и форму букв на подносе, я могу смело сказать, что погребенная в саркофаге особа была супруга Рескупорида III, царствовавшего по 229 г. до н.э.» [Шаров, 2009: 31-35].

Датировка других подобных находок, обнаруженных в Керчи и относящихся к позднеримскому периоду, точно не определена, но вполне возможно, что речь идет о погребениях III-IV вв. В частности, это женское захоронение, обнаруженное в 1841 г., неподалеку от завода *Herharulidzev*. В расположенном рядом мужском захоронении были обнаружены зигзагообразные накладки, был также раскопан погребальный венок с печатью (оттиском) Марка Аврелия 172-173 г. Следует также упомянуть о женском захоронении, раскопанном в 1874 г., в котором была найдена боспорская монета царя Фофорса *(Thorthorses),* (285-309), датированная 295 г., и наконец, мужское захоронение 1874 г., в котором обнаружена аналогичная монета Фофорса, квадратные и треугольные накладки возле пояса (поясницы).

В гуннский период (последняя четверть IV – первая половина V вв.) золотые, реже серебряные или бронзовые накладные пластины геометрической формы были характерны для костюма понтийского оседлого населения. Следует упомянуть находки, относящиеся ко времени Боспорского царства, обнаруженные, прежде всего, в Керчи. Подобные находки обнаружены также в «царских» захоронениях горизонта Унтерзибенбрунн[323]. Говоря о костюме из Унтерзибенбрунна, авторы рассматривают в нем влияние костюма оседлого северопричерноморского населения, на что указывает расположение нашивных бляшек-аппликаций в женском костюме, обнаруженном в Хохфельденском некрополе и подчеркивают его идентичность с образцами, извлеченными из захоронений Керчи и Танаиса [Kazanski, Mastykova, 2006: 290].

Авторы приводят примеры подобных находок на всей территории Барбарикума. Отследить их не составляет труда, так как нашивные бляшки редко использовались как гуннами, так и аланами. В частности, аланские захоронения охватывают весь гуннский период, что прослеживается в артефактах, найденных в соответствующих захоронениях. На западе Римской Империи золотые геометрические нашивные бляшки и пронизки встречаются у

[323] М.М. Казанский имеет в виду некрополи в Унтерзибенбрунн, Хохфельден, Регёли, Синявка, Аиран, Папкези, Лебени, Комовень, Мухино, Большой Каменец и Смолин-Косино.

вандалов Северной Африки, а также в костюме римского населения Византийской империи. Особенность этих деталей одежды заключается в том, что бляшки из листового золота в эпоху Великого переселения народов встречаются в основном в женских захоронениях, однако, подобные находки можно встретить и в воинских погребальных комплексах, в частности, в Лебени (Польша) и Сегеде (Венгрия) [Kazanski, Mastykova, 2006: 291].

Описание костюма, расположение этих бляшек на женском одеянии рассмотрено авторами подробно. Судя по контексту погребальных находок, относящихся к времени Великого переселения народов, бляшки и пронизки использовались по-разному. В основном ими украшали кайму воротника, иногда – рукава платья[324]. В зависимости от географии, бляшки и пронизки в захоронениях использовались по-разному: на груди (Танаис)[325], по всей верхней части тела (Кудиат-Затер, Африка) или возле «большеберцовых костей» (Айран). «Следовательно, либо это украшение, нашитое на груди или воротнике, либо это, своего рода, нагрудное украшение (в сеточку), известное нам по протовизантийским украшениям Египта» [Kazanski, Mastykova, 2006: 291]

Однако, в определенных случаях (Страсбург, Регнсбург) речь все же идет об украшениях диадемы. В случае с гробницей, обнаруженной в Лучистом на юго-западе Крыма, специалистами была предложена реконструкция диадемы, которая авторам показалась недостаточно аргументированной, даже на наличие в захоронении сережек. Основным аргументом «против», по мнению авторов, является тот факт, что в период эпохи Великого переселения народов диадемы в захоронениях, как правило, не встречаются. Анализ подобных артефактов позволил им прийти к выводу, что костюм из погребального комплекса Лучистое имеет множество параллелей в обозначенном историческом периоде, «что не относится к экстравагантной «диадеме», реконструированной

[324] Подобное расположение накладок засвидетельствовано в Хохфельдене, Керчи, и в гробнице позднеримского периода в Майене.

[325] По мнению исследователей, в том числе и в этом случае речь идет об украшениях, надеваемых на ворот платья. Тем не менее, М. Мачинская реконструирует их скорее, как ожерелья.

крымскими исследователями» [Kazanski, Mastykova, 2006: 291]. В целом же, стоит отметить, что костюмы с накладными пластинами из листового золота эпохи Великого переселения народов, не только, и даже не столько, преимущественно, принадлежат аланам, сколько являются культурным наследием эллинов Северного Причерноморья.

Еще один элемент, который привлек внимание авторов – это лунообразные кулоны из листового золота с чеканным декором, описание и географический разброс которых также представлен ими весьма подробно. В данном случае речь также идет об однородной группе понтийских украшений, которые можно охарактеризовать как особенность оседлого населения. Отличие подобных кулонов от типично сарматских и аланских заключается в том, что у сарматов и аланов они не были изготовлены из листового золота и не имели чеканного декора.

В заключение следует подчеркнуть, что в наши дни археологические следы аланского присутствия на западе Римской империи, в частности в Испании, весьма малозаметны. Вероятно, культурный вклад аланов был несоизмеримо меньше, в сравнении с их политической и военной ролью в V в. Кроме того, в процессе миграций кочевники нередко «теряли» свои традиции и обзаводились множеством новых типов вещей, заимствованных по дороге, или на новой родине. С другой стороны понтийский культурный компонент, первоначально имевший отношение к цивилизации эллинизированного оседлого населения Северного Причерноморья (царство Босфора Киммерийского, Танаис, юго-запад Крыма), кажется все больше и больше связанным с находками эпохи Великого переселения народов. Неизвестно, каким образом ожерелье как элемент костюма попало на Иберийский полуостров. Будучи хорошо воспринятым германцами, аланами или гуннами, понтийские культурные элементы могли быть принесенными на Запад волнами варварских переселенцев с востока. С другой стороны, могла иметь место миграция групп недавнего северопричерноморского населения внутри Империи, не засвидетельствованная в письменных источниках. Как пример, можно

сослаться на Андрагатия, начальника конницы узурпатора Максима, убившего в 383 г. императора Грациана, который согласно византийскому хронисту Зосиму (V в.), был родом из окрестностей Понта Эвксинского.

6.2. А.М. Лубоцкий. Алано-осетинские параллели на основе лингвистических данных

Александр Маркович Лубоцкий. Нидерландский лингвист и индолог. Профессор Лейденского университета. Родился 16 апреля 1956 года в Москве, в семье известного скрипача М.Д. Лубоцкого. В 1973 – 1976 гг. Александр Маркович учился в МГУ на Отделении Структурной и Прикладной лингвистики, где его учителями были такие выдающиеся лингвисты как А.Е. Кибрик и А.А. Зализняк. Затем продолжил учебу в Лейдене (Нидерланды), где в 1987 г. под руководством известного нидерландского лингвиста Роберта С.П. Бекеса защитил докторскую диссертацию «Номинальное ударение в санскрите и праиндоевропейском языке».

С 1999 г. А.М. Лубоцкий является профессором сравнительной индоевропейской лингвистики в Лейденском университете, и возглавляет редакцию Лейденского «Индоевропейского этимологического словаря»[326]. Среди прочего А.М. Лубоцкий исследует гипотезу о субстрате в индоиранских языках, который он считает неиндоевропейским по происхождению, и отождествляет с бактро-маргианской культурой. Как индоевропеисту А.М. Лубоцкому интересен также и фригийский язык. Ярким свидетельством этому является его небольшая статья «Фригийский язык», написанная в соавторстве со своим студентом О. Лигорио[327]. Учеником А.М. Лубоцкого является, в том числе, и лингвист Джонни Чёнг, автор таких работ, как «Очерки исторического развития осетинского вокализма» *(Studies in the Historical Development of the*

[326] Индоевропейский этимологический словарь – исследовательский проект кафедры сравнительной индоевропейской лингвистики в Университете Лейдена.
[327] О. Лигорио, А. Лубоцкий. Фригийский язык. Языки мира. Academia, М.: 2013. СС. 180-195.

Ossetic Vocalism) (2002) и «Этимологический словарь иранского глагола» *(Etymological Dictionary of the Iranian Verb)* (2006).

Еще один важный международный проект – работа над серией индоевропейских этимологических словарей *(Indo-European Etymological Dictionary Series),* в которых периодически публикуются результаты значимого проекта Лейденского университета, определяющего и описывающего общее лексическое наследие индоевропейских языков. Более десяти лет международная команда исторических лингвистов под руководством А.М. Лубоцкого исследует, собирает и интегрирует все возрастающий корпус лингвистических данных, которые опубликованы в этой серии. Итогом этой работы станет издание Большого индоевропейского этимологического словаря, который можно определить как продолжение фундаментального труда немецкого лингвиста Юлиуса Покорного[328], опубликованного в 1959 г.

О высоком статусе Александра Марковича в науке говорит и тот факт, что в современной индоевропеистике есть такое понятие, как «закон Лубоцкого», который гласит: «В индоиранском праязыке ларингалы перед звонкими непридыхательными согласными (т.е., *b, *d, *g, *ǰ, *ǰ̌) выпадали в тех случаях, когда за ларингалом следовало два согласных. Когда за ним следовал всего один согласный, ларингал сохранялся». В частном письме Александр Маркович ответил на мой вопрос о «законе Лубоцкого» следующим образом: «Так называемый «закон Лубоцкого» был сформулирован в моей первой опубликованной статье, *“Gr. pḗgnumi: Skt. pajrá- and loss of laryngeals before mediae in Indo-Iranian, Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 40 (1981), 133-138”*. Это правило объясняет разницу в долготе корневого гласного в таких случаях как, например, санскритское *pā́jas-* ‘сторона, поверхность’, осетинское *faz / fazæ* ‘половинка, сторона’ (из индоиранского *раНjas-, которое восходит к индоевропейскому **peh2ǵ-os-)* с долгим *ā*, в противоположность санскритскому

[328] Юлиус Покорный (1887 - 1970) – лингвист, специалист по кельтским языкам и сравнительно-историческому языкознанию. Наиболее известен, как автор опубликованного в 1959 году «Индоевропейского этимологического словаря» *(Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*), ставшего переработанной версией изданного Покорным в 1927–1930 гг. словаря Алоиса Вальде.

pajrá- ‘твердый, прочный’ (из индоиранского **pajra-*, которое восходит к индоевропейскому **peh2ǵ-ro-)* с кратким *a*».

Закон играет важную роль в дискуссии о глоттальной теории, которая утверждает, что индоевропейские звонкие непридыхательные были глоттализованы. Поскольку индоевропейские ларингалы совпали в индоиранском и дали глоттальную смычку, фонетическая сторона закона обретает логичное объяснение в рамках глоттальной теории».

Сложно в кратком сообщении охватить весь спектр работ и интересов А.М. Лубоцкого, масштаб и глубина исследований которых позволяет считать профессора одним из выдающихся лингвистов современности[329]. Здесь мы рассмотрим те его работы, которые касаются непосредственно алано-осетинских штудий А.М. Лубоцкого, и которых достаточно для того, чтобы иметь представление о его значительном вкладе в современное осетиноведение.

6.2.1. «Авестийская *xvarənah* – этимология и концепт»

Статья А.М. Лубоцкого “Avestan *xvarənah*-: the etymology and concept”, которая, несомненно, заслуживает внимания, была впервые опубликована в издании *Sprache und Kultur der Indogermanen*. (*Innsbruck, Österreich)* в 1998 г.[330] В ней исследователь с особой убедительностью раскрывает концепцию и этимологию авестийского понятия *x^{v}arənah- (хварна),* отражением которого впоследствии в осетинском языке стало такое емкое понятие как *farn*, и которое, в том числе, представляет немаловажное значение для идентичности осетин как народа. Александр Маркович предваряет статью кратким описанием основных лингвистических конструкций в Авесте, в которых упоминается

[329] Еще одним показателем признания заслуг А.М. Лубоцкого является тот факт, что в 2003 г. он становится членом Королевской академии искусств и наук Нидерландов (Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen), членство в которой предполагает пожизненное участие в деятельности академии, а с 2013 г. он становится членом Европейской академии (Academia Europaea).

[330] Alexander Lubotsky. Avestian *xvarənah*-: the etymology and concept. Sprache und Kultur. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft Innsbruck, 22.-28. September 1996, ed. W. Meid, Innsbruck (IBS) 1998. P. 479-488.

слово *xᵛarənah-*. До обсуждения значения понятия *xᵛarənah-* он предлагает использовать в статье слово *fortune* «фортуна, удача», «не претендуя на то, что это лучший перевод» [Lubotsky, 1996: 480]. Нелингвисту сложно разобраться в тонкостях лингвистической науки, тем более что задача, которая стоит перед нами, заключается не в том, чтобы глубоко погружаться в профессиональную терминологию, а донести основную мысль автора, не нарушая при этом логическую цепочку, позволившую ему прийти к определенным выводам. Во избежание путаницы, «трудностей перевода» и для более ясного восприятия мы воспользуемся переводом Яшт[331], выполненных А.Г. Виноградовым[332], который при обозначении понятия *xvarənah-* использует слово «слава».

Так, наиболее частой словесной комбинацией (формулой), в Яштах, в которой упоминается *xᵛarənah-* является восьмисложная строка *ahe (mana / åŋhąm) raiia xvarənaŋhaca* «по причине его (моего/их) богатства и славы». Эта комбинация встречается в Яштах очень часто. Типичным примером вышесказанного является Яшт 3.18:

ahe raiia xvarənaŋhaca təm yazāi surunuuata yasna

«Ради его блеска и славы я принесу ему жертву, достойную того, чтобы ее услышали».

«Богатство и слава» – это атрибуты бога, который может даровать их наиболее преданному ему. Например, в Яште 10.108, Митра спрашивает:

kahmāi raēšca xvarənasca kahmāi tanuuō druuatātəm azəm baxšāni xšaiiamnō

«Кому я могу подарить богатство и славу, кому здоровье тела?»

«Богатство и слава» появляются вместе и в других конструкциях (формулах)[333]. Еще одно частое словосочетание образуют *xᵛarənah-* «слава» и *sauuah-* «сила»[334]. А.М. Лубоцкий отмечает, что наши знания о *xᵛarənah-* (хварна) мы получили, прежде всего, из Яшт. В Яште 19 (Гимн Земле)

---

[331] Яшты – часть Авесты, священных текстов зороастрийцев, в которой поются гимны Ахура-Мазде и язатам, особым видам божеств, приближенных к Ахура Мазде.
[332] Виноградов А.Г. Авеста. Яшты. М.: Издательские решения. 2022. 360 с.
[333] ср. *raēšca xvarənasca* (Яшт 68.11, 21, Яшт 10.108), *raiiąmca xvarənaŋhamca* (Y 60.4), *raēuuaṇt- xvarənaŋvhaṇt-*.
[334] ср. *sauuasca xvarənasca* (Яшт 60.2); *xvarənaŋhō sauuaŋhō mazdaδātahe* (Яшт 1.14, 3.16, 4.19; Яшт 17.0, 62); *xvarənō mazdaδātəm... sauuō mazdaδātəm...* (Яшт 2.14, 17.14) и т. д.

различаются два типа *xᵛarənah-*: *kauuaēm xᵛarənah-* «слава *(farn)* династии Кавиев»[335] и *axᵛarətəm- xᵛarənah-*, где, согласно профессору, прилагательное *axᵛarəta-* означает «неданный, нераспределенный» и является заимствованием от «скифского» **afarta-* < протоиранского **a-parta-* с заменой *-f-* на *–xᵛ-*. А.М. Лубоцкий отмечает, что это, вероятно, отражено в осетинском *æværd/ævard* «отделенный, спасенный, сохраненный», *æværyn/æværun* «располагать, сохранять».

Первое понятие *kauuaēm xᵛarənah-* является определением божественной силы. С помощью этой силы боги могут создавать и сохранять мир. В дальнейшем она сопровождала древних царей и героев и наделяла их необычайными способностями. С другой стороны, *axᵛarətəm- xᵛarənah-* описывается как объект желания божеств и героев, которые постоянно борются за нее. Ахура Мазда даже предписывает каждому смертному сражаться за *axᵛarətəm- xᵛarənah-*. В Яште 18 почитается *арийский xᵛarənah- (airiianəm xᵛarənah-)*. Он был создан Ахура Маздой, он полон молока и пастбищ и побеждает Дэвов и неарийские страны.

Основная проблема, которую обозначает А.М. Лубоцкий, занимаясь этимологией слова *xᵛarənah-,* – это его анлаут, то есть последовательность звуков в начале слова. Он отмечает, что авестийский *xᵛarənah-,* пехлевийский *xwarrah* и новоперсидский *xorre* указывают на начальный **xᵛ-*, в то время, как в других языках отображается начальный **f-*. В качестве примеров А.М. Лубоцкий ссылается на древнеперсидский *farnah-*, среднеперсидский *frh /farrah, farroh/* 'богатство, слава', согдийский (буддийский) *prn*, (христианский) *fn /farn/* 'слава, высокий чин', бактрийский *φαρ(ρ)ο* на кушанских монетах, хотанский *phārra-* ‘великолепие, ранг (Будды)’, новоперсидский *farr(e),* осетинский *farn/farnæ* ‘счастье, богатство, благополучие’.

[335] Династия Кавиев – мифические прародители иранских правителей. Этимология восходит к названию жреческого сословия кавиев И.М. Дьяконов локализует «царство Кавиев» в Дрангиане (область в бассейне озёр Хамун и низовьях реки Гильменд, которые являются сопредельными областями современных Ирана и Афганистана.

Долгое время считалось, что начальное *f-* связано с особым, мидийским звуковым законом с протоиранским **x^v-> *f*. Теория предполагала, что слово *farnah-* было заимствовано в древнеперсидский язык из мидийского, а затем распространилось по всей иранской территории в период империи Ахеменидов. Однако в 1983 г. П.О. Шервё[336] убедительно показал, что «мидийская» теория несостоятельна. А.М. Лубоцкий резюмирует его выводы следующим образом:

1) Невозможно доказать, что слово *farnah-* было изначально мидийским и что имело место исключительно мидийское развитие **x^v-> *f-*.

2) Лингвистические формы с *f-* зафиксированы на всей территории Ирана, тогда как x^v- приурочены только к Авесте. Пехлевийское *xwarrah* и новоперсидское *xorre* можно считать заимствованными из Авесты.

3) Нет никаких свидетельств того, что понятие *farnah-* имело в империи Ахеменидов настолько важное значение, чтобы в дальнейшем этот термин был заимствован во все иранские диалекты того времени и заменил местные варианты.

«Мидийская» теория перехода x^v- в *f-*, согласно А.М. Лубоцкому, оказалась несостоятельной. В чем же тогда причина разницы в анлаутах? П.О. Шервё видит два возможных ответа:

а) Поскольку *farnah-* является наиболее часто встречающейся формой в иранских языках, она может быть и исходной. Иными словами, авестийская x^v*arənah-* может быть адаптацией **farnah-* < **pharnas-* (?) к авестийской фонологической системе, в которой не было начальной буквы *f-* перед гласной;

б) Развитие праиранского **hu̯arnah-* > *farnah-* происходит из-за диссимиляции **hu̯* -- *h* > *f* -- *h* (или *h* -- *h* > *f* -- *h*, за которым следует *fu̯a-* > *fa-*). Авестийский язык избежал этого искажения, потому что начальное **hu̯* достаточно рано превратилось в x^v-.

[336] Продс Октор Шервё (норв. Prods Oktor Skjærvø) – бывший заслуженный профессор иранистики кафедры ближневосточных языков и цивилизаций Гарвардского университета.

П. Шервё считает второй вариант более приемлемым, но подобный сценарий кажется Лубоцкому маловероятным[337]. Подробно рассматривая первый вариант Шервё, А.М. Лубоцкий отмечает, что исходная форма **farnah-* лучше объясняет распространение в иранских языках. Так, формы с *f-* засвидетельствованы на всей территории Ирана, тогда как x^v – приурочены к Авесте. Как указывает П.О. Шервё, начальное x^v – в авестийской x^v*arənah-* можно объяснить заменой *fa-* на x^v*a-*. Такая замена не редкость в заимствованных словах. Например, в южнорусских диалектах *f(-)* в заимствованных словах регулярно отображается как x^w, см. x^w*ábr'ika* 'фабрика' (уст. рус. фабрика), x^w*anár'* 'фонарь' (уст. рус. фонарь, заимствование из греч. *φανάριον*) и др.

Еще один важный лингвистический аргумент против протоиранской реконструкции **hųarnah-*, который никогда не упоминался в литературе, А.М. Лубоцкий формулирует следующим образом. Авестийские сложные слова со вторыми членами в x^v- обычно появляются с -*š(.)*x^v- после *i, u, r*, что является следствием закона Педерсена[338]. Он приводит соответствующие примеры из Авесты[339].

Помимо трех составных глаголов, неизмененный звук x^v - встречается только в соединениях с x^v*arənah-*[340].

---

[337] Диссимиляция типа **hųarnah->farnah-* может быть в лучшем случае непостоянным, случайным явлением, особенно если принять во внимание, что вновь возникший *fa-* представляет собой уникальную последовательность в большинстве иранских диалектов. Следовательно, мы можем с уверенностью исключить возможность того, что эта диссимиляция могла произойти независимо друг от друга в мидийском, персидском, согдийском, хотанском и т.д. Единственной другой возможностью было бы предположить, что это развитие имело место в общеиранском языке, когда носители авестийского языка уже ушли, но и это маловероятно: нет ни малейшего свидетельства того, что авестийский отделился от общеиранского раньше других диалектов [Lubotsky, 1998: 481].

[338] Закон Педерсона или «правило руки», объясняющий переход *s в *x – фонетический закон, сформулированный Х. Педерсеном в 1895 г. для славянских языков.

[339] *hušxvafa* (Y 57.17) 3sg. pf. √*xvap-* 'спать'; *paitiš.xvana-* (N 26) 'мешающий шум'; *pairiš.*x^v*axta-* (Y 11.7) 'окруженный со всех сторон'; *paitiš(.)*x^v*arəna-* (V 3.14, 8.43,44, 9.16,40) 'челюсти'; *aiiaŋhō.paitišx*^{v}*arəna-* (Yt 10.70) 'с железными челюстями'; *aiβiš.*x^v*arəθa-* (V 6.32, 38, 41) 'годный для употребления'; *anaiβiš. x*^{v}*arəθa-* (V 6.31, 34-5,37) 'непригодный для употребления'; *mainiiuš.*x^v*arəθa-* (Y 55.22; Yt 10.125) 'воспитанный на сверхъестественной пище' (Гершевич, 1959: 135); *pasuš.*x^v*arəθa-* (V 19.41 Гл.) 'пища для скота'[Lubotsky, 1998: 481].

[340] *ātərə-*x^v*arənah-* (Яшт 13.102); *aiβi-*x^v*arənah-* (Яшт 13.117); *aiβi-.*x^v*arənah-* (Яшт 15.48) 'полный x^v*arənah-'*; *pouru..*x^v*arənah-* (Яшт 18.1; V 19.3; Ny 3.11, 5.6; S 1.9, 2.9; Vyt 7, 24 *paouru.*x^v*arənah-)* 'с большим количеством x^v*arənah-'; viṇdi-* x^v*arənah-* (Яшт 15.45) 'с найденным x^v*arənah-*' [Lubotsky, 1998: 481,482].

Также в позиции после *-ă̊,* начальный звук *xᵛ* в слове *xᵛarənah-* остается неизменным *(ušta.xᵛarənah-, vīspō.xᵛarənah-, barō.xᵛarənah-, haomō.xᵛarənah-),* тогда как, например, начальный *xᵛ* слова *xᵛarəna-* «еда» часто появляется как *-ŋᵛh- (å̊ŋᵛharəna-* «блюдо, миска», *haŋᵛharəna-* «щека»). Такое положение дел показывает, что начальная буква *xᵛ-* авестийского *xᵛarənah-* вряд ли может отражать протоиранское **hu̯-* < PIE **su̯-*.

А.М. Лубоцкий отмечает: «Шервё, вероятно, отверг **farnah-* как протоформу, потому что протоиранская. реконструкция **pʰarnah* - не ведет дальше, но, по сути, нет необходимости реконструировать эту протоиранскую форму. Как уже предполагали Х. Бартоломе[341] и многие другие, **farnah-,* вероятно, является диалектным словом» [Lubotsky, 1998: 482] и тут же задается вопросом: если **farnah-* является формой иранского диалекта, то какое протоиранское слово оно может отражать? А.М. Лубоцкий утверждает, что **farnah-* восходит к протоиранскому **parnah-,* и в качестве доказательства приводит санскритское понятие *párīṇas-,* что является не только тем же морфологическим образованием, но, что важно, имеет тот же диапазон значений.

Итак, санскритское *párīṇas-* – это существительное, которое традиционно обозначается как «полнота, изобилие» и происходит от корня **pelH₁-* «наполнять». Для санскритского *párinas-* профессор предлагает реконструировать **pelH₁-nos-,* ожидаемый иранский рефлекс которого - **parnah-* с потерей в инлауте ларингала. Здесь А.М. Лубоцкий переходит к сравнению текстов Ригведы и Авесты, где проводит интереснейшие параллели между ведическим понятием *párīṇas-* и авестийским *xᵛarənah-,* что позволяет ему сделать следующие выводы.

Párīṇas- – понятие, которое засвидетельствовано только в Ригведе. Оно встречается одиннадцать раз как простое и дважды как сложное слово *góparīṇas-*. Наконец, есть одно свидетельство прилагательного или среднего рода *parīṇasá-*. Среди одиннадцати случаев *párīṇas-* мы находим четыре раза

[341] Фридрих Христиан Леонард Бартоломе (1855 – 1925) – немецкий востоковед-лингвист.

бессоюзную формулу *rāyā párīṇasā* в конце строки, три раза относящуюся к Индре и один раз к Агни. Типичный пример – это фраза из Ригведы, 8.97.6a-d:

sá naḥ sómeṣu somapāḥ sutéṣu śavasas pate /

mādáyasva rā́dhasā sūnṛ́tāvatā- -índra rāyā́ párīṇasā //

«Опьянись нашими выжатыми соками сомы, о Индра, Сома-пьющий, Господь силы, с (твоими) обильными дарами, с (твоим) богатством (и) *párīṇas-*»'

А.М. Лубоцкий отождествляет ведическую формулу *rayā́ párīṇasā* с авестийской формулой (*ahe/mana/aŋhąm*) *raiia xᵛarənaŋhaca* и ее вариантами, что, согласно ему, является примером протоиндоиранской формулы [Lubotsky, 1998: 484].

Еще один пример. В конце гимна Марутам[342], в Ригведе 1.166.14, мы читаем:

yéna dīrghám marutaḥ śūśávāma yuṣmā́kena párīṇasā turāsaḥ /

ā́ yát tatánan vṛjáne jánāsa ebhír yajñébhis tád abhī́ṣṭim aśyām //

«Ваши *párīṇas-*, о Маруты, благодаря которым мы будем оставаться могущественными в течение долгого времени, о сильные, и которые (другие) люди будут пытаться привлечь в свое окружение, – это то, что я стремлюсь приобрести с помощью этих жертвоприношений в качестве дара».

Прежде всего, отрывок показывает, что существует прямая связь между понятием *párīṇas-* и силой (корень *śū-*), что напоминает авестийскую пару *sauuasca xᵛarənasca*. Кроме того, из отрывка можно заключить, что *párīṇas-* это не просто «изобилие», но и своего рода военное превосходство, суверенитет. Оно вызывает те же образы, что и у авестийского *airiianəm xᵛarənō*. Так же как авестийская *xᵛarənah-*, ведическая *párīṇas-* – это качество, которым обладают боги (особенно Индра и Маруты), и которое может быть даровано преданным. Это следует, в том числе, из Ригведы 8.21.7-8ab:

nū́tnā íd indra te vayám ū́tī abhūma nahí nū́ te adrivaḥ / vidmā́ purā́ párīṇasaḥ //

[342] Маруты – в ведийской и индуистской мифологии божества бури, ветра, грома и молнии. В «Ригведе» к ним обращено 33 гимна.

«Мы, новое поколение, зависим от твоей помощи, Индра. Мы знали твой *párīṇas-* не (только) теперь, но и прежде, о мастер давильных камней».

Еще из Ригведы 8.77.9 мы узнаем, что *párīṇas-* – это то, посредством чего Индра совершает свои героические деяния:

etā́ cyautnā́ni te kr̥tā́ várṣiṣṭhāni párīṇasā / hr̥dā́ viḍv àdhārayaḥ //

«Эти твои высочайшие дела, совершенные с *párīṇas-*, ты твердо хранил в своем сердце».

Этот отрывок напоминает авестийский Яшт 19.10, где сказано, что *x^{v}arənah-* принадлежит Ахуре Мазде (*asti ahurahe mazdå̊).* Именно так он создает мир. Более профанный аспект *párīṇas-* следует из Ригведы 1.133.7a:

vanóti hí sunván kṣáyam párīṇasaḥ

«Выжиматель (Сомы) получает (выигрывает) дом *párīṇas-* ».

Представление о том, что *x^{v}arənah-* присутствует в доме преданного богам человека, следует, например, из Яшта 60.7:

mā yauue imaṯ nmānəm x^{v}āϑrauuaṯ x^{v}arənō frazahīṯ

«Пусть приносящий благополучие *x^{v}arənah-* никогда не покидает этот дом». Аналогичное значение сохранилось до наших дней в осетинском *farn* - «счастье, мир, благополучие».

В самом конце своей статьи А.М. Лубоцкий упоминает составное слово *góparīṇas-,* которое, по крайней мере, в Ригведе 8.45.24 означает что-то вроде «изобилия молока»:

ihá tvā góparīṇasā mahé mandantu rā́dhase / sáro gauró yáthā piba //

«Пусть (соки) изобилием молока опьянят тебя здесь за великий дар! Выпей озеро, как бык!».

А.М. Лубоцкий сравнивает эту лингвистическую конструкцию с Яштом 18.1:

mraoṯ ahurō mazdā spitamai zaraϑuštrāi:

azəm daδąm airiianəm x^{v}arənō gaomauuaitīm pouru.vąϑβəm

«Говорит Ахура Мазда Спитаме Заратуштре: Я создал арийскую *x^{v}arənah*, полную молока, полную пастбищ».

Предлагая определение для изначального значения понятия *párīṇas*-, А.М. Лубоцкий пишет, что, индоевропейские слова с суффиксом *-*nos*- часто имеют значение некоторой собственности [Wackernagel, Debrunner 1954: 737f.][343]. Таким образом, *párīṇas*- может первоначально означать «полная собственность, обладание, суверенитет», а затем также «изобилие», «суверенитет, владычество, контроль над территорией», что кажется существенным элементом авестийской *x^{v}arənah*- и родственных ей иранских понятий[344]. Следует иметь в виду, что контроль над огромной территорией абсолютно необходим кочевому обществу: подсчитано, что для содержания шести-семи коров или лошадей в евразийских степях требуется 1 кв. км. пастбищ [Кузьмина, 1994: 205].

Последний, «интригующий» вопрос, который задает А.М. Лубоцкий звучит следующим образом: как обьяснить начальное *f*- в иранских *farnah*- вместо ожидаемого **p*-? Так как *farnah*-, скорее всего, является диалектной иранской формой, необходимо найти иранский язык, где **p* регулярно дает *f*. А.М. Лубоцкий отмечает: «Я знаю только один такой язык: осетинский. Дата изменения осетинского звука **p* > *f* оспаривается. В сарматских именах на греческих надписях юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.) встречаются как *π,* так и *φ*: *Πουρθαιος* (Ольвия) / *Φουρτας* (Танаис) (< **puθra*-, осетинский *fyrt/furt*); Πιδος (Березань) / Φιδας (Танаис, Пантикапей) *(*< **pitā*, осетинский *fyd /fidæ*). В.И. Абаев [Абаев, 1949: 212; 1979: 332] интерпретировал чередование π/φ диахронически» [Lubotsky, 1998: 485], но разные рефлексы могут принадлежать

[343] ср. санскритское *ápnas*-, авестийское *afnah*- «собственность»; санскр. *dráviṇas*-, авестийское *draonah*- ‘доля, разделенное имущество’ (Hoffmann 1957: 70f. = 1976: 420f.); санскр. *rékṇas*- ‘богатство’, ав. *raēxənah*- ‘наследие’.

[344] «Этот перевод очень близок к тому смыслу, который вкладывал в *x^{v}arənah*- Г. Бейли 1943 г. на основе тщательного анализа авестийских текстов. Он дает следующую интерпретацию *x^{v}arənah*-: «вещь, полученная или желаемая», отсюда «хорошая вещь, желанная вещь, имущество, хорошие вещи» (1943: 2). Именно на основе этого значения Бейли пытался этимологизировать слово, сначала как **hu̯ar-nah*- от корня *hu̯ar*- ‘схватывать’, позже как **hu-arnah*-. Его этимология не очень привлекательна, но его семантический анализ превосходен» [Lubotsky, 1998: 485].

разным диалектам (формы с *π* засвидетельствованы на Западе (Ольвия), а формы с *φ* – на Востоке). Таким образом, изменение звука **p > f* могло произойти в некоторых скифских диалектах достаточно рано, чтобы его можно было обнаружить в различных иранских именах. Первое упоминание элемента *farnah-* в мидийской ономастике можно датировать около 714 г. до н.э. в царствование в Ассирии царя Саргона II (722-705 гг. до н.э.). В это время Мидия была захвачена скифскими племенами, и можно предположить, что некоторые мидийские князья и высшие военные чиновники были скифского происхождения. На барельефах Персеполя мидийские вожди одеты как скифы и носят то же оружие, что и южноказахстанские скифы (*Sakā Tigraxaudā*).

Приведенные выше примеры позволили А.М. Лубоцкому прийти к следующему заключению: иранское *farnah-* имеет скифское происхождение, и родственно ведийскому *párīṇas-*, что показывают авестийские и ведические формулы. Первоначальное значение индоиранского **parHnas-* было «суверенитет, контроль», затем «изобилие». Авестийское *x^{v}arənah-* является заимствованием из скифского языка с заменой исходного *fa-* на *x^{v}a-*. Подлинное авестийское слово, родственное скифскому *farnah-* и санскритскому *párīṇas-* – это авестийское **parənah-*, сохранившееся в прилагательном *parənaŋhuṇtəm* (Яшт 5.130), что означает что-то вроде «обильный» [Lubotsky, 1998: 487].

6.2.2. «Древнеперсидское название месяца viyax(a)na-, авестийское viiāx(a)na- ‘красноречивый, хвастливый’ и осетинские праздники»

В самом первом письме к Александру Марковичу я просил его разрешения на публикацию в журнале *“Nartamongæ”* его статьи «*The Old Persian month name viyax(a)na-, Avestan viiāx(a)na- ‘eloquent, bragging’ and Ossetic festivals*» («Древнеперсидское название месяца *viyax(a)na-*, авестийское *viiāx(a)na-* ‘красноречивый, хвастливый’ и осетинские праздники»), которая впервые была опубликована в «Сборнике статей по иранистике индоевропеистике,

посвященном памяти Йохема Шиндлера» (2012)»[345]. Александр Маркович был столь любезен, что сам написал письмо в Австрийскую академию наук, с просьбой разрешить журналу *"Nartamongæ"* публикацию его статьи. Соответствующее разрешение было получено.

Статью предваряют некоторые разъяснения, связанные с тем, как следует читать название двенадцатого, последнего месяца древнеперсидского календаря, который соответствует аккадскому *Addāru* (февраль-март). Название этого месяца появляется в Бехистунской надписи[346] как *v^{i}-i-y-x-n-*. В той же надписи зафиксирован его эламский эквивалент в форме *Mi-ya-kán-na-iš* (DB II 72, III 29) и *Mi-kán-na-iš* (DB I 28). На табличках из Персеполя[347] присутствует шестнадцать различных вариантов написания этого эламского слова, наиболее частыми из которых являются *Mi-ya-kán-na-iš/-aš, Mi-ya-kán-na-, Mi-kán-na-iš, Mi -кап-па-* [Шмитт, 2003: 24]. Эламское написание указывает на то, что древнеперсидское слово *v^{i}-i-y-x-n-* следует читать как *viyax(a)na-*, тогда как более короткая форма *Mi-kán* ˚ указывает на более позднее (уже во времена Ксеркса) древнеперсидское сокращение *-iya-> -ī-*. А.М. Лубоцкий полагает, что различные варианты написания этого слова могут указывать только на то, что эламиты слышали *[viyaxana]* или *[viyaxəna]*, что не обязательно означает, что в древнеперсидском слове была фонематическая гласная между *x* и *n*. Обсуждая этимологии, которые были предложены лингвистами для древнеперсидского *Viyax(a)na-*, он ссылается на этимологическое предположение немецкого лингвиста Н. Эттингера *(Norbert Oettinger)*, который указал на связь между древнеперсидским словом *Viyax(a)na-* и авестийской *viiāxana-*. А.М. Лубоцкий считает, что связь эта является убедительной как формально, так и семантически, что и доказывает следующими примерами. Так, согласно ему

[345] Lubotsky, A. (2012). The Old Persian month name *viyax(a)na-*, Avestan *viiāx(a)na-* 'eloquent, bragging' and Ossetic festivals. In Sadovski, Velizar (Ed.), Iranistische und indogermanistische Beiträge in Memoriam Jochem Schindler (1944-1994) (pp. 95-106). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

[346] Бехистунская надпись — трёхъязычный (древнеперсидский, эламский и аккадский) клинописный текст на скале Бехистун в Иране, высеченный по приказу царя Дария I о событиях 523—521 гг. до н. э. Самая важная по значению из надписей ахеменидских царей и один из крупнейших эпиграфических памятников древности.

[347] Персеполь (Parsa) – древнеперсидский город на юго-западе Ирана, возникший в VI – V вв. до н. э., одна из столиц империи Ахеменидов. Захваченный Александром Македонским в 330 году до н. э., был сожжен.

несовпадение вокализма между древнеперсидской *Viyax(a)na-* и авестийской *viiāxana-* можно легко объяснить известным авестийским удлинением короткой *a* в позиции после *i̯*[348]. Это удлинение происходит только тогда, когда предшествующая *Ci̯* возвращается к **Ci̯i̯.* Иными словами, это можно назвать правилом **Ci̯i̯a > Ci̯ā,* что означает, что *viiāxana-* вполне может восходить к **u̯ii̯axana-* [Lubotsky, 2017: 37][349].

Важным моментом является первоначальная форма авестийского слова, которая засвидетельствована в Авесте в двух вариантах написания: *viiāxna-* и *viiāxana-*. Нидерландский ученый-индолог Францискус Кёйпер (F.B.J. Kuiper) (1960) тщательно изучил рукописную традицию и пришел к выводу, что наиболее верным является форма прочтения *viiāxana-*. В подтверждение этому А.М. Лубоцкий ссылается на метрические пассажи Яштов, где есть три отрывка (Яш. 10.25, 10.61, 13.85), в которых слово должно состоять из четырех слогов, и пять отрывков (Яш. 5.73, 10.61, 13.16, 52, Ny 3.10), где слово должно состоять из трех слогов. Самый простой способ объяснения этому состоит в том, что в зависимости от метрической необходимости поэты использовали либо *[vyāxana-]*, либо *[viyāxana-]*. Тем не менее, Ф. Кёйпер не хотел принимать первоначальную авестийскую форму *viiāxana-,* потому что такая форма может быть объяснена только как производная от иранского корня **(i̯)ăk^{h}-*, а перспектива реконструкции корня с глухим придыханием показалась ему не совсем привлекательной. Поэтому Ф. Кёйпер предпочитал объяснять *viiāxana-* в терминах анаптической гласной, подобно *šiiaoθ(a)na-* «действие», которое пишется *šiiaoθna-* в Яштах и в Видевдате[350], тогда как текст Ясны всегда имеет форму *šiiaoθana-*. Последняя форма не только пишется, но и читается несколько раз в три слога. Такой анализ *viiāx(a)na-* имеет определенное преимущество, что дает А.М. Лубоцкому возможность объяснить иранский *-xn-* из более раннего **-kn-* [Lubotsky, 2017: 37].

---

[348] ср. *aiβiiāma-* ‘наступление’, *aiβiiāuuah-* ‘помощь’, *viiāxti-* ‘грим’, *viiārəθa-* ‘злоупотребление’ и т. д. (Hoffmann – Forssman 1996: 57).

[349] То же удлинение засвидетельствовано в родственных авестийских словах *viiāxman-* «церемониальное собрание», *viiāxmaniieiti* «говорит в состязании».

[350] Видевдат – одна из четырех частей Авесты.

Каким бы ни было объяснение *-a-* в авестийском слове *viiāx(a)na-*, ясно, что связь с древнеперсидским *viyax(a)na-* формально безупречна. Ф. Кёйпер (1960: 247 и сл.) доказал, что *viiāx(a)na-* – это прилагательное, квалифицирующее воина как «красноречивого, победоносного в словесных состязаниях». В качестве типичного примера контекста, в котором оно используется, А.М. Лубоцкий приводит начало Яш. 13.16 с переводом Ф. Кёйпера:

å̊ŋhąm raiia xᵛarənaŋhaca

us.nā zaiieiti viiaxanō

viiāxmōhu gūšaiiaṯ.uxδō

yō bauuaiti xratu.kātō

yō nāidiiå̊ŋhō gaotəmahe

parō.yă̊ parštōiṯ auuāiti

«Благодаря их блеску и славе рождается человек, который побеждает в спорах, к авторитетным словам которого прислушиваются в словесных состязаниях, которого ценят за его сообразительность, который выходит из спора, одерживая победу над более слабым Гаутамой» (Кёйпер 1960: 247 и сл.).

Эпитет *viiāx(a)na-* обычно квалифицирует героев и богов, но может применяться и к врагам[351], А.М. Лубоцкий полагает, что *viāxana-* здесь имеет коннотацию «хвастовство, похвальба», что является необходимым следствием военных словесных состязаний[352].

Здесь же А.М. Лубоцкий предлагает свое объяснение авестийских форм: «Как мы видели выше, *viiāxna-* и *viiāxman-* неоднозначны в том, что касается

[351] ср. Яш. 5.73 *yat bauuāma aiβi.vaniia dānauuō tūra viiāxana* ‘чтобы мы могли (победить) *viiāxana* сборщиков туранского Дану [Авеста, 2022: 46].

[352] Если вместе с Кёйпером предположить, что исходной формой этого прилагательного является *viiāxna-*, мы можем проанализировать его вместе с родственными ему *viiaxman-n.* «торжественное собрание» и *viiaxmaniieiti* «говорить на состязании, хвастаться», как глагол *u̯i* плюс индоиранский корень *(i)ă̆k-*. Койпер [Kuiper, 1960: 257f.] предположил, что долгое *ā* в авестийском семействе слов является старым, и связал корень с санскритским глаголом *yāc-* «умолять», а затем с протоиндоевропейским (PIE) **i̯ek-* «торжественно говорить» (Pocorny, 503f.), засвидетельствовано в древневерхненемецком *jehan, gehan,* древнесаксонском *gehan* 'заявлять. Эта этимология вызывает несколько возражений. Долгая гласная в санскр. *yāc-* ‘умолять’, его конструкция с двойным винительным падежом и его значение предполагают, что этот глагол не относится к протоиндоевропейскому (PIE) **iek-,* а скорее является расширением санскр. *yā-* ‘умолять’. Поскольку индоевропейская этимология лит. *juõkas* ‘смех, шутка’, лат. *juõks* 'шутка' не определена, корень **iek-* оказывается ограниченным западноевропейскими языками. Хотя теоретически нельзя исключить, что авестийский язык сохранил единственные следы этого корня за пределами Европы, во всяком случае ясно, что глагольный корень не засвидетельствован в индоиранском языке, и едва ли можно поверить, что авестийский язык произвёл производное от этого корня с глаголом (preverb) *vi-*. [Lubotsky, 2017: 39].

долготы *a*, так что они могут отражать иранские **u̯iu̯axna-, *u̯iu̯axman-*, формы, которые также предполагаются в древнеперсидском *Viyax(a)na-*. Если принять во внимание, что санскритский глагол, означающий «спорить друг с другом», — это *vi-vac-*, термин «словесный спор» — *vívāc*, а «красноречивый» — *vivakvánt-*, кажется заманчивым предположить, что иранский **u̯iu̯axna-, *u̯iu̯axman-* обусловлены диссимиляцией из **u̯iu̯axna-, *u̯iu̯axman-*[353]» [Lubotsky, 2017: 39].

Образование **viu̯ax(a)na-* остается неясным, поскольку суффикс *-na-* обычно не имеет активного значения в индоиранском языке. Реконструировать суффикс *-ana-* не представляется возможным, потому что этот суффикс палатализирует предшествующий согласный, и маловероятно, что в системе **viu̯axman-: *viu̯acana- x* был бы обобщен. Единственная альтернатива состоит в том, чтобы предположить, что **viu̯axna-* восходит к **viu̯axmna-* прил. ‘относящийся к торжественному собранию, словесному состязанию’, производное от **viu̯axman-* [Lubotsky, 2017: 39][354].

Определившись с фонетической связью между древнеперсидским названием месяца *Viyax(a)- na-* и авестийским *viiāx(a)na-* ‘красноречивый, хвастливый’, А.М. Лубоцкий раскрывает и смысловую взаимосвязь между этими словами. Он пишет: «Одним из наиболее важных результатов эпохальной статьи Кёйпера 1960 г. является демонстрация древнего индоиранского новогоднего праздника, на котором праздновалось сотворение мира и который был отмечен словесными состязаниями. В иранском мире праздник Нового года переместился в период весеннего равноденствия и, таким образом, отмечался в течение месяца *Viyax(a)na-* (февраль-март)» [Lubotsky, 2017: 39].

---

[353] ср. также санскр. *vákman-* сущ. ‘высказывание, речь’ (Ригведа 1.132.2).

[354] На санскрите эти образования имеют полную степень суффикса, ср. *sāmaná-* ‘богатый’: *sā́man-* ‘имущество’, *pāmaná-* ‘зудящий’: *pāmán-* ‘зуд’ и т.д. (Wackernagel – Debrunner 1954: 136), но первоначальная нулевая ступень все еще засвидетельствована в Av. *zaiiana* — прил. ‘относящийся к зиме’, н. ‘зимнее время’ < **ź*^{h}*aiu̯n-a-* и его *vr̥ddhi-* образование, санскр. *hāyaná-* м.н. ‘год’, прил. ‘относящийся к году’. Фонетически потеря *-m-* понятна, ср. Яв. род. п. *ašnō* 'камень, пращный камень, небеса' < **aćmnah* (от *asman-*) и аналогичная потеря в санскр. род.п. *áśnas*, инстр. п. *áśnā* < **áśmnas, *áśmnā* 'камень', instr.sg. *prenā̆* < **premnā̆* ‘привязанность’ и т. д. (Wackernagel — Debrunner 1930: 268ф., 1954: 766), особенно когда в корне была губная, ср. инстр. п. *prathinā́, bhūnā́, mahinā́, variṇā́* [Lubotsky, 2017: 39].

Хорошо известно, что, по крайней мере, некоторые древнеперсидские месяцы названы в честь праздников, проводившихся в этот период[355]. Так, *Bāgayādi* (сентябрь-октябрь) назван в честь **bagayāda-* '(праздник) подношения Баге *(= Miθra)', Āçiyādiya-* (ноябрь – декабрь) из **āçiyāda-* '(праздник) подношения огню', *Θāigraci-* (май – июнь) из **θigra-ci(t)-* «праздник чеснока» и *Ādukani-* (март – апрель) из праздника **ădukana/i-*. Поэтому вполне возможно предположение, что месяц празднования Нового года назывался бы месяцем «хвастовства», месяцем словесных состязаний [Lubotsky, 2017: 39].

Месяц «хвастовства» имеет явную параллель в осетинском языке. Распространенное осетинское название января-февраля — *ærtqiræny mæj / ænqeræni mæjæ,* буквально «месяц угрозы». Обычно название толкуется в том смысле, что холод еще грозит возвращением зимы [Абаев, 1970], но А.М. Лубоцкий полагает более вероятным толкование, что угроза скорее относится к словесным состязаниям, которые имели место во время новогодних праздников [Lubotsky, 2017: 40].

В осетинских традициях есть несколько указаний на то, что праздник иранского Нового года (Новруз) в Осетии в какой-то момент слился с Масленицей, началом Великого поста. Один из важнейших весенних праздников осетин – Тутыр (или Стыр-Тутыр «великий Тутыр»), названный, вероятно, в честь греческого святого Феодора Тирона. Тутыр празднуется в первую неделю Великого поста, причем первые три дня являются самыми важными.

Некоторые особенности празднования Тутыра позволяют прийти к выводу, что изначально это был праздник Нового года[356], или Ног Бон, Нæуæг бон (букв. Новый День), который ранее осетинами справлялся весной. В.Ф. Миллер пишет: «Теперешнее название *Нæуæг бон* – новый день – ведет свое начало со времени раннего христианства, так как едва ли можно предполагать, что древние предки осетин вели новый год с января» [Миллер, 1882, II, 226]. В то

[355] см. Marqart 1905; Justi 1897; Eilers, 1953; Lubotsky 2002.
[356] Здесь Александр Маркович ссылается на работу этнографа Л.А. Чибирова «Народный земледельческий календарь осетин» (1976).

же время Ногбон как персонаж присутствует в осетинской Нартиаде [Нарты, 1989: 257][357]. Осетины верят, что все, что говорится в эти дни, имеет большую магическую силу и всегда сбывается [Военно-статистическое обозрение …, 1858: 194]. Первые три дня праздника считаются настолько священными, что в этот период прерывается даже кровная месть. В первый день Тутыра, а это, как правило, понедельник, все жители села собираются на *ныхасе*, центральной площади села, где их развлекают барды и певцы[358]. Для Тутыра также характерны различные игры. И хотя игры могут устраиваться и во время других праздников, считается, что игры во время Тутыра обладают особой магической силой. Самыми популярными в это период были конные скачки и состязания в стрельбе из лука. Стоит отметить, что различные обычаи, практиковавшиеся во время Тутыра в Дигорском ущелье Осетии, являются точно такими же, как новогодние обычаи в других регионах. Это может означать, что Тутыр изначально обозначал начало года. Если продолжить параллели с Новрузом, то можно заметить, что часть его отразилась в «зимнем» Новом году, часть (к примеру, игра в разбивание раскрашенных праздничных яиц, символизирующих борьбу зимы и весны, холода и тепла) – пришлась на христианскую пасху, и еще одна часть воплотилась в празднике Стыр Тутыр.

В осетинских традициях нашли отражение и другие иранские праздники. Согласно В.И. Абаеву (1970; 1972), осетинские религиозные и аграрные праздники весьма архаичны, и лишь поверхностно прикрыты христианством. А.М. Лубоцкий проводит соответствующие параллели между осетинскими праздниками и дозороастрийским календарем древнеперсидских праздников. Следует, однако, иметь в виду, что осетинский традиционный календарь во многом синхронизирован с христианским, так что некоторые расхождения во времени празднования неизбежны.

---

[357] Комментарии к тексту сказания гласят, что в данном случае имена божеств Уацилла и Ногбон употреблены во множественном числе и означают небесную дружину, воинство.

[358] Очень важно, что во время Тутыра многие, если не все, барды села собирались на *ныхас,* что является явным признаком подлинного соперничества (см. также Цыбырты, 1999: 81).

1. Древнеперсидский *Bāgayādi-* (сентябрь – октябрь) ~ осетинский *ǯiorguba / gewærgoba.*

Название месяца *Bāgayādi-* названо в честь **bagayāda-* ‘(праздник) подношения Баге’, которое было посвящено Митре (= Баге), как недавно было доказано Н. Симс-Уильямсом (1991). Этот праздник имел большое значение в иранском мире, так как он отражен в названии седьмого месяца не только в древнеперсидском, но и в согдийском *(byk'nc)*, среднеперсидском *(Mihr),* армянском *(Mehekani)* и грузинском языках *(Mihrak’nisay).* А.М. Лубоцкий считает, что этот праздник соответствует осетинскому *ǯiorguba/gewærgoba* – празднествам в честь *Wastyrǯi* (Уастырджи) или Святого Георгия. Хотя название заимствовано из грузинского Гиоргоба, сам праздник имеет более древние корни. Основы его празднования описаны в книге Л.А. Чибирова «Народный земледельческий календарь осетин» (1976). Дни празднования *Wastyrǯi* были самыми популярными в годовом цикле календарных праздников с точки зрения их важности и масштаба праздника. Празднование *Wastyrǯi* (Уастырджийы бонтæ) всегда проводится в ноябре, начинается в воскресенье и длится одну или две недели. Ночь с понедельника на вторник первой недели *(Wastyrǯi ’xsæv)* была самой существенной частью праздника, когда святому приносили в жертву козла. В эту ночь каждая семья отправлялась в святилище *Wastyrǯi* с жертвенными дарами. Каждая осетинская семья, где бы она ни жила и как бы бедна она ни была, всегда отмечает этот праздник жертвоприношением животного, потому что *Wastyrǯi* – самый почитаемый осетинский святой, главное божество пантеона [Lubotsky, 2017: 41].

А.М. Лубоцкий полагает, что *Wastyrǯi* соответствует древнеиранскому *Miθra,* хотя ему не удалось найти четкого упоминания об этом в литературе[359]. *Wastyrǯi* обладает всеми функциями авестийского *Miθra*[360]. Во-первых, *Wastyrǯi* (Уастырджи) – бог договора. Его называют *cæxærcæst* 'с острым зрением', он наказывает грешников, он является хранителем брачного контракта (браки

[359] Ф. Корнийо (2002) указывает на несколько соответствий между *Wastyrǯi* и *Sraoša* (в Авесте – дух религиозного послушания и порядка), которых он считает копией *Miθra* [Lubotsky, 2017: 41].
[360] См.: [Гершевич, 1959: 26ф].

предпочтительно заключаются во времена *Wastyrǯi,* потому как именно тогда супружеские узы будут наиболее прочными), его именем осетины также приносят клятву. *Wastyrǯi* является покровителем воинов и путешественников, поскольку он защищает от воров и разбойников. Ему также присущи некоторые солярные черты. *Wastyrǯi* называют *syɣzærin* ‘золотой’, *syɣzærin bazyrǯin* ‘с золотыми крыльями’[361]. Наконец, стоит отметить, что *Wastyrǯi* – это именно бог мужчин. Женщинам не разрешается называть его имя. Они называют его *lægty ʒuar* «бог мужчин» или *galty ʒuar* «бог быков».

2. Древнеперсидский *Āçiyādiya-* (ноябрь – декабрь) ~ ос. *ærtxuron / ærthuron*

Для празднования Нового года осетинские женщины пекут огромный круглый пирог в форме солнца, который называется *ærtxuron / ærtxoron,* букв. ‘солнце, сын огня’ (*art* ‘огонь’, *xur* ‘солнце’)[362]. Такое же имя дано божеству огня. В.И. Абаев (1970; 1972) правдоподобно предположил, что это название первоначально относилось и к празднику[363]. Соответственно, в декабре проводился осетинский праздник, посвященный поклонению огню и солнцу, что может соответствовать древнеперсидскому **āçiyāda-*. Дальнейшие следы этого праздника можно найти в традиционных рождественских кострах. Мальчики прыгают через костер и бросают в него жир [Чибиров, 1976: 51][364].

3. Древнеперсидский *Θāigraci-* (май – июнь) ~ Ос. *cyrɣisæn / cirɣesæn*

А.М. Лубоцкий считает, что древнеперсидский месяц *Θāigraci-* соответствует осетинскому празднику *cyrɣisæn/cirɣesæn,* по-иронски также называемому *Атынæг*[365]. Этот праздник знаменует собой начало сезона покоса. У Л.А. Чибирова присутствует следующее описание: «Никому из осетин не разрешается начинать косить по его желанию, пока в июле все жители села и

---

[361] Подобные ассоциации связаны с трехногим крылатым конем *Wastyrǯi,* которого в осетинской Нартиаде называли *Афсург (Аласа)*

[362] Эту традицию застал и я. В канун Старого Нового года (в ночь с 13 на 14 января) мать моего отца Ксения Тедеева обязательно пекла *ærtxuron,* который разрезала утром в первый день Нового года в присутствии всей семьи.

[363] ср. *basiltæ* «Новый год = святой Василий» и название специально испеченного для этого случая хлеба. Грузины называли Новый год Басила в честь св. Василия Великого, в память о котором пекли пряники в виде человеческой фигуры [Военно-статистическое обозрение, 1858: 192]

[364] О подобных праздниках в Иране см. [Шмитт, 2003: 33].

[365] Производное от имени греческого святого *’Αθηνογένης,* ср. [Абаев, 1958].

района не соберутся на праздник, называемый *Атынæг.* Во время этого праздника старики после долгих размышлений решают, пора ли начинать косить. Когда назначен день, объявляется, что кто до этого числа возьмет в руки косу, тот будет отвечать за ненастье» [Чибиров, 1976: 193]. Празднование всегда проводится в воскресенье, а покос начинается в понедельник или вторник, в зависимости от местной традиции. Подобные праздники имеют место и в других местах Кавказа – в Грузии, Абхазии, Ингушетии и т.д.

Древнеперсидское *Θāigraci-* обычно объясняется как месяц праздника чеснока (древнеперсидское **θigra-* соответствует современному персидскому *sīr* ‘чеснок’). А.М. Лубоцкий предлагает рассматривать осетинское *cyrɣisæn / cirɣesæn* также как этимологическое соответствие названия месяца в древнеперсидском. Название осетинского праздника традиционно интерпретируется как составное, буквально означающее «[время] браться за острые [вещи]»[366]. Первая часть сложного слова – *cyrɣ / cirɣ* ‘острая, острая вещь’[367], а вторая часть – это *isæn / esæn* (от праиранского **āias-* + *-ana-*), отглагольное существительное к *isyn / esun* «брать». Однако этот прозрачный анализ имеет сильный привкус народной этимологии. Остается вполне вероятным, что первоначальное значение праздника было «сбор чеснока». Когда осетины переняли для «чеснока» другое слово (иронский *nury (нуры)* от грузинского *niori (ниори)*; дигорский *bodæn* < древнеиранский. **baudana (*баудана) – «вонючий»), они перестали понимать название древнего праздника. Из-за новой интерпретации *cyrɣisæn / cirɣesæn* стало одним из названий праздника покоса.

Одним из мотивов именования «чеснока» является стреловидная форма его перьев. Например, английский чеснок, др.-анг. *gārlēac,* на самом деле означает «копье-порей» (др.-анг. *gār* «копье»). Поэтому привлекательно предположить, что новоперсидский *sīr* и, возможно, древнеперсидский **θigra-* связаны с иранским **tigra-* 'острый', **tigri-* 'стрела', что означало бы, что они

[366] ср. Абаев 1958 с.в. *cyrɣ*: «время, когда берутся за острое» (т.е. за косы, начало сенокоса).
[367] В современном осетинском языке для обозначения острых предметов вообще используется слово *cyrɣag / cirɣag*.

заимствованы из иранского языка, предположительно скифского, с закономерным развитием **ti-* в **tsi-*. Дополнительным аргументом в пользу скифского происхождения этого слова является тот факт, что чеснок впервые появляется в Средней Азии. Возможно, что санскр. *śigru- 'Moringa pterygosperma'*[368] также можно определить как иранское заимствованное слово.

4. Древнеперсидское **vr̥kazana-* (октябрь – ноябрь) ~ ос. *fæzzæžy tutyr*

Название восьмого месяца не засвидетельствовано в Бехистунской надписи и может быть реконструировано только на основе эламского языка. А.М. Лубоцкий находит эламские варианты написания *Mar-qa-za-na-iš, Mar-qa-šá-na, Mi-ir-qa-šá-na,* которые могут передавать древнеперсидское **M/Vr̥g/k/xăzăna-* [Шмитт, 2003: 45]. Есть, конечно, много возможных предположений, но наиболее разумным предположением, согласно А.М. Лубоцкому, все же остается **vr̥kazana-* (месяц) 'людей-волков' [Cameron, 1948: 45, note 1], или, скорее, **vr̥kāzana* – 'погоня за волками'. Поэтому примечательно, что примерно в это время осетины празднуют так называемый *fæzzæžy tutyr* – 'осенний Тутыр', характеризующийся различными обрядами против волков и предназначенный для защиты скота. В осетинской Нартиаде Тутыр считается покровителем волков [Lubotsky, 2017: 43].

6.2.3. «Аланские заметки на полях византийского манускрипта»

Мое непосредственное знакомство с работами А.М. Лубоцкого началось с небольшой заметки «Аланские заметки на полях византийского манускрипта: предварительный отчет» («*Alanic marginal notes in a byzantine manuscript: a preliminary report»)*, опубликованной в журнале *"Nartamongæ"*, (1-2, 2003). Статья была посвящена обнаружению и предварительному исследованию

[368] *Moringa Pterygosperma* (Моринга крылатосеменная) – растение, которое на протяжении веков использовалось для косметических целей. В частности, масло семян моринги использовалось римлянами, греками и египтянами в качестве крема для кожи и парфюмерного средства. Ее многогранные свойства привели к тому, что растение обрело многочисленные региональные названия, включая «чудо дерево», «очищающее дерево» и «лучший друг матери».

греческого манускрипта-паремйника, который датировался 1275 г. Рукопись впервые была упомянута в справочнике «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР»[369], за номером Q12, согласно которому он попал на хранение в БАН в 1862 г. Документ привлек внимание профессора Отделения Восточноевропейских исследований Гуманитарного факультета Университета Копенгагена (Дания) Сюссе Энгберг (Sysse Engberg), которая в 1992 г. работала в Библиотеке Академии наук РАН над греческими литургическими текстами. При работе над манускриптом Q12 она обратила внимание на ряд малопонятных глосс на полях лекционария, которые были сделаны буквами греческого алфавита, при том что язык, на котором они были написаны, был не греческим. С помощью коллег С. Энгберг предварительно идентифицировала его как раннюю стадию осетинского или близкого ему языка. 20 июля 1992 г. информация о находке со списком глосс[370] в латинской транслитерации от имени Хартмуда Хаберланда была размещена в сети на веб-сайте лингвистов *“Linguist list”* под заголовком «Запрос относительно неопознанного языка» [Перевалов, 2007: 17]. На запрос откликнулся А.М. Лубоцкий, который подтвердил гипотезу об иранском, или, если быть точнее, осетинском характере языка обнаруженных глосс. По предложению директора Центра скифо-аланских исследований В.М. Гусалова в журнале *“Nartamongæ”* в 2003 г. была опубликована вышеупомянутая совместная статья С. Энгберг и А.М. Лубоцкого, в которой авторы представили анализ трех маргиналий.

Документ представляет собой профетологион[371], или греческий ветхозаветный лекционарий, и содержит более двадцати аланских глосс, позже блестяще интерпретированных А.М. Лубоцким. Справочник 1973 г. упоминает имя одного из четырех писцов, которым была написана большая часть текста – дьякон Иоанн. Иоанн скопировал рукопись в 1275 г. не для себя, а для священника по имени Хрисос, который ее заказал. Никакой дополнительной

[369] Лебедева И.Н. Греческие рукописи – Описание Рукописного Отдела библиотеки АН СССР. Т.5., Ленинград, 1973. 240 с. С.49.
[370] Сообщение содержало до двадцати глосс или выражений.
[371] Профетологион – книга, которая содержит отрывки из Ветхого Завета в том порядке, в каком они читаются в течение литургического года.

информации, как то: сведения о местоположении, об авторе или предполагаемом владельце манускрипта, в архивах нет. Сама рукопись также не дает никаких сведений о том, где и когда она могла быть скопирована. В библиотечном каталоге указана лишь дата его приобретения – 1862 г. А.М. Лубоцкий и С. Иванов предположили, что манускрипт мог быть передан в библиотеку русским офицером или его семьей, который привёз ее в качестве трофея с Кавказской войны [Асратян, 2021: 172]. Рукопись содержит 138 листов, часть из которых была сильно повреждена, однако в ходе реставрации в 1964 г. листы были полностью отреставрированы. Манускрипт написан на бумаге в два столбца. Образец, с которого он был скопирован, представляет собой классическую константинопольскую, но не монашескую традицию написания текстов, что позволяет предполагать, что ее можно было воспроизвести где угодно в пределах сферы влияния Византийской империи, за исключением Италии.

В какой-то период рукопись принадлежала и использовалась не-греком, который научился читать и писать по-гречески, и жил в греческом православном сообществе, где греческий язык использовался при совершении литургии. В пользу того, что владелец манускрипта не был греком, говорит тот факт, что он испытывал необходимость отмечать христианские праздники на полях своей рукописи, так как не мог найти их посредством беглого просмотра текста, что греку, свободно владеющему языком, было бы сделать намного проще. Авторы отмечают, что аналогичное явление проявляется в профетологиях, которые используют в арабоязычных странах. Они также полагают, что владельцу лекционария было доверено чтение Святого Писания в церкви, и он был достаточно знаком с греческим языком для того, чтобы читать текст, сверяясь со своими маргиналиями. С этой целью на полях рукописи сразу же после полных заголовков, он приписал свои собственные сокращения, которые всегда предваряются крестом [Памятники …, 2016: 94]. Рукопись насчитывает 34 маргинальных заметки, из которых 24 явно принадлежат к аланскому языку, 9 являются греческими, а одна заметка идентифицирована

как смешанная. Почти все праздники фиксированного года и периода *триодиона*[372] отмечены заметками, некоторые из которых написаны на греческом языке, другие же – написанные греческими буквами на родном языке владельца лекционария.

Три маргиналии, обзор и анализ которых по предложению В.М. Гусалова С. Энберг и А.М. Лубоцкий представили в журнале *"Nartamongæ"* (2003), были весьма информативны. Так, первая часть заметки ἄυτεσρή στούρ (лист 69r), безошибочно интерпретирована ими как дигорское *avdisær,* то есть «понедельник», или дословно «голова недели». Вторая часть στούρ, есть не что иное, как иронское *styr*, (дигорское *(æ)stur*), или *большой/великий*. В маргиналии на листе 107r явно читается выражение άστεμακ παν, что с осетинского языка можно перевести как «восьмой день» (совр. осет. *æstæjmag bon*). Аланское слово **ban* можно встретить и в известных «Теогониях» Иоанна Цеца в виде ταπανχάς, или осет. *добрый день.* Это же подтверждает предположение В.И. Абаева о том, что греческая графика, использованная в аланском письме, и примененная при написании Зеленчукской надписи, должна была использоваться более широко [Абаев, 1949: 43]. Еще одну заметку (лист 116v) глоссатор написал как ζιρὴν κάμ πάν, фразу, которую А.М. Лубоцкий интерпретировал как **zærin kam ban* (иронск. *zærin kom bon* / дигорск. *zærinæ kom bon*), что можно перевести с осетинского как *день золотых уст* [Памятники ..., 2016: 122]. Стоит отметить, что имя святого Иоанна Хрисостомоса со старославянского переводится как Златоуст (груз. Окропири). Вполне возможно, что и аланы называли его по-своему, переводя χρυσοστόμος как **zærīn(æ) kam* 'златоуст', словом, которое проявляется в глоссе ζιρὴν κάμ. А.М. Лубоцкий считает, что «отсутствие конечного гласного в ζιρὴν (*æ* – А.Ч.) важно для решения вопроса о происхождении глоссатора» [Памятники ..., 2016: 122], т.е. может служить указанием на восточное (иронское) происхождения глоссатора.

[372] Триодь, Триодион – в православии общее название богослужебных книг, содержащих трёхпесенные каноны «трипеснцы». Триоди покрывают круг подвижных праздников года, даты которых находятся в зависимости от дня празднования Пасхи.

В 2007 г. попытку расшифровать глоссы, выложенные в открытый доступ С. Энгберг, предпринял независимый исследователь С.М. Перевалов. В своей статье «Из истории открытия Петербургской рукописи БАН Q12 с аланскими глоссами» (2007) С.М. Перевалов, опираясь на электронную заметку с глоссами, воспроизведенными С. Энгберг, представил свою интерпретацию девятнадцати глосс. В частности глосса, отмеченная в статье С.М. Перевалова номером десять (в рукописи – 100r), была прочитана им как *pi pinlac hutzau pan*. И если во второй части словосочетания явно читалось осетинское *хуыцаубон*, то по поводу первой части глоссы С.М. Перевалов высказал сомнение в ее принадлежности к аланскому языку [Перевалов, 2007: 20]. Автор поделился своими выводами с А.М. Лубоцким, который в ответном письме С.М. Перевалову дал свою интерпретацию первой части заметки, прочитав ее как *pitzinak xutzaupan* или «Печенежское воскресенье». Здесь же он обратил внимание на слово *istbon,* прочитанное С.М. Переваловым с дигорского диалекта осетинского языка как праздник [Перевалов, 2012: 9].

Идея, озвученная А.М. Лубоцким по поводу «Печенежского воскресенья», в дальнейшем получила свое развитие. В 2011 г. в журнале *Byzantinische Zeitschrift* (Мюнхен) была опубликована небольшая статья А.М. Лубоцкого в соавторстве с московским византинистом С.А. Ивановым под названием «Аланские маргиналии и точная дата битвы Иоанна II с печенегами» [Ivanov, Lubotsky, 2011: 595-603]. Это интересное исследование было посвящено одной из глосс, указанной на фолианте 100r, которая была прочитана А.М. Лубоцким как πητζινάκ χουτζάου πάν. И если вторая часть глоссы была ранее идентифицирована и прочитана с осетинского как *x*^{w}*ycawbon / xucawbon* ‘воскресенье’ (букв. ‘день бога’)[373], то исследование первой части глоссы πητζινάκ привело авторов к весьма неожиданным результатам. Согласно им, речь здесь идет о печенегах – кочевом народе, упоминаемом в среднегреческих

[373] Как было отмечено выше, слово πάν также встречается в аланском приветствии, приведенном И. Цецом в его «Теогонии»: ταπανχάς соответствует современному осетинскому *dæ bon xorz / dæ bon xwarz* ‘доброго дня тебе’. В «Ясском глоссарии» XV в. мы также встречаем это приветствие в форме *daban horz*. В греческом языке этого периода β был спирантом [v], так что аланский [b] пишется через π не только на полях, но и в Зеленчукской надписи, и в «Теогонии» И. Цеца.

источниках как Πατζινάκοι, Πετζινάκοι, в среднелатинском как *Pizenaci, Bisseni* или *Pacinaci, Pacinacae*, и в древнерусском как *pečenĕgъ*. Авторы полагают, что форма πητζινάκ должна обозначать аланское **bicinǽg* и относиться к печенегам, что позволяет заключить, что аланская глосса πητζινάκ χουτζάου πάν может быть переведена как «печенежское воскресенье» [Ivanov, Lubotsky, 2011: 596]. Но что это был за праздник?

В 1121-1122 гг. группа тюркских племен была изгнана Владимиром Мономахом за пределы Руси. Ипатьевская летопись (XV в.) повествует: «В 6629 году Владимир вытеснил берендичей с Руси, а тюрки и печенеги сами ушли» [Полное собрание… 1908]. Согласно византийскому хронисту Никите Хониату, на пятом году правления византийского императора Иоанна II Комнина кочевники перешли Дунай и начали грабить Фракию. Попытки Иоанна договориться с печенегами не увенчались успехом, так как последние были уверены в том, что смогут одержать победу над ромеями, как это не раз было ранее. Решающее сражение произошло весной 1122 или 1123 г. во Фракии у города Берое, современного болгарского города Стара-Загора, в ходе которой кочевники потерпели сокрушительное поражение. Небольшой анализ исторических хроник того периода (Никита Хониат, Михаил Сирин, Иоанн Киннам) позволяет заключить, что эти события произошли именно в 1122 г. Никита Хониат пишет, что «одержав столь знаменитую победу над скифами, и достигнув столь великого торжества, (император) Иоанн воздает благодарение Богу, учередив в память этого события, и во свидетельство благодарности так называемый у нас праздник печенегов» [Никита Хониат, 1860: 21]

В хрониках сохранилось еще одно упоминание об этом празднике. Юридический комментарий *Ecloga basilicorum*, написанный до 1142 г. гласит, что приговор суда можно обжаловать в вышестоящей инстанции в течение десяти дней после вынесения приговора; тем не менее, «дни отдыха не засчитываются, равно как и праздники, которые не были провозглашены с самого начала, а провозглашены днями отдыха позже, потому что в этот день случилась победа, например, истребление половцев или печенегов (κατάλυσιν

Κομάνων ᾗ Πατζινάκων)[374]. Никакого разночтения здесь нет, так как известно, что орда кочевников состояла не только из печенегов, но и из половцев, известных в истории под именем куманов. Более того, в «Хронике» сирийского патриарха Михаила Сирийца эта война известна как «Куманская война».

Ни в греческих, ни в скандинавских источниках нет указаний на то, когда именно произошла эта битва или когда отмечался праздник «Печенежское воскресенье». Подсказку можно найти в лекционарии. Заметка на аланском языке была написана рядом с греческим заголовком «Сочельник Преполовения»[375], что на первый взгляд может показаться странным, так как Преполовение, как правило, подразумевает среду. В то же время, нередко праздничное событие отмечается не в его точную дату, а в соответствии с местом, которое этот день занимает в литургическом календаре. Вполне возможно, что победа над печенегами была привязана к подвижному празднику Преполовения, что дает нам возможность предположить, что сражение пришлось на один из рабочих дней недели Пятидесятницы, и лишь позднее была перенесена на воскресенье этой недели. Лекционарий позволяет уточнить эту дату. В 1122 г. Пасха выпала на 26 марта, что означает, что середина Пятидесятницы пришлась на среду, 19 апреля. Соответственно, битва при Берое произошла либо 20-22, либо 24-26 апреля. Если же битва случилась в 1123 г., то Пасха выпадает на 13 апреля, а Преполовение на 9 мая. Тогда днем победы над печенегами могло быть либо 10-12 мая, либо 14-16 мая [Ivanov, Lubotsky, 2011: 602].

Но когда и как аланы могли познакомиться с этим праздником? Вполне возможно, что это был XII в., период расцвета греческого православия на Северном Кавказе, времени, когда греческий алфавит начал использоваться для письма на аланском языке. И если даже позже в самой Византии праздник был забыт, то аланы, в прошлом пострадавшие от печенегов, продолжали его

[374] Ecloga Basilicorum, hrsg. L. Burgmann. Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte, 15. Frankfurt am Main 1988, XVII.

[375] Имеется в виду праздник Преполовения Пятидесятницы – христианский праздник, отмечаемый на двадцать пятый день по Пасхе.

праздновать и далее. В современном осетинском языке сохранился фразеологизм *byc'ynæg sk'^{w}ynyn / byc'inæg sk'^{w}unyn*, что дословно можно перевести как «истребить печенегов». Выражение подразумевает «стремиться, жаждать, тосковать по чему-либо», но вполне понятно, что оно стало отголоском давней вражды между аланами и печенегами, сохранившемся в осетинском языке. Неудивительно, что аланы продолжали праздновать «Печенежское воскресенье» еще долго после того, как печенеги сошли с исторической арены[376].

Наиболее полно же глоссы были представлены в небольшой брошюре А.М. Лубоцкого «Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте» (2015), изданной Австрийской академией наук в 2015 г. Издание, в котором впервые был представлен весь корпус глосс, включало в себя тридцать цветных фотографий собственно маргиналий, а также, в качестве приложения, было дополнено некоторыми пояснениями к аланским фразам, описанным в «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.). В 2016 г. известный осетинский лингвист Ю.А. Дзиццойты представил научный сборник «Памятники аланского языка и письма» (2016), в который были включены все исследования об аланском (средневековом осетинском) языке и письме, изданные в разное время за рубежом. Сборник включал в себя работы А.М. Лубоцкого, Л. Згусты, Ю. Немета, посвященные письменным памятникам аланского/осетинского языка[377]. Книгу дополнили примечания и комментарии В.И. Абаева и норвежского лингвиста Ф. Тордарсона. В нашем случае том представляет интерес, прежде всего тем, что книга А.М. Лубоцкого «Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте» была опубликована полностью и в качественном переводе в исполнении коллеги Ю.А. Дзиццойты лингвиста Т.К. Салбиева.

---

[376] В качестве еще одного примера можно добавить, что в осетинской Нартиаде представлен народ *bycentæ* (Быцентæ), которые были соседями нартов, и выделялись своим маленьким ростом. *Bycenon*, жена нарта Хамыца и мать нарта Батрадза, была родом из этого народа. Особенностью *Bycenon* было то, что женщиной она была только ночью, в то время как в дневное время превращалась в лягушку, которую ее муж, нарт Хамыц, носил в кармане. В Южной Осетии и сегодня есть фамилия *Bycentæ.*

[377] Надпись на Зеленчукской стеле XI или XII в., аланские фразы в «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.), «ясский глоссарий» начала XV в., и аланские маргиналии в греческом манускрипте XIII или XIV в.

Книга А.М. Лубоцкого состоит из предистовия (с. 5–6) и девяти небольших разделов: «Описание рукописи» (с. 6–9), «Палеография» (с. 9–12), «Осетинские наречия» (с. 12–4), «Аланский и греческий алфавиты» (с. 14), «Полный список примечаний на полях» (с. 14–6), «Комментарии к примечаниям на полях» (с. 16–7), «Аланские примечания на полях» (с. 17–42), «Примечания на полях по-гречески» (с. 42–45) и «Орфография и язык примечаний» (с. 45–50), в которой раскрываются правила орфографии языка заметок. За ними следует ценное приложение «Аланский текст в «Теогонии» Иоанна Цеца» (с. 51–65), список литературы (с. 67–69) и высококачественные цветные иллюстрации всех листов фолианта, на которых встречаются маргинальные глоссы, как греческие, так и аланские.

В предисловии, раскрыв детали открытия манускрипта, профессор обозначает цель написания книги, которой, согласно ему, является необходимость введения «в научный оборот полного собрания аланских маргинальных заметок с тем, чтобы сделать их, наконец, доступными для научного сообщества. Предполагаемые ниже интерпретации заметок, конечно же, не являются окончательными и, вне всяких сомнений, в будущем будут уточнены» [Памятники …, 2016: 92].

В описании рукописи, помимо части, представленной нами ранее, есть ряд любопытных наблюдений. Так, А.М. Лубоцкий подкрепляет мнение о родном языке глоссатора, уверенно определяя его как аланский, предшественник осетинского[378]. В качестве примера он приводит содержащиеся в заметках названия дней недели, такие, как χυοτζάου πάν – ‘воскресенье’ (~ осет. *x^{w}ycawbon / xucawbon* ‘id’) или ἄυτεσηρ ‘понедельник’ (~ осет. диг. *avdisær* ‘id’) [Памятники …, 2016: 95].

Обнаружение аланских маргиналий в греческом лекционарии, подкрепляет раннее свидетельство фламандского монаха-францисканца Гильома де Рубрука, который во время своего путешествия в Монгольскую империю, в 1253 г.

[378] «Вместо того чтобы называть язык маргинальных заметок древнеосетинским, я решил обозначить его как аланский, тем именем, под которым он был известен византийцам» [Памятники …, 2016: 95]

встретился с аланами в городе Орна на Дону [Alani sive Aas. 2019: 62-63]. «Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте – заключает А.М. Лубоцкий, – должны были быть сделаны между 1275 г., соответствующим датировке рукописи, и 1453 г. н.э.» [Памятники …, 2016: 95]. Наиболее вероятной датой написания рукописи А.М. Лубоцкий считает XIII или XIV в. Рукопись датирована 1275 г., но глоссы могли быть добавлены в любое время и в следующем столетии, вплоть до погромов Тимура в конце XIV века, с последующим истреблением алан. Это позволяет ему установить верхнюю дату написания глосс, ограничив ее нашествием на Аланию армии Тамерлана.

Как было отмечено выше, рукопись была написана рукой четырех разных переписчиков. При написании заглавных букв и заголовков переписчики применяли киноварь. Основной текст (листы 45-138) представлен переписчиком Ἰωάννης, (Иоанн), почерк которого выделяется характерной формой букв заметок на аланском языке, но, при этом, наблюдаются и существенные отличия. Это, прежде всего, «аланская альфа», а также некоторые палеографические особенности. Большинство отдельных словоформ можно понять сразу на основе современного осетинского языка, например. 107r *ἀστέμακ* 'восьмой', 116v *ζιρὴν* 'золотой', 69r *στούρ* 'великий' (ср. ос. *æstæjmag, zærijnæ/ zærin, (æ)styr/styr)*, но некоторые слова трудно интерпретировать, напр. 10r φιστηνίκ παρὰς 'Пост вот-вот начнется (?)' (ср. ос. *festujnag/festinag* 'предстоящий, вот-вот начнётся', *barysč'i/baræsk'æ* 'пост'), 108v ἠζίπατζικ ρό[...]κουκάνι, 109v οὐρηαγ/βαναὶ, 124v ἀβήνατὴ.

Как и следовало ожидать, язык глосс во многих отношениях архаичен по сравнению с современным осетинским и, насколько можно судить по образцам, находится примерно на той же стадии, что и язык Зеленчукской надписи, и образцы аланского языка, представленные в «Теогониях». Наиболее очевидным фонологическим признаком глосс является сохранение древнеосетинского **a* перед носовыми (*κὰμ* 'рот', *πάν* 'день' по сравнению с современным осетинским *kom, bon*), что можно сравнить с образцами текстов «Теогоний» (*ταπαγχὰς* -

'добрый день тебе'), и ясского глоссария (*daban horz*; *dan* 'река' – современный осетинский *dæ bon xwarz/xorz, don)*. Эта гласная регулярно представлена в глоссах специальной альфой с длинной косой чертой, очень точно названной А.М. Лубоцким «аланской альфой». Она позволяет глоссатору отличить обычную *α* от древнеосетинского **æ.* Это, по мнению Д.К. Асатряна «свидетельствует о том, что автор маргиналий был хорошо обучен писать по-аланski греческими буквами» [Асратян, 2021: 173.].

Одна лишь согласованность орфографического различия может говорить о чем бы то ни было, кроме неопровержимого доказательства того, что глоссы, как и Зеленчукская надпись, не были изолированными попытками передать аланский язык, а скорее указывают на сложившуюся практику написания аланского языка с помощью греческого алфавита.

Несмотря на свою краткость, глоссы содержат заметные лексические архаизмы, напр. 21r, 45v, 55v *ἄυτεσήρ*, 30r, 37v *ἄυτεσηρ* «понедельник», сохранившееся в современном дигорском языке как *avdisær* «понедельник», но замененное в иронском на *kw'yrisær*. Сопоставимое удержание происходит в 104r *ἠστιπαν*, с которым ср. дигорское *istbon* ‘праздник’.

Греческий заголовок, предваряющий глоссу 104r, читается как ‘Суббота Пятидесятницы, вечеря’. Д.К. Асратян обращает внимание на аланскую глоссу, а точнее на адаптацию названия праздника Пятидесятницы (Святой Троицы) – *σαρὰβαραν ἠστιπαν*, первый компонент которого А.М. Лубоцкий читает как *сæр æвæрын/ сæр æвæрун* – то есть «класть начало, основание». Ценность приведенной глоссы заключается в том, что, согласно Д.К. Асратяну, при выборе аланского обозначения праздника «решено было отталкиваться не от формального соответствия греческому Πεντηκοστή, обозначающему число дней от праздника Пасхи, и не от термина Святая Троица, сложного и для перевода и для понимания. Из многих смыслов праздника Пятидесятницы был избран, пожалуй, наиболее интуитивно понятый и вместе с тем богословски значимый – день основания новозаветной Церкви» [Асратян, 2021: 174]. Со временем праздник потерял свое изначальное название и стал называться *Кæрдæгхæссæн*

«принесение травы», название, которое лишь отражает обрядность праздника, что можно трактовать как «закономерное упрощение мировоззрения и календаря, связанное с исчезновением аланского государства и Церкви как института в позднем средневековье» [Асратян, 2021: 174].

Вторая часть глоссы ἠστιπαν уже была представлена ранее. В современной орфографии *истбон* строго соответствует дигорскому «праздник, праздничный день». Стоит отметить, что *истбон* не представляется возможным отделить от иронского *истлæг* «жрец, дзуары лæг». Ю.А. Дзиццойты соотносит предлог *ист-* с *(ыстæн)/ истæн* «клятва» [Памятники …, 2016: 12]. Д.К. Асратян задается вопросом: «Нельзя ли рассматривать первую половину обоих религиозных терминов как пассивное причастие от *исын/есун* «брать»? Священнослужитель как человек, взятый на служение; праздник как день, отделенный от привычной череды, – такое понимание вполне соответствует библейскому пониманию святости как отделенности для Бога» [Асратян, 2021: 175].

Рецензию на книгу А.М. Лубоцкого представил профессор Университета Адама Мицкевича в Познани (Польша) Рональд Ким. Соответствующая статья под названием "*Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript"* («Аланские маргинальные заметки в греческой литургической рукописи») была опубликована в журнале польской академии наук *"Folia Orientalia"*[379]. В своей рецензии Р. Ким касается и глоссы «Печенежское воскресенье», которую он называет «наиболее интересной находкой» [Kim, 2018: 432], обзор которой был предоставлен нами выше. Касаясь последовательности орфографии глосс, Р. Ким отмечает, что она косвенно подтверждает традицию написания аланских слов буквами греческого алфавита. Как и в эпилоге «Теогонии» И. Цеца, звонкие смычные */b/, /d/, /g/* представлены буквами π, τ, κ, поскольку греческие β, δ, γ давно стали фрикативами. В дополнение к различию между стандартной и «аланской» альфой, А.М. Лубоцкий определяет орфографическое правило,

[379] Alexander Lubotsky, *Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript*. (Veröffentlichungen zur Iranistik, 76. Grammatica Iranica 2.) Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015 by Ronald I. Kim.

согласно которому */i/* обычно переводится как η, но при последовательности гласных */i/* пишется с чередованием ι и η, как в πητζινάκ */bic'inag/,* φητίβανη */fidiwani/* и наиболее эффектно τημιτήρι */dimidiri*/ «Димитрий». В данном случае представляет интерес тот факт, что глоссатор, делая пометки рядом с греческим заголовком «26 октября, Воспоминание Великого Землетрясения», которое, как правило, считается днем св. Дмитрия, называет Дмитрия Солунского не исконным греческим именем *Димитриос*, а адаптирует его имя под родное для себя аланское написание *Димидир.* Это имя именно в таком звучании встречается и в китайской хронике «Юань-ши» (1369 гг.). Некий *Димидир* был назначен монголами во главе асской гвардии в период, когда Китай был под властью монгольских ханов [Алемань, 2003: 552]. Это, прежде всего, говорит о том, что имена христианских святых со временем были адаптированы под аланские «реалии».

Христианский литургический календарь органично вписался в аланский язык, о чем говорит название праздника Рождества Иоанна Предтечи. Соответствующая заметка φητίβανη πάνη (*Фидиуани*) указана перед греческим заголовком «24 июня, День рождения св. Иоанна Предтечи». Праздник Иоанн Предтеча, известный в Осетии как *Фыдиуане* или «отец Иоанн» отмечается через две недели после Успения Богородицы, что соответствует 29 августа по старому стилю, совпадая при этом с церковным праздником Усекновения главы Иоанна Предтечи, упоминание о котором есть в глоссе 137r. Эту глоссу А.М. Лубоцкий прочитал как *fidiwanejæn sær k'^{w} yryn/k'wæryn* (дословно – отсечение головы отца Иоанна).

Интересное наблюдение демонстрирует нам, что Иоанн Предтеча, Креститель Господа был обозначен в священном аланском ономастиконе как «отец». Объясняя соответствующую номинацию, Д.К. Асратян ссылается на хорошо известную в Алании иконографию Деисуса[380], блестящий образец которой сохранился в Нузальской часовне: «с молитвой к Спасителю

[380] Деисус (греч. δεησις — прошение, моление; деисис) – икона или группа икон, имеющая в центре изображение Христа, а справа и слева от него соответственно – Богоматери и Иоанна Крестителя, представленных в традиционном жесте молитвенного заступничества.

обращаются Пресвятая Дева – *Мадымайрæм* «Мать Мария» – Иоанн Предтеча – *Фыдиуане* «Отец Иоанн». Воспользовавшись терминологией Т.К. Салбиева, можно сказать, что перед нами еще один пример синтеза двух традиций – христианской, религиозно-исторической и аланской, религиозно-мифологической» [Асратян, 2021: 175].

Несомненный интерес представляют и все остальные глоссы (большинство из которых аланские), которые очень аккуратно коррелируется с осетинским языком. И если обрывочные сведения об аланской письменности на основе греческой графики, представленные в «Теогониях» И. Цеца и на зеленчукской стеле могли считаться сомнительным доказательством в пользу наличия у аланов письменности, то маргиналии, блестяще интерпретированные А.М. Лубоцким, являются серьезным аргументом в пользу подтверждения факта существования аланской письменной традиции. Лигатура, использованная в глоссах и Зеленчукской надписи, является лишним тому подтверждением. А.М. Лубоцкий пишет: «Я убежден, что в будущем будут обнаружены и другие памятники аланского языка, сделанные греческим письмом» [Памятники …, 2016: 140].

6.2.4. «Теогонии» Иоанна Цеца

Особого внимания заслуживает приложение к книге А.М. Лубоцкого, в котором он предлагает новое прочтение аланских строк, встречающихся в эпилоге к «Теогониям» Иоанна Цеца. Предыстория вопроса известна. В середине XII в. византийский автор Иоанн Цец (ок. 1110-1180) написал небольшое произведение, которое состоит из 855 «политических»[381] стихов. «Теогония», одно из ранних поэтических произведений И. Цеца, была посвящена происхождению греческих богов, и перечислению греческих и троянских героев. Она была написана для его покровительницы, свояченицы

[381] В данном случае термин «политический» обозначает гражданский (общедоступный) 15-сложный стих. См.: [Гаспаров, 2003: 103].

византийского императора Мануила I Комнина (1118-1188), супруги Андроника Комнина, севастократориссы Ирины. В эпилоге к своему опусу Цец пишет, что образованный человек, по его мнению, должен уметь приветствовать каждого на его языке – «как женщину на рынке, так и чужестранца» [Памятники …, 2016: 141]. Дабы продемонстрировать свои собственные познания, И. Цец приводит в эпилоге различные приветствия и другие выражения на куманском, турко-сельджукском, латинском, аланском, арабском, русском и древнееврейском. Известно несколько копий «Теогоний»[382], однако большинство переписчиков текста не считали нужным копировать эпилог, который состоял из 137 поэтических строк. В венской рукописи cod. Vindobonesis phl. gr. 321, первые двенадцать строк из которого («скифский» (куманский), «персидский» (язык турок-сельджуков) и латинский языки) впервые представил издатель Иммануил Беккер (1842), переписчиком была сделана следующая приписка: «весь эпилог мы оставим незаписанным из-за его многословия» [Перевалов, 1998: 118].

Полная версия эпилога «Теогоний» со всеми стихами, обозначенная как *Codex Vindobonensis*, была найдена венгерским византинистом Дьюла Моравчиком в 1927 г. в Библиотеке Ватикана в рукописи XV в. К сожалению, рукопись сохранилась не полностью, лист с «варварскими» стихами был сильно поврежден. Надорванные поля, и выцветшие чернила не позволяли полно и качественно ознакомиться с текстом. Внимание исследователей из семи представленных в рукописи фраз-приветствий, помимо уже трех, опубликованных ранее, привлекли аланские фразы, которые тогда же были «прочитаны» Д. Моравчиком на осетинском языке. Этим же фразам В.И. Абаев посвятил статью «Аланские фразы у византийского писателя Цеца (XII век) [Абаев, 2020: 368-373].

Позднее в отделе рукописей Австрийской Национальной библиотеки австрийский историк-византист Герберт Хунгер (Herbert Hunger) нашел еще

[382] В разное время некоторые части эпилога «Теогоний» публиковали И. Беккер (1842), П. Матранга (1850), К. Вендель (1940).

один, более ранний (XIV в.) вариант манускрипта, *Codex Barberinus,* который сохранился гораздо лучше. В 1953 г. он опубликовал статью, в которой представил те же 35 строк эпилога «Теогоний», но уже с учетом новых возможностей прочтения аланского материала, что позволило в полном объеме ознакомиться с текстом Иоанна Цеца. Сопроводительная записка гласит, что данная рукопись «была приобретена императором Фердинандом I (1503-1564) через своего посла в Константинополе и отправлена морским путем через Венецию в Вену» [Перевалов, 1998: 118].

Таким образом, если ранние исследования аланских фраз-приветствий Цеца базировались на основе *Codex Barberinus* (Д. Моравчик (1930), В.И. Абаев (1935), Б. Мункачи (1939), Д. Герхардт (1939), Г. Бейли (1982-1985), то после публикации *Codex Vindobonensis* возникла необходимость вновь обратиться к тексту, что и было сделано такими исследователями, как Р. Бильмайер (1993), Р. Вирда (1993), С.М. Перевалов (1998, 2022), Т.Т. Камболов (2006), А.М. Лубоцкий (2015). Оба варианта рукописи дают возможность взглянуть на интересующие нас аланские фразы в комплексе. В дальнейшем эти два манускрипта и стали базовыми для лингвистов, в сферу интересов которых входит и язык алан. Для простоты восприятия А.М. Лубоцкий обозначил рукописи соответственно литерами V (*Codex Vindobonensis*) и B (*Codex Barberinus*).

Рукописи текста содержат межстрочные записи, которые приводят перевод иностранных выражений и нескольких глосс. В контексте озвученной темы для нас представляют интерес фразы, записанные И. Цецем на аланском языке. Соответственно приветственная фраза на языке аланов выглядела следующим образом:

«Я приветствую алан на их языке: “ ταπαγχὰς μέσφιλι χσινὰ κορθὶ καντὰ” *Добрый день господин мой, госпожа (моя), откуда ты?*» [Памятники …, 2016: 143].

Оба кодекса практически не содержат разночтений, и читаются одинаково. Но есть существенный момент, который отличает их друг от друга. Так, если

аланский текст Д. Моравчика (V) не содержит каких-либо межстрочных записей, то в рукописи Г. Хунгера (B) представлен межстрочный текст, который исследователями расценен как вульгарный, скабрезный:

«Или же: Если аланка имеет любовником (святого) отца, услышишь такое: “ τὸ φάρνετζ κίντζι μέσφιλι καὶτζ φουὰ σαοῦγγε ” *И не стыдно тебе, госпожа моя, что с тобой имеет связь святой отец?*» [Памятники …, 2016: 143].

Большинство исследователей полагали, что межстрочные записи делал сам Цец, хотя явных аргументов в пользу этой версии ими не приводилось. А.М. Лубоцкий со ссылкой на Д. Моравчика пишет: «Если принять во внимание страсть Цеца к комментариям – а он, к примеру, писал комментарии и к собственным трудам, – то мы можем допустить, что и эти греческие пояснения исходят от него самого», и тут же добавляет: «Следует признать, однако, что во время Д. Моравчика еще не было известно скабрезное содержание некоторых частей межстрочных записей» [Памятники …, 2016: 142][383].

А.М. Лубоцкий полагает, что Цец не имеет отношения к межстрочным записям, аргументируя это следующим. В обеих рукописях текст написан так называемым *versus politicus* (строками по пятнадцать слогов), в то время как переводы и глоссы не имеют какого-либо размера, и написаны на так называемом «вульгарном греческом» [Памятники …, 2016: 142]. Межстрочные записи в рукописи (V) были написаны красными чернилами, и скорее всего, были добавлены в текст уже после его составления. Следующим аргументом «против авторства Цеца является тот факт, что названия народов Σκύθην (скифы) и Πέρσαις (персы) сопровождаются глоссами κόμανον (куманы) и τούρκοις (тюрки), соответственно» [Памятники …, 2016: 142]. В *Codex Barberinus* эти глоссы отсутствуют, что явно свидетельствует о том, что они были добавлены переписчиками позже. И, наконец, вряд ли И. Цец включил бы вульгаризмы в эпилог своей поэмы при условии, что текст этот был написан

[383] Более подробно межстрочные вульгаризмы представлены в статье С.М. Перевалова «Греко-варварские диалоги в эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца» [Перевалов, 2022: 203-207].

для севастократориссы Ирины. А.М. Лубоцкий считает, что это больше похоже на низкопробную шутку переписчика.

Прежде чем приступить к разбору аланских фраз, А.М. Лубоцкий определяет общую методологию исследования, которая, основываясь на предыдущих исследованиях, исходит из того, что аланский язык И. Цеца «представляет собой более древнюю стадию развития осетинского языка (ταπαγχὰς – осет. *dæ bon xorz / dæ bon x*^{w}*arz* (добрый день); χσινὰ – осет. *(æ)xsin / (æ)xsinæ* (госпожа); κἰνιζι – осет. *čynʒ / kinʒæ*» [Памятники …, 2016: 144]. Соответствующие объяснения в рамках осетинского языка А.М. Лубоцкий считает наиболее приемлемыми. Исходя из того, что Иоанн Цец был достаточно точен в передаче приветствий на других языках, следует полагать, что нет необходимости привлекать другие восточноиранские языки для реконструкции аланских фраз. Далее следует подробный разбор обеих аланских строк, где А.М. Лубоцкий делает акцент на толковании содержащихся в них темных, не совсем понятных фраз [Памятники …, 2016: 144].

a. В первой фразе строки ταπαγχὰς все исследователи безошибочно распознают осетинское приветствие *dæ bon xorz / dæ bon x*^{w}*arz* (добрый день). Это же приветствие именно в такой же форме встречается в Ясском глоссарии XV в., где оно представлено в виде *daban horz.* [Памятники …, 2016: 144] [384].

b. Следующий фрагмент первой строки *μέσφιλι* так и остался неясным для исследователей. Б. Мункачи [1939: 270], В.И. Абаев [1949: 257] и Д. Гердхард [1939: 41f] сопоставляли его с осетинским *me'fsin (<mæ æfsin)* ‘моя госпожа’, что, согласно современным исследователям, в частности Р. Бильмайеру [Bielmeier, 1993: 5-10], является маловероятным. А.М. Лубоцкий полагает, что наиболее приемлемым сегодня является предложение Р. Вирда, согласно которому *μέσφιλι* есть ни что иное, как **mæ* ‘мой’ + **isfili* ‘господин’<**ispar(i)ya-* <праиранский **īsu̯ariya-* (староавестийское *isuuan-* м.р.

[384] Даже этот пример достаточен для того, чтобы продемонстрировать, что аланский язык является стадиальным предшественником осетинского языка.

‘правитель’, санскрит. *īśvará- м.р. 'господин, правитель'* [Памятники …, 2016: 145].

c. Еще одно слово χσινὰ, которое, согласно А.М. Лубоцкому, должно означать ἀρχότισσα ‘(моя) госпожа’, не вызывает разногласий у исследователей, и читается с осетинского как (æ)xsin / (æ)xsinæ ‘госпожа, барыня’.

d. Толкование следующего отрезка κορϑὶ καντὰ как κορϑὶκαν τὰ или **kordigan dæ* не вызывает вопросов. С осетинского языка фраза *кæрдыгон дæ* буквально читается как «из какой местности ты происходишь?». Второй манускрипт (V) позволяет ознакомиться с более полной версией этой фразы. В усеченной версии, представленной в рукописи (B), обрывок фразы сохранился в виде κορϑὶν. Опираясь на эту информацию, В.И. Абаев предложил читать κορϑὶγ как начало фразы, соответствующей осетинскому *ku’rdigæj cæwis(æ)* [Абаев, 1949: 257]. Согласно мнению Р. Кима, А.М. Лубоцкий предлагает новые интерпретации фразы κορϑὶ καντὰ, которые он «изобретательно сегментирует как *κορϑὶκαν τὰ /kordigan dæ/* «откуда ты?» (ср. *cirdigon/cyrdygon* «откуда», Digor *wordigon* «оттуда»)» [Kim, 2018: 434]. Подобная сегментация позволяет выявить грамматическую структуру, которая становится очевидной. Здесь А.М. Лубоцкий подкрепляет свою версию различными примерами.

Анализ второй строки манускрипта, который по первой версии прочтения содержит вульгаризмы, позволяет А.М. Лубоцкому выявить несоответствие аланского и греческого текстов. Разбирая аланский текст, он читает его по-новому, акцентируя внимание на трех словах, которые в нем содержатся. Согласно его мнению, слова φάρν-, κὶνιζι, и καὶτζ имеют полное соотношение с осетинскими понятиями, «имеющими прямое или косвенное отношение к свадебной церемонии: *farn / farnæ* ‘благословение, процветание (обычно ассоциируемое со свадьбой)’[385], *čynʒ / kinʒæ* ‘невеста, невестка’, *kaiys, kais / kajes* ‘тесть’[386]. Это соображение наводит на мысль, что аланский текст

[385] «Очевидно, что τὸ φάρνετζ, которое должно значить ‘твой фарн (благополучие) есть…’ едва ли совместимо с греческим переводом οὐκ αἰσχύνεσαι ‘не стыдно ли тебе’» [Памятники…2016: 150].

[386] Согласно А.М. Лубоцкому, слово καὶτζ (осет. *kaiys, kais / kajes*) – эвфемизм, основанный на речевом табу, запрещавшем обращаться к некоторым членам семьи по имени.

представляет собой некое свадебное приветствие или благопожелание» [Памятники …, 2016: 148]. Не вдаваясь в лингвистические тонкости при разборе остальных слов, тем не менее, стоит обратить внимание на последнее слово второй фразы. Р. Бильмайер связал слово σαοῦγγε с осетинским *sawğyn, saugin* ‘священник’. При этом он исходил из греческого перевода σαοῦγγε как ‘παπᾶς (папа, священник).

Итак, значение слов в новом прочтении определено, остается только выверить предложение синтаксически. И здесь А.М. Лубоцкий предлагает несколько интерпретаций. И если прочтение двух последних слов-пожеланий φουὰ σαοῦγγε («да будет он (фарн) долгим, длящимся вечно!») не вызывает у него сомнений, то начало фразы может быть интерпретировано по-разному. Важно, что любая новая интерпретация исключает скабрезности. Очевидно, что в данном случае это было некое пожелание или поздравление, которое гость произносит во время свадебной церемонии. Вполне возможно, что И. Цец услышал его на аланской свадьбе. Фарн в Осетии помимо прочего устойчиво ассоциируется со свадебной церемонией[387].

Полученное в результате такого анализа прочтение имеет значительно больший смысл, чем все другие, предложенные до сих пор, взявшие за отправную точку непристойную греческую подстрочную версию, соответственно фраза приобретает совершенно иной смысл. Более того, новое прочтение этой строки обеспечивает и правильную метрическую структуру, на что указывает и автор: «Если допустить, что τὸ φάρνετζ κἰνιζι μέσφιλι καἰτζ φουὰ σαοῦγγε передает / *dæw farn-esc kinzæ mesfili kajesc fæwa sawængæj* /, то получим правильную строку из пятнадцати слогов» [Памятники …, 2016: 153].

[387] В ИЭСОЯ В.И. Абаева, в статье, посвященной осетинскому *фарну*, в числе прочих прилагается следующее значение: *farn fæcæwy!* – ‘фарн шествует! (возглас шаферов при вводе невесты в дом жениха)’ и *adæm farny zarğytæ kodtoj* ‘народ пел (свадебные) песни фарна’ [Абаев, 1958: 421]. В сасанидском и скифо-сарматском искусстве широкое распространение получил образ барана, как воплощение *фарна* [Литвинский, 1968]. *Фарн* как составная часть встречается в собственных именах, фамилиях: Фæрнæг, Бурæ-фæрныг, Сайта-фарн, Уацыфарн, Фарнак, Фарийнæ, Фарнаваз, Фарниатæ и т.д. Название планеты Венера осет. *Бонвæрнон* объясняется как бон- (день)+фарнон (вестница фарна). *Фарном* обладала луна (*Мæйы фарн*) [Осетинская этнографическая энциклопедия, 2013: 526].

Интерес представляет мнение А.М. Лубоцкого по поводу того, каким образом в тексте могли появиться фразы скабрезного характера. Вполне понятно, что вульгаризмы не исходили от самого И. Цеца, а были добавлены позже переписчиком по просьбе заказчика желавшего понять значение написанного, который, скорее всего, неверно интерпретировал слово *καὶτζ* 'отец жены' (ос. *kajes/kajys, kais*, букв. эвфемизм кто есть') как нецензурное **qajis*. А.М. Лубоцкий предполагает, что, возможно, переписчик спросил знакомого алана, каков может быть смысл предложения τὸ φάρνετζ κἰνιζι μέσφιλι καἰτζ φουὰ σαοῦγγε. Получив соответствующие разъяснения, он все же интерпретировал фразу по-своему, придав ей скабрезный характер.

И еще одно замечание. Сравнивая аланские фразы, представленные в Маргиналиях, и надписи на Зеленчукской стеле с текстом И. Цеца, А.М. Лубоцкий пришел к следующему заключению: «Поскольку и в Зеленчукской стеле, и в Маргиналиях мы сталкиваемся с одними и теми же орфографическими правилами, представляется несомненным, что существовала независимая аланская письменная традиция, основанная на греческом алфавите. Более того, принимая во внимание точность в передаче аланского языка у Цеца (ср. также написание ε для передачи /æj/), можно предполагать, что он позаимствовал свои выражения из какого-то письменного источника, или же, по крайней мере, эти фразы были записаны для него неким аланом, знакомым с аланскими правилами орфографии» [Памятники …, 2016: 156].

Представленные выше работы являются всего лишь малой частью трудов ученого, отражающей суть одного из направлений его фундаментальных исследований. Можно обозначить его вклад в осетинское и иранское языкознание, историю православия и изучение степени византийского влияния на северокавказских аланов, в любом случае несомненным остается следующее: своими трудами профессор А.М. Лубоцкий значительно обогатил современное осетиноведение, продемонстрировав будущим поколениям лингвистов весь спектр возможностей мультидисциплинарного подхода к решению лингвистических «загадок».

Выводы

Современный взгляд на алано-осетинскую проблематику в немалой степени определяется, в том числе, и позицией нескольких ведущих ученых, представляющих разные научные направления, волею обстоятельств вынужденных мигрировать в Европу в начале 1980-х годов. Сегодня из представителей второй волны научной эмиграции наиболее активно археологию представляют М.М. Казанский (Франция), а языкознание – А.М. Лубоцкий (Нидерланды). Их работы, затрагивающие данную тему, отражают лишь одну из сфер интересов ученых. При этом и М.М. Казанский и А.М. Лубоцкий представляют научную школу, основы которой были заложены в СССР, а для их творчества характерны тесные контакты с российскими коллегами. Для обоих ученых, несмотря на принадлежность к разным гуманитарным дисциплинам, свойственно также стремление к выводам общеисторического характера и анализу культурной преемственности. Группы аланов и дунайские сарматы стали частью культурного кода Европы, одной из составляющих ее многообразия, о чем писали и пишут и другие европейские специалисты по античности и медиевистике, историки и археологи Т. Сулимирский, М. Пардуц, Б. Бахрах, Я. Лебединский, А. Алеманъ, М.Ю. Трейстер, А. Вадаи, В. Кульчар с Э. Иштванович, М. Шенкар и др. Именно поэтому интерес к ним обоих ученых вполне понятен.

Наследие аланов и сарматов в Западной Европе не является областью специального изучения со стороны М.М. Казанского. Они – всего лишь элемент его изысканий, связанных с различными аспектами истории и археологии народов, вовлеченных в бурные события начала эпохи Великого переселения народов (конец IV – начало VI вв.). Несмотря на относительную малочисленность специальных публикаций ученого по аланской тематике, история групп этого суперэтноса – важная составляющая его исследований, которые без освещения этой темы были бы неполными. Из-за краткости пребывания аланов в Италии (примерно до 490 г.), Испании (419-429), северной

и южной Галлии, они успели оставить там немного материальных следов. В отличие от них, авторы той переломной эпохи старались скрупулезно фиксировать исторические процессы, которые происходили на территории Западной и Южной Европы. Сопоставление обоих типов источников в плане выделения аланских памятников и историко-культурного вклада далеко не исчерпало своих возможностей. М.М. Казанский в этом плане весьма удачно оперировал такими элементами, как клановые эмблемы, традиция деформации черепов, особые типы зеркал и парадные мечи, украшение костюма специфическими бляшками-аппликациями (серия его работ готовилась совместно с супругой, А.В. Мастыковой). Вместе с тем, ученый полагает, что покоренные гуннами аланы нередко распространяли на Западе именно гуннскую моду. Немаловажны в этом плане его попытки выделить аланские памятники перед гуннским нашествием в столице Боспора и в Степи, а также памятники аланов Восточной Европы эпохи гуннского владычества. Новые перспективы в изучении кавказских аланов начала Средневековья открыла его публикация по торговым путям Западной Алании в контексте политических реалий V-VI вв.

Российская историческая школа в сочетании с достижениями европейской лингвистической науки и способностью к глубокому критическому анализу выгодно отличает труды деятелей зарубежной русской научной мысли, которые базируются на комплексном понимании вопроса исследований, связанных с непосредственно российской научной традицией. Ярким примером тому является научная деятельность лингвиста и индолога А.М. Лубоцкого, одного из ведущих современных мировых специалистов в области сравнительного языкознания и иранистики, редактора серии индоиранских этимологических словарей. Его творчество еще подтверждает истину, согласно которой самые значимые новые идеи зарождаются на стыке разных дисциплин (в случае с А.М. Лубоцким – на стыке истории и языкознания), а также компаративного изучения подчас далеких внешне культур. Алано-осетинская тематика заняла заметное место в его трудах, так как представляет интерес, прежде всего в

контексте общей проблемы, связанной с индоевропейской лингвистикой и языковыми памятниками древнего Ирана.

В числе публикаций по скифо-алано-осетинской проблематики особое место занимают попытка А.М. Лубоцкого вывода иранского понятия «фарн» из кочевой «скифской» среды, анализ аланских маргиналий в греческом богослужебном тексте XII в. и аланских фраз в византийском сочинении Иоанна Цеца. Характерен также его углубленный анализ названий последнего и восьмого месяцев древнеиранского календаря, для выявления этимологии которых нельзя обойтись без привлечения алано-осетинских календарных праздничных традиций.

Здесь же необходимо отметить, что помимо фундаментальных исследований М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого были и единичные работы российских ученых-эмигрантов, которые также заслуживают соответствующего внимания. Аланской проблематике посвящена отдельная статья французского историка российского происхождения, специалиста по истории Византии и средневековой Восточной Европе, заместителя директора Центра истории и цивилизации Византии, Коллеж де Франс, К. Цукермана «Аланы и асы в раннем средневековье». Детальный анализ трех манускриптов – «Книги церемоний византийского двора» (946), «Кембриджский документ» (949-950) и «Армянская география» (VII в.) – позволили автору провести четкую грань между средневековыми аланами и асами, подчеркнув при этом их географическое и племенное различие: «В новом свете предстают также и корни современных потомков асов – осетин» [Цукерман, 2005: 65]. Следует упомянуть также профессора истории Аппалачского университета (США), заслуженного преподавателя университетов Северной Каролины (США), доктора исторических наук, а ранее профессора Северо-Осетинского государственного университета (1976-1994) А.В. Исаенко. Ряд его работ, таких, как «Миграция североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию» (1993) , *“Ancient Metallurgy In The Caucasus As Reflected In Ossetian Epic Poetry”* (1999), «Аланская экспедиция в Византию. 1301-1306 гг.» (2010), *“To the*

Problem of Ethnogenesis of Ossetians” (2013) , *“Georgian-Alanian (Ossetian) Ties in the Medieval Period”* (2015), «Несущие свет в страны ночи: миграция сармато-аланских предков осетин на британские острова» (2016), *“Battle Horses and Dogs of Sarmato-Alans”* (2016) и др. подробно освещают некоторые ранее нераскрытые аспекты истории аланов и Осетии. При этом русскоязычные статьи были написаны автором специально для русскоязычной аудитории, в частности, для литературно-художественного журнала «Дарьял» (Северная Осетия). Другой исследователь-эмигрант, специалист по номадам, автор фундаментального труда «Кочевники и внешний мир», выдержавшего несколько изданий (2002, 2008) А.М. Хазанов в 1985 г. сегодня является эмерит-профессором Висконсинского университета в Мэдисоне (США). В настоящее время кочевниками более не занимается.

Глава 7. Сармато-аланская проблематика в зарубежной русской – осетинской историографии

7.1. «Идеальная Осетия» Дзамболата Дзанти

В 1933 г. в Париже увидел свет первый номер журнала «Осетия», главным редактором которого значился Дзамболат Дзанти. Журнал издавался под эгидой недавно организованного Комитета осетиноведения при Европейском центре Музея академика Н.К. Рериха, и публиковал материал на трех языках – русском, французском и осетинском. Всего в 1933 г. было издано семь номеров, причем четвертый, пятый и шестой номера были опубликованы в одном номере. Извещая читателей о начале деятельности Комитета, его председатель Беслан Цараев, после изложения программы, обозначил во вступительной статье потребность в подобном издании: «Осетины, проживающие в Париже, стремясь объединиться в культурной работе, решили основать комитет, задачей которого будет изучение языка и истории Осетии» [Осетия, 1933: 1].

Казалось бы, ничем не примечательное событие, представляющее интерес только лишь для узкого круга эмигрантов из Осетии, гораздо позже, в 1953 г. стало прологом относительно долгой эпистолярной дружбы между историком Г.В. Вернадским и поэтом и литератором Дзамбулатом (Афанасием) Дзанти. Впервые его имя среди историографов всплывает в контексте имени Н.К. Рериха. И если биография академика Академии художеств в различных справочниках представлена подробно, то о Дзамбулате Дзанти известно немного. Поэт, в прошлом – капитан кавказской туземной конной дивизии, известной также как «Дикая дивизия», участник Первой мировой, а затем и Гражданской войн. Член прометеистской политической организации северокавказских эмигрантов в Европе, так называемой «Народной партии горцев Кавказа», основанной в Праге в 1925 г, и возглавлявшейся внуком имама Шамиля – Мухаммадом Саид Шамилем, сотрудник журнала «Горцы

Кавказа» (1929). В отличие от большинства северокавказских эмигрантов прекрасно владел французским языком [Бабич, 143: 110].

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Дзамбулат Дзанти эмигрировал из России. Скудные крохи информации позволяют лишь констатировать, что он, как и многие другие, эмигрировал через Польшу в Англию, а затем перебрался во Францию. Его судьба начинает проясняться с момента выхода в свет поэтического сборника «Изгнанник Кавказа» [Дзанти, 1931]. Тогда же, судя по всему, и появилась в осетинских эмигрантских кругах идея создания Комитета (Института) Осетиноведения при Европейском Центре музея академика Н.К. Рериха. Именно под этим названием в 1930 г. в Париже объединились две осетинские национальные организации в эмиграции, созданные почти одновременно в 1925 г. – Объединение осетин во Франции (А.К. Бурнацев, Дз. Дзанти) и Осетинское национальное объединение (Б. Цараев, А. Сикоев, А. Худалов, М.Н. Абациев, К.С. Латиев). Инициатива создания Комитета Осетиноведения принадлежала Н.К. Рериху, который для дальнейшего продвижения идей т.н. «Пакта Рериха» помимо осетинского, был инициатором образования также калмыцкого и сибирского комитетов. При этом особое внимание Н.К. Рерих уделял именно осетинскому комитету, поскольку осетинский язык рассматривался им в качестве «праотца языка индоевропейских народов» [Бабич, 2019: 182]. При Комитете начал издаваться журнал «Осетия», который был посвящен истории и культуре Осетии, а также содействовал популяризации идей Н.К. Рериха. Харизма Дзамбулата Дзанти, как главного редактора, издания способствовала и тому, чтобы Н.К. и Ю.Н. Рерихи максимально поддержали журнал, при этом Дз. Дзанти принял активное участие в продвижении «Пакта Рериха», выступая в его поддержку на различных международных конференциях. Рерихи сразу же включились в работу журнала и немедленно направили приветственные адреса в первый номер [Осетия, 1933: №1].

Помимо приветственных адресов от мэтров востоковедения, передовицей номера стала статья самого Д. Дзанти «Осетинский язык – праотец языка Индо-

Европейских народов» [Дзанти, 1933 (1): 5], который, не имея специального образования (впрочем, как и большинство эмигрантов), выступает в ней больше как литератор и философ, нежели как профессиональный историк и лингвист. Статья растянулась на пять последующих номеров, и, судя по тому, что первая ее часть была отмечена как «глава 1», автор предполагал, что впоследствии эта работа должна была быть продолжена и издана отдельным томом. Однако, статья Д. Дзанти с пометкой «продолжение следует» обрывается на объединенном номере 4-5-6 журнала. Последний, седьмой номер журнала выходит уже без «продолжения», и тема не получает дальнейшего развития.

Сложно назвать статью Дз. Дзанти серьезным исследованием. Легкий романтизм, положенный на стремление объяснить любое историческое, лингвистическое или культурное понятие с позиции так называемого «Осс-Аланства» – универсальной концепции, сформулированной им самим, позволяют рассматривать работу Дз. Дзанти исключительно как иллюстрацию, отражающую настроение эмигранта, который, идеализируя и превознося прошлое своего народа, осознает, что, возможно никогда более не вернется на Родину. Как автор Дз. Дзанти выступает в качестве специалиста по «современному осетинскому языку», что позволяет ему по-своему интерпретировать исторические процессы в хронологических рамках, начиная «со времен Одина, покорителя Скандинавии, и кончая осетинами, населяющими Кавказ» [Дзанти, 1933 (1): 5], и, более того, объяснять эти процессы с позиции «современного» осетинского языка [Дзанти, 1933 (1): 5]. Вольно обращаясь с терминологией – географической и топонимической, он предлагает при этом свою интерпретацию этимологий различных этнонимов, по сути, выступающей вариацией, так называемой народной этимологии. Так, со ссылкой на Плиния, который, при перечислении скифских народов упоминает племя *Аз-Оси*, Дз. Дзанти раскрывает этот этноним как «*Аз* – по осетинский – Я, а *Осы* – осетин» [Дзанти, 1933 (1): 6]. Этноним *скифы* по Дзанти – это «производное от осетинского *скъæф*, (*скъæфын)*, что значит на Осс-Аланском языке, в буквальном переводе похититель» [Дзанти, 1933 (1): 7],

а хазары – вовсе не «особый» народ: «предположение легко опровергнуть чисто филологическим путем, а именно: слово *хадзар* – осетинское слово – дом, а отсюда *хадзары* – дома» [Дзанти, 1933 (1):7]. Сюжетная линия известного похода царя Дария на Скифию (513 г. до н.э.) в литературном изложении Дз. Дзанти претерпела изменения: в известной истории появился город Багдад, Шах, предатель по имени Риза, царь аланов, и дочь Шаха, которая спасает жизнь аланскому царю [Дзанти, 1933 (4-5-6): 14]. Материал в каждом номере, как правило, завершается образцами поэтического творчества Дз. Дзанти на осетинском языке.

И все же личность Дзамбулата Дзанти привлекает внимание не его историко-лингвистическими построениями и поэтическими сборниками. Он интересен, прежде всего, своей одержимостью историей Осетии, которая, несмотря на явные признаки отсутствия научной компетенции, способствовала интересу к нему эмигрантской общественности, в том числе, со стороны Ю.Н. Рериха. Не представляют особой научной ценности и материалы, опубликованные в журнале за всю непродолжительную историю его существования, которые, прежде всего, отображали стремление осетинских эмигрантов к поэтизации истории Осетии – настроение, свойственное большинству эмигрантских сообществ. В то же время безусловным украшением издания являются очерки и обращения Н.К. Рериха, опубликованные в журнале, такие, как «Звучание народов» (№ 2), «Печать века» (№ 3), «Боль планеты» (№ 4-5-6), «Знамя мира (№7-8-9).

Научный интерес представляет обзорная статья Ю.Н. Рериха под названием «Аланские дружины в Монгольскую эпоху», опубликованная в объединенном номере 4-5-6 за апрель, май и июнь 1933 г. «Они являются в наши дни величайшим и благороднейшим народом мира, прекраснейшими и храбрейшими людьми» [Рерих, 1933: 3]. С этих слов монаха-францисканца Джованни Мариньолли об аланах начал свой небольшой исторический очерк Юрий Николаевич Рерих. Статья носила больше просветительский характер. После краткого экскурса в историю аланов, автор переходит к описанию

начального этапа монгольской экспансии на Запад, которая была связана с преследованием полководцами Чингисхана Тогучар-багатуром, Джэбэ-нойоном и Субэдэй-багатуром султана Хорезма Ала ад-Дином Мухаммедом II. Затем последовал победоносный вояж преследователей через Северо-Восточный Иран и Закавказье с дальнейшим переходом через Дербент на Северный Кавказ, где монголы впервые встретились с аланами. Внезапное появление монголов на Северном Кавказе было неожиданностью для всех, и, тем не менее, аланы оказали завоевателям ожесточенное сопротивление. Монголы были настолько впечатлены боевыми качествами последних, что «поединок сделал из монгол и алан соратников, и это тесное сотрудничество продолжалось до конца монгольской эпохи» [Рерих, 1933: 4]. Монголы охотно привлекали на свою сторону аланов, используя их, прежде всего, как военную силу. В.А. Кузнецов объясняет это лояльностью монголов к аланам как противникам, соответствующей оценке их военных качеств, их доблести и мудрости командиров. Военный союз с ними позволял аланской кавалерии в составе монгольской армии участвовать в военных операциях монголов [Кузнецов, 1992: 360].

Судя по назначению очерка, Ю.Н. Рерих не ставил перед собой задачу подробного описания истории аланов на службе монгольских правителей. Исследователи едины в одном: аланские конные дружины были весьма полезны монголам, свидетельством чему является последующий рост их численности. Так, если в начальный период количество аланов в личной гвардии хана Угэдэя (1186-1241), или «Великого Хана», как его называет Ю.Н. Рерих, не превышало 1000 всадников, то уже при хане Мунке (1251-1259) аланская гвардия разворачивается в несколько конных полков, «причем в состав гвардии входит дружина аланского князя Арслана, младший сын которого Николай принял участие в походе в южно-китайскую область Юнь-нань» [Рерих, 1933 (4-5-6): 4].

Наибольшего влияния аланская гвардия достигла во время правления хана Хубилая (1260-1294), когда их общее количество достигло тридцати тысяч

всадников [Казиев, 2023: 22]. До конца династии Юань аланская гвардия продолжала функционировать в составе двух корпусов. Ю.Н. Рерих иллюстрирует авторитет аланов в монгольской армии, их карьерный рост в армейской иерархии, на примере успешности представителей некоторых аланских семейств, таких, как *Фу-дин* (Фодин), сын *Во-ло-сы* (Василия), *Кэ-ли-чжи-сы* (Георгий), его сын *Ди-ми-ди-эр* (Дмитрий), *Сянь-шань, Чжо-янь-бу-хуа,* который был сыном *Цаяо-хуа,* и правнуком аланского князя Николая и т.д. [Рерих, 1933 (4-5-6): 5].

Еще один интересный факт, на который в качестве примера ссылается Ю.Н. Рерих – о посольстве, которое по просьбе местных христиан хан Узбек (1313-1341) отправил к Папе Бенедикту XII с просьбой прислать нового пастыря, так как архиепископ Ханбалыка Джованни Монтекорвино, долгие годы руководивший христианской общиной, скончался. Во главе посольства был некто Андрей, которого хроники называют франком. «При нем состоял алан Тогай и 13 спутников» [Рерих, 1933: 4]. Посольство было принято Папой Бенедиктом в Авиньоне 31 мая 1338 г., и помимо ханских грамот послы передали письмо от асских военачальников, которое было датировано 11 июля 1336 г. «Этот любопытный документ … был подписан рядом аланских князей» [Рерих, 1933: 4]. Первым подписантом среди асов был тот самый *Фо-дин*, сын *Во-ло-сы*, младший правнук прежнего правителя страны асов. Папа Бенедикт XII удовлетворяет просьбу асских военачальников и направляет в Китай миссию из пятидесяти монахов во главе с папским легатом, путешественником и дипломатом Джованни де Мариньолли. Миссия прибыла в Ханбалык (Пекин) в 1342 г.

Завершая очерк, Ю.Н. Рерих подчеркивает вклад аланов в историю Китая времен династии Юань: «их потомки, видимо, продолжали играть известную роль и при следующей китайской династии Мин» [Рерих, 1933: 5]. Но вряд ли потомки аланских воинов, последовавших за монголами в империю, после падения монгольской династии Юань в результате восстания Красных повязок (1351-1368), могли также представлять уже китайскую династию Мин, так как

китайцы не особо церемонились с поверженными монголами. Скорее всего, аланский воинский контингент был разгромлен, уцелевшие же были обречены на ассимиляцию в местной среде и стали впоследствии известны как *асуды*. Известно, что *асуды* как воинский клан компактно проживали в Южной Монголии. Монгольский ученый Т. Очир отмечает: «…в собственно Монголию пришли предки современных осетин с Кавказа, потомки которых, омонголившись, образовали впоследствии род *асуд*» [Очир, 2016: 15]. И хотя с падением монгольской династии завершилась история аланов Монголии, тем не менее, по признанию Ю.Н. Рериха, «под знаменами монгольских ханов аланский меч снова начертал славную страницу своей истории» [Рерих, 1933 (4-5-6): 5].

В конце 1940-х – 1950-х гг. Ю.Н. Рерих поддерживал активную переписку с Г.В. Вернадским, часть которой в 2012 г. опубликовал журнал «Культура и время» под заголовком «Культурное единство Азии. Переписка Г.В. Вернадского и Ю.Н. Рериха (1947-1958)» [Культурное единство …, 2012: 58-83]. Иногда Георгий Владимирович обращается к Юрию Николаевичу как к Георгию Николаевичу. Одной из тем для обсуждения между учеными стала личность Дзамбулата Дзанти в контексте его осетинских штудий. В 2024 г. директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов Алексей Анатольевич Бондаренко любезно передал мне копии семнадцати писем Г.В. Вернадского Ю.Н. Рериху периода 1954-1958 гг., при этом девять из них упоминали Дзамбулата Дзанти. Судя по переписке, Дзанти тесно общался как с Ю.Н. Рерихом, так и Г.В. Вернадским. Более того, они считались с его мнением по различным аспектам истории древних иранцев, что и отразилось в дальнейшем на степени влияния Дз. Дзанти на Г.В. Вернадского.

12 мая 1954 г. Письмо Ю.Н. Рериха к Г.В. Вернадскому: «Глубокоуважаемый Георгий Владимирович, Спасибо за Ваше письмо от 10 апреля и за номера журнала *“Oss-Alanes”,* издаваемого Дзамбулатом Дзантиевым. В прошлом покойный отец интересовался работой этой достойной

группы. Тогда они издавали журнал «Осетия» на русском языке» [Культурное единство Азии…2012: 73].

21 июня 1954 г. Письмо Г.В. Вернадского Ю.Н. Рериху: «…огорчен, что письмо Ваше о тохарской проблеме, по-видимому, пропало – во всяком случае, до сих пор еще я его не получил. Если у Вас найдется минутка свободная, не можете ли Вы мне хотя бы вкратце сообщить сущность Ваших взглядов на это. Дзамбулат мне писал, что по-осетински (и, значит по-алански) *мохар*=воин (*мох*=война, *ар*=делатель: «делатель войны»). Не входя в вопрос о тохарском языке, думаю, весьма возможно, что военные дружины народа тохаров (кто бы они ни были) были организованы аланами и потому известны были под аланским названием» [Культурное единство …, 2012: 75].

5 августа 1954 г. Письмо Г.В. Вернадского Ю.Н. Рериху: «Любопытна тибетизированная форма *Thod-kar*, означающая «белолобые». Мне одно время приходило в голову объяснение *to-gara* (Di-gor) =две горы, народ двух гор, но если это так, теперь я думаю, что это также только местное объяснение смысла имени, а имя Тохар все же, скорее всего аланское воин. Толстовское отождествление с массагетами не противоречит этому, если принять объяснение Дзамбулата Дзантье имени Массагеты из аланского языка» [Культурное единство …, 2012: 76].

Одно из писем из архива института семьи Рерихов в адрес Ю.Н. Рериха от 10 апреля 1954 г. гласит: «Дорогой Георгий Николаевич, *Dzambulat Dzanty* прислал мне несколько комплектов журнала *“Oss-Alanes”* за 1953 г. прилагаю при сем один. Искренне Ваш, Г. Вернадский». В письме от 13 мая того же года Георгий Владимирович пишет: «Некоторое время тому назад послал Вам комплект *Oss-Alanes*, надеюсь, что Вы получили. С *Dzambulat Dzanty* я заочно подружился, и теперь переписываюсь. Он очень интересный, и видимо замечательной души человек».

Журнал *“Oss-Alanes”,* который упоминает в письмах Г.В. Вернадский, стал для Дзамбулата Дзанти логическим продолжением журнала «Осетия» (1933). В 1951 г. прежний проект был реанимирован историком и библиографом,

монархистом П.Е. Ковалевским, который профинансировал возобновление деятельности Институт осетиноведения. Команда основных сотрудников осталась прежней – Б. Цараев, Д. Дзанти и А.К. Бурнацев. Осталась прежней и цель деятельности Института – изучение языка и культуры осетинского народа [Бабич, 2019: 183]. В 1953 г. был издан первый номер журнала *"Oss-Alanes",* главным редактором которого вновь выступил Дз. Дзанти [Oss-Alanes, 1953]. В научном архиве СОИГСИ ВНЦ РАН сохранились все четыре экземпляра издания. Он печатался в Париже под титулом *"Oss-Alanes" 1932-1954. Трехмесячный журнал Института Осетинологии. Орган научных исследований / Ирон институт/ Организатор и главный редактор: Дзамбулат Дзанти. Редакция:29, РЮ Габриэль Пери, Кламарт /Сена/, Франция».* В профессиональном плане это было более качественное издание, нежели предыдущий проект Дз. Дзанти. Помимо статей самого Дз. Дзанти, Г.В. Вернадского и Ю.Н. Рериха в нем были опубликованы работы шведского ученого Wally de Fresquiere[388], статья *"Le passé de l'Ossete"* – «Прошлое Осетии», а также известного государственного и общественного деятеля, публициста, фольклориста и бывшего градоначальника г. Владикавказ (1902-1907) Гаппо Баева, эмигрировавшего после революции 1917 г. в Германию. Печатались в журнале также статьи, и стихи различных представителей осетинской эмиграции, как на французском языке, так и на иронском и дигорском диалектах осетинского языка.

Музей Рерихов, филиал государственного музея Востока, выложил в публичный доступ его обширную переписку. Сохранились в архивах и письма Дзамбулата Дзанти в адрес Ю.Н. Рериха, датированные 1954 годом. Подчерк ровный, аккуратный. Обращение учтивое, корректное. На конвертах указан адрес Ю.Н. Рериха в Индии. Писем – шесть, два из которых написаны на бланке Института осетиноведения, на остальных бланках стоит штамп *United States Navy* (ВМФ США), при этом сложно понять, какое отношение имел Дз.

[388] К сожалению, никакой дополнительной информации о Wally de Fresquiere, кроме ряда его публикаций в журнале *"Oss-Alanes"* («Мифология шведская и аланская», «Осетия и Скандинавия» и др.), обнаружить не удалось.

Дзанти к ВМФ США. Первое письмо, датированное 24 апреля 1954 г. начинается обращением «Многоуважаемый Георгий Николаевич», и сетованием на то, что письма, ранее написанные Дз. Дзанти, не доходили до адресата, «судя по адресу, полученному теперь от проф. Георгия Вернадского». Далее следует просьба поддержать журнал *"Oss-Alanes"*: «Если Вы… найдете возможность удостоить нас чести своими трудами по Аланскому вопросу, украсить и обогатить наш журнал, мы будем от души Вам благодарны»[389]. Следующее письмо от 17 мая 1954 г. начинается с фразы «Дорогой друг осетин и незабвенный наш кунак Георгий Николаевич». Дз. Дзанти благодарит за ответное письмо, рассказывает о деятельности Института Осетиноведения, и в очередной раз озвучивает просьбу прислать статью для журнала *"Oss-Alanes"*. Подписи под письмами стоят отдельного внимания: «Знайте, дорогой друг, что с нами всегда наш Духовный Вождь, мы не одни и всегда достигнем цели, даже на этой земле. С чувством глубокого уважения, Ваш душевный друг Дзамбулат Дзанти», «… преданный Дзамбулат Дзанти», «Да хранит вас Создатель мира. Ваш Дзамбулат».

К сожалению, обратных писем Ю.Н. Рериха в адрес Дз. Дзанти обнаружить не удалось, но, судя по публикациям журнала, Ю.Н. Рерих, которого Дз. Дзанти в письмах также называет Георгием Николаевичем, статью не прислал, поэтому он опубликовал во втором томе *"Oss-Alanes"* его давнюю статью «Аланские дружины в монгольскую эпоху» в переводе на французский язык, автором которой значится Жорж Рерих.

В письмах есть интересная ремарка. Так, в письме без даты за номером 5, Дз. Дзанти сетует на перенесенную тяжелую болезнь и пишет: «Очень Вас прошу, постарайтесь мне ответить сейчас же (имеется в виду просьба прислать статью для публикации в журнале – А.Ч.), т.к. это важно для моей морали и здоровья, после болезни, а также для плана, как распределить накопившийся интересный материал. Большая статья G. Vernadsky о Великом переселении

[389] https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PGNR/PGNR-174.pdf

народов и роли Алан, очень интересная и богато иллюстрирована документами»[390].

По просьбе Дзамбулата Дзанти Георгий Владимирович опубликовал в томе за I и II триместр 1954 г. эссе под названием «Очерки эпической истории алан». Эссе было слегка переработанной версией его более ранней статьи «Относительно эпической поэзии аланов», опубликованной в 1953 г. Бельгии в сборнике *"Annuaire de l'institut philolodie et d'historie orientales et slaves"* [Vernadsky, 1953, 517-538]. В начале своей статьи Г.В. Вернадский подчеркивает важную роль аланов в истории древнего мира, а затем излагает причину внимания к этой теме [НА СОИГСИ. Ф.41, л.4]. Г.В. Вернадский убежден, что «аланский эпос оказал воздействие на поэтический фольклор некоторых своих соседей, включая алтайские народы, иранцев и славян» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.4], предлагая при этом рассмотреть в указанном ключе персидский эпос времен Ахеменидов, тексты сасанидского периода, «Шахнаме» Фирдоуси. Он также пишет о влиянии, которое оказали на персов саки, тем самым подводя доказательную базу под тезис, согласно которому саки являются родственными аланам.

В таком же контексте Г.В. Вернадский исследовал эпосы монгольских и тюркских народов, с которыми на просторах Евразии исторически соседствовали аланы и родственные им племена. Путем сравнительного изучения древних текстов сказаний, преданий и хроник Г.В. Вернадскому удалось провести параллели между эпической поэзией аланов с поэзией «современников и очевидцев жизни алан и их общества, таких как греки и римляне, а также китайцы, и некоторые отражения сако-сарматских легенд в фольклоре, китайской и индо-буддийской литературе» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.7].

Схожесть сюжетных линий осетинской Нартиады и некоторых греческих мифов Г.В. Вернадский объясняет связью между греческим миром с одной стороны, и степным миром аланов – с другой. «И, хотя эти связи определялись

[390] https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PGNR/PGNR-174.pdf

больше торговыми интересами, они не могли не сказаться на развитии искусств, взаимовлиянии эпического творчества» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.11]. Иллюстрацией к сказанному может послужить статья Л.И. Акимовой и А.Г. Кифишина «Греко-нартовские параллели: «Троянская война», посвященная параллелям между мифологическими сказаниями греков и осетинской Нартиадой, где рассматриваются мифы с практически идентичными сюжетами, свойственными как грекам, так и Нартиаде [Акимова …, 2020: 88-130].

Большое внимание в статье уделено обзору и анализу легенд и преданий скифов и их аналогиям в осетинской традиции (гадание на палочках, почётная чаша и т.д.). Здесь также воссозданы образы Амаги и Тиргатао, рассматриваются герои диалога Лукиана Самосатского «Токсарис или дружба» – скифы Дандамис и Амизок, взаимоотношения которых стали примером настоящей дружбы, раскрывается суть традиции садиться на шкуру заколотого быка и др. Описывая скифские фольклорные древности, Г.В. Вернадский не задавался целью поиска соответствующих примеров среди сарматов и аланов[391]. Скорее, он не делает этого исходя из тезиса, принятого в то время, по которому язык и обычаи аланов идентичны скифским. Он также считает, что «... скифские истории базируются на местных сказаниях ... подобные темы могли таким же образом быть популярны среди сарматов» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.19].

Как пример преемственности культур и непрерывности этногенетической связи на протяжении тысячелетий Г.В. Вернадский разъясняет суть послания скифского царя Атея к жителям Византии, которая звучит следующим образом: «Не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды» [НА СОИГСИ. Ф.41, л.20]. Г.В. Вернадский считает это изречение одним из принципов международного права той эпохи, и объясняет его появление в эпическом мышлении номадов, в частности иранских кочевников. Соответствующие параллели к этой формуле он находит в славянской

[391] С. А. Яценко считает, что под «скифами» у Лукиана подразумеваются сарматы-сираки [Яценко, 2024]. Царицы Амага и Таргитао у Полиена были правительницами приазовских сарматов (роксоланов, язаматов); палочки же для гадания Аммиан отмечает не у скифов, а именно у аланов.

литературе эпохи Киевской Руси, в частности в «Песне о князе Игоре», и в истории времён хана Ногая (1300) [НА СОИГСИ. Ф.41, л. 20].

В заключительной части очерка Г.В. Вернадский ищет подтверждения своим выводам о преемственной связи между скифами, сарматами и аланами в археологии и на базе эпических сказаний, в которых отражается общая картина иранского мира. Это культы Митры и Ахурамазды, а также описание образа священного оленя, который в культе Сабазия-Сабазиоса[392] выступает в роли бога охоты и покровителя охоты. В нартовском эпосе осетин покровитель животного мира Афсати подарил семь оленей нарту Ацамазу для свадебной повозки во время его свадьбы с Агундой. Г.В. Вернадский также проводит параллель между обнаруженной в Новочеркасске диадемой с изображением сарматской царевны и Агундой – «прекрасной принцессой с косами и крыльями из золота» [НА СОИГСИ. Ф.41, л. 22–23]. Основой для параллелей в археологии послужили ритоны и монеты из раскопок, которые датируются второй пол. I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э., а также хорезмийские и бактрийские серебряные чаши эпохи Сасанидов. Соседство аланов со славянами повлияло не только на взаимопроникновение культур. Г.В. Вернадский показал, что посредством аланов и сарматов славяне познакомились и с принятыми на Ближнем Востоке измерениями длины и веса [НА СОИГСИ. Ф.41, л. 22–23].

В принципе, «Очерки эпической истории алан» соответствует тону восприятия Г.В. Вернадским аланской проблемы, хотя, на мой взгляд, название статьи не отражает ее сути. К сожалению, общее впечатление от эссе портят редакторские замечания Дз. Дзанти, который посчитал необходимым править текст Георгия Владимировича. Давняя история с журналом «Осетия» получила соответствующее «продолжение» и в случае с *“Oss-Alanes”*. Редактор, как и прежде, не смог удержаться от лингвистических «нововведений», полностью нивелировав значение текста.

[392] Сабазий (др.-греч. Σαβάζιος, Σαβάδιος, Σαβάσιος, Σαβάνδος, Σεβάζιος, Σεβάδιος, возможно также Савватий, Сабаций) – верховный рогатый бог фракийцев и фригийцев.

Так, Дз. Дзанти считал слово «Авеста» происходящим от осетинского – *Зонд Афыста* («Пишущий (фиксирующий знание»). Ссылаясь на этническую связь саков и осетин, в этнониме *сак* он почему-то увидел осетинское слово *фæдис, сагъæс,* что по-осетински означает «тревога». Название страны на Дальнем Востоке – Osson – для него – «Обитель страны осов», «Один из осов». В продолжение этимологических построений, Дз. Дзанти считал, что с осетинским языком непосредственно связаны своим происхождением некоторые древние антропонимы и этнонимы, такие, как: *скиф* (осет. *скъæф*), *сармат* (осет. *сæр* и *мæт*), *авар* (осет. *сывæр* – ставить), Тиргатао (осет. *тæргай* – каприз), Амага (осет. *мыг* – сперма), тохар (осет. *тох* и *ар*), Ахурамазда (осет. *Ахуыры мыздæ*) и т.д. [НА СОИГСИ. Ф.41, л.24–30]. Естественно, что все эти построения не соответствуют истине. Единственное, что точно отобразил Дз. Дзанти, – это значение осетинских слов *зæрин* и *сызгъæрин*, что значит золото, золотой.

Исходя из текста статьи, публикация эта планировалась как первая «из перечня основных тем аланского эпоса». Она должна была послужить неким эскизом к изучению основных проблем аланской поэзии. К сожалению, продолжение сотрудничества Г.В. Вернадского с редакцией журнала не состоялось ввиду того, что Дз. Дзанти не смог найти источники дальнейшего финансирования журнала. Но в 1956 г. в издательстве Гарвардского университета (США) выходит небольшая совместная статья за авторством Георгия Вернадского и Дзамбулата Дзанти под названием «Осетинская легенда об Иры Дада и Мстиславе» [Vernadsky G., Dzanty D., 1956: 18-37], которая становится неким венцом долгой эпистолярной дружбы между ними.

Действие в статье разворачивается вокруг осетинского сказания об «Иры Дада», якобы услышанного Дзамбулатом Дзанти в 1910 г., суть которого полностью меняет контекст известной истории, описанной в Лаврентьевской и Никоновской летописях: «Я – уроженец селения Кудзугусти. По обыкновению, я путешествовал на моей аланской лошади на каждый народный праздник в село Большое Осетинское (Styr Iry Chajmæ), чтобы послушать сказания Кулуха

(Khulyx-Хромого). Этот седобородый старец жил один. Он владел магазином и был довольно зажиточным. Одна нога у него была деревянной. Я расскажу вам то, что услышал от него о его жизни [Vernadsky G., Dzanty D., 1956: 21]. После детального разбора легенды Дз. Дзанти и Г.В. Вернадский пришли к выводу, что знаменитая схватка князя Тмутаракани Мстислава Владимировича Храброго, случившаяся, согласно летописям в 1022 г., произошла не с черкесским (касожским) князем Редедей, а с аланским князем по имени Иры Дада. При этом авторы по сложившейся уже традиции по-своему объясняют некоторые собственные имена и термины. Так, согласно им, имя черкесского князя Редедя – это не что иное, как искаженная форма имени «Иры Дада», то есть «Отец Иронов (осетин)», что, по их мнению, по аналогии с русским «Царь-батюшка», является царским титулом некоего аланского вождя. Имя вдовы Редеди, «аланской княжны» Анастасии, которая после смерти мужа стала женой Мстислава Храброго, они интерпретируют в осетинской вариации как «Надо», а в «сармато-аланском» слове *tamga\damga* осетинское *damage\damyhae* Г.В. Вернадский склонен был видеть осетинское *«dae myg»* – «твое семя» [Vernadsky G., Dzanty D., 1956: 18-37][393].

Не осталась эта работа без внимания и советских ученых. В 1958 г. В.И. Абаев в статье «Неудачная подделка» подвергает ее жесткой критике, и, назвав сказителя Кулуха «неким лавочником», обвиняет Дз. Дзанти в том, что история о «Иры Дада» является его собственным вымыслом [Абаев, 1958: 72-74].

В 1959 году журнал *“The American Slavic and East European review”* публикует статью Г.В. Вернадского «Проблемы осетинского и русского эпосов» [Vernadsky, 1959: 281-294], которую он посвятил памяти Дзамбулата Дзанти, скончавшегося 1 июля 1958 года. Судя по статье, Георгий Владимирович болезненно воспринял критику. Изложив все возможные аргументы в пользу версии, предложенной Дз. Дзанти, Г.В. Вернадский завершает свою статью следующей фразой: «Кулух, по-видимому, был одним

[393] Согласно утверждению Д. Дзанти, в 1910 г. он видел тамгу осетинского клана Бургалти, к которому принадлежала легендарная Надо. Она была сделана из бронзы, и имела два зубца.

из последних осетинских чтецов, знакомых с остатками древнего героического эпоса» [Vernadsky, 1959: 294]. Статья эта, безусловно, заслуживает внимания не только исследователей научного наследия Г.В. Вернадского. Она стала данью памяти Дз. Дзанти. Несмотря на некоторые не совсем удачные этимологии многих этнонимов, сделанных под влиянием Дз. Дзанти, эта статья является прекрасным образцом осетинских штудий Г.В. Вернадского.

Работа Г.В. Вернадского нашла отклик и в эмигрантской среде. Ученый-историк, большой специалист по истории казачества, отец советского детского писателя В.Г. Губарева, Георгий Витальевич Губарев (1894-1994), большую часть жизни проживший в США, обратил внимание на его статью в своей книге «Книга о казаках. Материалы по истории казачьей древности». Авторитет Г.В. Вернадского не позволил ему подвергать сомнению версию Дз. Дзанти, и легенда о Мстиславе и Редеде в его изложении была дополнена новыми аргументами в пользу правдивости истории, изложенной Дзанти [Губарев, 2021: 123].

Судьба Дзамбулата Дзанти все еще оставалась предметом обсуждения между Ю.Н. Рерихом и Г.В. Вернадским. В письме от 14 июня 1955 г. Г.В. Вернадский пишет: «Кстати говоря об *Oss-Alanes*, я очень беспокоюсь за Dzambolat Dzanty. Похоже, что его здоровье очень плохо». Еще одно письмо от 14 декабря 1958 г. извещает Ю.Н. Рериха о кончине Дзамбулата Дзанти. Письмо это стало эпилогом к дружбе Дз. Дзанти и Г.В. Вернадского, соединив в себе горечь утраты с необходимостью почтить память друга: «Я Вам писал летом, что 1 июля 1958 скончался Дзамбулат Дзанти после тяжелой болезни (четыре сердечных приступа) в *Hospital Pasteur* в Ницце. Скорбел и скорблю о нем, хотя никогда его не видел, подружился с ним заочно. Я написал в его память небольшую статью об Осетинском и Русском эпосе, в которой коснулся некоторых черт истории Аланов, в частности их военной деятельности в Китае при Монголах. Для этого перечитал с большим интересом Вашу статью *Les Troupes alanes a l'epoque Mongole* в Oss-Alanes, II (1953). Там на стр.32 Вы говорите, что Аланская гвардия при Кубилае была в 30000 всадников. Эта

цифра по всем моим соображениям вполне сообразуется с обстоятельствами. Для меня она очень важна, потому я сейчас пишу Вам с просьбой подтвердить ее. Я искал в других источниках… верно ли напечатана эта цифра в Oss-Alanes, и где я могу об этом получить дополнительные сведения… В этой статье памяти Дзамбулата я хочу также возразить на ругательные рецензии на *«Iry Dada»* – Henning'a в BSOAS, 1958, XXI/2, и В. Абаева в Известиях Акад. Наук, отделение литературы и языка. Шлю Вам привет и наилучшие пожелания к праздникам и Новому году. Искренне Ваш, Г. Вернадский».

Дзамбулат Дзанти скончался в Ницце 1 июля 1958 г., и был похоронен на местном кладбище. Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» в номере от 12 июля 1958 г. в «Скорбном листке» сообщила о кончине «капитана Джамбула Джантиева и других российских эмигрантов» (№ 16450).

7.2. Дзегка Зураев. История Алании: взгляд эмигранта

Помимо Дзамбулата Дзанти осетинская зарубежная историография представлена еще одним именем, внесшим свой вклад в изучение истории Осетии. Это Дзегка (Филипп) Александрович Зураев, представитель первой постреволюционной волны эмигрантов-осетин, обладатель удивительной биографии.

Он родился 5 апреля 1887 г. в сел. Ахсау в горной Дигории. Участник революционного движения в России начала XX в. В девятнадцать лет стал секретарем Терско-Дагестанского комитета РСДРП фракции большевиков. За антиправительственную деятельность был арестован. Архив СОИГСИ ВНЦ РАН сохранил копии полицейских протоколов того времени, в том числе и приговор. Сухие формулировки протокола говорят о его цели насильственного изменения установленного в России основными законами, образа правления, пропаганде в войсках, в целях подготовки вооруженного восстания, «причем Емельянов и Зураев состояли секретарями упомянутого комитета» [НА

СОИГСИ, Ф. 19, Д. 113, Л. 8]. Зураев, как несовершеннолетний, получает наказание в виде каторги сроком на два года, восемь месяцев. Архивная справка Иркутского губернского жандармского управления констатирует, что Ф.А. Зураев, «…политический ссыльно-поселенец Киренского уезда Иркутсткой губернии с. Нижне-Илимска…сбежал из Нижне-Илимска 15 марта 1910 г.» [НА СОИГСИ, Ф. 19, Д. 113, Л. 22].

Революционный период его жизни требует отдельного исследования: помимо копий полицейских протоколов, представленных архиву братом Дзегка Зураева, майором КГБ в отставке Слафиром Зураевым, в них сохранились подробные воспоминания как Слафира Зураева о своем брате, так и самого Дзегка. В личном письме, от 9 мая 1964 г. Дзегка подробно описывает давние события, предшествующие его аресту, а именно периода 1906-1907 гг. В данном случае вызывают интерес воспоминания С. Зураева, касающиеся не только побега Дз. Зураева, но и его дальнейшей биографии [НА СОИГСИ, Ф. 19, Д. 113, Л. 37]. Воспоминания содержат много личной информации, но в контексте исследуемой темы внимание привлекает цитата, в которой Слафир упоминает книгу, написанную братом [НА СОИГСИ, Ф. 19, Д. 113, Л. 38]. В архиве СОИГСИ ВНЦ РАН сохранилась рукопись и репринтное издание книги «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа», впервые опубликованой на русском языке в США в 1966 г. В 2014 г. эта книга была издана во Владикавказе.

Дзегка Александрович Зураев – человек сложной судьбы. Но также как и Дзамбулат Дзанти, чувствующий себя осетином, он хотел сохранить в себе Осетию, которую знал, и в которую ему, как он думал, не суждено было возвратиться. Не обладающий специальными знаниями, но мотивированный поиском информации об истоках осетинского народа, он изыскал возможность поработать в различных архивах Европы и США, результатом чего и стал труд всей его жизни. Не последнюю роль сыграло и его безупречное владение, помимо осетинского и русского, еще и английским и немецким языками. Он посвятил свою книгу памяти российского историка и археолога Василия

Ивановича Долбежева (1842-1911), который в свое время работал в Осетии, и постарался отразить в ней древнейший период истории иранских народов – так, как он себе его представлял.

Дзегка Александрович максимально использовал возможность знакомства с европейскими архивами, что позволило ему собрать и запустить в научный оборот большой корпус источников, известных на Западе, но незнакомых советским ученым. Хронологические рамки его монографии охватывают период с II тыс. до н. э. до V в. н.э. Книга освещает предысторию вопроса, историю кобанцев, скифов, савроматов, сарматов, аланов, готов, и, наконец, антов. Завершается книга приложением, в котором представлены библиография, хронологическая карта и указатели. Внушительна и географическая составляющая труда. Перед глазами читателя вереницей проходят десятки племен и племенных групп, живших на юге России, начиная с докобанской эпохи и заканчивая эпохой Великих миграций, большинство из которых бесследно растворились в песках Истории. Читатель найдет в книге немало интересных сведений о Малой Скифии, Азиатской Сарматии. Приводимые в монографии источники рассеивают сомнения и по поводу факта присутствия скифов на Кавказе, для которых Северный Кавказ был такой же родиной, как и Северное Причерноморье. В монографии присутствуют названия и характеристики многих иранских народов, таких, как *сайи*[394], «которые в то время представляли собой группу из трех племен: *сайи, саударaты и фиссагеты* или *фиссаматы*» [Зураев, 2014: 88], о которых в специальной литературе не всегда можно найти подробные сведения. Содержательны разделы, связанные с Боспорским царством, в истории и культуре которого большую роль играли ираноязычные народы. Судя по названию, книга посвящена в большей степени ранней истории североиранцев, но в ней столь же подробно исследуется история племен, соседствовавших со скифами и сармато-аланами или же приняли участие вместе с ними в Великом

[394] Сайи и их царь жили на восточной стороне Буга в степях [Зураев, 2014: 89].

переселении народов. Особо выделяются автором гунны и германские племена готов.

В отличие от работ Дз. Дзанти, Дз. Зураев представил более цельный, научно аргументированный труд, который опирается, прежде всего, на исторические источники. Явным недостатком его работы является, как и в случае с текстами Дз. Дзанти, попытка толкования различных терминов и этнонимов с точки зрения осетинского языка, но здесь это явление носит, скорее единичный, нежели повсеместный характер. При этом Дз. Зураев старается делать это аккуратнее, опирается не столько на созвучие терминов, как это делал Дз. Дзанти, сколько на поиск исторических или эпических подтверждений его интерпретации [Зураев, 2014: 90].

Дз. Зураев был более точен в определении этимологии этнонима «осетины», напрямую увязывая его с аланами-асами: «Асы по приходу в Восточную Европу, как один из аланских народов, расселились на Северном Кавказе, на Таманском полуострове и в горах центральной части. Непосредственно от них иберы, южные соседи современных осетин, называли их оси или овсни и по настоящее время» [Зураев, 2014: 120]. Основные же концептуальные вопросы этногенетического характера, озвученные Дз. Зураевым совпадают с общепризнанными положениями.

Вполне естественно, что труд Дз. Зураева сопровождают некоторые серьезные просчеты. Это связано, прежде всего, с тем, что автор по разным причинам был лишен возможности знакомства с работами по классическому осетиноведению, поэтому выводы, которые следуют из его работы, часто носили вольный характер, неподтвержденный научной школой. Тем не менее, сторонний взгляд исследователя-непрофессионала на историю становления иранских народов древности вне профессиональной подготовки, можно рассматривать как преимущество, которое позволяет автору интуитивно стараться соответствовать всем канонам научной этики. Тем интереснее рассмотреть работу Дзегка Зураева в критическом ключе, хотя бы для того,

чтобы обозначить ошибки во взглядах автора с точки зрения современного осетиноведения.

Монография начинается с главы, посвященной докобанскому периоду в истории Осетии (III–II тыс. до н. э.), который известен также как «медный век для Северного Кавказа». В представлении Дз. Зураева этот период следует называть «Дигорской культурой», определяя при этом «древних дигорцев» как «докобанских осетин» [Зураев, 2014: 19]. Далее автор необоснованно старается увязать древнюю историю Северного Кавказа и, прежде всего, осетин-дигорцев, с хеттами Ближнего Востока, приводит доказательства культурного влияния Ассиро-Вавилонии, Финикии, Древней Индии и Древней Персии на северокавказские народы. Туда же, в древний Вавилон, он относит и истоки нартовского эпоса.

Не особо вникая в вопросы этногенеза осетин, он считает их обособленным народом, который говорил на одном из иранских языков. После того, как аланы появились на Северном Кавказе, произошел процесс смешения осетин с аланами, и дальнейшая их ассимиляция в аланской среде. О смутном представлении автора об этногенезе осетин свидетельствует и его неоправданная архаизация одной из ветвей осетинского народа – дигорцев. Согласно ему кобанская культура следует за более древней, «дигорской» [Зураев, 2014, 21], при этом хронологические неувязки никак не смущают Дз. Зураева. Кобанцы хронологически увязываются со скифами, взаимосвязь и влияние которых на культуру кобанцев подтверждено современными исследователями [Мошинский, 2014]. Здесь же Дз. Зураев увязывает кобанцев с сарматами, которые появляются на исторической арене несколько позднее представителей кобанской культуры [Зураев, 2014: 23]. Кобанская археологическая культура фиксируется в рамках с XIII-XII по IV вв. до н.э., в то время как раннесарматская культура оформляется к концу IV в. до н.э. [Скрипкин, 2017: 54]. По Дз. Зураеву получается, что дигорцы как этнос сформировались намного раньше скифов. Не состоятельны также его доказательства существования говоров докобанских дигорцев. Эти выводы,

разумеется, далеки от исторических реалий. Вряд ли также можно согласиться с автором в его утверждении, согласно которому вопрос о происхождении осетин трудами В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Г. Бейли и др. не получил всеобщего признания. В рамках данного исследования нет необходимости в том, чтобы озвучивать общепринятую точку зрения по этому вопросу.

Нечетки представления Дз Зураева и об общих принципах становления и развития осетинского языка. Вместо двух основных диалектов, иронского и дигорского, он фиксирует то три говора, то три диалекта – иронский, дигорский и туальский. По его же представлению, осетинский язык является миксом скифского и асского языков с неизвестной долей сармато-аланского и местного кавказского субстрата [Зураев, 2014: 9]. Согласно же В.И. Абаеву, сармато-аланский и местный субстрат сыграли решающую роль в формировании осетинского языка, но никак не внесли какие-то «неизвестные доли» в его формирование [Абаев, 1967:9-21].

По автору историю аланов на Кавказе следует начинать с III в., когда с исторической арены исчезли племена аорсов и сираков. Но аланы как народ в Восточной Европе и на Кавказе появились значительно раньше, в I в. н.э. Более того, во II-IV в. н.э. на Северном Кавказе появляется раннеаланское государственное образование, что, несомненно, является более веским аргументом в пользу исторической науки.

В последней VIII-й главе Дз. Зураев исследует историю антов: «Предполагают, что анты были в числе нескольких десятков аланских племен, которые вышли из Азии на рубеже новой эры в Европу» [Зураев, 2014: 217]. Не принимая трактовку славистов, по которой антов принято считать одним из восточнославянских племен, проживавших в IV—VII вв. на юге России, и опираясь на целый ряд исторических сведений, он пытается доказать их принадлежность к ираноязычным народам: «Северо-иранцы, начиная со скифов, жили в течение вековых периодов: сарматов, аланов, антов, и яссов с восьмого века до нашей эры по четырнадцатый нашей эры кочевым и оседлым хозяйством» [Зураев, 2014: 217].

По возможности Дз. Зураев старается подкрепить свои выводы, мягко говоря, сомнительными языковыми параллелями, следуя в этом стремлении за Дзамболатом Дзанти: Папай – Бабай, Зеленчук – «извилистый перевал», Кубан – Кобан и др. Согласно ему, *асси*, упоминаемые в хрониках Стефана Византийского, «около столетия спустя имели город-ярмарку, Асский Тыргх, после славянизированный в Ясский Торг» [Зураев, 2014: 214]. Далее следует разъяснение термина *Тыргх*, который по его версии следует перевести с осетинского языка как «двор». Чрезмерные перегибы в поисках языковых ассоциаций уводят его через Закавказье в Малую Азию. Осетинское название олова он выводит из халдейского *кала*, объясняя это знакомством «дигорцев» с современными народами юго-восточного Закавказья и Малой Азии – хеттами и халдами, хотя по В.И. Абаеву слово это вошло в осетинский язык через грузинское посредство [Абаев, 1958: 617]. Этим же объясняется наличие определенных топонимов в «Нартане» или Нартиаде. Нуждается в дополнительной аргументации и проводимая им параллель Царциата, Стур-Царциата – Дигора и Стур-Дигора [Зураев, 2014: 18], хотя термин Царциата, связанный с мифическим народом из осетинской эпической традиции, встречается и на территории горной полосы Южной Осетии (*Царциаты калак, царциаты къæдзæх* и др.). Дз. Зураев также слишком преувеличивает культурное влияние Ближнего Востока «на духовную часть мифологии и этики осетинской Нартаны» [Зураев, 2014: 28]. Остается только сожалеть, что его планы по написанию специальной работы по нартам остались незавершенными.

Приятно удивил тот факт, что Дз. Зураев подвергает критическому осмыслению используемые источники, не всегда соглашается с утвердившимися научными положениями, даже, если его критика и не всегда обоснована. Так, например, он делает неверный вывод, согласно которому советские археологи периодизируют эволюцию савроматской, сарматских и аланской культур математически рассчитанными рамками в 200 лет [Зураев, 2014: 37]. Это, конечно же, не соответствует действительности.

В целом же текст его книги перегружен различными терминами, язык изложения сложный. В книге присутствует множество названий различных племен, происхождение которых не всегда понятно. Жаль, что автор не снабдил свою работу подробными комментариями, которые в исторической литературе бывают не менее информативными, чем сам источник. И все же главное достоинство книги Дзегка Зураева «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа» заключается в том, что основная этногенетическая концепция этногенеза древних иранцев, озвученная им в своем труде, за исключением «докобанских дигорцев» выдержана в рамках общих положений исторической науки.

Перечисленные издержки работы Дз. Зураева были вполне ожидаемы. Несмотря на высокую эрудицию и старательную работу с первоисточниками, отсутствие у автора специального исторического образования сказалось на степени научной значимости его труда. Далеко от требований науки и оформление научного аппарата. Так, использованная литература часто указывается без места и года издания цитируемых страниц (например: Книпович, Т. Танаис; Коковцев, П. Еврейско-хазарская переписка X века). Порою некорректны и названия работ – к примеру, монографию Е.И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» Дз. Зураев обозначает просто – «История древнего Северного Кавказа».

По исследуемой теме в СССР того периода ежегодно издавалось большое количество различных исследований, которые, конечно же, остались вне поля зрения Дз. Зураева. Например, в главе, посвященной кобанской культуре, никак не упоминается тлийский некрополь, кстати, представленный миру В.И. Долбежевым. Из работ того же В.А. Кузнецова, Дз. Зураев знаком лишь с книгой «Аланские племена Северного Кавказа» (1962).

Тем не менее, труд Дзегка Зураева не остался вне поля зрения его коллег – ученых-эмигрантов, сферой научных интересов которых были народы, населяющие в древности Евразию. К примеру, в русскоязычном Бюллетене Института по изучению истории и культуры СССР *“Institut zur Erforschung der*

UdSSR” (Мюнхен)[395] в 1966 г., была опубликована рецензия на его работу, автором которой выступил крымскотатарский общественный деятель Мустафа (Эдиго) Кырымал[396]. После общего обзора книги Дз. Зураева, и реверансов в адрес автора, который в своем труде критикует «слишком поспешное заключение советских историков, пытающихся представить «периодизацию эволюции савроматской, сарматской и аланской культур в математически рассчитанных сроках двухсот лет» [Кырымал, 1966: 93], и отмечает, что «такая периодизация применима к темпам развития советской национальной политики, но никак не к «эволюции древних культур» на Северном Кавказе» [Кырымал, 1966: 94], М. Кырымал все же делает ряд замечаний, в основном, касающихся «скифского вопроса» [Кырымал, 1966: 97]. Суть замечаний М. Кырымала к Дз. Зураеву сводится к следующему: если «родственность» скифов и аланов с осетинами можно считать неоспоримой, то ираноязычие скифов все еще является не более чем гипотезой [Кырымал, 1966: 97]. Развивая далее тему, он приходит к следующему заключению: «Принимая во внимание вышеизложенное, следует прийти к выводу, что на сегодняшнем этапе развития исторической науки вопрос об «иранстве» всего сложного комплекса древнего «скифского мира» остается, по меньшей мере, открытым» [Кырымал, 1966: 98].

В 1967 г. в Нью-Йорке на украинском языке была издана книга украинского эмигранта, кавказоведа и лингвиста Василия Чапленко[397] «Новые необходимые материалы к этногенезу славян и других народов: этимологические опыты», который также характеризует работу Дз. Зураева [Чапленко, 1967: 4]. Книгу Дз. Зураева упоминает и видный украинский археолог-эмигрант Ярослав Пастернак[398] (известный открытием летописного города Галич и погребения

[395] Сообщения института по изучению СССР. Мюнхен, 1966. № 9.

[396] Мустафа́ Эдиге́ Кырыма́л (Шинке́вич) (1911 – 1980) – крымскотатарский общественный деятель. С 1932 года жил в Стамбуле. В декабре 1941 г. прибыл в Берлин, где из крымскотатарских эмигрантов пытался создать национальное представительство, лояльное Германии. В январе 1943 г. официально признан Германией как председатель Крымскотатарского национального центра. После войны жил в Западной Германии. В 1954 – 1972 гг. работал в Институте по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене.

[397] Василий Чапленко (1900 – 1990) – украинский эмигрант, писатель, драматург, лингвист-кавказовед, сторонник адыгских влияний на языки Восточной Европы, предпочитавший адыгские этимологии.

[398] Ярослав Иванович Пастернак (1892 – 1969) – украинский археолог и педагог, профессор. В 1910 – 1914 гг. изучал археологию и классическую филологию на философском факультете Львовского университета. Во время Первой мировой войны воевал в австро-венгерской армии, затем — в VII Стрыйской бригаде Украинской

Ярослава Осмомысла). В частности, рассказывая в своей книге *«Ранні слов'яни в історичних, археологічних та лінгвістичних дослідженнях»*[399] (1976) о теории Г.В. Вернадского и Ф. Дворника об иранском происхождении антов, он писал следующее: «Другой российский эмигрант А. Зураев относит теперь антов к северным иранцам вместе с савроматами, скитами, сарматоаланами, ясами и осетинами» [Пастернак, 1976: 71]. Еще одну ссылку на труд Дз. Зураева можно найти в книге белорусского историка-эмигранта, общественного деятеля Яна Станкевича (1891-1976) под названием «Очерки по истории Великолитвы-Белоруси» [Станкевич, 1978].

Дзегка Александрович Зураев сдержал слово, которое он как-то дал своей сестре на ее просьбу вернуться домой: «Все бумаги об аланах находятся в Германии, Англии, Франции, США, к ним доступа для советских ученых нет. Написать надо историю алан настоящую. Не знаю, сколько лет понадобится на это, но тогда вернусь на родину – Ирыстон» [Зураев, 2014: 5].

Дзекка Зураев приезжал в Осетию всего раз – в 1964 году по туристической визе. Позже он писал советскому консулу в США письмо с просьбой разрешить ему повторный въезд в СССР. В 1972 г. въезд ему был разрешен на два месяца, однако, этим приглашением он уже не смог воспользоваться – 11 февраля 1973 г. Дзекка Зураев скончался. Долгое время интригой оставалось само наличие второго тома труда Дзекка Зураева. Архивные документы сохранили любопытную ремарку. Так, в письме брату от 9 мая 1964 года, в ожидании получения разрешения посетить Осетию, Дз. Зураев писал: «Решил ждать исхода моего прошения, врученного тобой, Слафир дорогой, руководителю С-О (Северо-Осетинской – А.Ч.) республики, если и когда оно было послано консульскому отделу МИД. В ожидании я не могу заниматься и продолжать II том моей истории Севиранцев, так что лучше уважить твою просьбу и осветить далекое прошлое несколькими эпизодами, в которых я имел либо прямое, либо

галицкой армии, в 1920 г. оказался в лагере для интернированных в Чехословакии, где продолжил археологическое образование в Карловом университете Праги под началом Любора Нидерле. Работал в Праге, Львове, Гёттингене, Мюнхене и Торонто.

[399] «Ранние славяне в исторических, археологических и лингвистических исследованиях».

косвенное участие» [НА СОИГСИ, Фонд 19, Д. 113, Л. 23]. Больше упоминания в источниках о втором томе нет. Была ли она дописана, сохранились ли какие-либо наброски – информации нет никакой. Рукопись первого тома книги, как и ее репринтное издание, были переданы в научный архив СОИГСИ ВНЦ РАН родственниками В.И. Абаева после его смерти как часть архива ученого. К сожалению, на сегодняшний день доступа у научного сообщества к оставшейся у родственников В.И. Абаева части его архива нет.

7.3. Борис Мысыккаты: Исторические и мифологические аспекты культурного наследия Алании-Осетии

На самом деле не трудно понять мотивацию эмигрантов первой волны, которые посвятили свою жизнь изучению истории Осетии. Оторванные от Родины, не имея даже гипотетической возможности когда-либо возвратиться, они старались не потерять свою идентичность, сконцентрировав свою деятельность на изучении истории своего народа, не имая, при этом, профессиональной подготовки. Именно этим можно объяснить чрезмерную, порой наивную идеализацию ими прошлого Осетии. И Дзамбулат Дзанти и Дзегка Зураев не были профессиональными историками, но именно в этой своей деятельности, общественной ли, или научной, они увидели возможность для самореализации.

В своей научной деятельности эмигрант второй волны, молодой ученый Борис Мысыккаты, проживающий в Испании, более свободен и динамичен. Эпоха, в которой он творит, не предполагает жестких ограничений идеологического или какого-либо иного характера. Уровень коммуникации в мире, при том, что крупнейшие библиотеки мира оцифровывают свои фонды, предоставляя доступ к ним практически всем желающим, сделал науку более доступной для интересующихся. Вне зоны доступа большинства ученых пока еще остаются многие архивы, но и здесь новшества, которые предполагают

современные цифровые технологии, позволяют надеяться на то, что в скором времени «падут» и эти «бастионы». И, наконец, археология. Дисциплина, которая вполне еще может удивить, и не раз, своими новыми открытиями.

Борис Мысыккаты (Борис Батразович Цуциев), независимый исследователь, искусствовед и геммолог, родился в Москве в 1985 г. В 1997 г. в возрасте 12 лет он вместе с матерью и старшим братом покинул Россию и сегодня проживает на юге Испании, в провинции Малага. Будучи правнуком известного осетинского сказителя первой половины XX в., Темболата Мисикова, Борис решил взять его фамилию в качестве творческого псевдонима, как дань памяти славному предку. Обучался аукционному делу и истории искусств в Лондоне, в Институте Искусств Сотбис (SIA), проходил курсы по археологии Помпей в Оксфордском университете, изучал геммологию в Андалусском Институте Геммологии и Ювелирного дела (IGJA, Málaga).

Вряд ли стоит проводить какие-либо научные аналогии между Б. Мысыккаты и его предшественниками: разные эпохи предполагают разные подходы и требования к конечному научному результату. У Б. Мысыккаты также нет необходимости в подтверждении своей идентичности. В его случае научная деятельность – это совокупность нескольких факторов: исследовательского таланта, интуиции, эрудиции, возможности заниматься любимым делом и, безусловно, любви к прошлому своего народа – основной мотиватор исследователей-осетин зарубежья XX столетия. Однако, в отличие от романтической наивности трудов его предшественников, работы Б. Мысыккаты отличаются профессионализмом и целостностью.

Дополнительное образование может давать совершенно невообразимый оттенок историческому исследованию. В данном случае, искусствоведение и даже геммология отразились на работах Б. Мысыккаты, которые отличаются глубиной и своеобразным изяществом. Он способен сосредоточить внимание на самых «темных», неисследованных вопросах истории, культуры и существенно расширить научно-теоретическую базу уже известных

исторических явлений и взглянуть на неизвестные страницы истории древних иранцев с иного, порой неожиданного ракурса.

Б.Мысыккаты молод и обладает гибким умом, он быстро учится, моментально реагируя на доброжелательные замечания более опытных коллег, стараясь при этом выдавать безупречный по возможности текст. Как-то в ходе работы над версткой журнала “Nartamongæ”, видный российский лингвист Н.Н. Казанский, заметил небольшие неточности в транскрипции нескольких санскритских терминов в его тексте. Борис попросил меня связать его с профессором не для того, чтобы механически внести правки, а для того, чтобы самому в личном общении понять суть вопроса. По итогу их общения он был лично приглашен печататься в ежегодном сборнике «Индоевропейское языкознание и классическая филология». Во время последней нашей встречи выдающийся ученый-археолог Вера Борисовна Ковалевская отметила, что с большим удовольствием читает его статьи. И это при том, что по меркам «ученых мужей» Б. Мысыккаты совершенно молод.

Стоит отметить еще пару немаловажных деталей. Автор охотно приводит в своих текстах ссылки на личную переписку с именитыми экспертами в той или иной научной сфере, используя полученные уточнения в качестве авторитетного подспорья для аргументации своих гипотез. Такой подход не может не приветствоваться, так как среди упомянутых корреспондентов можно обнаружить таких, как скифолог А.Ю. Алексеев, индолог Я.В. Васильков, иранист Ю.А. Дзиццойты, историки Ю.С. Гаглойти и Р.С. Бзаров, сарматовед А.В. Симоненко, культуролог Т.К. Салбиев и др. Еще одной характерной чертой его работ выступает максимально полное привлечение древних иноязычных текстов в латинской транскрипции, что позволяет ознакомиться не только с переводом, но и с первоисточником на языке оригинале. Исключением не являются и осетинские тексты, которые приводятся в латинской транскрипции, что стилистически напоминает оформление работ В.И. Абаева и Ю.А. Дзиццойты. Еще одним красивым жестом Б. Мысыккаты можно считать то, что автор посвящает свои работы мэтрам науки, уже ушедшим из жизни,

которых автор воспринимает как своих учителей и наставников, несмотря на то, что знаком с ними лишь через их труды.

Помимо поэтики своих текстов, Борис Мысыккаты уделяет особое внимание иллюстративному материалу, стараясь усилить соответствующими иллюстрациями представляемый им материал. Выводы, параллели и образы, воссозданные им, оживают, и обретают вполне осязаемые контуры. С 2019 г. Борис Мысыккаты является ответственным редактором международного научного журнала “Nartamongæ”.

Наше знакомство с ним произошло именно на страницах “Nartamongæ”. Именно там молодой исследователь начал публиковать основные свои работы, такие как «В поисках кузнеца-волка», «Wæjyg», «Индоевропейская поэтическая формула «Немеркнущая слава» в осетинской Нартиаде», «Аркан в этнокультурной традиции алан-осетин» и «Нартиада и скифский звериный стиль». Ранее в разных изданиях, в том числе и зарубежных, были опубликованы такие его статьи, как «Осетинский фразеологизм *sag færætmæ ærcyd* как ключ к этимологии скифского топора *σαγάρις*», “*Odyssea Alanorum”* и *“Odyssea Alanorum (Parte 2)”, “El Llar, en el corazon del hogar tradicional”* (в соавторстве с Т.К. Салбиевым).

Неподдельный интерес вызывает серия статей Б. Мысыккаты, посвященных загадочному «хатиагскому языку» – тайному и чудодейственному языку, упоминаемому в осетинской Нартиаде. Только род Ахсартагката, потомки нарта Урузмага, владели этим языком. Они использовали его в разговоре между собой или в письме для того, чтобы сохранить от окружающих определенные секреты. Три его «хатиагских этюда» опубликованы в юбилейном сборнике в честь 60-летия заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А. Дзиццойты [Allon, 2021][400]. Б. Мысыккаты коснулся одной из самых загадочных и интересных тем, встречающихся в нартовских сказаниях осетин, уникального феномена, больше не наблюдающегося в других национальных версиях

[400] ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А.Дзиццойты: Коллективная монография (Москва, 2021 – Цхинвал, 2021). Коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Скаков, И.В. Скакова. – М.: ИВ РАН, 2021. – 206 с. илл.

нартовского эпоса, а также не имеющего аналогов и в эпических творениях других индоевропейских народов, пожалуй, за исключением древнеиндийской «Махабхараты», в которой такой язык зафиксирован (см. «Хатиагский язык «Нартиады» и язык млеччха «Махабхараты» [ALLON, 2021: 33-46]). Как поясняет автор во вводной статье «Хатиагский язык и скифские стратагемы», хатиагский язык – это секретный язык, которым владели лишь главные герои из рода Ахсартаггата: Урузмаг, Хамыц, Сослан, Батрадз, и как исключение – Сатана, «мать всех нартов». Об истоках происхождения хатиагского языка высказаны разные мнения. Различные исследователи считали его языком загадочного народа: китайцев, хеттов [Абаев, 1989: 143-144; Гуриев, 1966]. Мнение о сущности хатиагского языка высказанное Б. Мысыккаты отличается оригинальностью подачи и основательностью изложения. В отличие от других ученых он не считает его чужим, заимствованным языком, а зародившимся на собственно нартовской (прото-осетинской) почве [Мысыккаты, 2021: 35-41].

Б. Мысыккаты интересует не только происхождение Нартиады как таковой, но и информация скрытая в этих реликтах арготического языка нартов, формулы, иносказания, фразеологизмы и отдельные сопоставления. К примеру, в статье «Хатиагский язык и этимология имени нарта Уырызмага» автор обнаруживает в хатиагском иносказательном диалоге подтверждение этимологии имени старого героя Урузмага, выдвинутую еще В.И. Абаевым, который видил в этом имени иранское слово **warāza*, обозначающее «вепря», «кабана». Именно с клыкастым кабаном и сопоставляется старый герой в ряде диалогов. Так, юноша, прибывший на пир-западню спасать Урузмага, обращается к нему «по-хатиагски (*badzyrdta xatiagaw*): «Старик, почему ты такой грустный?», на что тот отвечает: «Посреди степи вокруг клыкастого кабана собрались волки с окровавленными пастями и вороны» (*bydyry midæg buznag næl-xuyjyl tugdzyx biræg'tæ æmæ syntytæ æræmbyrd sty*)», подразумевая под хищными падальщиками заговорщиков, а под вепрем самого себя [Мысыккаты, 2021: С. 54-61].

Отталкиваясь от тайного языка нартов, Мысыккаты подробно исследует историю возникновения фразеологизма *sag færætmæ ærcyd* дословно обозначающего «Олень (сам) под топор пришел». В ходе его изучения автор приходит к выводу, что морфология и метод применения этого фразеологизма в фольклоре, позволяют отнести его к реликтам иносказательного хатиагского языка [Мысыккаты, 2018: 16].

Пустив в научный оборот материалы из нартовского эпоса и быта и культуры скифов, автор вскрывает зашифрованную во фразеологизме информацию: олень у скифов – сакральное животное, символизирующее солнце, а топор/секира – священный дар богов и символ царской власти. Следовательно, полагает автор: «…умерщвление оленя секирой могло бытовать у скифов в качестве царского ритуального жертвоприношения наподобие ведийского царского жертвоприношения коня», в реальности же этого оленя замещал конь, в маске с войлочными рогами, аналогичной той, что была обнаружена в горноалтайском Пазырыкском кургане. Более того, автор приводит аналогии из гимнов Ригведы, где восхваляются качества коня, принесенного в жертву ритуальным топором, которого арийские жрецы-поэты сравнивают с мифическим золоторогим оленем» [Мысыккаты, 2018: 18]. Стоит добавить, что позже были выявлены и другие факты, убедительно подтверждающие допустимость такой реконструкции. Так К. Рахно в недавней своей работе привел миф о ежегодном жертвоприношении оленя, добровольно явившегося на заклание, бытующий в фольклоре целого ряда племен Северо-Восточной Европы [Рахно, 2021: 146-148].

В 2018 г. журнал “Nartamongæ” опубликовал статью Б. Мысыккаты «В поисках кузнеца-волка», которая стала его вкладом в развитие трудов В.И. Абаева, посвященных изучению образа бога-кузнеца осетинских нартовских сказаний в контексте скифо-европейских изоглосс. Она стала примером того,

как можно красиво развить тему, которую можно было считать исчерпанной[401]. В своей статье он берет за основу теорию В.И. Абаева, смысл которой сводится к связи двух наименований бога-кузнеца, осетинского *Wærgon* и латинского *Volcān*. С помощью блестящего этимологического анализа В.И. Абаеву удалось вскрыть глубинный смысл упомянутых теонимов, изначальным значением которых выступает архаичная лексема, обозначающая волка. Б. Мысыккаты рассматривает отголоски культа кузнеца-волка в различных источниках, как то: греческие, латинские, кельтские, германо-скандинавские, адыгские, осетинские, ингушские, славянские и др. Особый интерес вызывает кельтская параллель из ирландской саги, в которой эпический персонаж по имени *Олк,* выступает кузнецом-друидом, а его имя также восходит к протокельтскому наименованию волка, восходящего к той же архаичной индоевропейской основе, что латинский *Volcān* и осетинский *Wærgon* [Мысыккаты, 2018: 210-211]. Таким образом, Б. Мысыккаты не только подтвердил теорию В.И. Абаева, но и дополнил ее привлечением существенного научного материала.

Небольшая, но фундаментальная работа *«Wæjyg»* посвящена изучению образа осетинских великанов, врагов нартов. Согласно В.И. Абаеву, изначально этот персонаж являлся потомком дуалистического божества Вайю, владыки северного ветра и жизненного дыхания, позже низведенного в ранг демонических персонажей. Текст состоит из историографического обзора и двух отдельных частей, каждая из которых призвана прояснить отдельные черты этого неоднозначного персонажа. В первой части рассматривается его связь с образом волка и осетинским «Уносящий душу» (*Ūdxæssæg*), который согласно народным верованиям являлся человеку в смертный час в образе волка. Параллельно приводятся и другие интересные факты связанные с эсхатологическими представлениями осетин. Во второй части текста проводится связь между боевыми штандартами с надувной фигурой дракона и образом бога ветра [Мысыккаты, 2019: 370].

[401] Ранее, на примере работ С.В. Кулланды, мы продемонстрировали развитие идеи В.И. Абаева о скифо-сарматских наречиях. На различных примерах С.В. Кулланда четко дифференцировал скифский и сармато-аланский языки.

Весьма оригинальны и другие темы, которые автор поднимает в связи с осетинской Нартиадой. Блестящей можно назвать статью под названием «Индоевропейская поэтическая формула «Немеркнущая слава» в осетинской Нартиаде», которую стоит рассмотреть более подробно. В ней Б. Мысыккаты детально раскрывает суть осетинской эпической формулы «бессмертная слава» (*ænusy kad | ænusy koj*), наиболее часто содержащейся в сказаниях о гибели нартов (*Narty sæft*). Эта же формула присутствует в иносказательном диалоге на секретном хатиагском языке, который ведет глава нартов Урузмаг с самим Богом [Мысыккаты, 2020: 133]. Раскрывая контекст этой формулы, автор, со ссылкой на В.И. Абаева, отмечает, что «именно сюжет о кончине нартов и отказе от вечной жизни во имя вечной славы, скрывает в себе основную этическую идею всей эпопеи» [Мысыккаты, 2020: 123]. Перед своей кончиной Уархаг, основатель рода Ахсартагката, оставляет своему потомству три заповеди. «Третьей и самой главной он называет рассматриваемую формулу: «Бесславию предпочтительней смерть и вечная слава» *(Ægady bæsty mælæt æmæ ænustæm kad xwyzdær u).* Завещание Уархага нарты усваивают должным образом и в день, «когда им приходилось выбирать между унылым смирением или войной с врагом, превосходящим их силой, они совещаются, а их вождь Уырызмаг озвучивает решение сражаться до конца, утверждая: «Лучше за один день умереть во славе, чем вместо этого жить в вечном бесславии (*Ænustæm ægadæj cæryny bæsty, iw bon kadimæ amælyn xwyzdær u*)» [Мысыккаты, 2020: 124]. Далее следуют аналогичные примеры из осетинских народных поговорок, текстов осетинских героических песен, параллели с идентичными поэтическими формулами у древних греков (Илиада), индоариев (Махабхарата), германцев англосаксов (Беовульф), восточных славян (украинские казацкие думы) и др.

В этом контексте интересны отсылки к историческим источникам[402]. Автор задается вопросом, реально ли аланы соответствовали столь высокопарным

[402] «В трудах Аммиана Марцелина, римского позднеантичного автора, наиболее подробно описавшего ранних алан, можно обнаружить сведения об аланских «жизненных ценностях» [Amm. Marc. XXXI, 2, 22].

эпитетам или их следует списать на проникновение «скифских» эпических мотивов в античную литературу. Блестящее знание источников позволяет автору находить совершенно невероятные параллели в позднеантичной эпике. В качестве примера Б. Мысыккаты приводит поэму позднеантичного поэта Клавдия Клавдиана "*De bello Pollentino sive Gothico* (Стихи XXVI, 581–597)", посвященную восхвалению доблести римского главнокомандующего Стилихона, проявленной им в войне с готами, угрожающими Риму [Мысыккаты, 2020: 140]. Еще один средневековый источник, используемый автором в качестве примера – «Исторические записки» Никифора Вриенния Младшего (1062-1137). Никифор Вриенний рассказывает об аланских наемниках, спасающих наследников византийского престола, братьев Алексея и Исаака Комнинов, от полчищ турок-сельджуков, вторгшихся в пределы Византийской империи [Алемань, 2003: 307-308].

Дополнительной иллюстрацией к сказанному являются параллели с Махабхаратой. Разбирая семантику индийских поминальных стел из долины Ганга (*kīrtistambha* «столп славы»), Б. Мысыккаты подтвердил гипотезу А.И. Зайцева: «…древнейшие погребальные сооружения в виде кургана, увенчанного антропоморфным изваянием, являлись ничем иным, как материальным воплощением индоевропейской поэтической формулы «немеркнущая слава», выступая, по сути, «знаком», призванным напоминать о герое и его славе» [Мысыккаты: 2020: 142]. Автор приходит к заключению, что практика установления вертикальных стел, венчающих скифские курганы Северного Причерноморья, являются отголосками поминального комплекса индоиранцев, носителей древнеямной культуры Северного Причерноморья в эпоху позднего медного века (энеолита) и ранней бронзы [Мысыккаты: 2020: 146].

«Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою (qui in proelio profuderit animam), а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, называются выродками и трусами. <…> Не аналогично ли первое предложение суровому изречению нартовского вождя: «Лучше за один день умереть в славе, чем вместо этого жить в вечном бесславии»?» [Мысыккаты, 2020: 140]

Весьма оригинален тезис автора о том, что такие индоиранские стелы, на которых изображались огромного размера мужчины-воины, с ярко подчеркнутыми половыми органами и фаллоидным оружием, стали называться скифским ираноязычным населением термином *nar-* «самец, мужчина», считая по праву их своими далекими предками, подобно тому, как осетины считают своими предками нартов, в коллективном наименовании которых присутствует все та же иранская лексема [Мысыккаты, 2020: 149]. Со ссылкой на осетинскую традицию автор усматривает соответствующие параллели, сравнивая скифские стелы с позднесредневековыми осетинскими надмогильными стелами *cyrt*, разъясняя при этом разницу между ними и тюркскими «каменными бабами» [Мысыккаты, 2020: 172].

В упомянутом выше юбилейном томе вышла вторая его статья «Аркан в этнокультурной традиции алан-осетин», в которой собраны буквально все сведения о применении аркана ираноязычными племенами. Статья разделена на три части, исторические сведения античных авторов, упоминания арканов в нартовском эпосе и, наконец – сведения о применении аркана в этнографии осетин. Дополняет все это приложение, в котором переплетаются лингвистические и мифологические данные, позволяющие автору реконструировать осетинское (иранское) наименование аркана в закономерной форме *bændæn*. Ценность данного исследования заключается еще в том, что приведенные данные подтверждают наличие в фольклоре и быте осетин явного отголоска такого древнего кочевнического атрибута скотовода, как аркан.

Последняя публикация автора была посвящена изучению реликтов скифского звериного стиля в осетинском нартовском эпосе. Применив к эпическому памятнику археологический метод выявления скифоидных курганов, автор приходит к выводу, что осетинская Нартиада сохранила реликты звериного кода, смысл которого полностью соотносится с «основной триадой» скифского звериного стиля. Для последней, базовый набор образов состоит из птиц, копытных и хищников, каждый из которых маркирует одну из сфер скифской картины мира, а в эпосе осетин даже прослеживается связь с

представителями трех социальных функций. Так, хищник, собака Силам, выступает общеродовым животным воинов Ахсартагката, желтый осел принадлежит богатому роду Бората, а белый петух – роду мудрых и справедливых Ацата. Согласно автору, статья призвана стать продолжением, на осетинской почве, исследований «визуального фольклора» Д.С. Раевского, не полностью завершенного исследования великого русского скифолога, в котором он изучал поэтику скифского звериного стиля. На данный момент у Б. Мысыккаты находятся в печати еще три работы, с двумя из которых мне удалось ознакомиться. Третья представляет собой объемную статью на испанском языке на тему аланских собак в средневековой испанской культуре (*El perro alano en la cultura medieval española*), которая должна скоро выйти в коллективной монографии. Будем надеяться, что эта интересная тема получит и свою русскоязычную версию.

Все названные публикации имеют и вполне внятный исторический аспект. При этом у Б. Мысыккаты есть и чисто историко-археологические работы. Так, об участии аланов в Великом переселении народов писали такие ученые как В.Б. Виноградов, В.Б. Ковалевская, В.А. Кузнецов с В.К. Пудовкиным и др. Однако судьба аланов продвинувшихся в Пиренейский полуостров и оттуда на север Африки, не получила детального рассмотрения, оставаясь вне научного оборота ряд ключевых данных. В статье «Аланы в северной Африке», которую можно считать развернутой версией его испанского текста «Аланская одиссея» (*Odyssea alanorum*), Б. Мысыккаты приводит много интересных фактов и событий о пребывании алан, вандалов и свевов на Пиренейском полуострове, об их борьбе с Римом. Вторгшись в Испанию, каждое из варварских племен захватило определенную территорию. Согласно Б. Мысыккаты аланы создали королевство, границы которого «раскинулись от Атлантического океана на западе, до средиземноморского левантийского побережья на востоке»; их выгодное расположение в центральной части Пиренейского полуострова позволяло аланам контролировать торговые пути, передвижения скота, а также военные дороги соединяющие север и юг. Об аланах, которые обосновались в

Лузитании и Картахене писали Б.В. Скитский и В.А. Кузнецов. С интересом читаются сведения о борьбе аланов с вестготами, гибели вождя аланов Аддака и слиянии с вандалами. О важной роли аланов в союзном с вандалами государстве, о чем свидетельствует его название и официальная титулатура – (Королевство вандалов и аланов), переправе через Гибралтар в 429 г. отвоевании побережья у римлян, овладение крупнейшим портом в Африке – Карфагеном, ставшим столицей королевства. Под предводительством Гейзериха вандалам и аланам удается успешно завоевать и разграбить Рим в 455 г. За столетие своего существования королевство вело постоянные войны с Римской империей, которые шли с переменным успехом до тех пор, пока внутренними неурядицами власть в королевстве не ослабла, чем воспользовалась Византия, которая в 534 г. вернула себе африканское побережье. Как победитель, император Юстиниан Великий не только добавил в свой титул формулировку «повелитель африканский, вандальский, аланский», но и отобрал среди выживших две тысячи лучших воинов, среди которых были и аланы. Эти «вандалы Юстиниана» были отправлены к восточным рубежам империи, сражаться с персами и другими недругами. И далее автор пишет строки, повествующие о перипетиях судьбы аланов: «В середине VI в., потомки тех алан, которые во вт. пол. IV в. двинулись на запад, обогнув в конном походе все Средиземное море, вернувшись на Восток, безусловно, имели возможность встретиться со своими кавказскими собратьями, будь то в бою плечом к плечу с аланами союзниками Византии и Лазского царства… будь то лицом к лицу против аланов на службе иранских шахов».

После такой исторической увертюры, автор статьи переходит к рассмотрению влияния аланов на культуру вандалов, в частности в таком ключе рассматриваются знаменитые мозаики из Борд-Джедида в Тунисе. Также вводится в алановедческий научный оборот изображение и описание серебряной чаши Гелимера, с надписью «Король вандалов и аланов». Далее рассматривается аланская ономастика Северной Африки, с опорой на переведенную им на русский язык главу «Аланские имена» из книги

итальянского лингвиста Николетты Франкович Онести «Вандалы. Язык и история». Заслуга автора заключается не только в переводе текста: он подвергает переведенный текст глубоким научно-обоснованным комментариям. Ученый детально анализирует предложенные Н. Франкович Онести семь иранских (аланских) имяобразований (*Basa, Batzu, Baza, Safrac / Safartis, Sersao*), снабдив каждое из них научно-выдержанными комментариями.

Нельзя не упомянуть и о его двух работах по осетинской государственной символике, посвященных памяти Вилена Уарзиати. Статья «Арийские (индоиранские) истоки аланского триколора» (2019) разделена на несколько тематических отделов, в первом приводятся филологические данные о цветовом коде индоариев, у которых каждый цвет олицетворял одну из каст древнеиндийского общества, белый цвет – брахманов, красный – кшатриев, желтый – вайшьев, черный – шудр. Далее следует раздел посвященный аналогичным представлениям древних иранцев, персов, скифов, сарматов, алан, этнографических осетин и нартов. При этом мифологические, археологические, филологические и лингвистические данные по каждому цвету рассматриваются в отдельных главах [Мысыккаты, 2019: 45].

Еще одна работа под названием «По следам аланского барса», посвящена изучению истоков осетинского национального герба, барса на фоне гор. Статья состоит из трех отдельных частей, в первой рассматривается «прародина» аланского барса, т.е. среднеазиатские истоки этого кошачьего образа, с выводом, что образ кошачьего хищника являлся изначально зоологическим воплощением аланского воинского божества. Одним из подтверждений этому тезису автор указывает на факт иносказательного, «хатиагского», зоологического сопоставления образа нарта Батраза с барсом в осетинском эпосе. Во второй части затрагивается распространение образа барса на Кавказе, где переплетаются местные горские и заимствованные иранские традиции. Особый интерес представляет третий раздел под названием «О том, как аланский барс поселился на Пиренейском полуострове». В основе его лежит

записанная португальским монахом Бернардо де Брито легенда, которая повествует о войне алан со свевами и об основании аланским царем Аддаком португальского города Коимбры. Согласно легенде Аддак приказал изобразить аланского «льва» на гербе города, который до сих пор украшает щит Коимбры. Полемизируя с оппонентами, отрицающими достоверность легенды, Б. Мысыккаты приводит в качестве аргумента анализ всей литературы, касающейся темы диспута, позволяющей установить историческую достоверность легенды.

Следует указать также на его активное участие в подготовке к изданию фундаментального труда «Энциклопедия Осетинской Нартиады», для которой автор подготовил ряд статей – «Хатиагский язык», «Аркан», «Звериный стиль и Нартиада», «Собака», «Силæм», «Петух», «Медведь» (последняя в соавторстве с Б. К. Харебовым).

Выводы

В контексте представленного исследования немаловажна роль, которую сыграли ученые-гуманитарии и общественные деятели осетинского происхождения в составе обеих изучаемых волн русскоязычной эмиграции. В главе были рассмотрены яркие и наиболее значимые представители двух этих разных поколений. Осетинские эмигранты Дзамболат Дзанти и Дзегка Зураев оказались в Западной Европе после Гражданской войны. Невозможность возвращения на Родину в сочетании с пронзительной ностальгией по Осетии способствовали их концентрации на изучении и пропаганды истории и культуры осетин и их предков – аланов, хотя специального исторического образования они не имели. В результате офицер и поэт Дз. Дзанти стал активным автором в журнале «Горцы Кавказа» (1929), под эгидой Н.К. Рериха выступил одним из организаторов в Париже Института осетиноведения (1930), и впоследствии возглавил редакцию двух парижских журналов – «Осетия»

(1933) и *“Oss-Alanes”* (1953). Последние, испытывая немалые финансовые трудности, существовали очень недолго, и все же заняли определенное место в культурной жизни российской эмиграции. Бывший революционер Дз. Дзураев стал автором книги «Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа» (1966), основанной, прежде всего, на доступных ему научных трудах.

Оба автора нередко грешили перекосами в исторических трактовках, давали смелые «народные» осетинские этимологии древних этнонимов, топонимов и др., подчас сильно преувеличивая роль аланской культуры в иранском мире и среди его соседей. Однако их деятельность имела немало и положительных сторон. Дз. Дзанти смог привлечь внимание Н.К. и Ю.Н. Рерихов и Г.В. Вернадского и к своим журналам и к ряду аспектов сложной и трагической истории аланов, к алано-осетинским традициям – таким образом, они популяризировали культуру иранского мира и народов Кавказа. В журналах «Осетия» и *“Oss-Alanes”* публиковались «аланские» статьи Ю.Н. Рериха и Г.В. Вернадского по аланам на службе Монгольской империи и по нартовскому эпосу. В материале для *“Oss-Alanes”* Г.В. Вернадский попытался разобрать и древние тексты эпоса и легенд в передаче Лукиана и Полиена, которые он связывал со скифами. К сожалению, ученый стал жертвой не только ряда легковесных этимологий Дз. Дзанти, но и его последующей литературной мистификации по поводу «древнего» сказания о князе Иры Дада. Дз. Зураеву в своей книге удалось ввести в научный оборот немалый пласт ранее неизвестного материала, имеющего непосредственное отношение к истории древних народов Восточной Европы, доведенной до гибели половины Римской империи и пика гуннского могущества.

К недавней волне эмиграции относится творчество молодого мифолога-нартоведа Бориса Мысыккаты (в Испании с 1997 г.). Это, прежде всего, ученый с особым талантом трактовки фольклорных текстов и религиозных традиций аланов-осетин на широком индоевропейском фоне, который также акцентирует внимание на подробном иллюстрировании своих работ и на привлечении комментариев к переписке с коллегами. В его работах явно присутствует

исторический аспект. При анализе нартовского эпоса Б. Мысыкатты интересуют вопросы его происхождения, эпические формулы, важные этические понятия воинской субкультуры («немеркнущая слава» и др.), антропонимия и ее этимологии, сведения о тайном «хатиагском» языке воинов и др. Его также привлекают и сугубо исторические сюжеты с аланами («Аланы в Северной Африке») и древние истоки политической символики осетин. В случае с Б. Мысыккаты осетинское эмигрантское сообщество приобрело яркого и очень квалифицированного исследователя, работающего в постоянном контакте с российскими коллегами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XIX – начало XX вв. характерны повышенным интересом общественности к скифским, а затем – сармато-аланским древностям, которые помимо прочего были связаны с престижной в образованном обществе того времени греко-римской античностью, и в том числе – с греческими центрами Северного Причерноморья. Скифы, сарматы и аланы были первыми народами на территории России, подробно описанными древними авторами, а их история оказалась тесно связана на ряде этапов со славянским, германским и финно-угорским культурными мирами. Эта тематика привлекала интересантов также благодаря активной вовлеченности иранцев Восточной Европы в важные европейские политические события. Кроме того, именно со скифо-сакских древностей начиналась российская археология на материалах Европейской России и Сибири. Интерес к истории древних иранцев усиливался новыми поисками историко-культурной идентичности в рамках славянофильства, имперской роли на Востоке и контактов с ним, осознанием евразийских связей восточных славян, различными мессианскими трактовками роли России, а также вниманием к древнему германскому присутствию в Восточной Европе и отчасти – к византийско-аланским связям в плане распространения христианства на Кавказе. Возникал также соблазн начинать культурную и социальную историю восточных славян непосредственно с «благородной античности» и с самых знаменитых народов Восточной Европы. Иными словами, интерес к данной тематике был в высокой степени идеологизированным, который впоследствии отчасти обострился самим фактом эмиграции исследователей, представленных в диссертационном труде.

В современной историографии нет обобщающей работы, которая могла бы прояснить позицию представителей российского научного зарубежья на проблемы истории, этно- и культурогенеза, культурных контактов и исторической преемственности скифов, сарматов и аланов. Эта тема представляет интерес с разных точек зрения. Если собственно советская историография, как и зарубежная, освещала проблематику, опираясь на

национальные научные школы и часто – на широкий круг доступных местных источников, то в случае с учеными-эмигрантами интересна трансформация их взглядов в зависимости от обстоятельств, по которым они были вынуждены эмигрировать из России, и той социальной и рабочей среды, в которой они оказались за рубежом. В процессе разработки данной проблематики был определен круг «знаковых» ученых (историков, археологов, лингвистов), которые на протяжении XX в. покинули пределы России. Это, прежде всего, М.И. Ростовцев, Г.В. Вернадский, М.М. Казанский, А.М. Лубоцкий и Б. Мысыккаты. В связи со значимостью проблем алано-осетинской преемственности и роли сармато-аланов в масштабах иранского мира важным дополнением стал также анализ научно-просветительской деятельности осетин-эмигрантов первой волны Дз. Дзанти и Дз. Зураева.

В 1920-е – 1950-е гг., т.е. когда создавались эмигрантские труды четырех из семи исследуемых авторов, изучение древних иранцев Юго-Восточной Европы еще находилось на уровне накопления базы археологических материалов и дополнительных письменных сведений. Привлечение данных по культуре других иранских народов, как древних, так и «этнографических», для понимания реалий скифо-сармато-аланских этнических групп пребывало тогда на начальной стадии, и параллели проводились обычно только с имперским Ираном. Тогда такая ситуация не давала широких возможностей для адекватного комментирования многих сведений древних по этим этносам. Кроме того, чрезмерное доверие к авторитету ряда античных авторов, их подчас буквальное прочтение во многом задавало тон в трактовке материала, добытого археологами. Добавим, что важные тексты стран Закавказья, Ирана и Китая в то время еще не были детально интерпретированы на новой фактической базе и конструктивно привлечены по изучаемой теме.

Блеск греко-скифского курганного золота и особое внимание греческих авторов к скифам привели к некоторому преувеличению ранними исследователями роли *скифов* в античной истории и их воздействия на синхронных соседей, на культуры последующих периодов. Скифия при этом

представлялась монархистам (М.И. Ростовцев и др.) как вполне развитая монархия, «феодальная» империя, имевшая, к тому же, тесные связи с ахеменидским Ираном. Ведущие исследователи первой волны эмиграции (М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский), фактически, оформили концепцию о том, что «Великая Скуфь» (как она именуется у древнерусских авторов) стала основой культурного и политического развития славянства. К такой преемственности они стремились органично добавить влияние греко-римской культуры и греко-скифский синтез на примере эллинистической боспорской монархии. Немаловажное место в трудах Г.В. Вернадского заняла рефлексия концепции евразийства, в разработке которой он сыграл большую роль.

В текстах Г.В. Вернадского мы впервые видим много внимания к истории *аланов* в Западной Европе в V в. н.э., роль которых он явно был склонен преувеличивать. Активное участие аланов в мировой политике IV-XIII вв., интерес, проявляемый к ним писателей разных стран, их связь со знаменитыми народами прошлого (римлянами, готами, гуннами, вандалами, персами, хазарами, византийскими греками, половцами, венграми, монголами и др.) в периоды их могущества во многом побудили Г.В. Вернадского постоянно подчеркивать их влияние в истории Юго-Восточной Европы и будущего восточного славянства. Его интерес к роли аланов возник не на пустом месте; он, фактически, продолжал давнюю традицию идеологов польского «сарматизма» и недавние на тот момент увлечения скандинавских общественных деятелей гото-аланскими контактами (на которые отчасти опиралась старая шведская идеология готицизма). Он стимулировался также давней (с последней трети XVIII в., со времен Г.Ф. Миллера) традицией изучения русскими и зарубежными учеными аланского (и шире – древнеиранского и раннего индоевропейского) наследия у кавказских осетин. Не оставил он без внимания и идеи шведа Э. Шерпентье о прародине аланов в Центральной Азии, ныне оцененные в полной мере. «Навязчивая идея» об особой роли аланов у Г.В. Вернадского компенсируется серией сделанных им интересных выводов.

В условиях ограниченной фактической базы в эмиграции, которую они старались компенсировать преимуществами американских и европейских библиотек и архивов, ученые первой волны (М.И. Ростовцев и Г.В. Вернадский) в своих работах продолжали во многом придерживаться той исторической концепции, которая была сформулирована ими ранее, несмотря на новые наработки (соответственно – концепций эллинизма и евразийства). При этом в их трудах представлена обоснованная аргументация индоевропейского происхождения скифов и родственных им народов, вполне убедительно показаны их ираноязычность и наличие этногенетической цепочки сарматы-аланы-осетины. В них также характеризуются последствия скифо-эллинских культурно-исторических контактов, и утверждается мысль о невозможности писать историю древних славян без изучения учета истории скифов, сарматов и аланов.

В трудах осетинских гуманитариев, оказавшихся после Гражданской войны в Европе, прослеживается явная романтизация и мифологизация некоторых аспектов истории аланов-осетин и преувеличение их культурной значимости. Отсутствие специального образования не помешало им, однако, вызвать дополнительный интерес европейских коллег и представителей эмиграции к истории аланов и осетин, пропагандировать ее научную и культурную значимость. Более того, Дз. Зураев в некоторых своих выводах смог представить дополнительную информацию о некоторых аспектах истории аланов, которая представляет интерес и с точки зрения современной исторической науки.

Исследование общего вклада эмигрантов – историков и филологов в науку может быть адекватно оценено лишь на фоне изучения историографии скифо-сармато-аланской тематики в советский период. Эта задача в науке сегодня решена лишь фрагментарно и эскизно. Однако ряд значимых наблюдений к истории скифологии, а в большей степени – сарматологии и алановедения можно сделать уже сегодня. Именно этому посвящен анализ видения ряда основных аспектов темы шестью известными современными российскими

специалистами в области археологии, языкознания и этнологии. В диссертационном труде впервые даны своеобразные очерки их научного творчества. Весьма важны в этом плане позиции ведущего современного сарматолога В.Ю. Малашева и лидера предыдущего поколения ученых-сарматологов А.С. Скрипкина, исследование «забытых» сторон сарматских и аланской культур С.А. Яценко, изучение специфики скифского и сарматских языков С.В. Кулландой и палеогенетики аланов в трудах Д.С. Коробова (с опорой на работы его учителя Г.Е. Афанасьева). Особое место занимает анализ современного восприятия аланского наследия среди народов Кавказа в трудах В.А. Шнирельмана, вызвавший неоднозначную реакцию многих коллег на Северном Кавказе.

Наиболее известным в мировой науке из изучаемых гуманитариев-эмигрантов был академик М.И. Ростовцев. Для историографии и для перспектив будущих исследований значим анализ как его выводов и предвидения, так и его ошибочных трактовок. Именно М.И. Ростовцевым была предложена модель развития обществ Юго-Восточной Европы в скифское время и рассмотрены локальные особенности региональных сообществ. Впервые в антиковедении им был разнопланово исследован вопрос о взаимоотношениях античного мира с племенами Степи, показана оригинальность вклада обоих контрагентов – греческих полисов / Боспора и скифов. Это взаимодействие привлекало ученого с разных точек зрения – экономической, политической, религиозной и общебытовой. Он подчеркнул особое значение такого этнокультурного взаимодействия как решающего фактора раннего исторического развития Юго-Восточной Европы. Во многом именно этот синтез дал то, что мы сегодня называем «классической» скифской культурой V – начала IV вв. до н.э. Показательны желание М.И. Ростовцева проверить новыми фактами «скифский логос» Геродота, внимание к более поздней истории осколка прежней Скифии – Малой Скифии в Крыму и к специфическому искусству номадов – «звериному стилю». Отдавая должное распространенному мнению о влиянии великого Ирана на окраины тогдашнего

иранского мира (как он это делал в отношении более поздних парфянского Ирана и сарматов), ученый при этом ясно осознал специфику скифского общества и его культуры.

М.И. Ростовцев считал, что скифо-греческое взаимодействие в Северном Причерноморье и само длительное существование «Великой Скуфи» послужили одним из толчков к активному включению этого и соседних регионов в мировой исторический процесс, который не прошел бесследно и для славянских народов. В этих процессах он видел вероятные корни ранней истории и ряда культурных особенностей будущей России. Такая установка продолжает привлекать внимание исследователей и сегодня.

Сегодня кажется ясным, что именно М.И. Ростовцев был создателем многих основ сложной и активно развивающейся ныне сарматологии. Его догадки о гибели Скифии и ранней истории савроматов и сарматов остаются отчасти актуальными. Особенно перспективным было подчеркивание академиком отсутствие единой линии развития сарматских культур и роли нескольких миграций из Центральной Азии. Вместе с тем, выведение им аланов из среды аорсов оказало немалое влияние на сарматологов. В плане видения сарматского мира как более «варварского» и политически дробного он оказался в плену у тогдашнего восприятия античных авторов, а его противопоставление Скифии и Сарматии находит отклик у ряда современных ученых и широкой общественности. Академику принадлежит идея об активной «иранизации» (сарматизации) греческих полисов Боспора и Ольвии, породившая полемику, которая продолжается и сегодня. Его наблюдения о бытовом влиянии сарматов, об их частичном оседании на Боспоре, об их роли в политике правящих там династий и отдельных государей находят все новые подтверждения. Он также смог увидеть дальние центральноазиатские корни и в бирюзово-золотом стиле среднесарматского искусства. Как и в случае со Скифией, М.И. Ростовцев склонен был модернизировать развитие сарматов и видел в их обществах серию

государственных образований, растянувшихся от Западной Сибири[403]. Особое внимание к Геродоту сочеталось в его творчестве с явной недооценкой описаний сарматов у греко-римских и закавказских авторов.

Г.В. Вернадский, сын известного русского ученого и советского академика, во многом развил идеи М.И. Ростовцева о роли «иранства» как своеобразного моста между античным миром и Ираном и как одной из основ ранней культуры славянства, и своего отца, В.И. Вернадского, о соотношении общества и природы. Он смог создать в эмиграции вполне основательную концепцию ранней истории России, став основным автором задуманной многотомной истории нашей страны и используя при этом наработки советских коллег. Важным его достижением можно считать рассмотрение русской истории на широком евразийском фоне и в роли своеобразного связующего звена, вполне соответствуя разрабатываемой концепции евразийства. Г.В. Вернадский видел своеобразие Руси во многом во взаимодействии ее со Степью и, конечно, с византийской традицией. Его волновал процесс культурного синтеза и отчасти смешения иранцев Степи (киммерийцев, скифов, сарматов-роксоланов и аланов) с народами Лесостепи и юга лесной зоны. Во влиятельных кочевниках он видел лишь правящую верхушку, господствовавшую долгое время, в том числе, над славянами. Именно в южнорусских степях Г.В. Вернадский предполагал зарождение традиций славянской государственности, что обуславливает его увлеченность историей аланов и отчасти – их потомков (осетин). В аланах он видел связь Степи с миром оседлых «варварских» народов. Яркими проявлениями этой связи ученый считал расселение и роль аланов в Западной Европе V в. н.э., заселение ими горных ущелий Кавказа, браки с русскими князьями. Г.В. Вернадского интересовали аланские топонимы и этнонимы в Юго-Восточной Европе, пути появления иранских мотивов в древнерусском искусстве, отражение древних традиций в алано-осетинском эпосе и алано-осетинская культурная преемственность. Эти направления сохраняют актуальность и в современной науке.

[403] О реальной государственности северокавказской Алании М.И. Ростовцев еще не мог знать.

Особыми характеристиками отличается научное творчество по сармато-алано-осетинской тематике представителей научной эмиграции второй волны, оказавшихся в Западной Европе в начале 1980-х годов, среди которых выделяются археолог М.М. Казанский и лингвист А.М. Лубоцкий. Эти ученые используют материалы, не всегда доступные их российским коллегам[404]. И хотя история не является их основной специализацией, тем не менее, при обобщении больших массивов разнородного материала М.М. Казанский и А.М. Лубоцкий не смогли не учитывать и не принимать во внимание выводы исторического характера. Интересы обоих исследователей сформировались в рамках советской научной традиции и в немалой мере – в ходе постоянных контактов с учеными-бывшими соотечественниками. Их внимание к аланской тематике отчасти было связано с интересом европейских гуманитариев к аланскому вкладу в раннесредневековую историю Европы. Так, несмотря на кратковременность пребывания сарматов и аланов во Франции, Англии, Италии и Испании, М.М. Казанский стремится, следуя за авторами начала Средневековья, выявить следы аланов в этих странах по серии ярких этномаркеров. Для этого, он, в том числе, пытается рассмотреть памятники аланов Восточной Европы перед самым вторжением гуннов и под их последующей властью. Для А.М. Лубоцкого алано-осетинская проблематика – часть сравнительного изучения лингвистических материалов индоевропейских этносов и комментариев к древнеиранским текстам. В последнем случае он подчеркивает вклад кочевых иранцев Степи и значение их наследия для корректных этимологий. Особое его внимание привлекли аланские тексты в византийских рукописях.

В связи со значимостью проблемы алано-осетинской преемственности и стабильным интересом на Кавказе, в России и за рубежом к традиционной

[404] При этом, порой зарубежные коллеги в силу разных причин не всегда имеют доступ к неопубликованным материалам и зачастую редким региональным исследованиям. К примеру, издание «Известия ЮОНИИ», которое является печатным органом Юго-Осетинского НИИ, имеющим давнюю историю, содержит немало материалов исследований ведущих осетинских ученых разных поколений, востребованность которых среди коллег за пределами Южной Осетии является высокой. Материалы эти до сих пор не оцифрованы и не выложены в сеть.

культуре осетин и их предков (архаичному нартовскому эпосу, античной и раннесредневековой истории аланов, традиционной религии осетин) немаловажна научная и просветительская деятельность русскоязычных осетин-эмигрантов двух поколений. Среди представителей первого поколения эмигрантов начала XX в. особое значение играли главный редактор ряда журналов, связанных с историей Осетии и соорганизатор Института осетиноведения в Париже поэт и в прошлом капитан Дикой дивизии Дз. Дзанти, а также увлекавшийся историей ученый-самоучка Дз. Зураев. Отсутствие специальной исторической и лингвистической подготовки привело их во многих случаях к преувеличению роли аланов в истории как Юго-Восточной, так и Западной Европы, а также к серии «народных» этимологий. Однако они смогли привлечь к данной проблематике известных специалистов и сыграть немалую роль в ее популяризации за рубежом, опубликовать ряд новых материалов. Идеально вписался в контекст мировой науки сравнительно недавний молодой эмигрант, искусствовед и мифолог Б. Мысыккаты, трактующий сложные архаические мотивы алано-осетинского нартовского эпоса в контексте индоевропеистики. Помимо прочего, его интересуют исторические корни сюжетов эпоса и собственно ранняя аланская история.

Рассмотренные в диссертации скифо-сармато-алано-осетинские сюжеты в эмигрантской историографии и отчасти – в современных сарматологии и алановедении имеют, как уже отмечалось, не только сугубо академическое значение. В различных группах российских общественных деятелей и интеллектуалов разных народов страны уже давно идет борьба за скифское и аланское «арийское наследие», и она, к сожалению, приносит не только символические потери, но и в ряде случаев обостряет межнациональные отношения. Эта тематика широко используется для различных политических и этнических локальных псевдо-историй и мифов, для этнической мобилизации, особенно на Северном Кавказе, где в ряде автономий она входит даже в локальную «официальную» идеологию.

В диссертации представлена целостная картина становления и этапов развития научных направлений, связанных с проблематикой древних иранцев Юго-Восточной Европы в трудах представителей российского зарубежья начала XX – начала XXI в., с учетом тенденций в двух основных поколениях Их проблемы и достижения сопоставляются с работами по аналогичной тематике современных российских ученых.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

БРЭ – Большая российская энциклопедия.

БСЭ – Большая советская энциклопедия.

ВДИ – Вестник древней истории.

ВИ – Вопросы истории.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ИАК – Известия Имп. Археологической комиссии.

ИЭСОЯ – Историко-этимологический словарь осетинского языка.

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.

КЭС – Кавказский этнографический сборник.

МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья.

МАР – Материалы по археологии России.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник.

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.

ОЯФ – Осетинский язык и фальклор.

ППКОО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

СИЭ – Советская историческая энциклопедия.

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.

СОНИИ – Севео-Осетинский научно-исследовательский институт.

СЭ – Советская этнография.

Список источников и литературы

Источники

Архивные материалы

1. Венецианская хроника Мартина Канале с основания города до 1275 года / Пер. Е.С. Зевакина // Архив СОНИИ ИФЭ. Фонд 4. Д. № 2.

2. Вернадский Г.В. Очерк об эпической поэзии осетин // Журнал “Oss-Alanes”. НА СОИГСИ. Литература. Фонд 41. Оп. 1. Д. 23а. С. 1-36 (отд. оттиск).

3. Письма Г.В. Вернадского к В.И. Вернадскому и Н.Е. Вернадской (родителям) // Архив РАН. Фонд 518. Оп. 3. Д. 322.

Рукописи диссертаций

4. Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху. Дисс… докт. ист. наук. СПб., 2002. 189 с.

5. Гаврилюк Н.А. Степная Скифия VI-IV вв. до н.э.: эколого-экономический аспект. Дисс… док. ист. наук. Киев, 1999. 579 с.

6. Галкина Е.С. Русский каганат и салтово-маяцкая культура. Дисс… канд. ист. наук. М., Московский педагогический государственный университет. 2001. 266 с.

7. Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дисс…. канд. ист. наук. М., Институт археологии АН. РАН. 1974. 17 с.

8. Соничева Н.Е. Становление и развитие исторической концепции Г.В. Вернадского. Дисс… канд. ист. наук. Гос. Академия сферы быта и услуг. М., 1994. 250 с.

Публикации источников

9. Авеста «Закон против дэвов» (Видеват). СПб.: Изд-во СПбПУ, 2008. 301 с.

10. Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров // ВДИ. 1964. № 1. С. 230–252.

11. Аммиан Марцеллин. Римская история / Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. СПб.: Алетейя, 2000. 631 с.

12. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 221 с.

13. Alani sive Aas. Аланы-осетины в исторической науке. Владикавказ: Ир., 2019. 327 с.

14. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

15. Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эльбрус, 1990. 307 с.

16. Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегр. М.Е. Сергеенко. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 394 с.

17. Асратян Д.К. Бесценная находка: рукопись БАН Q12 как источник сведений по истории и культуре средневековых алан // Этносоциальное развитие народов Кавказа в XIX-XX вв. Сборник статей, посвященных 105-летию Б.А. Калоева. Владикавказ: Ир, 2021. С. 168-186.

18. Барбаро И. Путешествие в Тану. СПб: Тип. III Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. 603 с.

19. Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, 1971. 275 с.

20. Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 592 с.

21. Бехистунская надпись Дария I, столбец V / Пер. с древнеперс. В.И. Абаева // Литература Древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты) / Сост. Алиханова М.Ю., Никитина В.Б., Померанцева Л.Е. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 41-44.

22. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 471 с.

23. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1992. 240 с.

24. Блок А.А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 6. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. 479 с.

25. Вернадский Г.В. Никодим Павлович Кондаков // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызылова. М.: Индрик, 2002. С. 258-323.

26. Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с греч. С. Дестуниса. М: Директ-Медиа, 2008. 694 с.

27. Галонифонтибус, Иоанн. Сведения о народах Кавказа, 1404 г.: из сочинения «Книга познания мира». Баку: Элм, 1980. 25 с.

28. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

29. Геродот. История в девяти книгах. М.: Ладомир, 1993. 576 с.

30. Гомер. Одиссея: поэма в 24 песнях / Пер. П.А. Шуйского. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1948. 424 с.

31. Григора Никифор. История ромеев. Т. 1 / Пер. с греч. Р.В. Яшунского. СПб.: Своё издательство, 2013. 438 с.

32. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В.Д. Сануковой. М.: Наука, 1987. 474 с.

33. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 149 с.

34. Дзанти Д. Изгнанник Кавказа / Предисл. Автора «Легенда о Кавказе». Париж: Imp. “Pascal”, 1931. 75 с.

35. Доватур А.И. Каллистов Д.П. Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.

36. Жития царя царей Давида // Символ. 1998. № 40. С. 314-318.

37. «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России». Письма В.И. Вернадского детям // Природа 2004. № 1. С. 64-80.

38. Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки IV века / Пер. с латин. В.С. Соколова. М.: РОССПЭН. 1997. С. 230-252.

39. Иордан. Гетика. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 436 с.

40. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Гетика) / Пер. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2013. 506 с.

41. История ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В.И. Беляева. Ташкент: Фан, 1987. 444 с.

42. Карпини Плано. История монголов / Пер. А.И. Малеина. М.: Географгиз, 1957. 460 с.

43. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 105-179.

44. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том первый. Анналы. Малые произведения. Том второй. История / Коллектив авторов, пер. СПб.:Наука, 1993. 736 с.

45. Корпус боспорских надписей. Т. 1-2 / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 1316 с.

46. Культурное единство Азии. Переписка Г.В. Вернадского и Ю.Н. Рериха (1947 – 1958) Вступительная статья О.А. Лавреновой // Культура и время. 2012. № 2 (44). С. 58-83.

47. Латышев В. В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Том I-II. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1890-1906.

48. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2. С. 249-332.

49. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 3. С. 205-308.

50. Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. М., Наука. 1979. 104 с.

51. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. (Полное собрание русских летописей. Т. VIII). СПб.: Тип. Э. Праца, 1897. 254 с.

52. Летопись Картли. Тбилиси: Мецниереба. 1982. 112 с.

53. Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших (1773) // ЦГАДА. Ф. 199. № 47. Д. 3. 132 с.

54. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.: Наука, 1989. 492 с.

55. Нарты. Эпос осетинского народа // Издание подг. В.И.Абаев, Н.Г. Джуссоев, Р.А. Ивнев и Б.А. Калоев. М.: Издательство АН СССР, 1957. 401 с.

56. Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку: Язычи, 1983. 458 с.

57. Низами Гянджеви. Искандер-наме. М., Художественная литература 1986. 142 с.

58. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Том I (1118-1185) / Пер. под ред. В.И. Долоцкого. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1860. 446 с.

59. Памятники народного творчества осетин. Вып. II / Б.р. Владикавказ: Остинский НИИ краеведения, 1927. 158 с.

60. Памятники аланского письма и языка / Под ред. Ю.А. Дзиццойты. М.: Наука, 2016. 192 с.

61. Перевалов С.М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНЦ РАН. 2011. Т. II. № 1. С. 2-10.

62. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. I. / Сост. Чибиров Л.А. Владикавказ, Проект-Пресс, 2014. 840 с.

63. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Отв. ред. акад. Е.А. Косминский. М.: Изд-во АН СССР. 1950. 515 с.

64. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с Вандалами. Тайная история // Отв. ред. Г.Г. Литвинский. М.: Наука. 1993. 572 с.

65. Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи. Пятигорск: Соцпечать, 2003. 182 с.

66. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. с нем. Ф.К. Брун. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1867. 164 с.

67. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

68. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. / Пер. О.И. Смирновой. М.-Л., 1952. 315 с.

69. Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

70. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов. Т.2 / Сост. М. Блиев. Орджоникидзе: Ир, 1984. 457 с.

71. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Т. II. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

72. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане: VIII. Мас'уди. Пер. Н.А. Караулова (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 38). Тифлис: Б.и., 1908. 662 с.

73. Сведения византийских писателей о Грузии / Под ред. А.М. Гамкрелидзе. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1952. 373 с.

74. Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях. М.: РОССПЭН, 1997. 417 с.

75. Сенека. Трагедии. М.: Наука, 1983. 432 с.

76. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. 591 с.

77. Сказания о нартах / Пер. Ю. Либединского. 4-е изд. Цхинвали: Ирыстон, 1981. 400 с.

78. Страбон, География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского // М.: Наука, 1964. 941 с.

79. Страбон. География в 17 книгах. 2-е изд. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 940 с.

80. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: на иждив. С.Г. Строганова, 1884. 563 с.

81. (Helmut) Vaeθā Naslc: an apocryphal text on Zoroastrian problems / Humbach H. and Jamaspasa K.M. / Ed. and tr. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969. 75 p.

Справочные издания

82. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 657 с.

83. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1979. 657 с.

84. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. U-Z. Л.: Наука, 1989. 326 с.

85. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира / Отв. ред. С.А. Токарев. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110-111.

86. БРЭ. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. 766 с.

87. БСЭ, Т.27. 2-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1954. 661 с.

88. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Кутаисское генерал-губернаторство. Т. XVI. Часть 5. СПб.: Тип. Генерального Штаба, 1858. 334 с.

89. Севротян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

90. СИЭ, Т.II. М.: Советская энциклопедия, 1962. 517 с.

91. СИЭ, Т.VII. М.: Советская энциклопедия, 1965. 520 с.

92. СИЭ, Т.XII, М.: Советская энциклопедия, 1969. 496 с.

93. СИЭ, Т.XIII. М.: Советская энциклопедия, 1971. 530 с.

94. СИЭ, Т.XIV. М.: Советская энциклопедия, 1973. 524 с.

95. СИЭ, Т.XV. М.: Советская энциклопедия, 1974. 510 с.

96. СИЭ, Т.XVI. М.: Советская энциклопедия, 1976. 509 с.

97. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. Т. V. М.: Наука, 1990. 213 с.

98. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. М.: Восточная литература, 2015. 566 с.

Периодика

99. Новое русское слово / Novoe russkoe slovo. New York, 1958. 12 июля. № 16450.

100. Осетия (Ossétie). Журнал Комитета Осетиноведения при Европейском Центре музея академика Н.К. Рериха. 1933. №№1-7.

101.

Литература

102. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 608 с.

103. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке востока и запада. М.: Наука, 1965. 168 с.

104. Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа / Под ред. Б.А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 9-22.

105. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир / Отв. ред. В.И. Кузищин. М.: МГУ, 1972. С. 26-37.

106. Абаев В.И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ: Ир, 1990. 638 с.

107. Абаев В.И. Избранные труды. Т.II. Владикавказ: Ир, 1995. 724 с.

108. Абаев В.И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // В.И. Абаев. Избранные труды в 4-х томах. Т.1. Религия, фольклор, литература. 2-е изд. Владикавказ: Ир, 2020. С. 311-320.

109. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // В.И. Абаев. Избранные труды в 4-х томах. Т.4. Статьи и выступления. Владикавказ: Ир, 2020. С. 293-389.

110. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // М.: Б.и., 1993. 240 с.

111. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III –V вв. М.,1997. 165 с.

112. Абрашкин А.А. Да – скифы мы! «Откуда есть пошла Русская Земля». М.: Эксмо, 2014. 288 с.

113. Айбабин А.И. Гунны в равнинном Крыму // НАВ. 2019. Т. 18 (2). С. 47-61.

114. Айларова С.А. О жизни и творчестве первого осетинского историка Александра Кодзаева // Известия СОИГСИ. 2019. № 21. С. 5-20.

115. Айларова С.А. Отечественное алановедение в постсоветский период // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 22. С. 5-17.

116. Акимова Л.И., [Кифишин А.Г.]. Греко-нартовские параллели: «Троянская война» // Nartamongæ. 2020. Vol. XV. №1-2. С. 88-130.

117. Аксенов Г.П. Вернадский. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2001. 544 с.

118. Аланы и Кавказ / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 252 с.

119. Алексеев А.Ю. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. С. 85-86.

120. Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2003. 416 с.

121. Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 272 с.

122. Алипов Л.А. Ростовцев М.И. – историк Древнего Рима: Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2010. 27 с.

123. Андреев Н.Е. *Рец.* [Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven: Yale University press.1953] // Новый журнал. 1975. С. 304-307.

124. Андреев Ю.В. Греки и варвары Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. № 1. С. 3-17.

125. Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начала I в. до н.э. Запорожье: ЗГУ, 1995. 208 с.

126. Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. 1965. Т. 2. С. 3-15.

127. Анохин В.А. Монеты Атея // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 20-41.

128. Артамонов С. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3. С. 68-82.

129. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1961. № 2. С. 57-87.

130. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 200 с.

131. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. М.: Ломоносов, 2020. 200 с.

132. Аюдайн Очир. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнический состав монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.

133. Бабич И.Л. Северокавказские эмигранты во Франции: очерки по истории и современности. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. 288 с.

134. Багаев А.Б. Верховая лошадь в этнокультуре осетин. Владикавказ: СОИГСИ, 2015. 167 с.

135. Багалей Д.И. Русская история с картами, планами и снимками памятников древности и искусства. Т. I. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. 513 с.

136. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев: Наукова думка,1990. 165 с.

137. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 328 с.

138. Бастьен Д. О новой книге Жоэля Грисвара «Меч, брошенный в море, романы круглого стола и легенды о нартах» // Nartamongæ. 2023. Т. XVIII. С. 15-17.

139. Бахрах Б. Аланы на Западе (От первого упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). М.: Ард, 1993. 191 с.

140. Бахтиаров А. Осколки исчезнувших алан // Туркменоведение. 1930. № 8-9. С. 39-40.

141. Бекоев В.И. Отражение истории средневековой Алании в песне «Задалесская нана» // Культурная жизнь юга России. 2009. № 1 (30). С. 83-85.

142. Березин Я.С., Каминский В.Н., Малашев В.Ю. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.: Таус, 2012. 208 с.

143. Березкин Ю.Е. Возраст мотива и способы его определения // Фольклор. 2019. Т. 2. № 1. С. 17-45.

144. Березовец Д.Т. Об имени носителей салтовской культуры // Исторический формат. 2018. №№ 3-4. С. 193-245.

145. Бернштам А.Н. Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ. 1947. № 2. С. 134-138.

146. Бернштам А.Н. Очерк Истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 257 с.

147. Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 137 с.

148. Бзаев К.К. Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ: Ир, 1995. 112 с.

149. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. - III в. до н.э.) // СА. 1964. № 4. С. 25-35.

150. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород: Изд-во БГУ, 1996. 158 с.

151. Болховитинов Н.Н. Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского /1887 – 1973/ и его архив. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002. 64 с.

152. Болховитинов Н.Н. Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЕН, 2005. 142 с.

153. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. 208 с.

154. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.: ИВ РАН, 2005. 315 с.

155. Бороздин И.Н. Ученые заслуги М.И. Ростовцева // Отчет о 3-м присуждении медали им. гр. А.С. Уварова. Записки Имп. АН. Серия 8. № 3 (Отд. оттиск). М.: Имп. АН, 1915. 16 с.

156. Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир,1993. 600 с.

157. Браунд Д. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. № 4. С. 168-173.

158. Брун Ф.К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. В двух томах. Одесса: ЗООИД, 1879–1880. – 704 с.

159. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. 224 с.

160. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина, 2004. 324 с.

161. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука, 1990. 232 с.

162. Буданова В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М.: ИВИ РАН, 1991. 286 с.

163. Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX вв. Ч. 1-3 / Сост. и комм. И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. 832 с.

164. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов. М.: Наука, 1986. 248 с.

165. Бутягин А.М. Стратегии греко-варварских взаимоотношений в основных античных центрах Северного Причерноморья: причины формирования // Археологические вести. 2022. № 35. С. 245-251.

166. Вагнер Е.В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия. 4: История. 2012. № 1 (21). С. 168-176.

167. Вайнштейн О. Этническая основа так называемого государства Одоакра и Теодориха // Историк-марксист. 1938. Кн. 6. С. 134–158.

168. Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 292 с.

169. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвал: Ирыстон, 1989. 419 с.

170. Вдовченков Е.В. Социокультурная реконструкция сарматского общества. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. 290 с.

171. Вдовченков Е.В. Социальная история кочевого населения Нижнего Подонья сарматской эпохи (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Автореф. дисс… докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2023. 50 с.

172. Великая княгиня Владимирская Мария Ясыня / Отв. ред. З.К. Кусаева. М., Владикавказ: ИРИ РАН, СОИГСИ, 2019. 365 с.

173. Величко Н.Н. Юрий Рерих – основатель номадистики // Роль науки и культуры в духовном развитии России. Материалы межрегиональной общественно-научной конференции 7–8 апреля 2012 года / Б. ред. Кемерово: Рериховское общество «Майтри», 2014. С. 68-74.

174. Вернадский Г.В. О историческом единстве русских церквей // Христианский живот. 1926. Вып. 7-9. С. 281-289.

175. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 264 с.

176. Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев: к 60-летию его // Seminarium Kondakovianum. 1931. Т. 4. С. 239-252.

177. Вернадский Г.В. Русская история / Пер. А.Х. Бекузарова // Кавказ и аланы / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. С. 215-232.

178. Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // ВИ. 1994. №7. С. 155-174

179. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. М.: ЛЕАН, 1996. 447 с.

180. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 2-е. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. 576 с.

181. Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь–Москва: ЛЕАН АГРАФ, 2000а. 512 с.

182. Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь–Москва: ЛЕАН АГРАФ, 2000б. 480 с.

183. Вернадский Г.В. Русская история. Учебное пособие. М.: Аграф, 2001. 544 с.

184. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Москва–Тверь: ЛЕАН АГРАФ, 2004. 480 с.

185. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. 333 с.

186. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Олма Медиа Групп, 2012. 275 с.

187. Вернадский Г.В. Древняя Русь. М.: Издательство Ломоносовъ, 2020. – 304 с.

188. Вертієнко Г.В. Іконографія скіфської есхатології. Київ: Вид. Олег Філюк, 2015. 224 с.

189. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный: ЧИ НИИ, 1963. 221 с.

190. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Западный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1972. 389 с.

191. Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145-155.

192. Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 101-115.

193. Виноградов Ю.А. Юз-Оба – некрополь боспорской знати // Российский археологический ежегодник. 2016. №№ 5-6. С. 79-99.

194. Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский и Великая степь. СПб.: Евразия, 2023. 319 с.

195. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса. VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 285 с.

196. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 151-170.

197. Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 50-59.

198. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 236 с.

199. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. Наука, 1992. 121 с.

200. Вольфрам Хельвиг. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). М.: ИД «Ювента», 2003. 656 с.

201. Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 174-181.

202. Всемирная история. Т.II. / Отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 900 с.

203. Габуев Т.А. Ранняя история алан. По данным письменных источников. Владикавказ, 1999. 148 с.

204. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: ИПП им. В. Гасиева, 2014. 184 с.

205. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.

206. Гаврилюк Н.А. История экономики степной Скифии VI-III в. до н.э. Киев: Наукова думка, 1999. 425 с.

207. Гаврилюк Н.А. Каменское городище – городище, торжище или конгломерат разновременных поселков? // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2 / Под ред. М.Ю. Вахтиной. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 248-255.

208. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

209. Гавритухин И.О. Происхождение славян – две разные проблемы // Русский обозреватель. 2008. 11.11.

210. Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтовое 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // Stratum plus. 2020. № 4. С. 235-248.

211. Гаглойти Ю.С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // Известия ЮОНИИ. 1964. Вып. VII. С. 21-46

212. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба. 1966. 254 с.

213. Гаглойти Ю.С. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // Аланы: история и культура / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 44-57.

214. Гаглойти Ю.С. Новый труд по истории алан (А. Алемань, Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.) // Nartamongæ. 2007. Vol. IV. С. 271-289.

215. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т. I. Цхинвал: Ирыстон, 2010. 814 с.

216. Гаглойти Ю.С. 80 лет. Цхинвал: Республика, 2014. 146 с.

217. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. 154 с.

218. Гаджиев М.С. Страбон о караванной торговле аорсов // «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути: Материалы международной конференции (Баку, 28–-9 ноября 2008 г.). Самарканд, Ташкент: Б.и., 2009. С. 27-32.

219. Гакстгаузен А. Закавказский край. Ч. II. СПб: Экспедиция загтовления гос. бумаг, 1857. 504 с.

220. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 623 с.

221. Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. Вып. I. М.; Л., 1955. С. 23-147.

222. Гайдукевич В.Ф. Капош С.М. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1957. № 3. С. 162-187.

223. Гальперин Чарльз. Русь и Степь: Георгий Вернадский и евразийство. Воронеж: Научная книга, 2018. 373 с.

224. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1409 с.

225. Гаспаров М.А. Очерки истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.

226. Герасимова М.М. Краниологические особенности средневекового населения Куртатинского ущелья: к вопросу об этнической истории Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. С. 409-427.

227. Гершевич И.А. Отмечая 90-летие со дня рождения сэра Гарольда Бейли // ВДИ. 1990. № 4 (195). С. 208-216.

228. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. Геродотовы Невры. М.: Центрполиграф, 2014. 219 с.

229. Голубев В.В. Статьи о Востоке и об искусстве (Ариаварта. 1997. № 1). 336 с.

230. Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 7-36.

231. Готье Ю.В. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. I. Симферополь, 1927. 207 с.

232. Граков Б.Н. ГҮNAIKOKPATOҮMENOI (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 101-121.

233. Граков Б.Н. Скифы. Киев: Изд-во АН УССР, 1947. 96 с.

234. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // Изд-во АН СССР, М.,1954. 240 с.

235. Граков Б.Н. Скифы. Изд-во МГУ, 1971. 169 с.

236. Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 22 с. (отд. оттиск).

237. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970. 394 с.

238. Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский Временник. 2012. Т. 71 (96). С. 27-39.

239. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифское время // Отв. ред. К.К. Марченко. СПб.: Алтейя. 2005. 464 с.

240. Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 508 с.

241. Григорьев В.В. О саках. Историческая монография, написанная к двадцати-пятилетнему юбилею Имп. Русского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1871. 203 с.

242. Грисвар Ж. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура, Владикавказ, 2003. С. 6-81.

243. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Отв. ред. А. П. Окладников. М-Л.: Изд. АН СССР, 1956. – 160 с.

244. Губарев Г.В. Книга о казаках. Материалы по истории казачьей древности. М.: Директ Медиа. 2021. 300 с.

245. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение Великого царства. М.: Алетейя. 2005. 400 с.: илл.

246. Гуляев В.И. Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (старые проблемы – новые решения). 2-е изд. М.: ИА РАН. 2019. 656 с.

247. Гумилёв Л.Н. Черная легенда: Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Экопрос. 1994. 621 с.

248. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2018. 736 с.

249. Гумилёв Л.Н. Ю.Н. Рерих как историк Центральной Азии // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2005. 719 с.

250. Гуриев Т.А. К вопросу о происхождении и значении термина «хатиагау» в осетинском языке // Ученые записки СОГПИ. 1966. Т. XXVII. С. 42-64.

251. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, Ир. 2001. 62 с.

252. Гутнов Ф.Х. Тяжело быть аланом? // Дарьял (онлайн). 2007. № 1. Б. с.

253. Гутнов Ф.Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ: СОИГСИ, 2011. 208 с.

254. Гутнов Ф.Х. Скифы и аланы. Владикавказ: Проект-пресс. 2014. 319 с.

255. Гутнов Ф.Х. Аланы в эпоху великого переселения народов // Дарьял. 2018. № 1. С. 216-239.

256. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб: Имп. Академия наук, 1803. 394 с.

257. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.

258. Даньшин В.И. Городская община Ταναεῖται в Танаисе // Проблемы исследований античных городов материалов конфернции / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: ИА РАН, 1989. С. 38–40. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1803

259. Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествие в мире людей, идей и событий. СПб.: Ервазия. 2017. 724 с.

260. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия, 2017. 559с.

261. Дворниченко А.Ю. Новые приключения историка Г.В. Вернадского // Вестник СПбГУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 795-812.

262. Десятчиков Ю.М. Гунны и аланы-танаиты // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1987. С. 28-29.

263. Дзанти Дз. Осетинский язык – праотец языка индоевропейских народов // Осетия. 1933. № 1-6. Б.с.

264. Дзаттиаты Р.Г. Погребальный обряд и погребальные сооружения на Центральном Кавказе в Средневековье // Известия ЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII. С. 44-67.

265. Дзиццойты Ю.А. Кавказская Скифия // Известия ЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII. С. 190-228.

266. Дзиццойты Ю.А. Семь богов и семь миров в осетинской мифологии // Вопросы осетинской мифологии. 2017. Т. 1. С. 334-354.

267. Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Беслановский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Некоторые итоги исследований 1988–2014 гг. Владикавказ: Проект--Пресс, 2015. 112 с.

268. Диснер. Г.И. Королевство вандалов. Взлет и падение. СПб.: Евразия, 2002. 85 с.

269. Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота в V в. до н.э. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 201 с.

270. Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 года графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Г. фон Штерном. Пг.: Тип. Главного управления уделов, 1914. 120 с.

271. Дорошко В.В., Ушаков С.В. О времени и обстоятельства гибели Крымской Скифии: аланы, 224 г. (?) // МАИАСП. 2012. № 4. С. 9-12.

272. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.

273. **(Дьяконов)** Древний Восток. Книга для чтения / Под ред. И.М. Дьяконова. М.: Учпедгиз, 1951. 240 с.

274. Дьяконов И.М. История Мидии. Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 488 с.

275. Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.) / Под ред. М.С. Асимова. М.: Наука, 1981. С. 90-100.

276. Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // Nartamongæ. 2012. Т. IX. №№ 1- 2. С. 340-355.

277. Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы в Древнем Востоке // РА. 1994. №1. С. 108-116.

278. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука», 1976. 278 с.

279. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 232 с.

280. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. Наука, М.: Наука, 1985. 245 с.

281. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение, 1977. 256 с.

282. Еременко В.Е., Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и проблема кельтско-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. С. 110-112.

283. Ефанов Ю.П. Кобяковский грунтовый могильник и вопрос о его этнической принадлежности // Античная история и культура Северного Причерноморья / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: Наука, 1968. С. 135–144.

284. Жебелев С.А. Первый Международный археологический конгресс в Афинах // // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Ч. 360. Июль 1905. С. 1-27.

285. Жебелев С.А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ. 1938. С. 149-163.

286. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.

287. Забелин И.Е. Древности Геродотовой Скифии. Вып. II. СПб.: ИАК, 1872. 244 с.

288. Забелин И.Е. Скифия и Сарматия. М.: Вече, 2015. 352 с.

289. Завадська І.А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (За культовими пам’ятками): Автореферат дисс… канд. істор. наук. Київ, 2000. 20 с.

290. Завойкина Н.В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III вв. н.э.: по материалам эпиграфики. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2006. 19 с.

291. Зайцев Ю.П. Скирул и его царство // ВДИ. 199. № 2. С. 127-148.

292. Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.

293. Зайцев Ю.П. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер / Отв. ред. Д.В. Журавлев. М.: Ун-т Д. Пожарского, 2015. С. 164-173.

294. Зайцев Ю.П. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Колл. монография. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 121-132.

295. Зайцев Ю.П. Крепость Ак-Кая/Вишенное в контексте позднескифской культуры Крыма // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э.- VII в. н.э.). Коллективная монография / под редакцией Иванчика А.И. и Мордвинцевой В.И. М., Симферополь: ИП Зуева Т.В. 2017. С. 166-182.

296. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1969. Вып. 6. С. 20-45.

297. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

298. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и неизвестные главы книги «Скифия и Боспор // ВДИ. 1989а. № 1. С. 208-210.

299. Зуев В.Ю. Академик М.И. Ростовцев и Геродот (анализ критики литературного источника) // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989б. С. 23-26.

300. Зуев В.Ю. О первом сборнике работ академика М.И. Ростовцева // ΣΚΥΘΙΚΑ Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб.: Фарн, 1993. С. 5-8.

301. Зуев. В.Ю. К вопросу о «савроматской» культуре. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. 42 с.

302. Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблемы хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дисс… канд. ист. наук. СПб., 1998. 32 с.

303. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 50-83.

304. Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию исследования по истории Скифии и Боспорского царства) // ВДИ. 1990. № 4. С. 148-153.

305. Зуев В.Ю. Сарматская концепция М.И. Ростовцева и Прохоровские курганы // Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., РОССПЭН, 2003. С. 580-604.

306. Зуев В.Ю. О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: історія, політологія. 2013. Вип. 7-8. С. 51-63.

307. Зураев Дз.А. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа. Владикавказ: Изд-во «Терские ведомости», 2014. 248 с.

308. Иванов А. История монголов (Юань-ши) об асах–аланах // Христианский восток. 1914. Т. II. Вып. III. С. 281-300.

309. Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М.: Наука, 1996. 324 с.

310. Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. № 2. С. 77-97.

311. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: «Палеограф». 2001. 324 с.

312. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин: Палограф, 2005. 312 с.

313. Иванчик А.И. К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2009. № 2. С. 62-88.

314. Иванчик А.И. Крымская Скифия III-II вв. до н.э. и ее отношения с греческими государствами Северного Причерноморья // Крымская Скифия в

системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э.- VII в. н.э.): коллективная монография / под редакцией Иванчика А.И. и Мордвинцевой В.И. М., Симферополь: ИП Зуева Т.В. 2017, 440 с. С. 34-55.

315. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М.: Тип. Грачева и Ко, 1876. 466 с.

316. Ильинская В.А. Изображения скифов времени преднеазиатских походов // Древности степной Скифии / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 38-47.

317. Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.: Наукова думка, 1983. 380 с.

318. Историогеографические записки о странах между морями Черным и Каспийским. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 121 с.

319. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1 / Гл. ред. Г.Х. Берикетов. М.: КБ НИИ, 1967. 439 с.

320. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства Ч. I-II / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

321. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. III-IV. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

322. История Северо-Осетинской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 336 с.

323. История Северо-Осетинской АССР в двух томах / Отв. ред. А.П. Новосельцев. Т. I. Орджоникидзе: Ир, 1987.

324. История Осетии с древнейших времен по конец XVIII века» / В.Л. Ростунов и др. Т. I. Владикавказ: СОИГСИ, 2019. 498 с.

325. История Древнего Востока. Кн. 2. М.: Наука, 2004. 568 с.

326. Иессен А.А. Из истории древней металлургии Кавказа. М.: ОГИЗ, 1935. 420 с.

327. Кавказ и цивилизации Древнего Востока: материалы всесоюзной научной конференции / Под ред. И.М. Дьяконова, Л.А. Чипирова и др. Орджоникидзе: Ир, 1989. 116 с.

328. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии в XIII–XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990. 160 с.

329. Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238-256.

330. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: Свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. № 4. С. 119-130.

331. Казанский М.М.,Мастыкова А.В. Центры власти и торговые пути в западной Алании в I-V вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред. М.П. Абрамова. М.: ИА РАН, 2001. С. 138-161.

332. Казанский М.М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиум. // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю.Н. Воронова). Сборник материалов Международной научной конференции / Б.р. Сухум: АбИГИ, 2011. С. 146-152.

333. Казанский М.М. Аланы на западе в эпоху переселения народов: археологические данные // Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ, 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013. 344 с.

334. Казарницкий А.А., Строков А.А. К вопросу об аланах в Крыму в эпоху Великого переселения народов // МАИАСП. 2022. № 14. С. 155-174.

335. Каллистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Исторические записки 1945. Т. XVI. С. 182-197

336. Калоев Б.А. Осетины, М.: Наука, 1971. 360 с.

337. Калоев Б.А. Осетины. 3-е изд. М., Наука, 2004. 227 с.

338. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 402 с.

339. Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев: биографический очерк // Этносоциальное развитие народов Кавказа в XIX-XX вв. Сборник статей, посвященный 105-летию со дня рождения Б.А. Калоева / Сост., отв. ред. З.Б. Цаллагова. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 118-127.

340. Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Автореф. дисс… доктора исторических наук. 07.00.06. М., 2015. 69 с.

341. Канторович А.Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция). Т. 1-2. М.: Изд-во МГУ, 2022. 431 с.; 359 с.

342. Кардини Ф. Путеводитель по Средневековью. М.: Вече, 2012. 288 с.

343. Киплинг Р. Бремя Белых. Пер. М.А. Фромана // Киплин Р. Избранные стихи. Л.: Художественная литература, 1936. С. 138-147.

344. Кисель В.А. Фигурное литье у степных народов Евразии (технологии-стиль-эпоха) // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 136-142.

345. Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 228-234.

346. Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1978. 120 с.

347. Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52-71.

348. Клейн Л.С. История российской археологии. Т. 1. СПб.: Евразия, 2014. 704 с.

349. Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. Ч. 1. М.: Политиздат, 1956. 427 с.

350. Князький И.О. Бродники // Православная энциклопедия. Т. VI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. С. 128-129.

351. Ковалев А.А. Каменные изваяния Чёрного Иртыша (ещё раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня

рождения проф. М.И. Артамонова. ТД. / Отв. ред. М.П. Пиотровский. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа. 1998. С. 24-29.

352. Ковалевская В.Б. Кавказ и Аланы. М.: Наука, 1984. 192 с.

353. Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. С. 34-85.

354. Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, М, 2005. 398 с.

355. Ковалевская В.Б. Аланы // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН; Под ред. Е.А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 16.

356. Ковалевская В.Б. Генеография и археология Кавказа – культурогенез алан. Владикавказ: Ир, 2022. 107 с.

357. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. В 2 томах. Т. 1. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. 756 с.

358. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 164 с.

359. Кокиев Г.А. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ: Осетинск. науч.-иссл. ин-т краеведения, 1926. 150 с.

360. Кокорина Ю.Г. «Раскопка кургана есть анатомический препарат» (неизвестная инструкция И.Е. Забелина по раскопам причерноморских курганов) // МАИАСП. 2023. № 15. С. 590-603.

361. Коларуссо Дж. Предисловие // Литтлтон К. и Малкор К. От Скифии до Камелота. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. С. 5-12.

362. Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3(29). С. 27-35.

363. Колосовская Ю.К. Паннония в I–III веках. М.: Наука, 1973. 248 с.

364. Колтухов С.Г. Киммерийцы степного и предгорного Крыма. Т. 3. Симферополь: Ариал, 2022. 116 с.

365. Комар А. «Тайны русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // Ruthenica. 2010. Т. IX. (Интернет-версия: http://narod.ru/disk/1366460001/galkina.pdf.html).

366. Констанций Лионский: Житие святого Германа Осерского. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2019. 96 с.

367. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. 1959. Т II, 1959. – С. 18-135.

368. Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-Новослободненская общность: проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

369. Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения Майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.: «Таус», 2008. С. 71-122.

370. Коробов Д.С. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. М., СПб.: Нестор-Истрия, 2019. 156 с.

371. Кочевая альтернатива социальной эволюции // Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН, 2002. 260 с.

372. Кочевые империи Евразии: Особенности исторической динамики // Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2019. 503 с.

373. Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: «Логос». 2002. 312 с.

374. Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2020. 416 с.

375. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.

376. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 243 с.

377. Кузищин В.И. О публикации новых глав труда акад. М.И.Ростовцева // ВДИ. 1989. №1. С. 206-207.

378. Куклина И.В. Этнография Скифии. Л.: Наука, 1985. 205 с.

379. Кулланда С.В. Lingua scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи. Сборник статей / Отв. ред. В.Г. Петренко. М.: ИА РАН, 2006. С. 194-209.

380. Кулланда С.В. Уроки скифского // Journal of Language Relationship. 2011. № 5. P. 48-68.

381. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.

382. Кузищин В.И. О публикации новых глав труда М.И. Ростовцева // ВДИ. 1989. № 1 (188). С. 206-207.

383. Кузнецов В.А., Пудовкин В.К. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» // СА. 1961. № 2. С. 79-95.

384. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 125 с.

385. Кузнецов В.А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 9-22.

386. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М.: Искусство, 1974. 140 с.

387. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1984. 302 с.

388. Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир. 1990. 200 с.

389. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ: Ир, 1992. 390 с.

390. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: СОИГСИ, 1993. 181 с.

391. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. 186 с.

392. Кузнецов В.А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.

393. Кузнецов В.А. Древности Алагирского ущелья. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 176 с.

394. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в Нью-Йорке // Nartamongæ. 2019. Vol. XIV. С.117-134.

395. Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI-III вв. до н.э. Т.1. М.: «Индрик» 2002. 349 с.; Т.2. М.: ТАУС. 425 с.

396. Кузнецова Т.М. Киммерийцы – оседлое население Кавказа и воины-всадники «кобанской археологической культуры» // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX- первой четверти XXI в. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновских чтений» / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2024. С.192-194.

397. Кузищин В.И. О публикации новых глав труда М.И. Ростовцева // ВДИ. 1989. № 1 (188). С. 206-207.

398. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: ВИНИТИ РАН, 1994. 464 с.

399. Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985. 205 с.

400. Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России. 1891. № 6. 30 с. (От. оттиск.)

401. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических византийских писателей. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира 1899. 73 с.

402. Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетейя, 2000. 318 с.

403. Культурология. XX век: Энциклопедия / Сост. С.Я. Левит. Т.1. СПб.: Университет,1998. С. 114-117.

404. Кырымал Э. Рец. на кн.: Зураев П.А. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа (савроматы, скифы, сармато-аланы, анты, яссы и

осетины) // Сообщения института по изучению СССР. 1966. Т. 1. № 9. С. 134-143.

405. Ламанский В.И. Заметки об ясах-аланах // Протоколы XI Археологического съезда / Ред. П.С. Уварова. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 118-121.

406. Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб.: Тип. Ф. Елковского, 1887. 193 с.

407. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.

408. Лебедев Г.С. «Скифский роман» и его герой: М.И. Ростовцев и его место в отечественной исторической науке // Вестник древней истории. 2003. № 2 (245). С. 171-185.

409. Лебединский Я. Три статьи о древнем оружии // Дарьял. 1997. № 4. С. 194-213

410. Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV-V вв. История и наследство. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 224 с.

411. Лебединский Я. Аланы в Галлии: ретроспективный обзор и выводы // Этногенез и этническая история осетин / Отв. ред. В.Б. Тедеев. Цхинвал: ЮОНИИ, 2014. С. 38-49.

412. Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV-III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Наука, 2013. 186 с.

413. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.

414. Литвиненко Ю.Н., Спиченко Н.К. Первое африканское путешествие М.И. Ростовцева // ВДИ. 2002. № 4. С. 156-190.

415. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. (к историко-культурным связям племён южной России и Средней Азии). Душанбе: «Дониш». 1968. 120 с.

416. Литвинский Б.А. Читая «Скифский роман» // ВДИ. 1999. №1. С. 213-215

417. Литтлтон С., Малкор Л. От Скифии до Камелота. Владикавказ, Прект-Пресс, 2007. 491 с.

418. Локтионова О.С. Методические рекомендации по подготовке школьников к ЕНТ по истории Казахстана Алматы: Институт повышения квалификации, 2005. 99 с.

419. Ломоносов М.В. Древняя российская история // Ломоносов М.В. Полное собрание соченений. Т. VI. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 163-286.

420. Лурье С.Я. Геродот. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 236 с.

421. Лысенко Н.Н. Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э.–II в. н.э. Автореф. дисс… доктора ист. наук. Владикавказ, 2007. 72 с.

422. Любарт М.К. Народы Франции // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / Отв. ред. Н.Н. Грацианская. М.: Наука. 1999. С. 211-249.

423. Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л.: Издательство ЛГУ, 1978. 184 с.

424. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. 416 с.

425. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 570 с.

426. Макговерн Уильям М. Древние империи Центральной Азии. М.: Центрполиграф, 2021. 640 с.

427. Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов.: Азовский краеведческий музей,1998. С. 5-16.

428. Малахов С.Н. Еще раз о «печенежском» происхождении ясов в древнерусском переводе Иосифа Флавия // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2 / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: Ир, 1992. С. 81-85.

429. Малашев В.Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. ИА РАН. М: ТАУС, 2008. С. 265-283.

430. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время». По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 366 с.

431. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 2. С. 47-52.

432. Малашев В.Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): Материалы семинара центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, ВолГУ, 2010. С. 117-132.

433. Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград. 2010. С. 37-56.

434. Малашев В.Ю. Протогородская культура II-IV вв. н.э. и проблема ранней государственности алан Северного Кавказа // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 72-83.

435. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна Маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала: ИП. «Мавраевъ», 2015. 451 с.

436. Малашев. В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.

437. Малашев В.Ю. Звериный стиль аланской культуры Северного Кавказа // «И музою его была наука». Сборник памяти В.А. Кореняко / Отв. ред.

С.В. Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2017. С. 194-214.

438. Малашев В.Ю. Торгоев А.И. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // РА. 2018. № 4. С.36-52.

439. Малашев В.Ю. Маслов В.Е. Курганы-кладбища Центральных и Восточных районов Северного Кавказа III в. до н.э.- начала (первой половины) II в. н.э. памятники типа Чегем-Манаскент // НАВ. 2021. Т. 20. № 2. С. 81-132.

440. Малашев В.Ю., Кривошеев М.В. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III-IV в. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур. Материалы IX Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. М.В. Кривошеев. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 265-281.

441. Малашев В.Ю., Кривошеев М.В. К атрибуции некоторых групп катакомбных памятников юга Восточной Европы второй половины III – начала V века // НАВ. 2024. Т. 23. № 3. С. 52-78.

442. Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. Нальчик: Принт Центр, 2017. 148 с.

443. Марр Н.Я. Термин «скиф» // Избранные работы. Т. V. М.-Л.: ГАИМК, 1936. С. 1-34.

444. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во КГУ, 1996. 336 с.

445. Массон В.М. Экономический и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 196 с.

446. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. 2-е изд. Алматы: Print-S, 2011. 320 с.

447. Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.: Наукова думка, 1994. 95 с.

448. Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. - I в. н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122-132.

449. Мачинский Д.А. «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX-IIV вв. до н.э. // Боспорский феномен. Ч. II / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 101-108.

450. Медведев А.П. Новая книга по сарматологии (А.С. Скрипкин «Сарматы», Волгоград, 2017) // РА. 2019. № 4. С. 195-197.

451. Медведев А.П. Античная «номадология» - знания древних об основных вопросах кочевниковедения // Вестник ВолГУ. 2020. Серия «История, регионоведение, международные отношения». Т. 25. № 4. С. 103-112.

452. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь 1886. С. 258-275.

453. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. II. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 707 с.

454. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1887. 164 с.

455. Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. Кавказо-русские параллели. М.: Тип. Н.Н. Кушнарева, 1892. 86 с.

456. Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. 1951. Вып. 23. С. 293-302.

457. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. 472 с.

458. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: АН СССР, 1963. 266 с.

459. Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1990. С. 159-176.

460. Мищенко Ф.Г. К вопросу о царских скифах // Киевская старина. 1884. № 55. С. 55-56.

461. Мовсесян А.А. Поздние скифы и сарматы в свете данных палеофенетики // Антропология, 2010. № 4. С. 43-49.

462. Молев Е.А. К вопросу о вероятности подчинения Боспора персам // Боспорские исследования. 2016. Вып. XXXV. С. 17-26.

463. Моллаев Т.А. Новый взгляд на историю осетинского народа. История, языкознание, этногенез. Нальчик: Эльбрус, 2010. 108 с.

464. Моргенстьерне Г. Норвежское *ass* и *As* «осетин»? // Вопросы иранской и общей филологии / Отв. ред. Н.Я. Габараев. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 202-213.

465. Мордвинцева В.И. Исторические сарматы и сарматская археологическая культура в Северном Причерноморье // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э.- IV в. н.э.). Вып. I. / Под ред. И.Н. Храпунова. Симферополь, Бахчисарай: Доля, 2013. С. 14-43.

466. Мордвинцева В.И. «Крымская Скифия» и «Позднескифская культура Крыма». Формирование и развитие понятий // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э.- VII в. н.э.): коллективная монография / под редакцией Иванчика А.И. и Мордвинцевой В.И. М., Симферополь: ИП Зуева Т.В. 2017. С. 15-33.

467. Мортимер Уилер. Пламя над Персеполем. М.: Наука, 1972. 144 с.

468. Моруженко А.А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4. С. 25-40.

469. Мошинский А.П. Кавказ и скифы в V-IV вв. до н.э. (по материалам Горной Дигории) // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Науч. ред. Д.В. Журавлев. М.: Исторический музей, 2014. С. 82-93.

470. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. // Памятники скифо-сарматской культуры. / МИА №115. М.: 1962. С. 206-241.

471. Мошкова М.Г. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. 1963.

472. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.

473. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.: Наукова думка, 1990. 86 с.

474. Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В., Симоненко А.В. Политические образования ранних кочевников Восточной Европы по данным археологии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) / Б.р. Киев: Наука, 1991. С. 209-210.

475. Мысыккаты Б. Нартиада и скифский звериный стиль // Nartamongœ. 2021. №№ 1-2. С. 169-187.

476. Мэйор А. Митридат. Отважный воин, блестящий стратег, зловещий отравитель 120-63 гг. до н.э. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.

477. Наглер А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир / Отв. ред. А.В. Исаенко. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 87-91.

478. Nartamongæ. 2017. Т. XII. № 1, 2. 335 с.

479. Нефедкин А.К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2011. 304 с.

480. Нидерле Любор. Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2013. 752 с.

481. Николаев Б. Жизнь и труды Г.В. Вернадского // Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Москва: Аграф; Тверь: Леван, 2000. 446 с.

482. Новичихин А.М. К предыстории скифо-синдских отношений // ВДИ. 2014. № 2 (289). С. 98-108.

483. Ногмов Ш. История адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.

484. Ньоли Г. Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу сопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ: Ир, 2002. 44 с.

485. Обельченко О.В. Курганы древнего Согда. Ташкент: Фпн, 1981. 28 с.

486. Обозрение российских владений за Кавказом. Ч. II. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1836. 401 с.

487. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

488. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части европейских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 300 с.

489. Осетинская этнографическая энциклопедия / Под ред. Л.А. Чибирова. Владикавказ, 2013. 688 с.

490. Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. 319 с.

491. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. 387 с.

492. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов // Элиста, КИГИРАН, 2016. – 286 с.

493. Очир-Горяева М.А. Савроматы и савроматская культура // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. С. 112-113.

494. Пантюхов. И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис: Тип. П.К. Козловского, 1893. 162 с.

495. Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко-Погребова. М.: РОССПЭН, 2003. 760 с.

496. Пастернак Ярослав. Ранні слов’яни в історичних, археологічних та лінгвістичних дослідженнях (Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. 1976. Т. 189). Мюнхен: Logos Verl., 1976. 150 с.

497. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. 400 с.

498. Перевалов С.М. Еще раз о «варварских» фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. V. С. 116-122.

499. Перевалов С.М. Из истории открытия Петербургской рукописи БАН Q 12 с аланскими глоссами // Вестник ВНЦ РАН. 2007. Т. 7. № 1. С. 17-22.

500. Перевалов С.М. Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка // Вестник ВНЦ РАН. 2012. Т. 12. № 4. С. 2-10.

501. Перевалов С.М. Аланы – мираж кочевой империи // Вестник ВНЦ. Т. 14. № 2. 2014. С. 2-9.

502. Перевалов С.М. Секреты скифской непобедимости ab ovo // Скифия: образ и историко-культурное наследие / Под ред. Т.Н. Джаксон и др. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 73-77.

503. Перевалов С.М. «Греко-варварские диалоги в эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца» // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIV / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 203-207.

504. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.

505. Петров М.А. Скифское царство Атея: великая держава или историографический миф? // Скифия: образ и историко-культурное наследие / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 78-83.

506. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки народов России в древнем и раннем средневековье. Учебник для гуманитарных факультетов вузов. М.: Знак, 2004. 416 с.

507. Петрухин В.Я. Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998. 384 с.

508. Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1944. 365 с.

509. Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Курс лекций. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1949. 134 с.

510. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

511. Плетнева С.А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь / Отв. ред. Ю.С. Кукушкин. М.: Наука, 1998. С. 529-537.

512. Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 // Вопросы скифо-сарматской археологии / Под ред. Б.Н. Гракова. М.: АН СССР, 1954. С. 3-38.

513. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992. 260 с.

514. Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.

515. Подосинов А.В. Мог ли Геродот встретиться в Ольвии с Тимном, наместником скифского царя Ариапифа? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. № 18. С. 789-792.

516. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев: НПК «Археолог», 1992. 201 с.

517. Попов А.И. Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973. 170 с.

518. Происхождение осетинского народа / Б.р. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство. 1967. 336 с.

519. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 726 с.

520. Пряхин А.Д. История советской археологии. Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.

521. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии // ВДИ. 2001. №3. С. 86-118.

522. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин (Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV). Тифлис: б.и., 1870. 100 с.

523. Пьянков И.В. Срединная азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 732 с.

524. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Изв. ГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1-8. С. 5-106.

525. Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I-III вв. н.э. на Нижнем Дону. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1979. 17 с.

526. Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 111-125.

527. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.

528. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1985. 256 с.

529. Раевский Д.С. К вопросу об «отложившихся» скифах // ВДИ. 1989. №1. С. 45-65.

530. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.

531. Рахно К. Іранські культурні терміни в українському словнику і топонімії // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2013. Вип. 59. С. 124-130.

532. Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага: Seminarium Kondakovianum, Тип. «Политика», 1930. 42 с.

533. Рерих Ю.Н. Аланские дружины в монгольскую эпоху / Осетия. 1933. Т. VII. №№ 4-6. С. 3-5.

534. Рерих Ю.Н. Избранные труды, М.: Наука, 1967. 570 с.

535. Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999. 368 с.

536. Рерих Ю.Н. Письма. В 2-х т. Т. I (1919–1935). М.: Международный Центр Рерихов, 2002. 352 с.

537. Рид Г. Артур-король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. Владикавказ: Алания, 2005. 360 с.

538. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика / Под ред. А.А. Реформатского. М.: Наука, 1972. С. 9-89.

539. Российская научная эмиграция. 20 портретов / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина. М.: УРСС, 2001. 368 с.

540. Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи: От Августа до Диоклетиана. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1899. 318 с.

541. Ростовцев М.И. Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 224 с.

542. Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1-62, 133-140.

543. Ростовцев М.И. Научное значение истории Боспорского царства. СПб.: Изд-во Брокгауз и Эфрон, 1914а. 16 с.

544. Ростовцев М.И. Курган «Солоха» // Ежемесячный журнал. 1914б. № 1 (Отд. оттиск). 13 с.

545. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. 1-2. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1913-1914в. 125 с.; 556 с.

546. Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Московского археологического общества. 1916. Т. XXV. С. 1-24.

547. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России, Пг.: Огни, 1918а. 190 с.

548. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма (МАР. 1918б. № 37). 102 с.

549. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Гос. издательство, 1925. 621 с.

550. Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // Сборник статей в честь Н.П. Кондакова / Б.р. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С. 239-258.

551. Ростовцев М.И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // Seminarium Kondakovianum. 1928. Т. 1. С. 141-146.

552. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль (Seminarium Kondakovianum. 1929. Т. III). 48 с.

553. Ростовцев М.И. Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов // ВДИ. 1989. №1. С. 192-206.

554. Ростовцев М.И. Skifika. Избранные работы. СПб.: Фарн, 1993. 110 с.

555. Ростовцев М.И. Эллинизм как термин // Парфянский выстрел / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 309-317.

556. Ростовцев М.И. Караванные города. СПб.: Нестор-История, 2010. 216 с.

557. Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России // Иранство и эллинство на юге России. ВДИ. 1990. № 2. С. 192-200.

558. Ростовцев М.И. Политические статьи. СПб.: Наука, 2002. 207 с.

559. Ростовцев М.И. Избранные произведения (Эллинство и иранство на юге России. Иранский конный бог и юг России. Амага и Тиргатао). Владикавказ: Осетия-Полиграфсервис, 2012. 151 с.

560. Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории Северной. Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Владикавказ, 2007. С. 5-60.

561. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

562. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1980. 607 с.

563. Сайкс Перси. История Афганистана. М.: Центрполиграф, 2021. 639 с.

564. Самоквасов Д.И. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава: Тип. М. Земковича, 1878. 272 с.

565. Сарианиди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. М.: Наука, 1984. 159 с.

566. Сачко Г.В. Евразийство и фашизм: история и современность // Вестник Челябинского гос. ун-та. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2009. Вып. 8. С. 5-10.

567. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III Тифлис, 1883. 552 с.

568. Свенцицкая И.С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4. С. 43-61.

569. Седов В.В. Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М.: Наука, 1978.

570. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 145 с.

571. Семенов-Зусер С.А. Родовая организация у скифов Геродота (Известия ГАИМК. 1931. Т. IX. Вып.1. 1931). 34 с.

572. Симоненко А.В. О сарматском завоевании Скифии // НАВ. 2018. Т. 17. № 1. С. 30-32.

573. Сиротенко В.Т. История межд. отношений в Европе во второй половине IV – нач. VI вв. Пермь: Изд. Пермского госуниверситета, 1975. 283 с.

574. Сиротин С.В. Современное состояние исследований в области савроматской культуры // Исторические исследования. 2021. № 16. С. 20-38.

575. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года» (Известия СО НИИ. 1947. Т. XI). 194 с.

576. Скифия и Боспор. Археологический материал к конференции памяти академика М.И. Ростовцева / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. 133 с.

577. (Скифика) ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. СПб.: Фарн, 1993. 110 с.

578. Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН,1997. 624 с.

579. Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Полтава: Археология, 1999. 144 с.

580. Скрипкин А.С. Скрипкин А.С Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. 303 с.

581. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный в качестве дисс… док. ист. наук. М., 1992. 47 с.

582. Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах, 2001. № 7. С. 15-40.

583. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Избранные труды. (К 70-летию автора). Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2010. 370 с.

584. Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.

585. Скрипкин А.С. Яньцай, аорсы, аланы // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 92-98.

586. Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М. ГИМ, 1935. 36 с.

587. Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. 34, 1950. С. 97-114.

588. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

589. Смирнов А.П. Скифы. М.: Наука, 1966. 200 с.

590. Смирнов К.Ф. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П.Д. Либеров. М.: Наука, 1971. С. 188-190.

591. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

592. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., Наука, 1984. 184 с.

593. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / текст М.И. Артамонова. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник, 1966. 120 с.

594. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 180 с.

595. Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия Самарского НЦ РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 538-539.

596. Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. 1940. № 8. С.36-42.

597. Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб.: Гл, упр. Уделов, 1895. 96 с.

598. Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 87-143.

599. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2002. 441 с.

600. Старостин Б.А. Плиний Старший и его "Естественная история" // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 104-110.

601. Станкевіч Ян. Нарысы зь гісторыі Вялікалітвы – Беларусі. Нью-Джэрзі: Крывіцкае (Вялікалітоўскае) Навуковае Таварыства Пранціша Скарыны, 1978. 106 с.

602. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с.

603. Стражный А. Украинский менталитет. Киев: Подолина, 2001. 384 с.

604. Стрижак О.С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії. У пошуках Русі. Київ: Наукова думка, 1991. 224 с.

605. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. М.: Центрполиграф, 2010. 224 с.

606. Тадевосян Т.В. Русские былины и осетинский нартский эпос. Владикавказ: СОИГСИ, 2013. 143 с.

607. Таиров А.Д. Происхождение раннесарматской культуры Южного Урала в отечественной историографии // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 10. С. 83-85.

608. Тайна золотой маски. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже / Отв. Ред. А.М. Бутягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 204 с.

609. Талис Д. Л. Росы в Крыму // СА. 1974. № 3. 1974. С. 87-99.

610. Татар М.М. Средневековые аланы в Венгрии // Nartamongæ. 2017. Vol. XII. № 1-2. С. 58-64.

611. Тельнов П.Н., Четвериков П.А., Синика С.В. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.

612. Тепцов В. По источкам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. 1892. Вып. 14. С. 59-212.

613. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка,1976. 223 с.

614. Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии / Под ред. П.Д. Либерова. М.: Наука, 1971. С. 15-24.

615. Техов Б.В. В.А. Кузнецов – мне друг, но истина дороже // Южная Осетия. 1995 .№ 80 (318).

616. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. Т.VI–VII. С. 60-80.

617. Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // ВИ. 1953. №11. С. 93-96

618. Тихомиров М.Н. Славяне в «Истории России» профессора Вернадского // ВИ. 1946. № 4. С. 124-129.

619. Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М.: ИЭА РАН, 1993. 72 с.

620. Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению.Т.II. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2012. 479 с.

621. Токтабай А.У. Культ коня у казахов. Алматы: КазИздат – КТ, 2004. 124 с.

622. Толстов С.П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // ВИ. 1946. № 4. С. 113-124.

623. Толстов С.П. Города гузов. Историко-этнографический очерк // СЭ. 1947. №3. С. 55-102.

624. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I-II. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщ., 1889. 117 с.

625. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 474 с.

626. Тохтасьев С.В. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / Ed. by V. Cojocaru. Iaşi: Trinitas, 2005. P. 59-108.

627. Тохтасьев С.Р. Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae // Херсонесский сборник. 2005. Вып XIV. С. 291-306.

628. Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском // Боспорский феномен: население, языки, контакты / Под ред. М.Ю. Вахтиной. СПб: Нестор-История, 2011. С. 113-121.

629. Трейстер М.Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э.— III в. н.э.) // МАИАСК. 2018. № 10. С118-208..

630. Трубачёв О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13-29.

631. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

632. Туаллагов А.А. Меч и Фандыр. Артуриана и нартовский эпос. Владикавказ: СОГУ, 2012. 275 с.

633. Туаллагов А.А. Рецензия на книгу: Коробов Д.С. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. М.; СПб. Нестор-История, 2019. 156 с. // Вестник ВНЦ РАН. Т. 20. № 3 С. 80-85.

634. Туганов М.С. К истории осетинского народа. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. 238 с.

635. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

636. Тункина И.В. М.И. Ростовцев на перекрёстке между русской и немецкой классической археологией до Первой мировой войны // Scripta antiqua. 2015. Т. 4. С. 231–262.

637. Узелац Александар. Источна и југоисточна Европа у делу Анонимног тосканског географа // Споменица академика Милоша Благојевића (1930-2012) / Ред. А.С. Родосъавовић. Београд: Фиозофски факултут, 2015. С. 237-248.

638. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.1. М., Директ – Медиа. 2016. 1041 с.

639. Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М., Владимир: АСТ, 2008. 493 с.

640. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М.: ИА РАН, 2011. 381 с.

641. Фаркаш Э. Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. 1992. № 4. С. 195-204.

642. Фармаковский Б.В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 годах. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906. 306 с.

643. Федосеев Н.Ф. Скифы на Боспоре // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2 / Отв. Ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 176-188.

644. Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, 1991. 185 с.

645. Филин Ф.П. Заметка о термине «анты» и о так называемом «антском периоде в древней истории восточных славян» // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статьей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.М. Жирмунского. М.-Л.: Наука, 1964. С. 266-270.

646. Формозов А.А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1. С. 193-200.

647. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2006, 244 с.

648. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. 468 с.

649. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2008. 616 с.

650. Фролов Э.Д. Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3. С. 143-165.

651. Хадикова А.Х. Алано-осетины в советской историографии // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 33. С. 168-184.

652. Хазанов А.М. Золото скифов. М.: «Советский художник». 1975. 144 с.

653. Хазанов А.М. Характерные черты сарматского военного искусства // СА. 1970. № 2. С. 52-63.

654. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138-148.

655. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир // 4-е изд. СПб. Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.

656. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // Аланы: история и культура. Т. III / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 184-258.

657. (Хейердал Т.) Heyerdahl T. Jakten på Odin. På sporet av vår fortid. Oslo: J.M. Stenersens forlag, 2001. 320 s.

658. Хейердал Т., Лиллиемстрем П. В погоне за Одином. По следам нашего прошлого. М.: Менеджер, 2008. 367 с.

659. Хеннинг Ричард. Неведомые земли. Т. III. М.: АН СССР, 1962. 453 с.

660. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Керчь: Керченская гор. тип., 2004. 239 с.

661. Храпунов И.Н. Население Горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. – С. 118-134.

662. Храпунов И.Н. Сарматы в Крыму по данным археологии // Крым в сарматскую эпоху. 2019. Т. V. С. 314-320.

663. Хуссейн Отман А.Х. Киммерийская проблема в российской и украинской археологической науке и пути ее решения. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Воронеж, 2019. 24 с.

664. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Т. I. Владикавказ:Ир, 1971. 239 с.

665. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М.: Наука, 1979. 136 с.

666. Циркин Ю.Б. Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб.: СПбГУ. 2006. 360 с.

667. Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218. 2005. С. 65-84.

668. Чапленко В. Нові знадоби до етногенези слов’ян та інших народів: етимологічні досліди (Наша Батьківщина.1967. Кн. 2. Нью-Йорк). 65 с.

669. Чернявский С.Н. Анты. Загадка исчезнувшего народа. М.: Вече, 2016. 288 с.

670. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи / Под. ред. Г. М. Бонгард-Левина; Академия наук СССР; Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1988. С. 37-57.

671. Черных Л.А., Дараган М.Н. Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка. Киев: Олег Филюк, 2014. 568 с.

672. Чибиров А.Л. Предисловие // Ямаучи Э.М. Недруги с северных границ. Владикавказ: СОИГСИ, 2014. С. 5-14.

673. Чибиров А.Л. Мистический опыт древности и обряд осетинского кувда // Вестник ВНЦ РАН. 2014. Т. 14. № 3. С. 13-19.

674. Чибиров А.Л. Иранство как предчувствие. Владикавказ: СОИГСИ, 2016. 174 с.

675. Чибиров А.Л. Ещё раз об историографии алан-осетин // Интерактивная наука. 2016. №8. С. 18-24

676. Чибиров А.Л. Вопросы взаимоотношений иранских и славянских племён в трудах профессора Г.В. Вернадского. Известия СОИГСИ. Школа молодых учёных. 2015. № 14. С. 97–104.

677. Чибиров А.Л. К 50-летию всесоюзной научной сессии по этногенезу осетинского народа // Вестник ВНЦ РАН, 2017. Т. 17. № 2. С. 22-45.

678. Чибиров А.Л. Скифский язык: современное состояние в разрезе исторических и лингвистических дискуссий // Вестник ВНЦ РАН. 2022. Т. 22. № 4. С. 36-44.

679. Чибиров А.Л. Гарольд Бейли: черкесска для английского рыцаря // Nartamongæ. 2022. № 1-2. С. 202-230.

680. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1976. 280 с.

681. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.

682. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.

683. Чибиров Л.А. Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // Нартоведение в XXI веке. 2015. Вып. 3. С. 84-93.

684. Чибиров Л.А. Ф. Нансен об осетино-скандинавских этнокультурных параллелях // Вестник СОГУ. 2016. № 2. С. 179-183.

685. Чореф М.М. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства // Stratum plus. 2019. № 6. С. 97-116.

686. Чшиев В.Т. Зилгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого шелкового пути // Вестник ВНЦ РАН. 2021. Т. 18. № 1. С. 12-18.

687. Шамелашвили Р. Илья Чавчавадзе о предках осетин // «Фидиуаг». 1964. № 4.

688. Шараф ад-Дин Али Йазли. Зафар-наме. Ташкент: СМИ - Азия, 2008. 485 с.

689. Шаров О.В. Серебряное блюдо с монограммой из погребения с золотой маской в Керчи // Научные ведомости. 2009. №1 (56). С. 31-35.

690. Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о составе боспорской элиты римского периода // Вестник Нижегородского университета. Серия «История». 2018. № 4. С. 79-88.

691. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007. 484 с.

692. Шауб И.Ю. Боги и герои Северного Причерноморья. СПб.: Евразия, 2020. 156 с.

693. Шафарик П.Й. Славянские древности. Т. I. кн. II. М.: Университетская тип., 1847. 448 с.

694. Шевченко О.К. Царский культ на Боспоре в научных разработках М.И. Ростовцева // В.И. Даль и судьбы русской культуры: Мат-лы н-п. конф. / Б.р. Симферополь: ООО ПЦ «Московский мост», 2003. С. 155-163.

695. Шнирельман В.А. «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке». М.: НЛО, 2006. 696 с.

696. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 1. М.: НЛО, 2015. 532 с.

697. Шёгрен А.М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Камболов Т.Т. Владикавказ: СОГУ, 1998. 172 с.

698. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Кн. I–VI). М. Памятники исторической мысли. 2004. 493 с.

699. Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.: Наука, 1975. 185 с.

700. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

701. Щукин М.Б., Шаров О.В. К проблеме финала черняховской культуры // Stratum plus. 2000. №4. С. 369-383.

702. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура) // Филологический факультет СПбГУ. СПб, 2005. 576 с.

703. Элиаде М. Азиатская алхимия. М.: Янус-К, 1998. 604 с.

704. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. 2002. 512 с.

705. Яковенко Э.В. Скіфи Східного Криму в V-III ст. до н.е. Київ: Наукова думка, 1974. 218 с.

706. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М.: Наука, 1982. 311 с.

707. Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. М.: Гриф, 2010, 739 с.

708. Яковенко Э.В. Скіфи Східного Криму в V-III ст. до н.е. Київ: Наукова думка, 1974. 218 с.

709. Яценко С.А. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху / Под ред. А.Ю. Алексеева. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 200-204.

710. Яценко С.А. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.) // Историко-археологический альманах. 1998. Вып. 4. С. 86-95.

711. Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н.э. // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 172–18.

712. Яценко С.А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // Вестник древней истории. 2000. № 4. С. 86-104.

713. Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226-250.

714. Яценко С.А. Об этносе – противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Материалы IX междун. конференции / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2001а. С. 115-117.

715. Яценко С.А. О шаманстве у алано-осетин // Кавказ и кочевой мир. V Минаевские чтения / Ставрополь: СГУ, 2001б. С. 73-75.

716. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы) // Издательская фирма «Восточная литература» РАН. М., 2006. 664 с.

717. Яценко С.А. Донская Алания как кочевая империя // В кн.: Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН. 2008. С. 281–310.

718. Яценко С.А. Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений // Боспорский феномен: население, языки, контакты / Под ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 109-113.

719. Яценко С.А. Этапы и формы антропоморфизации в греко-скифском и скифском искусстве IV в. до н.э. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / Отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: ЛАКИ-ПАК. 2013. С. 216—230.

720. Яценко С.А. Сарматские женщины-воительницы: историографический миф и археологическая реальность // Высшее образования для XXI века: XII международная научная конференция. Доклады и материалы. Секция 7. М.: МосГУ, 2015а. С. 6-15.

721. Яценко С.А. Группы элиты у сарматов (гл. VI) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Коллективная монография / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015б. С. 86-98.

722. Яценко С.А. О планировке элитарных некрополей и элитарных участков в некрополях ранних кочевников Степи // МАИАСК. 2016. № 8. С. 46-67.

723. Яценко С.А. «Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии» // Stratum plus. 2018. № 6. С. 217-242.

724. Яценко С.А. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I-IV // Stratum plus. 2019. № 4. С. 235-256.

725. Яценко С.А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I – IV вв. н.э. // Археологическое наследие. 2020. Вып. 1. С. 409-420.

726. Яценко С.А. Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ Степи // Новый Гермес. 2021. № 13/4. С. 176-212.

727. Яценко С.А. Боги сарматов // МАИАСП. 2022. № S1. Прим. 2. С. 143-173.

728. Яценко С.А. «Скифы» Лукиана: этнос и эпоха // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке / Отв. ред. М.Т. Кашуба, М.В. Медведева, Е.О. Стоянов. СПб., ИИМК РАН, 2024. С. 133-135.

729. Яценко С.А. Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Әлэм. 2020. 216 с.

730. Яценко С.А., Вдовченков В.Е. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание. Умение. Понимание. 2015. № 1. С. 173-174 (171-182).

731. Яценко С.А., Смагулов Е.А., Рогожинский А.Е., Табалдиев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 141-158.

732. Яценко С.А. Тамги сарматов, среднеазиатских хуна и хунну // МАИАСП. 2024. № 16. С. 480-500.

733. ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А.Дзиццойты: Коллективная монография (Москва, 2021 – Цхинвал, 2021).

Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Скаков, И.В. Скакова. М.: ИВ РАН, 2021. 206 с.

734. Altheim F., R. Stiehl. *Die Araber in der Alten Welt.* Bd. I–IV. Berlin: Walter de Gruyter und Co., 1969. 686 S.

735. Bachrach B.S. *History of the Alans in the West*. Minneapolis: University of Minnesota press. 1973. 180 p.

736. Bakker H. *Huns in the Central and South Asia: a Timeline* // Hunnic Peoples in the Central and South Asia. Sources for Their Origin and History / Ed. by D. Balogh. Groningen: Barkhuis, 2020. P. XV-XVIII.

737. Baschmakoff. A. *Cinquante siècles d'évolution ethnique autour de la Mer Noire.* Paris: Geuthner, 1937. 177 p.

738. Bleichsteiner R. *Das Volk der Alanen* // Berichte des Forschungsinstitutes Osten und Orient 2018. T. II.

739. Boardman J. *The Grek Overseas.* London: Penguin Books, 1964. 288 p.

740. Borjian M., Borjian H. *Ethno-Linguistic Materials from Rural Mazandaran* // Iran and the Caucasus. 2011. Vol. 11. P. 319-323.

741. Borovka G.I. *Scythian Art.* London: Ernest Benn, Ltd., 1928. 111 p.

742. Bosworth, Clifford Edmund. *"Sīstān"* / The Encyclopedia of Islam, New Edition, Vol. IX: San–Sze. Leiden, and New York: BRILL, 1997. P. 681–685.

743. Cynarski S. *The Shape of Sarmatian Ideology in Poland* // Acta Poloniae Historica. 1968. Vol. 19. P. 5–17.

744. Chantre E. *Recherches anthropologiques dans le Caucase*. T. 1-4. Paris: Ch. Reinwald, Librare; Lion: Henri Georg, Librare, 1887.

745. Charpentier J. *Die etnographische Stelhing der Tocharer* // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1917. Bd. 71). 363 S.

746. Decei A. *Relaţii Româno-Orientale*. Bucureşti: Oradea Univ., 1970. 335 p.

747. Dubois de Montpereux F. *Voyage autor du Caucase.* T. IV. Paris : Librairie de Gide, 1840. 562 p.

748. Dumezil G. *Legendes sur les Nartes.* Paris: Honoré Champion, 1930. 213 p.

749. Ebert M. *Südrussland im Altertum.* Mit 145 Abbildungen im Text. // Bonn, Leipzig: Kurt Schroeder. 1921. xiii, 436 S. (Bücherei der Kultur und Geschichte. Bd 12).

750. Engberg S., Lubotsky A. *Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: A Preliminary Report* // Nartamongæ. 2013. Vol. II. № 1-2. P. 41-46.

751. Essays in Russian History: a Collection Dedicated to George Vernadsky / Ed. by Alan D. Ferguson and Alfred Levin Hardcover. Dallas: Archon Books, 1964. 317 p.

752. Gajdukevic V.F. *Das Bosporanische Reich. Berlin,* Amsterdam, 1971. 692 S.

753. Golden P. *A Timurid Persian Geographical Abridgement on the Lands of the Northern Mediterranean and Black Coasts: Between the Danube and the Caucasus.* Budapest: Akadémiai Kiadó,1987. P.63-83.

754. Hanbook of oriental studies Central Asia Sources on the alans. A Critical Compilation by Agusti Alemany. Leiden: BRILL, 2000. 608 p.

755. Harmatta J. *Studies in the Language of the Iranian tribes in South Russia* // Acta Orientalia Academiae Scientaris Hungaricae. 1952. Vol. 1. P. 261-314.

756. Harmatta J. *Studies in the History and Language of the Sarmatians.* Szeged: W. p., 1970. 132 p.

757. Hübschmann H. *Etymologie und Lautlehre, der Ossetischen Sprache.* Strassburg: Karl Trübner.1887. 151 p.

758. Istvanovits E, Kulcsar V. *Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People.* Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2017. 501 p.

759. Ivanov, S.A., Lubotsky, A.M. *An Alanic marginal note and the exact date of John II's battle with the Pechenegs* // Byzantinische Zeitschrift. 2011. 103/2. P. 595-603.

760. Kalmykow A. *Iranians and Slavs in South Russia* // Journal of the American Oriental Society. 1925. Vol. 45. P. 68-71.

761. Macnchen-Helfen O.J. *The world of the Huns*: Berkley, Los Angeles: Berkly Univ. Press, 1973. 602 p.

762. Kazanski M. *Un témoignage de la présence des Alano-Sarmates en Gaule: la sépulture de la Fosse Jean-Fat à Reims* // Archéologie Médiévale XVI, 1986, P. 26-32.

763. Kazanski M., Mastykova A. *A propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or* // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII). Balance y Perspectivas (BAR International Series, 1534). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. P. 289-305.

764. Kieseritzky G., Watzinger C. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland.* Berlin: Reimer, 1909. 148 S.

765. Kim R.I. *Alexander Lubotsky, Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript (Veröffentlichungen zur Iranistik. Bd. 76. Grammatica Iranica, 2.) Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015* // Folia Orientalia. 2018. Vol. LV. P. 431-435.

766. Klaprot J. *«Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossétes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen âge»* // «Nouvelles Annales des Voyages, de la géographie et de 18 histoire». 1822. Vol.16. P. 243-356.

767. Lubotsky A. *Scythian elements in Old Iranian* // Indo-Iranian Languages and Peoples (Centennial Bailey) / Ed. by N. Sims-Williams (Proceedings of the British Academy. Vol. 116). London, 2002. P. 189-202.

768. Lubotsky A. *Alanic marginal notes in a Greek liturgical manuscript.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse, no. 859), 2015. 99 p.

769. Lubotsky A. *The Old Persian month name viyax(a)na-, Avestan viiāx(a)na- 'eloquent, bragging' and Ossetic festivals* // Nartamongæ. 2017. T. XII. № 1-2. С. 36-46.

770. Marquart. J. *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xoranac'i: Mit Historisch-Kritischen Kommentar Und Historischen Und Topographischen Excursen.* Berlin: Weidmann, 1901. 372 S.

771. Michael Rostovtzeff and the Triunity of Classical Studies: history, archaeology, philology (Hyperboreus, Studia classica. Petropoli, Bibliotheca Classica Petropolitana. Vol. 27. Fasc. 1.). München: Verlag C.H. Beck., 2021. 177 p.

772. Miller V. *Die Sprache der Osseten.* Strassburg: De Gruyter Mouton, 1903. 134 S.

773. Minns E.H. *Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus.* Cambridge: Cambidge Univ. Press, 1913. 720 p.

774. Momigliano A. *Studies in Historiographe*. London: Weidenfield and Nicolson, 1966. 264 p.

775. Müllenhoff K. *Deutsche Altertumskunde.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1892. 352 S.

776. Nansen F. *Gjennem Kaukasus til Volga.* Oslo, 1923. 162 p.

777. Nansen F. *Throuth the Caucasus to the Volga.* New York: W.W. Norton & Company, 1931. 255 p.

778. Nostradamus. *The Complete Prophecies in French and English.* Zem Books. 2018. 278 p.

779. Olrik Axel. *Ragnarok: Die Sagen yom Weltuntergang*. Oslo, 1922. 484 p.

780. Pósta B. *Régészeti tanulmányok az oroszföldön – Archaeologische Studien auf russischem Boden (Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy)*. Budapest: V. Hornyánszky; Leipzig: K.W. Hierseman, 1905. 599 S.

781. Potocki J. *L'histoire Initiale des Peuples Russes avec une Exposition Complete de Toutes les Notions, Locales, Nationales et Traditionelles, Nesessaries a l'Intelligence du Quatrieme Livre d'Herodote.* St. Petersbourg: Imprime a d'Academie Imperiale des Sciences, 1802. 230 p.

782. Potocki J. *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrérs. Nouveau périple du Pont-Euxin* // Par le Comte Jean Potocki. Paris: Merlin, Llibraire, 1829. T.I. 359 p.; T. II. 416 p.

783. Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR. International Series, 278). Oxford: BAR, 1986. 224 p.

784. Rangnow R. *Im Land des schwarzen Windes Unter kosaken und Kaukasien.* Braunschweig: Verlad Gustav Wenze Sohn, 1941. 216 S.

785. Reinhold M. *History of purple as a status symbol in antiquity* (Coll. Latomus. Vol. CXVI). Bruxelles: Latomus, 1970. 75 p.

786. Roerich G. *Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet.* Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930. 47 p.

787. Rolle R. *The World of Scythians*. London: B.T. Batsford, 1989. 141 p.

788. Rostovceff M. *Iranians and Greeksin South Pussia.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1922. – 370 p.

789. Rostovtzeff M. *Une Trouvaille de I'époque sarmate de Kerch au Louvre et au musée de Saint-Germain* // Monuments Piot. 1923. T. 26. P. 99-163.

790. Rostovtzeff M. *L'art gréco-sarmate et I'art chinois de l'epoqe des Han* // Aréthuse 1924. T.1. P. 81-93.

791. Rostovtzeff M. *The Animal Style in South Russia and China.* Prinseton: Princeton Univ. Press, 1929. 112 p.

792. Rostovtzeff M. *The Sarmatae and Parthians* // Cambridge Ancient History. 1936. T. 11. Chapter 3. P. 157-307.

793. Rostovtzeff M. *The social and economic history of the Hellenistic Word.* Vols. 1-3. Oxford: Clarendon Press, 1941.

794. Saint-Martin de V. *Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase.* Paris, 1847. 216 p.

795. Scott Littleton C., Thomas A.C. *The Sarmatian Connection: New Light on the Origin of the Arthurian and Holy Grail Legends* // The Journal of American Folklore. 1978. Vol. 91. No 359. P. 513-527.

796. Schmoeckel R. *Sarmaten: Unbekannte Väter Europas: Ein neuer Blick auf die Frühgeschichte unseres Kontinent.* Bonn: Books on Demand, 2016. 128 S.

797. Vernadsky G. *On the Origins of the Antae* // Journal of the American Oriental Society. 1939. Vol. 59. No 1. P. 56-66.

798. Vernadsky G. *Flavius Ardabur Aspar* // Stüdost-Forschungen. 1941. VI. S. 38-73.

799. Vernadsky G. *Ancient Russia.* New Haven: Yele Univ. Press, 1943. 425 p.

800. Vernadsky G. *Sur l'Origine des Alains* // Byzantion. 1944. T. XVI. I. P. 315-328.

801. Vernadsky G. *Svantovit, dieu des Slaves Baltiques* // Annuiare de'Institut de Philologie et d'historie Orientales et Slaves. 1944. Tome VII (1939-44). P. 339-356.

802. Vernadsky G. *Note on the name 'antes'* // Journal of the American Oriental Society, 1953. Vol. 73. No. 3. P. 192-203.

803. Vernadsky G., Dzambolat D. *The Ossetian tale of Iry Dada and Mstislav* // The Journal of American Folklore. 1956. Vol. 69. No 273 (Slavic Folclore: A Symposium). P. 216-235.

804. Vernadsky G. *Note on the Origin of the Word Tamga //* Journal of the American Oriental Society. 1956. Vol. 76. No. 3. P. 188-189.

805. Vernadsky G. *Toxar, t'ma, T'mutorokan* // For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Sixties Birthday / Ed. by M. Halle. The Hague: Mouton, 1956. P. 588-591.

806. Vernadsky G. *Origins of Russia.* Oxford: Clarendon Press, 1959. 378 p.

807. Vernadsky G. *Problems of Ossetic and Russian Epos* // The American Slavic and East European review. 1959. Vol. 18. No. 3. P. 281-294.

808. Vernadsky G. *Eurasian Nomads and their Impact on medieval Europe* // Studi Medievali. 1963. 3 td ser. Vol. IV 421.

809. Vernadsky G. *Sur l'Origine des Alains* // Byzantion. 1944. T. XVI. I.

810. Vernadsky G. *The Eurasian Nomads and their impact on medieval Europe (A Reconsideration of the Problem)* // Studi Medievali. Serie Terza. 1963. T. IV. P. 401-434.

811. Virchov R. *Das gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus.* Berlin, 1883. 157 p.

812. Wes M.A. *Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context (Historia. Einzelschriften. 1990. Heft LXV).* Stuttgatdt: Franz Steiner, 1990. 136 p.

813. Yatsenko S.A. *Colour Combinations in the Costume of Three Pre-Islamic Dynasties of Iran against the Background of the Synchronous Iranian World* // 7 ICAANE. Proceedings of the 7th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / Ed. by R. Matthews and J. Curtis. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 315-333.